

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

*Серия «Ярославская юридическая школа
начала XXI века»*

А. М. Лушников, М. В. Лушникова

**Российская школа трудового права
и права социального обеспечения:
портреты на фоне времени
(сравнительно-правовое исследование)**

Том 1

Монография

Ярославль 2010

УДК 349.2+349.3
ББК X 627
Л 87

Серия основана в 2000 году

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2009/10 года*

Рецензенты:

К. Н. Гусов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
кафедра трудового права и права социального обеспечения
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Лушников, А. М. Российская школа трудового права
и права социального обеспечения: портреты на фоне вре-
мени (сравнительно-правовое исследование): моногра-
фия: В 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова; Яросл.
Л 87 гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. –
Т. 1. – 563 с. (Серия «Ярославская юридическая школа
начала XXI века»)

ISBN 978-5-8397-0731-3

Настоящая монография представляет собой первое комплексное исследование истории отечественной науки трудового права и права социального обеспечения через научные биографии ее наиболее видных представителей. Данный процесс рассмотрен в контексте развития данных наук в странах Запада.

Для специалистов в области трудового права и права социального обеспечения, истории государства и права России, сравнительного правоведения.

УДК 349.2+349.3
ББК X 627

© Ярославский
государственный
университет
им. П. Г. Демидова, 2010

ISBN 978-5-8397-0731-3

К читателю

В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли...

*В. О. Ключевский (1841–1911),
русский историк*

Понятие «школа», в том числе в применении к праву, является неоднозначным. Во-первых, понимаются направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа права). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода обоснованы, а существование российской школы трудового права несомненно. В-третьих, научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. В этом смысле говорят, например, о московской, петербургской, ярославской, уральской, сибирской школах. Именно в этом контексте мы можем констатировать существование региональных школ трудового права в рамках единой российской школы трудового права.

Такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента: 1) личностный (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.); 2) материальный (материальная база учебного процесса); 3) социокультурный (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение). Все эти компоненты в различных городах и регионах России имели существенные отличия, а в некоторых из них даже являлись уникальными.

При этом нет основания причислять конкретного ученого непременно и только к определенной региональной школе трудового права. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в 2–3, а иногда и более вузах. Например, Ярославль в силу ряда специфических причин, о которых будет сказано в соответствующем разделе данной книги, а также ге-

ографической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Некоторых ученых можно причислить сразу к нескольким региональным школам трудового права, например московской, петербургской, ярославской, уральской. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятие в такой трактовке «школы трудового права и права социального обеспечения», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

В то же время все ученые-трудовики России принадлежали и принадлежат к единой школе. Помимо очевидной научно-педагогической, языковой, ментальной, нормативно-правовой близости, представителей российской школы трудового права объединяет общность исторической судьбы и тесное персональное пересечение ее представителей. Так, Л. С. Таль, являвшийся основателем российской науки трудового права, обоснованно считается основателем и трех ведущих российских школ трудового права – московской, Санкт-Петербургской и Ярославской. К тому же в науке трудового права никогда не было острого противостояния региональных школ трудового права и права социального обеспечения. Подчеркнем, что «научное районирование» в трудовом праве никогда не было связано с административно-территориальным и национальным делением. Не отрицая особенностей развития науки трудового права в бывших союзных республиках, мы не склонны специально выделять, например, украинскую, белорусскую или казахскую школы. В этом плане трудовики Украины кооперировались преимущественно с московскими учеными, причем это сотрудничество было взаимовыгодным. Достаточно сказать, что А. Е. Пашерстник, начинавший свою научную и педагогическую деятельность на Украине, стал основателем одного из ведущих направлений московской школы трудового права. При этом значительную роль в развитии науки трудового права на Украине сыграл выпускник Петербургского университета, затем профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле В. М. Гордон. Ученые Белоруссии более тесно контактировали с представителями ярославской и московской школ, а Казах-

стана – с ленинградской (петербургской) школой. Следовательно, у нас есть все основания анализировать развитие относительно однородной российской (дореволюционной, советской и постсоветской) школы трудового права. Этот анализ осуществлен через изучение развития региональных ответвлений общероссийской школы, прежде всего московской, петербургской (ленинградской), ярославской, уральской (свердловской (екатеринбургской)), сибирской (омской и томской), пермской, казанской школ трудового права и права социального обеспечения.

При всей важности отнесения ученых к той или иной школе для нас более насущным является создание «коллективной биографии» (просопографии) российских ученых-трудовиков. Это научное направление относительно новое для российской науки, хотя достаточно распространено на Западе (В. Шредер, Х. Нимейер и др.). Просопография понимается как «эмпирическое исследование коллектива личностей в его общественном контексте с помощью индивидуальных биографий членов этого коллектива». Исходным в этом смысле является утверждение о том, что отдельный человек, тем более ученый, своеобразен и в то же время универсален, определяется не только с индивидуальной, но и с общественной точек зрения. В этой связи мы видим своей задачей создание такой «коллективной биографии», которая бы давала характеристику не только всем ученым-трудовикам и не каждому в отдельности. Напротив, надо показать, как биография каждого отразилась в биографии поколения, а коллективная судьба и исторический контекст выразились в жизненном пути и научном наследии каждого.

Ниже будут приведены биографические данные и представлена характеристика научного наследия отечественных ученых, которые стояли у истоков науки трудового права и права социального обеспечения, а также внесли существенный вклад в ее развитие. Их именами, естественно, не может быть исчерпан этот список. Но именно эти авторы вложили в разработку отраслевой теории наибольший вклад, создали самобытную школу российско-го трудового права и права социального обеспечения. Биографии видных отечественных юристов не только интересны и поучительны сами по себе. В некоторой степени они помогают лучше понять научное наследие наших ученых. Как писал известный

историк академик Л. В. Черепнин: «Интерес к биографии большого человека, к его жизненному пути – это не проявление праздного любопытства и даже не результат простой любознательности. Биография в ряде случаев дает ключ к пониманию творчества»¹. При анализе научного наследия основное внимание уделялось работам, посвященным теоретическим проблемам трудового права. И это не случайно. Как отмечал известный австрийский экономист и историк науки Й. Шумпетер, «состояние любой науки в данный момент времени в скрытом виде содержит ее историю и не может быть удовлетворительно изложено, если это скрытое присутствие не сделать открытым»².

Надо отметить, что все персонажи этой книги были людьми неординарными, яркими, талантливыми. Между тем талантливые и яркие личности всегда сталкиваются с проблемами самореализации, редко вписываются в обыденный контекст бытия. В этой связи можно вспомнить слова немецкого писателя Т. Манна: «Вообще говоря, талант очень сложное, трудное понятие, и дело здесь не столько в способностях человека, сколько в том, что представляет собой человек как личность. Вот почему можно сказать, что талант есть способность обрести собственную судьбу». Для России это весьма актуально, особенно для первой половины XX в. Наконец, знание биографий и научного наследия своих предшественников является предпосылкой для научного роста современных исследователей и даже своеобразным моральным требованием. Отечественный теоретик права Н. М. Коркунов по этому поводу писал: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»³.

Досоветский период представлен преимущественно докторами наук и магистрами, реже специалистами без ученых степеней, но занимавшими высокое место в служебной иерархии. Часть из них не успели по обстоятельствам общего (войны, революции и

---

¹ Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 4.

² Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки. Вып. 1. М., 1989. С. 249.

³ Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 232.

др.) или личного характера (краткий жизненный путь, переход на государственную службу или загруженность общественной работой и др.) формализовать свои научные достижения. Это касается для данного периода не только юристов, но и экономистов, инженеров, врачей и других специалистов, занимавшихся проблемами трудового права и права социального обеспечения. Советский период представлен докторами наук, а некоторое исключение сделано только для ученых первой половины XX в., задержавшихся в научном росте в силу объективных причин (войны, политические репрессии и др.). Все они уже практически исключительно юристы, в том числе оставившие след в развитии других отраслевых юридических наук и общей теории права. Биографические очерки о некоторых российских и советских ученых, занимавшихся проблемами трудового права в конце XIX–XX вв., публиковались нами ранее⁴.

---

⁴ См.: Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1 / Под ред. А. М. Лушников и М. В. Лушниковой. Ярославль, 2006; Гусов К. Н., Лушников А. М. История кафедры трудового права и права социального обеспечения МГЮА // *Lex Russica*. 2006. № 6. С. 1089–1105; Куренной А., Лушников А. Кафедра трудового права МГУ им. М. В. Ломоносова: вчера и сегодня // *Вопросы трудового права*. 2006. № 4. С. 50–57; Куренной А. М., Лушников А. М. Кафедра трудового права МГУ им. М. В. Ломоносова // К столетию со дня рождения Н. Г. Александрова: Сб. М., 2008. С. 137–148; Лушников А. М. Генезис науки трудового права и науки права социального обеспечения в России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003; Лушников А. М. Право социального обеспечения в России: историко-правовой экскурс // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2004. № 5. С. 61–68; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2001. С. 134–150; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2004 (2-е изд., 2009); Лушникова М. В., Лушников А. М. Истоки науки права социального обеспечения в России: историографический обзор // Правовое регулирование социальной защиты населения: проблемы теории, истории и практики: Сб. Омск, 2003. С. 3–8; Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2008. С. 583–598 (2-е изд., 2009); Лушникова М. В., Лушников А. М. Формирование российской модели социального страхования работников // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. в области трудового права и

Для данного издания они уточнены, а в некоторых случаях исправлены. Приведен анализ биографии и научного творчества практически всех представителей отечественной школы трудового права и права социального обеспечения, завершивших свой жизненный путь. Исключение сделано для ныне здравствующих основателей новых региональных школ трудового права: томской, казанской и пермской (соответственно профессоров В. М. Лебедева, А. К. Безиной, Л. Ю. Бугрова). Это касается также представителей ярославской школы трудового права.

Исследование носит сравнительно-правовой характер, что выражается в двух аспектах. Во-первых, это диахронное (реже синхронное) сравнение жизненного пути и научного наследия отечественных ученых. Оно позволяет рассмотреть эволюцию профессиональной деятельности и теоретических воззрений исследователей проблем трудового права и права социального обеспечения. Во-вторых, проводится синхронное сравнение развития науки в нашей стране и на Западе через исследования и биографии ее наиболее ярких представителей. При этом материалы первой главы, посвященной ученым стран Запада, имеют относительно самостоятельный, но все-таки подчиненный характер. Они позволяют соотнести исследования трудово-правовой и социально-обеспечительной проблематики в российской науке и науке стран Запада.

Авторы книги постарались быть максимально беспристрастными, но это оказалось крайне сложно. Мы надеемся, что наше пристрастие было обусловлено только вкладом конкретного ученого в развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения. Вместе с тем наше повествование идет о событиях не столь давних и о людях, с некоторыми из которых мы были лично знакомы. Поэтому авторы далеки от полной отстраненности и равнодушия к персонажам данной книги, присущей пушкинскому дьяку из «Бориса Годунова», который «Спокойно зрит на правых и неправых, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева». Напротив, эта книга достаточно личная. Она представляет собой не только анализ жизненного пути и творчества видных

права социального обеспечения. М., 2003. С. 105–109; Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 99–111 и др.

ученых, но и дань благодарности людям, которые сформировали и развивали важнейшее направление правовой мысли. Однако это не предполагает написание «жития праведников от науки» или парадных портретов. В книге специально дан подзаголовок «портреты на фоне времени». Ученые хотя и были интеллектуальной элитой общества, но при этом оставались детьми своей страны и своего времени со всеми вытекающими отсюда привлекательными и не очень черта ми. Впрочем, мы не склонны разбирать все изгибы личной жизни наших персонажей, но будем касаться их в тех случаях, когда они повлияли на научное творчество.

Данное исследование подготовлено по материалам Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива РФ (ГА РФ), Государственного архива Ярославской области (ГА ЯО), архивов кадровых служб вузов (МГУ, СПбГУ, МГЮА, ЯрГУ и др.), научных учреждений (ИЗиСП (бывший ВНИИСЗ), ИГП РАН и др.), а также отдельных публикаций биографического характера⁵. Некотором подспорьем для авторов явились биографические сборники профессоров и преподавателей, составленные по отдельным вузам⁶. Сведения о части ученых достаточно

⁵ См.: Антология юридического некролога / Сост. В. М. Баранов и др. Нижний Новгород, 2005; Видные ученые-юристы России (Вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В. М. Сырых. М., 2006; Емельянов В. Б., Куликов В. В. Русские мыслители второй половины XIX – начала XX века: Опыт краткого биографического словаря. Екатеринбург, 1996; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX века: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007; Шилов О. Ю. Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в.: Краткий библиографический словарь. М., 2005 и др.

⁶ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Святого Владимира / Под ред. В. С. Иконникова. Киев, 1884; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования. 1869–1894: В 2 т. СПб., 1896–1898; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 100 лет его существования (1802–1902): В 2 т. / Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1903; Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль, 2008; Казань

противоречивы, в связи с чем мы опирались преимущественно на архивные данные, в необходимых случаях проводили сравнительный анализ или фронтальное исследование всего фактологического массива.

Авторы выражают глубокую признательность докторам юридических наук, профессорам К. Н. Гусову, С. Ю. Головиной и Л. Ю. Бугрову за помощь, оказанную при написании этой работы. При ее подготовке были использованы материалы бесед с ведущими отечественными учеными-трудовиками, которых ныне уже нет с нами. Это доктора юридических наук, профессора С. А. Иванов, И. Я. Киселев, М. В. Молодцов, В. Н. Скобелкин, А. И. Ставцева, В. Н. Толкунова.

В работе использованы материалы личных архивов видных отечественных ученых. С согласия Валентина Иосифовича Войтинского мы получили некоторые материалы личного архива его отца Иосифа Савельевича Войтинского. С согласия Нины Анатольевны Каринской нам была передана часть архива ее мужа Сергея Сергеевича Каринского. По договоренности с Валерией Константиновной Хазанкиной для нас стал доступен архив ее мужа Игоря Яковлевича Киселева. Помощь в подборе литературы на иностранных языках была оказана ассистентами юридического факультета Ярославского государственного университета, кандидатами юридических наук Д. А. Смирновым и А. В. Вошатко. Приятно отметить, что помощь в сборе материалов для книги имела до известной степени интернациональный характер. В этом нам оказали содействие белорусские ученые, кандидаты юридических наук, доценты К. Л. Томашевский и К. К. Уржинский, украинские ученые, кандидаты юридических наук, доценты О. М. Дуюнова и К. О. Савчук, а также литовский ученый, доктор юридических наук, доцент Д. Петрилайте. Всем им авторы выражают свою искреннюю благодарность.

ский университет. 1804–2004: Биобиблиографический словарь / Под ред. Г. Н. Вульфсон. Казань, 2004; Профессора МГУ. 1755–2004: Биографический словарь: В 2 т. М., 2005; Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009 и др.

Вместо введения: краткий очерк развития российской науки трудового права и права социального обеспечения

История человечества – в основном
история идей.

*Г. Д. Уэллс (1866–1946), английский
писатель-фантаст*

Можно дать следующую периодизацию развития науки трудового права и науки права социального обеспечения:

1. Генезис российской науки трудового права и науки права социального обеспечения (конец XIX – начало XX в.).

2. Советский период развития науки трудового права и науки права социального обеспечения.

3. Постсоветский период развития науки трудового права и науки права социального обеспечения.

Очевидно, что в рамках этих периодов возможна и более подробная периодизация, о которой будет сказано ниже. Вышепредложенной периодизации мы будем придерживаться при дальнейшем изложении материала.

Генезис российской науки трудового права и науки права социального обеспечения (конец XIX – начало XX в.). Возникновение науки трудового права и науки права социального обеспечения связано с обоснованием труда как особого объекта правового регулирования, который не укладывается в рамки гражданско-правовой конструкции найма труда, ибо в принципе отличается от любого другого объекта гражданского права. Необходимость социальной поддержки лиц, еще или уже не способных к труду, стала импульсом к разработке социально-обеспечительной проблематики.

Отдельные проблемы правового регулирования отношений между работодателями и работниками достаточно отчетливо проявились уже в первой половине XIX в., но говорить о становлении науки трудового права в России ранее 80-х гг. XIX в. не приходится. Более того, в конце прошлого века шло количе-

ственное накопление обобщений и комментариев законодательства и правоприменительной практики. Качественный уровень, связанный с определением предмета, метода, принципов, выделением основных институтов трудового права, проявился уже скорее в исследованиях начала XX в. Практически параллельно и в значительной степени теми же учеными начали изучаться проблемы социального страхования и социального призрения, ставшие центральными для формирующейся науки права социального обеспечения. Отметим, что названные направления до 60-х гг. XX в. в отечественной науке изучались в рамках трудового права.

На рубеже XIX–XX вв. в России четко обозначились и активно проявили себя предпосылки формирования науки трудового права, а в ее рамках – и науки права социального обеспечения. Они были связаны с бурным развитием капиталистических отношений, обострением «рабочего вопроса», расширением рынка наемного труда после отмены крепостного права, своеобразным «социальным заказом» политического режима на разработку соответствующего законодательства, появление которого, в свою очередь, стимулировало научный интерес к правовому регулированию труда. Определенная зрелость общественных отношений и достаточно высокий уровень развития гуманитарных, в том числе юридических, наук, привели к тому, что уже в применении к началу XX в. мы можем говорить о существовании новой для России юридической науки. Определенное стимулирующее влияние на развитие трудового права оказала и великая русская литература, обличавшая бесправное положение рабочих и вызывавшая к гуманизму власть предрержащих. Достаточно вспомнить такие произведения, как «Молох» А. И. Куприна, «Случай из практики» А. П. Чехова, «Фому Гордеева» А. М. Горького, «Приваловские миллионы» Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Впрочем, этот сюжет достоин отдельного исследования. Примечательно, что, начиная с первого официального справочного издания, подготовленного чиновником Министерства финансов *Леопольдом Николаевичем Нисселовичем*⁷, многие работы по фабричному за-

---

⁷ См.: Нисселович Л. Н. История заводско-фабричного законодательства в Российской империи. Ч. 1–2. СПб., 1883–1884.

конодательству всецело или в значительной части посвящались историческому аспекту проблемы⁸.

Первые попытки неофициальной инкорпорации фабричного законодательства были предприняты отечественными учеными и практиками в конце XIX – начале XX в.⁹ При этом первым относительно обширным сборником русских фабричных законов явилось издание, подготовленное комиссией под руководством *М. А. Саблина* (1842–1898), а затем *Антон Антоновича Плансона* (1824–1914)¹⁰. Но достаточно полномасштабная официальная тематическая инкорпорация фабричного законодательства была проведена только в 1913 г.¹¹ Начальник отделения Промышленного труда Министерства торговли и промышленности *Владимир Вильямович Громан* так обосновывал ее проведение: «Разбросанность положений о найме рабочих по отдельным статьям Свода законов и затруднительность, благодаря этому, пользоваться сими законоположениями, к тому же весьма часто затерянными среди постановлений, к вопросу о найме рабочих ни

⁸ См.: Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России: В 2 т. СПб., 1909; Балицкий Г. Ф. Фабричное законодательство в России. М., 1906; Репьев С. П. Краткий очерк фабричного законодательства в России. Казань, 1914; Тютрюмова Р. А. Фабричное законодательство в России. М., 1908 и др.

⁹ Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков: Полный сборник узаконений о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, о фабричной инспекции, о надзоре за заведениями фабрично-заводскими / Сост. А. И. Кобеляцкий. СПб., 1898; Последние новейшие узаконения о фабрикантах и рабочих и распределении рабочего времени на 1 января 1898 г. / Сост. А. Е. Гернак. М., 1898; Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности / Сост. Л. С. Элияссон. СПб., 1908; Законы о личном найме с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я. А. Канторович. СПб., б. г.; Фабричные законы: Сб. законов, распоряжений и разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства / Сост. М. Балабанов. СПб., 1909 и др.

¹⁰ См.: Сборник русских фабричных законов / Под ред. М. А. Саблина. Ч. 1–2. СПб., 1885; Полное собрание новых законоположений о найме рабочих на сельские работы, на фабрики, на заводы, а также I. О договорах между нанимателями и рабочими... / Сост. А. А. Плансон. СПб., 1886.

¹¹ См.: Устав о промышленном труде // СЗ РИ. Т. XI. Ч. II.

прямого, ни косвенного отношения не имеющих, побудили Государственную канцелярию выделить упомянутые узаконения и объединить их в особый Устав о промышленном труде ...»¹². Устав о промышленном труде (УПТ) в целом достаточно высоко оценивается даже современными учеными¹³. Его вполне обоснованно можно считать прообразом будущих российских кодексов законов о труде и своеобразным каркасом всего будущего трудового законодательства, т. к. он содержал зачатки практически всех основных институтов трудового права. Отметим, что это был первый в мире акт подобного рода¹⁴.

Формирование науки права социального обеспечения осуществлялось в начале в основном в рамках науки полицейского (административного) права и гражданского права, а затем с появлением страхования рабочих – в рамках зарождающейся науки трудового права. Оно представляло собой постепенный, сложный и многоуровневый процесс, на который оказывали влияние большое количество разнородных факторов. Естественно, что сама наука могла сформироваться только после того, как более или менее четко обозначился ее предмет, а именно отношения, связанные с социальной помощью (призрением) и социальным страхованием.

При этом произошло своеобразное разделение труда. Вопросы государственного призрения, социальной помощи бедным занимались в основном ученые-специалисты по административному (полицейскому) праву. Соответствующие разделы были практически во всех учебниках по административному (полицейскому) пра-

---

¹² Громан В. В. Вступление // Устав о промышленном труде. Пг.; 1915. С. III. Этот государственный деятель и впоследствии неоднократно обращался к систематизации российского трудового законодательства и его анализу (см.: Громан В. В. Сборник правил и мер по охране жизни и здоровья работников... СПб., 1914; Его же. Материалы к вопросу о мерах борьбы с забастовками. СПб., 1914).

¹³ См.: Киселев И. Я. Трудовое право России: Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 10–27; Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1: Правовое регулирование труда в Российской империи. СПб., 2000. С. 84–87 и др.

¹⁴ Французский Кодекс труда был разработан в 1910–1927 гг. внепарламентской комиссией и представлял собой также скорее всего результат тематического инкорпорирования. Он состоял из 4 книг.

ву, в том числе принадлежащих перу наиболее авторитетных российских административистов, таких как: **Н. Х. Бунге**¹⁵ (1823–1895), **В. М. Гессен** (1868–1920), **В. А. Гаген** (1874–1930), **В. Ф. Дерюжинский** (1861–1920). В специальных исследованиях рассматривалась история вопроса и обращалось внимание на необходимость развития обязательного публичного призрения, что, по сути, означало государственную социальную помощь¹⁶. При этом активно изучался опыт стран Запада¹⁷. Напротив, вопросы социального страхования разрабатывали преимущественно ученые-специалисты по гражданскому праву, позднее – по трудовому праву, а равно экономисты. Ими были сформулированы большинство основных проблем социального страхования, которые не утратили своего значения по сей день. Это прежде всего понятие социального риска и страхового случая как основания социального страхования, определение источников страхования (за счет средств работодателя, самих работников, государства или тех же средств, но в различных сочетаниях) и характера социального страхования (обязательного или добровольного, на гражданско-правовых началах или на особых, социально-страховых), формирование нормативной базы (посредством принятия нового специального законодательства или посредством имеющегося гражданского) и др.¹⁸ В этой части мы мо-

---

¹⁵ Научное наследие лиц, фамилии которых выделены жирным шрифтом, будет рассмотрено в соответствующих разделах данной книги. Кроме того, будут представлены и биографии, но только тех ученых, которых можно назвать в относительно тесном смысле слова специалистами в сфере трудового права и права социального обеспечения.

¹⁶ См.: Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894; Горюнов А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901; Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898 и др.

¹⁷ См.: Гаген В. А. Обязательная помощь бедным в Германии. СПб., 1908; Его же. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907; Гольденвейзер А. С. Социальные течения и реформы XIX столетия в Англии. Киев, 1891 и др.

¹⁸ См.: Астров П. И. Право на труд и право на здоровье. М., 1910; Быков А. Н. Страхование рабочих как фактор промышленности и русских страховых законов. СПб., 1913; Гойхбарг А. Г. Источники договорного страхового права. СПб., 1914; Литвинов-Фалинский В. П. Ответствен-

жем вести речь о предпосылках обоснования права на социальное страхование на пересечении теорий гражданского права и фабричного (трудового) права. Завершение формирования науки права социального обеспечения в России вполне обоснованно связывается большинством исследователей с советским периодом. В то же время бесспорным можно считать и то, что первые исследования по интересующим нас проблемам появились намного раньше и уже к началу XX в. они составили существенный массив.

Ниже мы упомянем отечественных ученых, которые внесли значительный вклад в изучение трудовправовой проблематики в досоветский период. **Р. А. Дистерло** (1859 – после 1917) провел первое в российской правовой науке комплексное исследование проблем личного найма¹⁹. Можно сказать, что он стоял у истоков учения о трудовом договоре. **В. Г. Яроцкий** (1855–1917) стал первым ученым, который рассматривал в комплексе весь спектр проблем правового регулирования отношений между работниками и работодателями. Для него было очевидно, что социальное страхование работников является составной частью более глобального вопроса о правовом регулировании трудовых отношений. Его перу принадлежит первое в России исследование, где всесторонне рассматривается наемный труд как предмет хозяйственного оборота и проблемы социального страхования²⁰. **А. Ф. Федоров** (1855 – после 1917) стал автором первой магистерской диссертации, специально посвященной фабричному законодательству. Его докторская диссертация также была связана с проблемами правового регулирования трудовых отношений²¹.

ность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующему законодательству. СПб., 1899; Скаржинский Л. Б. К законопроекту страхования в России на случай инвалидности и старости. СПб., 1903 и др.

¹⁹ См.: Дистерло Р. А. О найме на сельскохозяйственные работы по закону и по обычному праву России // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 3. С. 45–74; № 4. С. 1–50; № 5. С. 1–75; № 6. С. 111–143.

²⁰ Яроцкий В. Г. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. СПб., 1887; Его же. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1 С. 1–50 и др.

²¹ См.: Федоров А. Ф. Фабричное законодательство цивилизованных государств. О работе малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884; Его

В то же время не вызывает сомнения то, что первым российским ученым-трудовиком являлся **Л. С. Таль** (1867–1933), который занимает в истории науки трудового права совершенно уникальное место. Как уже указывалось, он обоснованно считается основателем трех ведущих российских школ трудового права – московской, Санкт-Петербургской и Ярославской. Он автор первых диссертационных и монографических исследований, посвященных непосредственно проблемам правового регулирования трудовых отношений, а также одного из первых учебников по промышленному (трудоу) праву. Именно он разработал концепцию трудового договора в узком смысле, которая нашла отражение и в современном трудовом законодательстве. Л. С. Таль сформулировал практически все основные положения теории трудового договора, которые с некоторой модификацией разделялись как многими советскими, так и современными российскими учеными. Он также стоял у истоков теории коллективного договора, концепции работодательской власти и внутреннего трудового распорядка на предприятии²². Л. С. Таль уделял большое внимание историческим аспектам разрабатываемых проблем и зарубежному опыту. По сути, он заложил основы российской теории трудового права.

Младшим современником и учеником Л. С. Талья был **И. С. Войтинский** (1884–1943), опубликовавший свои первые работы также в начале XX в.²³ и ставший затем наиболее видным советским теоретиком трудового права 20 – начала 30-х гг. XX в. Он был крупным специалистом в сфере зарубежного трудового права и коллективного договора. И. С. Войтинский заложил теоретические основы отечественного учения о трудовых спорах, а также занимался широким спектром проблем, включая вопро-

---

же. О промысловом ученичестве вообще и договорах промыслового обучения в особенности. Одесса, 1892.

²² См.: Таль Л. С. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. СПб., 1909; Его же. Трудовой договор: Цивилистическое исследование: В 2 ч. Ч. 1. Ярославль, 1913; Ч. 2. 1918 (2-е изд., 2006); Его же. Очерки промышленного права. М., 1916 и др.

²³ См.: Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (тарифный рабочий договор) как проблема законодательства: Современное положение вопроса во Франции. СПб., 1911; Его же. Минимальная заработная плата. Пг., 1917 и др. и др.

сы заработной платы и рабочего времени, первым провел исследования по теории советского трудового права, о чем будет сказано ниже.

В. П. Литвинов-Фалинский (1868–1929) принимал непосредственное участие на всех этапах законотворческого процесса, будучи высокопоставленным государственным чиновником. Он исследовал зарубежное социальное законодательство, правовые аспекты взаимодействия рабочих и хозяев предприятий, промышленную статистику и причины травматизма, проблемы страхования рабочих, историю российского фабричного законодательства. Отсюда комплексный подход к законодательному решению рабочего вопроса. Большая роль при этом отводилась социальному страхованию работников за счет средств предпринимателей и с участием государства. Он выступил сторонником рабочего представительства на предприятиях, законодательного ограничения работодательской власти предпринимателя по установлению условий труда²⁴.

Проблемами правового регулирования трудовых отношений социального страхования и общественного призрения занимались в досоветский период, помимо вышеназванных, такие известные ученые, как **П. И. Астров** (1866–1919), **А. Н. Быков** (1860–1919), **Е. М. Дементьев** (1850–1918), **М. Г. Лунц** (1872–1907), **И. Х. Озеров** (1869–1942), **Г. Г. Швитгау** (1875–1950), **И. И. Янжул** (1845–1914) и др.

Повествуя о досоветском периоде, необходимо отметить следующее. Во-первых, российская наука трудового права начала формироваться в конце XIX – начале XX в. При этом проблемы частного трудового права (трудовой договор, работодательская власть, оплата труда и др.) изучались первоначально в рамках цивилистики. Напротив, проблемы публичного трудового права (охрана труда, контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства и др.) изучались первоначально в рамках полицейского (административного) права. Таким образом, наука трудового права формировалась на стыке частного и публичного права. Это же относится и к социально-обеспечительной проблематике. Вопросы социаль-

---

²⁴ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904; Его же. Новые законы о страховании рабочих. СПб., 1912 и др.

ного страхования первоначально изучались в рамках цивилистики и экономической науки, а социального призрения – в рамках полицейского (административного) права. Во-вторых, первыми российскими учеными-трудоуками и специалистами в сфере права социального обеспечения были как представители академической науки, так и фабричные инспектора, государственные чиновники, представители предпринимательских кругов. Это были не только юристы, но и экономисты, инженеры, врачи. В их исследованиях был затронут широкий спектр вопросов теории формирующейся отрасли трудового права и права социального обеспечения, причем как индивидуального (трудовой договор, дисциплина труда, рабочее время и время отдыха), так и коллективного (коллективные договоры, коллективные трудовые споры и забастовки, статус профессиональных союзов и объединений работодателей). Рассматривались основные проблемы социального страхования и социального призрения (помощи). В-третьих, политические воззрения оказывали существенное внимание на научные исследования первых специалистов в названных областях. В подавляющем большинстве они, по меньшей мере, сочувствовали социалистическим идеям. Исследователи марксистского направления внесли весомый, но противоречивый вклад в рассмотрение «рабочего вопроса». Правовая сторона решения этого вопроса была рассмотрена марксистами недостаточно подробно в силу присущего им правового нигилизма, радикализма и излишней веры в благотворность насилия. В-четвертых, дореволюционная научная традиция изучения правового регулирования труда только начала формироваться и была прервана революционными событиями 1917 г. Советской юридической наукой она оказалась во многом не востребована, а в отдельные периоды демонстративно отторгалась. Своеобразный ренессанс произошел только в конце прошлого века²⁵.

Советский период развития науки трудового права и науки права социального обеспечения. Первая генерация советских ученых-трудоуков была представлена в основном исследо-

---

²⁵ См. подробнее: Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX–XX вв.). Ярославль, 2001; Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1 / Под ред. А. М. Лушниковой, М. В. Лушниковой. Ярославль, 2006. С. 10–142.

вателями, получившими образование и начавшими свою научную деятельность еще до 1917 г. Это И. С. Войтинский, **К. М. Варшавский** (1893–1981), **Д. М. Генкин** (1884–1966), **А. Г. Гойхбарг** (1883–1962), **Е. Н. Данилова**, **В. М. Догадов** (1886–1962), **Я. А. Канторович** (1859–1925), **А. Е. Семенова** (1887–1950), **И. А. Трахтенберг** (1883–1960), **З. Р. Теттенборн** (1893 – после 1930), с определенными оговорками **П. Д. Каминская** (1894 – после 1959), *Д. Н. Хлебников* и др. В годы гражданской войны результаты научных исследований выходили, за редким исключением²⁶, в основном в виде статей в периодических изданиях и были посвящены принятию Кодекса законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1918 г.²⁷ Наиболее активно публиковался А. Г. Гойхбарг в журналах «Пролетарская революция и право» и «Вестник жизни». В 1918 г. были опубликованы и последние вышедшие в России работы Л. С. Талья по трудовому праву, подготовленные еще в досоветский период²⁸. На неподконтрольной большевикам территории издавались и переиздавались отдельные работы по трудовому праву, в том числе И. С. Войтинского, И. А. Трахтенберга²⁹.

Первая относительно обширная публикация по советскому трудовому законодательству представляла собой лекцию З. Р. Теттенборн, прочитанную на курсах для инспекторов труда³⁰. Уже здесь ярко проявилась такая черта многих будущих советских исследований, как отказ от дореволюционного россий-

---

²⁶ См., например: Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918; Чредин Б. В. Народное трудовое государство. М., 1918 и др. Отметим, что эти и большинство подобных им работ были написаны и сданы в печать еще до октября 1917 г. Первые относительно объемные советские по периоду написания работы стали издаваться уже в 1920-х гг.

²⁷ См., например: Яблонский А. Конституция труда // Пролетарская революция и право. 1918. № 5–6. С. 3–11.

²⁸ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918; Его же. Трудовой договор. Ч. 2. Ярославль, 1918.

²⁹ См.: Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (Тарифный договор). Екатеринодар, 1919 (Издание было осуществлено Ведомством торговли и промышленности Кубанского краевого правительства); Трахтенберг И. А. Коллективный договор. Харьков, 1918 (издание Товарищества потребительских обществ Юга России) и др.

³⁰ См.: Теттенборн З. Советское законодательство о труде. М., 1920.

ского и мирового научного наследия. Идеологизация и узкоклассовый подход были свойственны официальной советской науке изначально. Надо отметить, что степень интеллектуальной свободы в этот период была крайне ограничена. В то же время именно в советский период трудовое право стало одной из основных преподаваемых на юридических факультетах университетов и в юридических вузах дисциплин. Первенство в преподавании трудового права принадлежит **Б. В. Чредину** (1885 – после 1928), **Н. Н. Голубеву** (1875–1950) (Ярославский университет), В. М. Догаду (Иваново-Вознесенский политехнический институт), Л. С. Талю, Д. М. Генкину, а также И. С. Войтинскому и З. Р. Теттенборн (МГУ), А. А. Раевскому (Крымский университет), А. Н. Татарчукову (Воронежский университет), К. М. Варшавскому (Петроградский университет), В. А. Гагену (Ростовский университет), Н. Н. Кравченко (Белорусский университет), И. И. Евтихиеву (Саратовский университет) и др.³¹

Первые советские публикации по праву социального обеспечения подготовили ученые, симпатизирующие социал-демократическому движению, а также состоящие членами большевистской партии. Это прежде всего **А. Н. Винокуров** (1869–1944) и **Н. А. Вигдорчик** (1874–1954). В их дореволюционных работах преобладало критическое направление, но высказывались и позитивные предложения, отдельные из которых нашли свое воплощение уже в послереволюционный период³².

С 1922 до конца 1920-х гг. наука трудового права и формирующаяся наука права социального обеспечения переживали своеобразный ренессанс, связанный с введением нэпа и легализацией договорных трудовых отношений. В этот период было проведено несколько плодотворных дискуссий, касающихся основных проблем отрасли: предмета, источников, соотношения с другими

---

³¹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 117, 134, 135, и др.

³² См.: Вигдорчик Н. А. Государственное обеспечение трудящихся (итоги и перспективы социального страхования). Пг., 1917; Его же. Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб., 1912; Его же. Страхование на случай безработицы. Пг., 1917; Винокуров А. Н. Общая больничная касса и врачебная помощь. СПб., 1913; Его же. Труд и здоровье рабочих. Пг., 1916 и др.

отраслями права и др. Именно в этот период были заложены теоретические основы советской науки трудового права, разработан ряд теоретических проблем права социального обеспечения. Однако всячески подчеркивался разрыв с дореволюционной традицией, хотя интеллектуальная и личностная преемственность была налицо. Это, в частности, выразалось в том, что первые советские ученые-трудовики в большинстве своем были знакомы с работами своих зарубежных коллег и вели с ними вполне цивилизованные дискуссии. Принятие КЗоТ РСФСР 1922 г. существенно оживило научные исследования, а первой крупной публикацией по отдельному институту трудового права – трудовому договору – стало исследование К. М. Варшавского³³. Вместе с И. С. Войтинским он разрабатывал догматику советского трудового права³⁴.

Большое значение для развития теории советского трудового права имело исследование И. С. Войтинского «Трудовое право СССР»³⁵, которое можно назвать первым классическим советским учебником по трудовому праву. И. С. Войтинский стал наиболее известным теоретиком советского трудового права, авторитет которого в 20–30-е гг. XX в. был общепризнанным³⁶.

Из общих работ по трудовому праву, вышедших в 1920-х гг., необходимо отметить прежде всего публикации В. М. Догадова, П. Д. Каминской³⁷. Определенный интерес представляют публикации политических и государственных деятелей, например, прокурора РСФСР по трудовым делам А. М. Стопани (1871–1932), наркома труда В. В. Шмидта (1886–1940), его заместите-

---

³³ См.: Варшавский К. М. Трудовой договор по Кодексу законов о труде. Пг., 1923.

³⁴ См.: Варшавский К. М. Практический словарь по трудовому праву. М., 1927; Его же. Трудовое право СССР. 1924 и др.

³⁵ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925.

³⁶ См.: Войтинский И. С. Основные вопросы соглашения и арбитража. М., 1926; Примирительное и третейское разбирательство в Германии. М., 1926; Его же. Трудовое право. Ч. 1. М., 1934 и др.

³⁷ См.: Догадов В. М. Очерки трудового права. М., 1927; Его же. Коллективные договоры в буржуазных государствах и СССР. Л., 1926; Каминская П. Д. Очерки трудового права. М., 1927; Она же. Труд несовершеннолетних и ученичество. М., 1925 и др.

ля В. А. Радус-Зеньковича (1877–1967) и других³⁸. Значительное число исследований в этот период было посвящено проблемам трудового договора³⁹, заработной платы⁴⁰. Также это был период плодотворных дискуссий по основным теоретическим проблемам права социального обеспечения⁴¹.

1920-е годы стали периодом повышенного, порой искусственно, интереса к вопросам труда. Так, с 1921 по 1924 гг. вышло 10 сборников «Архива истории труда в России» (в том числе под названием «Труд в России. Исторический сборник» (1924 г.)). Это были труды Ученой комиссии по исследованию истории труда в России, существовавшей при Культурно-просветительском отделе Петербургского губернского совета профессиональных союзов. В подготовке этих сборников приняли участие известные юристы Я. А. Канторович и В. В. Святловский, экономисты И. М. Кулишер и К. А. Пажитнов, историки В. Ю. Гессен, Е. В. Тарле, А. Е. Пресняков, Б. А. Романов, С. Ф. Платонов, Н. А. Рожков и др. С большинством из них мы еще не раз встретимся на страницах этой книги. Во многом стараниями этих же и некоторых других авторов был создан целый ряд исследований, затрагивающих историю развития трудового законодательства⁴².

³⁸ См.: Радус-Зенькович В. А. Общественные инспекции труда и их роль на производстве. М.: Л., 1932; Стопани А. М. Бакинский нефтепромышленный рабочий, его заработная плата и рабочий день. Л.: М., 1924; Шмидт В. В. Наше трудовое право. М., 1926 и др.

³⁹ См.: Исаев А. Н. Порядок найма труда рабочих и служащих. М., 1925; Лях А. Ф. Трудовой договор. М., 1927 и др.

⁴⁰ См.: Гуревич А. Заработная плата прежде и теперь. М., 1923; Рабинович-Захарин С. Л. Заработная плата по советскому праву. М., 1927; Ревзин Ф. Политика заработной платы и коллективный договор. М., 1927 и др.

⁴¹ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1–8. Пг.; М., 1919–1926; Догадов В. М. Социальное страхование Л., 1926; Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры. М.; Л., 1929; Забелин Л. В. Теория социального обеспечения. М., 1924; Теттенборн З. Р. Советское социальное страхование. М.; Л., 1926; Энгель И. Ф. Социальное страхование в буржуазных государствах. М., 1925 и др.

⁴² См.: Айнзафт С. С. Первый этап профессионального движения в России (1905–1907 гг.) М., 1925; Антошкин Д. Профессиональное движение в России. М., 1924; Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1–3. Киев; М., 1924–1926; Гессен В. Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. Л., 1927; Ку-

Такого обилия исследований по данной проблеме не было ни до, ни в последующие периоды. Отчасти это объяснялось политическим заказом «диктатуры пролетариата», а отчасти энтузиазмом самих исследователей. Однако критическое отношение к дореволюционному трудовому законодательству уже тогда было абсолютно доминирующим.

В начале 1920-х гг. Наркомат социального обеспечения РСФСР в течение двух лет (1921–1922 гг.) выпускал журнал «Вопросы социального обеспечения». В этом журнале публиковались не только текущие нормативные акты и циркуляры по социальному обеспечению, но и статьи-комментарии, в том числе приближенные по содержанию к научно-практическим. Кроме того, в названном журнале имела рубрика «За границей», где давался довольно взвешенный обзор законодательства о регулировании социального страхования в Германии, Италии, Англии и др.⁴³

Большую роль в развитии науки трудового права сыграл ведомственный журнал Народного комиссариата труда (НКТ) «Вопросы труда». На его страницах публиковали свои теоретические статьи практически все советские ученые-трудовики, давались обзоры новых законов, помещались рецензии на последние монографии ученых, в том числе иностранных. Практически в каждом номере журнала до конца 1920-х гг. имеются статьи сравнительно-правового характера. Судьба этого издания в какой-то мере отразила судьбу советской науки. С начала 1930-х гг. на его страницах перестали публиковаться дискуссионные теоретические работы, обзоры зарубежного законодательства, зато стали преобладать публикации «на злобу дня» с широким цитированием классиков марксизма-ленинизма. Симптоматично, что именно в 1932 г. журнальная рубрика «Тру-

лишер И. М. Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922; Святловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1924; Панкратова А. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; Яроцкий В. Я. История рабочего движения. Вып. 1–2. М., 1928 и др.

⁴³ См.: Крейнин Г. Законодательство о регулировании страхования от безработицы за границей // Вопросы социального обеспечения. 1921. № 5–6. С. 54–57; Его же. Некоторые данные о страховании и обеспечении в современной Германии // Там же. 1922. № 2. С. 44–48.

довое право» была заменена на «Организация и оплата труда». Сам журнал вскоре был закрыт в связи со слиянием НКТ и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) в 1933 г.

Трудовое право было в существенно большей степени идеологизировано по сравнению с другими отраслями права. Трудо-правовая проблематика напрямую соприкасалась с такими находящимися в центре внимания вопросами, как диктатура пролетариата и обострение классовой борьбы, темпы экономического развития и социалистического строительства, профсоюзное движение и его взаимоотношение с коммунистической партией и др. В конце 1920 – начале 1950-х гг. интеллектуальная свобода исследований была жестко ограничена, а с конца 1930-х до начала 1950-х гг. просто отсутствовала. Программное значение имела разгромная идеологическая статья, одним из авторов которой являлся Л. З. Мехлис (1889–1953), на тот момент заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), а впоследствии идеолог массовых репрессий⁴⁴. Суждения Л. З. Мехлиса о проблемах трудового права отличались крайней идеологизированностью и примитивизмом⁴⁵. В это же время происходит принципиальное изменение в подходе к изучению зарубежного опыта. Если ранее он исследовался относительно объективно, хотя иногда и не в меру критично (о чем будет сказано далее), то начиная с 1930-х гг. преобладало просто его огульное отрицание.

Это было «безвременье» и в науке права социального обеспечения. Специальная литература была представлена, как правило, комментариями действующего законодательства о социальном обеспечении. Типичным образцом сталинской науки стала публикация Н. А. Семашко (1874–1949) «Право социального обеспечения», в которой определенная часть текста посвящена критике социального страхования в капиталистических странах без указания источников информации об этом страховании, «ублюдочного», по терминологии автора, характера царских страховых законов 1912 г. В другой части работы обличались

---

⁴⁴ См.: Гиммельфабр С., Кривицкий М., Максимов А., Маркус Б., Мехлис Л., Гирзбанурт Т., Шергов Л. За развертывание теоретической работы на фронте труда // Вопросы труда. 1932. № 1. С. 3–9.

⁴⁵ См.: Мехлис Л. З. Обеспечим дисциплину труда. М., 1932.

«бандиты-контрреволюционеры из троцкистско-зиновьевского и бухаринско-рыковского фашистского отродья»⁴⁶. При этом Н. А. Семашко был действительно крупным ученым и практиком, создателем советской модели медицинского обслуживания, получившей на Западе наименование «модели Семашко», которую сравнивали с моделью Бевериджа⁴⁷. Вероятно, такое содержание «научного труда» было вызвано требованиями цензуры, так понимающей потребности народа.

Любое неверное высказывание могло привести к обвинению в уклоне или даже «вредительстве на научном фронте», что привело к полной стагнации теоретико-правовых исследований. В этот период в порядке вещей было «навешивание идеологических ярлыков», что коснулось многих ведущих ученых. Некоторые из них были репрессированы, в том числе И. С. Войтинский (умер в заключении), К. М. Варшавский (провел в лагерях 6 лет), крупный ученый-цивилист, а впоследствии трудовик **Л. Я. Гинцбург** (1901–1976) (провел в заключении около 17 лет), М. Ю. Жемчужникова (вероятно, погибла в заключении), И. А. Кравель (1897–1938) (расстрелян), С. Е. Малкин (после недлительного заключения отпущен), А. Е. Семенова (арестована, но впоследствии освобождена из заключения), А. М. Стопани (погиб), З. З. Гришин (умер в заключении или казнен), В. В. Шмидт (расстрелян) и др.

Как уже отмечалось, круг обсуждаемых учеными проблем в советский период был ограничен прямыми идеологическими установками. С 1937 г. концепция наемного (несамостоятельного) труда была объявлена вредительской и на многие годы оказалась под запретом. С того же 1937 г. директивно было дано указание включать в предмет трудового права трудовые отношения колхозников и членов промыслово-кооперативных артелей и до 1955 г. даже думать иначе было запрещено. В качестве «научных аргументов» противники официальной позиции получали даже на страницах печати клеймо «ревизионистов», «лакеев буржуазии», «сторонников юридического кретинизма», «приспеш-

---

⁴⁶ Семашко Н. А. Право социального обеспечения. М., 1938.

⁴⁷ См.: Антропов В. В. Система медицинского страхования в государствах – членах ЕС // Труд за рубежом. 2006. № 2. С. 113.

ников социал-фашизма» и, наконец, «вредителей»⁴⁸. Проведение дискуссий, как правило, санкционировалось руководящими инстанциями и в строго заданных идеологических пределах. Так, большой научный резонанс имела дискуссия между М. М. Агарковым (1890–1947) и Д. М. Генкиным о соотношении предмета и системы гражданского и трудового права, которая проходила в рамках общетеоретической дискуссии 1938–1941 гг. о разграничении отраслей советского права, их предмете и методе⁴⁹.

В названный период начали издаваться учебники по трудовому праву, авторами которых были, в том числе, вышеназванные ученые⁵⁰. Характерной их чертой стало «цитатничество», подкрепление любой банальной мысли изречениями И. В. Сталина (1879–1953), **В. И. Ленина** (1870–1924), **К. Маркса** (1818–1883), **Ф. Энгельса** (1820–1895). На работы коллег ссылок практически не было. Критика «официальных» трудовиков запрещалась, а позитивно ссылаться было опасно, ибо любой и в любое время мог быть объявлен «врагом народа». В этой связи большинство работ этого жанра представляли собой по преимуществу собрание цитат классиков марксизма-ленинизма-сталинизма, выдержек из решений партийных и советских органов и материалов из официальных изданий с вкраплением анализа нормативного материала.

---

⁴⁸ См.: Александров Н. Г. Вопросы труда в процессе вредительских организаций // Советское государство. 1932. № 7–8. С. 132–146; Гришин З. З. Борьба с извращениями генеральной линии партии в вопросах труда и трудового права // Вопросы профдвижения. 1933. № 8. С. 12–23; Его же. Там же. № 9. С. 26–36; Хейнман С. Вредители и проблемы труда // Трудовое право. 1931. № 8. С. 33–40 и др.

⁴⁹ См.: Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 52–72; Генкин Д. М. Предмет и система советского трудового права // Советское государство и право. 1940. № 2. С. 55–71.

⁵⁰ См.: Александров Н. Г., Москаленко Г. К. Советское трудовое право. М., 1944; Генкин Д. М. Трудовое право. М., 1931; Гришин З. З. Советское трудовое право. М., 1936; Пашерстник А. Е., Марченко В. П. Советское трудовое право. М., 1940; Советское трудовое право / Под ред. К. П. Горшенина, Р. П. Орлова, В. М. Догадова, Я. И. Карасева. М., 1939 и др.

При этом исследователи крайне редко специально изучали проблемы общей части трудового права⁵¹. В то же время отдельные институты трудового права, как, например, заработная плата⁵², исследовались достаточно активно. Охрана труда по-прежнему провозглашалась важной задачей советского трудового права, но если сравнить число и качество исследований в 1920-х⁵³ и в 1930 – начале 1950-х гг.⁵⁴, то преимущество будет не на стороне последних. Это отчасти объясняется тем, что в годы форсированной гонки за выполнением планов первых пятилеток охране труда уделяли меньше внимания. Примерно такое же соотношение можно констатировать относительно изучения институтов рабочего времени и времени отдыха. Несмотря на то что значение договорного начала в регулировании трудовых отношений было сведено к минимуму, некоторые проблемы, связанные с трудовым договором, продолжали изучаться⁵⁵, но большинство из опубликованных ра-

---

⁵¹ См.: Александров Н. Г. Вопросы труда в советском законодательстве. М., 1936; Его же. Принципы советского трудового права – принципы подлинной свободы труда. М., 1949; Догадов В. М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых отношений // Вопросы трудового права. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 38–74; Пашерстник А. Е. Право на труд: Очерки по советскому праву. М., 1951; Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права // Вопросы советского гражданского и трудового права. Ч. 1. М., 1952. С. 95–110 и др.

⁵² См.: Каринский С. С. Правовое регулирование заработной платы рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1943; Пашерстник А. Е. Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих. М.; Л., 1949; Рабинович-Захарин С. Л. Оплата труда по советскому законодательству. М., 1930 и др.

⁵³ См.: Винников А. Е. Что такое инспекция труда. М., 1925; Каплун С. Охрана труда в СССР. М., 1925; Малков Е. К. Надзор за трудовым делом. М., 1925; Мостник П. Что такое охрана труда. М.; Л., 1925; Маркус Б. Л. Охрана труда. М., 1928; Резникович Д. М. Охрана труда в СССР. Л., 1926 и др.

⁵⁴ См.: Охрана труда и контроль профсоюзов. М., 1943; Попов П. Охрана труда – важнейший участок работы профсоюзов. Магадан, 1943; Радус-Зенькович В. А. Общественные инспекции труда и их роль на производстве. М.; Л., 1933 и др.

⁵⁵ См.: Данилова Е. Н. Увольнение рабочих и служащих по действующему законодательству о труде. М., 1930; Исаев А. Н. Увольнение и вы-

бот носили характер научно-популярного комментария действующего законодательства. Некоторое исключение по глубине теоретического осмысления составляли работы П. Д. Каминской⁵⁶. Коллективные договоры⁵⁷ и трудовые споры⁵⁸ исследовались недостаточно интенсивно, что соответствовало резкому падению их практического значения.

С 1950-х гг. начался новый этап в развитии советского трудового права. Он связан как с политическими изменениями в жизни страны, так и с закреплением в общественном сознании идеи самостоятельности названной отрасли и науки. На первые роли стали выходить исследователи, которые уже сформировались как специалисты по трудовому праву. Они принадлежали ко второй генерации отечественных ученых. Среди них особое место занимает **Н. Г. Александров** (1908–1974), являвшийся общепризнанным лидером этой генерации. Он был не только известным специалистом по трудовому праву, но и одним из ведущих ученых в области общей теории права. Практически все основные проблемы общей части трудового права были им проанализированы на концептуальном уровне. Н. Г. Александров разработал теорию социалистического трудового правоотношения⁵⁹, учение о механизме правового регулирования.

Среди теоретиков советского трудового права видное место занимает **А. Е. Пашерстник** (1900–1958). На протяжении своей научной деятельности он рассмотрел почти все основные про-

---

ходное пособие. М., 1930; Москаленко Г. К. Переводы и командировки по советскому праву. М., 1952; Фрадкин Л. Е. Командировки и переводы из одной местности в другую. М., 1935 и др.

⁵⁶ См., например: Каминская П. Д. Понятие трудового договора в советском праве // Вопросы трудового права. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 75–120.

⁵⁷ См.: Вейнберг Г. Д. Колдоговоры заключительного года пятилетки. М., 1932; Исаев А., Зеленская З. Коллективный договор. М., 1930; Пашерстник А. Е. Коллективный договор. М., 1951 и др.

⁵⁸ См.: Генкин Д. М., Серебровский В. И., Москаленко Г. К. Судебная практика по гражданским делам в период войны. М., 1943; Пашерстник А. Е. Рассмотрение трудовых споров. М., 1950 и др.

⁵⁹ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948 (2-е изд., 2008).

блемы отрасли, часто на монографическом уровне⁶⁰. Но основной тематикой его исследований стали право на труд и правовое регулирование вознаграждения за труд⁶¹.

Наряду с Н. Г. Александровым, В. М. Догадовым и А. Е. Пашерстником в 1950-х гг. наиболее активно проблемами теории трудового права также занимались Л. Я. Гинцбург, **Я. Л. Давидович** (1899–1964), **К. П. Горшенин** (1907–1978), **Я. Л. Киселев** (1903–1966), **Ф. М. Левиант** (1914–1973), **Г. К. Москаленко** (1901–?), **С. С. Каринский** (1905–1984) и др. Многие из этих ученых оставались в ряду ведущих теоретиков трудового права вплоть до 1970-х гг. прошлого века.

Затронем проблему систематизации советского трудового законодательства и роль отечественных ученых в данном процессе. С образованием СССР трудовое законодательство было отнесено к совместному союзно-республиканскому ведению. В связи с этим 6 июля 1923 г. создается НКТ СССР. Он руководил республиканскими наркоматами, в том числе НКТ РСФСР. В перспективе планировалось разработать и принять КЗоТ СССР, проект которого был подготовлен уже в 1925 г. В его подготовке, как и в подготовке предшествующих кодексов, принимали участие Д. М. Генкин, А. Г. Гойхбарг, Е. Н. Данилова, З. Р. Теттенборн, А. Е. Семенова и др. Дело в том, что уже первая Конституция СССР 1924 г. относилась к ведению СССР «установление основных законов о труде» (п. «р» ст. 1). В этой связи начиная с 1924 г. разрабатывался проект Общесоюзных основных законов о труде, поименованных затем Кодексом основных законов о труде Союза ССР. Так, Е. Н. Данилова предлагала разграничить сферы действия союзного трудового законодательства и законодательства союзных республик следующим образом. КЗоТ СССР должен устанавливать минимум трудовых прав и гарантий и приме-

⁶⁰ См.: Пашерстник А. Е. Дисциплина труда в СССР. М., 1950; Его же. Коллективный договор. М., 1951; Его же. Соблюдение социалистической дисциплины труда – долг каждого советского гражданина. М., 1953; Его же. Рассмотрение трудовых споров. М., 1958 и др.

⁶¹ См.: Пашерстник А. Е. К вопросу о понятии вознаграждения за труд рабочих и служащих // Вопросы трудового права. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 121–273; Его же. Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих. М.; Л., 1949; Его же. Правовая организация заработной платы в СССР. М., 1948 и др.

няться в полном объеме к основным кадрам, т. е. тем трудящимся, для которых работа по найму является основным источником средств к существованию. В отношении иных работников, для которых наемный труд не является постоянным и основным источником (сельско-хозяйственные работники, работники кустарной промышленности и др.), пределы применения КЗоТ СССР должны устанавливаться законодательством союзных республик⁶². Проект КЗоТ СССР так и не был принят, хотя законодательство о труде позднее было преимущественно общесоюзным.

В условиях свертывания нэпа в 1930 г. была реанимирована идея о необходимости союзного КЗоТа, но работа опять не была доведена до конца. Согласно Конституции СССР 1936 г. к ведению СССР относилось «установление основ законодательства о труде» (п. «ф» ст. 14), но работа по созданию общесоюзного трудового законодательства велась недостаточно активно. Таким образом, дело ограничилось внесением изменений в КЗоТ РСФСР, а союзные республики приняли свои кодексы, в основном воспроизводящие российский. Впрочем, в конце 1930-х – начале 1940-х гг. работала специальная комиссия во главе с Д. М. Генкиным, которая разработала проект КЗоТ СССР, но после начала Великой Отечественной войны вопрос был снят с повестки дня.

КЗоТ 1922 г., подвергнутый принципиальной переработке, с 1938 по 1952 гг. не переиздавался, а в 1952 г. вышел в качестве нумерованного издания, распространявшегося по спискам для работников судов и прокуратуры. Парадоксально, но в стране «победившего пролетариата» пролетарии не имели возможности напрямую ознакомиться со своими трудовыми правами. Такая же судьба постигла и Положение о товарищеских судах.

Первый относительно полный сборник трудового законодательства был подготовлен в 1923 г.⁶³ Систематизированные сборники по трудовому законодательству с конца 1920-х гг. издавались крайне редко и носили отрывочный характер. Этим они

---

⁶² См.: Данилова Е. Н. Советские законы о труде. М., 1926. С. 42–45.

⁶³ См.: Действующее законодательство о труде (Комментированный свод действующих законоположений в связи с Кодексом о Труде 1922 года) / Сост. Е. А. Колотухин, А. М. Килинский. М., 1923. В целом этот комментарий был неполным и произвольным, что отмечалось Е. Н. Даниловой (см.: Вопросы труда. 1923. № 3. С. 22–24).

сильно уступали предшествующим изданиям⁶⁴. В лучшую сторону отличается многотомной систематизированный сборник действующего законодательства о труде, подготовленный заведующей юридическим бюро НКТ СССР, профессором Е. Н. Даниловой⁶⁵. С середины 1930-х гг. комментарии к трудовому законодательству и КЗоТ не издавались, и этот процесс возобновился только после завершения Великой Отечественной войны⁶⁶.

В 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР создается очередная комиссия для подготовки Основ законодательства СССР о труде, к работе в которой привлекались Н. Г. Александров, Я. И. Давидович, В. М. Догадов, А. Е. Пашерстник и другие, но ее проект так и не был рассмотрен. Между тем на 3-й сессии Верховного Совета СССР отмечалось, что разработка Основ законодательства о труде является неотложным мероприятием⁶⁷. Это обосновывалось противоречиями между отдельными актами союзного законодательства и расхождением между общесоюзным и республиканским законодательством о труде⁶⁸.

Впрочем, в середине 1950-х гг. была предпринята уже третья по счету попытка кодифицировать общесоюзное законодательство о труде, а также провести третью кодификацию трудового

⁶⁴ См.: Трудовое законодательство: Полное собрание действующих законов о труде. Ч. 1–2 / Сост. Л. М. Ротенберг. М., 1924; Комментарий к действующему законодательству о труде / Под ред. В. В. Шмидта. М., 1929; Советское трудовое право: Обзор действующего законодательства с постратейным комментарием КЗоТ / Сост. П. Д. Каминская. М., 1928; Важнейшие постановления по труду, действующие на 1 февраля 1931 г. / Сост. Я. Л. Киселев и С. Е. Малкин. М.; Л., 1931 и др.

⁶⁵ См.: Действующее законодательство о труде / Сост. Е. Н. Данилова: в 5 т. М.; Л., 1925–1926.

⁶⁶ См.: Комментарий к законодательству о труде СССР и КЗоТ РСФСР / Под ред. И. Т. Голякова. М., 1947. Публикуемые в годы войны сборники содержали в основном акты текущего, чрезвычайного по содержанию трудового законодательства. (См.: Трудовое законодательство военного времени. М., 1943; Трудовое законодательство: Краткий справочник / Сост. А. Эпштейн. М., 1945 и др.)

⁶⁷ Правда. 1947. 26 февр.

⁶⁸ См.: Москаленко Г. К. Сталинская Конституция и основы законодательства о труде. М., 1947; Рычков Н. Основы законодательства о труде // Социалистическая законность. 1946. № 11–12; Швейцер Д. К разработке основ законодательства о труде // Там же и др.

законодательства РСФСР. Ей предшествовала достаточно интенсивная научная дискуссия⁶⁹. А. Е. Пашерстник предлагал принять КЗоТ СССР, опираясь на ст. 14 Конституции СССР 1936 г., высказывания В. И. Ленина, привычность употребления действующего кодекса, необходимую преемственность⁷⁰. Г. К. Москаленко, напротив, отстаивал идею принятия Основ законодательства о труде СССР и союзных республик⁷¹. Позиция политического руководства была на этот счет достаточно непоследовательной. Так, в редакционной статье ведущего юридического журнала «Советское государство и право» сначала утверждалось о целесообразности проведения кодификации общесоюзного трудового законодательства, а в следующем номере о том, что это противоречит «ленинской национальной политике»⁷².

В результате проект нового КЗоТ РСФСР был все-таки издан в 1958 г., а проект Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик был опубликован в 1959 г.⁷³ Первоначально обсуждение этих проектов проходило достаточно активно. С предложениями и замечаниями по их тексту на страницах печати выступали как известные ученые-трудовики (Н. Г. Александров, В. М. Догадов, Я. И. Давидович, Ф. М. Левиант, А. С. Пашков, Д. В. Швейцер, Ю. П. Орловский, С. А. Иванов, Е. М. Гершанов, Л. Я. Гинцбург, А. А. Абрамова, А. И. Шибанова, К. А. Абжанов, Я. Л. Киселев, В. С. Андреев, В. И. Смоленчук, Е. Г. Неидзе и др.), так и начинающие специалисты (А. М. Кузнецов, Е. В. Магницкая, А. Т. Барабаш, Г. И. Ческис, А. М. Коваленко и др.), представители общественности и про-

---

⁶⁹ См.: Александров Н. Г. Теоретические вопросы кодификации законодательства о труде союзных республик // Советское государство и право. 1957. № 4; Караваев В., Никитинский В. Об упорядочении трудового законодательства // Социалистический труд. 1957. № 1; Левиант Ф. М. К вопросу о кодификации трудового законодательства // Вестник ЛГУ. 1956. № 23 и др.

⁷⁰ См.: Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955. С. 96–98.

⁷¹ См.: Москаленко Г. К. К вопросу о кодификации советского законодательства о труде // Вопросы кодификации: Сб. М., 1957. С. 121–123.

⁷² Советское государство и право. 1956. № 1. С. 10; № 2. С. 12.

⁷³ Там же. 1959. № 10 С. 3–15.

изводственники⁷⁴. Но процесс обсуждения затянулся на многие годы, а законопроекты неоднократно перерабатывались.

Изменения в трудовом законодательстве в 60-х гг. XX в. носили преимущественно прогрессивный характер. С 1960 г. начался переход на 7- и 6-часовой рабочий день. Попытка проведения хозяйственной реформы в середине 1960-х гг. нашла отражение и в трудовом законодательстве. Так, в 1967 г. была повышена минимальная заработная плата, расширены льготы лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, введена 5-дневная рабочая неделя, а продолжительность оплачиваемого ежегодного отпуска рабочих и служащих увеличена с 12 до 15 рабочих дней⁷⁵. Наконец, в 1970 г. принимаются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, которые явились первым общесоюзным кодифицированным актом о труде⁷⁶.

Произошла и активизация исследований социально-обеспечительной проблематики. Наряду с комментариями действующего законодательства о социальном страховании и пенсионном обеспечении стали появляться и теоретические исследования отдельных проблем права социального обеспечения⁷⁷.

⁷⁴ См.: Советское государство и право. 1959. № 11. С. 92–108; Там же. № 12. С. 67–89; Там же. 1960. № 1. С. 47–55, 96–115; Там же. № 2. С. 112–117; Там же. № 3. С. 105–117 и др.

⁷⁵ См.: Волкова О. Н. История развития советского трудового законодательства. М., 1986. С. 44.

⁷⁶ См.: Александров Н. Г., Зайкин А. Д., Лившиц Р. З. Основной закон о труде. М., 1972; Горшенин К. П. Новое в законодательстве о труде. М., 1971; Его же. Кодификация законодательства о труде и его дальнейшее совершенствование // Проблемы трудового права и права социального обеспечения: Сб. М., 1975. С. 28–30.

⁷⁷ См.: Андреев В. С. Правоотношения по государственному социальному страхованию. М., 1962; Астрахан Е. А. Принципы пенсионного обеспечения рабочих и служащих в СССР. М., 1961; Его же. Трудовое увечье и иждивенчество. М., 1967; Ачаркан В. А. Государственные пенсии. М., 1967; Вайсфельд Л. Д., Караваев В. В. Законодательство о государственных пенсиях. М., 1959; Виноградова О. В. Пенсии по инвалидности от трудового увечья и профессионального заболевания. М., 1959; Караваев В. В. Основные принципы советского социального страхования. М., 1961; Его же. Социальное страхование в СССР. М., 1959; Симоненко Г. С. Материальное обеспечение рабочих

Решающую роль в обосновании самостоятельности отрасли советского права социального обеспечения сыграл Международный симпозиум в Праге в 1966 г. Первопроходцами здесь выступили чехословацкие ученые Я. Колоушек, К. Пинц, И. Томеш и В. Вергайнер, которые настаивали на формировании новой отрасли права в системе отраслей социалистического права – права социального обеспечения, отграничив его от трудового и административного права. Советские ученые, участники пражского симпозиума, **В. С. Андреев** (1923–1987), А. В. Левшин и В. В. Караваев также были приверженцами прозвучавшей на форуме идеи самостоятельности права социального обеспечения. Первый учебник «Чехословацкое право социального обеспечения» был издан в ЧССР в 1968 г. В это же время В. С. Андреев издал курс лекций «Социальное обеспечение в СССР». Это позволяет считать его основателем советской науки трудового права, который на протяжении многих лет оставался одним из ведущих ее представителей⁷⁸.

Таким образом, очевидный рост числа нормативных актов о социальном обеспечении, их научное комментирование, обобщение практики применения, теоретическое обоснование правовых принципов социального обеспечения, основных юридических конструкций (пенсионных правоотношений и др.) привели к обоснованию самостоятельности отрасли права социального обеспечения в системе отраслей советского права. В 1975 г. В. С. Андреев констатировал, что в отраслевой науке права социального обеспечения было создано учение о предмете отрасли, наметился подход к определению специфики метода права социального обеспечения, раскрыта объективная си-

---

и служащих при трудовом увечье и профессиональном заболевании. М., 1964; Цедербаум Ю. Я. Пенсионное обеспечение членов творческих союзов, штатных литературных работников и нештатных работников печати. М., 1960; Его же. Комиссии по пенсионным вопросам на предприятии. М., 1960 и др.

⁷⁸ См.: Андреев В. С. Социальное обеспечение в СССР (Советское право социального обеспечения): Курс лекций. Темы I–VIII. М., 1969; Темы IX–XIV. М., 1970; Его же. Социальное обеспечение в СССР (правовые вопросы). М., 1971; Его же. Право социального обеспечения в СССР. М., 1980 (2-е изд., 1987) и др.

стема данной отрасли, в основных чертах создано учение о правоотношениях по социальному обеспечению и т. д.⁷⁹

Необходимо отметить, что во второй половине 1950 – 1980-х гг. советская наука трудового права развивалась достаточно поступательно. Существенную часть опубликованных в то время работ можно поместить под рубрику «трудовое право на службе социалистического строительства». В них явно преобладала производственная направленность, связанная с текущими запросами экономики, а зачастую и с выполнением решений очередного партийного съезда⁸⁰. Такой подход был до известной степени оправдан, но иногда был достаточно односторонним. Вследствие этого одними из ключевых тем исследований стали организация труда, управление трудовыми ресурсами и обеспечение производства кадрами. Проводимые в стране организационные наборы на рабочие специальности, мобилизация трудовых ресурсов на ударные стройки пятилеток, массовые отправки рабочих и служащих на сельскохозяйственные работы, техническое перевооружение производства и необходимость интенсификации труда требовали правового обоснования. В этой связи можно выделить прежде всего исследования В. С. Андреева, **Е. И. Астрахана** (1897–1975), Ю. П. Орловского, **А. С. Пашкова** (1921–1997), О. В. Смирнова, **А. И. Ставцевой** (1925–2004), **К. П. Уржинского** (1926–1997)⁸¹. Отметим, что в более ранних работах, носивших в большинстве научно-популярный характер,

---

⁷⁹ См.: Андреев В. С. Вопросы теории советского права социального обеспечения // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. М., 1975. С. 185.

⁸⁰ См., например: Трудовое право в свете решений XXI съезда КПСС / Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1960.

⁸¹ См.: Андреев В. С., Гуреев П. А. Организованный набор рабочих в СССР (Правовые проблемы). М., 1956; Астрахан Е. И., Каринский С. С., Ставцева А. И. Роль советского трудового права в плановом обеспечении народного хозяйства кадрами. М., 1955; Орловский Ю. П. Правовые вопросы использования труда рабочих и служащих на промышленных предприятиях. М., 1966; Пашков А. С. Правовое регулирование подготовки и распределения кадров. Л., 1966; Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования труда на предприятии. М., 1968; Ставцева А. И. Правовые вопросы перераспределения трудовых ресурсов. М., 1974; Уржинский К. П. Трудоустройство граждан в СССР. М., 1967 и др.

эта проблема скорее только ставилась и отчасти намечались пути ее разрешения⁸².

Особо можно отметить ленинградскую научную школу, у истоков которой стоял В. М. Догадов, а затем долгое время ее возглавлял **А. С. Пашков**. В исследованиях представителей этой школы одно из центральных мест занимала проблема определения роли трудового права в системе управления общественным трудом⁸³. Ее представители и в дальнейшем плодотворно разрабатывали это направление на концептуальном уровне, раскрывая правовой механизм регулирования рынка труда и обеспечения занятости, роль государства и профессиональных союзов в регулировании рыночных отношений⁸⁴.

Вместе с тем и теоретические проблемы трудового права не были обделены вниманием. Вслед за Н. Г. Александровым к анализу социалистического трудового отношения уже в 1970 – 1980-е гг. обратились такие известные ученые-трудовики, как Л. Я. Гинцбург и **В. Н. Скобелкин** (1924–2003). Венцом творчества Л. Я. Гинцбурга и в какой-то степени научным завещанием стала его монография «Социалистическое трудовое правоотношение»⁸⁵. В. Н. Скобелкин, вопреки сложившейся концепции единого трудового правоотношения, активно обосновывал и отстаивал концепцию «плюрализма» трудовых правоотношений⁸⁶.

---

⁸² См.: Исаев А. Н. Плановая подготовка и распределение специалистов. М., 1929; Фрадкин Л. Е. Перемещение специалистов. М., 1931 и др.

⁸³ См.: Магницкая Е. В., Пашков А. С. Распределение трудовых ресурсов (правовые вопросы). М., 1980; Пашков А. С., Иванкина Т. В., Магницкая Е. В. Кадровая политика и право. М., 1989; Пашков А. С., Хрусталева Б. Ф. Обязанность трудиться по советскому праву. М., 1970; Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе / Под ред. А. С. Пашкова. Л., 1984 и др.

⁸⁴ См.: Курс российского трудового права. Т. 2: Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы) / Под ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. М., 2001; Маврин С. П. Управление трудом: теоретико-правовой аспект: Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1991; Хохлов Е. Б. Экономические методы управления и трудовое право. Л., 1991 и др.

⁸⁵ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.

⁸⁶ См.: Скобелкин В. Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих. Нормы и правоотношения. М., 1982; Его же. Трудовые правоотношения. М., 1999.

О. В. Смирновым были глубоко проанализированы природа и сущность права на труд в СССР, гарантии его реализации, а также принципы советского трудового права. Последние не сводились к основным трудовым правам работника, а определялись как самодостаточные правовые явления⁸⁷.

Проблемы трудовой правоспособности советских граждан были изложены в одноименной фундаментальной монографии **Б. К. Бегичева** (1924–1986), которая и в настоящее время остается одной из самых глубоких и востребованных работ по данной теме. Он одним из первых четко разграничил гражданскую и трудовую правосубъектность, раскрыл юридическое содержание последней, обосновал субъектную дифференциацию в трудовом праве. Он был сторонником идеи о законодательном закреплении института представительства в трудовом праве⁸⁸.

Структура предмета трудового права стала объектом двух основных научных дискуссий. Первая, начало которой датируется 1950–1960-ми гг., касалась судьбы колхозных трудовых отношений и трудовых отношений в промысловой кооперации. Вторая завязалась на рубеже 1970–1980-х гг. и была обусловлена обоснованием коллективно-трудового правоотношения (**С. А. Иванов** (1924–2008), **Р. З. Лившиц** (1929–1997))⁸⁹. В этот же период **А. И. Процевский** дал развернутое теоретическое обобщение двух ведущих системообразующих факторов отрасли трудового права – предмета и метода, особо подчеркнув обусловленность (вторичность) метода к предмету советского трудового права⁹⁰. Система советского трудового права и система законодательства о труде стали предметом специальных исследований в трудах **М. В. Молодцова** (1928–2007)⁹¹.

---

⁸⁷ См.: Смирнов О. В. Природа и сущность права на труд в СССР. М., 1964; Его же. Основные принципы советского трудового права. М., 1977.

⁸⁸ Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972.

⁸⁹ См.: Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории. М., 1978. С. 100–113; 282–313.

⁹⁰ См.: Процевский А. И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М., 1972; Его же. Предмет советского трудового права. М., 1979.

⁹¹ Молодцов М. В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985.

Во второй половине 70-х гг. XX в. официально провозглашается повышение роли трудовых коллективов, бригадного подряда, коллективных форм стимулирования труда. Это существенно активизировало исследовательскую деятельность по определению правового статуса коллективных субъектов в трудовом праве⁹². Изменения в социально-экономической и политической жизни страны в конце 1980-х гг. сделали актуальными проблему производственной демократии, что нашло отражение в содержании и тематике исследований (А. М. Куренной, С. П. Маврин, А. С. Пашков, Р. З. Лившиц и др.)⁹³.

Принципиально важное значение имело теоретическое обоснование и выделение в качестве ведущей социальной функции трудового права относительно производственной. В этой части можно отметить работы С. А. Иванова, Р. З. Лившица, а также В. И. Курилова и В. М. Лебедева⁹⁴.

С начала 60-х гг. XX в. активизировалось изучение правовых аспектов охраны труда. Большой интерес в этой части представляют публикации **С. А. Голощапова** (1923–1986), К. П. Горшенина, Я. Л. Киселева, В. И. Семенкова и др.⁹⁵. Всестороннему исследованию в советский период подверглась правовая регламен-

---

⁹² См.: Куренной А. М. Правовые вопросы участия трудящихся в управлении производством. М., 1983; Масленников В. А. Трудовой коллектив и его конституционный статус. М., 1984; Масленников В. А. и др. Трудовой коллектив в системе социалистической демократии. М., 1979; Участие трудовых коллективов в управлении производством / Под ред. А. Д. Зайкина. М., 1980; Цепин А. И., Пятаков А. В. Трудовое право и трудовой коллектив. М., 1986 и др.

⁹³ См.: Куренной А. М. Производственная демократия и трудовое право. М., 1989; Маврин С. П. Правовые средства управления трудом на предприятии. Л., 1989 и др.

⁹⁴ См.: Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. М., 1982; Курилов В. И. Личность. Труд. Право. М., 1989; Лебедев В. М. Воспитательная функция советского трудового права. М., 1981 и др.

⁹⁵ См.: Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда. М., 1982; Горшенин К. П. Охрана труда рабочих и служащих. М., 1971; Киселев Я. Л. Законодательство об охране труда и техника безопасности. М., 1960; Семенков В. И. Охрана труда в СССР (правовые проблемы). Минск, 1976 и др.

тация труда женщин, подростков и учащейся молодежи в работах Ю. П. Орловского, В. Н. Толкуновой (1914–2004), А. И. Шебановой и др.⁹⁶ Рассматривались также особенности правового регулирования трудовых отношений работников отдельных отраслей хозяйства и работающих на Крайнем Севере⁹⁷. Опираясь на научные исследования, в СССР были установлены достаточно жесткие и обоснованные ограничения по применению труда женщин и подростков.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. официально была объявлена борьба с текучестью кадров, за стабилизацию трудовых отношений и укрепление трудовой дисциплины. Эти взаимосвязанные между собой проблемы были подвергнуты учеными-трудовиками всестороннему исследованию (А. А. Абрамова, **В. Н. Смирнов** (1925–1999), **Л. А. Сыроватская** (1927–1999) и др.)⁹⁸, хотя они и ранее не были обделены вниманием исследователей⁹⁹. Новый всплеск интереса к трудовой дисциплине был

---

⁹⁶ См.: Абрамова А. А. Труд женщин. М., 1982; Андреев В. С., Орловский Ю. П. Правовое положение лиц, совмещающих обучение с производственным трудом. М., 1961; Иванкина Т. В. Права трудящихся женщин. Л., 1990; Орловский Ю. П. Труд молодежи в СССР. М., 1974; Толкунова В. Н. Право женщин на труд в СССР. М., 1980; Шебанова А. И. Право и труд молодежи. М., 1973 и др.

⁹⁷ См., например: Глозман В. А. Трудовые права работников автомобильного транспорта. М., 1964; Карасев Я. А. Правовое регулирование труда работников МТС и совхозов. М., 1956; Киселев Я. Л. Трудовые права членов артелей и промысловой кооперации. М., 1955; Сергиенко Л. А. Правовая регламентация управленческого труда. М., 1984 и др.

⁹⁸ См.: Абрамова А. А. Дисциплина труда в СССР (Правовые вопросы). М., 1969; Абрамова О. В., Никитинский В. И. Комплексный подход к укреплению трудовой дисциплины. М., 1982; Горшенин К. П. Труд и трудовая дисциплина. М., 1971; Лебедев В. М. Дисциплина труда. Барнаул, 1976; Молодцов М. В., Сойфер В. Г. Стабильность трудовых правоотношений. М., 1976; Пятаков А. В. Укрепление трудовой дисциплины (правовые проблемы). М., 1979; Смирнов В. Н. Дисциплина труда в СССР (Социальные и правовые проблемы) Л., 1972; Сыроватская Л. А. Ответственность по советскому трудовому праву. М., 1974 и др.

⁹⁹ См.: Кафтамовская А. М., Лившиц Р. З. Дисциплина труда в СССР. М., 1959; Левиант Ф. М. Социалистическая дисциплина труда. Л., 1957; Неидзе Е. Г. Сущность и методы регулирования дисциплины труда в СССР. Тбилиси, 1964 и др.

связан с общим государственным курсом на укрепление дисциплины и организованности, провозглашенным генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андроповым в 1983 г.¹⁰⁰ Параллельно с этим анализировались проблемы материальной ответственности сторон трудового правоотношения в контексте борьбы за сохранность социалистической собственности (С. С. Каринский, Е. А. Кленов, В. Г. Малов, Е. С. Белинский и др.)¹⁰¹. В работах по данной теме прослеживается явный перекося в сторону исследований преимущественно ответственности рабочих и служащих за вред, причиненный имуществу предприятий. Исключение составляли работы Л. А. Сыроватской и П. Р. Стависского, которые рассматривали материальную ответственность как институт обоюдной материальной ответственности сторон трудового правоотношения. Впоследствии эта концепция стала преобладающей в теории трудового права и нашла отражение в последней кодификации трудового законодательства. Пограничным институтом с гражданским правом являлось возмещение вреда жизни и здоровью работника. Многие трудовики признавали его институтом трудового права и тесно увязывали с проблемами формирующейся отрасли права социального обеспечения¹⁰². В настоя-

¹⁰⁰ См.: Абрамова О. В., Никитинский В. И. Трудовая дисциплина. М., 1984; Саркисов А. Р. Внутренний трудовой распорядок социалистического государственного производственного предприятия (объединения). М., 1984 и др.

¹⁰¹ См.: Белинский Е. С. Материальная ответственность рабочих и служащих. Киев; Донецк, 1984; Каринский С. С. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву. М., 1955; Кленов Е. А., Малов В. Г. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., 1968; Малов В. Г., Орловский Ю. П., Петров Н. П. Роль трудового права в обеспечении охраны социалистической собственности. Горький, 1982; Орловский Ю. П. Материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию. М., 1979; Скобелкин В. Н. Материальная ответственность рабочих и служащих. Воронеж, 1983; Ставиский П. Р. Проблемы материальной ответственности в советском трудовом праве. Киев; Одесса, 1982; Тищенко И. А. Материальная ответственность рабочих и служащих. М., 1973 и др.

¹⁰² См.: Астрахан Е. И. Трудовое увечье и иждивенчество. М., 1967; Караваев В. В., Кафтанская А. М., Лившиц Р. З. Возмещение ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих. М., 1963; Лившиц Р. З. Возмещение вреда, причиненного здоровью рабочих и служащих. М.,

щее время этот институт большинством исследователей отнесен к праву социального обеспечения.

Правовые проблемы заработной платы активно изучались в 1950 – 1960-е гг.¹⁰³(А. Д. Зайкин (1924–2002), С. С. Каринский и др.). В дальнейшем эта тема продолжала оставаться в центре внимания исследователей (Р. З. Лившиц, А. А. Фатуев и др.)¹⁰⁴. При этом экономические реформы второй половины 60-х и второй половины 80-х гг. XX в. стимулировали научный поиск в сфере повышения материальной заинтересованности работников. Именно тогда в науке советского трудового права довольно активно разрабатывалась теория локальных нормативных актов¹⁰⁵. Многие советские ученые-трудовики ратовали за расширение пределов локального нормотворчества.

В этот же период продолжалось изучение проблем, связанных с рабочим временем и временем отдыха, нормированием труда (Л. Я. Гинцбург, Л. А. Муксинова, Л. Я. Островский, О. С. Хохрякова и др.)¹⁰⁶. Не обойден был вниманием и институт трудовых споров, но его содержание ограничивалось рассмо-

---

1986; Симоненко Г. Материальное обеспечение рабочих и служащих при трудовом увечье и профессиональном заболевании. М., 1964; Симорот З. К., Монастырский Е. А. Проблемы кодификации законодательства СССР и союзных республик о труде. Киев, 1977 и др.

¹⁰³ См.: Зайкин А. Д., Шкурко С. И. Правовые вопросы организации оплаты труда рабочих. М., 1967; Каринский С. С. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда (правовые вопросы). М., 1966 и др.

¹⁰⁴ См.: Лившиц Р. З. Заработная плата в СССР. М., 1972; Процевский А. И. Заработная плата и эффективность общественного производства. Харьков, 1975; Фатуев А. А. Вознаграждение за труд по советскому праву. М., 1977 и др.

¹⁰⁵ См.: Кондратьев Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973; Смолярчук В. И. Источники советского трудового права. М., 1978 и др.

¹⁰⁶ См.: Гинцбург Л. Я. Отпуск рабочих и служащих в СССР. М., 1973; Его же. Регулирование рабочего времени в СССР. М., 1966; Лившиц Р. З. Отпуск рабочих и служащих в СССР. М., 1963; Москаленко Г. К. Рабочее время и время отдыха. М., 1971; Муксинова Л. А. Проблемы регулирования рабочего времени в СССР. М., 1969; Островский Л. Я. Нормирование труда рабочих и служащих. Минск, 1976; Процевский А. И. Рабочее время и рабочий день по советскому трудовому праву. М., 1963 и др.

трением порядка разрешения индивидуальных трудовых споров (С. А. Голощапов, В. И. Смолярчук (1913–1995), А. И. Ставцева, В. Н. Толкунова и др.)¹⁰⁷. Социалистическая доктрина трудового права не признавала возможности коллективных трудовых споров и права на забастовку по советскому трудовому законодательству.

Одним из научных направлений в этот период был анализ роли судебной практики в совершенствовании трудового законодательства. В отечественной науке трудового права названная проблема является предметом исследований как в теоретическом, так и прикладном разрезах (прежде всего в работах А. К. Безиной, А. И. Ставцевой)¹⁰⁸. В качестве комплексного научного направления в советском трудовом праве необходимо отметить исследования, находящиеся на стыке правовых и социологических¹⁰⁹. Особое внимание хотелось бы обратить на исследования А. К. Безиной и ее учеников, посвященные сбору и систематизации научной литературы по советскому трудовому праву за период с 1917 по 2006 гг.¹¹⁰

¹⁰⁷ См.: Архипов В. Д. Подведомственность трудовых споров. М., 1980; Голованова Е. А. Трудовые споры в СССР и порядок их рассмотрения. Ч. 1–2. Пермь, 1970–1973; Голощапов С. А., Толкунова В. Н. Трудовые споры в СССР. М., 1974; Лушникова М. В. Трудовые споры в СССР. Ярославль, 1991; Пашерстник А. Е. Рассмотрение трудовых споров. М., 1958; Смолярчук В. И. Разрешение трудовых споров по советскому законодательству. М., 1971; Ставцева А. И. Рассмотрение трудовых споров. М., 1968; Толкунова В. Н. Порядок рассмотрения трудовых споров и исполнения решений по ним. М., 1980 и др.

¹⁰⁸ См.: Безина А. К. Судебная практика и развитие советского трудового законодательства. Казань, 1971; Ее же. Вопросы теории трудового права и судебная практика. Казань, 1976; Ее же. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Казань, 1989; Ставцева А. И. Разрешение трудовых споров. М., 1998 и др.

¹⁰⁹ См.: Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971; Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968 и др.

¹¹⁰ См.: Безина А. К., Щельванова Ж. В. Советское трудовое право: Указатель литературы. 1917–1969. Казань, 1971; Безина А. К. Трудовое право: Указатель литературы. 1970–1975. Казань, 1978; Безина А. К., Щельванова Ж. В. Трудовое право: Указатель литературы. 1976–1980. Казань, 1984; Безина А. К., Сафина Д. А., Шигалов Н. Г. Трудовое право: Указатель

Таким образом, дальнейшее развитие науки трудового права с 60-х гг. XX в. было связано с именами В. С. Андреева, А. А. Абрамовой, Е. М. Акоповой, Б. К. Бегичева, А. К. Безиной, А. Д. Зайкина, С. А. Иванова, В. М. Лебедева, Р. З. Лившица, М. В. Молодцова, **В. И. Никитинского** (1923–1992), Ю. П. Орловского, А. С. Пашкова, А. И. Процевского, В. Н. Скобелкина, О. В. Смирнова, В. И. Смолярчука, И. О. Снигиревой, А. И. Ставцевой, Л. А. Сыроватской, В. Н. Толкуновой, А. И. Шебановой и др. Многие из вышеназванных авторов принимали участие в работе по кодификации трудового законодательства, завершившейся принятием КЗоТ РСФСР 1971 г. Вопреки идеологическим запретам именно в советский период теория трудового права обогатилась рядом новых положений. Это касается универсального по своему содержанию учения о трудовом правоотношении, определения принципов трудового права, роли трудового права в сфере социалистического производства, утверждения приоритета социальной функции трудового права над производственной и приоритета трудовых прав конкретной личности.

После институционализации права социального обеспечения на рубеже 60–70-х гг. прошлого века в качестве самостоятельной отрасли права и науки исследования в данной сфере были активизированы. Анализу подверглись проблемы общей части, в том числе такие, как предмет, метод и источники отрасли, право на пенсию, отраслевая ответственность¹¹¹, социально-

---

литературы. 1981–1985. Казань, 1989; Безина А. К. Трудовое право: Библиографический указатель литературы. 1986–2006: В 2 ч. Казань, 2008.

¹¹¹ См.: Азарова Е. Г., Козлов А. Е. Личность и социальное обеспечение в СССР. М., 1983; Ачаркан В. А., Сеницына Т. А. Фонды социального обеспечения в СССР. М., 1977; Батыгин К. С. Ответственность по законодательству о социальном страховании. М., 1974; Егоров А. Н. Основные принципы советского права социального обеспечения. М., 1984; Иванкина Т. В. Проблемы правового регулирования распределения общественных фондов потребления. Л., 1979; Иванова Р. И., Тарасова В. А. Предмет и метод советского права социального обеспечения. М., 1983; Кузьмин Т. М. Советское право социального обеспечения. Саратов, 1982; Ланцев М. С. Социальное обеспечение в системе распределительных отношений социализма. М., 1975; Советское пенсионное право / Под ред. М. Л. Захарова. М., 1974; Тарасова В. А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. М., 1978; Ее же. Юридические факты в об-

обеспечительные правоотношения¹¹² и др. Это был наиболее яркий период развития данной науки, наработки которой способствовали созданию советской модели социального обеспечения периода позднего социализма. С учетом сугубо публичного характера отрасли стоит признать заслуги советских ученых в отстаивании и правовом закреплении основных социально-обеспечительных прав граждан.

К сожалению, в период «железного занавеса» недостаточно интенсивно осуществлялось взаимодействие с зарубежными учеными и степень знакомства отечественных трудовиков и специалистов в области права социального обеспечения с работами их иностранных коллег, за некоторым исключением, была невелика. В какой-то мере этот пробел был восполнен благодаря трудам по зарубежному и международному трудовому праву **Э. М. Аметистова** (1934–1998), М. В. Баглая, Э. И. Доморацкой, **Б. Н. Жаркова** (1924–?), С. А. Иванова, **И. Я. Киселева** (1932–2005), **В. И. Усенина**, Р. М. Цивилева и др.¹¹³ Изучалось также и трудовое и социальное законодательство социалистических и развивающихся стран¹¹⁴, в 1980-е гг. проводились научные международные конфе-

ласти пенсионного обеспечения. М., 1974; Тучкова Э. Г. Трудовой стаж в социальном обеспечении. М., 1980; Фогель Я. М. Право на пенсию и ее гарантии. М., 1972; Шайхатдинов В. Ш. Теория социального обеспечения. Саратов, 1982; Его же. Предмет и система права социального обеспечения. Свердловск, 1983 и др.

¹¹² См.: Гушин И. В. Правоотношения по социальному обеспечению членов колхозов. Калининград, 1974; Зайкин А. Д. Правоотношения по пенсионному обеспечению. М., 1974; Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М., 1986; Субботенко Е. В. Процедурные правоотношения в социальном обеспечении. Томск, 1980 и др.

¹¹³ См.: Аметистов Э. М. Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде. М., 1982; Доморацкая Э. И. Социальное законодательство Франции. М., 1975; Жарков Б. Н. Основные положения трудового законодательства в капиталистических странах. М., 1978; Киселев И. Я. Современный капитализм и трудовое законодательство. М., 1971; Трудовое право и научно-технический прогресс / Под ред. А. С. Иванова. М., 1974. С. 418–560; Усенин В. И. Реформизм и буржуазное социальное законодательство. М., 1967; Цивилев Р. М. Пенсионное обеспечение по старости в странах развитого капитализма. М., 1971 и др.

¹¹⁴ См.: Гусов К. Н. Общая характеристика трудового права зарубежных социалистических стран. М., 1986; Миронов В. К. Трудовое право

ренции ученых-трудовиков социалистических стран¹¹⁵. На рубеже 1980–1990-х гг. стали проводиться и международные симпозиумы с участием представителей капиталистических стран¹¹⁶. Впрочем, отрыв от общемировых тенденций развития социальных наук преодолевается только в последние годы¹¹⁷.

В отношении советского периода можно отметить следующее. Во-первых, в этот период наука трудового права развивалась неравномерно и противоречиво. В первые послереволюционные годы все ограничивалось, за редким исключением, пропагандой и публицистикой. Периодом относительного благополучия стали 1920-е гг., когда идеологический диктат был немного ослаблен, что позволило вести достаточно плодотворные дискуссии. 1930-е – начало 1950-х гг. стали «черной дырой» для отечественной юридической науки, когда произошла не просто стагнация, а по многим позициям и откат назад. Научные исследования были заменены идеологическими конструкциями, лозунгами, примитивными констатациями и др. Произошел почти полный отрыв от мировой науки. Отдельные исключения не отменяют общего вывода. Во-вторых, с конца 1950-х до начала 1990-х гг. советская наука трудового права и права социального обеспечения развивалась более поступательно, но жесткая идеологическая заданность и политизация сужали горизонты научного поиска. Приоритет производственной функции отрасли над

европейских социалистических стран. М., 1963; Его же. Трудовой договор в социалистических странах. М., 1975; Муцинова Н. А. Трудовое право развивающихся стран. М., 1989; Рябушкин Т. В., Галецкая Р. А. Социальное обеспечение в социалистических странах. М., 1984; Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: На материалах зарубежных европейских социалистических стран. Свердловск, 1986 и др.

¹¹⁵ См., например: Социалистическое трудовое право в условиях научно-технического прогресса: Материалы международной научной конференции в Праге / Под ред. С. А. Иванова и др. М., 1981.

¹¹⁶ См., например: Сравнительное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума) / Под ред. С. А. Иванова и др. М., 1987; Право на труд: советский и британский подходы / Под ред. С. А. Иванова и др. М., 1989.

¹¹⁷ См. подробнее: Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 3. Сравнительное трудовое право и право социального обеспечения / Под ред. А. М. Лушникова, М. В. Лушниковой. Ярославль, 2008.

социальной отразился и на тематике научных исследований (акцент на обязанностях работников, их материальной ответственности, недооценка личных неимущественных прав работников, однобокость изучения таких институтов, как нормирование и охрана труда, недооценка договорных начал отрасли и др.). Обособление отрасли и науки права социального обеспечения было оусуществлено на рубеже 60–70-х гг. XX в.

Впрочем, партийное и государственное руководство страны по-прежнему недостаточно считалось с мнением ученых. Можно было бы предположить, что недоверие власти к старым «буржуазным» специалистам по трудовому праву не распространится на новую советскую генерацию юристов. Но этого не произошло. В дальнейшем советскую социальную политику определяли почти исключительно многоопытные партийные функционеры, «крепкие хозяйственники», имевшие в лучшем случае инженерное образование. Отсюда технократичность мышления и утилитарный подход к проблемам труда. Из всех советских специалистов в сфере трудового права исключение составил разве только К. П. Горшенин, бывший Прокурором СССР и министром юстиции СССР в 1943–1956 гг. Даже существовавший в 1955–1991 гг. Государственный комитет по труду и социальным вопросам возглавляли безликие номенклатурщики, о которых практически ничего не известно: А. П. Волков, В. Г. Ломоносов, Ю. П. Баталин, И. И. Гладкий, В. И. Щербаков. Кто руководил этим комитетом с конца 1950-х до 1976 г. установить вообще не удалось¹¹⁸. Исключение составил первый председатель в 1955–1956 гг. Л. М. Каганович (1893–1991), но данное назначение не может вызвать ничего, кроме недоумения. Этот политический деятель прославился тем, что в принципе игнорировал право, в том числе и трудовое. Для него не существовало таких понятий, как рабочее время и время отдыха, техника безопасности, а «штурмовщина» стала фирменным стилем руководства. В отношениях с подчиненными он отличался склонностью к рукоприкладству и нецензурной брани. Этот «интеллектуал» с двумя классами образования и юностью в сапожной мастерской добивался хозяйственных целей преимущественно при помощи угро-

---

¹¹⁸ См.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг. М., 1994. С. 415.

зы ареста подчиненных, а возглавляемые им ведомства подвергались наибольшей «чистке» в 1930-е гг. Именно он организовал подавление забастовки доведенных до отчаяния ивановских рабочих в 1932 г. Поразительно, но именно этот человек должен был формировать государственную политику в сфере труда и социальных отношений в начале «хрущевской оттепели».

Несколько слов необходимо сказать о научном осмыслении истории трудового права. С конца 20-х до середины 50-х гг. XX в. дореволюционный период практически не исследовался¹¹⁹, а исследования по советскому периоду были явно тенденциозными. Среди первых кандидатских диссертаций по данной дисциплине они занимали достаточно видное место (исследования К. П. Горшенина, Ф. М. Левиант и др. в 1930-е гг.). Немало их и среди первых докторских диссертаций (исследования В. М. Догадова о зарубежном трудовом законодательстве, Я. И. Давидовича о фабричном законодательстве царской России, проведенные в 1940-е гг.). Об этих работах будет сказано в разделах, посвящен-

---

¹¹⁹ Редким исключением были две монографии И. И. Шельмагина: Фабрично-заводское законодательство в России (2-я половина XIX века). М., 1947; Его же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. Последняя из них представляла его диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук. Она была подвергнута в печати настоящему разгрому (см.: рецензию А. С. Краснопольского и А. Е. Пашерстника // Советская книга. 1953. № 5. С. 83–87). Рецензия В. М. Догадова, А. Д. Зайкина и Е. Н. Коршунова называлась «Невежество и плагиат в книге по истории фабричного законодательства царской России» // Советское государство и право. 1953. № 5. С. 163–168. Действительно, И. И. Шельмагин, экономист по образованию, мягко говоря, плохо знал трудовое законодательство. Достаточно сказать, что он не отличал трудовой договор от коллективного договора, а многие страницы его работы представляют собой текстуальное заимствование из дореволюционных изданий. Но главное было не в этом. Ему инкриминировали активное использование «кадетских» дореволюционных изданий, прежде всего газеты «Право», переоценку роли «буржуазных» фабричных законов и их роли в улучшении жизни рабочих. Досталось И. И. Шельмагину и за нейтральное отношение к Л. С. Талю, который был аттестован как «ярый враг советской власти». Очевидно, что исследование И. И. Шельмагина получилось вторичным и компилятивным, но главной мишенью для критиков стали его идеологические упушения.

ных этим ученым. В дальнейшем среди авторов диссертаций по данной проблеме были как юристы, так и историки¹²⁰. Литература об истории рабочего класса и его взаимоотношениях с буржуазией в дореволюционной России начиная с конца 1950-х гг. насчитывает многие сотни изданий, причем в некоторых из них рабочему законодательству уделено значительное место¹²¹. Самым компетентным из числа историков специалистом в области дореволюционного фабричного законодательства был, на наш взгляд, **В. Я. Лаверычев** (1924–1992)¹²². Литература по истории советского трудового права существенно беднее, а суперкритическое отношение к досоветскому периоду здесь сменяется в основном на комплементарность¹²³.

Постсоветский период развития науки трудового права и науки права социального обеспечения. В 1990-е гг. оживилось изучение теоретических проблем трудового права, что оказало некоторое влияние на концепцию и содержание Трудового кодекса (ТК) РФ¹²⁴. Надо отметить, что в постсоветский период наметил-

---

¹²⁰ См.: Лерман С. И. Законодательство о фабричном труде в России в 80-х и начале 90-х годов XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Киселев А. Ф. Народный комиссариат труда и профессиональные союзы в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 – лето 1918): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Кисарова Т. А. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985 и др.

¹²¹ См.: Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в дореволюционный период (1895–1904 гг.). Львов, 1964; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976; Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века. М., 1986 и др.

¹²² См.: Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; Его же. Царизм и рабочий вопрос (1861–1917). М., 1972 и др.

¹²³ См.: Астапович З. А. Первые мероприятия советской власти в области труда (1917–1918 гг.). М., 1958; Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1922 гг.). М., 1974; Волкова О. Н. История развития советского трудового права. М., 1986 и др.

¹²⁴ См.: Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 1997; Куренной А. М. Трудовое право: на пути к рынку. М., 1997; Маврин С. П. Современные проблемы общей части российского трудового права. СПб., 1993; Миронов В. И. Законодательство о труде: теория и практика. М., 2000 и др.

ся поворот в исследованиях, связанный с большим вниманием к правам конкретного работника, когда трудовая деятельность является не только реализацией права на труд, но и реализацией творческого потенциала конкретной личности, свободы труда. В настоящее время в таком ключе продолжают вестись исследования представителями пермской юридической школы, и прежде всего Л. Ю. Бугровым¹²⁵. В этот период сформировалось новое научное направление – социальное партнерство в сфере труда¹²⁶.

Новая кодификация трудового законодательства поставила на повестку дня вопрос о системе отрасли трудового права. В. Н. Скобелкиным и его учениками была предпринята попытка обоснования новой отрасли – процедурно-процессуального права¹²⁷. Теоретической базой этой концепции послужила теория «комплекса трудовых правоотношений», которую активно разрабатывал В. Н. Скобелкин. В отличие от господствующего в теории трудового права признания существования единого трудового правоотношения, он обосновывал идею системы таких трудовых отношений: отношений материально-правового характера и нематериальных (организационных, процедурных, процессуальных)¹²⁸.

Российская наука трудового права в настоящее время переживает переломный период, вызванный коренными изменениями всей социально-политической системы российского общества. По сути, происходит переход к иным цивилизационным и формационным основам. Его можно сравнить только с периодами формирования российской науки трудового права и соз-

---

¹²⁵ См.: Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь, 1992; Бугров Л. Ю. и др. Творчество и трудовое право. Пермь, 1995 и др.

¹²⁶ См.: Лушникова М. В. Государство, работодатели и работники: история, теория и практика правового механизма социального партнерства. Ярославль, 1997; Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль, 2008; Чуча С. Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации. Омск, 2005 и др.

¹²⁷ Скобелкин В. Н., Передерин С. В., Чуча С. Ю., Семенюта Н. Н. Трудовое процедурно-процессуальное право. Воронеж, 2002.

¹²⁸ См.: Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М., 1999 и др.

дания советской модели трудового права. Отсюда вполне понятен и обоснован повышенный интерес современных исследователей к историческим истокам (Е. М. Аكوпова, И. Я. Киселев, Е. Б. Хохлов и др.)¹²⁹ и теоретическим основам российского трудового права, обращение к проблемам общей части трудового права, теории трудового договора, трудового правоотношения (С. Ю. Головина, К. Н. Гусов, А. М. Куренной, С. П. Маврин, Г. С. Скачкова, В. Г. Соифер и др.), юридическим фактам в трудовом праве (Э. Н. Бондаренко), принципам трудового права (И. К. Дмитриева), локальному регулированию трудовых отношений (В. Г. Хныкин) и др.¹³⁰

Отметим, что в постсоветский период диссертационные исследования по истории трудового права появились уже в основном с началом XXI в.¹³¹ На этот же период приходится и перео-

---

¹²⁹ См. Аكوпова Е. М. Трудовой договор: становление и развитие. Ростов-н/Д., 2001; Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001; Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. СПб., 1999 и др.

¹³⁰ См.: Бондаренко Э. Н. Трудовой договор как основание возникновения правоотношения. СПб, 2004; Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н. Ответственность по российскому трудовому праву. М., 2008; Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права. М., 2004; Кузьменко А. В. Предмет трудового права России: опыт системно-юридического исследования. СПб., 2005; Лушников М. В., Лушников А. М. Курс трудового права: В 2 т. М., 2003, 2004 (2-е изд., 2009); Их же. Очерки теории трудового права. СПб., 2006; Лютов Н. Л. Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ. М., 2007; Скачкова Г. С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм. М., 2003; Соифер В. Г. Стабильность и динамика трудового правоотношения. М., 2004; Его же. Проблемы развития трудовых правоотношений в условиях рынка труда. М., 2005; Томашевский К. Л. Изменение трудового договора и условий труда. М., 2005; Трудовое право России: проблемы теории / Под ред. С. Ю. Головиной. Екатеринбург, 2006; Хныкин Г. В. Локальные нормативные акты трудового права. Иваново, 2004 и др.

¹³¹ См.: Васильев Д. А. Фабричное законодательство России конца XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Гордеев И. А. История становления и развития советского трудового права: 1917–1941: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002 и др.

смысление развития советского трудового законодательства¹³², в отдельных случаях с некоторой претензией на сенсационность¹³³.

Следует выделить новаторский подход к проблемам теории трудового права авторов «Курса российского трудового права»¹³⁴. Они исходили из того, что, в отличие от цивилистики, наука трудового права не может возвращаться к своим истокам, ибо она сформировалась в основном в XX в. Речь может идти только об использовании досоветского, советского и зарубежного опыта для создания новой национальной модели правового регулирования труда.

Новое осмысление проблем общей части современного трудового права связано с трудами В. М. Лебедева¹³⁵, в которых обоснованы нетрадиционные подходы к учению о юридических фактах в трудовом праве, об объекте трудовых правоотношений, выводится родовое понятие «трудовая сделка», развивается концепция трудовых правоотношений. Представители томской школы трудового права, преимущественно ученики В. М. Лебедева, позиционируют себя с такими достижениями, как обоснование новой парадигмы трудового права, предложение оригинальной

¹³² См.: Борисов Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.) М., 2005; Горелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000; Журавлев С., Мухин М. «Крепостной социализм»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; История профсоюзов России. Этапы, события, люди / Под ред. Н. Н. Гриценко и др. М., 1999; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г.: Сб. / Сост. Д. Б. Павлов. М., 2006; Трудовые конфликты в СССР. 1930–1991: Сб. / Под ред. А. Н. Сахарова, Б. Н. Казанцева. М., 2006 и др.

¹³³ См., например: Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е годы). М., 2007

¹³⁴ Курс российского трудового права: В 3 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 1996; Т. 2: Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы) / Под ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. М., 2001; Т. 3. Трудовой договор / Под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 2007.

¹³⁵ См.: Лебедев В. М. Трудовое право. Проблемы общей части. Томск, 1998; Его же. Лекции по трудовому праву России. Томск, 2000, 2001, 2002. Вып. 1–3; Лебедев В. М., Воронкова Е. Р., Мельникова В. Г. Современное трудовое право (Опыт трудового компаративизма). Кн. 1. М., 2007 и др.

системы и основания классификации норм трудового права, разработка теории трудового состояния работника и др.

Новое современное поколение учебников по зарубежному, сравнительному и международному трудовому праву связано с именем И. Я. Киселева, который являлся ведущим отечественным специалистом в данных областях¹³⁶.

Для постсоветской науки трудового права актуальной практической задачей стала разработка новой, во многих отношениях принципиально иной, концепции отрасли трудового права. Критическое осмысление феномена советского трудового права стимулировало новые подходы в исследовании проблем социального назначения, принципов трудового права, включая принципы свободы договоров о труде, запрета дискриминации, правового статуса субъектов (индивидуальных и коллективных), понятийного аппарата отрасли, социального партнерства в сфере труда и др. Сочетание разработанных в советский период теоретических конструкций и современных новаций послужили основой проведения четвертой кодификации трудового законодательства и работы по внесению изменений и дополнений в ТК РФ.

Отказ от социалистической системы хозяйствования и переход к рыночным капиталистическим отношениям поставил на повестку дня вопрос о новой кодификации. Ее необходимость официально прозвучала в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г., в котором намечалось «подготовить к началу 1992 года проект нового Трудового кодекса РСФСР, соответствующего интересам трудящихся и объективным потребностям производства в условиях многоукладности форм собственности». Практически общим местом стало утверждение, что «одними изменениями и дополнениями в КЗоТ нельзя привести трудовое законодательство в соответствие с новыми экономическими реалиями, обусловленными переходом к рыночным отношениям. На-

---

¹³⁶ См.: Киселев И. Я. Зарубежное трудовое право. М., 1998; Его же. Сравнительное и международное трудовое право. М., 1999; Его же. Сравнительное трудовое право стран развитой рыночной экономики. М., 1995; Его же. Международно-правовое регулирование труда (международные стандарты). М., 1995; Его же. Сравнительное трудовое право. М., 2005; Киселев И. Я., Лушников А. М. Трудовое право России и зарубежных стран: Международные нормы труда. М., 2008 (3-е изд.) и др.

зрела необходимость разработки принципиально нового законодательства о труде России и прежде всего его основополагающих актов»¹³⁷. Один из первых проектов Основ законодательства о труде РФ во второй половине 1992 г. подготовил научный коллектив под руководством Ю. П. Орловского и Р. З. Лившица, в который входили такие видные ученые, как В. И. Никитинский, А. И. Ставцева, О. С. Хохрякова, И. О. Снигирева и др.¹³⁸

Между тем законотворческая работа над кодексом затянулась на 10 лет, «разработать кодекс, который получил бы общественное одобрение, оказалось нелегкой задачей, учитывая резкую поляризацию социальных и политических сил в современной России, воздействие традиций и инертность мышления значительной части населения ... противоречивость интересов различных слоев общества и различное видение ими путей дальнейшего развития страны»¹³⁹. Первый проект Трудового кодекса РФ (ТК РФ) был подготовлен Министерством Труда РФ и опубликован в 1994 г. в «Российской газете» (26, 27 октября) для широкого обсуждения¹⁴⁰. Однако до внесения на рассмотрение в Государственной Думе дело не дошло. Следующий этап законотворчества ознаменовался появлением сразу трех проектов Трудового кодекса. Доработанный «правительственный» вариант кодекса 24 февраля 1999 г. был направлен в Государственную Думу. Наряду с этим проектом в Думу были внесены еще два проекта. Это – проект, подготовленный Фондом рабочей Академии и внесенный депутатом Т. Г. Авалиани, а также проект, внесенный депутатом А. Г. Головым. Первый из названных можно назвать «социалистическим профсоюзным проектом», его авторы вернулись к редакции КЗоТ РСФСР времен развитого социализма с идеями профсоюзного строительства и самоуправления трудовых коллективов. Другой крайностью являлся проект

¹³⁷ Проект Основ законодательства о труде Российской Федерации (материалы обсуждения) / Под ред. Ю. П. Орловского. М., 1993. С. 3.

¹³⁸ Проект Основ законодательства о труде Российской Федерации. С. 28–97.

¹³⁹ Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 274.

¹⁴⁰ См. о первом проекте ТК РФ: Колосов В. Основные направления реформирования трудового законодательства в Российской Федерации // Человек и труд. 1994. № 12. С. 59–70.

А. Г. Голова, который содержал только две части: общую часть и часть, определяющую ответственность сторон. В этом проекте культивировались цивилистические договорные конструкции и использовался зарубежный опыт. Но уровень развития трудовых отношений в России, сложившиеся традиции, менталитет россиян не позволяют «перешагнуть» необходимые этапы в развитии трудового законодательства. Такой попыткой «равновесного» Трудового кодекса следует признать согласованный проект Трудового кодекса РФ, который в июне 2001 г. прошел первое чтение в Государственной Думе. Он явился результатом компромисса и имел в своей основе так называемый «правительственный вариант». Однако он не был свободен от ряда противоречий, которые явились результатом противостояния различных подходов к регулированию трудовых отношений, что впоследствии нашло отражение и в принятом 30 декабря 2001 г. ТК РФ, который вступил в силу 1 февраля 2002 г.

В контексте изучения постсоветского периода можно отметить, что произошел некоторый возврат к досоветским научным наработкам и изучению опыта западных стран, но отечественная трудовая наука и наука права социального обеспечения пока продолжают находиться в «поисках образа». В частности, новый облик права социального обеспечения обусловлен, в том числе, модификацией природы этой отрасли. Она все больше приобретает частно-публичную природу¹⁴¹. Отсюда «новый облик» отрасли связан также и с ее экспансией, расширением сферы действия за первоначальные публичные пределы. Речь идет прежде всего о расширении сферы договорного регулирования социально-обеспечительных отношений (социально-страховых и отношений по социальной помощи, социальному обслуживанию) и появлении широкого круга негосударственных организаций и органов как субъектов права социального обеспечения. М. В. Филиппова называет их публичными агентами, допущенными государством к осуществлению социальной политики и наделенными соответствующими полномочиями¹⁴². Речь идет не

---

¹⁴¹ См., например: Аракчеев В. С. Теоретические и практические вопросы общей части права социального обеспечения. Томск, 2001. С. 28.

¹⁴² См.: Право социального обеспечения / Под ред. М. В. Филипповой. М., 2006. С. 86–87.

только о новых формах социального обеспечения, но и расширении круга лиц, субъектов, нуждающихся в социальном обеспечении и предоставляющих такое обеспечение. Социально-экономические и политические предпосылки обусловили в своей совокупности и новые современные подходы к определению функций отрасли, ее предмета, метода, источников права и иных системообразующих факторов. Контуры таких подходов можно обнаружить в целом ряде современных публикаций, хотя мнения авторов по многим вопросам не совпадают¹⁴³. Впрочем, «поиск образа» современной науки права социального обеспечения продолжается и может продлиться еще достаточно долго¹⁴⁴.

---

¹⁴³ См.: Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2004; Лушников А. М., Лушникова М. В., Барышникова Т. Ю. Теория права социального обеспечения: прошлое и настоящее. Ярославль, 2008; Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения. Перспективы развития. М., 2000; Миронова Т. К. Право и социальная защита. М., 2006; Право социального обеспечения / Под ред. К. Н. Гусова. М., 2007; Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования. Омск, 2003 и др.

¹⁴⁴ См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2008 (2-е изд., 2009).

Глава 1. Все познается в сравнении: развитие науки трудового права и права социального обеспечения в странах Запада (вторая половина XIX–XX вв.)

Идея существует в той мере,
в какой находит последователей.

*Г. О. Марсель (1889–1973),
французский философ*

1.1. Наука трудового права стран Запада в лицах (*Ф. Лотмар, Г. Зинцгеймер, О. Кан-Фройнд, В. Каскель, А. Ф. Никиш, Б. Вебб, С. Вебб, К. Уэддерберн, Ж. Лион-Кан и др.*)

В данном разделе книги будет затронута только общая канва развития науки трудового права в странах Запада, а также научное наследие выдающихся ее представителей. Кроме того, основное внимание будет обращено на труды исследователей проблем правового регулирования трудовых и социально-обеспечительных отношений Германии, Великобритании, Франции, США, отчасти Нидерландов и ряда других стран, которые оказали наибольшее влияние на развитие отечественной науки. В этой части предлагаемый экскурс имеет не столько самостоятельное значение, сколько призван показать место российской науки в глобальном процессе развития трудового права и права социального обеспечения. Начнем мы с **германской и примыкающей к ней швейцарской и австрийской школ трудового права.**

В наибольшей степени проблем правового регулирования трудовых отношений первоначально касались германские цивилисты. Они традиционно рассматривали труд как один из объектов гражданских правоотношений, практически не выделяя или только констатируя его специфику. К числу таких цивилистов могут быть причислены *Георг Фридрих Пухта* (1798–1846) и *Бернгард Виндшейд* (1817–1892), чьи труды хорошо были известны в

России¹⁴⁵. Но первый из них упоминал категорию «прав на чужую личность», противопоставляя им права на чужие действия и на собственную личность. Личность при этом не могла быть приравнена к вещи и поглощена. Оба немецких ученых подчеркивали связь «права над личностью» с лежащими на их обладателе обязанностями и тем самым квалифицировали их, в сущности, как правоотношения¹⁴⁶. Уже здесь есть внутренне противоречивые положения, не позволяющие свести труд только к положению товара, отождествив пользование им с использованием личностью работника. Отметим, что эти немецкие ученые были специалистами по римскому праву, что не могло не сказаться на их взглядах на правовое регулирование труда.

Первая попытка «обнять всю область договоров о труде» была предпринята немецким ученым, известным теоретиком права и цивилистом Х. Данквартом в двух журнальных статьях, опубликованных в 1874 и 1875 гг. Понятие «трудовой договор» тогда отсутствовало в положительном праве, а фиктивно считалось, что юридическим фундаментом всех договоров о труде являются три основных типа договора, пришедших в несколько измененном виде из римского права: личный наем, подряд и поручение. Отметим, что Х. Данкварт был известным и авторитетным в России цивилистом¹⁴⁷. Его обращение к проблеме договоров о труде вызвало определенный отклик у его не только немецких, но и российских коллег, о чем будет сказано далее.

Однако локальные проблемы правового регулирования общественных отношений, связанных с наемным трудом, изучались и ранее. Так, в середине XIX в. швейцарский юрист **Иоганн Каспар Блунчли** (1808–1881) выступил с предложением обязать фабрикантов, при известном количестве рабочих на их предприятиях, издавать правила внутреннего распорядка с обя-

¹⁴⁵ См.: Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1. М., 1874; Его же. Энциклопедия права. Ярославль, 1872; Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. СПб., 1874; Его же. Об обязательствах по римскому праву. СПб., 1875. О воззрениях Пухты см.: Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. (по изд. 1896). С. 91–99 и др.

¹⁴⁶ См.: Таль Л. С. Проблема власти над человеком в гражданском праве. Б. м., б. г. С. 8–9 (оттиск: Юридический вестник. 1913. III. С. 103–140).

¹⁴⁷ См.: Данкварт Х. Гражданское право и общественная экономия. СПб., 1866.

зательным предварительным утверждением их государственными органами. В утверждении могло быть отказано, если правила незаконны, несправедливы или неясны. Их «справедливость» предполагала выявление и учет мнения работников. Утвержденные правила должны подлежать оглашению путем вывешивания в мастерских. До их отмены они сохраняли обязательность как для работников, так и работодателей. Эта идея была усвоена, с некоторым отступлением, целым рядом промышленных законодательств. Даже там, где фабричные регламенты не получили законодательной санкции как, например, во Франции, судебная практика признавала их обязательную силу, если только они оглашались в установленном обычаем порядке. В этой связи мы можем говорить о формировании концепции локального правового регулирования трудовых отношений¹⁴⁸.

Примечательно, что рабочий вопрос в широком контексте общественных отношений был обозначен немецкими учеными, что нашло отражение в переводной литературе¹⁴⁹. Однако впервые на Западе проблемы права на труд и на существование в концентрированном виде были поставлены австрийским юристом и философом **Антоном Менгером** (1841–1907)¹⁵⁰. Но он так и не дал их юридических конструкций, ограничившись в основном экономическим и социальным анализом. Австрийский ученый стал автором концепции «юридического социализма», сторонником построения «народного, трудового» государства. Именно им была осуществлена «юридизация» социалистических идеалов. А. Менгер акцентировал внимание на том, что современное ему законодательство игнорирует интересы рабочих, не гарантирует им основных прав.

---

¹⁴⁸ См.: Блюнчли Каспар Иоганн // Юридический вестник. 1882. Февраль. С. 244–256; Зелинский Л. Конгресс французских профсоюзов // Сборник № 1 по вопросам профессионального движения и кооперации. М., 1906. С. 6–11; Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 33–34.

¹⁴⁹ См.: Пфейффер Э. Об ассоциации. Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть. СПб., 1866.

¹⁵⁰ См.: Менгер А. Гражданское право и неимущие классы населения. СПб., 1906; Его же. Новое учение о государстве. СПб., 1905; Его же. Право на полный продукт труда. М., 1905 и др.

Он выделил у рабочих три основных экономических права: 1) право на труд, 2) право на полный результат труда, 3) право на существование. Примечательно, что А. Менгер предлагал различать право на труд и право на призрение путем предоставления работы нуждающимся, «так как в социалистическом понимании право на труд предполагает обязанность имущественно-правового характера, вовсе не основывающуюся на благотворительности со стороны государства, ... удовлетворение требований, вытекающих из этого права, не может происходить в той оскорбительной для самолюбия форме, какая имеет место при оказании бедным призрения»¹⁵¹. Последнее А. Менгер понимал следующим образом: «В силу права на труд каждый трудоспособный гражданин, не находящий себе работы у частного предпринимателя, может требовать от государства или от общественных союзов (общин и т. п.) обыкновенной поденной работы с уплатой обычной заработной платы»¹⁵². Такая трактовка не исключала реализацию этого права в условиях капиталистической экономики и рыночных отношений. В этой части А. Менгер развил учение британца В. Томсона, который еще в 20-х гг. XIX в. обосновал три теоретических положения: труду должна быть представлена полная свобода; весь продукт труда должен быть гарантирован производителю; обмен продуктами труда должен быть свободен. По мнению некоторых российских ученых, на эти положения при построении своего учения опирался К. Маркс¹⁵³. Отметим, что другой немецкий ученый Рудольф Зингер определил право на труд более широко: «Право на труд есть принадлежащее каждому работоспособному и в то же время безработному гражданину право требовать от государства или государственного союза (общины, округа, области) представления (простой или профессиональной) работы в размере, обеспе-

¹⁵¹ Менгер А. Право на полный продукт труда. С. 12.

¹⁵² Цит. по: Глебов А. Общественная работа (социально-политический очерк). СПб., 1906. С. 8. Несколько иной русский перевод представлен в книге: Менгер А. Право на полный продукт труда. М., 1905. С. 23–24. При этом А. Менгер подчеркивал, что «право на труд имеет характер только дополняющий современное имущественное право, и оно прямо предполагает существование частной собственности на землю и капитал».

¹⁵³ См.: Герценштейн М. Я. Научный обзор. Политическая экономия // Русская мысль. 1887. Кн. 7. С. 166–169.

чивающем достаточное удовлетворение жизненных потребностей лица правомочного»¹⁵⁴. Таким образом, Р. Зингер связывал право на труд не только с правом на получение работы, но и с вознаграждением за такую работу, достаточным для удовлетворения жизненных потребностей.

Право на полный продукт труда А. Менгер определял так: «Если какой-нибудь предмет произведен трудом одного работника, он должен принадлежать ему одному. Если же предмет произведен одновременно или последовательно сотрудничеством многих работников, что является обычным при господствующем разделении труда, то каждому работнику должно быть представлено из меновой стоимости продукта столько, сколько он вложил в него своим трудом. Так как при господстве этого принципа распределения трудовой доход целиком идет работнику, то становится невозможным существование ни вне­трудовой прибыли (земельной ренты, прибыли на капитал), ни ее юридической основы частной собственности»¹⁵⁵. Очевидно, что это право могло быть реализовано только в условиях государственной собственности на землю и средства производства. В отечественной литературе даже социалистического толка подчеркивалась нереалистичность данного положения. Получалось, что государство на реализацию своих целей, в том числе на культурное развитие, образование и др., не получало вообще ничего. Как писал Б. В. Чредин (о нем будет сказано отдельно): «Частная собственность на землю и капитал должна быть упразднена во имя частной собственности на произведенный продукт – такова внутренняя пружина защиты права на полный продукт труда»¹⁵⁶.

Наконец, о праве на существование А. Менгер писал: «Каждый член общества имеет право для поддержания своего существования получить все необходимые предметы и услуги сообразно с наличными средствами, прежде чем будут удовлетворены менее насущные потребности других»¹⁵⁷. При этом «скромные зачатки» или «жалкие попытки» осуществления права на существова-

---

¹⁵⁴ Зингер Р. Богатство и труд. Берлин, 1895. С. 77.

¹⁵⁵ Менгер А. Право на полный продукт труда. С. 17.

¹⁵⁶ Чредин В. Б. Народное трудовое государство и основные экономические права. М., 1918. С. 39.

¹⁵⁷ Менгер А. Право на полный продукт труда. С. 19–20.

ние он видел в страховании против безработицы, несчастных случаев, старости и инвалидности¹⁵⁸. Главной задачей трудового государства ученый считал индивидуальные интересы больших народных масс¹⁵⁹. При всем радикализме такой постановки вопроса А. Менгер не доводил его до последней крайности. Он отмечал, что социальные стремления его времени направлены к тому, чтобы, с одной стороны, до известной степени, провести в жизнь право на существование, а с другой – сохранить в целостности здание нашего гражданского строя¹⁶⁰.

Немецкий экономист **Луио Brentано** (1844–1931) дал развернутый анализ особенностей наемного труда как товара. Русский юрист Л. С. Таль назвал этот анализ «блестящим»¹⁶¹. Определенную роль сыграло то, что Л. Brentано некоторое время изучал в Англии деятельность тамошних рабочих союзов¹⁶². Творчество этого ученого оказало большое влияние на его русских коллег¹⁶³. До известной степени Л. Brentано был социалистическим антиподом К. Маркса, утверждая, что теория последнего верна только до тех пор, пока рабочие лишены организации и изолированно предлагают свой труд. Разрешить социальные противоречия предлагалось путем организации реформистских профсоюзов и принятия фабричного законодательства, в том числе социально-обеспечительного. Из всех ученых-социалистов он был наибольшим либералом. Несколько обособленная позиция Л. Brentано заключалась в том, что он последовательно проводил мысль, что в условиях современного хозяйственного строя профсоюзы должны быть преимущественным средством для установления нормальных отношений между хозяевами и рабочими в их переговорах по социально-обеспечительной проблематике. В этом он был последователем своих предшественников англичан Ф. Гаррисона и

¹⁵⁸ См.: Менгер А. Новое учение о государстве. СПб., 1905. С. 101–102, 128 и далее.

¹⁵⁹ Там же. С. 20.

¹⁶⁰ Менгер А. Право на полный продукт труда. С. 21.

¹⁶¹ См. Таль Л. С. Пути и цели реформы законодательства о найме труда. М., 1912. С. 9.

¹⁶² См.: Brentано Л. Христианско-социалистическое движение в Англии. М., 1906.

¹⁶³ См.: Святловский В. В. Л. Brentано, его жизнь, воззрения и школа. М., 1896.

В. Торнтон. Для Л. Brentano законодательство играло второстепенную роль и имело значение только для слабейших элементов рабочей массы, которые не могут достаточно защитить свои интересы и обеспечить себе средства к существованию. По сути, он ратовал за английскую систему установления социальных гарантий посредством переговоров между сильными тред-юнионами и предпринимателями¹⁶⁴. Его можно считать одним из адептов и крупных теоретиков коллективно-договорных отношений и профсоюзного права.

Вместе с тем Л. Brentano и еще один германский экономист **Георг Геркнер** резонно полагали, что именно фактическая свобода договора о найме стала началом правильного развития капитализма¹⁶⁵. Отметим, что этот немецкий экономист был широко известен и на Западе, и в России как один из наиболее крупных специалистов по рабочему праву¹⁶⁶. Уже к 1917 г. его исследование «Рабочий вопрос» выдержало в Германии 6 изданий (5-е немецкое издание 1908 г. было опубликовано в России в 1917 г.). Эта книга была написана преимущественно на нормативном материале Германии и Швейцарии. Основная часть его работы посвящена проблемам, непосредственно связанным с трудовым правом: индивидуальный и коллективный рабочий договор; история, устройство и цели рабочих союзов; стачечное движение рабочих и союзы работодателей, мирные средства разрешения промышленных споров (примирительные палаты, промысловые и третейские суды); государство и община в качестве работодателя; законодательство об охране рабочих и рабочее страхование¹⁶⁷. В целом Г. Геркнер был сторонником социальных реформ через расширение правовых начал в регулировании трудовых отношений.

Более радикальным социалистом был один из самых известных немецких экономистов и специалистов по финансовому

¹⁶⁴ См.: Brentano Л. Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда. СПб., 1895. С. 31 и далее; Его же. Профсоюзные организации рабочих. СПб., 1903. С. 18 и далее и др.

¹⁶⁵ См.: Геркнер Г. Рабочий труд в Западной Европе. СПб., 1899. С. 475.

¹⁶⁶ См.: Геркнер Г. Рабочие союзы. СПб., 1906.

¹⁶⁷ См.: Геркнер Г. Рабочий вопрос. Вып. 1. Социальная реформа. М.; Пг., 1917. С. 49–387. Рецензию на этот труд, подготовленную Н. Н. Голубевым, см.: Юридическая библиография. 1917. № 3–5. С. 104–105.

праву **Адольф Вагнер** (1835–1917). Начнем с того, что это был один из основателей, наряду с Г. Ф. Шмоллером, «Союза социальной политики», образованного в 1872 г. Этот Союз ставил задачей разработку законодательных мер по улучшению положения рабочих. Он разделял идеи государственного социализма и выступал за классовое сотрудничество и расширение государственного вмешательства в экономику. Данной цели А. Вагнер предлагал добиться через реформу системы налогообложения. Он выступал за усиление хозяйственной активности государства. Классовое сотрудничество и расширение государственного вмешательства в экономику он считал социалистическими мероприятиями. А. Вагнер также настаивал на имущественной ответственности предпринимателей за вред, причиненный жизни и здоровью рабочих. Еще в своей речи, произнесенной 12 октября 1871 г. в Берлине, он наметил программные положения, имевшие принципиальное значение для формирующейся науки трудового права, а затем и права социального обеспечения. Во-первых, он выступил за внесение «этического момента» в сферу хозяйственных отношений, прежде всего в сферу отношений работодателей и работников (работников). Для него это была область отношений «человека к человеку», т. е. областью правоотношений. Идею о купле-продаже наемного труда он назвал не только «антиэкономической», но и бесчеловечной¹⁶⁸. Во-вторых, Вагнер считал необходимым государственное вмешательство в отношения труда и капитала и опосредованное выравнивание их возможностей. Экономическое превосходство капиталистов должно было компенсироваться свободой рабочих коалиций, стачек, международных ассоциаций рабочих, деятельностью третейских судов и палат посредников. Конечной целью законодательного решения рабочего вопроса должен был стать «социальный мир»¹⁶⁹. При этом он обосновал необходимость проведения широких реформ, имеющих задачей обеспечить мирную социальную эволюцию. К этим необходимым мерам по решению социального вопроса он причислял следующие. Впервые, это – увеличение размера заработной платы, что является условием более обеспеченного и бо-

---

¹⁶⁸ См.: Вагнер А. Социальный вопрос. СПб., 1906. С. 9–10.

¹⁶⁹ Там же. С. 21–25.

лее здорового образа жизни, а вместе с тем условием поднятия образования и нравственности. Во-вторых, необходимость обеспечения рабочих на случай болезни, старческой нетрудоспособности, а равно призрения сирот и вдов. Самым трудным в деле страхования рабочих ученый считал вопрос о принуждении к страхованию со стороны государства. В перечень рассматриваемых реформ он также включал реформы, относящиеся к фабричному законодательству, проекты, касающиеся развития народного образования, народной литературы, потребительских обществ и справедливого налогообложения¹⁷⁰. Насколько можно судить из сказанного, социальное законодательство должно было стать основным средством социальной политики, осуществляемой в целях решения социального вопроса, т. е. удовлетворение социально значимых потребностей населения страны и прежде всего неимущей его части (пролетариата). Отсюда иногда встречающееся отождествление социального и рабочего вопросов. К социальному праву соответственно им относились трудовое право, право социального обеспечения, образовательное право, жилищное право, право потребительских обществ. Корни данной концепции «пересечения частного и публичного права» можно найти уже в работах школы французских солидаристов, о чем будет сказано ниже. Эта концепция нашла распространение и в доктрине трудового права и права социального обеспечения Германии, где она имеет различные интерпретации.

Отметим, что А. Вагнер пошел вслед за своим учителем, коим являлся *Карл Иоганн Родбертус-Язецов* (1805–1875), автором исследования «Требования рабочих классов» (1837 г.). Он отмечал противоречия между трудом и капиталом, но предлагал решить рабочий вопрос путем принятия развитого трудового законодательства (регламентация рабочего времени и заработной платы, выпуск «рабочих денег», привлечение работников к участию в управлении предприятиями и др.). Ему принадлежит известная фраза: «Дорого нам обходится дешевый труд». Его идея повышения платежеспособного спроса населения получила впоследствии плодотворное развитие, в частности, в трудах Дж. М. Кейнса. По сути, ученый стоял у истоков идеологии

---

¹⁷⁰ Вагнер А. Социальный вопрос. С. 33–34 и др.

«государственного социализма», которая позитивно повлияла на генезис трудового законодательства.

Г. Пеш, ученик и единомышленник А. Вагнера, рассматривал социальное страхование как форму высшей солидарности, которая только и может привести к победе над односторонним классовым эгоизмом при помощи трех средств: выравнивания интересов, любви к отечеству и религии¹⁷¹. Эту точку зрения в основном разделял и другой известный австрийский экономист и социолог А. Шеффле¹⁷². Часть немецких профессоров напрямую сотрудничала с рабочими организациями, оказывала им помощь в подготовке законопроектов и корпоративных актов. Так, Ф. А. Ланге (1828–1875)¹⁷³ и М. Гирш входили в постоянный комитет созданного в 1863 г. «Союза германских рабочих обществ»¹⁷⁴. М. Гирш вместе с Ф. Дункером выступил инициатором создания в 1868 г. общегерманских реформистских профсоюзных организаций, которые в советской печати получили наименование «гирш-дункеровских профсоюзов». Эти организации сформировали своеобразный заказ на трудовые исследования, в которых приняли участие большинство германских ученых левой ориентации. Отметим, что немецким ученым принадлежит приоритет и в исследовании вопросов, связанных с нормативами по охране труда. Так, *Макс Петтенкофер* (1818–1901) стал одним из основателей экспериментальной гигиены, в том числе гигиены труда, идеологом и соавтором многотомного труда «Руководство по гигиене и профессиональным болезням».

Если все вышеназванные германские ученые только намечали общие подходы к правовому регулированию трудовых отношений, то непосредственно трудовые исследования были связаны с определением места социальных, в том числе трудовых, прав в системе прав человека, попыткой вписать первые профильные законодательные акты в систему законодательства и правовую систему.

---

¹⁷¹ См.: Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л., 1947. С. 99.

¹⁷² См.: Шеффле А. Капитализм и социализм. Ч. 1. СПб., 1871.

¹⁷³ См.: Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. СПб., 1895.

¹⁷⁴ См.: Геркнер Г. Рабочий труд в Западной Европе. СПб., 1899. С. 466.

Один из самых известных немецких цивилистов и теоретиков права **Отто Гирке** (1841–1921) ввел термин «социальное право», определяющее, в отличие от частного (индивидуального) права, внутреннюю жизнь союзов, не имеющих публичного (государственного) характера. Он начал с обоснования социальной автономии этих образований, объем которой ограничивается законодательством. Ученый вполне резонно предположил, что публичное право по содержанию не включает в себя социальное (коллективное) право, ибо к последнему относятся права, не связанные с публичными корпорациями. Речь идет о правах союзов, реализующих интересы группы граждан и имеющих самостоятельные цели и охраняемые законом интересы. К числу таковых относятся семья, церковь, профсоюз, товарищества и общества, объединение работодателей, страховая касса и др. В трехтомной работе О. Гирке «Германское частное право», а именно в томе 1 (Лейпциг, 1905), заложена теоретическая основа выделения особых коллективных (социальных) отношений, в том числе коллективно-договорных отношений, а коллективным договорам, по сути, придается статус источников права. В этом контексте социальное право является правом интеграции. Его труды высоко ценил Л. С. Таль¹⁷⁵, который в целом так же придерживался этой теории. О. Гирке дал трактовку социальному праву в духе позитивизма, выделив, помимо традиционного частного (индивидуального) и публичного прав, еще и не сводимое к ним социальное право, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с союзами, отделенными от государства. Социальное право, к которому по смыслу относится и трудовое, в трактовке ученого, неразрывно и органически совмещало в себе частные и публичные начала. Примечательно, что уже в 1906 г. на съезде немецких юристов в Киле был поставлен вопрос о желательности законодательного нормирования аккордного трудового договора в области промышленности. На это был получен единогласный утвердительный ответ. Но дальнейшее обсуждение было отложено из-за не-

---

¹⁷⁵ См.: Таль Л. С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. М., 1915. С. 8–9, 20; Его же. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 42.

обходимости выяснения сложных вопросов, в том числе о правовой природе тарифного соглашения¹⁷⁶.

В части правовой квалификации социальных прав личности неоспоримая заслуга принадлежит немецкому ученому **Георгу Еллинеку** (1851–1911), который разграничивал «социальный» и «правовой» подходы к государству. Значение его научного наследия в России было общепризнанным¹⁷⁷. Для нас наиболее интересно предложенное им деление субъективных прав на частные субъективные и публичные субъективные права. Этой проблеме он посвятил специальное исследование «Система субъективных публичных прав» (русский перевод 1906 г.). Публичные субъективные права включали в себя право на положительные услуги со стороны государства. Этим подводилась правовая основа под социально-партнерские и социально-обеспечительные функции государства¹⁷⁸. С этим связана и проблема государственных гарантий и защиты индивидуальных социально-обеспечительных прав человека. При этом Г. Еллинек выступал за активную роль государства в социальной сфере. Отметим, что российские ученые отнеслись к этой теории неоднозначно. Некоторые из них заняли позицию позитивных критиков¹⁷⁹, но некоторые поддерживали эту теорию¹⁸⁰. Из этого следует разграничение между правами

---

¹⁷⁶ См.: Ельяшевич В. Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 178–179.

¹⁷⁷ См.: Еллинек Г. Борьба старого права с новым. М., 1908; Его же. Декларация прав человека и гражданина. М., 1906; Его же. Общее учение о государстве и праве. СПб., 1903; Его же. Право меньшинства. М., 1906; Его же. Право современного государства. СПб., 1908; Его же. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910 и др.

¹⁷⁸ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 580. Это же отмечал впоследствии И. А. Ильин (См.: Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 253.)

¹⁷⁹ См.: Елистратов А. И. Понятие о субъективном публичном праве // Ученые записки Лицея Цесаревича Николая. Вып. 8. 1913. С. 1–18; Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. Критико-систематическое исследование // Ученые записки Имп. Московского университета. Отдел. юрид. Вып. 42. М., 1913.

¹⁸⁰ См.: Гамбаров Ю. С. Свобода и ее гарантии. СПб., 1910. С. 131–132; Гюнтер А. Р. Субъективно-публичные права граждан. Харьков, 1917;

человека, которым корреспондирует пассивная обязанность государства не нарушать их (политические и гражданские права), и правами, которым корреспондирует активная обязанность государства не только защищать, но и осуществлять их. К последним относятся и социальные права человека.

Трудно переоценить влияние на развитие социальных наук в России, в том числе правоведения (и конкретно зарождающегося трудового права), немецкого социолога и историка **Макса Вебера** (1864–1920). С его трудами были знакомы русские юристы¹⁸¹. Особая восприимчивость к его научному наследию в России связана с тем, что он принципиально не отрицал исторического материализма и всего марксистского учения, был сторонником авторитетного в России в начале XX в. неокантианства и совмещал приверженность гуманизму с государственнымничеством. К тому же в 1906 г. он опубликовал две статьи о России: «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к мнимому конституционализму». Его труды печатались и в первые послереволюционные годы¹⁸², а с 90-х гг. прошлого века опять наблюдается настоящий «веберовский ренессанс»¹⁸³.

«Понимающая социология» М. Вебера предполагала рассмотрение поведения личности постольку, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. С этим связана одна из центральных методологических категорий – «социальное действие». В отличие от Э. Дюркгейма, о котором речь пойдет далее, он считал, что любой коллектив можно рассматривать как производное от составляющих его индивидов. Эти коллективы для М. Вебера представляли собой не самостоятельные реальности, а способы организации действия отдельных индивидов. Отсюда принципиальное различие в подходе к соотношению трудового договора и коллективного соглашения. Ориентировавшиеся

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 580; Кулишер А. М. Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. IV. С. 1–48 (оттиск) и др.

¹⁸¹ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 344 и др.

¹⁸² См.: Вебер М. Предрассветие. Картинки трудовой жизни XIX века. Л., 1924. Интересна рубрика, под которой вышло это издание, – «Книга для комсомольцев».

¹⁸³ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994; Его же. Избранные произведения. М., 1990 и др.

на учение Э. Дюркгейма французы Ш. Бенуа и Л. Дюги абсолютный приоритет, исходя из теории солидаризма, отдавали коллективному соглашению, признавая за ним статус нормативного правового акта. Трудовой договор должен был выводиться, по сути, из коллективного соглашения между социальными группами. Немецкие юристы Ф. Лотмар и В. Эндеманн, не без влияния М. Вебера, исходили из первичности индивидуального трудового договора, ограниченного по содержанию рамками закона и коллективного соглашения.

Одним из часто употребляемых М. Вебером терминов был «релевантность». Этот довольно расплывчатый термин использовался Ф. Лотмаром для характеристики труда как предмета договора. С этим был согласен и русский юрист Л. С. Таль, обозначавший наемный труд как юридически-релевантную деятельность, т. е. такую деятельность, обещание которой составляет типичный элемент для данного договора (в данном случае – договора найма труда)¹⁸⁴. Отечественный цивилист В. М. Гордон вполне корректно назвал это не очень точным определением понятия¹⁸⁵.

Однако первые попытки осмысления феномена наемного труда и нормирования найма отдельных категорий работников носили достаточно разрозненный и фрагментарный характер. В этой связи Ф. Лотмар, П. Пик, А. Шустер-Боннет, а в России Л. С. Таль последовательно выступали за законодательное и доктринальное обособление единого договора о труде, который обозначался различными терминами (рабочий, фабричный, трудовой)¹⁸⁶. Традиционно считается, что первым о необходимости единого понимания правовой природы труда начал писать профессор Боннского университета **Вильгельм Эндеманн**. В 1896 г. он сделал прямой вызов ученому миру, обратив внимание на ту услугу науке, которую оказал бы тот, кто бы взял на себя исследование сделки о труде во всех его многообразных проявлениях. В этой связи уместно вспомнить установку В. Эндеманна об основной задаче пра-

---

¹⁸⁴ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ярославль, 1913. С. 25–31.

¹⁸⁵ См.: Гордон В. М. К учению о трудовых договорах (Литературное обозрение). СПб., 1914. С. 10.

¹⁸⁶ См.: Таль Л. С. Новый австрийский закон о найме торговых и других служащих // Право. 1910. № 16. С. 996–1006.

ва: «Извлечь из экономических факторов и понятий главные основания для нормирования правооборота»¹⁸⁷. Он также выделил общую группу «сделок о труде».

Первым ответом на призыв В. Эндеманна стал двухтомный труд его соотечественника Ф. Лотмара (т. 1, 1902; т. 2, 1908), который был посвящен договорам о труде по гражданскому праву Германской империи. **Филипп Лотмар** (1850–1922), профессор университетов в Берне и Фрейбурге, провозгласил необходимость «единого понимания труда». Он насчитал до 18 видов договоров, которые являются разновидностью единого договора о труде. Он подробно рассмотрел их условия, прежде всего срок, форму, оплату. Им было выделено два основных элемента трудового договора: обещание работы и вознаграждение. Отсюда трудовой договор был определен как двусторонний возмездный договор об исполнении одной стороной работы и другой стороной – представления вознаграждения за оную. Сторонами договора определялись «работодатель» и «работополучатель» (в русском варианте это работник). Работа определялась как «деятельность человека, способная служить для удовлетворения чужой потребности и по указанию опыта где-либо и когда-либо вознаграждавшаяся». Эта «деятельность» не должна была противоречить нормам морали и права.

Ф. Лотмар в 1900 г. посвятил тарифным соглашениям специальное исследование. Он выдвинул положение, которое впоследствии закрепилось как на уровне доктрины, так и в законодательстве: «Коллективный договор никакого трудового отношения не устанавливает, он определяет только содержание тех рабочих договоров, которые могут быть в будущем заключены»¹⁸⁸. Ф. Лотмар утверждал, что коллективный договор и индивидуальный рабочий договор не заменяют, а дополняют друг друга. Он первым обосновал положение, согласно которому все условия индивидуальных договоров, ухудшающие положение работника по сравнению с условиями коллективного договора, должны признаваться ничтожными. Наоборот, действия коллективных договоров должны распространяться на так называемых неорганизованных рабочих, представители которых не участво-

---

¹⁸⁷ Цит. по: Канторович Я. А. Коллективный договор. Л., 1924. С. 18.

¹⁸⁸ Цит. по: Трахтенберг И. А. Коллективный договор. Харьков, 1918. С. 21–22.

вали в разработке и подписании коллективного договора, при условии, что их договоры не содержат противоправных положений. Этой точки зрения придерживался и русский цивилист Ю. С. Гамбаров¹⁸⁹. Ф. Лотмар впервые ясно высказал положение о том, что тарифный договор – настоящая двухсторонняя юридическая сделка. Иными словами, обосновывалась договорная теория коллективного соглашения. В числе оппонентов Ф. Лотмара оказались такие известные ученые, как француз М. Планьоль, голландец А. Эйзель, немец М. Петцше. Российские ученые в большинстве отнеслись к этому положению позитивно, отстаивая юридическое значение коллективных соглашений¹⁹⁰.

Таким образом, одной из главных заслуг Ф. Лотмара является обоснование широкой концепции трудового договора, которой охватываются любые договоры о труде, если иное прямо не предусмотрено правовыми нормами. Другими словами, эти договоры о труде, объединяемые общими признаками, обособлялись в особую группу договоров, природа которых отличалась от классических гражданско-правовых договоров (договоры подряда и поручения). Поэтому он отрицал возможность существования смешанных договоров, в содержание которых, наряду с обещанием работы и вознаграждения (условиями трудового договора), входят элементы других договоров (подряда, поручения и т. д.). Кроме того, он разграничивал самостоятельный (прежде всего предпринимательский) и несамостоятельный (на основе трудового договора) труд, что являлось еще одним аргументом в пользу самостоятельности и обособления трудовых договоров от иных гражданско-правовых договоров. Заслугой немецкого ученого можно считать и то, что он впервые ясно высказался за то, что тарифный договор – настоящая двухсторонняя юридическая сделка, а ее условия не могут ухудшать положение работника по сравнению с условиями трудового договора. Страстный призыв Ф. Лотмара не отделять труд от человеческой личности и необходимости ставить последнюю в основание любых отношений встретил понимание у

---

¹⁸⁹ См.: Гамбаров Ю. С. Свобода и ее гарантии. СПб., 1910. С. 29–30.

¹⁹⁰ См.: Улинский А. И. Юридическая конструкция тарифного договора. Курск, 1914. С. 6 и далее.

многих русских юристов¹⁹¹. Отметим, что один из первых российских ученых-трудовиков В. М. Догадов считал Ф. Лотмара основателем науки трудового права как особой отрасли юриспруденции¹⁹².

Очевидно, что работы Х. Данкварта, В. Эндеманна и особенно Ф. Лотмара¹⁹³ стали мощным импульсом, активизировавшим научный поиск русских юристов. Отметим, что во Фрейбурге лекции Ф. Лотмара слушали многие впоследствии известные германские ученые трудовики, такие как Г. Зинцгеймер, В. Каскель, А. Ф. Никиш (о них далее). Именно исследования немецких ученых имел в виду Л. С. Таль, утверждая, что человеческая личность «...по воззрениям современных культурных народов, не может быть предметом имущественных сделок»¹⁹⁴. В то же время в Германии, как и в целом на Западе в конце XIX – начале XX в., проблема правового регулирования найма труда не была в науке гражданского права доминирующей, но и не находилась на периферии научного интереса. Об этом можно судить по специальному обзору немецкого профессора П. Ортмана, посвященному частному праву и подготовленному для российской печати¹⁹⁵. Уже в то время были отмечены труды немца Ф. Лотмара, австрийца *Эмиля Штейнбаха* и венгра *А. Мешлени*, фиксировался интерес к зарождающемуся трудовому законодательству.

В числе тех немецких ученых, кто начал разрабатывать проблемы правового регулирования трудовых отношений, можно назвать *А. Вельблинга*, *Р. Зейделя*, *В. Зильбершмидта*, *А. Мюллера*, *Х. Поттгофа*, *Г. Рюмелина*, *О. Цвидинек-Зюденгорста*¹⁹⁶ и др. От-

---

¹⁹¹ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 246.

¹⁹² См.: Догадов В. М. Очерки трудового права. М., 1927. С. 49.

¹⁹³ Таль Л. С. Рецензия на труд Ф. Лотмара // Журнал министерства юстиции. 1909. Кн. 1. С. 285–298.

¹⁹⁴ Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1. Ярославль, 1913. С. 235.

¹⁹⁵ См.: Ортман П. Направления немецкой литературы частного права с 1896 года // Право. 1900. № 3, 51, 52; Там же. 1901. № 1, 4, 26.

¹⁹⁶ См.: Цвидинек-Зюденгорст О. Теория и политика заработной платы, в особенности исследование вопроса об установлении минимальной заработной платы. М., 1905.

метим, что на рубеже XX в. в России наиболее часто публиковались переводные научные работы именно немецких ученых¹⁹⁷.

Так, ряд публикаций о рабочем времени немецкого юриста и общественного деятеля *Р. Зейделя* были переведены на русский язык. По его мнению, первая попытка нормирования рабочего дня взрослых мужчин была осуществлена во Франции в период революционного кризиса. 22 марта 1848 г. принимается Закон о введении 10-часового рабочего дня в Париже и 11-часового – во всей Франции. В сентябре того же года последнюю цифру увеличили до 12 часов. Но значение этих законов было невелико, и они постоянно нарушались. Если во Франции эта попытка стала следствием коллективных требований рабочих, то в Австралии это же самое произошло под влиянием индивидуалистической доктрины. Символично, что первые попытки введения 8-часового рабочего дня были предприняты в некоторых австралийских штатах в том же 1848 г. Но на законодательном уровне это было впервые осуществлено в штате Виктория 21 апреля 1856 г. Вслед за этим аналогичные законы были приняты в ряде других штатов, прежде всего в Новом Южном Уэльсе, и в Новой Зеландии, где вводилась 48-часовая рабочая неделя и, по общему правилу, запрещался ночной труд после 21 ч¹⁹⁸. Сокращение продолжительности рабочего дня для детей и женщин автоматически влияло и на продолжительность рабочего времени мужчин, а в ряде случаев это время просто выравнивалось в силу производственной необходимости. При этом *Р. Зейдель* и *П. Герц* сходились во мнении, что уменьшение продолжительности рабочего дня, при некоторых издержках, в основном благотворно сказывается на развитии хозяйства и однозначно положительно – на культурном развитии и здоровье населения¹⁹⁹.

---

¹⁹⁷ См.: Зомбарт В. Промышленный рабочий вопрос. СПб., 1906; Мюллер А. Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих. СПб., 1907; Фрезе Г. Опыт рабочего представительства в управлении фабрикой. М., 1913; Шенберг Г. Ф. Положение труда в промышленности. М., 1896; Шмоллер Г. Ф. Борьба классов и классовое господство. М., 1906; Шульце-Геверниц Г. Очерк общественного хозяйства и экономической политики в России. СПб., 1901 и др.

¹⁹⁸ См.: Зейдель Р. Норма рабочего времени. Одесса. 1905. С. 8–9.

¹⁹⁹ См.: Герц П., Зейдель Р. Рабочее время, заработная плата и производительность труда. М., 1924.

В 1920-е гг. в СССР были знакомы с работами таких германских ученых, как *В. Циммерман*, *В. Шеебарт*, *Г. Шеффер*, *Э. Якоби* и др. В этот период публиковались сравнительные обзоры зарубежного и советского трудового законодательства²⁰⁰, где обязательно фигурировало законодательство Германии. Так, в обзоре, посвященном мировому законодательству по охране детского труда, сравнение было осуществлено по следующим разделам: рабочее время; допуск к работе и запрещение таковой; ученичество; контроль за проведением постановлений в жизнь и др.²⁰¹

Это вполне закономерно. После ноябрьской революции 1918 г. в Германии возникло «новое рабочее право», научные изыскания представителей которого были хорошо известны отечественным ученым²⁰². Германская Конституция 11 августа 1919 г. содержала в себе ряд положений из области трудового права. Согласно Закону от 4 февраля 1920 г. были учреждены промышленные советы (советы предприятий) и рабочим была предоставлена существенная роль в управлении производством. Публично-правовое значение коллективных договоров было санкционировано государством и подвергнуто правовой регламентации еще в 1918 г. На основании Указа Совета народных уполномоченных от 23 декабря 1918 г. «О тарифных (коллективных) договорах и примирительных камерах» в Германии учреждались примирительные камеры, имеющие целью разрешение трудовых споров, возникающих не только из уже заключенных договоров о труде, но и непосредственно при заключении тарифных договоров. Этим актом устанавливались два основных принципа коллективно-договорной практики: 1) принцип неотменяемости норм коллективного договора, т. е. ухудшающие по сравнению с ним положение работника нормы трудовых договоров признаются недействующими и заменяются нормами коллективного договора; 2) принцип всеобщности коллек-

²⁰⁰ См.: Жемчужникова М. Права и обязанности инспекции труда в СССР (с приложением краткого обзора инспекций труда за рубежом). М., 1925; Законодательство о труде в зарубежных странах (со сравнительными данными по СССР) / Под ред. А. М. Стопани. М., 1925–1927 и др.

²⁰¹ Мировое законодательство об охране детского труда / Под ред. С. И. Каплун. М., 1924. С. 9–40 и др.

²⁰² См.: Гюк А. Тарифный (коллективный) договор по германскому праву (тарифное право). М., 1924; Каскель В. Новое трудовое право. М., 1925 и др.

тивного договора, т. е. Министерство труда могло объявить обязательными его условия даже для лиц, его не подписавших, если такой договор распространен в определенной местности. В Германии в 1919 г. обязательными были объявлены 638 таких договоров, в 1920 г. – 1 464, а в 1922 г. – уже 1 752, в том числе 223 общеобязательных для всей страны. Все эти меры вызвали лавинообразный рост числа заключенных тарифных договоров. В 1920-е гг. во многих европейских странах принимаются специальные законы о коллективных договорах (Австрия, Чехословакия и др.)²⁰³.

Отметим, что и в России после февральской революции 1917 г. широкое распространение получили фабрично-заводские комитеты как органы рабочей самодеятельности на предприятиях. Временное правительство 23 апреля 1917 г. приняло постановление о рабочих комитетах в промышленных заведениях, которое представляло последним широкие возможности в защите прав работников. Фабрично-заводские комитеты должны были избираться на фабриках и заводах из числа рабочих на основе всеобщего равного избирательного права. На комитеты были возложены задачи представительства рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями, перед администрацией и владельцами предприятий. В разработке этого постановления принимали участие Л. С. Таль и И. С. Войтинский. По мнению некоторых русских юристов, оно послужило примером для немецких законодателей при разработке закона от 4 февраля 1920 г. «О советах предприятий»²⁰⁴. Германский закон предписывал создание на всех предприятиях, где было свыше 20 рабочих, совещательного органа с участием рабочих представителей. Также рабочее представительство устанавливалось в смешанных организациях предпринимателей и рабочих. Декларировалось «деловое объединение работников и работодателей», основой которого должны быть генеральные тарифные соглашения и взаимные консультации. Рабочее представительство провозглашалось также и на уровне примирительных ка-

---

²⁰³ См.: Гюк А. Указ. соч. С. 22 и далее; Канторович Я. А. Указ соч. С. 30–32; 95–96 и др.; Фабрично-заводские комитеты в Германии. М., 1924 и др.

²⁰⁴ См.: И. В. Наш Кодекс о труде и белые юристы за рубежом // Вопросы труда. 1923. № 4. С. 35–36.

мер²⁰⁵. В России ситуация развивалась иначе и уже в 1918 г. рабочие комитеты были включены в систему профсоюзных органов в качестве его низшего звена²⁰⁶. Соответственно эти комитеты фактически прекратили свое существование как органы рабочего представительства с определенной степенью самостоятельности.

Подлинным «отцом германского трудового права»²⁰⁷, да и западного трудового права вообще, большинство специалистов считают **Гуго Зинцгеймера** (1875–1945). Он родился в Вормсе 12 апреля 1875 г., в 1894 г. окончил местную гимназию. Затем изучал правовые науки в университетах Мюнхена, Берлина, Фрейбурга (где слушал лекции Ф. Лотмара) и Галле. Степень доктора права получил в Гейдельбергском университете (1902 г.), его диссертация была посвящена заработной плате и трудовому договору²⁰⁸. С 1903 г. он начинает заниматься адвокатской деятельностью во Франкфурте-на-Майне, защищает интересы рабочих при рассмотрении трудовых споров в судах, активно сотрудничает с профсоюзами. Зинцгеймер выступал последовательным сторонником политических и гражданских свобод, достоинства личности. Именно эти мотивы привели его к практической деятельности по защите прав рабочих и к изучению вопросов правового регулирования труда в науке²⁰⁹. К числу классических можно отнести его работы «Корпоративный договор о трудовых нормах» в 2-х томах (1902–1907 гг.) и «Закон о рабочем тарифе» (1906 г.), а также труд *А. Вельблинга* «Аккордный и та-

---

²⁰⁵ См.: Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме. М., 1959. С. 97–99.

²⁰⁶ См., например: Смолярчук В. И. Законодательство о трудовых спорах. М., 1966. С. 47.

²⁰⁷ Kubo K. Hugo Sinzheimer – Vater des deutschen Arbeitsrechts, Nördlingen, 1985; Knorre S. Soziale Selbstbestimmung und individuelle Verantwortung. Hugo Sinzheimer (1875–1945). Eine politische Biographie, Frankfurt-am-Main, 1991. Это две наиболее подробные научные и политические биографии Г. Зинцгеймера.

²⁰⁸ Sinzheimer H. Lohn und Aufrechnung. Ein Beitrag zur Lehre vom gewerblichen Arbeitsvertrag auf reichsrechtlicher Grundlage: Diss. Univ. Berlin, 1902.

²⁰⁹ Sinzheimer H. Der korporative Arbeitsnormenvertrag. Leipzig, 1907; Sinzheimer H. Brauchen wir ein Arbeitstarifgesetz? Rechtsfragen des Tarifvertrags. Jena, 1913; Sinzheimer H. Ein Arbeitstarifgesetz. Die Idee der sozialen Selbstbestimmung im Recht. Б. м., 1916.

рифный договор» (1908 г.). Г. Зинцгеймер, подчеркивая нормативный характер коллективных договоров, писал о том, что эти соглашения, обнаруживая явную тенденцию к расширению сферы его распространения, приобретают значение объективного права, образуемого силами, содержащимися в общественном организме. Примечательно, что Г. Зинцгеймер, как и впоследствии А. Гюк (о котором далее), считали, что коллективный договор лучше именовать «договором о трудовых нормах», в число которых входили и нормы о времени отдыха²¹⁰. Впрочем, среди немецких ученых леворадикальной ориентации были противники любого, в том числе коллективно-договорного, взаимодействия работников и работодателей, так как последние затушевывают классовую борьбу. К числу таковых относился З. Ледер²¹¹.

Г. Зинцгеймер, один из основателей движения «свободного права», социальное право трактовал как «наполовину публичное и наполовину частное», порождающее третий вид права, обладающее совершенно оригинальной юридической структурой. Вместе с тем главной характеристикой этого социального права является тесное переплетение норм частного и публичного прав. Он оказался одним из первых, кто еще в начале XX в. на концептуальном уровне провозгласил главной задачей трудового права поиск и фиксацию компромисса между интересами работников и работодателей. Он настаивал на том, что главный акцент надо делать не на различии, а на общности их интересов. Но при этом должны соблюдаться гарантии работникам, в том числе максимальная продолжительность рабочего дня и минимальная заработная плата, а их положение должно постепенно улучшаться. Этот выдающийся немецкий ученый придерживался концепции, в современной терминологии, социального назначения трудового права, но не противопоставляя ему экономическое значение данной отрасли.

Интерес к рабочему вопросу и обостренное чувство справедливости привели его в 1914 г. в ряды Социал-демократической партии Германии. Проблемами трудового права более активно начал заниматься после переезда во Франкфурт, а в 1914 г. он перебирается в столицу Германии, создает журнал «Трудовое пра-

---

²¹⁰ См.: Гюк А. Тарифный (коллективный) договор по германскому праву. М., 1924. С. 31–33.

²¹¹ См.: Вопросы труда. 1924. № 12. С. 185.

во» и становится советником Германского профсоюза металлистов. Ученый был сторонником придания коллективному (тарифному) договору значения нормативного правового акта и перенесения на коллективно-договорной и локальный уровень основного центра регулирования трудовых отношений. Он выступал за совмещение социального самоопределения и индивидуальной ответственности личности в социально-экономической и политической сферах. В ноябре 1918 г. вернулся во Франкфурт, с 1920 г. стал профессором трудового права и социального права местного университета. В 1921 г. был инициатором создания при университете Академии труда (Общественного фонда исследований проблем труда). Она, помимо прочего, осуществляла обучение рабочих основам трудового права²¹². В 1925–1931 гг. совместно с *Г. Радбрухом* (1878–1949)²¹³ и В. Миттермайером издавал журнал республиканского судейского союза «Юстиция». В 1928 г. он стал членом комиссии Общегерманского объединения профсоюзов по хозяйственным вопросам, занимался проблемами теории права. Зинцгеймер в начале 1930-х гг. начал разрабатывать концепцию социальной антропологии, согласно которой в центр трудового права должен быть поставлен человек, его личность²¹⁴. В этой части на Западе его заслуги признавались изначально, а в России это произошло только в постсоветский период²¹⁵. Ему принадлежит одна из наиболее известных на западе трактовок социального права²¹⁶.

В 1933 г. после прихода к власти А. Гитлера Зинцгеймер был вынужден эмигрировать в Нидерланды, где стал профессором социального права университета Амстердама, затем Лейдена. Он был инициатором создания при Амстердамском университете Ин-

---

²¹² Sinzheimer H. Grundzüge des Arbeitsrechts. Jena, 1921.

²¹³ Густав Радбрух – известный немецкий юрист и политический деятель, убежденный социал-демократ и сторонник реформ как в правовой, так и в социальной сфере. Друг и единомышленник Г. Зинцгеймера. Труды Радбруха были известны еще в дореволюционной России (см: Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915).

²¹⁴ Sinzheimer H. Das Problem des Menschen im Recht. Groningen, 1933.

²¹⁵ См.: Киселев И. Я. Зарубежное трудовое право. М., 1998. С. 15 и др.

²¹⁶ См.: Гуревич К. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 186 и далее; Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2009. С. 314–334 и др.

ститута трудового права и права социального обеспечения, который впоследствии получил его имя. После германского вторжения в Нидерланды он был арестован, несколько месяцев провел в заключении. Затем, вероятно по ошибке, был отпущен, во избежание повторного ареста перешел на нелегальное положение. В подполье он смог пережить оккупацию и умер 16 сентября 1945 г. в Нидерландах. Его последняя работа, посвященная осмыслению феномена права, была опубликована уже посмертно в 1949 г.²¹⁷ Именем Г. Зинцгеймера названы одна из улиц Франкфурта-на-Майне, где прошла большая часть его профессиональной и научной деятельности, а также Институт трудового права и права социального обеспечения при Амстердамском университете, о представителях которого еще будет сказано ниже. К юбилею его вступительной речи в Амстердамском университете 6 ноября 1933 г. этим институтом была организована крупная научная конференция, посвященная развитию трудового права в постиндустриальную эру. Опубликованные материалы этой конференции (эссе в память Г. Зинцгеймера) имели большой научный резонанс²¹⁸. Отметим, что Зинцгеймер признается одним из крупнейших германских социологов права, наравне с Е. Эрлихом и М. Вебером²¹⁹.

Учеником и духовным наследником Г. Зинцгеймера стал **Отто Кан-Фройнд** (1900–1979). Он родился 17 ноября 1900 г. во Франкфурте-на Майне. В конце Первой мировой войны он был призван в германскую армию, а после демобилизации, в 1918–1923 гг., студент Франкфуртского, Гейдельбергского и Лейпцигского университетов, в 1925 г. защитил диссертацию, затем сдавал экзамены на допуск к юридической практике. Его университетским преподавателем, научным руководителем и даже идеалом был Г. Зинцгеймер. В 1927 г. Кан-Фройнд начал свою трудовую деятельность, вскоре с научными целями посетил Великобританию и США. В 1928 г. он назначается судьей в Берлинском суде по трудовым делам, оставаясь убежденным социал-демократом,

---

²¹⁷ Sinzheimer H. Theorie der Gesetzgebung. Die Idee der Evolution im Recht. Haarlem, 1949 (postum).

²¹⁸ Labor Law in the Post-Industrial Era. Aldersot, 1994.

²¹⁹ Rottleuthner H. Drei Rechtssoziologen: Eugen Ehrlich, Hugo Sinzheimer, Max Weber // Erk Volkmar Heyen: Historische Soziologie der Rechtswissenschaft. Frankfurt am Main, 1986. S. 227–252.

проповедником идеалов демократического социализма²²⁰. 14 марта 1933 г. суд под его председательством решил дело не в пользу Имперского общества радиовещания и восстановил на работе трех ранее уволенных по подозрению в членстве в Компартии Германии механиков. Реакция властей последовала немедленно: 23 марта 1933 г. он отстраняется от должности судьи за политическую неблагонадежность, а затем и увольняется из органов юстиции. Вскоре его дом подвергся нападению боевиков СА, а против самого Кан-Фройнда началась откровенная травля. Это привело к эмиграции ученого в Великобританию, где он практически начал все заново. Для начала он стал студентом Лондонского университета, в 1935 г. получил ученую степень, а затем стал адвокатом (1939 г.). Не менее бурной была общественная жизнь этого убежденного социал-демократа и антифашиста. Он активно сотрудничал с лейбористской партией, стал главой комитета радиопередач, транслируемых в Германию радиостанцией BBC (1940 г.), председателем комитета германских эмигрантов в Великобритании (1940–1941 гг.), последовательным критиком нацистской модели трудового права²²¹.

При этом не прерывалась и активная научная деятельность ученого. Так, в 50-е гг. прошлого века он охарактеризовал систему британских отношений в сфере труда, сложившуюся начиная с XIX до середины XX в., как «коллективное невмешательство», которую он считал оптимальной моделью регулирования²²². В 1962 г. он выступил одним из организаторов Общества социологии права, стал одним из самых уважаемых в мире специалистов по социологии права и правовой компаративистике, классиком сравнительного трудового права. Его заслуги в этом контексте признавались еще советскими учеными-трудовиками²²³. В 1964–1971 гг. он являлся профессором сравнительного права Ок-

²²⁰ Kahn-Freund O. Das soziale Ideal des Reichsarbeitsgerichts. Bensheimer; Mannheim; Berlin; Leipzig, 1931.

²²¹ Kahn-Freund O. Beiträge zum Neuaufbau des deutschen Arbeitsrechts / Renaissance Publ. Garden City, 1944.

²²² Kahn-Freund O. Legal Framework. London, 1954. См. об этом также: Лютов Н. Л. Коллективное трудовое право Великобритании. М., 2009. С. 1–3 и др.

²²³ См.: Иванов С. А. Методологические проблемы сравнительных исследований в трудовом праве и трудовых отношениях // Сравнитель-

сфордского университета. При этом он никогда не прекращал заниматься проблемами трудового права как в теории, так и на практике, а в 1965–1968 гг. Кан-Фройнд состоял членом Королевского управления профсоюзов и ассоциаций работников.

В тот период, как отмечал И. Я. Киселев, «в буржуазной литературе имеется немало высказываний, обосновывающих эквивалентность и даже тождественность забастовок и локаутов как по форме, так и по существу»²²⁴. В этой связи британский ученый соглашался только на признание локаута на основе принципа «материального паритета», не отрицая необходимости защиты более слабой стороны в коллективных переговорах – работников. В ключе теоретического обоснования такой формы В. И. Усенин приводил утверждение О. Кан-Фройнда о недопустимости одинакового подхода к забастовкам и локаутам. По мнению ученого из Великобритании, «право на забастовку должно пониматься как привилегия, специально предоставленная экономически более слабой стороне»²²⁵. Опираясь на такой теоретический подход, в законодательстве и судебной практике зарубежных стран, придерживающихся рассматриваемой формы признания локаута, разрешаются только защитные (оборонительные) локауты в ответ на забастовку (чаще всего незаконную) работников. В ряде случаев проведение локаутов ограничено и дополнительными условиями.

Именно за заслуги в области трудового права О. Кан-Фройнд в 1976 г. получил титул «сэра». Последними его работами по трудовому праву, ставшими своеобразным завещанием ученого, стали исследования «Труд и право» и «Трудовые отношения», которые выдержали несколько изданий и были переведены на многие языки²²⁶. После отставки с должности профессора Оксфорда он остался жить в этом университетском городе, где и умер 16 авгу-

---

ное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1987. С. 7.

²²⁴ Киселев И. Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе. М., 1978. С. 199.

²²⁵ Цит. по: Усенин В. И. Социальное партнерство или классовая борьба? М., 1968. С. 182.

²²⁶ Kahn-Freund O. Arbeit und Recht. Bund-Verlag, Köln und Frankfurt, 1979; Kahn-Freund O. Arbeitsbeziehungen. Nomos-Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 1981.

ста 1979 г. Во многих публикациях о нем заострено внимание на участии ученого в антифашистском сопротивлении²²⁷.

Другое направление в немецком трудовом праве представлял **Вальтер Каскель** (1882–1928). Он родился в Берлине 2 февраля 1882 г., обучался в Берлинском, Мюнхенском и Фрейбургском (где слушал лекции Ф. Лотмара) университетах. После завершения учебы работал в участковых судах Либенвальде и Берлина. В 1911 г. в Берлине защитил диссертацию по гражданскому процессу²²⁸, затем около года работал в органах Имперского надзора за социальным страхованием. Он готовит совместно Ф. Зицлером публикацию об основах социального страхования, совместно с П. Брюном обобщает практику социального страхования²²⁹. В этот период он увлекся проблемами трудового права и права социального обеспечения, в 1913 г. был принят в Берлинский университет (к 1920 г. экстраординарный профессор), в котором проработал до конца своих дней. В 1921 г. с группой единомышленников (*Г. Дерш*, *Ф. Зицлер*, *Ф. Зирун*) основал «Новый журнал трудового права», просуществовавший до 1933 г. и закрытый нацистами. Основатель течения «нового трудового права», основанного на поиске компромисса между работниками и работодателями при активном участии государства. Напомним, что журнал «Трудовое право» был создан Г. Зинцгеймером в 1914 г. и стоял на достаточно левых, социал-демократических позициях. В. Каскель и сторонники «нового трудового права» были в этом плане более умеренными, хотя выступали за создание развитого трудового законодательства, в том числе Кодекса трудового права (Тру-

---

²²⁷ Röder W. und Strauss H. A. Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 / International Biographical Dictionary of Central European Emigrés 1933–1945. Bd. 1: Politik, Wirtschaft, Öffentliches Leben. München, 1980; Nelles D. Widerstand und internationale Solidarität. Die Internationale Transportarbeiter-Föderation (ITF) im Widerstand gegen den Nationalsozialismus unter besonderer Berücksichtigung der Seeleute. Essen, 2001. (Dissertation 2000).

²²⁸ Kaskel W. Begnadigung im ehrengerichtlichen Verfahren der freien Berufsstände: Jur. Diss. Berlin Univ.: Springer, 1911.

²²⁹ Kaskel W. und Sitzler F. Grundriss des sozialen Rechts. Berlin: Springer. Bd. 1: Grundriss des sozialen. Versicherungsrechts, 1912; Brunn P. und Kaskel W. Rechtsfälle aus der sozialen Versicherung. Berlin: Springer, 1916. (2. Aufl. 1927).

дового кодекса). Своеобразным манифестом данного направления стала монография ученого «Новое трудовое право: введение в систему» (1-е изд. 1920, неоднократно переиздавалась)²³⁰. Она была переведена на русский язык²³¹ и имела определенный научный резонанс. Редактором советского издания и автором предисловия к нему стала заведующая юридическим бюро НКТ СССР, профессор Е. И. Данилова. В своем предисловии она, обращаясь к советскому читателю, предупреждала его о том, что при чтении книги В. Каскеля не следует забывать «чисто буржуазных воззрений автора и соответственно относиться к его выводам»²³². При этом отмечалось, что основанием к переводу книги названного автора послужило именно то обстоятельство, что хотя она и лишена должного политического освещения, но является типом приемлемого учебника-справочника, в котором можно найти в сжатой форме ответ на любой вопрос по германскому трудовому законодательству.

В. Каскель, позитивист по своим взглядам, рассматривал социальное право как особое право, которое распространяется на определенные социальные классы и на наемных работников, нацеленное на улучшение экономической и социальной ситуации. В ранних работах В. Каскель обосновывал сложную структуру социального права, включавшего четыре части: право социального обеспечения, право охраны труда, право трудового договора и корпоративное (профсоюзное) право. В более поздних работах он несколько изменил свою позицию, поставив знак равенства между трудовым правом и социальным правом. При этом он писал, что из социального права следует исключить право социального обеспечения. Таким образом, немецкий ученый выступил за структурное разделение трудового права и права социального обеспечения, как обладающих «самостоятельным правовым и научно-правовым развитием». Право на социальное обеспечение, по его мнению, охватывает квартирное право, право на поселение, охрану подростков, право демобилизованных на обеспечение²³³. По его мнению, «трудовое

---

²³⁰ Kaskel W. Das neue Arbeitsrecht: systematische Einführung. Berlin: Springer, 1920. (4. Aufl. 1922).

²³¹ См.: Каскель В. Новое трудовое право. М., 1925.

²³² Каскель В. Новое трудовое право. С. 5.

²³³ Там же. С. 54.

или социальное право является продуктом промышленного развития, наступившего на склоне XVIII в.»²³⁴.

В. Каскель констатировал, что в годы Первой мировой войны государственное призрение в Германии было централизовано и свелось в основном к натуральному снабжению нуждающихся в рамках политики своеобразного «военного коммунизма». Отметим, что этот термин был впервые употреблен в литературе в отношении воюющей Германии. Постановление Имперского управления по мобилизации народного хозяйства от 13 ноября 1918 г. предусматривало помощь безработным лицам с 16 лет наполовину из государственного бюджета, а другая половина делилась между средствами областей и общин соответственно 1/3 и 1/6. Организационная и техническая работа возлагалась на области и общины. В. Каскель указал на следующие отличия такого обеспечения как от страхования от безработицы, так и от призрения бедных. Во-первых, Имперское постановление касалось всех безработных независимо от степени их нуждаемости и предшествующего периода работы. Во-вторых, страховые взносы не делались ни работниками, ни работодателями. В-третьих, размер предоставляемых услуг не соотносился с размером предыдущих взносов, не определялся принадлежностью к профессии, а соотносился только с потребностями в обеспечении отдельных индивидов. В-четвертых, безработные имели право-притязание на пособие, т. е. речь шла не о милости, а о публичной обязанности. В данном случае легализовалось публичное личное право-притязание на пособие. Однако ученый отмечал некоторую аналогичность этой помощи призрению бедных, в котором выплата зависит исключительно от потребности отдельного лица и производится из публичных средств. Постановление от 13 ноября 1918 г. должно было действовать один год с последующей заменой страхования безработицы. Реально оно действовало до конца 1923 г.²³⁵

В дальнейшем В. Каскель много времени уделял комментированию законодательства, в частности, о занятости²³⁶. Последняя

---

²³⁴ Каскель В. Новое трудовое право. С. 53.

²³⁵ См.: Там же. С. 151–198.

²³⁶ Kaskel W. Die sozialpolitische Gesetzgebung. Berlin: Springer, 1921. (3. Aufl. 1921); Kaskel W. Arbeitsnachweisgesetz: Kommentar. Berlin: Springer, 1922. [2. Nachtrag. 1923].

его крупная публикация по трудовому праву была подготовлена в 1925 г.²³⁷ Умер ученый 9 октября 1928 г. в Берлине, но публикации, посвященные личности В. Каскеля и его научному наследию, не иссякают и на сегодняшний день²³⁸.

Несколько иначе сложилась судьба **Артура Филиппа Никиша** (1888–1968). Он родился 25 ноября 1888 г. в Лейпциге в семье выходца из Моравии, известного дирижера Артура Никиша (1855–1922), выпускника Венской консерватории и музыканта с мировым именем. Его отец был одним из лучших дирижеров своего времени, в связи с чем младший А. Никиш раннее детство провел в Бостоне (1889–1893 гг.) и Будапеште (1893–1895 гг.), где А. Никиш-старший был дирижером соответственно Бостонского симфонического оркестра и Будапештской оперы. В 1895 г. Никиш-старший вернулся в Лейпциг, где уже работал в 1878–1889 гг. Отметим, что он был поклонником и пропагандистом творчества русских композиторов, одним из лучших истолкователей симфонической музыки П. И. Чайковского. В свою очередь, его творчество высоко ценили русские композиторы, а П. И. Чайковский называл его «гениальным капельмейстером»²³⁹. Никиш-младший не пошел по стопам отца, но стал подлинным «маэстро» трудового права. Однако он живо интересовался музыкальной жизнью, что в этой части делает его биографию немного схожей с биографией советского ученого Н. Г. Александрова (о нем ниже).

С 1898 г. Никиш-младший начал учебу в гимназии в Лейпциге, после окончания которой (1907 г.) обучался на юридических факультетах университетов Фрейбурга, Берлина, Мюнхена, Лейпцига. В 1911–1915 гг. сдал экзамены на право заниматься юридической практикой, доктор гражданского права, крупный специалист по гражданскому процессу. Работал в Саксо-

²³⁷ Kaskel W. Arbeitsrecht. von Berlin: Springer, 1925. (5. Aufl. 1957. Hermann Dersch).

²³⁸ Maier D. G. und Nürnberger J. Geburtstag des Mitbegründers der Neuen Zeitschrift für Arbeitsrecht Walter Kaskel und des neuzeitlichen Arbeitsrechts in Deutschland // Neue Zeitschrift für Arbeitsrecht. 24(2007), 24 (21. Dez.). S. 1414–1417; Maier D. G. und Nürnberger J. Jurist, Hochschul-lehrer, Arbeitsrechtler: Professor Dr. Walter Kaskel ... Leben Werk; Bibliografie; Ludwigshafen, 2008.

²³⁹ См.: Липаев И. Артур Никиш, дирижер оркестра (Биография и характеристики). М., б. г.

нии в административных органах, был управляющим канцелярией г. Дрездена (1920 г.). В 1923 г. стал правительственным советником, в 1923–1933 гг. – адвокатом по трудовым делам в Объединении предприятий металлургии Саксонии. Формально он представлял интересы работодателей, но при этом придерживался достаточно прогрессивных позиций, был сторонником законодательного решения рабочего вопроса. Одновременно с 1926 г. А. Никиш стал преподавателем Высшей технической школы в Дрездене, а его сочинение, обеспечившее доступ к работе в вузе, было посвящено основным формам трудового договора²⁴⁰. С 1927 г. он приват-доцент, с 1931 г. – экстраординарный, с 1935 г. – ординарный профессор в Дрездене. В 1938 г. он переходит на работу в Университет Киля, в 1941 г. – в Университет Страсбурга, в 1945 г. – в Лейпцигский университет. В годы Второй мировой войны он публиковал как комментарии к законодательству, так и теоретические исследования по трудовому праву²⁴¹. После разделения Германии на зоны оккупации оказался в советской зоне (будущая ГДР), на территории которой находился его родной Лейпциг. Впрочем, нового строя он не принял, в 1950 г. бежал из ГДР в ФРГ. В дальнейшем вплоть до выхода в отставку преподавал в Университете Киля, умер в г. Киль 17 июня 1968 г. Его публикации в период пребывания в Восточной Германии нам неизвестны. После бегства на Запад он подготовил целый цикл работ по общим проблемам трудового права, о праве забастовок, о фактических трудовых отношениях²⁴². Никишу посвящены не только статьи в биографических справочниках, но и отдельное исследование²⁴³.

---

²⁴⁰ Nikisch A. Die Grundformen des Arbeitsvertrags und der Anstellungsvertrag. Berlin: Reimer Hobbing, 1926.

²⁴¹ Nikisch A. Arbeitsvertrag und Arbeitsverhältnis. Berlin: Deutscher Rechtsverl., 1941; Nikisch A. Kriegsarbeitsrecht. Berlin: v. Decker, 1940.

²⁴² Nikisch A. Über faktische Vertragsverhältnisse. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1963; Nikisch A. Die rivatrechtlichen Wirkungen des sogenannten Streikrechts Düsseldorf: Rechtsverl. [in Komm.], 1951; Nikisch A. Arbeitsrecht. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1951.

²⁴³ Rückert J.: Nikisch, Arthur. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Bd. 19. Duncker & Humblot; Berlin, 1999, S. 257–259; Böhm A. Arthur Philipp Nikisch – Leben und Wirken. Berlin: Duncker und Humblot, 2003.

Отметим, что немецкая наука трудового права в 1920-е гг. переживала подлинный расцвет, и ее влияние на советскую науку было наиболее существенным. Так, в 1920-х гг. почти одновременно вышли три объемных исследования о трудовом договоре, принадлежавших перу уже упомянутого *А. Никиша*, *В. Адлера*, *Д. Дикманна* и *В. Графа*. *К. Г. Антон* (1864–1924), подготовил специальное исследование по истории трудового права. Был переведен и на русский и издан труд *П. Герца* и *Р. Зейделя* (о котором упоминалось ранее), посвященный целому ряду взаимосвязанных трудовправовых проблем²⁴⁴.

Еще одним достаточно известным немецким ученым-трудовиком в СССР был **Альфред Гюк** (1889 – после 1963). Это был ученый-универсал, оставивший заметный след также в цивилистике и теории права. В трудовом праве он специализировался прежде всего на коллективных договорах. К изданию работы *А. Гюка* отечественный ученый *С. Л. Рабинович-Захарин* написал предисловие, в котором достаточно объективно сравнил правовую нормировку советского трудового и германского тарифного договоров²⁴⁵. Взгляды *А. Гюка* были весьма умеренными, он предпочитал государственное посредничество при разрешении коллективных трудовых споров. Это позволило ему избежать преследований при нацизме. Более того, в тот период *А. Гюк*, наравне с *Рольфом Дитцем* и *Х.К. Ниппердеем* (о нем ниже), был наиболее авторитетным специалистом по трудовому праву, комментатором новых нацистских законов²⁴⁶. В послевоенной ФРГ Гюк по-прежнему оставался одним из самых авторитетных юристов, продолжил свое сотрудничество с *Р. Дитцем* и *Х. Ниппердеем*. В частности, Гюк и Дитц стали идеологами и соавторами сборника, посвященного 60-й годовщине Ниппердея²⁴⁷.

---

²⁴⁴ См.: Герц П., Зейдель Р. Рабочее время, заработная плата и производительность труда. М., 1924.

²⁴⁵ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Русский коллективный и германский тарифный договор // Гюк А. Коллективный договор (Тарифное право). М., 1924. С. 3–21.

²⁴⁶ Hueck A.; Nipperdey H. C.; Dietz R. Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit, Kommentar. (4. Aufl.) München und Berlin, 1943.

²⁴⁷ Dietz R., Hueck A. Reinhardt R. Festschrift für Hans Carl Nipperdey: Zum 60. Geburtstag, 21. Januar 1955. Beck, München, 1955.

Дальше всех в части сотрудничества с нацистами зашел **Ханс-Карл Ниппердей** (1895–1968). Он был профессором гражданского и торгового, а затем трудового права в Йенском университете, с 1925 г. – в Кельнском университете. Ученый оставил определенный след и в науке гражданского права. Это связано прежде всего с тем, что он готовил к публикации и стал соавтором первого тома «Курса гражданского права Германии» классика немецкой цивилистики Л. Эннеккеруса. Этот труд впервые был издан в 1931 г. и затем неоднократно издавался, в том числе под названием «Курс гражданского права ФРГ» (1959 и др.). В годы нацистской диктатуры в Германии он стал ведущим специалистом в сфере юриспруденции, занимавшимся приспособлением права, в том числе трудового, к новой идеологии²⁴⁸. В частности, он изначально был сторонником возмещения убытков предпринимателям в случаях, если объявленная их работниками забастовка будет признана незаконной. Не отказался он от этой позиции и в дальнейшем²⁴⁹. Впрочем, после 1945 г. процесс денацификации его не затронул, и он сохранил как профессорскую кафедру в Кельнском университете (где создал институт трудового права, существующий до настоящего времени), так и возможность занимать должности по государственной службе. Так, в 1954–1963 гг. он был первым председателем Федерального суда по трудовым спорам. Часть его публикаций посвящалась конституционному праву ФРГ и основным правам граждан²⁵⁰. Отношение к этому ученому в Германии до сих пор не однозначное: от обвинения в пособничестве нацистам до провозглашения едва ли не апостолом свободы²⁵¹.

---

²⁴⁸ Nipperdey H. C. Die Pflicht des Gefolgsmannes zur Arbeitsleistung, in: Deutsches Arbeitsrecht, 1938.

²⁴⁹ Nipperdey H. C. Die Ersatzansprüche für Schäden, die durch den von den Gewerkschaften gegen das geplante Betriebsverfassungsgesetz geführten Zeitungsstreik vom 27–29. Mai 1952 entstanden sind. Rechtsgutachten, Schriftenreihe der Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände Heft 9. Köln, 1953.

²⁵⁰ Soziale Marktwirtschaft und Grundgesetz, Heymann, Köln, 1961; Grundrechte und Privatrecht. Kreefeld, 1961.

²⁵¹ Rückert J.: Hans Carl Nipperdey, in: Neue Deutsche Biographie, Bd. 19. S. 280–282; Hollstein T.: Um der Freiheit willen – die Konzeption der Grundrechte bei Hans Carl Nipperdey, in: Thomas Henne / Arne Riedlinger (Hrsg.), Das Lüth Urteil aus (rechts-)historischer Sicht, Die Konflikte um Veit

Отметим, что националистический угар и целенаправленная пропаганда деформировали жизненные установки всех слоев германского народа. Если К.Х. Ниппердей сотрудничал с гитлеровским режимом на идейном поприще, то многие немецкие ученые-юристы пошли еще дальше. В этой связи можно вспомнить еще тех докторов права, прославившихся совсем в иной сфере. Так, П. Шталь (1906–1988) стал полковником Вермахта, командиром полка, кавалером высших орденов Рыцарского креста и Рыцарского креста с дубовыми листьями. За военные преступления он 10 лет провел в советских лагерях. Еще один воспитанник Гейдельберга и доктор права Э. Купфер (1907–1943) стал полковником Люфтваффе, летчиком штурмовой авиации, награжденным всеми высшими наградами III Рейха. Выпускник юридического факультета Венского университета и доктор права, одновременно генерал-полковник Вермахта Л. фон Рендулич (1887–1971) являлся одним из наиболее пронацистски настроенных военачальников и военным преступником. Наконец, дипломированный юрист Р. фон Грейм (1892–1945), генерал-фельдмаршал и приемник Г. Геринга на посту главнокомандующего Люфтваффе, был фанатичным нацистом, одним из лучших летчиков и командиров германской авиации. И этот список можно продолжить.

Нацистская диктатура сильно деформировала немецкую юридическую науку, а трудовое право в особенности. Это относится и к правоприменительной практике. Достаточно сказать, что ведавший «улучшением положения рабочего класса» Германский трудовой фронт, поглотивший все профсоюзы, был сугубо нацистской организацией, а его руководитель Р. Лей (1890–1945) был судим на Нюрнбергском процессе в качестве одного из главных военных преступников. Руководители соответственно ведомства по использованию рабочей силы и имперский руководитель рабочих Ф. Заукель (1894–1946) и К. Хирль (1875–1955) были так же судимы как нацистские преступники, причем первый был повешен в Нюрнберге в числе главных преступников. Высший арбитражный суд Германского трудового фронта был настоящей синекурой для

Harlan und die Grundrechtsjudikatur des Bundesverfassungsgerichts. Berlin, 2005. S. 249–269; Hollstein T. : Die Verfassung als ‘Allgemeiner Teil’: Privatrechtsmethode und Privatrechtskonzeption bei Hans Carl Nipperdey (1895–1968): Diss. iur. Frankfurt-am-Main, 2005.

высших чиновников и военных Рейха, впрочем, дававшей им хороший доход. В числе членов этого суда, разрешающего трудовые споры, оказались и вовсе экзотические фигуры типа командира полка, затем дивизии Лейбштандарт им. Адольфа Гитлера З. Дитрих (1892–1966)²⁵². Просто замечательно то, что этот обергруппенфюрер СС с начальным образованием и один из самых жестоких эсэсовцев должен был разбираться в тонкостях трудового права. Подтвердилась известная истина о том, что ни одному тоталитарному режиму не нужна наука трудового права, как и развитое трудовое законодательство. Не будет преувеличением сказать, что и для трудового права Германии годы гитлеризма, как и для трудового права СССР период сталинизма, стали «черной дырой», периодом стагнации и даже отката назад. Ситуация в Германии стала исправляться после 1945 г. Послевоенная генерация немецких ученых-трудовиков представлена такими именами, как М. Шмидт, Т. Гайгер и др.

Наиболее ярким представителем этой генерации стал **Вольфганг Дойблер** (род. 5 мая 1939 г.). Он родился в семье судьи, после окончания школы в 1958 г. изучал право в университетах Тюбингена, Гамбурга, Берлина (Свободный университет Западного Берлина) и Дижона (Франция). Получил степень доктора права в 1965 г. в Тюбингенском университете, практику проходил в Еврокомиссии. В 1967 г. был допущен к юридической практике (сдал квалификационный экзамен). С 1967 по 1971 гг. работал научным ассистентом на юридическом факультете Тюбингенского университета. В 1971 г. получил звание профессора германского и европейского трудового права в Бременском университете, где впоследствии и работал. В 1987 и 1990 гг. приглашался для чтения лекций в университет Парижа (Нантер). Помимо этого, читал лекции в университетах Италии, Испании, Франции (Бордо), Бельгии (Антверпен), США (Остин, штат Техас) и др. Автор книг и статей по трудовому праву. В 1978 г. возглавил комиссию в руководстве Социал-демократической партии Германии, в 1994–1995 гг. – советник правительства Киргизии, автор одного из проектов ТК Киргизии, в 1998 г. – советник правительства Словении по социальным вопросам. Участник разработки закона о трудовых отношениях, который вступил в силу в 2003 г. Свободно владеет ан-

---

²⁵² См.: Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. М., 2004. С. 92 и др.

глийским и французским языками, его работы переведены на основные европейские языки, в том числе английский, французский, испанский, итальянский. В постсоветский период он публиковался в российской периодической печати²⁵³. Член наблюдательного совета в Общественном банке (избран от коллектива работников), имеет целый ряд публикаций по гражданскому праву. В конце XX в. являлся экспертом Международной организации труда. Известен своими левыми взглядами, примыкает к левому крылу германской Социал-демократической партии. В. Дойблер специализируется на проблемах трудового и тарифного (коллективного) договоров²⁵⁴, прикладных аспектах и теории трудового права²⁵⁵. В конце 2008 г. продолжал активную научную и педагогическую деятельность.

Несмотря на то что среди публикаций зарубежных авторов, выходящих в СССР, преобладали работы ученых социалистической ориентации, а затем и представителей социалистических стран, рекордсменом в данном случае опять оказался представитель Германии. Это был экономист и историк из Восточной Германии *Юрген Кучинский* (1904 – после 1973), более 10 работ которого были переведены на русский язык²⁵⁶. На рубеже XXI в. широкую известность получили такие германские ученые-трудовики, как *М. Вайсс*, *К. Дернер*, *М. Киттнер*, *Ф. Мишманн*, *П. Пульте*,

---

²⁵³ См.: Дойблер В. Тенденции развития трудового права в промышленно развитых странах // Государство и право. 1995. № 2. С. 103–109. Это текст доклада немецкого ученого, который был прочитан им в МГЮА в 1994 г.

²⁵⁴ См.: Däubler W. Tarifvertragsgesetz. Baden-Baden: Nomos, 2006. 2. Aufl; Däubler W. Derecho del trabajo. Madrid: Ministerio de Trabajo y Seguridad Social, Centro de Publ., 1994 (на исп. языке); Däubler W. Tarifvertragsrecht. Baden-Baden: Nomos-Verlagsgesellschaft, 1978. 1. Aufl.

²⁵⁵ См.: Däubler W. Arbeitsrecht. Frankfurt am Main: Bund-Verl., 1998; Däubler W. Arbeitskämpfrecht. Baden-Baden: Nomos-Verlagsgesellschaft, 1984. 1. Aufl; Däubler W. Trends in German Law // Labor Law in the Post-Industrial Era. Aldersot, 1994. P. 105–131.

²⁵⁶ См.: Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948; Его же. История положения рабочего класса при капитализме: Мировой обзор. М., 1970; Его же. История условий труда в Германии. М., 1949; Его же. История условий труда в США с 1789 по 1947 гг. М., 1948 и др.

В. Хроматка, И. Шрегле и др. При этом немецкие ученые традиционно большое внимание обращают на историю науки трудового права и трудового законодательства. Об этом свидетельствуют новые исследования, посвященные управлению трудом в Германии до 1952 г. и трудовому договору и трудовым отношениям во времена Веймарской республики и при национал-социализме, сборники биографий видных германских деятелей, в том числе юристов-трудоуководов²⁵⁷. Что касается теории трудового права, то она в наибольшей степени разрабатывалась и разрабатывается именно в немецкой науке.

Британская наука трудового права развивалась достаточно своеобразно в связи с оригинальностью самой англосаксонской правовой системы, а также преобладанием значительного прикладного уклона. Во второй половине XVIII – начале XIX в. численность наемных рабочих в Англии непрерывно увеличивалась. Вполне естественно, что в этой наиболее экономически развитой стране были проведены и первые специальные исследования по интересующей нас проблеме. В 1795 г. в центре промышленного производства – Манчестере, был организован комитет по исследованию рабочего вопроса. 25 января 1796 г. на его заседании доктор *А. Персиваль* сделал доклад, посвященный влиянию трудовой деятельности на здоровье детей. Этот доклад имел большой общественный резонанс и был направлен в Парламент²⁵⁸. Характерно, что большинство инициаторов и сторонников принятия первых фабричных законов в Англии 1802 и 1819 гг., в том числе Р. Пиль, Р. Оуэн, Р. Остлер, лорд Эшли, либо занимались исследованием рабочего вопроса, либо опирались на их результаты.

Первые попытки организовать инспекцию труда были предприняты в Великобритании в 1802 г., сразу после издания акта об охране здоровья, этике поведения подмастерьев на ткацких и других фабриках. Надзор за исполнением этого зако-

---

²⁵⁷ Maier D. G. Anfänge und Brüche der Arbeitsverwaltung bis 1952. Brühl, 2004; Becker M. Arbeitsvertrag und Arbeitsverhältnis während der Weimarer Republik und in der Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2005; Rüthers B.: Geschönte Geschichten – Geschönte Biographien. Mohr Siebeck, Tübingen, 2001.

²⁵⁸ См.: Микулин А. А. Фабричное законодательство как следствие фабричной системы производства. Киев, 1901. С. 18.

на осуществлялся комитетами на добровольной основе, но они показали свою полную неэффективность. В 1833 г. новым актом надзор был возложен на «лиц, занимающих высокое положение». Назначение первых четырех инспекторов во главе с А. Редгрейвом знаменует рождение современной инспекции труда, которая начала функционировать в 1834 г. Впоследствии по закону 1902 г. Главному фабричному инспектору подчинялись 5 окружных инспекторов, а им, в свою очередь, подчинялись инспекторы (трех классов) и ассистенты. Это была строго централизованная система²⁵⁹.

Создание фабричной инспекции не только способствовало усилению контроля за соблюдением фабричного законодательства, но и привело к оживлению научной работы. Первый руководитель инспекции доктор А. Редгрейв, фабричные инспекторы Т. Кук и Л. Хорнер могут быть отнесены к числу первых видных исследователей правового регулирования трудовых отношений. Именно в их трудах были сформулированы основные идеи, определившие направление развития фабричного законодательства: ограничение минимального возраста поступления на работу, ограничение продолжительности труда женщин и детей, правовая охрана труда названной категории лиц. При этом известный промышленник и социалист **Роберт Оуэн** (1771–1858) не только разработал план по улучшению положения работников, но и пытался его осуществить на прядильной фабрике в Нью-Ленарке (Шотландия), управляющим которой он был с 1800 г. В частности, он ввел всеобщий 10,5-часовой рабочий день. В 1817 г. Оуэн выдвинул программу создания «поселков общности и сотрудничества», в которых не должно быть места эксплуатации. Неудача его эксперимента по созданию коммунистических колоний в США и Великобритании никак не связана с законодательной охраной труда. Представляется, что здесь мы должны не в очередной раз отметить утопизм его идей, а воздать должное за практические действия и теоретические разработки, направленные на улучшение положения рабочих. Р. Оуэн последовательно выступал за сотрудничество всех классов общества на базе установленных правовых норм, но не отрицал коллектив-

---

²⁵⁹ См.: Карпов Ф. Инспекция труда (фабричная инспекция и охрана труда на Западе). Ч. 1. СПб., 1905.

ного давления работников на «имущие классы», вплоть до всеобщей забастовки²⁶⁰. Последователем Р. Оуэна был *Джон Брей* (1809–1895), автор книги «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению или век силы и век права» (1839 г.). Он предлагал перевести рабочий вопрос в правовую плоскость, в полном объеме легализовать рабочие ассоциации, был сторонником «полного вознаграждения за труд». Примерно такие же меры предлагал и другой британский экономист *Томас Годскин* (1787–1869), написавший работу «Защита труда от притязаний капитала» (1825 г.)²⁶¹.

В целом именно в Великобритании зародилась и окрепла идея о необходимости правового регулирования отношений между работниками и работодателями. В этой связи уже с середины XVIII в. здесь получило развитие добровольное страхование рабочих, имевшее характер взаимопомощи («дружественные общества» и др.). На этот счет английские исследователи также откликнулись рядом публикаций, однако к категории собственно трудово-правовых их отнести достаточно сложно. Так, рабочий вопрос оказался в центре внимания в связи с дискуссией об ограничениях на ввоз хлеба в Великобританию и созданием «Лиги против хлебных законов» (30-е гг. XIX в.). Основатели этой лиги *Д. Брайт* (1811–1889) и *Р. Кобден* (1804–1865) доказывали, что хлебные законы 1815 г., ограничивающие ввоз хлеба, приводят к удорожанию стоимости рабочей силы. Это, на их взгляд, сковывало свободу трудовых отношений и в конечном итоге понижало жизненный уровень наемных работников. Отметим, что законом 1795 г. (Закон Спинхэмленда) заработная плата привязывалась к ценам на хлеб и в определенных случаях к ней устанавливалась доплата за счет средств бюджета в соответствии со специальной шка-

---

²⁶⁰ См.: Оуэн Р. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1950. Примечательно, что именно за свои наиболее значимые идеи (внесение правового начала в регулирование рабочего вопроса, классовое сотрудничество, стремление улучшить положение рабочих посредством реформ, призыв к международному регулированию труда) Р. Оуэн подвергался критике в исследованиях советского периода (см, например: Застенкер Н. Е. Роберт Оуэн как мыслитель // Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. С. 242–266).

²⁶¹ См.: Годскин Т. Защита труда от притязаний капитала. М., 1938.

лой²⁶². Только отмена Закона Спинхэмленда (1834 г.), а затем и ограничений на ввоз хлеба (1846 г.), осуществленное правительством Р. Пиля (1788–1850), открыло путь отделению трудового от социально-обеспечительного законодательства, а затем и правовой регламентации труда взрослых мужчин. Кстати, в 1874 г. первый рабочий, шахтер и деятель тред-юнионизма стал членом английского парламента. Это был *Томас Берти* (1837–1922). Таким образом, рабочие могли принять непосредственное участие в законотворческой деятельности.

Английские ученые, как и их германские коллеги, активно сотрудничали с профсоюзами. Это касается таких известных исследователей, как Ф. Гаррисон, Г. Кромптон, Э. С. Бизли (1831–1915) и др. Они доказывали невозможность причисления труда к товару, поскольку он не является осязаемой или видимой вещью. Отсюда был сделан вывод, что труд не может продаваться за определенную цену. Важный шаг в сторону обоснования особого характера труда сделал *В. Т. Торнтон* (1813–1880), пришедший к выводу, что «труд не подлежит сбережению». Он проводил четкое разграничение между трудом, который обещает самостоятельное лицо (предприниматель), и тем, который обещает несамостоятельное лицо (наемный работник)²⁶³. Особое место среди этих исследователей занимает **Джеймс Эдвин Торолд Роджерс** (1823–1890). Это был видный экономист и историк, профессор Лондонского университета (с 1859 г.) и Оксфорда (1862–1867 гг.). В 1880–1886 гг. он избирался членом Парламента. Ученый исходил из того, что важнейшей частью политэкономии является распределение богатства, в том числе посредством выплаты заработной платы наемным работникам. Его труды были использованы К. Марксом при подготовке «Капитала». Анализ исторических фактов, по его мнению, должен был использоваться для выявления «недугов» общества (пауперизма, безработицы и др.) и отыскания средств в целях избавления от них. Одним из таких средств Д. Роджерс видел общее улучшение трудового законодательства. Он считал, что государство должно быть выше узкокорыстных интересов капита-

---

²⁶² См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2009. С. 24–32.

²⁶³ См.: Торнтон В. Т. Труд, его ложные требования и законные права, его истоящее положение и возможная будущность. СПб., 1870. С. 70–80.

листов или классовых интересов рабочих. Напротив, оно должно согласовывать эти интересы посредством законодательной и правоприменительной деятельности. В этой связи большую роль он отводил профессиональным союзам и потребительским кооперативам, которые могли бы способствовать улучшению положения рабочих. Его основной труд в интересующем нас контексте был в значительной степени посвящен истории правового регулирования трудовых отношений²⁶⁴. Он проанализировал все законы, регулирующие трудовые отношения, начиная со Статутов о рабочих, первый из которых был принят в 1349 г., а затем в 1351, 1361 гг., а также Елизаветинский статут 1562 г. и др. Его вывод о необходимости совершенствования трудового законодательства, в том числе о заработной плате, был убедительным и опирался на обширный нормативный, исторический и экономический материал. Однако все вышеназванные исследования сложно отнести к собственно трудовым.

Некоторые позитивные изменения произошли только в конце XIX в. и связаны они с первыми попытками комплексного осмысления «рабочего вопроса». В 1920-х гг. в Советской России были известны труды британцев Х. Клейна и Г. Слессера. Последний из них был видным специалистом в сфере профсоюзного права.

Но по части популярности в России никто не мог сравниться с британскими общественными деятелями, супругами (с 1892 г.) **Бетрис Вебб** (1858–1943) и **Сиднеем Вебб**²⁶⁵ (1859–1947). Они были достаточно хорошо известны в нашей стране как теоретики социализма и историки рабочего движения. Между тем не будет преувеличением назвать их и видными историками и одними из первых британских теоретиков трудового права. Более того, многие историко-правовые и теоретические проблемы отрасли будут освещены неполно вне контекста трудов названных исследователей. Это касается не только сюжетов, связанных с Великобританией, хотя прежде всего именно их, но и общей канвы развития науки и отрасли трудового права. Примечательно, что российская проблематика

---

²⁶⁴ См.: Роджерс Д. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899.

²⁶⁵ Правильнее эта фамилия переводится как Уэбб (Webb), но в отечественной литературе закрепилось именно такое написание, которого будем придерживаться и мы.

вплеталась в их творчество через предмет исследования, личные связи, влияние их книг на умонастроения российских читателей и др. В Англии они неоднократно встречались с российскими общественными и политическими деятелями, учеными. В частности, они помогли в организации сборов материала для докторской диссертации Г. Г. Швиттау (о нем ниже), способствовали публикации его работ в английской периодической печати²⁶⁶. В 1932 г. супруги Вебб посетили СССР, результатом чего стал выход их книги «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (1935 г.), которая за следующее десятилетие выдержала еще три издания, а в 1937 г. была опубликована и в СССР. Эта книга оставляет двойственное впечатление, но стоит иметь в виду, что экономика стран Запада в тот период находилась в кризисе («великая депрессия»), набирали силу фашистские режимы в Германии и Италии. В этой ситуации Б. Вебб и С. Вебб видели реальные преимущества плановой советской экономики, ликвидации безработицы и развитого трудового законодательства. Впрочем, безоглядными поклонниками советской системы они никогда не были, отделяя отношение к ней от отношения к народам нашей страны. Об этом свидетельствует их настороженное отношение к Октябрьской революции, осуждение судебных процессов над левыми эсерами²⁶⁷ и огосударствления профсоюзов в первой половине 1920-х гг.²⁶⁸, негативная реакция на массовые репрессии второй половины 1930-х гг. Примечательно, что в годы Второй мировой войны они с искренней симпатией к советским людям написали книгу «Правда о Советской России» (1942 г.).

Немаловажно и то, что ученые были современниками формирования развитого трудового законодательства, а затем науки и отрасли трудового права. Они внесли весомый вклад в изучение этих проблем и как ученые, эксперты, и как общественные деятели. С. Вебб в качестве парламентария и члена британского правительства непо-

²⁶⁶ См.: Лушников А. М. У истоков российской науки международного и зарубежного трудового прав: жизнь и научное наследие Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 568–581.

²⁶⁷ См.: Морозов К. Н. Судебный процесс над эсерами 1922 г. в освещении ОГПУ // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 3–20.

²⁶⁸ См.: Борисова Л. В. «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 6. С. 88–98 и др.

средственно принимал участие в разработке британского трудового законодательства. В этой связи представляется интересным рассмотреть их биографию в тесной связи с научным наследием, прежде всего трудово-правового характера.

Отметим, что о чете Вебб и их трудах, подготовленных преимущественно совместно, современный отечественный читатель может узнать относительно немного. Биографический материал представлен почти исключительно статьями в советских энциклопедиях²⁶⁹, причем отличаются они только степенью грубости приводимых ленинских высказываний в их адрес (от «основательных оппортунистов» до «тупых хвалителей английского мещанства» и «подлых предателей социализма»). Теоретическое наследие ученых рассмотрено фрагментарно²⁷⁰. В различной степени оно затронуто в общих работах, посвященных фабианскому движению²⁷¹ и лейбористской партии²⁷². Предисловия к русским изданиям их книг были традиционно краткими, а в советский период и гиперкритичными. На Западе, прежде всего в Англии, еще при их жизни публикации данных авторов выдерживали множество изданий, но и посмертно продолжали выходить их мемуары, исследования, монографии об их научном наследии²⁷³. Между тем вне

---

²⁶⁹ См.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1951. Т. 7. С. 78–78; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1971. Т. 4. С. 347 и др.

²⁷⁰ См., например: Звавич И. С. История английского рабочего движения в трудах Веббов и их школы // Вопросы истории. 1947. № 11.

²⁷¹ См.: Галкин Н. А. К критике идеологии фабианства. М., 1984; Кертман Л. Е. Новый спор о старом фабианстве // Вопросы истории. 1964. № 6; Мочалов Л. В. Марксистско-ленинская оценка фабианского социализма. М., 1976; Мочульский Н. Ф. Фабианское общество в период его основания // Вестн. Моск. ун-та. 1948. № 7; Чубикова Е. Н. Социологическая основа фабианства. Л., 1980 и др.

²⁷² См.: Виноградов В. Н. У истоков лейбористской партии. М., 1965; Звавич И. С. Лейбористская партия Англии, ее программа и политика. М., 1947; Кертман Л. Е. Борьба течений в английском рабочем социалистическом движении в конце XIX – начале XX в. М., 1962; Милибенд Р. Парламентский социализм: Исследование политики лейбористской партии. М., 1964 и др.

²⁷³ См., например: Webb S., Webb B. The development of English local government 1689–1838. London, 1963; Webb B. The diary of B. Webb. Cambridge, 1983; Tawney R. Webbs in perspective. London, 1953.

контекста их биографии будет трудно понять особенность их научного творчества.

Б. Вебб (в девичестве – Поттер) родилась в семье крупного промышленника 22 января 1858 г. в Глостере. Большое состояние семьи, а затем и богатое наследство избавили ее от необходимости повседневного труда для собственного пропитания и позволили с 80-х гг. XIX в. начать активную общественную и исследовательскую деятельность. Первоначально Б. Вебб изучала условия труда и жизни лондонского пролетариата, затем стала членом ряда правительственных комиссий по обследованию быта лондонских рабочих и безработных. Обращалась она и к проблемам самоорганизации рабочих, профсоюзного и кооперативного движения. Ее сочувствие рабочим было искренним и деятельным. В 1918–1920 гг. она работала в комитетах по изучению положения женщин, в которых вопросы трудовых прав были в центре внимания. Ее перу принадлежат исследования «Кооперативное движение в Великобритании» (1891, издано в России в 1917 и 1918 гг.). Именно на страницах этой книги был впервые употреблен термин «коллективные переговоры»²⁷⁴. Впоследствии она стала автором исследования «Заработная плата мужчин и женщин» (Лондон, 1919), шедшего в русле ее общественной деятельности. Британский ученый показала фактически существующую неравную оплату мужчин и женщин за равный труд и предлагала законодательно закрепить запрет любой дискриминации в сфере труда. Ее исследование в данной части было аргументированным и убедительным.

С. Вебб родился 13 июля 1859 г. в семье клерка в Лондоне. Он получил юридическое образование и был специалистом по правовым и экономическим вопросам в военном министерстве, а затем министерстве колоний (1878–1891 гг.). В 1884 г. С. Вебб стал одним из организаторов, наряду с Б. Шоу, Фабианского общества.

Напомним, что Фабианское общество²⁷⁵ было основано 4 января 1884 г. группой британских интеллектуалов (наиболее извест-

---

²⁷⁴ Potter B. The cooperative movement in Great Britain. London, 1891. P. 217.

²⁷⁵ Свое название получило в честь древнеримского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), который предложил осторожную, выжидательную тактику в борьбе с Ганнибалом, которая первоначально была отвергнута. Но после разгрома римлян при Каннах была

ные из них писатель и драматург Б. Шоу и С. Вебб, затем вступивший в него писатель-фантаст Г. Уэллс), придерживающихся социалистических реформаторских позиций («парламентский социализм»). Они считали социализм неизбежным следствием развития капитализма, были сторонниками легальных форм борьбы за улучшение положения рабочих, в том числе через трудовое законодательство, являлись противниками пролетарской революции, как и любых массовых насильственных акций с целью осуществления политических преобразований. Общество поддержало создание Независимой рабочей партии (1893 г.) и Комитета рабочего представительства (с 1906 г. преобразован в Лейбористскую партию). Фабианское общество вошло в состав Лейбористской партии, сохранив свою организационную структуру. Супруги Вебб были одними их самых ярких идеологов как Фабианского общества, так и новой партии. Под их идейным влиянием находились многие теоретики лейбористского движения и авторы трудовых законопроектов – от Д. К. Гарди (1856–1915) до Г. Ласки (1893–1950).

Знакомство С. Вебб с будущей супругой произошло первоначально на почве общих политических взглядов. После женитьбы в 1892 г. на Б. Поттер (Вебб), получившей большое наследство, он оставил государственную службу, посвятив себя преимущественно политической и научной деятельности. В 1892–1910 гг. он был членом совета Лондонского графства, с 1901 г. – лектором, а в 1912–1927 гг. – профессором Лондонской экономической школы. Параллельно в 1915–1925 гг. С. Вебб входил в состав Национального исполкома Лейбористской партии, представляя в нем Фабианское общество. Был членом Парламента от Лейбористской партии в 1922–1929 гг. Вершиной его политической карьеры стал пост министра торговли в 1924 г. (в первом лейбористском правительстве Р. Макдональда), затем министра доминионов (1929–1930 гг.) и министра колоний в 1929–1931 гг. во втором лейбористском правительстве Р. Макдональда. В 1929 г. С. Вебб получает титул лорда Пассфильда. На первый взгляд кажется странной фигура социалиста во главе министерства колоний, но, вероятно, и нашему персонажу не были чужды воззрения писателя Р. Кипплин-

---

признана правота Фабия, и во многом благодаря его тактике Ганнибал был разгромлен и изгнан с Апеннин.

га на «миссию белого человека». Впрочем, это сюжет для уже совсем другого повествования.

Сфера научных интересов ученых была чрезвычайно обширна. Они выступили основоположниками теории «муниципального социализма», популярной в правом крыле английских социалистов, авторами ряда фундаментальных исследований по местному самоуправлению (о развитии местного самоуправления в Англии в 1689–1838 гг. и др.). Но большинство их работ в той или иной степени были связаны с рабочим вопросом. Подчеркнем, что в первой четверти XX в. они были одними из наиболее часто издаваемых в России иностранных авторов, причем интенсивность изданий как до 1917 г.²⁷⁶, так и после²⁷⁷ несильно отличалась. Более того, в переводе и редактировании ряда их публикаций принимал участие В. И. Ленин и некоторые другие известные отечественные политические деятели, а некоторые книги выдержали несколько изданий.

Ниже мы рассмотрим научное наследие названных ученых в интересующем нас ракурсе. По распространенному мнению, генератором идей и автором социологических и исторических сюжетов исследований была преимущественно Б. Вебб, а С. Вебб был в большей степени популяризатором идей и как юрист по образованию определял формальную сторону работы, в том числе ее правовую составляющую. С. Вебб был человеком большого темперамента, замечательным оратором и полемистом, благодаря которому умеренные социалистические идеи в Англии получили отно-

---

²⁷⁶ См.: Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании. Пг., 1917; Вебб Б., Вебб С. История рабочего движения в Англии. СПб, 1899; Вебб Б., Вебб С. Социальный строй в Новой Зеландии. Одесса, 1906; Вебб С., Вебб Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 1–2. СПб., 1900–1901; Вебб С. Истинный и ложный социализм // Социализм в Англии: Сб. СПб., 1907; Вебб С. Положение труда в Англии за последние 60 лет. СПб., 1899; Вебб С., Кокс Х. 8-ми часовой рабочий день. СПб., 1904 и др.

²⁷⁷ См.: Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании. 2-е изд. М., 1918; Вебб С. Истинный и ложный социализм // Социализм в Англии: Сб. 2е изд. Пг., 1918; Вебб С., Вебб Б. Закат капитализма. М., 1925; Их же. История тред-юнионизма. Вып. 1–5. М., 1922–1925; Их же. Теория и практика английского тред-юнионизма. Ч. 1–2. 2-е изд. М., 1925; Их же. Советский коммунизм – новая цивилизация?: В 2 т. М., 1937 и др.

сительно широкое распространение. Таким образом, она в значительной степени отвечала за аналитическую и эмоциональную составляющую исследований, а он – за логическую и композиционную. Впрочем, они публиковали и самостоятельные работы, имели, что называется, «легкое перо» и могут считаться полноправными соавторами. Глубине их исследований способствовало и то, что оба имели доступ к архивам тред-юнионов, лично участвовали в их конгрессах, имели в распоряжении материалы правительственных комиссий по рабочему вопросу, материалы и стенографические отчеты заседаний парламента и правительства. Мы уже не говорим о возможности пользоваться практически всей имеющейся в то время литературой на основных иностранных языках. Кроме того, они принимали дома большинство основных лидеров рабочего движения, влиятельных лиц политического истеблишмента, принимающих решения по рабочему вопросу.

Программное значение имеет статья С. Вебба «Истинный и ложный социализм» (1890 г.), подготовленная для сборника статей теоретиков фабианского движения, таких как Б. Шоу, В. Моррис, Х. Гайндман, Р. Блечфорд, Б. Бакс, С. Болл, Б. Весткорт и Д. Бернс. Но популярность С. Вебба была настолько велика, что в России весь сборник издавался под его фамилией²⁷⁸. Отправной мыслью ученого стала констатация недопустимости введения социалистического режима «путем переворота», невозможности немедленного преобразования «современного индивидуалистического общества в коллективистическое». С учетом признания того, что в условиях «технического переворота» и концентрации производства «5/6 народонаселения невозможно быть чем-либо другим, чем наемными рабочими», была предложена вполне реалистическая программа социалистических преобразований. По интересующей нас проблеме она включала в себя: бесплатное обучение, в том числе профессиональное; расширение фабричного законодательства, в том числе ограничение продолжительности рабочего времени, установление здоровых, гигиеничных условий труда, усиление государственного надзора за соблюдением трудового законодательства на частных предприятиях; развитие коллективно-договорной практики с целью установления опреде-

---

²⁷⁸ См. русский перевод: Вебб С. Истинный и ложный социализм // Социализм в Англии. Пг., 1918. С. 27–54.

ленного уровня жизни рабочих и стандартов труда и недопустимости их понижения. Предлагалось безотлагательно решить вопрос безработицы, «но его решать надо аккуратно, а то больному от лекарств будет хуже, чем от самой болезни». Социалисты, в трактовке ученого, не исключают безработицы, но хотят ее предотвратить через правильную организацию управления. С этой целью допускалась, где это возможно, передавать предприятия в общественную и государственную собственность, а также развивать коммунальную социальную политику (страхование от безработицы, государственная и общественная помощь и др.). Принципиально важно то, что, по мнению С. Вебба, дисциплина труда и нормирование труда будут нужны всегда. Управление производством нельзя доверять профсоюзам, а фабрики должны быть переданы не рабочим, а всему обществу, от имени которого действуют законно избранные государственные органы. Естественно, что все рабочие должны были получить право участвовать в свободных выборах.

Проблему ограничения рабочего дня С. Вебб продолжил и в следующей работе, написанной совместно с Х. Кокс (1893 г.)²⁷⁹. Авторы исследовали историю законодательного ограничения рабочего дня и дали обзор соответствующих нормативных правовых актов: постановления английских городских магистратов, английские законы 1832 и 1847 гг., билли британских колоний Квинсленд и Виктория (Австралия) и др. Они отметили и попытку централизованного установления продолжительности времени отдыха. Так, в английском Елизаветинском Статуте 1562 г. государственным чиновникам предписывалось определять продолжительность не только рабочего времени, но и перерыва на еду, который доходил до 2,5 часов. Они предлагали перейти от сокращения продолжительности рабочего дня для отдельных профессий и категорий работников к общему ограничению для всех работников. Удачным прецедентом они считали деятельность социалиста-утописта Р. Оуэна, который на своем предприятии в Шотландии ввел 10,5-часовой рабочий день²⁸⁰.

---

²⁷⁹ См. русский перевод: Вебб С., Кокс Х. 8-ми часовой рабочий день. СПб., 1904.

²⁸⁰ См.: Вебб С., Кокс Х. Указ. соч. С. 8, 14–18.

Определенное внимание уделено установлению максимальной продолжительности рабочего дня для отдельных категорий работников: детей, женщин, а также работников отдельных отраслей: железнодорожников, шахтеров, работников морского ведомства и др. Интересна глава IX работы, посвященная практическим предложениям²⁸¹. Они начинаются с того, что за образец можно взять билль Квинсленда 1890 г. о законодательном ограничении рабочего дня. В перспективе этот день должен был составлять 8 часов, но начинать следует с видов трудовой деятельности, связанной с тяжелыми и вредными условиями, большой физической нагрузкой и др. Такие ограничения должны были вводиться постепенно, но неуклонно, с просчетом экономических последствий и без потери заработков для работников. При этом обоснованно указывается, что продуманное и постепенное уменьшение продолжительности рабочего дня может дать положительный экономический эффект и не только не уменьшить, но и увеличить производство продукции. В этой работе авторы подошли к определению нормального рабочего дня, которое было дано уже в следующем совместном исследовании Веббов: «Нормальный рабочий день – единообразный максимум рабочего времени для всех рабочих данной отрасли промышленности»²⁸².

Особое место в научном наследии Б. Вебб и С. Вебб занимает исследование «Индустриальная демократия», которое они готовили на протяжении шести лет и опубликовали в 1897 г. Тогда же в виде курса лекций она была прочитана С. Вебб в Лондонской экономической школе. На русском языке эта работа издавалась дважды под другим названием, причем первый том перевел, а второй отредактировал В. И. Ленин²⁸³. В первой части работы анализируется строение тред-юнионов, дается историческая справка об их развитии, рассматриваются цели и задачи деятельности. Подчеркнута важность внутривпрофсоюзной демократии, рассмотрены представительные органы профсоюзов, их взаимоотношения

---

²⁸¹ Вебб С., Кокс Х. Указ. соч. С. 248–267.

²⁸² Вебб С., Вебб Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 1. СПб., 1900. С. 260.

²⁸³ См. русский перевод: Вебб С., Вебб Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 1–2. СПб., 1900–1901 (2-е изд. Ч. 1–2. М., 1925).

с местными ячейками. Для нас более интересна ее вторая часть, где последовательно разобраны основные проблемы формирующегося трудового права²⁸⁴. Первоначально рассмотрены методы взаимного страхования членов тред-юнионов с целью «повысить социальное положение», осуществить «союзную самопомощь». С. Вебб и Б. Вебб отмечали, что «в известном смысле можно рассматривать все виды деятельности тред-юнионов как формы взаимного страхования... Но «взаимное страхование» – только составление из общих взносов фонда с целью обеспечения членов в разного рода случаях, когда они лишаются средств к существованию вследствие причин, не зависящих ни от них, ни от союза»²⁸⁵.

Далее исследуются проблемы «коллективных сделок» (коллективных договоров) и связанные с ними примирительно-посреднические способы разрешения коллективных трудовых споров (примирительные камеры на предприятиях Э. Мунделлы и Р. Кеттля и др.). Обращено внимание на эффективность деятельности третейских судов. Специально выделен «метод законодательных постановлений», т. е. законодательное решение рабочего вопроса. Подчеркнута необходимость и неизбежность правового вмешательства государства в отношения работников и работодателей, но говорится и о необходимости постепенности такого вмешательства, невозможности всеобъемлющей регламентации данного вида общественных отношений. Нормирование уровня заработной платы связывается с определенными стандартами жизненного уровня, а не только с обеспечением физического выживания. Ставится вопрос о законодательном установлении нормального рабочего дня как единообразного максимума рабочего времени, который может превышать только в экстренных случаях и должен быть ориентирован на 8 часов. Об этом мы уже упоминали выше. В книге последовательно проводится идея о необходимости обеспечения равенства трудовых прав мужчин и женщин. Наконец, большое значение придается санитарным условиям и безопасности производства как первичным условиям сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. Первостепенное внимание уделено и постоянной занятости, предотвращению

---

²⁸⁴ См.: Вебб С., Вебб Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 2. СПб., 1901. С. 169–476.

²⁸⁵ Там же. С. 169–170.

безработицы. В целом авторам удалось дать достаточно целостную картину законодательного решения рабочего вопроса.

В несколько ином жанре подготовлена другая совместная работа ученых об истории тред-юнионизма (1920 г.)²⁸⁶. В ней в ретроспективе были рассмотрены все основные проблемы профсоюзного и коллективного (по терминологии авторов – коалиционного) права. Отметим, что именно С. Вебб и Б. Вебб выделяли относительно обособленное коалиционное право²⁸⁷.

Работа хорошо иллюстрирована статистическими выкладками о динамике роста численности профсоюзов, эффективности их действий и др. Последняя во многом связывалась не с забастовками, а с тем, что руководящие деятели профсоюзов стали назначаться в состав королевских комиссий по рабочему вопросу, а также в состав мировых судов, на должности фабричных инспекторов, и даже несколько из них были избраны в Палату общин британского парламента. При этом авторы уделили внимание развитию не только законодательства о профсоюзах, но и вообще трудового законодательства, а также первым социально-обеспечительным законодательным актам (Акт о национальном страховании 1911 г. и др.). Наконец, весьма интересно исследование данных авторов под говорящим названием «Закат капитализма» (1923 г.)²⁸⁸. В предисловии к советскому изданию С. Б. Членов назвал Б. Вебб и С. Вебб «теоретиками аккуратно-умеренного социализма», а их книгу – «несомненно, слабой и скучной», «продуктом слабой, половинчатой, упадочной мысли». Особенно С. Б. Членова возмутило письмо Б. Шоу в редакцию «Известий ВЦИК», в котором он ставил «фабианскую мудрость» в пример «отсталым и наивным марксистам» и утверждал, что «С. Вебб бесконечно далеко ушел вперед по сравнению с К. Марксом»²⁸⁹. Между тем эта работа, написанная в полемическом и отчасти публицистическом ключе, содержит ряд важных положений. Во-первых, констатируется, что

---

²⁸⁶ См. русский перевод: Вебб С., Вебб Б. История тред-юнионизма. Вып. 1–5. М., 1922–1925.

²⁸⁷ См.: Вебб С., Вебб Б. История тред-юнионизма. Вып. 4. Мир тред-юнионов. М., 1923. С. 20–24.

²⁸⁸ См. русский перевод: Вебб С., Вебб Б. Закат капитализма. М., 1925.

²⁸⁹ Вебб С., Вебб Б. Закат капитализма. . С. 3–4.

капитализм идет к демократическому реформированию, замене промышленной олигархии промышленной демократией, а мотива денежного интереса мотивом общественной пользы. Это напрямую связывалось с усилением роли профсоюзов, участием работников в прибылях и управлении производством. Во-вторых, делался вывод о том, что бедность не результат лени, а неправильной организации производства, следствие современной модели капитализма. Соответственно для ликвидации бедности требуются не усилия частных благотворителей, а продуманная социальная политика. В-третьих, требование законодательного регулирования труда является важнейшим проявлением социалистической мысли в борьбе «за осуществление подлинно социальной политики и за сознательное поддержание законодательным путем общенационального минимума культурной жизни». Здесь очевидно указание на правовую охрану труда как основу социальной политики, на связь трудового законодательства со всем укладом жизни общества. В-четвертых, формального равенства перед лицом закона недостаточно, т. к. недостаток средств на оплату судебной пошлины парализует даже универсальное право на судебную защиту. Следовательно, всем должен быть обеспечен и определенный материальный уровень жизни, что выводит на проблемы установления минимального размера оплаты труда, пособий по безработице и др. В-пятых, безработица является величайшим злом и спутником несовершенной капиталистической системы. С этим связан принцип социализма «работа или социальное обеспечение». Предотвращение безработицы связано с правильной экономической политикой и правотворческой деятельностью государства. При этом государственное вмешательство должно осуществляться постепенно и продуманно, т. к. излишне активная роль государства может причинить больше вреда, нежели пользы.

От себя добавим, что общие подходы к названным проблемам, стиль изложения и аргументы, а отчасти и выводы Б. Вебб и С. Вебб очень напоминают Дж. М. Кейнса в его исследованиях, положивших начало кейнсианству²⁹⁰. О социально-трудовых аспектах в исследованиях этого выдающегося британского эконо-

---

²⁹⁰ Кейнс Дж. М. Конец *laissez-faire*; Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 260–279; 280–292 и др.

номиста мы уже писали ранее²⁹¹ и еще скажем ниже. Свое социальное кредо Дж. М. Кейнс определил в основном не в классическом труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), названном «манифестом кейнсианской революции», а в очерке-памфлете «Конец laissez-faire» (1926 г.), основанном на материале двух лекций: в Оксфорде (ноябрь 1924 г.) и Берлинском университете (июнь 1926 г.). Именно критический анализ социальных воззрений предшественников (А. Смита, И. Бентама, Дж. С. Милля, А. Маршалла и др.) и современного ему положения капитализма позволил английскому экономисту сформулировать ряд положений, которые легли в основу кейнсианства. При этом практически тем же путем, с опорой на классиков британской экономической мысли и критику социально-экономических реалий, начинали уже рассмотренные нами исследования С. Вебб и Б. Вебб. Конечно, Дж. М. Кейнс не был социалистом и в его очерке-памфлете «Конец laissez-faire» нет ни одной ссылки на ранее написанные труды Веббов, но с ними он, как и каждый образованный англичанин того времени, был, несомненно, знаком. Нам трудно судить, насколько публикации наших героев повлияли на воззрения их именитого соотечественника, но определенное влияние проследить можно. Возможно, это связано с некоторой общностью их воззрений, социальной среды, интеллектуального материала для анализа. Но ряд их выводов очень близки, в том числе о необходимости ограниченного законодательного вмешательства государства в социальные отношения, об оценке безработицы и бедности как результатов несовершенства управления при капитализме и др.

Еще раз подчеркнем, что Б. Вебб и С. Вебб могут быть отнесены к числу видных историков и теоретиков трудового пра-

---

²⁹¹ См.: Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 256–264; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России. Ярославль, 2001. С. 126–133; Лушников А. М., Лушникова М. В. Дж. М. Кейнс и развитие науки трудового права и права социального обеспечения // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2001. Вып. 5. С. 103–108 и др.

ва. Многие из их предположений сбылись, а часть предложений была реализована в английском законодательстве и законодательстве еще целого ряда стран Запада. Не случайно еще при их жизни в 1940-е гг. в этих странах начался поворот к социализации трудовых отношений, а с 60-х гг. прошлого века социалистическая составляющая в них была едва ли не весомее и реальнее, чем в советском «реальном социализме»²⁹².

Вернемся к научному наследию **Джона Мейнарда Кейнса** (1883–1946). Многие его работы были переведены на русский язык и имели определенный научный резонанс²⁹³. Кейнс четко сформулировал основные недостатки современного ему общества: «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, является его неспособность обеспечить полную занятость, а так же его произвольное и несправедливое распределение богатств и доходов»²⁹⁴. Основными анализируемыми Дж. М. Кейнсом категориями являлись «общая занятость», «полная занятость», «эффективная занятость», «заработная плата (реальная и гарантированная)», «договор о гарантированной заработной плате», «теория безработицы» и другие. Изучая названные явления, он пришел к выводам, которые напрямую позволяют сформировать концепцию социального партнерства между государством, работодателями и работниками.

Наиболее ярким кейнсианцем среди государственных деятелей Великобритании был лорд *Уильям Беверидж* (1879–1963), заместитель министра труда в правительстве У. Черчилля (в 1940–1945 гг.). Это был известный экономист, автор труда «Социальное страхование и социальные услуги», так называемого первого доклада Бевериджа, опубликованного в декабре 1942 г. В нем предлагалось создать целостную систему социального обеспечения, которая предусматривала страхование по безработице, по бо-

²⁹² См.: Лушников А. М. Б. Вебб и С. Вебб как историки и теоретики трудового права // Российский ежегодник трудового права. 2008. № 4. С. 323–331.

²⁹³ См.: Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922; Его же. Пересмотр мирного договора. М., 1922; Его же. Проблемы восстановления Европы. Пг., 1922; Его же. Трактат о денежной реформе. М., 1925; Его же. Экономические последствия мистера Черчилля. Л., 1926 и др.

²⁹⁴ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 341.

лезни, по старости, на случай смерти. Предлагалось ввести пособия для поддержания материнства, на случай потери кормильца и ряд других. Правительство решилось вынести на рассмотрение только вопросы о создании национальной медицинской службы, о пособиях на обучение и пособиях на содержание детей. Второй доклад Бевериджа 1944 г. назывался «Работу всем в свободном обществе» и определял средства борьбы против безработицы и для поддержания полной занятости чисто кейнсианскими средствами. Впоследствии полная занятость становится одной из главных целей всех правительств индустриально развитых стран, а ст. 55 Устава ООН однозначно декларирует ее. В нашей стране о научном наследии этих ученых в позитивном смысле начали писать только в постсоветский период, а до этого они квалифицировались как «вульгарные, реакционные буржуазные экономисты, идеологи империалистической реакции и войны», которые затушевывают пороки капитализма²⁹⁵.

Отметим, что большинство ученых-трудовиков, в том числе британских, придерживались достаточно левых взглядов. В этом плане весьма показательна деятельность **лорда К. В. Уэддерберна Чарльтона** (род. в 1927 г.), которого без натяжки можно назвать «красным лордом», ведущим британским ученым-трудовиком второй половины XX в. Это был представитель одной из знатных британских фамилий, потомственный аристократ, но последовательный сторонник защиты трудовых прав рабочих и гуманизации капитализма. В юности он вступил в лейбористскую (рабочую) партию, активно занимался проблемами трудового права, был последователем идей О. Канн-Фройнда. Магистр гуманитарных наук, доктор права. С 1952 по 1964 гг. занимался научной и преподавательской работой в Клэр-колледже, а также читал лекции по праву в Кембриджском университете. В 1953 г. получил право на занятие адвокатской деятельностью, с 1990 г. королевский адвокат (по назначению правительства). С 1964 по 1992 гг. был профессором Лондонской школы экономики и политических наук и Лондонского университета, а также профессором коммерческого права в Кассельском университете (Германия). С 1992 г. является почётным доктором этих вузов. С 1981 г. член Британ-

---

²⁹⁵ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1950. С. 368–369; Т. 20. М., 1953. С. 88–89 и др.

ской академии. В 1967–1979 гг. участвовал в работе Группы по сравнительному трудовому праву, один из ведущих британских компаративистов. С 1975 г. был членом исследовательского Комитета по изучению промышленной демократии (под председательством лорда Буллока, (Комитет Буллока)), один из соавторов доклада, представленного Комитетом в 1976 г. Комитет Буллока был создан британским правительством, а в его задачу входило «предоставление советов и консультаций по вопросам представительства и участия в правлениях компаний частного сектора». Уэддерберн стал пожизненным пэром с 1977 г., в 1979–1992 гг. представитель лейбористской партии по вопросам занятости.

Среди его главных публикаций: «Рабочий и право» (1965, 2-е изд. 1971, 3-е изд. 1986); «Трудовые права в Британии и Европе: избранные статьи по трудовому праву» (1991); «Прецеденты и судебные дела по трудовому праву» (1967); «Жалобы в трудовом праве и процедуры урегулирования трудовых споров в Британии» (в соавт. с П. Дэвисом, 1969); «Промышленный конфликт» (в соавт. с Б. Ароном (и др.) в рамках работы Группы сравнительного трудового права, 1972); «Дискриминация в сфере занятости» (под ред. Ф. Шмидта, в рамках работы Группы сравнительного трудового права); «Трудовое право и общество» (в соавт. с В. Мёрфи (и др.), 1982); «Трудовое право и отношения в промышленности: развивая идеи Кан-Фройнда» (в соавт. с Р. Льюисом и Дж. Кларком и др., 1983); «Право на труд в Европе» (в соавт. с Б. Венециани и С. Гимпу, 1987); «Коллективный договор как соглашение и как закон» (в соавт. с С. Сциарра в сб. «Право в сфере производства»); «Социальная ответственность бизнеса» (15-е чтения Мельбурнского университета. Т. 4); «Законодательное и судебное ограничение полномочий профессиональных союзов и право на забастовку» (в сб. «Сравнительный анализ права на забастовку». Т. 1., 1990. С. 37–114) и др. Еще раз подчеркнем, что лорда Уэддерберна можно назвать ведущим британским специалистом в сфере трудового права второй половины XX в. Он во многом правильно определил перспективы развития отрасли в начале XXI в.²⁹⁶

Наиболее тесные научные контакты между британскими и российскими учеными сложились в последние годы существо-

---

²⁹⁶ Lord Wedderburn. *Labor Law and the Industrial in the Post-Industrial Societies // Labor Law in the Post-Industrial Era*. Aldersot, 1994. P. 13–82.

вания СССР и в начале постсоветского периода. В мае 1985 г. в ИГП АН СССР состоялся первый советско-британский симпозиум по трудовому праву, а в сентябре 1987 г. уже в Великобритании состоялся второй подобный симпозиум, материалы которых были опубликованы на русском языке²⁹⁷. С британской стороны в них принимали участие действительно ведущие специалисты в сфере трудового права. Помимо лорда Уэддерберна, это преподаватели Лондонского университета *Вильям Батлер*, *Брайан Беркассон*, *Альберт Кирэлфи*, *Кэтрин О'Ригэн*, *Роджер Рейдоут*, *Роберт Симпсон*, *Сандра Фридман*, *Боб Хеппл*, представители Эдинбургского университета *Дуглас Броуди*, *Роберт Маккриди*, *Дэвид Маккроун*, преподаватели Кембриджа *Брайан Нанир* и *Кейт Эвинг*, а также лорд *Маккарти* (Оксфорд), *Рой Льюис* и *Стивен Эванс* (Университет Уорвика), *Джиллиан Моррис* (Политехникум Северного Лондона), *Элан А. Нил* (Университет Лестера), *Кеннет Миллер* (Университет Стратклайд) и др. С советской стороны в обсуждении приняли участие такие известные ученые-трудовики, как С. А. Иванов, И. Я. Киселев, Б. Н. Жарков, О. В. Смирнов, М. В. Баглай, Р. З. Лившиц, А. М. Куренной, И. О. Снигирева, А. И. Ставцева, В. Н. Толкунова, А. И. Шебанова и др.

На этом симпозиуме рассматривались как общетеоретические вопросы методологии сравнительно-правовых исследований, так и прикладные проблемы участия трудящихся в управлении предприятием, охраны труда и обеспечения занятости в СССР и Великобритании. Констатировалось, что на тот период времени сравнительные исследования в науке трудового права развивались более активно, чем в большинстве других отраслей права. Появилось понятие сравнительного трудового права, употребляемое многими компаративистами²⁹⁸. Участники симпозиума подчеркнули приоритет социологического функционального подхода в сравнительном трудовом праве. Так, английский ученый Б. Хеппл ратовал за отказ от догматов правового позити-

---

²⁹⁷ См.: Сравнительное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума) / Под ред. С. А. Иванова и др. М., 1987; Право на труд: советский и британский подходы (по материалам второго советско-британского симпозиума) / Под ред. С. А. Иванова и др. М., 1989.

²⁹⁸ Сравнительное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума). М., 1987. С. 4.

визма в сравнительных исследованиях и отмечал необходимость функционального подхода. По его словам, ушло в прошлое время правового позитивизма, когда в правовых исследованиях внимание концентрировалось на «букве» закона, а не на его идеологической функции, а также его фактическом использовании и результатах в сфере трудовых отношений. Сравнение, по мнению ученого, должно быть функциональным, оно должно учитывать социальные силы, которые формируют закон, глубокие связи между правом и идеологией, правом и государством, правом и экономикой²⁹⁹.

Еще одна теоретическая проблема рассматривалась участниками советско-британского симпозиума по трудовому праву – это условия и пределы трансплантации норм о труде, т. е. проблемы перенесения трудовых норм, моделей, идей из одной правовой системы в другую. Английский ученый В. Батлер считал, что нельзя однозначно воспринимать теорию О. Кан-Фройнда о пределах трансплантации норм трудового права в зависимости от уровней трудовых отношений: индивидуальные трудовые отношения и коллективные отношения. Второй уровень отношений признавался «менее трансплантабельным» в силу зависимости от политического фактора³⁰⁰.

Второй советско-британский симпозиум по трудовому праву, проходивший уже в Великобритании в 1987 г., был посвящен проблеме права на труд. В прикладном ключе участниками симпозиума излагались вопросы приема на работу и усиления гарантий от необоснованного увольнения работников по инициативе работодателя, переводов на другую работу и других вопросов по законодательству названных стран. Если первый советско-британский симпозиум рассматривал теоретические и методологические проблемы сравнительного трудового права, то второй ограничился познавательной составляющей национального трудового права. По сути, участники излагали, каким образом одни и те же проблемы правового регулирования (заключение трудо-

---

²⁹⁹ См.: Хеппл Б. Некоторые проблемы сравнения социалистических и капиталистических систем трудового права // Сравнительное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума). С. 20–25.

³⁰⁰ Сравнительное трудовое право (по материалам советско-британского симпозиума). С. 18.

вого договора, увольнение работников и др.) решаются законодателями этих стран.

Кроме вышеназванных, в числе ведущих специалистов Великобритании по трудовому праву конца XX – начала XXI в. можно назвать таких ученых, как *Т. Арчер, Р. Бин, Д. Бриджфорд, В. Гоулд, П. Дэвис, Х. Коллинс, Д. Локтон, П. Томпсон, Ч. Смит, Д. Стирлинг, М. Фридланд* и др. Еще раз подчеркнем, что британские ученые традиционно концентрировали и концентрируют свое внимание на правоприменительной практике, отводя подчиненное значение теории трудового права.

Французские ученые обратились к проблемам трудового права почти одновременно со своими германскими коллегами, но испытывали некоторое влияние последних³⁰¹. Так, известные французские цивилисты *Л. Андре, Л. Брокар, Поль Бюро, Анри Газэн, Луи Гибур, Альбер Глассен, Пауль Пик, Марсель Планьоль*³⁰², *А. Капитан, А. Фонтэн* на рубеже XX в. одними из первых озадачились вопросами правового опосредования найма труда. Например, А. Газэн одним из первых поставил проблему работодательской власти, которую впоследствии исследовал Л. С. Таль. Французский ученый писал: «Возникшая вследствие договора, но не вытекающая из соглашения дисциплинарная власть над предприятием не должна ускользать от контроля судебной власти»³⁰³.

---

³⁰¹ С известной долей условности к числу прототрудоправовых исследований (хотя и компилятивного характера) можно отнести «Книгу ремесел», подготовленную королевским прево Парижа Э. Буало в 1268 г. Это был сборник уставов парижских ремесленных цехов. Там нашли отражение, в том числе, принципы цеховой регламентации общественных отношений, связанных с применением труда. Эти уставы были записаны со слов уполномоченных цехов и в целом дают достаточно полную картину цеховой регламентации труда различной категории лиц (мастеров, подмастерьев, наемных работников).

³⁰² См.: Планьоль М. Курс французского гражданского права. Вып. I–VI. Ч. 1. Теория обязательств. Ч. 2. Договоры. Петровск, 1911.

³⁰³ Цит. по: Таль Л. С. Очередные вопросы в области гражданского права (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1914. № 1. С. 141.

Рэмон Салейль (1866–1912), известный цивилист и компаративист³⁰⁴, выводил необходимость выделения особой конструкции договоров о труде из потребностей правовой защиты социально более слабых работников³⁰⁵. При этом он подчеркивал, что, если даже одна сторона в договоре определяет его содержание и нет «согласования воли сторон», между сторонами все же происходит соглашение. Это была конструкция «договоров об объявлении согласия», которая могла быть, по мнению Л. С. Таля, с некоторыми оговорками быть применена и к трудовому договору³⁰⁶.

Однако этому предшествовал длительный период, когда идеи правового регулирования труда постепенно вызревали в умах и душах французов. В XIX в. ведущие роли по интересующим нас научным направлениям принадлежали ученым социалистической ориентации. Само понятие трудового права, появившееся во Франции, стало порождением социалистической мысли. По мнению С. А. Иванова, это связано с революцией 1848 г., когда легализация трудового права понималась в качестве общей программы. Эта программа включала в себя утверждение свободы ассоциаций, ограничение рабочего дня десятью часами для взрослых работников, осуждение купли-продажи рабочей силы, упразднение платных бюро по найму, создание так называемой Люксембургской комиссии, являвшейся прообразом министерства труда³⁰⁷. Эти социалистические тенденции особенно ярко проявились в сфере теории. Примечательно, что деятельность Люксембургской комиссии³⁰⁸ определяли видные теоретики социализма: ее руководителем был Луи Блан (1811–1882), заместителем – Алек-

---

³⁰⁴ См.: Саидов А. Х. Сравнительное трудовое право. М., 2007. С. 104–121.

³⁰⁵ См.: Салейль Р. Французский гражданский кодекс и исторический метод. СПб., 1905. О нем см.: Пергамент М. Я. Памяти Рэмона Салейля. Пг., 1916.

³⁰⁶ См.: Таль Л. С. Очередные вопросы в области гражданского права (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1914. № 1. С. 134–135.

³⁰⁷ См.: Иванов С. А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 38.

³⁰⁸ Люксембургская комиссия («Правительственная комиссия по рабочему вопросу») – комиссия, утвержденная в феврале 28 февраля 1848 г. Временным правительством Французской республики после фев-

сандр Альбер (1815–1895), активным участником – Франсуа Видаль (1812–1872). Помимо разбора конфликтов между работниками и предпринимателями, она занималась и подготовкой трудовых декретов, в частности, о сокращении рабочего дня. При общей неудаче ее деятельности она стимулировала научные изыскания в сфере трудового права.

Труды ряда французских мыслителей представляют определенную важность в контексте нашего исследования, но наибольшее значение для развития науки трудового права имели работы социолога *Эмиля Дюркгейма* (1858–1917), особенно его публикация, посвященная разделению труда³⁰⁹. Он прямо вышел на юридические феномены, которые он считал симптомами проявления сознания. Ученый утверждал, что межиндивидуальные договоры заключаются в социальном контексте, непосредственно не определяемом индивидами. Сфера договора – разделение труда посредством дифференциации. Контракт заключается индивидами, но его рамки устанавливаются законодательством, отражающим понимание того, что в глобальном обществе считается справедливым, а что – несправедливым. Это была практически готовая концепция **солидаризма**, которая в трактовке французов Л. Буржуа, Ш. Бенуа и Л. Дюги оказала огромное воздействие на трудовое право, особенно на коллективно-договорные отношения, а также на право социального обеспечения. Отсюда выводится и «солидарность поколений», которая и сейчас служит идеологическим обоснованием права социального обеспечения: взрослое работающее население содержит нетрудоспособных (инвалидов, больных, стариков, малолетних сирот) и обеспечивает детей, а по достижении старческого возраста или более раннего наступления нетрудоспособности у каждого есть право в силу солидарности на помощь либо от выросших детей, либо от других трудоспособных лиц. Пенсионирование по старости прямо опирается на идеологию «солидарности поколений». Здесь же заметим, что самый яркий солидарист Л. Дюги еще студентом слушал лекции

ральной революции 1848 г. Она заседала с 1 марта по 13 мая 1848 г. в Париже в Люксембургском дворце (откуда и ее общепринятое название).

³⁰⁹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

профессора Э. Дюркгейма в Бордоском университете, где затем и сам стал профессором.

Основателем учения «солидаризма» можно считать французского ученого и политического деятеля *Леона Буржуа*³¹⁰. На рубеже XIX–XX вв. он был министром просвещения Франции, в 1900 г. возглавил Международную школу при Парижской выставке, из русской секции которой впоследствии выросла Высшая школа общественных наук в Париже³¹¹. Он провозгласил, что солидарность – «новая идея, являющаяся указателем эволюции всеобщей мысли»³¹². Он выводил социальные обязательства из так называемых «мнимых договоров» и «мнимых деликтов» и пришел к юридическому характеру «социального долга»³¹³. По сути, Л. Буржуа провозглашал необходимость коренной реформы всей социальной системы общества. Эту идею с разных сторон развивали и другие авторы (С. Бугле, Ш. Бенуа, Ш. Жид и др.), а также Э. Кормуль-Гулес. Из специалистов в сфере формирующегося права социального обеспечения в дореволюционный период последний был одной из самых видных фигур, а его работы были хорошо известны в России³¹⁴. Исследование французского ученого основано на нормативном и фактическом материале не только Франции, но и других западноевропейских государств. Систему трудовой помощи он базировал на двух основных началах: солидарности и труда. Они сочетались следующим образом: обязанность общества давать труд и заработок каждому ее члену сочетается с правом на трудовую помощь, принадлежащим лицу, не имеющему временно занятий, профессии или промысла и нуждающемуся в заработке. Однако ученый не идеализирует право на труд, отмечая неудачу при попытках его реализа-

³¹⁰ См.: Буржуа Л. Солидарность. М., 1899.

³¹¹ См.: Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993. С. 28–35.

³¹² Цит. по: Новгородцев П. И. Введение в философию права. СПб., 2000. С. 24.

³¹³ См.: Спекторский Е. В. Теория солидарности // Юридический вестник. 1916. Кн. 3. С. 12 и далее.

³¹⁴ См.: Кормуль-Гулес Э. Трудовая помощь. СПб., 1914. Примечательно, что предисловие к этой работе написал именно Л. Буржуа. За этот труд Э. Кормуль-Гулес был удостоен награды Французской академии наук и Академии моральных и политических наук.

ции (национальные мастерские в 1848 г.)³¹⁵. В целом автору удалось показать сложность реализации права на труд и противоречивость социальной солидарности, которая может плодить тунеядцев и потворствовать антиобщественным элементам.

Подчеркнем, что только французский юрист и социолог **Леон Дюги** (1854–1928), стоявший особняком от других приверженцев теории солидаризма, констатировал особые обязанности государства по доставлению гражданам средств к существованию как проявление объективного права. Популярность этого ученого в России была велика³¹⁶. Французский ученый отмечал «умаление индивидуалистической доктрины» и появление обязанности правителей действовать. Одно из проявлений этой обязанности – ее перевод «в юридическую обязанность обеспечить обучение и гарантировать труд»³¹⁷, нормативное закрепление основных социальных и экономических прав человека.

Особую ценность имеет то, что Л. Дюги непосредственно распространял свою теорию на проблемы права социального обеспечения (доставление государством любому гражданину средств не ниже прожиточного минимума, государственная система пенсий, пособий и др.). Одними из основных его теоретических положений являлись вывод о связанности государства правом и введение идеи солидарности в понятийный аппарат правовой науки, что П. И. Новгородцев охарактеризовал как несомненный шаг вперед³¹⁸.

Кроме того, Л. Дюги непосредственно касался проблем трудового права. Он был сторонником свободы трудового договора, но предлагал установить для него строгие законодательные рамки (минимальную заработную плату, максимальную продолжительность рабочего дня и т. д.). При этом он считал возможным объявить ничтожной всякую статью рабочего договора, ко-

³¹⁵ См.: Кормуль-Гулес Э. Указ. соч. С. 205–227.

³¹⁶ См. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908; Его же. Общее преобразование гражданского права со времен Кодекса Наполеона. М., 1919; Его же. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. СПб., 1909 и др.

³¹⁷ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. С. 72.

³¹⁸ См.: Новгородцев П. И. Предисловие // Дюги Л. Конституционное право. С. XXIV–XXVIII.

торуую служащий (работник), несомненно, не принял бы, если бы он мог свободно обсуждать условия договора и если бы он не был обязан принимать их под давлением материальной нужды³¹⁹. При этом он обосновывал первичность коллективного договора, когда «рабочий договор перестает быть соглашением между индивидами... и делается соглашением между двумя социальными группами, устанавливающими заранее под контролем государства нормы, которые должны применяться ко всем тем, кто является в определенном виде промышленным служащим или нанимателем»³²⁰. Более того, Л. Дюги провозгласил исчезновение индивидуальных трудовых договоров и переход регулирования трудовых отношений в объективное и регламентированное положение. Он считал, что коллективный договор не укладывается в рамки гражданского права, составляет совершенно новую юридическую категорию. Это соглашение – закон, регулирующий отношение между двумя социальными классами. Признание за волеизъявлением двух социальных групп силы закона, по мнению Л. Дюги, не находится в противоречии с идеей суверенитета государства, так как традиционное представление о государственной власти как исключительном источнике происхождения закона постепенно исчезает³²¹. Иными словами, речь шла о становлении нормативной теории коллективного договора. Это могло означать только одно: придание коллективному договору статуса нормативного правового акта, «совершенно противоположному договору».

Одним из центральных пунктов теории Л. Дюги было предпочтение солидарности перед крайним индивидуализмом именно с точки зрения эффективности правового регулирования общественных отношений: индивидуализм может утверждать только моральную обязанность оказывать помощь, доставлять образование, обеспечивать труд, тогда как солидарность дает для этих обязательств юридическое основание. Эта теория и сейчас остается в арсенале социологической и юридической науки³²².

---

³¹⁹ См.: Дюги Л. Конституционное право. С. 773, 776–777.

³²⁰ Там же. С. 777–778.

³²¹ См. анализ учений о коллективном договоре Л. Дюги: Каминская П. Д. Очерки трудового права. М., 1927. С. 48–68.

³²² См.: Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 13–14.

Поль Луи (1872 – после 1954) был особенно популярен в России, и его работы по сравнительной истории рабочего законодательства неоднократно переиздавались³²³. Этот ученый одним из первых нарисовал своеобразную «трудоправовую карту мира», провел сравнительный анализ эволюции трудового законодательства на материале экономически развитых стран. Он также отмечал приоритет Англии в сфере правового регулирования труда малолетних. Другие государства в части ограничения рабочего дня этой категории работников пошли вслед за Англией. В целом правовое регулирование рабочего времени и времени отдыха в различных странах мира было им исследовано достаточно подробно³²⁴. Исходя из специфики женского труда, им поднимался вопрос о специальном правовом нормировании отдыха женщин³²⁵.

Рассмотрел он и проблемы, связанные с правовым регулированием оплаты труда³²⁶. Ученый констатировал следующее. В конце XIX в. законодательство западных стран содержало достаточно разветвленную сеть гарантий охраны заработной платы, которая включала в себя следующее. Во-первых, ограничение различных удержаний из заработной платы. Во-вторых, в некоторых странах доля удержаний из заработной платы ограничивалась в процентах от ее общего размера (Бельгия 1887 г.; Швейцария 1877 г., Франция 1895 г. и др.). В-третьих, законодательно устанавливалась периодичность выплаты заработной платы. Например, в Австро-Венгрии и Норвегии оплата должна была осуществляться один раз в неделю, в Швейцарии – один раз в две недели. В-четвертых, во многих странах устанавливалась приоритетная выдача задолженности по заработной плате в случае банкротства предприятия³²⁷.

---

³²³ См.: Луи П. Законы о рабочих или рабочее законодательство на земном шаре. СПб., 1907; Его же. Рабочее законодательство цивилизованных стран. М., 1906; Его же. Рабочий и государство: Сравнительная история рабочего законодательства в странах Старого и Нового Света. М., 1907 и др.

³²⁴ См.: Луи П. Рабочее законодательство цивилизованных стран. М., 1906. С. 49–61; Его же. Рабочий и государство: Сравнительная история рабочего законодательства в странах Старого и Нового Света. С. 45 и далее.

³²⁵ См. подробнее: Луи П. Женский труд во Франции. Одесса, 1906.

³²⁶ См.: Луи П. Рабочий и государство. С. 113 и далее.

³²⁷ См.: Луи П. Рабочее законодательство цивилизованных стран. С. 18–24.

Как и большинство ученых, П. Луи отмечал сложную правовую природу ученических договоров, совмещавших условия об обучении и личном найме, относил их к смешанным договорам. Это отвечало и общемировым тенденциям. Так, принятый в 1851 г. французский Закон о договорах об ученичестве фактически приравнивал такие договоры к рабочим (трудовым), но с определенной спецификой. Это же можно сказать и о германском Законе об ученичестве, принятом в 1897 г.³²⁸

Немаловажно и то, что исследования французских ученых учитывались французскими законодателями. В 1892 г. в значительной степени под влиянием профсоюзов и научной общественности принимается закон о примирительных комитетах, согласно которому споры об интересе могли рассматриваться и в третейских судах³²⁹. Новое французское законодательство о трудовом договоре находилось на обсуждении в палате депутатов, и специальная комиссия высказалась в 1905 г. за общефранцузское единое законодательство о трудовом договоре³³⁰. Законопроект был подготовлен в 1906 г., но так и не стал законом³³¹.

Большинство французских ученых констатировали упрощенную схему отношений по договорам найма труда. По сути, все ГК, включая Кодекс Наполеона (1804 г.), регламентировали обмен труда на заработную плату. Французский юрист *Поль Бюро* в своем исследовании «Рабочий договор и профсоюзный синдикат» (1902 г.) отмечал тенденции к отождествлению рабочего договора и договора купли-продажи, но «...это почти полное уподобление продажи труда продаже каменного угля или кипы хлопка не встретит скоро признания со стороны всего просвещенного люда»³³².

Вероятно, одним из первых исследований по интересующей нас проблематике, переведенным в советское время на русский язык, стала работа французского историка и социолога труда *Пьера Бри-*

³²⁸ См.: Луи П. Рабочее законодательство цивилизованных стран. С. 16–17.

³²⁹ См.: Рауль Ш. Камеры соглашения во Франции. М., 1906. С. 3–15.

³³⁰ См.: Ельяшевич В. Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 178–179.

³³¹ См.: Пашерстник А. Е. К вопросу о понятии вознаграждения за труд рабочих и служащих // Вопросы труда. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 124.

³³² Цит. по: Луи П. Рабочий и государство: Сравнительная история рабочего законодательства в странах Старого и Нового Света. М., 1907. С. 70.

зона³³³. Он отмечал принципиальные изменения в правовом регулировании времени отдыха на Западе после Первой мировой войны. Существенную роль в этом процессе сыграла МОТ³³⁴. По его мнению, со второй половины XIX в. начала складываться практика правовой регламентации издания правил внутреннего распорядка предприятия работодателем. Их содержание должно было быть законным, справедливым и ясным. Они должны были оглашаться путем вывешивания в мастерских и до отмены сохраняли обязательность как для работников, так и для работодателей. Эта идея была усвоена, с некоторым отступлением, целым рядом промышленных законодательств. Даже там, где фабричные регламенты не получили законодательных санкций как, например, во Франции, судебная практика признавала их обязательную силу, если только они оглашались в установленном обычае порядке³³⁵.

В 1920–1930-е гг. проблемы трудового права оставались в центре внимания французских исследователей (*А. Вабр, М. Эбле* и др.). Накануне Второй мировой войны и в послевоенный период наиболее известным французским ученым был *Поль Дюран*, сторонник структурного разделения трудового права и права социального обеспечения, а также *Жорж Риппер* (автор известного исследования «Юридические аспекты современного капитализма» (1946)), *Ж. Ссель, Жан Риверо* и *Жан Саватье*. Франция стала одной из первых стран Запада, в университетах которой с 1954 г. изучение трудового права стала обязательным для студентов-юристов. По старой программе эта дисциплина преподавалось факультативно, на альтернативной основе. Отчасти вследствие этого был подготовлен ряд фундаментальных учебников по трудовому праву. Первым из них в 1956 г. был опубликован учебник *Ж. Риверо* и *Ж. Саватье*, написанный в духе идей солидаризма. В этом учебнике впервые во французской учебной литературе отсутствовал раздел, посвященный социальному страхованию. Это стало следствием того, что право социального обеспечения в соответствии с новыми учебными планами определялось в качестве самостоятельной научной дисциплины и самостоятель-

---

³³³ См.: Бризон П. История труда и трудящихся. Пг., 1921. (Гл. 18 «Законодательство о труде в XIX в.»)

³³⁴ См.: Там же. С. 396–398.

³³⁵ См.: Бризон П. История труда и трудящихся. С. 389, 395–396.

ного предмета преподавания. Содержание этого учебника высоко оценил Л. Я. Гинцбург, хотя и не удержался от традиционной критики за попытки его авторов «уничтожить марксизм»³³⁶.

Поль Дюран был сторонником комплексного подхода к правовому регулированию социальной сферы. Он выдвинул идею «права социальной активности», составной частью которого было бы трудовое право как регулятор отношений наемного труда. Помимо этого, «право социальной активности» должно было включать в себя семейные пособия, выплачиваемые не только работникам, но и иным категориям граждан, обеспечение престарелых граждан и др. Здесь очевидна идея институционализации трудового права и права социального обеспечения, объединенных единым социальным предназначением в «право социальной активности».

П. Дюран ввел в оборот так называемую институциональную теорию, которая долгие годы господствовала в США, а также в Канаде, Японии, многих странах континентальной Европы. Согласно этой теории, дисциплинарная власть выводилась из обязанности руководителя организовывать работу предприятия, защищать его интересы и интересы иных связанных с ним лиц. Это частично пересекалось с теорией правотворческой силы социальной автономии предприятия. Исходным положением являлось то, что законными признавались любые меры дисциплинарной ответственности, которые прямо не запрещались положительным правом. Допускалась ответственность и за проступки, прямо не предусмотренные в нормативно-правовых актах, перечень которых не мог быть закрытым. Например, во Франции до сих пор практически все вопросы трудовой дисциплины регулируются правилами внутреннего трудового распорядка, но в рамках законодательных ограничений.

В 60–70-е гг. XX в. громко заявили о себе *А. Брюн*, *М. Десна*, *Д. Ривер*, *Ж. Камерлинг* и др. Но в целом классиком французского трудового права второй половины XX в. можно признать **Жерара Лион-Кана** (1919–?). Он родился в 1919 г. в Париже, с которым и была связана практически вся его жизнь. Его перу принадлежит один из лучших французских учебников по трудовому праву (1955 г.). В начале 90-х гг. XX в. заслуженный профессор в от-

---

³³⁶ См. рецензию Л. Я. Гинцбурга на данный учебник: Советское государство и право. 1958. № 6. С. 163–165.

ставке Парижского университета и консультант Международного бюро труда. Являлся почётным доктором в университетах Брюсселя, Болоньи и Тессалоников (Греция). Его основные публикации: «Право на труд и социальное страхование» (1955), «Право на труд» (выдержало 17 изданий с 1963 по 1994 гг.), «Заработная плата» (1967), «Право на труд лиц, не работающих по трудовому договору» (1990), «Личные свободы и занятость» (1992), «Социальная взаимопомощь» (1994), «Международное социальное право и европейцы» (выдержало 8 изданий с 1967 по 1993 гг.), «Международные трудовые отношения» (1991). Специалист по французскому, международному и сравнительному трудовому праву.

В Советском Союзе, насколько нам известно, только один раз (в 1982 г.) был переиздан на русском языке сборник трудов французских ученых-трудовиков, вышедший в Гренобльском университете в 1980 г.³³⁷ Помимо Ж. Лион-Кана, в числе авторов были Ф. Коллэн, Р. Докур, П. Г. Гутьер, А. Жаммо, А. Рудиль. В конце XX в. в числе ведущих французских ученых-трудовиков были Жан Пеллисьер, Ален Супио, Бернар Тиссье и др. Отметим, что французские ученые в своих исследованиях отводили и отводят определенное место теории трудового права, но в этом компоненте они несколько уступают своим германским коллегам, хотя и существенно превосходят британцев.

Нидерландская школа трудового права связана прежде всего с деятельностью Института трудового права и права социального обеспечения, созданного Г. Зинцгеймером и ныне носящим его имя. Коротко остановимся на деятельности некоторых наиболее ярких его представителей. **Макс Руд** (род. в 1927 г.) изучал право в Лейденском государственном университете в 1946–1950 гг. С 1951 по 1980 гг. работал в юридической фирме; с 1978 г. до конца XX в. был профессором трудового права в Лейденском государственном университете; в 1982 г. был министром внутренних дел. В конце 90-х гг. XX в. являлся: исполнительным директором Исследовательского центра правовой и публичной политики (организован на базе факультета); главой делегации на конференциях МОТ в Женеве; членом исполнительного комитета Социально-экономического совета; членом совещательного и

---

³³⁷ См.: Коллэн Ф. и др. Трудовое право в капиталистическом государстве. М., 1982.

арбитражного комитета по оказанию коммунальных услуг. Работал по приглашению в университетах Лувена (параллельно с отечественным ученым С. А. Ивановым) и Гента (Бельгия), Франкфурта (Германия); Парамарибо (Суринам), Джакарты, Бандунга, Паданга, Палембанга, Медана (Индонезия). В марте 1994 г. читал лекции в Кейптаунском университете (Южная Африка). Докторская диссертация посвящена правовому регулированию забастовок. Автор книг по правовому регулированию забастовок и совместному принятию решений; роли правосудия в обществе; гибким трудовым отношениям; социальному партнёрству в государственном секторе экономики.

Пауль Ф. ван дер Хейден (род. в 1949 г.) изучал право в Амстердамском университете и защитил докторскую диссертацию по теме «Справедливое судебное разбирательство в социальном праве» (Девентер, 1984) в Лейденском государственном университете. Работал в Министерстве юстиции, читал лекции по социальному праву в Лейденском государственном университете, был судьёй в Амстердаме, а также работал по совместительству профессором социального права в Гронингском государственном университете. С 1989 г. является профессором Амстердамского университета. В 1993 г. читал лекции по европейскому трудовому праву и трудовым отношениям в Белефельдском университете (Германия, кафедра Жана Монэ). Среди его научных интересов: равенство мужчин и женщин, профсоюзное право, прекращение трудового договора и основные права работника. Вполне обоснованным является его прогноз о том, что «трудовой договор с его более или менее взаимно установленными правами и обязанностями постепенно трансформируется в более открытые свободные постоянно эволюционирующие юридические отношения»³³⁸.

Эльс Сол (род. в 1950 г.) – член-корреспондент Института трудового права и права социального обеспечения им. Г. Зинцгеймера (Амстердамский университет, Нидерланды). Специализируется на изучении функционирования рынка труда, а также государственной политики в отношении рынка труда и социального обеспечения. В конце XX в., основываясь на идеях Г. Зинцгеймера, была подготовлена докторская диссертация о механизме влия-

---

³³⁸ Heijen van der P. Post-Industrial Labour Law and Industrial Relations in The Netherlands // Labour Law in the Post-industrial Era. Aldershot, 1994. P. 133.

ния решений корпораций об активизации политики на рынке труда на Общественную службу занятости Нидерландов после принятия Акта о занятости 1990 г.

Тон Вильтхаген (род. в 1960 г.) – социолог права, член-корреспондент Института трудового права и права социального обеспечения им. Г. Зинцгеймера (Амстердамский университет, Нидерланды). В сфере его научных интересов находятся: защита от увольнения; социальная поддержка инвалидов; судебный запрет производства с асбестом; стратегии по подбору персонала в транснациональных компаниях; правовое регулирование управления в промышленных отношениях. Автор докторской диссертации по государственному регулированию охраны труда и защите здоровья работников. Также совместно с Ральфом Роговски издал книгу «Рефлексивное трудовое право: изучение трудовых отношений и регулирование занятости» (Девентер, 1994).

Эстер де Вруз (род. в 1963 г.) – адвокат, член-корреспондент Института трудового права и права социального обеспечения им. Г. Зинцгеймера (Амстердамский университет, Нидерланды). В сфере её научных интересов находятся: гибкие трудовые договоры; защита конфиденциальной информации и другие фундаментальные права работников; локальное регулирование в организации и прекращение трудового договора. В 1993 г. ей была присвоена докторская степень за диссертацию о правовом регулировании телеработы³³⁹.

Кратко остановимся на развитии **науки трудового права США**. Вероятно, одним из первых американских исследователей данной проблематики был Ч. С. Бонней, опубликовавший в Чикаго в 1886 г. исследование, посвященное правовому разрешению конфликта труда и капитала. Однако специфика исследований американских ученых заключалась в их преимущественно практической направленности, что делало их более похожими на инструкции и методические пособия. Комплексу любых социальных реформ в США предшествовала выработка ряда социологических доктрин, имеющих прямое отношение к регулированию трудовых отношений. Показательна в этом плане «доктрина человеческих отношений», впервые обоснованная американским социологом Э. Мэйо (1880–1949) еще

---

³³⁹ Juridische aspecten van huistelematica, telewerken en consumeren in het informatietijdperk. Девентер, 1993.

в 20-х гг. XX в. Основным посылом данной доктрины явилась констатация очевидных фактов: обезличенность труда и узкая специализация, пренебрежение администрацией предприятий к мнению работников, некомфортный психологический климат, что обостряет трудовые конфликты и понижает производительность труда. Для ликвидации негативного влияния вышеназванных фактов, согласно доктрине, была необходима особая форма организации управления рабочей силой. «Человеческие отношения» составляют основу современной системы управления персоналом и представляют собой, скорее, раздел менеджмента. Что касается трудовправовой стороны доктрины, то здесь предполагаются постоянные коллективные консультации и переговоры, учет мнения работников при выработке и принятии управленческих решений, локальных актов, элементы участия работников в управлении предприятием. После Второй мировой войны эта доктрина получила общее признание на Западе. Определенное сходство с социальным партнерством очевидно, что позволило некоторым восточно-европейским ученым даже ставить между ними знак равенства³⁴⁰.

Аналогично обстоит ситуация и с американскими исследованиями в других сферах трудового права. Так, основатель нормирования труда *Ф. Тейлор* (1856–1915) в качестве первого метода нормирования труда стал использовать хронометраж (фиксация времени, которое тратит на конкретную производственную операцию подготовленный работник в нормальных условиях работы). Этот метод широко применяется и в настоящее время, только секундомер заменен компьютером да изменились сами хронометрируемые операции. Для нормирования труда с большим числом кратковременных операций (движений) *Ф. Гилбертом* (1868–1924) был разработан метод PMTS (система предопределенного времени движения), получивший распространение с начала 1930-х гг. Решающее влияние на это оказал законодательный запрет на ведение открытого хронометража (замера времени проведения производственных операций), введенный в США в 1930-е гг. Примечательно, что с начала 1940-х гг. он начал использоваться и для нормирования интеллек-

---

³⁴⁰ См.: Клейн А. Американская доктрина «человеческих отношений» и идеология «социального партнерства» западногерманских социал-демократов // К экономическим теориям Социал-демократической партии Германии. М., 1958. С. 180 и далее.

туального труда. Отметим, что последовательное внедрение метода PMTS увеличило производительность труда каменщиков в 2 раза. Совмещение методов хронометража и фиксации движений позволило вывести метод МТМ (измерение времени движений с учетом методов работы), который был наиболее распространенным вплоть до конца XX в. Он базировался на системе микроэлементных нормативов, т. е. на нормировании мельчайших (элементарных) трудовых движений. Метод микроэлементного нормирования труда получил распространение с конца 40-х гг. XX в. Широкое распространение также получили основанные на нем системы МТА (анализ времени и движений), ДМТ (время выполнения пространственных движений) и др. При нормировании физического труда применялся физиологический метод. Эффективности нормирования труда способствовала и выработка принципов аналитической оценки работы, осуществленная американцами Ш. Бедо (1916 г.), М. Латгом (1925 г.), Ю. Бенгом (1934 г.) и др. Кроме того, в США было создано несколько интеллектуальных центров научного изучения проблем нормирования труда, важнейшим из которых стал Американский институт промышленной инженерии.

В начале советского периода в России были известны исследования американцев *Л. Д. Кларка, Д. Коммонса, Э. Д. Хатчинсона, Д. Эндрюса* и др. Только после проведения социальных реформ в 30-х гг. XX в., известных как «новый курс» *Ф. Д. Рузвельта*, исследования американских ученых стали более теоретическими в привязке к нормативному материалу. Впрочем, относительно широко с трудами американских ученых их российские коллеги стали знакомиться только во второй половине XX в. (*Л. Беттен, П. Дикинсон, Д. Донахью, Е. Кордова, Г. Потобски, М. Филипп, М. Харпер, Д. Эвери* и др.). В настоящее время достаточно известны имена таких исследователей, как *Б. Беннет-Александр, П. Вайлер, Л. Хартманн* и др. При этом преимущественно прикладной характер исследований американских ученых-трудовиков сохранился.

Очевидно, что представителями названных государств перечень видных ученых-трудовиков XX в. далеко не исчерпывается. Необходимо упомянуть, что одним из первых проблемами трудового права начал заниматься итальянец *Л. Брасси*, а в числе видных представителей науки этой страны можно назвать *С. Ассанти, Б. Венециани, Л. Галантино, Л. Рива-Сансеверино* и др. К чис-

лу известных авторитетов в сфере правового регулирования труда можно отнести бельгийца *Р. Бланпена*, японца *К. Накояма*³⁴¹, австрийца *Я. Бергера*, шведа *Ф. Шмидта* и др.

1.2. Влияние западного законодательства и науки на развитие отечественной науки трудового права и права социального обеспечения

Очевидно, что предпосылки научных исследований в сфере труда связаны не только с западным влиянием, но и с отечественной традицией. Некоторые исследователи рубежным в этом плане считают XVII в., когда труд в общественном сознании утратил прежний характер «благодеяния», духовного подвига, служения. Теперь его конечной целью становился доход, «нажива»³⁴². Это открыло путь к рациональному отношению к взаимодействию труда и капитала, к возможности его правового опосредования.

В этой связи велик соблазн причислить к числу первых ученых, обратившихся к анализу правового регулирования трудовых отношений, **Ивана Тимофеевича Посошкова** (1652–1726). Это был первый русский экономист, автор труда «Книга о скудности и богатстве» (1724 г.). Свой жизненный путь он завершил в тюрьме Тайных розыскных дел канцелярии, но его опубликованный только в 1842 г. труд имел большой научный резонанс. К заявленной теме теоретические построения И. Т. Посошкова имеют косвенное отношение, но позволяют рассмотреть отправную точку генезиса русской трудовоправовой мысли. К тому же некоторые обороты и стиль работы до сих пор вызывают дискуссии и различные толкования. Первый русский экономист был сторонником повышения правовой культуры населения, выступал за новую, после Уложения 1649 г., систематизацию законодательства, а также за равенство всех сословий перед законом и государством. В своеобразной форме он выразил идею о том,

---

³⁴¹ См.: Накояма К. Характеристика трудового права Японии и его проблемы // Вестник МГУ. Серия II. Право. 1996. № 6. С. 78–84

³⁴² См.: Лисийцев Д. В., Рогожин Н. М. Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5. С. 39; Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995. С. 7.

что содержание любого лица не должно быть менее установленного уровня: «богатство-достаток» каждого «чина» не должно было становиться «напрасной скудностью»³⁴³. Некоторые советские исследователи склонялись к тому, что Посошков уже считал труд главным источником богатства³⁴⁴. Но это совсем неочевидно, хотя целью труда он и называл «прибыток». Если говорить о взглядах Посошкова на проблемы наемного труда, то они были вполне прокрепостническими. Сбежавших от мастеров учеников он предлагал отдавать в солдаты, а неумелых учеников определять для работы по найму к другим мастерам. «Гулящих ребят» (беглых крепостных) предполагалось вместе с нищими и бродягами ловить, затем отдавать промышленникам для обучения ремеслу и оставлять у них во владении «вечно». Противоречивые идеи Посошкова, совмещающие новаторский подход с крепостнической позицией, адекватно отражали сложность и противоречивость эпохи Петра I. Условия для большей свободы мысли возникли только в конце XVIII в., когда в работах *Д. А. Голицына* (1743–1803) и *А. Я. Поленова* (1738–1816) уже проводились идеи свободы труда и права распоряжаться своими способностями. Эти авторы уже испытывали влияние физиократов.

Трудовое законодательство в России было принято позднее, чем в экономически развитых странах Запада, в силу чего зарубежные трудовые акты стали объектом анализа в прикладных целях. В этом контексте изучение иностранного опыта осуществлялось для выявления возможности его использования при принятии аналогичного внутреннего законодательства, что нашло отражение в работе многочисленных комиссий по подготовке проектов трудовых актов, действовавших со второй половины XIX в. Уже первая межведомственная комиссия, созданная при петербургском градоначальнике в 1859 г., а также комиссия под председательством члена Совета министра внутренних дел *А. Ф. Штакельберга* (1859–1862 гг.) во многом ориентировались на иностранное законодательство. Так, межведомственная комиссия при составлении «Проекта правил для фабрик и

---

³⁴³ См.: Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 8, 42, 89, 114 и др.

³⁴⁴ См.: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. С. 329.

заводов в Санкт-Петербурге и уезде» за образец взяла прусские акты от 9 марта 1839 г. и от 16 мая 1853 г. о запрещении на промышленных предприятиях детского труда, ночной работы несовершеннолетних и женщин, ограничении рабочего дня для подростков. Комиссией А. Ф. Штакельберга самым тщательным образом было изучено английское законодательство, а при создании «Проекта устава о промышленности» использовался прусский закон о стачках от 17 января 1845 г. При подготовке этой комиссией Проекта закона о промышленных судах 1861 г. учитывался аналогичный прусский закон от 9 февраля 1849 г., а также законодательство целого ряда других немецких государств: Бремена, Ольденбурга, Саксонии, Вюртенбурга и Веймара. При составлении «Положения о найме рабочих» комиссии П. Н. Игнатъева (1870–1872 гг.) и П. А. Валуева (1874–1875 гг.) заимствовали некоторые нормы прусского Промышленного устава от 21 июня 1869 г.³⁴⁵ В рамках работы по пересмотру законов о личном найме рабочих и прислуги *Андрей Александрович Бенкендорф* (сын известного шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа) дал не только краткий обзор действующих статей законодательства о личном найме, содержащихся в Собрании Законодательства (изд. 1857 г., Т. X), но и аналогичный обзор зарубежного законодательства. Д. Г. Малисс собрал весь нормативный материал и высказал соображения по вопросу о личном найме рабочих и их отношениях с нанимателями³⁴⁶.

Большая работа, в том числе по анализу зарубежного фабричного законодательства, была проведена Комиссией для составления проекта законов о нормировке рабочего времени. В нее входили такие видные специалисты по данной проблеме, как Ф. Г. Тернер, Е. М. Дементьев, В. Е. Варзар (о них будет сказано в дальнейшем), А. И. Кобеляцкий³⁴⁷. Отметим, что вышеназванные специа-

³⁴⁵ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1261. Оп. 3, 1875 г. Д. 136 а. Л. 161 об.

³⁴⁶ См.: Труды комиссии по пересмотру законов о личном найме рабочих и прислуги: В 3 ч. СПб., 1871. (Труды не имеют сплошной нумерации. Материалы, подготовленные А. А. Бенкендорфом, занимают 184 с., Д. Г. Малиссом – 20 с. Отдельные материалы подготовили А. И. Фалевич и др.)

³⁴⁷ См.: Состав и стенографический отчет Высочайше утвержденной 23 января 1897 г. Комиссии для составления проекта законов о норми-

листы не ограничивались только описанием зарубежного трудового законодательства. Они сравнивали нормативные правовые акты различных государств как между собой, так и с уже имеющимися нормами российского законодательства, давали рекомендации о возможности рецепции норм законодательства стран Запада. Аналогичные работы проводились и другими комиссиями³⁴⁸.

В России неоднократно публиковались немецкие законы, особенно касающиеся социального страхования³⁴⁹. Можно отметить, что преимущественная ориентация на немецкое законодательство, которая стала доминирующей и в российской науке и законодательной практике, была вполне обоснованной. Даже современные исследователи отмечают несомненные достоинства системы социального страхования Германии, сложившейся после принятия законов, регламентирующих страхование рабочих от болезней (1883 г.), от трудового увечья (1884 г.), от инвалидности и старости (1889 г.).

Подчеркнем, что до начала 80-х гг. XIX в. весьма активно изучалось законодательство Англии как наиболее прогрессивное для того времени. Продолжалось это и в дальнейшем наравне с законодательством Франции, Бельгии, США и ряда других стран³⁵⁰. Но ровке рабочего времени. РПБ. Т. 318: Материалы Госсовета. Департамент экономики.

³⁴⁸ См.: Труды комиссии, учрежденной Московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруким для осмотра фабрик и заводов в Москве: Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Англия / Под ред. И. И. Янжула. М., 1880.

³⁴⁹ См.: Германский закон о страховании рабочих от болезней, утвержденный 15 июня 1883 г. (Закон о лечебных кассах). Варшава, 1886; Германский закон от 13 июля 1899 г. о страховании на случай инвалидности. СПб., 1907; Германский закон от 30 мая 1908 г. о страховом договоре. СПб., 1909; Материалы по страхованию рабочих № 3. Образцовый устав промышленного страхового товарищества / Перевод текста образцового устава, изданного Имперским (Германским) страховым бюро применительно к Имперскому уставу 19 июля 1911 г. СПб., 1913; Материалы по страхованию рабочих № 6. Тарифы опасности германских промышленных страховых товариществ. СПб., 1914 и др.

³⁵⁰ См.: Беликов Б. Д. Женщины в промышленной инспекции Запада. К вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь, 1914; Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (тарифный рабочий договор) как проблема законодательства. Современ-

число публикаций о германском, прежде всего страховом законодательстве превышает все остальные³⁵¹. Во многих общих работах, посвященных рабочему законодательству, также в той или иной мере рассматривается зарубежный опыт.

Довольно интенсивные сравнительно-правовые исследования российских ученых сыграли важную роль в работе над законопроектами не только в сфере труда, но и социального обеспечения (государственного призрения, социального страхова-

ное положение вопроса во Франции. СПб., 1911; Дементьев Е. М. Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. СПб., 1899; Его же. Обзор иностранного законодательства по регулированию времени и продолжительности работы в промышленных заведениях. СПб., 1898; Зачинский Л. Страхование рабочих на Западе. СПб., 1906; И. П. Очерки по страхованию рабочих на Западе // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1907. № 7. С. 268–275; Игнатов Л. Н. Мероприятия к охране труда на Западе в связи с развитием рабочего законодательства. М., 1914; Карпов Ф. И. Инспекции труда (фабричные инспекции) и охрана рабочих на Западе. Ч. 1. СПб., 1905; Кеппен А. Социальное законодательство Франции и Бельгии. СПб., 1900; Святловский В. В. Современное законодательство о профессиональных союзах. Франция, Бельгия, Англия, Австралия, Германия, Россия. СПб., 1907; Тигранов Г. Ф. Французский законопроект о призрении стариков, калек и неизлечимых. СПб., 1904 и др.

³⁵¹ См.: Быков А. Н. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов-н/Д., 1905; Герценштейн М. Я. Государственное страхование рабочих в Германии. М., 1905; Гольденвейзер А. С. Социальное законодательство Германской империи. Киев, 1890; Игнатов Л. Н. Деятельность немецких промышленных страховых товариществ по предотвращению несчастных случаев. М., 1911; Кулишер И. М. Рабочие союзы, стачки и германский проект наказуемости стачек // Вестник права. 1899. № 10; Литвинов-Фалинский В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903; Машков П. С. Германский закон о страховании рабочих от несчастных случаев и условия применения его для страхования лесных рабочих в России. СПб., 1905; Миклашевский А. Н. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии. СПб., 1896; Озеров И. Х. Страхование трудящихся в Германии. М., 1906; Погожев А. В. Фабричный быт Германии и России. СПб., 1882; Святловский В. В. Государственное страхование рабочих в Германии: историко-статистический очерк. М., 1895; Сувилов Н. И. Государственное страхование рабочих в Германии. СПб., 1905 и др.

ния). Аналитический обзор законодательства стран Европы и США, публикация исследований зарубежных ученых, изучение тамошней правоприменительной практики, зарубежные стажировки, общение с иностранными специалистами дали возможность отечественным юристам принять активное участие в законотворчестве.

Так, фабричный ревизор, доктор медицины Е. М. Дементьев, анализируя зарубежный опыт, в частности законодательство Англии и Франции, в своих работах, изданных под грифом Министерства финансов и департамента торговли и мануфактур, обосновывал необходимость введения законов о государственном страховании рабочих взамен законодательства о гражданско-правовой индивидуальной ответственности предпринимателя за увечья, причиненные работникам³⁵². Очевидно, что большинство дореволюционных исследователей, занимавшихся проблемами социального страхования, были сторонниками рецепции западной обязательной (государственной) системы страхования рабочих³⁵³.

Ряд ученых считали германский опыт неприемлемым для России. Так, И. И. Чистяков утверждал: «При приложении к российской действительности выработанных практикой Запада общих положений о страховании рабочих приходится констатировать... что это страхование не может реализовываться в России. Прежде всего, в силу экономических причин – большинство пролетариата сохраняет связь с землей, или, точнее, с деревней»³⁵⁴. Если И. И. Чистяков, полагал, что еще не настало в России время для рецепции германского опыта обязательного страхования рабочих, то другой ученый А. Ю. Вегнер выдвигал возражения по существу. Он писал, что «хвалебные оды» по поводу германской системы социального страхования вряд ли следует поддерживать. Он предлагает обратиться к английской теории и опыту государственного социального обеспечения, государственных

---

³⁵² См.: Дементьев Е. М. Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. СПб., 1899.

³⁵³ Скопинский А. В. Ответственность предпринимателей за несчастья с рабочими // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4. С. 116.

³⁵⁴ Чистяков И. Страхование рабочих в России. М., 1912. С. 21–22.

пенсий престарелым, бесплатной медицинской помощи, финансируемой за счет общей системы налогообложения³⁵⁵.

Большая роль в деле решения проблемы обязательного государственного страхования рабочих принадлежала популярной газете «Новое время» (1902–1903 гг.), отводившей значительное место пропаганде опыта государственного страхования рабочих Германии. Именно в этой газете была опубликована целая серия очерков В. П. Литвинова-Фалинского³⁵⁶. Газета как средство массовой информации во многом формировала общественное мнение по этому вопросу.

В дореволюционной России развитию благотворительности и социального призрения на Западе было посвящено довольно большое число публикаций как отечественных ученых³⁵⁷, так и переводных работ иностранных авторов³⁵⁸. По мнению В. Ф. Дерюжинско-

---

³⁵⁵ См.: Вегнер А. Ю. Пенсии престарелым или страхование на случай старости? Харьков, 1907. С. 33–48.

³⁵⁶ См.: Новое время. 1902. 10 марта; 1903. 26 окт.

³⁵⁷ См.: Герье В. И. Записки об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и теоретических началах правильного его постановления. СПб., 1897; Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907; Его же. Французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных. СПб., 1906; Его же. Обязательная помощь бедным в Германии. СПб., 1908; Его же. Обязательное призрение престарелых в Англии // Трудовая помощь. 1910. № 7. С. 99–116; № 8. С. 255–271; Его же. Обязательное призрение престарелых во Франции // Там же. 1910. № 9. С. 309–330; Гольденвейзер А. С. Социальные течения и реформы XIX столетия в Англии. Киев, 1891; Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894; Его же. О призрении бедных. СПб., 1897; Горюнов А. М. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901; Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897; Залеский В. Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств. Казань, 1912; Тигранов Г. Ф. Французский законопроект о призрении стариков, калек и неизлечимых. СПб., 1904 и др.

³⁵⁸ См.: Ашротт П. Призрение бедных в Англии: Историческое развитие и теперешнее состояние его. СПб., 1901; Его же. Развитие призрения бедных в Англии с 1885 г. СПб., 1898; Д'Оссонвиль Г. Нищета и средства борьбы с нею. СПб., 1898; Его же. Нужда, порок и благотворительность.

го, в начале XX в. в развитых странах сложилось два типа организации призрения бедных по критерию его обязательности. Во-первых, оно могло носить обязательный характер, что было свойственно Германии, Англии, США, Скандинавским странам. Во-вторых, оно могло строиться на факультативном принципе, как во Франции, Италии и Бельгии. Но и в последнем случае явно прослеживалась тенденция к его обязательности. Например, во Франции с 1843 г. представлялась общественная даровая медицинская помощь нуждающимся больным. В большинстве государств средства на призрение бедных отчислялись из государственных или местных бюджетов³⁵⁹.

Дореволюционные российские исследователи истории законодательства о мерах борьбы с бедностью в Западной Европе единодушно отмечали общие закономерности, один и тот же ход исторических событий в области призрения бедных. Сначала складывалось общинное попечение, затем полное и исключительное господство частной, притом единоличной благотворительности, позднее ее ослабление и вполне естественное принятие на себя благотворительных задач церковью, далее по мере усиления и централизации государственной власти принятие в основном репрессивных мер по отношению к нищим. Наконец, все эти отдельные интересы и заботы сливаются в общий интерес – социальный (общественный), который соединяет под одним знаменем и отдельных лиц, и союзы, и частные сообщества, и государство³⁶⁰.

Отметим, что начиная с 1918 г. в Советской России начали выборочно публиковаться некоторые исследования зарубежных ученых левой ориентации³⁶¹. Если в первой половине 1920-х гг. зарубежному законодательству и науке уделялось некоторое внимание, то в конце 20 – начале 50-х гг. XX в. оно почти сошло на нет. Например, в 20-е гг. XX в. интерес к зарубежному опыту разреше-

СПб., 1899; Лекко М. Трудовая помощь во Франции. СПб., 1905; Мюнстерберг Э. Призрение бедных. СПб., 1900; Рошер В. Система призрения бедных и мероприятия против бедности. Черкассы, 1899; Фауль Т. Призрение бедных в Англии. СПб., 1899 и др.

³⁵⁹ См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пг., 1917. С. 402.

³⁶⁰ См.: Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. С. 230–231.

³⁶¹ См.: Бризон П. История труда и трудящихся. Пг., 1921; Жид Ш. Рабочий вопрос. М., 1918; Ланге Н. Заработная плата и капитал. М., 1918 и др.

ния трудовых споров был очень велик, а в большинстве работ по российскому праву имелся сравнительно-правовой раздел³⁶². Публиковалось и зарубежное законодательство³⁶³. Вполне закономерно, что наше трудовое законодательство в этой части опиралось на мировой опыт. Государственные деятели А. М. Стопани, В. В. Шмидт, лидеры ВЦСПС во главе с М. П. Томским вполне разделяли такие взгляды и активно участвовали в разработке трудового законодательства.

Часть исследований, связанных с наемным трудом, в советский период осуществлялась параллельно с аналогичными на Западе и примерно на одном уровне. Так, еще в начале XX в., и особенно в 1920-е гг., складывается научное направление, получившее название экономики труда, одним из основателей которого являлся *Станислав Густавович Струмилин* (1877–1974)³⁶⁴. В советский период более активно стала разрабатываться проблематика научной организации труда (НОТ). Ее пионерами в СССР выступили *Алексей Капитонович Гастев* (1882–1941)³⁶⁵ и *Платон Михайлович Керженцев* (1881–1940). А. К. Гастев стал основателем и руководителем Центрального института труда (ЦИТ) при ВЦСПС (1921–1938 гг.). Институт стал центром комплексного изучения труда (прежде всего его психофизиологии), сосредоточился на изучении трудовых движений и разра-

---

³⁶² См.: Войтинский И. С. Трудовые споры и регулирование труда на Западе. М., 1923; Краснопевцев П. Н., Малков Е. К., Финкельштейн А. М. Как разрешить трудовые дела. М., 1925; Лях А. Ф. Как разрешить трудовые споры в РКК и трудсессиях. М., 1929; Жемчужникова М. Н. Примирительно-третейский порядок разрешения трудовых конфликтов. М., 1926; Стопани А. М. Трудовые конфликты (наша платформа) // Вопросы труда. 1923. № 3. С. 10–15 и др.

³⁶³ См.: Законодательство о труде в зарубежных странах. Вып. 2: Инспекция труда и трудовые споры. М., 1927; Законодательство о труде за рубежом. Сер. 2. Примирительное разбирательство и арбитраж. М., 1923 и др.

³⁶⁴ См.: Струмилин С. Г. Богатство и труд. СПб., 1908; Его же. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М., 1923; Его же. Проблемы экономики труда. М., 1925 и др.

³⁶⁵ См.: Гастев А. К. Как надо работать. Пермь, 1921; Его же. Нормирование и организация труда (Общее введение в проблему). М., 1929; Его же. Профессиональные союзы и организация труда. Л., 1924; Его же. Трудовые установки. М., 1924 и др.

ботке методов рационального производственного обучения. Параллельно с 1922 г. работала Лаборатория промышленной психотехники при Народном комиссариате труда (НКТ) РСФСР, которая позднее была включена в структуру ВНИИ охраны труда при ВЦСПС. Была создана также и Государственная лаборатория по изучению труда, функционировали Всесоюзный центральный институт экономики, организации и оздоровления труда ВЦСПС и Центральный институт экспертизы трудоспособности инвалидов (ЦИЭТИН). Число тематических периодических изданий до первой половины 1930-х гг. было достаточно существенным (журналы «Психотехника и психофизиология труда», «Гигиена, безопасность и патология труда», «Советская психотехника», периодически издавались труды профильных институтов, сборники трудов участников научных конференций и др.).

Примечательно, что комплексное изучение труда не концентрировалось только в Москве, а целый ряд исследовательских структур действовал в союзных республиках и регионах России. Это Всеукраинский институт труда в Харькове, Харьковский кабинет экспертизы в области методологии и методики измерения квалификации, Центральная лаборатория по психотехнике и профконсультации НКТ РСФСР при Ленинградском институте экономики, Казанский институт НОТ, Институт кадров черной металлургии в Днепропетровске, Психофизиологические лаборатории Горьковского автомобильного завода, Челябинского тракторного завода и др.

Советские ученые принимали активное участие в международных конференциях по НОТ (1924 г.) и по психотехнике (ежегодно в 1927–1931 гг.). Отметим, что 7-я Международная психотехническая конференция состоялась в Москве в 1931 г. В том же 1931 г. состоялся 1-й Всесоюзный психотехнический съезд. В исследованиях ученых данного направления намечен прямой выход на проблемы правового регулирования трудовых отношений (рабочее время и время отдыха, нормирование труда, производственное обучение, охрана труда и др.)³⁶⁶.

---

³⁶⁶ См.: Бернштейн Н. А. Техника изучения движений. М., 1934; Вопросы организации и оздоровления труда в маргеновском производстве: Труды Всесоюзного центрального института экономики, организации и

В рамках экономики труда и НОТ в 20–30-х гг. XX в. изучались проблемы научно обоснованной продолжительности рабочего времени, времени отдыха, соотношения производительности труда и заработной платы, ее минимальные и оптимальные размеры³⁶⁷. Примечательно, что дискуссия о НОТ в какой-то степени по проблемным постановкам отразила разночтения в сфере трудового права. Так, *Иннокентий Николаевич Бутаков* (1881–1970), автор концепции «механизма служебных отношений», считал важным военный опыт, который должен был учитываться при управлении трудовым коллективом. Это походило на линейно-штабную систему, слабо адаптированную к коллегиальности и производственной демократии³⁶⁸. *Абрам Моисеевич Гинзбург* (1878 – после 1930), напротив, выступал за децентрализацию управления трудом, ослабление планового начала, расширение прав предприятий в установлении условий труда, активизацию роли материальных стимулов³⁶⁹. При этом советскими учеными учитывался и творчески перерабатывался опыт выдающихся рационализаторов Запада Ф. Тейлора, А. Файоля, Г. Форда и др. Отдельные исследователи как, например, *И. А. Кравель* и *М. И. Рубенштейн*³⁷⁰ (1894–1969) затрагивали в сво-

здоровления труда ВЦСПС. М.; Л., 1935. Вып. 46; Гигиена и патология труда автоработников / Под ред. О. Л. Кузнецова. М., 1930; Исаков В. В., Халтурин Ю. Н. Изучение производительности и утомляемости при переходе на ткацких фабриках с 2-х на 3 станка. Иваново-Вознесенск, 1928; Рейтынбарг Д. И. Социалистическое соревнование на снижение несчастных случаев на производстве. М., 1931; Руководство по психотехническому профессиональному подбору / Под ред. И. Н. Шпильрейна. М.; Л., 1929 и др.

³⁶⁷ См.: Вакс П. Б. Труд и отдых рабочих: Обеденный перерыв. Пг., 1923; Винников А. Е. Планирование труда. М., 1936; Его же. Правильно расходовать фонд заработной платы. М., 1935; Лифшиц А. Экономика труда. М., 1930; Маркус Б. Л. Введение в экономику труда. Вып. 1. М., 1932; Михалевский Л. Н. Основы экономики труда. Фабричный рабочий и его бюджет. Пг., 1924 и др.

³⁶⁸ См.: Бутаков И. Н. Оплата труда работников в производстве. Томск, 1927; Его же. Специализация, кооперация, тейлоризм и подбор работников. Томск, 1928 и др.

³⁶⁹ См.: Гинзбург А. М. К вопросу о производительности труда и заработной плате в промышленности. М., 1925 и др.

³⁷⁰ См.: Рубенштейн М. И. Современный капитализм и организация труда. М., 1923.

их работах по НОТ проблемы трудового законодательства. Последователь А. К. Гастева, сотрудник Центрального института труда *Д. Н. Хлебников*³⁷¹ может быть отнесен к числу видных советских трудовиков 1920-х гг. О Д. Н. Хлебникове известно только то, что был выпускником юридического факультета Варшавского университета и на 1917 г. был «профессорским стипендиатом» по кафедре государственного права того же университета, который к тому времени был эвакуирован в Ростов-на-Дону³⁷².

В этот период ученые-трудовики учитывали и использовали работы своих коллег-экономистов. Но уже тогда можно было отметить некоторый перекоп в сторону приоритета производственной функции трудового права. Впоследствии этот приоритет стал абсолютным в связи с форсированным развитием социалистической экономики СССР, свертыванием демократии и укреплением сталинизма. Этому способствовала и идеологизация всех социальных наук, в том числе трудового права и экономики труда³⁷³, а также периодические «чистки» в хозяйственном и профсоюзном аппаратах³⁷⁴.

Нельзя не отметить, что отечественные ученые не отставали от своих западных коллег в части обоснования концепции, получившей впоследствии название «социальное партнерство». Так, в 20-е гг. XX в. в СССР **Николай Андреевич Витке** сформулировал концепцию «человеческого фактора», которая хронологически даже предшествовала доктрине человеческих отношений, хотя и не получила

---

³⁷¹ См.: Хлебников Д. Н. Трудовые споры в Германии // Вопросы труда. 1927. № 1. С. 83–85; Его же. Режим заработной платы и система премий // Организация труда. 1921. № 2 и др.

³⁷² См.: Краковский К. П. Нить времени (История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета): В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Ростов-н/Д., 2005. С. 264.

³⁷³ См.: Гришин З. Шесть условий т. Сталина – основа социалистической организации и дисциплины труда // Советское государство. 1932. № 9–10; 1933. № 1–2; Заромский И., Дукельский С. О правых тенденциях в вопросах труда // Вопросы труда. 1929. № 1. С. 7–14; Пунский Я. Борьба с оппортунизмом в техническом нормировании // Вопросы труда 1932. № 4. С. 23–29.

³⁷⁴ См.: Гиндин Я. Чистка советского аппарата и органы труда // Вопросы труда. 1928. № 7. С. 3–5; Соковиков Л. Итоги чистки аппарата НКТ и Главсоцстраха СССР // Вопросы труда. 1930. № 1, 2 и др.

широкого признания³⁷⁵. В отличие от учения Э. Мэйо (доктрина «человеческих отношений»)³⁷⁶, концепция Н. А. Витке изначально имела социально-трудовой характер. Наш соотечественник Н. А. Витке, один из организаторов НОТ и руководитель отдела Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, исходил из того, что управление представляет собой определенную систему социально-трудовых отношений. Для него в НОТ главными были не отношения человека с машиной, а отношения между людьми в процессе производства, т. е. общественные отношения. Работники при этом являлись участниками единой трудовой кооперации, а управление трудом должно было состоять в целесообразном сочетании людских волей (а не интеллектов) для достижения целей всей организации. Для Н. А. Витке руководитель выступал прежде всего как строитель людских отношений, а существо его работы состояло в создании благоприятной атмосферы на производстве, так называемого «духа улья»³⁷⁷. С точки зрения регулирования трудовых отношений это предполагало учет мнения трудового коллектива со стороны его руководителя, режим взаимного информирования и консультаций, заинтересованность всех работников в конечном результате труда через систему морального и материального поощрения, высокий уровень материального обеспечения всех работников, создание психологического комфорта на производстве. К сожалению, в советский период эта теория была подвергнута разгромной критике за «субъективизм, формализм и идеализм». Даже в начале 90-х гг. XX в. советские ученые критиковали теорию Н. А. Витке за надклассовый подход и отрыв от политики³⁷⁸, что скорее можно отнести к ее достоинствам. Очевидно, что в концепции человеческого фактора было сильное социально-партнерское начало сотрудничества работников и работодателей («дух улья»).

---

³⁷⁵ См.: Корицкий Э. Б. Выбор пути // Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 16.

³⁷⁶ См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль, 2008.

³⁷⁷ См.: Витке Н. А. Организация управления и индустриальное развитие (очерки по социологии, научной организации труда и управления). М., 1925. С. 14–77.

³⁷⁸ См.: Корицкий Э. Б., Лавриков Ю. А., Омаров А. М. Советская управленческая мысль 20-х годов. М., 1990. С. 49.

Вернемся к изучению иностранного опыта. Если ранее исследования по данной проблематике были относительно объективны, хотя иногда и не в меру критичны³⁷⁹, то начиная с 1930-х гг. стало преобладать просто огульное отрицание иностранного опыта. При этом любая зарубежная критика системы советских трудовых отношений, которая более или менее аргументированно отвергалась и ранее³⁸⁰, теперь аттестовалась только как «гнуснейшая инсинуация»³⁸¹. Многие советские ученые, занимающиеся комплексным исследованием проблем труда (промышленной психотехникой и физиологией труда, НОТ, экономикой труда и др.), в 1930-е гг. были обвинены в некритическом отношении к буржуазной науке, внеклассовом подходе, а затем и «низкопоклонстве перед Западом». В итоге в 1936 г. закрываются все лаборатории по промышленной психотехнике и психофизиологии труда, свертывается работа ЦИТ (фактически ликвидирован в 1938 г.) и местных институтов труда. В числе репрессированных оказались наиболее яркие ученые, отличавшиеся нестандартным подходом к изучению феномена труда (А. К. Гастев, П. М. Керженцев, И. А. Кравель, И. Н. Шпильрейн (1891–1941) и др.).

Этому способствовало то, что с начала 30-х гг. XX в. советскими идеологами категорически отрицалась теория социализации трудового права, широко распространенная в западных странах. Средствами ее реализации выступали коллективные договоры, законодательное определение правового положения заводских комитетов, примирительно-третейское разбирательство, организация трудового посредничества, социальное страхование рабочих и др. Офици-

---

³⁷⁹ См.: Агоштон П. Ф. Разрешение конфликтов между трудом и капиталом в различных странах. М., 1924; Шевелевич Н. Ю. О некоторых особенностях английского трудового права // Вопросы труда. 1925. № 5–6. С. 123–129; Хлебников Д. Н. Трудовые споры в Германии // Вопросы труда. 1927. № 1. С. 83–85 и др.

³⁸⁰ См.: Войтинский И. С. Как германская социал-демократия осведомляет немецких рабочих о Советском трудовом праве // Вопросы труда. 1923. № 10–11. С. 74–80; И. В. Наш Кодекс о труде и белые юристы за рубежом // Вопросы труда. 1923. № 4. С. 35–36; Законодательство о труде в зарубежных странах (со сравнительными данными по СССР) / Под ред. А. М. Стопани. М., 1925–1927.

³⁸¹ См.: Килинский А. Миф о принудительном труде в СССР // Вопросы труда. 1931. № 3–4. С. 144–154.

ально считалось, что общеправовое учение солидаризма и учение о социализации трудового права являются социал-фашистскими и призваны обмануть рабочий класс Запада и ослабить классовую борьбу. Более того, один из основателей учения солидаризма, человек социал-демократических убеждений Л. Дюги именовался в советской литературе не иначе, как «идеолог фашистского права Дюга»³⁸². Политическая установка правящей партии большевиков на неприятие социал-демократии привела к ее отождествлению с социал-фашизмом, в идеологи которого были записаны такие видные социалисты, в большей части принципиальные противники фашизма, как О. Канн-Фройнд (о нем говорилось выше), К. Реннер, Э. Френкель. Все это крайне обедняло, догматизировало и трудоправовые исследования. Советский философ А. М. Деборин, отражая официальную точку зрения, в 1936 г. писал: «Социальная демагогия фашистов черпает свои «аргументы» против марксизма отчасти из социал-демократических теорий Бауэров, Реннеров, Каутских, Куновых, из идей этического социализма Бернштейнов, Форлендеров и т. д., обвинявших марксизм в «грубом материализме», «переоценке» экономики, «недооценке» этики и тому подобных «идеальных факторов»»³⁸³. В то же время порочность правового регулирования трудовых отношений в странах с действительно фашистским режимом была отмечена и аргументированно показана уже во второй половине 1920– начале 1930-х гг.³⁸⁴. Впрочем, сравнение правового положения профсоюзов в СССР и Германии вы-

---

³⁸² Гришин З. К вопросу об экономических и правовых категориях по труду в КЗоТ // Вопросы труда. 1933. № 8. С. 75.

³⁸³ Деборин А. М. Идеология фашизма // Философия и политика. М., 1961. С. 668.

³⁸⁴ См.: Александров Б. Фашистское законодательство о профессиональных союзах // Вопросы труда. 1927. № 1. С. 101–106; № 2. С. 96–101; Беккер Г. Фашизация профсоюзов в Германии // Советское государство. 1933. № 4. С. 97–106; Войтинский И. Фашистские профсоюзы и принудительный арбитраж в Италии // Советское право. 1927. № 4. С. 54–88; Войтинский И., Кацнельсон С. Кодекс крепостного труда в фашистской Германии // Советское государство. 1934. № 3. С. 58–68; Герман Л. Фашистская «Хартия труда» // Вопросы труда. 1927. № 6. С. 71–83; Доганов В. М. Фашистские «теории» трудового права в Германии // Советское государство. 1936. № 2. С. 75–84; Кюршнер К. Германская политика коллективных договоров и зарплата // Конъюнктура мирового хозяйства.

светило между ними много общего, при всем старании автора показать их отличие³⁸⁵.

В названный период начали издаваться учебники по трудовому праву, авторами которых были ведущие советские ученые³⁸⁶. Зарубежному опыту в них уделялось крайне малое внимание чаще всего в виде критики с классовых позиций, либо он игнорировался.

Впоследствии вплоть до середины 1950-х гг. критика зарубежного трудового права носила крайне тенденциозный характер, а сама попытка сравнения его с советским стала почти невозможной. Вот что писал А. С. Краснопольский о ситуации в США в 1952 г.: «...разгром профсоюзов, ссылка непокорных в концлагеря, расправы с рабочими и прогрессивными деятелями, чудовищный массовый террор...»³⁸⁷. Отметим, что это больше подходит для характеристики советской действительности. В этот период советские исследователи активизировали публикации с критикой «фальсификаторов советского трудового права» и обличением «буржуазной эксплуатации рабочих», особенно негров³⁸⁸. Такая активность была связана с постановкой вопроса о принуди-

---

1933. № 12. С. 8–12; Сабо Ю. Итальянские фашистские профсоюзы в теории и в действительности // Вопросы труда. 1924. № 1. С. 77–81 и др.

³⁸⁵ См.: Лозовский А. Профсоюзы СССР и Германии (поглощение НКТ профсоюзами СССР и «унификация» профсоюзов в Германии). М., 1933.

³⁸⁶ См.: Александров Н. Г., Москаленко Г. К. Советское трудовое право. М., 1944; Александров Н. Г., Пашерстник А. Е. Советское трудовое право. М., 1952; Генкин Д. М. Трудовое право. М., 1931; Гришин З. З. Советское трудовое право. М., 1936; Пашерстник А. Е., Марченко В. П. Советское трудовое право. М., 1940; Советское трудовое право / Под ред. К. П. Горшенина, Р. П. Орлова, В. М. Догадова, Я. И. Карасева. М., 1939 и др.

³⁸⁷ Краснопольский А. С. Трудовое правоотношение и трудовой договор по советскому праву // Вопросы советского гражданского и трудового права. Ч. 1. М., 1952. С. 120 (прим.).

³⁸⁸ См.: Догадов В. М. Антирабочее законодательство в капиталистических странах. Л., 1950; Краснопольский А. С., Пашерстник А. Е. Бесправное положение негров в США. М., 1954; Пашерстник А. Е. О принудительном труде в США и других странах американско-английского блока. М., 1952; Его же. Правовое положение негров в США. М., 1954; Пашерстник А. Е., Левин И. Д. Принудительный труд и рабство в странах капитала. М., 1952; Чепраков В. Принудительный труд в странах капитала. М., 1950 и др.

тельном труде в СССР, которая была осуществлена по инициативе Американской федерации труда (АФТ) в ООН и МОТ в 1949 г. Советское правительство, руководствуясь лозунгом «лучшая оборона – это нападение», через заказ советским трудовикам «ответило из всех орудий», обвинив Запад в капиталистическом рабстве³⁸⁹.

Уточним, что в эпоху маккартизма и расовой дискриминации ситуация с трудовыми отношениями в США давала много поводов для критики, но ни о каком рабстве и тотальном обнищании рабочих в то время речи уже не было. К тому же вектор развития трудового права в период после завершения Второй мировой войны достаточно существенно изменился в капиталистических странах в сторону защиты трудовых прав работников. Но в СССР в то время это осталось незамеченным.

Долгие годы официально отрицалось даже само существование буржуазного трудового права. В этом контексте интересно исследование Н. Г. Александрова, в котором он разработал теорию социалистического трудового правоотношения³⁹⁰. Иностранное законодательство в нем затрагивается весьма фрагментарно и выборочно через критическую оценку, а элемент сравнения практически отсутствует. При этом значительная часть этого законодательства имеет полувековую давность и представлена по вторичным источникам³⁹¹. Отметим, что работа Н. Г. Александрова является одной из лучших в советский период, что позволяет понять, чего можно было ожидать от менее талантливых, но более догматичных советских ученых.

С середины 1950-х до начала 1990-х гг. было определенное «оживление» и повышение результативности изучения зарубежного трудового права, но при сохранении прежней идеологической заданности. Вероятно, такая однобокая и идеологизированная трактовка давалась нелегко таким интеллектуалам и знатокам зарубеж-

---

³⁸⁹ См.: Иванова Г. М. Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х – начало 1950 х годов) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 133–138; Пашерстник А. Е. Сборник фальшивок под видом источника информации // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 143–151.

³⁹⁰ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948 (2-е изд., 2008).

³⁹¹ Там же. С. 45–47, 94, 104, 168, 175–179 и др. (по изд. 2008).

ного законодательства, как В. М. Догадов и А. Е. Пашерстник. Отметим, что во многом благодаря трудам этих ученых, а также группе молодых исследователей в конце 1950 – начале 1960-х гг. начал возрождаться интерес к зарубежному и сравнительному трудовому праву, а полное отрицание стало заменяться критическим (иногда чрезмерно) анализом³⁹². Но в целом идеологическое давление на ученых практически не ослабело и «антиимпериалистическая» направленность отражалась даже в названиях исследований³⁹³. Все это не позволило в полном объеме, достаточно объективно оценить и использовать зарубежный опыт.

Сравнительно-правовой анализ буржуазного трудового права и права социального обеспечения строился на основе критики с позиций марксистско-ленинской теории эксплуататорской сущности капиталистического правового регулирования труда, критики буржуазно-реформистских концепций «социальной демократии», «социального государства», «государства всеобщего благоденствия», «социального партнерства» и др.³⁹⁴ Общепризнанным был тезис о том, что идеологическая борьба по проблемам труда – это часть общей борьбы между капитализмом и социализмом³⁹⁵. Советские ученые утверждали, что в этой борьбе идеи социализма и советского законодательства о труде все шире «пробивают себе дорогу», усиливают влияние на регулирование трудовых отношений в капиталистических странах.

---

³⁹² См.: Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме (до Второй мировой войны) М., 1959; Иванов С. А. Международная организация труда и профсоюзные права в капиталистических странах. М., 1959; Киселев И. Я. Капитализм и рабочая молодежь. М., 1964; Пашерстник А. Е. Правовое регулирование труда в капиталистических странах. М., 1955 и др.

³⁹³ См.: Андросов В. А. Методы борьбы американских монополий против рабочего класса. М., 1958; Современное трудовое законодательство на службе монополий (Очерки) / Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1962; Усенин В. И. Классовая борьба и буржуазное трудовое законодательство на новом этапе общего кризиса капитализма. М., 1961 и др.

³⁹⁴ См.: Баглай М. В. Капитализм и «социальная демократия». М., 1970; Усенин В. И. Социальное партнерство или классовая борьба? М., 1968 и др.

³⁹⁵ Труд, право, идеология / Под ред. С. Л. Зивс. М., 1982. С. 4, 148–168.

Для рассматриваемого советского периода были характерны типизация национальных правовых систем по классовому признаку, идеи несравнимости социалистического и буржуазного права с точки зрения возможной рецепции зарубежного опыта. Советские ученые при рассмотрении сравнительно-правовых проблем основное внимание уделяли идентификации социалистического трудового права и права социального обеспечения как права нового типа по сравнению с буржуазным правом. По этому поводу в западной литературе отмечалось, что советские компаративисты даже не предпринимали попыток создания каких-либо теорий, касающихся анализа правовых систем. Их основная миссия сводилась главным образом к демонстрации уникальности советского права³⁹⁶.

Советские ученые при характеристике буржуазного трудового права и права социального обеспечения отмечали две тенденции их развития – антирабочую и реформистскую в виде уступок борьбе трудящихся. Особо подчеркивалось, что хотя нормы трудового законодательства об уступках помогают трудящимся бороться за свои права и интересы, но при этом остаются вредны для рабочего класса. Буржуазно-реформистские оценки законодательства об уступках трудящимся преувеличивают роль этих уступок за счет отказа от забастовок и классовой борьбы³⁹⁷.

Между тем интенсивность сравнительно-правовых исследований была невысока, т. к. «железный занавес» препятствовал взаимодействию с зарубежными коллегами. Незначительна была и степень знакомства отечественных ученых с работами иностранных коллег. Но важно то, что такие исследования по трудовому праву и праву социального обеспечения, несмотря на указанные трудности, советскими учеными проводились. Так, В. М. Догадов дал анализ законам о социальном страховании Германии, Англии, Франции, США (до Второй мировой во-

---

³⁹⁶ Clenton M., Gordon M., Osakwe Ch. Comparative Legal Traditions. N. Y., 1985. P. 9

³⁹⁷ См.: Баглай М. В. Законодательство США в борьбе с забастовочным движением. М., 1960; Баглай М. В., Усенин В. И. Правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала. М., 1964. С. 59–67; Усенин В. И., Баглай М. В. Правовое регулирование труда в капиталистических странах. М., 1963. С. 19–20.

йны), отмечая, что, с одной стороны, эти законы были «уступкой, вырванной у буржуазии рабочим классом в результате рабочего движения, с другой – средством усиления эксплуатации рабочего класса, т. к. из заработка рабочих в страховые фонды удерживалось больше, чем выдавалось пособий и пенсий»³⁹⁸. В дальнейшем названная оценка стала общепризнанной при обзорах законов о социальном обеспечении в капиталистических странах. При этом отмечалось большое влияние на ход борьбы за социальное страхование в капиталистических странах успехов рабочего класса России, достигнутых ими в результате Октябрьской революции, а также давалась развернутая критика теории и практики лидеров социал-демократических партий и реформистских профсоюзов в области социального законодательства в капиталистических странах. В этой части примечательны работы М. В. Баглая, В. И. Усенина, которые выделяли две основные системы социального обеспечения в буржуазных странах: социальное страхование (государственное и частное) и государственное социальное вспомоществование. Последняя, по их мнению, не имела юридических гарантий и «неизменно была связана с унижительной процедурой проверки нуждаемости»³⁹⁹.

В 70-е, а особенно в 80-е гг. XX в. «тональность» оценки трудового законодательства и законодательства о социальном обеспечении капиталистических стран не стала носить столь однозначный критический характер. Так, Б. Н. Жарков при обзоре основных положений трудового законодательства капиталистических стран писал о несправедливости догматически отрицательных оценок буржуазного трудового законодательства, норм об уступках или непризнании их известного положительного значения для трудящихся⁴⁰⁰.

---

³⁹⁸ Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме (до Второй мировой войны). М., 1959. С. 181.

³⁹⁹ См.: Усенин В. И., Баглай М. В. Правовое регулирование труда в капиталистических странах. М., 1963. С. 176–182; Баглай М. В., Усенин В. И. Правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала. М., 1964. С. 222–314; Усенин В. И. Реформизм и буржуазное социальное законодательство. М., 1967 и др.

⁴⁰⁰ См.: Жарков Б. Н. Основные положения трудового законодательства в капиталистических странах. М., 1978. С. 5.

В этот период в советской юридической литературе отмечались положительные сдвиги в социальном обеспечении в капиталистических странах, но рассматривались они как «средство, с помощью которого монополистический капитал надеется подавить революционную борьбу и приспособиться к новым историческим условиям». Говоря словами советских исследователей, «капитализм показал несостоятельность своих основных устоев и был вынужден частично заимствовать определенные элементы социалистической системы». Проводилось сравнение «двух миров», двух противоположных систем социального обеспечения. При этом права в сфере социального обеспечения в СССР назывались реальными, а в буржуазных странах – мнимыми⁴⁰¹. Пожалуй, более объективными (насколько это было возможно в условиях диктата социалистической идеологии) были исследования социального законодательства отдельных капиталистических стран. Так, В. Г. Каленский рассмотрел эволюцию и развитие законодательства о социальном страховании и некоторых формах социального обслуживания в Англии в ключе противоречивого процесса преемственности социальной политики лейбористов и консерваторов⁴⁰². Э. И. Доморацкая посвятила свое исследование анализу социального законодательства Франции, его особенностям и основным видам (пенсионное обеспечение, пособия по безработице, семейные пособия, пособия в связи с болезнью, трудовым увечьем)⁴⁰³. Н. В. Сивачев дал анализ законодательству о социальном обеспечении в США, И. Я. Киселев – законодательству о социальном обеспечении США, Великобритании, Германии в 80-е гг. прошлого столетия и др.⁴⁰⁴ Предметом исследования

---

⁴⁰¹ См.: Тулисов М. П. Социальное обеспечение в СССР и буржуазных государствах. М., 1984; Цивилев Р. М. Пенсионное обеспечение по старости в странах развитого капитализма. М., 1971; Его же. Социальное обеспечение в капиталистических странах // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. М., 1975. С. 254–258; Цивилев Р. М., Рогожин В. В. Социальное страхование при капитализме: Мифы и реальность. М., 1977 и др.

⁴⁰² Каленский В. Г. Социальное законодательство Англии. М., 1969.

⁴⁰³ Доморацкая Э. И. Социальное законодательство Франции. М., 1975.

⁴⁰⁴ См.: Киселев И. Я. Неоконсерваторы против рабочего класса. М., 1988; Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972.

стали и частные системы страхования рабочих и служащих. При этом ученые подчеркивали принципиальное отличие правовой организации частного страхования трудящихся предприятий в конце XIX в. и частного социального страхования в середине XX в. Если в первом случае пенсии и другие социальные выплаты предоставлялись исключительно по желанию работодателя, то во втором – страхование трудящихся на предприятии стало оформляться в виде положений коллективного договора как результат коллективных переговоров работодателя и представителей профсоюзов. Участие рабочих коллективов в переговорах с предпринимателями способствовало повышению уровня гарантий частного страхования трудящихся предприятий⁴⁰⁵.

Некоторое смягчение идеологического пресса и оживление межличностных контактов начиная с середины 50-х гг. прошлого века ситуацию принципиально не изменили. До массового отечественного читателя по-прежнему не доходили ни в оригинале, ни в переводе тексты западного трудового законодательства и труды ведущих специалистов данной отрасли. Это касается и работ выдающихся теоретиков трудового права, видных ученых-компаративистов, таких как британцы О. Кан-Фройнд и К. Уэддерберн, француз Ж. Лион-Кан, о которых говорилось выше, и др. Переводы зарубежных исследователей о трудовом праве Запада были вообще достаточно редкими, причем, как правило, это были работы ученых радикально левых взглядов⁴⁰⁶. В какой-то степени этот пробел был восполнен трудами по зарубежному и сравнительному трудовому праву М. В. Баглая, Б. Н. Жаркова, С. А. Иванова, И. Я. Киселева, В. И. Усенина⁴⁰⁷. Начиная с 1960-х гг. роль сравнительно-правовых исследований несколько повысилась, а

⁴⁰⁵ См.: Жарков Б. Н., Машезерская Л. Я., Усенин В. И. Рабочий коллектив и коллективные договоры на современном капиталистическом предприятии. М., 1972. С. 148–184.

⁴⁰⁶ См., например: Премслер М. Права рабочих в ФРГ: социальная демагогия и действительность. М., 1978.

⁴⁰⁷ См.: Жарков Б. Н. Основные положения трудового законодательства в капиталистических странах. М., 1978; Киселев И. Я. Современный капитализм и трудовое законодательство. М., 1971; Трудовое право и научно-технический прогресс / Под ред. А. С. Иванова. М., 1974. С. 418–560; Усенин В. И. Реформизм и буржуазное социальное законодательство. М., 1967 и др.

вышеназванные ученые готовили публикации с активным использованием нового на то время зарубежного законодательства и научной литературы. Масштаб вводимых в оборот оригинальных литературы и источников и сейчас вызывает уважение. Советские авторы достаточно объективно констатировали рост благосостояния рабочих и их социальной защищенности в странах Запада, повышение стандартов труда, рост коллективно-договорной практики и участия рабочих в прибылях предприятий. Но вывод был при этом двусмысленный и исходящий еще от В. И. Ленина: никакое улучшение благосостояния и правового положения рабочих не решает классовой проблемы, а сделать это может только победа социализма. При этом капиталистическое трудовое право делилось на «хорошее» и «плохое», причем о первом упоминалось вскользь, а последнее активно критиковалось. Особенно ущербным такой традиционный подход стал в конце 1960-х – 1970-е гг., когда трудовые права работников на Западе расширились, а их гарантии существенно упрочились. Так, И. Я. Киселев, рассматривая проблемы правового положения личности в буржуазном трудовом праве, писал о том, что нельзя недооценивать позитивные, выгодные работникам стороны буржуазного трудового права, но при этом следует также помнить, что уступки правящих кругов в этой области имеют узкие границы, predeterminedенные наличием частной собственности, эксплуатации работников⁴⁰⁸.

Но если отбросить идеологический антураж и почти ритуальные заклинания об очередном кризисе империализма, то можно отметить следующее. Лучшие советские исследователи зарубежного трудового права, о которых мы говорили выше, смогли довольно объективно отразить типы трудового права и модели социального партнерства в странах Запада, дали сравнительную характеристику институтов трудового права. Идеологическая однобокость и тенденциозность была не виной, а бедой советских авторов.

В рассматриваемый период сравнительно-правовые исследования по трудовому праву и праву социального обеспечения приобретали многогранный характер. Несмотря на господство в советской теории права позитивистской концепции права, в советской науке сравнительного трудового права ученые не ограничива-

---

⁴⁰⁸ См.: Киселев И. Я. Личность в буржуазном трудовом праве. М., 1982. С. 189.

лись формальным анализом законодательства капиталистических стран. Этот анализ, как правило, сопровождался характеристикой проводимой государством социальной политики, социальных реформ, текущей судебной практикой, буржуазных доктрин, концепций. Так, например, И. Я. Киселев на основе сравнительного исследования законодательства стран Запада раскрыл буржуазную концепцию права на забастовку, обобщил взгляды западных ученых (Э. Симонетто, Х.-К. Ниппердей, Е. Синеи и др.) по вопросам ограничения права на забастовку, проанализировал судебную практику. При этом была дана авторская оценка методов организованного подавления забастовок на Западе, ограничения трудовых прав работников на забастовку в части условий коллективных договоров о «социальном мире», прав на политические забастовки, неравноценности по последствиям забастовок и локаутов⁴⁰⁹. В 1970–1980-е гг. особое внимание в рамках советского сравнительного трудового права уделялось развивающимся странам социалистической ориентации Азии, Африки, Латинской Америки. Сравнились нормативные акты о труде развивающихся стран с указанием на общие закономерности и национальные особенности правового регулирования⁴¹⁰.

На базе научных изысканий в советский период сформировались учебные дисциплины сначала зарубежного, а затем сравнительного трудового права. Авторами первых таких учебников, как уже указывалось, были И. С. Войтинский и А. Е. Пашерстник⁴¹¹. В этой связи интересно проследить отражение развития зарубежного законодательства в учебниках по советскому праву. Это было характерно для периода с се-

---

⁴⁰⁹ См.: Киселев И. Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе: социально-правовые аспекты. М., 1978. С. 166–230.

⁴¹⁰ См.: Жарков Б. Н. Основные положения трудового законодательства в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1979; Его же. Коллективно-договорное регулирование труда в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1972; Его же. Права и роль профсоюзов в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1975; Муцинова Н. А. Трудовое право развивающихся стран. М., 1989 и др.

⁴¹¹ См.: Войтинский И. С. Трудовое право. Ч. 1: Диктатура буржуазии и трудовое право. М., 1934; Пашерстник А. Е. Правовое регулирование труда в капиталистических странах. М., 1955; Его же. Трудовое право стран народной демократии. М., 1955.

редины 1960-х до конца 1980-х гг. В некоторых из них специальные разделы посвящались отдельно зарубежным социалистическим странам и отдельно капиталистическим странам⁴¹². Часть учебников обходила эту проблему стороной. Подчеркнем, что в современных учебниках по российскому трудовому праву, по общему правилу, зарубежный и компаративный разделы отсутствуют. Исключения крайне редки⁴¹³. Новое современное поколение учебников по зарубежному и сравнительному трудовому праву связаны с именем И. Я. Киселева, о котором будет сказано отдельно.

В данном контексте определенный интерес представляют издания, подготовленные в рамках программы Европейского союза *Euro Aid* для Российской Федерации, как правило, совместно отечественными и зарубежными экспертами. Эти издания имеют вполне прикладной характер и содержат рекомендации по возможной рецепции норм западного законодательства о социальном партнерстве, альтернативных методах разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров, защите работников малого бизнеса, транснациональных корпораций и реструктуризуемых предприятий⁴¹⁴.

---

⁴¹² См.: Советское трудовое право / Под ред. В. С. Андреева. М., 1965 (2-е изд., 1971) (авторы разделов соответственно В. К. Миронов и М. В. Баглай); Советское трудовое право / Под ред. А. Д. Зайкина. М., 1979 (авторы разделов соответственно В. К. Миронов и Б. Н. Жарков); Советское трудовое право / Под ред. Б. К. Бегичева, А. Д. Зайкина. М., 1985 (авторы разделов соответственно В. К. Миронов и Б. Н. Жарков); Советское трудовое право / Под ред. А. С. Пашкова, О. В. Смирнова. М., 1988 (авторы разделов соответственно О. В. Смирнов, К. П. Уржинский и М. В. Баглай) и др.

⁴¹³ См., например: Киселев И. Я., Лушников А. М. Трудовое право России и зарубежных стран: Международные нормы труда. М., 2008.

⁴¹⁴ Бонвечини Р. Социальное партнерство и трудовые отношения в Европе: Приемлемы ли для России европейские модели? М., 2005; Забрамная Е., Миккола М., Нача Б., Новиков А. Альтернативные методы разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров: Рекомендации для России из европейского опыта. М., 2005; Специфика защиты работников малого бизнеса, транснациональных корпораций и реструктуризуемых предприятий: Европейский опыт и рекомендации для России. М., 2005 и др.

Сравнительно-правовые исследования в этом направлении, по сути, только начинаются. При этом важно не уйти в другую крайность, автоматически распространяя на российскую действительность правовые и социальные стандарты зарубежных стран. Следует исходить из того, что «использование зарубежного опыта требует знания не только юридических норм, моделей, но и условий правовых систем, в которых они существуют и реализуются... Требуется понимание того, насколько эти условия, правовые системы сравнимы с нашими и подходящие для применения заимствуемых образцов»⁴¹⁵.

Не утратили своего значения и институционно-описательные сравнительно-правовые исследования, которые состоят в последовательном изложении институтов трудового законодательства и законодательства о социальном обеспечении различных стран. При этом не исключаются определенные обобщающие выводы. Показательным примером является подготовленное авторским коллективом под редакцией Э. Б. Френкель издание «Трудовое и социальное право зарубежных стран» (М., 2002). В нем дана характеристика институтов социального партнерства, трудового договора, охраны труда и других стран, как развитых, так и с переходной экономикой. Ценность таких исследований заключается в обеспечении информационной базы для сравнительно-правовых исследований.

Напротив, проблемно-аналитические сравнительно-правовые исследования состоят в сопоставлении законодательства и практики его применения различных стран при решении одной схожей (аналогичной) проблемы различными правовыми способами. Например, в таком ключе проведено исследование новой системы российского трудового права авторским коллективом томской юридической школы во главе с В. М. Лебедевым. Рассматривая изменение парадигмы и идеологии современного российского трудового права, авторы отмечают, что в США такой парадигмой служит «доктрина занятости по желанию», а в Германии трудовая идеология связана с определением трудового права как средства выравнивания интересов работников и работодателей путем ограничения свободы договора в целях защиты работ-

---

⁴¹⁵ Иванов С. А. Трудовое право переходного периода: проблемы использования зарубежного опыта // Государство и право. 1995. № 3. С. 32.

ника⁴¹⁶. При таком подходе к сравнительно-правовому исследованию читателям предлагается самостоятельно дать оценку предложенным правовым способам решения проблемы.

Однако чаще всего в проблемно-аналитических сравнительно-правовых исследованиях обосновываются предложения по заимствованию, трансплантации отдельных норм, институтов⁴¹⁷. Как уже отмечалось, такого рода предложения должны учитывать возможности и пределы трансплантации иностранных норм в российское законодательство. Общеизвестным в теории компаративистики является предостережение от механического заимствования зарубежного опыта. Каждая национальная система трудового права и права социального обеспечения – это продукт исторического развития конкретной страны, отражает особенности ее истории, экономики, политической структуры, бытовые и культурные традиции⁴¹⁸. В этой части особо хотелось бы отметить сравнительно-правовые исследования белорусских ученых, тем более что наше законодательство имеет «общие корни» – советское трудовое право и права социального обеспечения. Одним из объектов сравнения в их работах традиционно является российское трудовое законодательство⁴¹⁹.

⁴¹⁶ Лебедев В. М., Воронкова Е. Р., Мельникова В. Г. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма). М., 2007. С. 12, 14.

⁴¹⁷ См., например: Лютов Н. Л. Коллективные трудовые споры: Сравнительно-правовой анализ. М., 2007; Проблемы международного и сравнительного трудового права и права социального обеспечения / Под ред. М. Ю. Федоровой, Омск, 2006 и др.

⁴¹⁸ См.: Киселев И. Я. Сравнительное трудовое право. М., 2005. С. 17–19.

⁴¹⁹ См.: Войтик А. А. О содержании понятия «социальное партнерство» в трудовом законодательстве Беларуси и России // Промышленно-торговое право. 2005. № 6. С. 35–37; Ковалева Е. А. Единство и дифференциация правового регулирования дисциплинарной ответственности работников (на основе законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации на транспорте). Минск, 2006; Островский Л. Я. Система Трудового кодекса и ее составные части: сравнительный анализ концепций ТК Беларуси и ТК России // Промышленно-торговое право. 2005. № 6. С. 29–35; Томашевский К. Л. Изменение трудового договора и условий труда: сравнительный анализ законодательства России, Белоруссии, других стран СНГ и За-

Аналогичные контакты наметились и с литовскими учеными-трудоустроителями⁴²⁰.

Обобщающий уровень проблемно-аналитических сравнительно-правовых исследований связан с обоснованием моделей, которые позволяют классифицировать различные правовые пути, способы, которыми решаются одинаковые проблемы. Это, например, модели правовых механизмов социального партнерства, модели гендерного равенства⁴²¹ и др. В целом российская наука трудового права только начинает преодолевать длительный отрыв от зарубежного законодательства и мировой науки, от межличностного общения с зарубежными коллегами. Вероятно, преодоление это будет не быстрым и, скорее всего, не безболезненным.

падной Европы. Минск, 2005; Трудовое право и право социального обеспечения / Под ред. К. Л. Томашевского. Минск, 2007 и др.

⁴²⁰ См.: Теоретические проблемы современного трудового права и права социального обеспечения: международные и национальные аспекты: Сб. Вильнюс, 2009.

⁴²¹ См. подробнее: Лушникова М. В. Государство, работодатели и работники. История, теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). М., 1997; Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендерное равенство в семье и труде: Заметки юриста. М., 2006; Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль, 2008 и др.

Глава 2. Предыстория и предтечи русской школы трудового права и права социального обеспечения

Время ничего не может сделать великим мыслям, которые также свежи и теперь, как и много веков тому назад, когда зародились в уме своих авторов. Что было когда-то продумано и сказано, то теперь также живо говорится печатной страницей.

С. Смайлс (1816–1903), английский писатель-моралист

2.1. Первые шаги в отечественных трудоправовых исследованиях: фабричные инспектора, государственные и общественные деятели (И. И. Янжул, Е. М. Дементьев, А. Н. Быков, В. П. Литвинов-Фалинский, И. Х. Озеров, А. Ф. Федоров, Р. А. Дистерло, А. Н. Миклашевский, С. О. Загорский и др.)

Надо иметь в виду, что теоретическое осмысление феномена трудового договора начало осуществляться отечественными учеными уже в последней четверти XIX в.⁴²² Нас интересует отрезок времени до начала XX в., когда Л. С. Таль начал публиковать свои основные работы по теории трудового договора. В этот период можно говорить, по сути, о равном с западными учеными вкладе в развитие рассматриваемого учения российских исследователей. Особая роль при этом принадлежит фабричным инспекторам, а также политическим и государственным деятелям. Многие из них были и профессорами вузов, входили в число пионеров преподавания промышленного (рабочего) права.

Несколько слов необходимо сказать об отечественной фабричной инспекции. В отличие от стран Запада, где появление первых актов фабричного законодательства и создание фабрич-

---

⁴²² См. подробнее: Лушников А. М. Наука трудового права России: Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 30–41 и др.

ных инспекций было разделено десятилетиями, в России это произошло практически одновременно. Это свидетельствует и о том внимании, которое уделяли российские ученые и общественные деятели зарубежному опыту⁴²³. За образец была взята практика Великобритании, где инспекция была создана еще в 1834 г., и о чем уже упоминалось выше. Российская фабричная инспекция была создана, согласно первому российскому фабричному Закону, 1 июня 1882 г. и первоначально занималась надзором за трудом и обучением малолетних. Единственной санкцией, которую инспекция вправе была применять за нарушение закона, являлся штраф размером в 100 рублей. Первым главным инспектором стал тайный советник Е. Н. Андреев, которого в 1883 г. сменил Я. Т. Михайловский, оставшийся в этой должности вплоть до ее упразднения в 1894 г. Штат фабричной инспекции «первого призыва» был утвержден 12 июня 1884 г. Первыми окружными фабричными инспекторами стали К. А. Блюменфельт, Г. И. Городков, К. В. Давыдов, С. И. Миропольский, П. А. Песков, В. В. Святловский, И. О. Новицкий, А. В. Шидловский, И. И. Янжул. По оценке В. П. Литвинова-Фалинского, первый состав фабричных инспекторов в целом был удачен как «в нравственном, так и в умственном отношении», проявлял бескорыстие и не принадлежал к бюрократии. А. А. Микулин был более критичен и считал, что в полном объеме со своими обязанностями из числа первых инспекторов справлялись только профессор политэкономии И. И. Янжул и доктор медицины П. А. Песков⁴²⁴. Первоначально инспектора занимались обследованием своих округов. Всего в стране было создано 9 фабричных округов, штат инспекторов для которых готовился более полугодом и был укомплектован в 1885 г.⁴²⁵

Организационно инспекция подчинялась Отделу промышленности Министерства финансов, а с 1905 г. – Отделу промыш-

---

⁴²³ См.: Полежаев В. А. Фабричная инспекция во Франции по закону 19 мая 1874 г. СПб., 1882 и др.

⁴²⁴ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904. С. 305; Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 23–24; Пресс А. А. Центральный орган по охране труда в промышленности. Пг., 1916. С. 5 и далее.

⁴²⁵ См.: Микулин А. А. Указ. соч. С. 4–22.

ленности Министерства торговли и промышленности. Это был вертикальный срез ее структуры, а на местах чины инспекции действовали под руководством губернаторов в пределах их компетенции и были поднадзорны Губернским (Областным) по фабричным и горнозаводским делам присутствиям в части, установленной законодательством. Присутствия имели право налагать на заведующих промышленными заведениями денежные штрафы по делам, возбуждаемым фабричными инспекторами. Особая роль государства в этой части была очевидна уже в конце XIX в. А. В. Скопинский (1868–1911), товарищ прокурора петербургской судебной палаты, по этому поводу писал: «Вопросы об охране жизни и здоровья рабочих составляют важнейшую задачу фабричного законодательства и священную заботу фабричной политики»⁴²⁶.

Деятельность российской фабричной инспекции регламентировалась Инструкцией чинам фабричной инспекции, введенной распоряжением министра финансов в 1884 г. На смену ей пришел Наказ чинам фабричной инспекции, утвержденный совместно МВД и Министерством народного просвещения в 1894 г. Закон от 3 июня 1886 г. придал фабричной инспекции статус органа надзора, и если раньше она только карала за нарушения, то теперь должна была их прежде всего предупреждать, т. е. инспекции придавались превентивные функции. Согласно Закону от 14 марта 1894 г., фабричные округа и должности фабричных инспекторов были упразднены, но были введены 18 должностей старших фабричных инспекторов и 125 фабричных инспекторов. Этим же законом на инспекцию был возложен контроль за безопасностью эксплуатации паровых котлов, а также производство испытания этих котлов. Такими уникальными полномочиями была наделена фабричная инспекция только в России и Пруссии. Согласно закону 1894 г., должности в фабричной инспекции должны были замещаться лицами, окончившими курс в высших учебных заведениях преимущественно технического профиля. В результате около 90 % назначенных на должности инспекторов составляли инженеры и техники. Запрет заниматься предприни-

---

⁴²⁶ Скопинский А. В. Об ответственности предпринимателей за несчастья с рабочими // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4. С. 100.

мательской деятельностью и высокое денежное содержание делало инспекторов достаточно независимыми.

Существовавший с декабря 1843 г. институт губернских механиков был упразднен, а их должности включены в штат фабричной инспекции, что расширило его на 43 губернских механика. Таким образом, в деятельности фабричной инспекции совмещалось как правовое, так и техническое инспектирование. Закон от 7 июня 1899 г. завершил организацию системы фабричного надзора. Были восстановлены 6 фабричных округов, упраздненных в 1894 г., и сформировано Главное фабричное присутствие для высшего руководства органами фабричного надзора, призванное унифицировать работу фабричных инспекторов. Контроль фабричной инспекции с этого времени распространялся и на горнозаводские предприятия, ранее подпадавшие под специальный горный надзор. Непрерывно рос штат инспекции. Если на 1884 г. было 20 инспекторов (главный инспектор, 9 окружных инспекторов и 10 их помощников), то в 1894 г. – 143, 1897 г. – 171, а в 1899 г. – уже 257 (6 окружных, 61 старший и 190 фабричных инспекторов)⁴²⁷.

Новый Наказ чинам фабричной инспекции был принят 9 февраля 1900 г.⁴²⁸ Наказы в подробностях определяли права и обязанности инспекторов, прямо или косвенно вытекающие из законов. Фабричная инспекция также руководствовалась циркулярами и разъяснениями министра финансов (с 1905 г. – министра торговли и промышленности) и обязательными постановлениями фабричных присутствий. Формально они были обязательны только для чинов фабричной инспекции и даже не публиковались, являясь оперативными документами внутриведомственного использования. Только в 1898 г. вышел первый выпуск «Сборника узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции», что придало циркулярам и разъяснениям министра финансов характер ведом-

---

⁴²⁷ См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб., 1911. С. 541–543; Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. С. 286–294; Янкул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 25–42 и др.

⁴²⁸ См.: Наказ чинам фабричной инспекции. 9 февраля 1900 года. СПб., 1900.

ственных актов. В этот период проводилась и неофициальная систематизация данного корпуса законодательства⁴²⁹.

Наконец, акты, регулирующие ее деятельность, были сведены в главу 3 «О фабричной инспекции» Устава о промышленном труде (УПТ) (изд. 1913 г.)⁴³⁰. Полномочия фабричной инспекции (ст. 34 УПТ) в совокупности с предусмотренными Наказами и отдельными законодательными актами были достаточно обширны. Она по-прежнему наблюдала за исполнением постановлений о занятиях малолетних рабочих и организацией для них начального обучения, а также за работой несовершеннолетних и женщин. На инспекцию было возложено наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные отношения. Это, по сути, означало расширение надзора до наблюдения за исполнением всего фабричного законодательства. В случае нарушений совместно с местной полицией составлялись протоколы, передаваемые затем в судебные органы, где инспектора в установленных случаях должны были поддерживать обвинение. Инспекция надзирала за исполнением правил о паровых котлах, а также за производством испытаний этих котлов. На инспекцию была возложена обязанность по собиранию, проверке и предварительной сводке статистических сведений о промышленных заведениях. Инспектора рассматривали и утверждали таксы, табели, расписания и правила внутреннего распорядка, утверждаемые фабричными управлениями, следили за наличием в местах выполнения работы правильно идущих часов. Особую важность имели меры к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон. Здесь акцент делался уже не на репрессивные, а на превентивные мероприятия.

Как уже отмечалось, фабричная инспекция не могла в полном объеме осуществлять функции органа по охране труда и контролю за соблюдением фабричного законодательства. Но само ее наличие позволяло сдерживать произвол работодателей и слу-

---

⁴²⁹ См.: Кобеляцкий А. Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. СПб., 1900; Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам фабричной инспекции. СПб., 1899 и др.

⁴³⁰ СЗ РИ. Т. XI. Ч. 2.

жило определенной гарантией для работников защиты их трудовых прав, в том числе в судебном порядке. В числе фабричных инспекторов и ревизоров оказались многие известные общественные деятели и ученые. Их отчеты представляли собой подлинно научные труды и давали органам власти и всему обществу обширную информацию к размышлению. Среди наиболее известных фабричных инспекторов можно отметить академика И. И. Янжула, профессоров Е. Н. Андреева, А. Н. Быкова, Е. М. Дементьева, В. Е. Варзара, А. А. Пресса, а также А. И. Братолобова, Л. Н. Игнатова, А. К. Клепикова, В. П. Литвинова-Фалинского, А. А. Микулина, Я. Т. Михайловского, П. А. Пескова, И. И. Тимофеева. Для большинства из них это была не только работа, но и вид общественного служения.

Важным источником для изучения заявленной темы являются отчеты фабричных инспекторов, которые публиковались в 1884–1886 гг., а затем в 1900–1915 гг.⁴³¹ К этой же категории можно отнести мемуары бывших фабричных инспекторов⁴³². В 1913–1917 гг. под эгидой Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности выходил сборник «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности». Всего вышло 6 выпусков (2 части по 3 выпуска), редактором которых был А. А. Пресс при активном участии А. Н. Быкова. Помимо них, в сборниках публиковались работы ведущих российских ученых в данной области: военных инженеров, профессоров В. Л. Кирпичева и А. В. Сапожникова, доктора медицины Д. П. Никольского и др. Отметим, что большинство исследователей и до 1917 г. относились к работе фабричной инспекции достаточно критично, отмечая ее неспособность эффективно осуществлять защиту трудовых прав работников. При этом подчеркивалась и ее положительная роль как органа, не только разрешающего трудовые споры, но и могущего

⁴³¹ См.: Михайловский Я. Т. О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора. СПб., 1886; Свод отчетов фабричных инспекторов. СПб. (Пг.), 1900–1915 и др.

⁴³² См.: Быков А. Н. За десять лет практики. М., 1901; Клепиков А. К. Записки фабричного инспектора. М., 1911; Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в последние годы (по неизданным документам). М., 1906; Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва: Материалы для истории русского фабричного вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907 и др.

их предотвратить. Ниже мы обратим внимание на основные вехи биографии и научное наследие наиболее видных российских фабричных инспекторов.

Первым Главным фабричным инспектором был **Евгений Николаевич Андреев** (1829–1889), более известный как деятель технического и профессионального образования. Он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1849 г.). В 1851–1860 гг. помощник инспектора, затем инспектор классов Санкт-Петербургского технологического института. В 1856 г. изучал постановку технического образования за границей. В 1863–1878 гг. профессор и заведующий кафедрой сельскохозяйственной технологии Петербургского Земледельческого (затем Лесного) института. В 1874 г. возглавил Комиссию Министерства народного просвещения по выработке законодательства о труде малолетних рабочих и их обучению, рекомендации которой частично нашли отражение в законе 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Вышедшая под его именем публикация была скорее собранием материалов вышеназванной комиссии по исследованию законодательства о труде малолетних ряда Западных государств⁴³³. Андреев способствовал организации общеобразовательных и профессиональных учебных заведений для рабочих, в том числе малолетних: вечерне-воскресных школ и классов, специальных училищ для подготовки рабочих высокой квалификации, железнодорожных и сельскохозяйственных училищ и др. С 1881 г. член ученого совета Министерства народного просвещения по отделению техники и профессионального образования. В 1882–1884 гг. первый главный фабричный инспектор по надзору за работой малолетних на фабриках и заводах. Оставил этот пост из-за разногласий с политикой властей в данном вопросе.

Е. Н. Андреев был видным деятелем технического и профессионального образования, известным ученым в области химической технологии и статистики. Он являлся одним из учредителей Русского технического общества (1866 г.), инициатором создания и первым председателем (1868–1883 гг.) его Постоянной комиссии по техническому образованию, автором проектов организации общего и профессионального образования, сторонником развития высшей техни-

---

⁴³³ См.: Андреев Е. Н. Работа малолетних в России и Западной Европе. Вып. 1. СПб., 1884.

ческой школы. В 1879–1886 гг. возглавлял Комиссию по исследованию кустарной промышленности в России при Совете торговли и мануфактур, затем был председателем Кустарного отдела Общества для содействия российской промышленности и торговле. В 1889 г. – генеральный комиссар русского отдела на Всемирной выставке в Париже. Умер 12 июля 1889 г. в Париже, похоронен в Петербурге.

И. И. Янжул вспоминал о нем как об очень умном и дальновидном, но упрямом и своенравном человеке. Андреев был сторонником фредредерства, но считал необходимой и государственную защиту рабочих. В должности главы фабричной инспекции реально он пробыл около 9 месяцев и практически ничего не успел сделать, кроме подготовительной работы. Гораздо лучше И. И. Янжул отзывался о преемнике Андреева – Я. Т. Михайловском, который хотя и был ранее преподавателем женских учебных заведений и не соприкасался с рабочим вопросом, но быстро всему учился и стал хорошим организатором⁴³⁴.

Наиболее известным и деятельным инспектором первого призыва был **Иван Иванович Янжул** (1845 (1846)–1914), ученый-экономист и специалист по финансовому праву, статистик. Он родился 2 июня 1845 г. (по другим данным 1846 г.) в Киевской губернии в семье отставного офицера из мелкопоместных дворян. После окончания рязанской гимназии в 1864 г. он поступил на историко-филологический факультет, а затем перевелся на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1869 г., и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по финансовому праву. Среди его университетских учителей были такие известные русские юристы, как И. Д. Беляев, В. Н. Лешков, Ф. Б. Мильгаузен, Б. Н. Чичерин. Янжул неоднократно выезжал в научные командировки за рубеж, в совершенстве знал немецкий и английский языки. В 1870–1872 гг. преподавал в Техническом училище, защитил магистерскую (1874 г.) и докторскую (1876 г.) диссертации. С 1876 г. профессор Московского университета по кафедре финансового права. Академик Петербургской Академии наук (1895 г.).

В 1882–1887 гг. был фабричным инспектором Московского фабричного округа. На эту должность его пригласил министр финансов Н. Х. Бунге. Еще до этого он был членом комиссии Мо-

---

⁴³⁴ См.: Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 25–42.

сковского генерал-губернатора Долгорукого по рабочему вопросу, автором одной из первых крупных публикаций, посвященных сравнительному анализу положения женщин и детей на фабриках Англии и России. По заданию комиссии он выезжал в Англию и Швейцарию для изучения работы местных фабричных инспекций⁴³⁵. В 1884–1885 гг. он принимал участие в работе комиссии В. К. Плеве по рабочему вопросу. В ней он был наиболее деятельным участником наряду с профессором уголовного права Н. С. Таганцевым и государственными чиновниками Н. А. Ермаковым, П. Н. Дурново. Отчеты Янжула в качестве окружного фабричного инспектора были опубликованы и имели большой научный и общественный резонанс⁴³⁶. Им были вскрыты многочисленные случаи нарушений фабричного законодательства. Классическим стал выявленный им случай, когда на одной из фабрик в правилах внутреннего распорядка был пункт о «беспрекословном повиновении» рабочих любым указаниям хозяина⁴³⁷. Янжул заработал репутацию самого «свирепого» инспектора, хотя за все пять лет он только два раза оштрафовал хозяев за беспрецедентные нарушения фабричных законов. По его воспоминаниям, ему не только на каждой фабрике пытались дать взятку, но и искренне обижались, когда он эти взятки не принимал.

Среди инспекторов первого призыва он был наиболее подготовленным к этой деятельности. Структура его отчетов строго академична и содержит (по рубрикам) сведения о малолетних рабочих, общие сведения обо всех рабочих, результаты осмотра фабрик, авторские комментарии и предложения по улучшению ситуации. Их можно признать первыми комплексными исследованиями практики применения актов российского фабричного законодательства. За свой первый отчет в 1885 г. Янжул был награжден золотой медалью Географического общества. Его де-

⁴³⁵ См.: Английское фабричное законодательство / Под ред. И. И. Янжула. М., 1880; Янжул И. И. Об инспекторате Швейцарии и Англии. М., 1881; Его же. Очерки и исследования: Сб. ст. по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства: В 2 т. М., 1884.

⁴³⁶ Янжул И. И. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа. СПб., 1886; Его же. Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа. СПб., 1884.

⁴³⁷ См.: Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. С. 83.

тельность в качестве фабричного инспектора, личная порядочность и объективность способствовали укреплению института фабричной инспекции.

В своих отчетах Янжул доказывал, что в России существует рабочий вопрос в западноевропейском его понимании. Он являлся противником государственной политики попечительства над рабочими. Решение рабочего вопроса виделось ему через создание развитого трудового законодательства, сильных профсоюзов и активную деятельность государства по охране труда. В то же время он предупреждал о том, что гипертрофированное раздувание рабочего вопроса, «рабочепоклонство» тоже имеет негативные последствия. Он ратовал за самостоятельное участие рабочих организаций в установлении условий труда. Как экономист, он видел негативные экономические последствия массовых актов классовой борьбы и предлагал их избегать посредством четкой правовой регламентации взаимоотношений работников и работодателей. Его идеология «классового мира» не всегда встречала понимание в среде его коллег.

Одним из первых ученых в России он поддержал идею социального страхования не только за счет самих рабочих, но и с участием государства по германскому типу. При этом он ссылался на подсчеты английского доктора Пеппера, согласно которым даже при нормальных условиях труда работники теряли трудоспособность приблизительно между 55 и 65 годами, а по отдельным специальностям – к 45 годам. Процент травматизма также был исключительно высок. В этой связи само понятие старости стало связываться не с возрастом, а с потерей трудоспособности⁴³⁸.

Он был одним из первых русских теоретиков «государственного социализма». Как сторонник этого учения он доказывал, что вмешательство государства в экономику означает осуществление социализма. И. И. Янжул уже тогда придерживался точки зрения об экономической ответственности предпринимателей «за несчастья с рабочими», был поклонником немецкой системы государственного страхования рабочих. В то же время он поддерживал свободу предпринимательских ассоциаций и настаивал на не-

---

⁴³⁸ См.: Янжул И. И. Очерки и исследования: Сб. ст. по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1. С. 377.

обходимости их взаимодействия с рабочими ассоциациями⁴³⁹. В дальнейшем академик выступал за законодательное ограничение продолжительности рабочего дня и легализацию экономических забастовок. При этом забастовки он считал крайней формой экономической борьбы, имеющей слишком много издержек. Гораздо предпочтительней, на его взгляд, были примирительно-посреднические процедуры и трудовой арбитраж⁴⁴⁰.

Предложения И. И. Янжула были напрямую связаны с идеей социального мира в трудовых отношениях. Он писал: «Наличие борьбы между рабочими и капиталистами до известной степени неизбежно и должно разрешаться и предупреждаться именно только с помощью вмешательства государства»⁴⁴¹. Янжул считал, что социальный мир представляет собой установление мира и согласия вместо борьбы и раздора с различными якобы классовыми интересами в промышленных классах. Место борьбы, по его мнению, должно было занять согласование интересов, т. е. попытки и приемы к возможному примирению выгод классов предпринимателей и рабочих. Выгоды для хозяев и рабочих в мирном улаживании всех их споров и соглашении интересов, на его взгляд, были одинаковы⁴⁴². Таким образом, работы И. И. Янжула содержат позитивную критику существовавшего законодательства и анализ состояния рабочего вопроса. Высокий научный уровень и богатый практический опыт позволили ему выявить основные «болевые» точки фабричного законодательства и выйти на идею социального партнерства. Умер ученый 31 октября 1914 г.

В числе первых ученых, занимающихся проблемами правового регулирования труда, было немало врачей. Одним из наиболее ярких представителей этой профессии был **Евстафий Михайлович Дементьев** (1850–1918?). Он родился в Баку. Учился в Петербургском университете, за участие в студенческих

⁴³⁹ Янжул И. И. Промысловые синдикаты и предпринимательские союзы. М., 1896.

⁴⁴⁰ См.: Янжул И. И. Восьмичасовой труд на русских фабриках и заводах. СПб., 1906; Его же. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб., 1906. С. 7–21.

⁴⁴¹ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 5.

⁴⁴² См.: Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 173–175.

волнениях был арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости, затем выслан под надзор жандармов на родину. Окончил медицинский факультет Киевского университета в 1875 г., участвовал в качестве врача в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1894–1911 гг. исполняющий дела фабричного ревизора Министерства финансов (с 1905 г. – Министерства торговли и промышленности). Доктор медицины (1889 г.), тема диссертации «Развитие мышечной силы человека в связи с его общим физическим развитием». Е. М. Дементьев своими исследованиями показывал, что рабочий вопрос в России не только существует, но и стоит достаточно остро. Основой дальнейшего научного поиска ученого стали результаты обследования санитарного состояния промышленных заведений Московской губернии, проведенного в 1879–1885 гг. совместно с врачами-гигиенистами *Александром Васильевичем Погожевым* (1853–1913)⁴⁴³ и *Федором Федоровичем Эрисманом* (1842–1916). Его результаты были опубликованы в 17 томах и 2 дополнительных выпусках. Эти работы использовались впоследствии многими политическими деятелями, включая В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. На уровне статистических исследований Е. М. Дементьевым отражено плачевное экономическое и несправное правовое положение рабочих⁴⁴⁴. Его можно назвать одним из первых ученых, занимавшихся проблемами статистики труда. Большой общественный резонанс имела его публицистически острая работа «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет». Из нее следовало, что берет фабрика существенно больше. Дементьев показал, что отсутствие эффективного законодательства об охране труда опасно для государственных интересов. Он установил, что фабричное население дает гораздо больший процент негодных по состоянию здоровья к воинской службе, чем другие слои населения. Ученый писал, что работа с фосфором

---

⁴⁴³ См.: Погожев А. Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб., 1906 и др.

⁴⁴⁴ См.: Дементьев Е. М. Санитарные исследования фабрик и заводов Подольской губернии. М., 1883; Его же. Санитарные исследования фабрик и заводов Коломенского уезда. М., 1885; Его же. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. Ч. 1. М., 1890.

на спичечных фабриках за период до 10 лет делала практически из любого рабочего инвалида труда. У тех, кто обрабатывал волокнистые вещества, с 40 лет начиналась преждевременная старость и утрата способности к труду. Статистика несчастных случаев и профессиональных заболеваний на отдельных производствах была настолько безрадостной, что за 30 лет работы работник имел больше шансов стать инвалидом или получить профессиональное заболевание, нежели остаться здоровым⁴⁴⁵. Он установил, что первые акты фабричного законодательства, ограничивающие время труда несовершеннолетних, а затем женщин, косвенно повлияли на продолжительность рабочего дня взрослых мужчин. На 1882 г. наиболее распространенным был 12-часовой рабочий день. Эта цифра не превышалась на 80% предприятий. Чем больше была фабрика и чем сложнее на ней оборудование, тем меньшим был рабочий день. В целом слишком большое время работы неблагоприятно сказывалось на здоровье рабочих с учетом плохих условий труда и неразвитой техники безопасности. Е. В. Дементьев определил, что часть выходных дней представляется на всех фабриках, часть – на некоторых, а есть и сугубо местные особенности. Многое зависело от принятых обычаев и доброй воли работодателя⁴⁴⁶.

При этом он активно изучал западное трудовое и ремесленное законодательства, сравнивал западные и российские стандарты норм охраны труда⁴⁴⁷. Дементьев анализировал иностранное законодательство по регулированию рабочего времени и продолжительности работы, об ответственности нанимателей за вред, причиненный жизни и здоровью работника. При рассмотрении организации ремесленной промышленности в западно-

---

⁴⁴⁵ См.: Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. СПб., 1893 (2-е изд., 1897). С. 205–250.

⁴⁴⁶ См.: Там же. С. 58–112.

⁴⁴⁷ См.: Дементьев Е. М. Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. СПб., 1899; Его же. Обзор иностранного законодательства по регулированию времени и продолжительности работы в промышленных заведениях. СПб., 1896; Его же. Организация ремесленной промышленности в западноевропейском законодательстве. СПб., 1900; Его же. Страхование рабочих. Отдел 1. Страхование на случай болезни в Германии и Австрии. СПб., 1906 и др.

европейском законодательстве он особое внимание уделил вопросам найма рабочей силы. Его исследования отличались гуманистической направленностью, показывали необходимость правового регулирования трудовых отношений, особенно охраны труда женщин⁴⁴⁸ и детей. Он активно занимался проблемами социального страхования, врачебной помощи рабочим и социальной защиты инвалидов труда⁴⁴⁹. Будучи высококвалифицированным врачом, он занимался проблемами медицинской экспертизы, критериями установления инвалидности по труду и рядом других проблем, находящихся на стыке медицины и права⁴⁵⁰.

Дементьев был эрудированным ученым с обширными интересами, в частности, он являлся автором ряда работ об отдельных видах спорта (теннис, поло и др.), одной из первых публикаций по теории футбола. Отметим, что даже в советской литературе периода сталинизма он назывался «прогрессивным общественным деятелем»⁴⁵¹.

Василий Егорович Варзар (1851–1940) был одним из первых русских земских статистиков, основоположником промышленной статистики в России, экономистом. Он окончил Петербургский Технологический институт в 1874 г. В 1875–1878 гг. занимал должность статистика Черниговской земской управы и находился на других должностях. В 1892–1916 гг. фабричный инспектор в Риге, затем старший фабричный инспектор в Ревеле. Стоит отметить, что практически одновременно с принятием первых социально-страховых законов он начал проводить статистические исследования, позволяющие определить эффективность их применения. В этой части его приоритет очевиден. Он обобщал статистические сведения о результатах социального страхования

---

⁴⁴⁸ См.: Дементьев Е. М. Женский фабричный труд в России. СПб., 1902.

⁴⁴⁹ См.: Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899; Его же. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г. СПб., 1909; Его же. Законы о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев, со всеми изданными в их исполнение инструкциями и административными распоряжениями. СПб., 1907;

⁴⁵⁰ См.: Дементьев Е. М. Материалы для суждения при определении степени потери трудоспособности от повреждений вследствие несчастных случаев. СПб., 1904.

⁴⁵¹ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1952. С. 649–650.

работников по закону 1903 г. и в частных страховых обществах⁴⁵². В 1917 г. был управляющим отдела промышленности Министерства труда Временного правительства, членом комиссии, образованной при этом отделе⁴⁵³. Начиная с середины 90-х гг. XIX в. Варзар принимал участие в работе практически всех государственных комиссий по разработке актов фабричного законодательства.

Одновременно в 1905–1913 гг. ученый читал лекции по статистике на курсах МВД. Он разработал систему налогообложения предпринимателей, заменившую в 1898 г. архаичную гильдейскую систему. Предложил критерии для оценки мощности промышленного предприятия – орудия производства и число рабочих. В 1900 и 1908 гг. под его руководством проведены два первых статистических обследования промышленных предприятий. Был одним из первых исследователей статистики забастовок в России. Его труды по этой тематике можно считать классическими⁴⁵⁴. Они заслужили высокую оценку как представителей царской администрации, так и В. И. Ленина. Ряд работ Варзар опубликовал под псевдонимами: Иванов, Андрей, Васильев С., Бывалый человек.

В советский период он работал в Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону. С 1925 г. – в органах ВСНХ и Центрального статистического управления. Впоследствии занимался преподавательской работой. Его профессиональные качества и научная порядочность оказались востребованными при любой власти в России⁴⁵⁵.

Следующий фабричный инспектор **Александр Николаевич Быков** (1860–1919) был по образованию инженером-технологом, выпускником Санкт-Петербургского Технологического институ-

---

⁴⁵² См.: Варзар В. Е. Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции за трехлетие 1904–1906 гг. СПб., 1908; Его же. О некоторых недостатках условий страхования рабочих в частных страховых обществах // Труды Высочайше разрешенного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. III. Вып. V. СПб., 1897.

⁴⁵³ РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 3. Л. 46 (обр).

⁴⁵⁴ См.: Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах. 1894–1904; 1904–1906; 1905; 1906–1908. Т. 1–4. СПб., 1905–1910 и др.

⁴⁵⁵ См.: Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. Ростов н/Д., 1924; Его же. Очерки основ промышленной статистики. Ч. 1–2. М.; Л., 1925–1927.

та. Работал на производстве, с 1891 г. перешел на службу в фабричную инспекцию⁴⁵⁶. Предметом его научных исследований было зарубежное и российское законодательство о социальном страховании рабочих, борьба с промышленным травматизмом, правовая регламентация времени отдыха⁴⁵⁷.

Он читал лекции по фабричному законодательству в Санкт-Петербургских Политехническом и Технологическом институтах (с 1908 г.)⁴⁵⁸. Являлся членом Санкт-Петербургской городской управы (1913 г.). А. Н. Быков был человеком социал-демократических убеждений, сторонником законодательной защиты рабочих от произвола хозяев. Ученый выступал за активную борьбу рабочих в защиту своих прав, но эта борьба виделась ему преимущественно в правовых рамках: через легальные экономические забастовки, бойкоты, лебель. Две последних формы давления на предпринимателя при разрешении трудового спора были менее известны по сравнению с забастовкой. Он констатировал, что «бойкот» происходит от имени англичанина Ч. К. Бойкота, управляющего имением лорда Ирна в Ирландии. В конце 70-х гг. XIX в. этот управляющий потребовал от фермеров и рабочих, арендовавших земли лорда, через суд накопившиеся недоимки. В ответ арендаторы перестали иметь с ним дело и в 1880 г. вынудили к отъезду в Англию. Наибольшее распространение бойкоты, как отмечал Быков, получили в США, где профсоюзы призывали не покупать продукцию предприятий, на которых возникали экономические споры или иные конфликты. В России бойкоты впервые были организованы в 1905–1907 гг. Лебель являлся своеобразным дополнением к бойкоту, когда в организованном порядке рекомендовалось покупать продукцию конку-

---

⁴⁵⁶ См.: Быков А. Н. За десять лет практики (Отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни) М., 1901.

⁴⁵⁷ См.: Быков А. Н. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов н/Д., 1905; Его же. О нормировке рабочего дня на фабриках. СПб., 1895; Его же. Как обеспечить воскресный отдых фабричным рабочим. Нижний Новгород, 1896; Его же. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним. СПб., 1913; Его же. Страхование рабочих как фактор промышленности и русские страховые законы. СПб., 1913.

⁴⁵⁸ См.: Быков А. Н. (Павлов Ф.). Фабричное законодательство и развитие его в России: Лекции, читанные в Санкт-Петербургском Политехникуме и Технологическом институте в 1908–1909 учебном году. СПб., 1909.

рента предприятия, на котором были трудовые конфликты. Лебелем назывался небольшой ярлык, который вкладывался при упаковке в рекомендуемую для покупки продукцию⁴⁵⁹.

Быков довольно широко определял фабричное законодательство как специальные законы, которые имеют целью устранить или ослабить тяжелые и вредные для рабочих последствия фабричной, заводской или горной работы, урегулировать отношения между фабрикантами и рабочими или обеспечить рабочим возможность получить и продолжить образование⁴⁶⁰. Он особо выделял социальное назначение фабричного законодательства как законодательства охраны труда.

Александр Николаевич был сторонником свободы рабочих ассоциаций. Он одним из первых в отечественной науке дал научное определение понятию «рабочий». Он писал: «...Фабричным рабочим признается всякий рабочий на фабрике и для фабрики в пределах фабричного двора, кроме извозчиков, отвозящих и привозящих сырье и продукты, рабочих, занятых исключительно сооружением новых зданий и мастерских, и временных чернорабочих, занятых случайными краткосрочными работами менее семи дней»⁴⁶¹. В положительном законодательстве отсутствовало данное понятие, и А. Н. Быков вывел его, опираясь «на целый ряд административных разъяснений». Л. С. Таль обоснованно утверждал, что понятие «фабричный рабочий» нуждается в более четком определении⁴⁶².

Большое место в работах А. Н. Быкова отведено обеспечению безопасных условий труда. Он относил к безопасности труда требования, определяющие минимальный размер рабочего помещения, нормы вентиляции, освещения, условия пожарной безопасности, правила ограждения машин, подъемников, лестниц и др. По его мнению, сколько-нибудь серьезные мероприятия в России на этот счет в начале XX в. почти отсутствовали. А. Н. Быков видел следующие основные направления улучшения охраны труда:

---

⁴⁵⁹ См.: Быков А. Н. Два могущественных средства борьбы с предпринимателями: бойкот и лебель. М., 1906. С. 3 и далее.

⁴⁶⁰ См.: Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 3.

⁴⁶¹ Там же. С. 184.

⁴⁶² См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 74.

1) предварительное рассмотрение проектов промышленных зданий и переоборудование уже имеющихся с точки зрения безопасности труда; 2) использование спецсредств (очки, респираторы, рукавицы и др.); 3) недопущение на наиболее вредные производства женщин и детей; 4) запрещение использования вредных веществ (белого фосфора и др.). Характерно, что важнейшим фактором снижения производственного травматизма А. Н. Быков считал введение государственного страхования от несчастных случаев⁴⁶³. Ученый последовательно доказывал (прежде всего на примере Германии и Австрии), что социальное страхование (через денежную и врачебную помощь) поддерживает благосостояние рабочих, поднимает их работоспособность, меняет к лучшему отношение к труду. Это в свою очередь благотворно влияет на развитие промышленности. Следовательно, для блага государства и общества, для процветания промышленности необходимо, чтобы социальное страхование было по возможности полным и обеспечивало бы надежно работника и его семью. В этом контексте он предлагал дальнейшее развитие страхового законодательства, определенного Законами 1912 г. Затраты работодателей на страхование, по убеждению А. Н. Быкова, не могут быть страшны, так как содействуют успеху производства⁴⁶⁴.

Одним из первых А. Н. Быков обратился к исследованию правового регулирования сверхурочных работ. В договор найма могли включаться условия только о таких сверхурочных работах, которые оказывались необходимыми по техническим условиям производства. Исходя из норм закона 1897 г., он сверхурочные работы делил на два вида: 1) необходимые, исполнение которых оговаривалось правилами внутреннего трудового распорядка (например, работы, связанные с завершением технологически непрерывного процесса); 2) обыкновенные, которые проводились по особому соглашению сторон. Первые из указанных носили обязательный для

---

⁴⁶³ См.: Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним // Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1913. С. 48–49; Его же. Фабричное законодательство и развитие его в России. С. 76–78.

⁴⁶⁴ См.: Быков А. Н. Страхование рабочих как фактор промышленности и русские страховые законы. СПб., 1913. С. 5–24 и др.

работника характер, а вторые – добровольный⁴⁶⁵. Первоначально годовой объем сверхурочных работ (кроме необходимых) ограничивался 120 часами, но циркуляром министра финансов от 14 марта 1898 г. эта норма была отменена. Другим министерским циркуляром было разрешено «по соглашению сторон» работать по воскресеньям и праздникам. Быкову такое расширительное толкование не казалось обоснованным, как и всем другим исследователям левой ориентации⁴⁶⁶. Примечательно, что этот известный специалист в сфере фабричного законодательства постоянно выступал за желательность введения восьмичасового рабочего дня, но, будучи реалистом, не ожидал этого в ближайшем будущем⁴⁶⁷.

В годы Первой мировой войны он был членом Совета по делам страхования, работал в Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК). Февральскую революцию Быков приветствовал, стал представителем ЦВПК в Особом комитете Министерства труда Временного правительства. По его поручению Быков разработал проект Закона о распределении рабочего времени. Его объяснительная записка к проекту представляла довольно обширный научный труд. Он предлагал декретировать восьмичасовой рабочий день, жестко регламентировать сверхурочную работу⁴⁶⁸. Но если до февраля 1917 г. он казался чиновником «слишком левым», то теперь представители профсоюзов и социалистических партий обвинили его в консерватизме. Быков принимал активное участие в подготовке и других законопроектов по труду Временного правительства. Следует отметить, что А. Н. Быков постоянно подчеркивал: каждую статью трудового законодательства надо подвергать редактированию и привлекать к этому профессиональных юристов. Его проекты рьяно критиковали представители эсе-

---

⁴⁶⁵ См.: Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. С. 165.

⁴⁶⁶ См., например: Туган-Барановский М. И. Законодательная охрана труда в России // Законодательная охрана труда. СПб., 1901. С. 272 и др.; Лунц М. Г. Рабочий вопрос и фабричное законодательство в России. М., 1909. С. 24, 115 и др.

⁴⁶⁷ См.: Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. С. 46.

⁴⁶⁸ РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 3. Л. 24, 46, 50; Ф. 150. Оп. 1. Д. 514. Л. 6–10.

ров, особенно Я. Д. Коган-Бернштейн⁴⁶⁹. Обстоятельства смерти ученого нам достоверно не известны.

Менее известен как исследователь «рабочего» вопроса **Алексей Александрович Пресс**, инженер и общественный деятель. По образованию он инженер-технолог, специалист по деревообработке и столярному делу. Был фабричным контролером, занимался вопросами медицинского обслуживания рабочих и социального страхования, вопросами безопасности труда. Его интересовали не только технические, но и правовые вопросы охраны труда⁴⁷⁰. Кроме того, он принимал участие в издании комментариев российских законов о рабочем страховании, обобщал практику их применения. Например, А. А. Пресс в практической комментарии «Страхование рабочих в России» (1900 г.) проанализировал с цифрами и фактическими данными существовавшие в то время (до 1900 г.) две основные формы страхования рабочих: посредством добровольных частных страховых обществ и обществ взаимного страхования⁴⁷¹. После революции ученый находился на преподавательской работе, профессор.

Если фабричные инспектора, о которых говорилось выше, могли оказывать только косвенное влияние на разработку актов фабричного законодательства как члены государственных комиссий, то **Владимир Петрович Литвинов-Фалинский** (1868–1929) принимал непосредственное участие на всех этапах законодательного процесса, будучи высокопоставленным государственным чиновником. Он родился в 1868 г., окончил Санкт-Петербургский Технологический институт в 1892 г. Первоначально занимался проблемами шелководства и шелкоткачества, был сторонником развития российской промышленности и защиты отечественного производителя через повышение ввозных таможенных пошлин на шелк-сырец. Получил известность как талантливый инженер-технолог. С 1895 г. фабричный инспектор при Департаменте торговли и мануфактур, затем в отделе промышленности Министерства финансов. На примере В. П. Литвинова-Фалинского мы име-

---

⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 514; Д. 518. Л. 1–22.

⁴⁷⁰ См.: Пресс А. А. Защита жизни и здоровья рабочих на фабриках и заводах. Вып. 1–3. СПб., 1891–1894; Его же. Охрана здоровья рабочих в промышленности. Ч. 1–3. СПб., 1913–1917; Его же. Центральный орган по охране труда в промышленности. Пг., 1916 и др.

⁴⁷¹ См.: Пресс А. А. Страхование рабочих в России. СПб., 1900.

ем дело с тем случаем, когда анализ «рабочего вопроса» прямо входил в круг служебных обязанностей исследователя. Но при этом он не ограничивался казенными отписками или формальным проявлением активности. Он исследовал зарубежное социальное законодательство⁴⁷², правовые аспекты взаимодействия рабочих и хозяев предприятий, промышленную статистику и причины травматизма, проблемы страхования рабочих⁴⁷³, историю российского фабричного законодательства. В своей практической деятельности он контактировал не только с предпринимательскими кругами, но и с университетской профессурой, прислушивался к ее мнению. Он выступил сторонником рабочего представительства на предприятиях, законодательного ограничения работодательской власти предпринимателя по установлению условий труда. В. П. Литвинов-Фалинский прямо предлагал опираться на взаимодействие и сотрудничество работников и работодателей при участии государства.

Уже в первых своих работах он писал о желаемом «союзе труда и капитала», о необходимости государственного вмешательства в их отношения. Литвинов-Фалинский видел двуединую цель фабричного законодательства: во-первых, облегчение положения рабочих, и, во-вторых, постановка сторон в правовые рамки. При этом фабричное законодательство виделось ему достаточно широко и должно было регулировать не только отношения промышленников и рабочих, но отношения между предприятиями, отношения последних с окрестным населением, а также между промышленниками и государством⁴⁷⁴. Отсюда комплексный подход к законодательному решению рабочего вопроса. Большая роль при этом отводилась социальному страхованию работников за счет

---

⁴⁷² См.: Литвинов-Фалинский В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903.

⁴⁷³ См.: Литвинов-Фалинский В. П. О сберегательных кассах обеспечения, учреждаемых при частных промышленных предприятиях и горных промыслах. СПб., 1900; Его же. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующему законодательству. СПб., 1899.

⁴⁷⁴ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законоведение как предмет преподавания в технических институтах. СПб., 1900. С. 5–7.

средств предпринимателей и с участием государства⁴⁷⁵. Он был одним из первых российских чиновников, отрицательно относившихся к попечительству в отношении работников, не одобрял «зубатовщины», был сторонником законодательного решения рабочего вопроса. Возможно, главной его заслугой и как чиновника, и как ученого было последовательное стремление внести правовые начала в регулирование трудовых отношений.

Он был сторонником теории «государственного вмешательства в отношения предпринимателей и работников», «социального сотрудничества труда и капитала». От большинства чиновников его отличала широта реформаторских замыслов и ориентация на законодательное решение рабочего вопроса. В высших чиновных кругах он признавался человеком способным, но «сомнительным», а его «широкие замыслы» обычно не приветствовались⁴⁷⁶. Центральным тезисом работ В. П. Литвинова-Фалинского было «разумное сочетание интересов государства, работников и работодателей». Он писал о взаимодействии в фабричном законодательстве двух начал: прямого государственного регулирования труда и договорного. Как мы сегодня говорим, о соотношении централизованного и локального правовых методов регулирования. Из этого делался обоснованный вывод: «Признавая экономическую зависимость рабочих от работодателей, фабричное законодательство охраняет интересы рабочих как слабой стороны путем ограничения права хозяев включать произвольные условия в договоры найма рабочих»⁴⁷⁷.

В качестве представителя правительства неоднократно выступал в Государственной Думе по рабочему вопросу. Как человек умеренных взглядов, заработал репутацию «подозрительного» у руководителей правительства, а для левых кругов он олицетворял собой только «мимикрирующее» крыло консерваторов. Между тем если бы предложенные им законодательные меры прово-

---

⁴⁷⁵ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Новый закон о вознаграждении увечных рабочих. Текст закона 2 июня 1903 г. с объяснениями. СПб., 1903; Его же. Общедоступное разъяснение нового закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих. СПб., 1904.

⁴⁷⁶ См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 66.

⁴⁷⁷ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904. С. 122.

дились более последовательно, то это могло бы значительно ослабить остроту противостояния рабочих и хозяев. Он писал: «Там, где кончаются пределы государственного регулирования положения труда в крупной промышленности, начинается уже область общественной инициативы, главным образом, со стороны самих рабочих и предпринимателей ... в лице их союзов и организаций»⁴⁷⁸.

Прямое государственное вмешательство в трудовые отношения он связывал с деятельностью фабричных инспекций. При этом фабричные инспекции рассматривались им не только как органы надзора за соблюдением фабричного законодательства, но им предписывалась функция «предупреждения столкновений между нанимателями и рабочими ..., фабричная инспекция должна выступать в роли посредника в разрешении споров между ними путем миролюбивого соглашения сторон». Именно в таком ключе были расширены полномочия фабричных инспекций в Законе от 3 июня 1886 г. о правилах найма рабочих. В. П. Литвинов-Фалинский так определял основные характеристики деятельности фабричной инспекции.

1. Централизация фабричного надзора. Местные органы должны быть самостоятельны в разрешении отдельных вопросов, но их деятельность должна направляться и регламентироваться центральной властью. Это связано и с созданием равных условий для предпринимателей в условиях экономической конкуренции.

2. Системность в организации деятельности фабричной инспекции, сопряженной как с вертикальным подчинением, так и с территориальным разделением их функций. Он констатировал отсутствие этой системности в современный ему период начала XX в.

3. Строгое разграничение деятельности инспекции и полиции. При этом предлагалось считать недопустимым рассмотрение вопросов, подведомственных инспекции, чинами полиции. Полиция в этой части должна была только исполнять обязанности по преследованию на суде виновных в нарушении некоторых правил.

4. Сочетание в работе инспекции мер репрессивного и превентивного характера. Первого рода деятельность заключалась в наблюдении за исполнением законов, выявлении правонарушений

---

⁴⁷⁸ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Введение. С. XXI.

и преследовании виновных в административном и судебном порядке. Превентивная деятельность заключалась в опеке над взаимными отношениями хозяев и рабочих, предупреждении столкновений между ними и принятии мер к улучшению быта рабочих. Значительная часть недоразумений между хозяевами и рабочими происходит от неясности или непонимания ими закона. В этой связи особую важность имеет примирительное разбирательство с участием инспекторов, которое предшествует формальному (судебному) разбирательству. В этих случаях инспекция выступает в роли посредников.

5. Содействие инспекции прокурорскому надзору. Особенно это касается выяснения обстоятельств несчастных случаев, по части которых инспектора являются наиболее сведущими лицами. В этой части фабричные инспектора фактически выступали в роли экспертов, хотя формально в силу процессуального законодательства в таком качестве выступать не могли⁴⁷⁹. Эти характеристики не утратили своего значения и в настоящее время.

Таким образом, анализируя фабричное законодательство, В. П. Литвинов-Фалинский обосновал, выражаясь современным языком, сложную структуру предмета отрасли трудового права, включая в него не только трудовые отношения нанимателя и работника, но и контрольно-надзорные, а также отношения по рассмотрению трудовых конфликтов. Он писал об этом так: «В рамках фабричного законодательства наемные отношения переносятся из области частного гражданского права в область права публичного». Далее он сетовал, что «существующее законодательство не создало почвы для возникновения солидарности интересов рабочих и противопоставления их интересам предпринимателей»⁴⁸⁰, а необходимость в этом очевидна. Не будем забывать, что высказывания В. П. Литвинова-Фалинского – это официальная позиция государственного чиновника. Фактически он ратовал за создание в России условий для развития известных форм самостоятельности рабочих, их привлечения к участию в улучшении своего положения. Именно с этой точки зрения В. П. Литвинов-Фалинский оце-

---

⁴⁷⁹ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. С. 315–344.

⁴⁸⁰ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Введение. С. XXIII.

нивал и Закон от 10 июня 1903 г. о фабричных старостах как нормативный акт, «представляющий первый шаг в области организации рабочих и их самостоятельности на началах представительства». Однако он отмечал, что данный закон носит полицейский характер, а его целью является предупреждение фабричных беспорядков, которые обуславливаются невозможностью для рабочих выражать свои общие пожелания и требования⁴⁸¹.

Он разработал основные положения первого в России закона от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев». Принятие этого закона рассматривалось В. П. Литвиновым-Фалинским как «предтеча государственного страхования рабочих»⁴⁸². Впечатляет и его пропагандистская работа в данном направлении, в частности, популяризация опыта Германии. Так, в газете «Новое время» (1902–1903 гг.) была опубликована целая серия его очерков⁴⁸³. Газета как средство массовой информации во многом формировала общественное мнение по этому вопросу. Ученый так описал факторы, способствовавшие введению обязательного социального страхования в Германии: «Небольшая сравнительно территория, густое население, высокая степень культуры и развития общественной самостоятельности, издавна существующий корпоративный строй предпринимателей и рабочих, развитие частной инициативы и существовавшие уже множество различного рода учреждений по обеспечению рабочих»⁴⁸⁴. Очевидно, что в России ситуация была зеркально противоположной и усугублялась невысокой зарплатой, в среднем в два раза меньше, чем в Германии. К тому же ее перепады в России по регионам, профессиям и даже в рамках отдельных предприятий были огромны. Например, только в европейской России разрыв между средним заработком доходил

---

⁴⁸¹ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. С. 91, 93.

⁴⁸² См.: Литвинов-Фалинский В. П. Новый закон о вознаграждении увечных рабочих (2 июня 1903 г.) СПб., 1904. С. 3.

⁴⁸³ См.: Новое время. 1902. 10 марта; 1903. 26 окт. и др.

⁴⁸⁴ Литвинов-Фалинский В. П. Организация и практика организации страхования в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903. С. 210.

до двух раз. Все это затрудняло введение аналогичной системы в России. Тем не менее в 1903 г. был сделан хотя бы первый шаг.

По мнению исследователя, участие государства в социальном страховании осуществлялось двояко. Во-первых, оно легализовало эту систему и стало осуществлять функции контроля. Во-вторых, за счет государственных средств формировалась часть страховых фондов, что проводилось через довольно большие «казенные приплаты». При обсуждении вопроса об этой приплате в германском рейхстаге главным аргументом в ее пользу было то, что она будет для рабочих вознаграждением за участие в обязательном страховании. Кроме того, она являлась своеобразной премией со стороны государства с целью отстранения от опасности, происходящей от распространения социалистических идей. Германские парламентарии в этом случае учитывали как экономическую и социальную, так и политическую стороны проблемы. Такую активность государства большинство российских исследователей, как и Литвинов-Фалинский, оценивали положительно⁴⁸⁵.

С 1900 г. первым в стране он начал читать курс лекций по рабочему законодательству в Санкт-Петербургском Технологическом институте, а с 1909 г. – в Санкт-Петербургском Политехническом институте. В 1905–1915 гг. являлся управляющим Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности. Участвовал в разработке, популяризации и толковании страховых законов 1912 г.⁴⁸⁶ Его работы на этот счет встретили неоднозначную реакцию в ученом мире. Некоторые подчеркивали чисто прикладной характер его комментариев, отсутствие теоретической базы и даже не всегда текстуальное разделение своего мнения, официальных мотивов принятия и самого текста законов. Однако в целом его роль популяризатора оценивалась положительно

---

⁴⁸⁵ См.: Гольденвейзер А. С. Социальное законодательство Германской империи. Киев, 1890. С. 163–165; Герценштейн М. Я. Государственное страхование рабочих в Германии. М., 1905. С. 44–46; Святловский В. В. Государственное страхование рабочих в Германии: Историко-статистический очерк. М., 1895 и др.

⁴⁸⁶ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Как и для чего страхуются рабочие. СПб., 1912; Его же. Наше экономическое положение и задачи будущего. СПб., 1908; Его же. Новые законы о страховании рабочих: Текст законов с мотивами и подробными разъяснениями. СПб., 1912.

но⁴⁸⁷. Напротив, известный отечественный цивилист Т. М. Яблочков (1880–1926) назвал другой его труд комментаторского характера скорее научным трудом, отметив фрагмент о сравнительном законодании и истории западноевропейского законодательства. Однако при этом подчеркнута излишне комплиментарная позиция автора в отношении законов 1912 г. и слишком малое внимание к мотивам правительственного проекта⁴⁸⁸.

Самым жестким его критиком стал известный государствовед В. М. Гессен (1868–1920). О первом издании его труда «Фабричное законодательство и фабричная инспекция» (СПб., 1900) он отозвался как о книге, призванной познакомить неспециалистов с действующим фабричным законодательством. Общие теоретические воззрения В. П. Литвинова-Фалинского он определил как весьма поверхностные и нередко несколько наивные. По мнению рецензента, он недооценивал противостояние труда и капитала, был несколько излишне оптимистичен в перспективах разрешения рабочего вопроса. По мнению В. М. Гессена, в России в то время было не социальное, а полицейское фабричное законодательство, которое не выполняло главной цели – охраны жизни и здоровья рабочих. В рецензии отмечены недостатки в виде неучтенных Указов Сената по данной проблеме и предложено передать функцию наложения административных взысканий на работодателей общему суду, а не фабричной инспекции, как было ранее⁴⁸⁹.

В годы Первой мировой войны В. П. Литвинов-Фалинский являлся членом Эвакуационной комиссии, разрабатывал проблемы экономики⁴⁹⁰. Революционные события 1917 г. не принял и в том же году эмигрировал в Великобританию. В эми-

⁴⁸⁷ См.: Н. Б. Рец. на кн.: Литвинов-Фалинский В. П. Как и для чего страхуются рабочие. СПб., 1912 // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 3. С. 348–381.

⁴⁸⁸ См.: Яблочков Т. Рец. на кн.: Литвинов-Фалинский В. П. Новые законы о страховании рабочих. СПб., 1912 // Юридическая библиография. 1912–1913. № 1–2. С. 8–9.

⁴⁸⁹ См.: Гессен В. М. Рец. на кн.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904 // Право. 1901. № 10. С. 572–577.

⁴⁹⁰ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Война и промышленность. Пг., 1915.

грации преподавал в Русском народном университете, сотрудничал с Русским экономическим обществом, читал лекции по политэкономии в различных объединениях русской эмиграции. Умер 29 октября 1929 г. в Лондоне.

Идейным наследником И. И. Янжула, о котором говорилось выше, можно в какой-то мере считать другого фабричного инспектора и видного ученого **Ивана Христофоровича Озерова** (1869–1942). Он родился 28 апреля 1869 г. в деревне Занино Чухломского уезда Костромской губернии в бедной крестьянской семье. Однако в училище он учился прилежно, и мать по совету учителей на последние крохи отправила сына учиться в гимназию в Кострому, где он за успехи в учебе был переведен на бесплатный пансион и удостоен стипендии им. Сусанина для детей из крестьян. По окончании гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1893 г. с дипломом первой степени. Оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре финансового права, магистр (1898 г., тема диссертации «Подходный налог в Англии»), доктор финансового права (1900 г., тема диссертации «Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии в связи с экономическими и общественными условиями»). Одновременно с 1893 г. был назначен младшим кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате, уволен со службы по прошению в 1895 г., так как в этот год выдержал магистерский экзамен и был принят в число приват-доцентов. После этого И. Х. Озеров два года провел в научной командировке за границей. С 1898 г. профессор юридического факультета Московского университета, возглавил кафедру финансового права. Отметим, что «за неблагонадежность» Иван Христофорович был утвержден в должности профессора только в 1903 г. С 1907 г. он получил кафедру финансового права Санкт-Петербургского университета. Его преподавание в столице завершилось после того, как тогдашний министр народного просвещения Л. А. Кассо нашел, что его выступления против министра финансов В. Н. Коковцова противоречат интересам правительства. По мнению А. И. Буковецкого, И. Х. Озеров отличался публицистическим талантом, умел выступать с ярко на-

писанными памфлетами⁴⁹¹. В Петербурге ученый также преподавал на Бестужевских высших женских курсах и на Женских курсах Раева, а в Москве – в Московском коммерческом институте.

Впоследствии он стал действительным статским советником (светским генерал-майором), членом правления ряда крупных российских банков (Русско-Азиатского, банка Общества взаимного кредита) и промышленных корпораций (в т. ч. Ленского золотопромышленного товарищества). Он был известным специалистом по финансовому праву, в частности по налоговой системе Германии и Англии. И. Х. Озеров вел и активную общественную жизнь. Так, он был инициатором созыва в марте 1916 г. Всероссийского съезда представителей банкирских домов и контор, председателем совещания по созыву Всероссийского студенческого съезда в Москве в 1910 г. (так и не был созван).

Являлся в 90-е гг. XIX в. фабричным инспектором, сотрудничал с рабочими организациями. Как один из инспекторов первых призывов, большое внимание в своих работах уделял правовому регулированию отношений работников и работодателей. С этой целью он активно изучал зарубежную законодательную практику, особенно Германии и Великобритании. Следствием этого стала его принципиальная позиция о необходимости законодательного согласования интересов работников и работодателей при активной роли государства. И. Х. Озеров по приглашению рабочих сотрудничал с «зубатовскими» организациями в Москве, участвовал в подготовке их учредительных документов. После этого к нему был приклеен ярлык «предателя интересов рабочего класса, соглашателя». В. И. Ленин писал по этому поводу: «...Мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого правокаторства или в смысле "честного" развращения рабочих "струвизмом") – мы уже позаботимся о вашем разоблачении»⁴⁹². За публикацию исследования «Политика по рабочему вопросу в последние годы (По неизданным документам)»

---

⁴⁹¹ См.: Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX века // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 1993. Вып. 1. С. 109.

⁴⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 115.

(М., 1906) Иван Христофорович был едва не привлечен к суду, а за ряд других публикаций и публичную поддержку всеобщей стачки 1905 г. предполагалось его лишение кафедры и высылка. От этих репрессий его спасло личное вмешательство С. Ю. Витте. Ученый симпатизировал кадетам, но ни в одну партию так и не вступил по принципиальным соображениям.

Между тем для него деятельность фабричного инспектора и участие в деятельности рабочих организаций было попыткой реализовать на практике свою теоретическую модель классового мира. Он был избран с 1909 г. членом Государственного Совета от Академии наук и российских университетов, где считался представителем либеральных кругов. Часть работ написал под псевдонимом З. Ихоров. После революции 1917 г. он остался в советской России, преподавал в вузах, в том числе в Московском университете (оставил преподавание из-за болезни сердца в 1924 г.), работал в государственных органах (Наркоматах финансов и связи), исследовал постановку социального обеспечения в отдельных местностях СССР, подвергался преследованиям за свое «буржуазное» прошлое. Еще в 1927 г. И. Х. Озеров был признан инвалидом 2-й категории, но продолжил научную работу. В публичных докладах касался вопросов разрешения торговли водкой, был противником введения золотого обращения. Будучи крестьянским сыном и русским патриотом, отказался от иммиграции. В 1931 г. «за недоверие к советской власти», а, по сути, за научную и публицистическую смелость и самостоятельность репрессирован, год провел в одиночном заключении, затем сослан на Соловецкие острова, впоследствии переводился на Попов остров, в Воньгу, а затем Кемь. Жажда творчества привела к тому, что заключенный И. Х. Озеров неоднократно писал прошения об освобождении и дозволении продолжить научную работу, а в противном случае просил расстрелять его. В заключении здоровье ученого было окончательно подорвано, что усугубилось заболеванием – эмфиземой легких. Однако в 1933 г. его амнистировали, а в 1935 г. с него была снята судимость. С 1936 г. ученый жил в Доме престарелых ученых в Ленинграде, подготовил в этот период ряд работ, которые так и не увидели свет. 12 мая 1942 г., в самый страшный год блокады, И. Х. Озе-

ров умер в Ленинграде и был похоронен на Пискаревском кладбище в общей могиле⁴⁹³.

В его трудах получила теоретическую поддержку идея «самоорганизации рабочих». Например, одна из его работ «Фабричные комитеты и коллективный договор» была написана в пропагандистско-просветительском ключе и проиллюстрирована подробной характеристикой законодательства Германии, США, Австралии о фабричных рабочих комитетах и практикой его применения. Рассмотрена и зарубежная коллективно-договорная практика, где коллективные договоры характеризуются им как «средство закрепления социального мира»⁴⁹⁴. Он высказывался за легализацию профсоюзов, допущение стачек экономического характера. Существенное место в его работах занимал сравнительный анализ положения рабочих в России и на Западе⁴⁹⁵. Немецкую систему социального страхования он также считал наиболее прогрессивной⁴⁹⁶. И. Х. Озерова можно назвать одним из первых неофициальных историков рабочего законодательства, который работал на солидной документальной основе. Это касается характеристик первых фабричных законов, анализа секретных циркуляров, сравнения взглядов на рабочий вопрос высших государственных чиновников. Он дал наиболее полный перечень причин стачек и предложил пути их устранения⁴⁹⁷. Озеров справедливо полагал, что «правовая фабрика возможна лишь в правовом государстве»⁴⁹⁸.

---

⁴⁹³ См.: Дмитриев А. Л. Иван Христофорович Озеров: у истоков социологического направления в теории финансов // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге: Сб. СПб., 1997. С. 78–89.

⁴⁹⁴ См.: Озеров И. Х. Фабричные комитеты и коллективный договор. М., 1902. С. 14.

⁴⁹⁵ См.: Озеров И. Х. Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада: В 2 т. М., 1904.

⁴⁹⁶ См.: Озеров И. Х. Страхование трудящихся в Германии. М., 1906.

⁴⁹⁷ См.: Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в последние годы (По неизданным документам). М., 1906. С. 23–36, 59–111, 131–142; Его же. Борьба общества и законодательства с дурными условиями труда. М., 1901; Его же. Из жизни труда: Сб. статей. Вып. 1: Статьи по рабочему вопросу. М., 1904.

⁴⁹⁸ Озеров И. Х. Нужды рабочего класса в России. М., 1906. С. 8.

К сожалению, нам относительно немного известно о фабричном инспекторе **Александре Александровиче Микулине**. По образованию он был инженером-механиком, работал на производстве, затем был помощником фабричного инспектора, инспектором Владимирского округа, окружным фабричным инспектором Киевского фабричного округа. С 1901 г. (по меньшей мере, до 1906 г.) преподавал в Киевском политехническом институте предмет «Фабричное законодательство». Он был участником социал-демократического движения, последователем экономического учения К. Маркса. Уже в первой своей научной работе он показал себя как сторонник расширения сферы применения фабричного законодательства, четко выявил его слабые места и предложил конкретные рекомендации по их устранению⁴⁹⁹. Он считал возникновение фабричного законодательства логичным и неизбежным следствием фабричной системы производства. Это законодательство, по его мнению, должно было оградить рабочих от негативных последствий капиталистического способа производства и машинной индустрии⁵⁰⁰. Микулин был компетентным специалистом в сфере истории и современного состояния фабричной инспекции. Он наметил целую программу ее реформирования, которая отличалась взвешенностью и реалистичностью. Эта программа включала: 1) распространение охраны труда на труд не только фабрично-заводских рабочих, но и любых наемных рабочих вообще; 2) создание центрального учреждения на паритетных началах из представителей промышленников, рабочих и при участии государства, которое бы ведало охраной труда всех видов и согласовывало все возникающие между сторонами разногласия; 3) создание условий благоприятных для самостоятельности рабочих, в том числе свободы объединения в профсоюзы; 4) формирование третейских и подобных им судов, построенных на равном представительстве сторон и решения которых имели бы для сторон обязательную силу. Он также предлагал вести регулярную статистику труда, четко соблюдать независимость инспекции труда, расши-

---

⁴⁹⁹ См.: Микулин А. А. Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 г. о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1903.

⁵⁰⁰ См.: Микулин А. А. Фабричное законодательство как следствие фабричной системы производства. Киев, 1901. С. 3–12.

рить круг ее полномочий. На повестку дня ставилась полная систематизация фабричного законодательства⁵⁰¹.

Рабочий вопрос ставился Микулиным как один из основных вопросов социальной жизни. Он связывал его с правом каждого пользоваться полностью продуктами своего труда⁵⁰². В круг его научных и профессиональных интересов входили также вопросы социального страхования рабочих и рабочего времени⁵⁰³.

Завершает наше повествование о государственной службе и общественном служении фабричных инспекторов очерк о **Леониде Николаевиче Игнатове** (1869–1915). Он происходил из старинного купеческого рода. Среднее образование получил в Практической Академии коммерческих наук (в Москве), которую окончил с золотой медалью. Дальнейшее обучение он продолжил в Харьковском технологическом институте, по окончании которого стал инженером-технологом. Игнатов в совершенстве владел немецким языком, читал на французском и английском, хорошо знал зарубежную техническую и правовую литературу. Свою карьеру он начал помощником контролера на частной железной дороге, где перед ним открывались большие служебные перспективы, сопряженные с высоким денежным вознаграждением. Но Игнатов поступил как истинно русский интеллигент, для которого духовные потребности важнее материальных. В начале 1895 г. он по прошению поступает кандидатом на должность фабричного инспектора Варшавской губернии, со следующего года исполняет обязанности фабричного инспектора Полоцкой губернии, а в 1897 г. назначается фабричным инспектором Ярославской губернии. Наконец, в следующем году он становится фабричным инспектором Московской губернии, затем постоянным заместителем старшего инспектора и остается в этой должности до конца своих дней.

⁵⁰¹ См.: Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906.

⁵⁰² См.: Микулин А. А. Рабочий вопрос и пути его решения. Киев, 1907; Его же. Рабочий вопрос и капитализм. Киев, 1908. С. 4 и др.

⁵⁰³ См.: Микулин А. А. Государственное страхование рабочих. Киев, 1904; Его же. Таблица пенсий на основании закона 2 июня 1903 г. потерпевшим и семьям умерших от несчастных случаев на работе. Киев, 1904; Его же. К вопросу о восьмичасовом рабочем дне // Право. 1906. № 44. С. 3387–3393 и др.

Одновременно с 1909 г. Игнатов начинает преподавать в Московском коммерческом институте по кафедре предупреждения несчастных случаев на фабриках и заводах, становится членом Кружка технологов. В 1912 г. его командировывают на 1-й Международный конгресс предупреждения несчастных случаев и промышленной гигиены⁵⁰⁴, а затем в Германию для изучения деятельности тамошних фабричных касс⁵⁰⁵. Он перевел на русский язык сочинения Г. Фрезе «Участие рабочих в прибылях предприятия» и «Конституционный строй на фабрике»⁵⁰⁶. По мнению его коллег, Игнатов был выдающимся фабричным инспектором, который стремился избегать репрессивных мер и главным считал восстановление нарушенных прав работников путем авторитетных, аргументированных указаний, даваемых заведующим предприятиями. Его позиция строилась на том, что трудовой спор лучше предотвратить, чем впоследствии разрешить. Это был очень тактичный и гуманный человек, уважаемый не только коллегами и промышленниками, но и многими рабочими.

Его научные исследования были посвящены в основном вопросам предупреждения несчастных случаев, охране жизни и здоровья работников. При этом его интересовала не только техническая, но и правовая сторона проблемы. Большой интерес представляет его анализ западного фабричного законодательства⁵⁰⁷.

Естественно, что вышеназванными именами не исчерпывается перечень фабричных инспекторов, занимавшихся проблемами трудового права. Например, фабричный инспектор *Б. Д. Беликов* подготовил обширное сочинение «Охрана детского труда в Германии» (СПб., 1913). В другом своем труде⁵⁰⁸ он рассмотрел состояние женской инспекции труда во Франции, Англии, Германии и

---

⁵⁰⁴ См.: Игнатов Л. Н. Международный технический конгресс по предупреждению несчастных случаев и промышленной гигиене. М., 1913.

⁵⁰⁵ См.: Игнатов Л. Н. Фабричные больничные кассы в Германии. М., 1912.

⁵⁰⁶ В русском переводе: Фрезе Г. Опыт рабочего представительства в управлении фабрикой. М., 1913.

⁵⁰⁷ См.: Игнатов Л. Н. Мероприятия к охране труда на Западе в связи с развитием рабочего законодательства. М., 1914.

⁵⁰⁸ См.: Беликов Б. Д. Женщины в промышленной инспекции Запада. К вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь, 1914.

Австрии, обратился к их истории в конце XIX – начале XX в. Иностранный опыт привел его к мысли о том, что наилучший надзор за женским трудом может осуществляться при помощи особого института женщин-инспектрис. Б. Д. Беликов высказался за введение аналогичного института в России. В отечественной литературе эта идея получила широкое одобрение⁵⁰⁹. Другой фабричный инспектор *А. М. Пайкин* не только ввел новую систему взаимодействия страховых касс и объединения врачей, но и обобщил этот опыт в специальном исследовании⁵¹⁰.

В заключение подчеркнем, что во многом благодаря самоотверженной практической деятельности и теоретическим изысканиям российских фабричных инспекторов в общественном сознании укрепилась идея о социальном назначении фабричного законодательства как законодательства охраны труда в широком смысле и о необходимости его расширения и развития как относительно обособленного правового феномена.

Важный вклад в создание интеллектуальных предпосылок формирования трудового права внесли видные российские политические и общественные деятели. Одним из них был **Владимир Павлович Безобразов** (1828–1889) – видный экономист, публицист, педагог, общественный деятель, академик Петербургской Академии наук (1867 г.). Он родился в дворянской семье в г. Владимире, окончил Александровский лицей в 1847 г., где впоследствии преподавал политическую экономию и финансовое право (1868–1878 гг.). С 1847 г. на государственной службе. Являлся последовательным сторонником свободы предпринимательства и отмены крепостного права. Вместе с К. Д. Кавелиным, Д. А. и Н. А. Милютиными создал литературный кружок, получивший название «Партии петербургского прогресса». В 1864–1885 гг. являлся членом Совета министра финансов. Принимал участие в работе государственных комиссий, разрабатывающих фабричные законы. По заданию правительства подготовил исследование, посвященное анализу применения первых фабричных законов (1882–1886 гг.) и деятельности фабричной инспекции. Автор свыше 20 книг и 100 статей.

---

⁵⁰⁹ См.: Бройдо Е. Л. Женская инспекция труда. Пг., 1917; Виленц-Горовиц Е. Женская фабричная инспекция. СПб., 1914 и др.

⁵¹⁰ См.: Пайков А. М. Больничные кассы. Казань, 1913.

Благодаря его научным работам утвердилось очевидное, но относительно новое для России положение, что благосостояние рабочих является важнейшим фактором промышленного производства и прогресса вообще. Его проповедь «естественного неравенства» при «равенстве свободы» неизбежно предполагала и свободу трудового договора. В. П. Безобразов установил взаимосвязь форм ведения хозяйства и уровня благосостояния рабочих. Он, хотя и очень умеренно, критиковал излишнюю полицейскую регламентацию и надзор за рабочими, ратовал за «самодетельность» заинтересованных классов. Он был категорическим противником передачи фабричных инспекций из ведения Министерства финансов Министерству внутренних дел, что и было предотвращено во многом его стараниями. Одной из целей фабричного законодательства он считал «улучшение условий быта нашего фабричного рабочего и правильность его отношений к нанимателю», а также ликвидацию произвола и несправедливости при использовании наемного труда⁵¹¹. Наконец, В. П. Безобразов выработал модель статистического описания положения рабочих, что позволило будущим исследователям опереться на твердую цифровую базу. Также он принимал участие в разработке первых фабричных законов 80-х гг. XIX в., практика применения которых им впоследствии обобщалась⁵¹². При этом он остался принципиальным противником государственного вмешательства в отношения между работниками и работодателями, либералом рикардианского толка.

Но в научных взглядах В. П. Безобразова были целый ряд положений, идущих вразрез с реалиями того времени. Явно устарело его утверждение о самобытности российского рабочего вопроса в отличие от Запада. Отмечая важность создания фабричной инспекции, он предлагал придать ей преимущественно кара-

---

⁵¹¹ См.: Безобразов В. П. Наблюдения и соображения относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб., 1888. С. 10–12.

⁵¹² См.: Безобразов В. П. Наблюдения и соображения относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции; Его же. Народное хозяйство России: В 3 ч. СПб., 1882–1889; Его же. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882; Его же. О свободном труде при поместном устройстве. СПб., 1863. и др.

тельный, репрессивный характер. Эта инспекция, по его мнению, не могла являться правительственным органом, который призван «...к прямому экономическому улучшению быта рабочего класса (сверх косвенного улучшения его посредством охраны от правонарушений другой стороной) и к возвышению уровня его благосостояния материально и нравственно»⁵¹³. Уже многим его современникам позиция видного экономиста казалась устаревшей. Аргументированной критике ее подверг В. Г. Яроцкий, отмечая, что не признавать необходимость государственного вмешательства в отношения между хозяевами и рабочими означает придерживаться устаревшей идеологии фридредерства и отставать от своего времени⁵¹⁴. И. И. Янжул вообще обвинил Безобразова в плагиате и использовании его докладной записки на имя товарища министра внутренних дел В. К. Плеве о применении Закона 3 июня 1886 г. Если критика Яроцкого носила достаточно мягкий, хотя и принципиальный характер, то Янжул был просто беспощаден⁵¹⁵. Вероятно, здесь не обошлось и без личного момента. Но в целом с большинством критических положений стоит согласиться. Особенно это касается стремления Безобразова придать фабричной инспекции «репрессивный и карательный» характер, а «не превентивный и предупредительный». Безобразов до конца своих дней оставался скорее сторонником неограниченной свободы договора личного найма с минимальными законодательными ограничениями. В советской литературе эти положения подвергались критике, а сам ученый объявлялся выразителем интересов буржуазных кругов⁵¹⁶.

В интересующем нас контексте стоит упомянуть **Василия Лаврентьевича Исаченко** (1839–1915). Он получил университетское математическое образование (1865 г.), но под влияни-

⁵¹³ См.: Безобразов В. П. Наблюдения и соображения... С. 11, 115, 118–119, 124.

⁵¹⁴ См.: Яроцкий В. Г. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С. 5–36.

⁵¹⁵ См.: Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого созыва: Материалы для истории русского фабричного вопроса и фабричного законодательства. М., 1907. С. 199–203.

⁵¹⁶ См.: Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.) М., 1972. С. 80–81.

ем мероприятий судебной реформы 1864 г. выбрал правовое поприще. Затем он 34 года работал в Минской губернии в судебных органах, в том числе членом и товарищем председателя Минского окружного суда (1883–1899). После непродолжительной работы в Москве в 1901 г. он назначается на должность товарища обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, а затем сенатором. На этой должности он оставался практически до конца своих дней⁵¹⁷. Его патроном и покровителем был министр юстиции и обер-прокурор Сената Н. В. Муравьев (1850–1908) – блестящий юрист, но достаточно беспринципный человек. В. Л. Исаченко, напротив, по общему мнению, совмещал глубокую порядочность и высокий профессионализм, признавался лучшим в стране процессуалистом-практиком. Давая толкование законодательной базе договора личного найма, он отмечал: «Едва ли основательно относить к договорам личного найма многие из договоров об исполнении известных работ... Под договором личного найма следует понимать именно наем, который всегда предполагает службу, состояние в услужении у нанимателя в течение определенного времени и представление ему (нанимателю) права распоряжения трудом нанимающегося по его, нанимателя, усмотрению в том смысле, что труд этот должен исполняться согласно указаниям хозяина, а не по собственному усмотрению контрагента последнего»⁵¹⁸. Таким образом, сенатор определил два признака (личный и организационный), которые отличали договор личного найма от договора подряда. Так был сделан еще один небольшой шаг к обособлению договоров, предметом которых являлся несамостоятельный труд. В дальнейших своих комментариях он подчеркнул признак подчинения нанявшегося воли нанимателя, настаивал на невозможности включения в такие договоры условий, не только прямо запрещенных законом, но и ухудшающих положение нанявшегося по сравнению с определенным в законодательстве. Это говорило об ограничении воли договаривающихся

---

⁵¹⁷ См.: Винавер М. М. Василий Лаврентьевич Исаченко (к 75-летию со дня рождения) // Вестник гражданского права. 1915. № 4. С. 5–12; Его же. В. Л. Исаченко (некролог) // Там же. 1915. № 6. С. 5–9.

⁵¹⁸ Исаченко В. Л. Свод кассационных положений по вопросам гражданского материального права за 1866–1910 гг. СПб., 1911. С. 472–474.

лиц⁵¹⁹. Данные выводы помогали определить признаки трудового договора и способствовали его доктринальному обособлению.

Гораздо меньше мы знаем о жизненном пути **Людвика Борисовича Скаржинского** (1852 – не ранее 1905), ученого и общественного деятеля, чиновника для особых поручений Министерства финансов, члена Общества для содействия русской промышленности и торговли. Он профессионально занимался вопросами социального страхования рабочих⁵²⁰, представлял интересы предпринимателей в ряде государственных комиссий. Рассматривал он и вопросы, связанные с объединением работников и правовой регламентацией забастовок⁵²¹. В целом он занимал весьма умеренную проправительственную позицию, а о дальнейшей его жизни после 1905 г. данные отсутствуют.

Иначе складывалась творческая судьба известного ученого **Александра Федоровича Федорова** (1855 – после 1917). Он родился в 1855 г. в дворянской семье. В 1879 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был оставлен там же для приготовления к профессорскому званию. Одновременно с начала 1880 г. назначается чиновником канцелярии Департамента полиции. Его научный интерес как специалиста по полицейскому праву совпадал со служебной деятельностью. В феврале 1885 г. он прикомандировывается к комиссии по рабочему вопросу под председательством В. К. Плеве. В этом же году в Казанском университете Федоров получает ученую степень магистра. Его магистерская диссертация была посвящена фабричному законодательству⁵²². С апреля 1886 г. он являлся представителем МВД для рассмотрения в Совете торговли и мануфактур выработанного Особой комиссией Проекта правил об ответственности владельцев промышленных предприятий за увечье и смерть рабочих. В обеих комиссиях он вы-

⁵¹⁹ Там же. С. 654–655; Исаченко В. Л., Исаченко В. В. Обязательства из договоров: Опыт практического комментария русских гражданских законов. Т. 1. Общая часть. СПб., 1914. С. 48–49.

⁵²⁰ См.: Скаржинский Л. Б. К законопроекту страхования в России на случай инвалидности и на старость. СПб., 1903; Его же. К вопросу об обязательном страховании на случай инвалидности. СПб., 1902.

⁵²¹ Скаржинский Л. Б. Забастовки и рабочие сотоварищества. СПб., 1905.

⁵²² См.: Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. О работе малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884.

ступал за развитие российского фабричного законодательства, вмешательство государства в отношения хозяев и рабочих. Это соответствовало и установкам его начальника, товарища министра внутренних дел В. К. Плеве. В 1887 г. Федоров назначается младшим помощником делопроизводителя Департамента полиции, но в октябре того же года по прошению увольняется со службы. Он испытывал склонность к научной работе, да и интеллектуальная свобода полицейского чиновника была относительно невелика.

Осенью 1887 г. он начинает педагогическую деятельность в качестве приват-доцента, а в 1890 г. становится экстраординарным профессором по кафедре торгового права Новороссийского университета (г. Одесса). Его докторская диссертация, защищенная в 1892 г. в Харьковском университете, также была связана с проблемами правового регулирования трудовых отношений⁵²³. В 1893 г. Федоров становится ординарным профессором в том же университете, с 1906 г. по совместительству является директором Коммерческого училища Г. Ф. Файга в Одессе. В отставку он вышел в 1911 г., но продолжал преподавать и заниматься научной работой, по меньшей мере, до 1917 г.

Это был исключительно разносторонний ученый, знаток европейских языков, более 10 раз выезжавший в зарубежные научные командировки. Он опубликовал фундаментальный Курс торгового права, учебник гражданского права, ряд работ по вексельному праву, в том числе «История векселя» и «Вексельное право», исследования по криминалистике, полицейскому и таможенному праву. Кроме того, он был известным композитором и поэтом, автором опер «Бахчисарайский фонтан» и «Иоанн III и София Палеолог» и других. А. Ф. Федоров был награжден тремя орденами и медалью за государственную службу. Турецкое правительство наградило его орденом Османии II степени за оперу «Бахчисарайский фонтан»⁵²⁴.

В своей магистерской диссертации он проанализировал фабричное законодательство 14 государств, прежде всего Англии, Германии, Франции и Австро-Венгрии. Фабричному законода-

---

⁵²³ См.: Федоров А. Ф. О промысловом ученичестве вообще и договорах промыслового обучения в особенности. Одесса, 1892.

⁵²⁴ РГИА. Ф. 740. Оп. 25. Д. 191. Формулярный список А. Ф. Федорова.

тельству России со времен царя Алексея Михайловича посвящено почти 100 страниц исследования⁵²⁵. Автор выявил 9 действующих на 1884 г. нормативных правовых актов, регулирующих отношения между хозяевами фабрик и рабочими, и дал им развернутую характеристику. Более того, Федоров подробно рассмотрел проекты законов, подготовленных комиссиями по рабочему вопросу в 50–80-х гг. XIX в. Отметил он и некоторые курьезы в нормировании рабочего времени. Так, на некоторых промыслах рабочий день доходил и до 20 часов, но это было связано с обычаем «сумерничать», т. е. не работать в сумерках, при этом оставаясь на рабочем месте. Обычно в это время молодые рабочие беседовали с девушками на «засидках». Такая практика могла прекращаться по требованию женатых рабочих, что резко снижало и продолжительность рабочего дня, убирая из него культурный молодежный досуг в виде «засидок». Некоторое распространение получило и сезонное нормирование рабочего времени. Например, кирпичники работали от зари до зари, но не более 4 месяцев в году⁵²⁶.

Особого внимания достойны выводы молодого магистра полицейского права. Он предложил ограничить рабочий день взрослых работников примерно 8 часами, ориентируясь на опыт США. Беременные женщины и роженицы на некоторый период вообще не должны были допускаться к работе. Предлагалось создать специальные условия для труда женщин, а малолетних брать на работу только после медицинского освидетельствования и получения начального образования. При этом минимальный возраст, с которого разрешалось заключать договор личного найма, должен был быть повышен. Предлагалось ввести запрет на труд в выходные и праздничные дни, причем для женщин и детей не должно быть исключений из этого правила. Перечень исключительных случаев для мужчин предлагалось определить законодательно. Хозяева фабрик должны были отвечать за несчастные случаи с рабочими на основании самого наличия такого факта. Тяжесть доказывания беспечности или неосторожности рабочего возлагалась на хозяина. Федоров предложил дифференцировать рабочий день детей и

---

⁵²⁵ См.: Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. С. 306–402.

⁵²⁶ См.: Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. С. 313–317.

подростков с учетом их потребностей в обучении, а также законодательно определить санитарные требования к условиям работы и проживания при фабриках всех категорий рабочих. Все вышеназванные предложения, по мнению Федорова, должны были проводиться постепенно, но неуклонно, а надзор за соблюдением всего фабричного законодательства должна была осуществлять независимая правительственная инспекция. Все эти предложения по совершенствованию фабричного законодательства можно признать вполне реалистичными и прогрессивными. Они явились плодом анализа зарубежного фабричного законодательства, оценки российских правовых реалий и знания внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране. Часть из них вскоре была осуществлена, а часть так и осталась нереализованной.

Если говорить о докторской диссертации Федорова, то она была написана на базе обширного историко-правового и компаративного материала. Феномен промышленного ученичества был изучен начиная с древности и до конца XIX в. и охватывал по масштабам почти все страны Запада. А. Ф. Федоров определил, что по договору промышленного ученичества патрон обязуется учить профессии ученика, который, в свою очередь, обязуется работать на патрона на условиях и в течение времени, определенных договорившимися сторонами в установленных законом пределах. По его мнению, законодатель причислял ученический договор к договору личного найма⁵²⁷. Автор предлагал ввести специальную нормировку ученического договора, установить для него обязательную письменную форму и узаконить ученическую (рабочую) книжку, что отражало бы сложную правовую природу таких договоров. До внесения в нее записи о заключении договора его предлагалось считать незаключенным. Он считал, что профессиональное образование должно осуществляться не на производстве, а в специальных школах. В то же время осознавалась невозможность такого перенесения в силу экономических и социальных причин. Отсюда настоятельное требование «поставить регламентацию промышленного ученичества на началах более целесообразных»⁵²⁸.

---

⁵²⁷ См.: Федоров А. Ф. О промышленном ученичестве вообще и договоре промышленного обучения в особенности. С. 410.

⁵²⁸ Там же. С. 426–427. Приложение. С. I–IV.

Федоров четко разделял договор личного найма и договор об обучении, хотя и признавал наличие у них единой правовой базы и единого объекта – работы по договору. Он допускал возможность заключения ученического договора несовершеннолетними через их родителей (опекунов)⁵²⁹. Он выступил против бесправного положения учеников (по его терминологии, «малолетних рабов») и предлагал создать правовую базу для данного вида общественных отношений на сочетании императивных и диспозитивных норм, т. е. частных и публичных начал.

Он отмечал, что усложнение экономических отношений, коллективные действия союзов ремесленников, эрозия корпоративной замкнутости цехов привели к тому, что договоры об ученичестве становились все более частым явлением, особенно начиная с XVII в. Если использовать современную терминологию, то они включали в себя две части: собственно об ученичестве и о найме труда учеников. При этом плата за наемный труд последних часто была эквивалентна плате мастеру за обучение профессии. Эту изначально двуединую сущность договора ученичества А. Ф. Федоров отметил достаточно четко. Подчеркнем, что докторская диссертация, опубликованная затем в виде книги, была одним из наиболее глубоких исследований ученического договора не только в российской, но и мировой науке. В части анализа истории промыслового ученичества данная работа не утратила своего значения и в настоящее время. Еще одной важной работой по данной теме является монография А. А. Симолина (о нем ниже), который подчеркивал смешанный характер договора промыслового ученичества, совмещающего в себе условия об обучении и найме труда⁵³⁰.

Однако совершенно особое место среди первых исследователей правового регулирования труда занимает **Роман Александрович Дистерло** (1859–1919). Он родился 20 сентября 1859 г. в г. Орле в дворянской семье. Происходил из древнего баронского рода прибалтийских немцев, а его предки переселились в Курляндию еще в XVI в. По окончании в 1883 г. юридического факуль-

---

⁵²⁹ См.: Федоров А. В. О промысловом ученичестве вообще и договорах промыслового обучения в особенности. С. 412–418.

⁵³⁰ См.: Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. Казань, 1910.

тета Петербургского университета оставлен на кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию. Ученый в совершенстве знал новые европейские языки, был знатоком литературы и театра, писателем и литературным критиком⁵³¹. В 1886 г. Р. А. Дистерло поступил на службу в Министерство юстиции, в 1889–1890 гг. преподавал общее законоведение в Горном институте в Петербурге⁵³².

В 1886 г. Р. А. Дистерло (в возрасте 27 лет) подготовил, по сути, первую монографию по теории договора личного найма, которая была опубликована в четырех номерах «Журнала гражданского и уголовного права». Ее объем составил около 200 страниц⁵³³. Эта работа уникальна в силу следующих причин. Во-первых, в ней затронуты практически все основные вопросы теории трудового договора, которые остаются в центре внимания исследователей и в настоящее время. При этом догматический анализ сочетался с исследованием современного автору российско-го и зарубежного законодательства. Во-вторых, она написана почти современным юридическим языком, просто и ясно. Это выгодно отличает исследования Р. А. Дистерло от работ того времени. В-третьих, некоторые выводы исследователя и в настоящее время не утратили своей актуальности.

Это тем более замечательно, что российский ученый рассматривал достаточно частный вопрос о найме на сельскохозяйственные работы по закону и обычному праву России. Но этот случай он рассматривал как частное проявление найма труда, в связи с чем поставил перед собой две задачи: построить юридическую систему отношений, обнимающих все случаи по найму труда, и системно изложить юридические моменты в найме труда по действующему в России законодательству. Поразительно и то, что к 1886 г., когда была написана эта работа, специальные исследования по теме ограничивались статьями немца Х. Данквардта и фрагментарными суждениями ряда отечественных цивилистов, в том чис-

---

⁵³¹ См.: Дистерло Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. СПб., 1887.

⁵³² См.: Дистерло Р. А. Общее законоведение. СПб., 1891.

⁵³³ См.: Дистерло Р. А. О найме на сельскохозяйственные работы по закону и обычному праву России // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 3. С. 45–74; № 4. С. 1–50; № 5 С. 1–75; № 6. С. 111–143.

ле *Константина Дмитриевича Кавелина* (1818–1885), *Константина Петровича Победоносцева* (1827–1907), *Петра Алексеевича Маркова* (1841–1913)⁵³⁴ и др. Л. С. Таль в этот год только поступал на юридический факультет Московского университета, Г. Зинцгеймер еще учился в гимназии, а Ф. Лотмар и В. Эндеманн только начинали свою академическую карьеру. В этой связи не будет преувеличением назвать Р. А. Дистерло одним из пионеров трудовправовых исследований⁵³⁵.

В дальнейшем его деятельность связана с государственной службой. В 1892 г. он стал членом Рижского окружного суда, с 1894 г. – в Сенате. Наконец, в 1897 г. его назначают на должность юрисконсульта Министерства юстиции, но в тот же год он стал помощником статс-секретаря, в 1902–1912 гг. являлся статс-секретарем Государственного совета. В этом качестве он стал одним из персонажей знаменитой картины И. Е. Репина (совместно с художниками Б. М. Кустодиевым и И. С. Куликовым) «Торжественное заседание Государственного совета» (1903 г.). Кстати, организационными вопросами, связанными с подготовкой этого эпического полотна, также занимался Дистерло. В мае 1912 г. он становится сенатором I Департамента, одним из авторов реформирования Сената⁵³⁶ как высшей кассационной инстанции. В 1914 – мае 1917 гг. член Государственного совета. Одновременно в 1915–1917 гг. Р. А. Дистерло был членом Особого совещания по перевозкам. Тайный советник (светский генерал-лейтенант) с 1912 г., сенатор. Награжден 6 российскими орденами. С госслужбы был уволен 25 октября 1917 г. Умер 26 июня 1919 г.⁵³⁷

Вернемся к выводам российского ученого, не утратившим своего значения.

---

⁵³⁴ К. Д. Кавелин и К. П. Победоносцев являются известными учеными, а о последнем будет еще сказано ниже. П. А. Марков, напротив, не известен широкой публике. Это был выпускник Училища правоведения в столице (1860), карьера которого прошла на чиновничьих должностях.

⁵³⁵ См.: Лушников А. М. У истоков учения о трудовом договоре // Современные тенденции в развитии трудового права и права социального обеспечения: Сб. М., 2004. С. 317–324.

⁵³⁶ Дистерло Р. А. О преобразовании Сената. СПб., 1914.

⁵³⁷ См.: Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 259–260.

1. По своей природе труд неотделим от человека, его связь с человеческой личностью создает для него особое юридическое положение. Отсюда вытекает необходимость определения пределов власти над человеком. Эти пределы могут быть двух видов – частные, определяемые соглашением сторон, и публичные, определяемые государственной властью. При этом соглашения сторон не могут нарушать публичного веления⁵³⁸.

2. Главное отличие найма услуг от вещного найма – в предмете договора. По договору найма услуг в его качестве выступает процесс труда, живой труд, а при вещном найме – пользование вещью. По этому же критерию отличается личный найм от договоров подряда и заказа, предметами которых является желаемый результат труда, то есть чаще всего та же вещь. Труд же вещью не является. Р. А. Дистерло подчеркивал классическое, еще со времен Древнего Рима, различие договоров по найму работ и услуг между *locatio conductio operarum* и *locatio conductio operis*. Степень подчиненности работников в договорах первого вида была существенно больше. Отсюда была выведена следующая схема договора найма: 1) наем имущества; 2) наем труда. Последний распадается на: а) срочный наем труда или так называемый личный найм; б) наем на определенное предприятие, который делится на подряд и урочную работу или заказ. При этом договоры о труде могут содержать смешанные условия вышеназванных договоров⁵³⁹.

3. Договоры найма труда (договоры о труде) всегда договоры обоюдные и возмездные, где обязательными элементами являются обязанность работника (слуги) предоставить труд и встречная обязанность работодателя (хозяина) оплатить этот труд в заранее установленном размере. В связи с этим Р. А. Дистерло не согласился с Х. Данквардтом, относившим договор подряда к торговым поставкам. Все договоры личного найма через общий предмет договора создают отношения общего типа (труд фабричный, домашней прислуги, врача и др.). Следовательно, это юридически однородные договоры о труде, что не исключает их дифференциацию и особенности правового регулирования согласно Уставу фабричному, Прави-

---

⁵³⁸ См.: Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 3. С. 45–49; Кн. 5. С. 29–30, 38, 70 и др.

⁵³⁹ Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 3. С. 48; Кн. 4. С. 1–5; Кн. 6. С. 112.

лам о найме бурлаков, Временным правилам для найма сельскохозяйственных рабочих и др.⁵⁴⁰

4. Была предложена следующая структура предположений юридического отношения, то есть, по сути, структура трудового правоотношения⁵⁴¹:

а) субъекты (стороны) – рабочий (нанимающийся) и хозяин (наниматель). Данные субъекты должны иметь личную способность к вступлению в договор найма, иными словами, обладать правоспособностью и дееспособностью;

б) юридический факт, устанавливающий связь между лицом и правоотношением. Таковым является договор личного найма. Условия действительности договора относятся к: способу соглашения; его цели; его предмету, то есть самим условиям, на которые стороны соглашаются; форме, в которой соглашение выражается. Одним из условий действительности сделки признается дееспособность вступивших в нее лиц. Здесь можно усмотреть все четыре условия порочности сделки: по субъектам, форме, содержанию, воли;

в) содержание правоотношения, которое составляют права хозяина и обязанности работника, которым корреспондируют обязанности хозяина и права работника;

г) юридическая судьба правоотношения, т. е. его возникновение, изменение и прекращение.

Было выделено два вида работодателей: юридические и физические лица. Первые могли вступать в отношения найма в силу своего статуса. На дееспособность физических лиц-нанимателей влияет две группы свойств: естественные и социальные. Первые связаны с полом, возрастом, здоровьем (психическим состоянием), вторые – с подданством, сословной принадлежностью, местом жительства, семейным положением. Дееспособность рабочего связана с теми же свойствами, что и нанимателя – физического лица. При этом особо подчеркивалось, что в силу личного характера данного договора в нем в принципе не допускается перемена лиц, вследствие чего наниматель не может передать договор другому лицу, а работник обязан лично исполнять принятые обязательства.

---

⁵⁴⁰ Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 3. С. 49–55, 66–68.

⁵⁴¹ Там же. Кн. 4. С. 1–4, 8 и др.

Говоря об условиях действительности договора личного найма, Р. А. Дистерло подчеркивал следующее. Во-первых, по способу соглашения договор личного найма может быть только свободным соглашением сторон. Во-вторых, целью договора является представление результата исполненного договора, которое побудило лицо к вступлению в него, т. е. представление труда за определенное вознаграждение. В-третьих, предметом договора выступает круг работ, подлежащих исполнению, и плата за него. Отсутствие условий о размере оплаты не делает договор ничтожным. В этом случае данное условие замещает обычно принятый в данной местности размер оплаты за данный вид работ. В-четвертых, форма договора по действующему законодательству могла быть как устной, так и письменной. Последнюю могла заменить рабочая книжка, если в ней прописывались условия договора, подписанные сторонами⁵⁴².

По мнению Р. А. Дистерло, срок договора мог определяться тремя: конкретной датой, завершением выполнения определенного объема работы, наступлением определенного события. Начало работы определялось самими сторонами. Но если этот срок не был указан, то это мог быть момент заключения договора. Эти положения он выводил не только посредством теоретического толкования и анализа действующего законодательства, но из норм мусульманского и обычного права.

Р. А. Дистерло затронул и такую проблему, как нормирование труда, которое должно служить основанием для определения размера его оплаты. Это нормирование он связал с двумя критериями: экстенсивным, т. е. продолжительностью отработанного времени, и интенсивным, т. е. объемом выполненной работы за единицу времени. По его мнению, нормирование труда основано на комбинировании экстенсивных и интенсивных показателей⁵⁴³. Особо подчеркивалось, что работник не может отказаться от выполнения установленных по найму работ или законных требований хозяина, а последний не может требовать выполнения работ, не установленных в договоре найма. В данном случае речь идет об определенности и стабильности трудовой функции работни-

---

⁵⁴² Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 5. С. 1–17.

⁵⁴³ Там же. С. 31–34; Кн. 6. С. 112–113, 121–122 и др.

ка и запрете в одностороннем порядке изменять это условие трудового договора.

Основные обязанности работника он определял как три группы обязанностей: 1) явиться к назначенному сроку на работу; 2) прослужить у хозяина все установленное время; 3) непрерывно работать в течение определенного времени в пользу хозяина. При этом констатировалось, что ответственность за их неисполнение носит гражданско-правовой характер, но предпочтительнее, чтобы она сводилась только к расторжению трудового договора и возвращению взятых вперед денег. Денежные взыскания рекомендовалось осуществлять из заработка работника, хотя законодательство допускало даже арест и телесные наказания. Специально подчеркивался принцип ответственности работника только за виновные действия, тогда как невиновные нарушения (по болезни) могут вести только к возврату полученного, но не отработанного жалования. При этом за вред, причиненный работником при исполнении приказаний хозяина, отвечает сам хозяин⁵⁴⁴.

В качестве основных обязанностей работодателя выделялись: 1) принятие хозяином явившегося на работу; 2) доставление работнику работы и додержание его в течение всего срока найма; 3) вознаграждение работника условленной платой; 4) иные обязанности по отношению к лицу и имуществу рабочего (в том числе не нарушать права этого лица)⁵⁴⁵.

Определенное внимание в рассматриваемой работе уделено прекращению договора личного найма. Способы такого прекращения были классифицированы на следующие группы:

1) общие способы, когда обе стороны по необходимости или добровольно прекращают договор. Это так называемые правомерные способы, влекущие для сторон только одно обязательство — произвести взаимный расчет. Для их реализации необходимо наличие определенных условий, в числе которых выделены: исполнение оговоренной работы; истечение срока договора; наступление резолютивного условия, предусмотренного в самом договоре; если договор заключен на срок неопределенный, то желание любой из сторон с предупреждением другой стороны за две недели;

---

⁵⁴⁴ Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 5. С. 45–65; 70–75.

⁵⁴⁵ Там же. Кн. 6. С. 111–116, 130 и др.

по соглашению сторон; в случае смерти работника; в силу требований публичного права (призыв работника на военную службу, предание его суду и др.);

2) одностороннее прекращение договора личного найма, когда у одной из сторон есть право требования уничтожения договора. Такие случаи должны быть прямо предусмотрены в законодательстве. Они делятся на одностороннее прекращение по воле хозяина и по воле рабочего. По воле хозяина договор прекращается в следующих случаях: когда производство работ, на которые нанят рабочий, невозможно в силу чрезвычайных обстоятельств; нарушение работником своих обязанностей; смерть хозяина, если договор был распространен и на его наследников. Что касается расторжения договора по воле рабочего, то для этого были необходимы два обстоятельства: в случае правонарушений со стороны хозяина, когда не требовалось даже его предварительного уведомления; по обстоятельствам, не зависящим от работодателя, но с обязательным его предупреждением за две недели до увольнения (например, когда работнику по объективным причинам необходимо возвратиться домой или при выходе работницы замуж). В последних случаях работник не лишался права на вознаграждение за отработанное время.

Более радикальную позицию занимал **Александр Николаевич Миклашевский** (1864–1911), политический деятель, экономист, публицист. Он родился 8 декабря 1864 г., выходец из дворян Черниговской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета в 1888 г. со степенью кандидата права, ученик И. И. Янжула. Затем был направлен в зарубежную научную командировку (Великобритания, Германия, Италия). С 1894 г. преподаватель, с 1895 г. приват-доцент Московского университета, в том же году защитил магистерскую диссертацию по политической экономии, специалист по денежному обращению. С 1896 г. профессор Юрьевского университета. Служил в Министерстве финансов, участник подготовки денежной реформы 1897 г. В период революции 1905–1907 гг. обратился к социальной тематике. Он полагал, что для разрешения любого социального конфликта мирным путем необходимо учитывать интересы сторон социальных отношений, а превалирование мнения только одной из них неизбежно ведет к насилию. По его мнению, участие рабочих в

управлении производством должно было быть существенно расширено. «Старый владельческий класс» через правовые механизмы должен был мирно уступить место «нарастающей рабочей демократии». Построение рациональной социальной политики он не видел без учета этических начал и принципа справедливости. А. Н. Миклашевский последовательно рассмотрел все возможные в то время способы «защиты интересов труда» как на Западе, так и в России. При этом основное внимание обращалось не столько на локауты и стачки, необходимость которых не отрицалась, сколько на государственное посредничество в промышленных (трудовых) спорах. Он был сторонником расширения государственного вмешательства в отношения работников и работодателей⁵⁴⁶.

В его работах можно выделить отдельные элементы модели социального партнерства между государством, работниками и работодателями. Он последовательно проанализировал существующие для разрешения трудовых споров системы простого посредничества, частных добровольных соглашений и системы арбитража (добровольного и принудительного). Последний из названных, созданный на паритетных началах работниками и работодателями при активном участии государства, представлялся ему наиболее приемлемым. К тому же роль государства должна была сводиться не только к принятию актов фабричного законодательства и контролю за их исполнением, но и к участию в развитии промышленного самоуправления и воспитанию нравственного сознания всех участников трудовых отношений.

Основное внимание в работах Миклашевского концентрируется на экономической составляющей трудовых отношений. Он справедливо полагал, что производство не может быть рассмотрено в отрыве от проблемы распределения, а фактор заработной платы является во многом определяющим для достижения высо-

---

⁵⁴⁶ См.: Миклашевский А. Н. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. Юрьев, 1907. С. 56–118; Его же. Политика труда и идеалы распределительной справедливости. СПб., 1905; Его же. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии. СПб., 1896; Его же. Рабочий вопрос и социальное страхование Германии // Сборник правопедания и общественных знаний. Т. 3. СПб., 1894. С. 65–124; Его же. Стачки и социальный вопрос. СПб., 1905.

ких производственных показателей⁵⁴⁷. Также этот фактор должен быть определяющим в дефиниции трудового договора. В этой части он дискутировал с Л. С. Талем, который, по мнению Миклашевского, не указывал на экономическую зависимость работника, вытекающую из трудового (рабочего) договора. Определение «рабочий», обоснованное Миклашевским, было прежде всего связано с экономической (распределительной) составляющей трудовых отношений. Он писал: «Рабочий – всякое лицо, которое совершает те или иные действия или услуги для получения дохода, не превышающего определенного, приблизительно указанного законом, размера в данной отрасли применения труда, причем предполагается доказанным, что этот нормальный доход получается именно благодаря затратам труда. Таким образом, понятие рабочего дохода должно совпадать с понятием трудового дохода»⁵⁴⁸. Миклашевский отмечал, что «заработная плата, получаемая каждым средним рабочим в виде денег, должна быть достаточна для того, чтобы он, покупая на нее средства существования, прожил известное число лет и дал себе на смену нового работника – своего сына»⁵⁴⁹. Таким образом, речь велась о минимальной заработной плате, которая не должна быть ниже прожиточного минимума работника. Он считал участие рабочих в прибылях производства одним из способов выдачи заработной платы, который встречается в России крайне редко и называл в качестве прибавки к заработку вклады некоторых предприятий в разные кассы фабричной филантропии⁵⁵⁰.

Определенное место среди этих исследователей правового регулирования трудовых отношений занимает **Семен Осипович Загорский** (1882–1930). Достаточно сказать, что в силу своего служебного положения он координировал всю законотворческую деятельность Министерства труда Временного правительства. Он получил высшее юридическое образование и сдал

---

⁵⁴⁷ См.: Миклашевский А. Н. Повышение и регулирование заработной платы. СПб., 1893.

⁵⁴⁸ Миклашевский А. Н. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. С. 69.

⁵⁴⁹ Миклашевский А. Н. Анализ понятия заработной платы. Оттиск из «Экономического журнала». 1891. № 6/7. СПб., 1891. С. 4.

⁵⁵⁰ Там же. С. 18.

магистерские экзамены на юридическом факультете Московского университета (1909 г.). Затем он стал приват-доцентом юридического факультета Петербургского университета, с 1914 г. преподавал на Высших коммерческих курсах в столице. По своей идейной позиции Загорский был близок к программе кадетской партии, выступал за проведение контролируемых социальных и политических реформ, легализацию коллективных действий работников⁵⁵¹. Учения К. Маркса не разделял, но относился к нему умеренно критически⁵⁵². Февральскую революцию приветствовал и уже в марте 1917 г. был назначен помощником управляющего отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного правительства. Это управление возглавлял в то время известный экономист, профессор М. В. Бернацкий (1876–1945). Загорский с марта 1917 г. также включается в Особую комиссию при отделе труда, занимающуюся разработкой законодательства о примирительных учреждениях. Кроме того, он являлся автором законопроекта о профессиональных обществах, одним из соавторов Положения о комитете труда как совещательном органе, созданном впоследствии при Министерстве труда⁵⁵³. В своей научной и практической деятельности он ориентировался как на зарубежный опыт, так и на наработки отечественных ученых. С образованием Министерства труда в мае 1917 г. возглавил его юридическую службу, активно сотрудничал с первым министром меньшевиком М. И. Скобелевым (1885–1938). Не без влияния Загорского новый министр занял вполне умеренную позицию по вопросу правового регулирования трудовых отношений. Она строилась на признании необходимости государственного вмешательства в эти отношения при отрицании возможности рабочего контроля над производством. Загорский однозначно выступил против самочинных действий рабочих, которые еще более способство-

---

⁵⁵¹ См.: Загорский С. О. Синдикаты и положение рабочих // Коммерческая школа и жизнь. 1913–1914. № 2. С. 24–25 и др.

⁵⁵² См.: Загорский С. О. Карл Маркс, классики и кризис исторической школы в Германии. М., 1909.

⁵⁵³ РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4, 44–79.

вали дезорганизации производства и еще больше ухудшали их положение⁵⁵⁴.

Циркулярами министерства от 22 и 28 августа 1917 г. были ограничены контрольные права фабрично-заводских комитетов в отношении производства и запрещена деятельность этих комитетов в рабочее время. Загорский принимал участие в разработке практически всех социальных законопроектов Временного правительства: о страховании рабочих, о биржах труда, о помощи безработным, о 8-часовом рабочем дне, о договоре личного найма, об охране труда женщин и детей и др. У него сложились в целом конструктивные отношения и с товарищем министра труда с мая 1917 г., а затем последним министром труда (сентябрь – октябрь 1917 г.) меньшевиком К. А. Гвоздевым (1882 – после 1956). Загорский оставался последовательным сторонником законодательного решения рабочего вопроса и выступал за создание Кодекса труда⁵⁵⁵. Более того, юридическая служба под его руководством предпринимала конкретные шаги по систематизации всего массива трудовправовых нормативных актов. 21 октября 1917 г. он председательствовал на последнем заседании Особого комитета Министерства труда и даже назначил следующее заседание через неделю. Оно по известным причинам не состоялось.

Октябрьскую революцию Загорский не принял, был последовательным противником сепаратного мира с Германией⁵⁵⁶. После 1918 г. ученый эмигрировал. Он преподавал в русских вузах Праги и Парижа, по-прежнему интересовался проблемами рабочего законодательства России⁵⁵⁷. Однако его книга о рабочем вопросе в России была написана по вторичным источникам с явным преобладанием публицистики над научным началом. Подчеркнем, что Семен Осипович представлял собой довольно редкий в России тип ученого-практика, попытавшегося

---

⁵⁵⁴ См.: Загорский С. О. В интересах ли рабочего класса захват фабрик и заводов. Пг., 1917.

⁵⁵⁵ См.: Загорский С. О. Право торговых служащих. Пг., 1917. С. 3.

⁵⁵⁶ См.: Загорский С. О. Мир за счет России // Современный мир. 1918. № 1. С. 226–237; Его же. Чем грозит России германский мир // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. № 1. С. 17–53 и др.

⁵⁵⁷ См.: Загорский С. О. Рабочий вопрос в Советской России. Прага, 1925.

на государственной службе воплотить свои идеи в жизнь. И не его вина, что в условиях нарастающего революционного хаоса, когда здравомыслие было синонимом консерватизма, его усилия по формированию нового фабричного законодательства не увенчались успехом.

2.2. Л. С. Таль – основатель российской школы трудового права

Так постепенно вызревали идейные основы нового научного направления, однако подлинная история российской школы трудового права началась с творчества **Льва Семеновича Таля** (1867–1933). В настоящее время уже общепризнанно, что Л. С. Таль является отцом-основателем отечественной науки трудового права, первым российским ученым-трудовиком. Более того, его можно считать основателем трех ведущих российских школ трудового права – московской, Санкт-Петербургской и Ярославской, о чем будет сказано ниже. Его перу принадлежат первые диссертационные и монографические исследования, посвященные проблемам правового регулирования трудовых отношений, а также один из первых учебников по промышленному (трудоному) праву. Он первым разработал основные проблемы общей части трудового права, заложил основы его догматики. Практически все отечественные исследователи первой четверти XX в. опирались на его научное наследие – либо через его признание и интерпретацию, либо через отрицание и оппонирование. В советский период труды Л. С. Таля были труднодоступны, подвергались огульной критике, а само его имя как «буржуазного теоретика» замалчивалось. Но даже в это время лучшие отечественные ученые-трудовики развивали научные наработки и концепции Л. С. Таля.

Советские концепции трудового договора и работодательской власти основывались на учении Л. С. Таля. Утвердившиеся в советской науке признаки трудового правоотношения также восходили к его трудам. Л. Я. Гинцбург еще в 1977 г. писал о том, что работа Л. С. Таля «Трудовой договор»⁵⁵⁸ по широте охвата темы и тонкости юридического анализа стояла на уровне самых вы-

---

⁵⁵⁸ См.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1. Общее учение. Ярославль, 1913; Ч. 2. Внутренний правопоря-

дающихся произведений буржуазной науки XX века. Он отмечал большую роль научного наследия Л. С. Таля в развитии советской науки трудового права 1920-х гг. Л. Я. Гинцбург называл Л. С. Талья, наряду с немцами Ф. Лотмаром, В. Эндеманном, французами М. Капитаном, П. Пиком, буржуазными юристами, констатировавшими появление трудовых правоотношений и зарождение новой отрасли – трудового права⁵⁵⁹.

В настоящее время имеется уже относительно обширная литература, где анализируются труды Л. С. Таля, а также затрагивается его биография⁵⁶⁰. Российские ученые-трудовики дают научному наследию своего научного предшественника самую высокую оценку. Показательно в этом плане мнение И. Я. Киселева: «Труды Л. С. Таля отличаются научной глубиной и основательностью, широким привлечением зарубежного нормативного и теоретического материала. Автор виртуозно владеет сравнительно-правовым и историко-правовым методами исследования. Поражает его научная эрудиция, знание истории, теории, философии права, правовой догмы, емкость и четкость мыслей, дар научного предвидения. На наш взгляд, работы Л. С. Таля во многом не устарели и могут сослужить хорошую службу, как в развитии нашего трудового законодательства, так и в разработке теоретиче-

---

док хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918. (Эти работы были переизданы одной книгой в 2006 г.)

⁵⁵⁹ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 11, 172–173.

⁵⁶⁰ См.: Гундарин О. Т. Основоположник отечественной науки трудового права Лев Семенович Таль: Жизненный путь и научная биография // Российское трудовое право на рубеже тысячелетий. Ч. 1. СПб., 2001. С. 17–33; Киселев И. Я. Трудовое право России: Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 80–96; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 27–31, 146–147; Лушников А. М., Лушникова М. В. Лев Семенович Таль. Жизнь и творчество (1867–1933) // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. С. 7–23; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 424–430; Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001 С. 87–90, 108–109 и др.

ских проблем российского трудового права на пути к рынку»⁵⁶¹. Все это дает основание некоторым ученым говорить о существовании «талеведения»⁵⁶².

Очевидно, что перипетии жизненного пути Л. С. Таля тесно связаны с его научной биографией и должны рассматриваться во взаимосвязи. Лев Семенович Таль родился 22 марта 1867 г. (по другим данным 1866 г.) в г. Митава Курляндской губернии в купеческой семье. Первоначально он был наречен Луи (по другим данным Луи-Людвиком)⁵⁶³. Впоследствии он перешел из иудейского в евангелическо-лютеранское исповедание и принял имя Лев. После окончания гимназии в 1886 г. Таль поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом первой степени, дававшим право на получение десятого классного чина (1890 г.). Вероятно, уже тогда определился его научный интерес в сфере гражданского права. Среди его университетских преподавателей были видные цивилисты Н. И. Боголепов, Ю. С. Гамбаров, Н. О. Нерсесов, экономисты А. И. Чупров и И. И. Янжул, историк П. Г. Виноградов. Посещал он и лекции мэтра отечественной исторической науки В. О. Ключевского. Отсюда берет истоки фундаментальная подготовка по гуманитарным дисциплинам и фактически профессиональное знание истории.

В 1890–1893 гг. Таль служил в судебных органах, сначала кандидатом на судебную должность при Московском окружном суде, с января 1892 г. – исполняющим дела, а затем помощником секретаря третьего стола первого Уголовного отделения Московского окружного суда. В январе 1893 г. Таль по прошению переводится столоначальником Московского Сиротского суда. В 1893 г. он утверждается в чине коллежского секретаря. В августе 1893 г. Таль увольняется с государственной службы «по домашним обстоятельствам». Вполне возможно, что государственная служба тяготила его, а недостаток времени не позволял активно заниматься научными исследованиями. В 1893 г. он выезжает за границу с

---

⁵⁶¹ Киселев И. Я. Указ. соч. С. 80 (прим).

⁵⁶² См.: Гундарин О. Т. Лев Семенович Таль: жизнь и судьба российского правоведа // Правоведение. 2005. № 5. С. 218.

⁵⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 483. Л. 12. В документах дважды, в том числе в формулярном списке, указывается, что он родился в 1867 г. и один – что в 1866 г.

целью посещения лекций в Бонне и Мюнхене. В Боннском университете в то время читал лекции профессор В. Эндеманн, один из первых ученых-трудовиков, который, наравне с профессором Базельского университета Ф. Лотмаром, оказал на него наибольшее влияние. Впоследствии Л. С. Таль неоднократно выезжал в зарубежные научные командировки. Он в совершенстве знал немецкий, хорошо владел французским, несколько хуже английским языками. Большая трудоспособность, знание языков, частые и длительные поездки за рубеж, активное общение с иностранными коллегами сделали его знатоком западной научной литературы и законодательства, особенно Германии и Австро-Венгрии. В 1895–1905 гг. он служит присяжным поверенным в Риге. По мнению его друга В. Б. Ельяшевича, жизненные обстоятельства заставили его заниматься адвокатурой, и он стал одним из лучших адвокатов Риги. Это позволило иметь достаточно средств, чтобы вернуться к любимому занятию наукой и преподаванием⁵⁶⁴. В 1901 г. вышла его первая научная публикация⁵⁶⁵. В 1905 г. (по другим данным в 1906 г.) он сдает магистерский экзамен по гражданскому праву в Юрьевском университете, защищает диссертацию на тему «Ипотечная отметка». Позднее, по неизвестным нам причинам, документы, подтверждающие защиту, так и не были получены. Впрочем, в 1906 г. диссертация в формате книги была опубликована, а также вышла научная статья. Столь поздний переход на преподавательскую работу обусловлен как обстоятельствами личного характера, так и вопросом с вероисповеданием. По утверждению Таля, в 1906 г. он был допущен к чтению лекций в Юрьевском университете, но документально это не было подтверждено. Начало педагогической карьеры Льва Семеновича трудно назвать удачным, тем более что столь поздняя защита магистерской диссертации (в возрасте почти 40 лет) была для российского ученого мира относительной редкостью. Примечательно, что в том же году и в том же университете началась педагогическая деятельность еще одного бывшего присяжного поверенного, впоследствии известного цивилиста В. И. Синайского. Ма-

---

⁵⁶⁴ Ельяшевич В. В. Профессор Л. С. Таль (некролог) // Последние новости (Париж). 1933. 14 июня.

⁵⁶⁵ См.: Таль Л. С. Судоходство и сплав по Прибалтийским рекам // Право. 1901. № 9. С. 478–484.

гистерскую диссертацию он защитил год спустя, но был моложе Таля на 9 лет. Е. В. Васьковский, будучи старше Таля всего на один год, в 1906 г. уже являлся первым проректором Новороссийского университета и профессором гражданского права с всероссийской известностью.

С осени 1906 г. начинается преподавательская деятельность Льва Семеновича в качестве приват-доцента кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета, где его коллегами были такие выдающиеся цивилисты, как Д. Д. Grimm, М. Я. Пергамент, И. А. Покровский, А. И. Каминка. Таль первым в стране стал читать спецкурс «Договоры о труде» (с 1907 г.), а руководимый им студенческий кружок гражданского права (с 1908 г.) также занимался преимущественно изучением проблем правового регулирования трудовых отношений. Через этот кружок прошли известные впоследствии ученые-трудовики И. С. Войтинский, В. М. Догадов и К. М. Варшавский, которых можно назвать первыми учениками Л. С. Таля. Одновременно он читал лекции на Высших женских курсах Раева, в Институте высших коммерческих знаний, вел занятия на Бестужевских высших женских курсах по торговому и гражданскому праву. В 1909 г. Л. С. Таль избирается действительным членом Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Большой объем работы по совместительству был связан не только с исключительной работоспособностью ученого. К этому его толкало также отсутствие полной нагрузки в университете и потребность в средствах на содержание семьи. Еще будучи присяжным поверенным, Л. С. Таль вступил в брак с вдовой Е. Л. Изерман. Двух ее детей от первого брака он усыновил в 1899 г.

Революция 1905–1907 гг. вовлекла в орбиту общественно-политической жизни многих российских юристов. Л. С. Таль не стал исключением. Его симпатии были на стороне партии кадетов, в периодических изданиях которой он публиковал свои статьи. Такой выбор был естественным, т. к. эту партию в шутку, но не без основания называли «партией профессоров» и даже «партией юристов». В числе ее лидеров были такие авторитетные правоведы, как М. М. Винавер, И. В. Гессен, С. А. Котляревский, С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, Г. Ф. Шершеневич и др. В «рабочем вопросе» требования партийной программы также были близки Л. С. Талю: вве-

дение 8-часового рабочего дня, обязательное страхование рабочих «с отнесением издержек за счет предпринимателей», предоставление свободы союзов, стачек, собраний. Это была программа «законодательного решения рабочего вопроса». Разработанный Л. С. Талем проект закона о рабочем договоре был частью пакета законопроектов, внесенных кадетами в Первую Государственную Думу (1906 г.). Симпатии к кадетам Л. С. Таль сохранил и в дальнейшем, хотя о его членстве в этой партии достоверно неизвестно. Политика не обошла стороной и семью ученого. Его приемная дочь, слушательница Бестужевских высших женских курсов, Елизавета Львовна Таль (1893–1987) в декабре 1910 г. участвовала в стычке с полицией во время разгона несанкционированной сходки. Впрочем, на карьере ее отца это никак не отразилось.

С 1907 г. основным предметом его научных исследований стало правовое регулирование трудовых отношений, а именно: трудовой договор, работодательская власть и ее пределы, коллективные (тарифные) соглашения⁵⁶⁶. К этому времени он имел обширный опыт судебного чиновника и присяжного поверенного, являлся авторитетным и уважаемым специалистом по гражданскому и торговому праву. К тому же, как уже указывалось, Л. С. Таль хорошо знал западное законодательство и юридическую литературу. Будучи достаточно честолюбивым человеком, он упорно искал свою нишу в науке и нашел ее. Его интерес к спорным теоретическим положениям, правовым пробелам и коллизиям вывел его на правовое регулирование трудовых отношений. Эта проблема в то время была «поделена» между специалистами по гражданскому и административному праву. Надо было обладать большим талантом и упорством, чтобы из разнородного и разноотраслевого массива литературы и законодательства создать целостную теоретическую конструкцию. Это было под силу только неординарно мыслящему ученому, ви-

⁵⁶⁶ См.: Таль Л. С. Законопроект о найме торговых служащих // Право. 1907. № 1. С. 6–15; Его же. Французский проект закона о рабочем договоре // Русская мысль. 1907. Кн. IV. С. 72–98; Его же. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485–1500; Его же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Право. 1908. № 33. С. 1770–1778; № 34 С1829–1835; Его же. Тарифный (коллективный договор) как институт гражданского права. СПб., 1909; Его же. Новый австрийский закон о найме торговых и других служащих // Право. 1910. № 16. С. 996–1006 и др.

девшему феномен трудовых отношений в историческом и компаративном ключе. Именно таким ученым и был Л. С. Таль.

Летом 1912 г. он переходит на работу в ярославский Демидовский юридический лицей на должность приват-доцента кафедры гражданского права. В то время лицей являлся одним из ведущих высших учебных заведений правового профиля. Этот переход был связан и с потребностью ученого в карьерном росте, который в столице был затруднен. К тому же по инициативе министра народного просвещения Л. А. Кассо 19 февраля 1912 г. был принят циркуляр, запретивший приват-доцентам чтение параллельных с профессорами курсов. На юридическом факультете Санкт-Петербургского университета было закрыто 4 таких курса. Это существенно понизило статус приват-доцентов и затруднило формирование их педагогической нагрузки. В Демидовском лицее Таль вел занятия по гражданскому и торговому праву, по курсу институций римского права, а также по гражданскому процессу (последние – совместно с Т. М. Яблочковым), причем ему было разрешено вести лекционный курс торгового права и читать лекции по гражданскому праву. Еще до перехода в лицей он имел тесные связи с ярославскими учеными, был членом редколлегий «Юридических записок Демидовского юридического лицея» и издаваемого лицеем журнала «Юридическая библиография» (поместил на его страницах около десятка содержательных рецензий). Впоследствии Таль стал соредактором «Юридических записок Демидовского юридического лицея» совместно с Б. А. Кистяковским, А. Р. Свирщевским и В. Н. Ширяевым. Кроме того, Лев Семенович был членом постоянной ревизионной библиотечной комиссии и профессорского дисциплинарного суда. Научная и педагогическая деятельность Л. С. Таля активизировала в лицее интерес к трудовправовой проблематике. Различными ее аспектами занимались такие известные ярославские цивилисты, как С. Е. Сабинин, Б. В. Чредин, специалисты по уголовному праву Н. Н. Полянский, В. Н. Ширяев, о чем будет сказано ниже. Отметим, что С. Е. Сабинин к этому времени уже проявлял активный исследовательский интерес к правовой природе тарифного (коллективного) договора⁵⁶⁷.

---

⁵⁶⁷ Сабинин С. Е. К вопросу о юридическом значении так называемых тарифных договоров // Юридические записки Демидовского юридического лицея. 1910. Вып. 1. С. 482–496.

Деловая атмосфера и общность научных интересов с коллегами стимулировали дальнейший научный поиск Л. С. Таля. Особенно близко ученый сошелся со специалистом по римскому праву доцентом Б. Н. Фрезе. Еще раз подчеркнем, что свои основные труды Л. С. Таль подготовил и опубликовал во время работы в Ярославле. 21 ноября 1913 г. в Харьковском университете он, по сути, повторно (после 1905 г.) защищает магистерскую диссертацию на тему «Трудовой договор. Общее учение», текст которой издается в виде монографии в Ярославле в том же году. Эта работа получила широкий научный резонанс. Первым оппонентом на защите диссертации выступил доктор гражданского права, профессор Харьковского университета *Владимир Михайлович Гордон* (в прошлом профессор Демидовского юридического лица), а вторым оппонентом – магистр гражданского права, профессор Харьковского университета *Борис Васильевич Попов* (1875 – после 1930). Это был один из ведущих отечественных специалистов по гражданскому процессу. В качестве неофициального оппонента выступил приват-доцент Харьковского университета В. И. Сливичкий. Все выступления были достаточно критичными, но ученый совет присвоил Талю магистерскую степень единогласно, что было встречено дружными и продолжительными аплодисментами всех присутствующих на защите⁵⁶⁸.

Наиболее детальный разбор данной монографии провел профессор В. М. Гордон⁵⁶⁹. Первоначально это была рецензия на магистерскую диссертацию Л. С. Таля, защищенную по известной монографии. Эту рецензию также можно считать исследованием по трудовому праву, о чем будет сказано далее. Свою достаточно критическую рецензию опубликовал и второй оппонент Б. В. Попов⁵⁷⁰. Откликнулся на защиту диссертации своего коллеги и профессор Демидовского юридического лица Т. М. Яблочков⁵⁷¹.

---

⁵⁶⁸ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 49. С. 2370–2376. Речь Таля перед диспутом опубликована там же (С. 2315–2321).

⁵⁶⁹ См.: Гордон В. М. К учению о трудовых договорах (литературное обозрение). СПб., 1914.

⁵⁷⁰ См.: Попов Б. В. Рец. на кн.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1 // Русское богатство. 1913. № 11. С. 414–418.

⁵⁷¹ См.: Яблочков Т. М. Трудовой договор (по поводу диссертации Л. С. Таля) // Вестник права и нотариата. 1913. № 35.

Вполне благожелательную рецензию на монографию Льва Семеновича дал известный цивилист профессор В. И. Синайский⁵⁷², о чем речь пойдет несколько ниже. Вероятно, данное исследование Льва Семеновича стало одним из самых резонансных в юридической науке.

В марте 1914 г. Л. С. Таль назначается исправляющим должность профессора Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права. Летом того же года он покидает лицей и становится сверхштатным ординарным профессором Московского коммерческого института, директором которого долгие годы был юрист и философ П. И. Новгородцев, где читает курс торгового права. Его новыми коллегами стали Д. М. Генкин, И. А. Покровский и ряд других исследователей, живо интересовавшихся проблемами социального законодательства. Но на этом связь Льва Семеновича с Ярославлем не прервалась. Помимо личных контактов, он продолжал участвовать в подготовке лицейских периодических изданий, а вторая часть его монографии «Трудовой договор» так же, как и первая⁵⁷³, была издана в Ярославле. В тот период его авторитет как ведущего специалиста в сфере рабочего (трудового) права был общепризнан, а невозможность отделения рабочей силы от личности работника признавалась большинством цивилистов⁵⁷⁴. В октябре 1915 г. Л. С. Таль снова переводится экстраординарным профессором в Демидовский юридический лицей, где и до этого продолжал преподавать по совместительству⁵⁷⁵. Таким образом, Льву Семеновичу было официально разрешено совмещать работу в мо-

---

⁵⁷² См.: Синайский В. И. Рец. на кн.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Общие учения // Юридическая библиография. 1913–1914. № 3. С. 112–114.

⁵⁷³ См.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. 1, 2. Ярославль, 1913–1918.

⁵⁷⁴ См.: Мезенкамп Н. М. Иски о вознаграждении за личный вред, понесенный вследствие неблагоприятных условий труда // Вестник гражданского права. 1914. № 6. С. 38–39.

⁵⁷⁵ Биографические данные Л. С. Таля на период до 1915 г. приведены по: РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 483. Л. 12; Ф. 470. Оп. 17. Д. 33. Л. 1–2. В этих делах имеются его краткие биографические справки. Они частично не совпадают с данными формулярных списков: РГИА. Ф. 740. Оп. 17. Д. 33. Л. 14–17; 49–56. Даже в этих списках есть взаимные расхо-

сковском и ярославском вузах. Именно на ярославский период (середина 1912 – конец 1917 гг.) приходится расцвет творчества ученого⁵⁷⁶. В своей работе «Очерки промышленного права»⁵⁷⁷ он дал законченную разработку промышленного рабочего (трудового) договора и связанной с ним широкой проблемы о правовой организации промышленного предприятия. Эту публикацию очень высоко оценили А. Н. Быков⁵⁷⁸ и И. С. Войтинский⁵⁷⁹.

По некоторым данным, в 1916/17 учебном году Таль предпринял попытку прочитать курс «Промышленное право» в Московском университете⁵⁸⁰. В его рамках должны были освещаться и проблемы рабочего (трудового) договора. Эта попытка не увенчалась успехом. Вместе с тем аналогичный курс читался в Московском коммерческом институте и ряде технических вузов.

После Февральской революции 1917 г. в судьбе Л. С. Таля происходят существенные изменения. В мае 1917 г. он назначается сенатором IV Департамента (гражданский кассационный департамент) Правительствующего Сената (оставаясь экстраординарным профес-

---

суждения. Выше нами приведены факты биографии, подтвержденные несколькими источниками.

⁵⁷⁶ Таль Л. С. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лица. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386–435; Его же. Наем труда свободных лиц в Римском праве // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 2. С. 209–256; Его же. Пути и цели реформы законодательства о найме труда. М., 1912; Его же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Право. 1913. № 49. С. 2315–2321; Его же. Очередные вопросы в области гражданского права (литературное обозрение). Б. м., 1913; Его же. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103–140; Его же. Торговый агент и агентурный договор как правовые типы. М., 1914; Его же. Юридическая природа организации внутреннего порядка предприятия. М., 1915; Его же. Автономное правотворчество в частном праве. М., 1916 и др.

⁵⁷⁷ Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916.

⁵⁷⁸ См. рецензию А. Н. Быкова: Русский мир. 1916. Дек. С. 6–7.

⁵⁷⁹ См. рецензию И. С. Войтинского: Юридическая библиография. 1917. № 1–2. С. 14–16.

⁵⁸⁰ См.: Киселев Я. Л. Краткий очерк развития советского трудового права на юридическом факультете Московского университета // Ученые записки МГУ. Вып. 180. Труды юридического факультета. Кн. 8. М., 1956. С. 145.

сором Демидовского юридического лицезя) и переезжает в Петроград. В этот период сенаторами стала целая группа университетских профессоров (Л. И. Петражицкий, Ю. С. Гамбаров, М. П. Чубинский и др.), что, впрочем, существенно не отразилось на работе Сената. При этом Таль продолжает преподавательскую деятельность и в сентябре того же года занимает должность приват-доцента юридического факультета Петроградского университета. Он также вел занятия в Лицее в память цесаревича Николая и на Высших женских юридических и историко-филологических курсах. Как известный ученый, он включается в Особую комиссию по выработке закона о договоре найма труда, образованную при Отделе законодательных предложений Временного Правительства. С разной степенью активности он участвовал в разработке и других законопроектов о труде, в частности, о забастовках, о коллективных договорах. Кроме того, он принимал участие в организации Всероссийского союза юристов, учредительное собрание которого прошло 30 апреля 1917 г.

В советский период служебная карьера Л. С. Таля сделала еще один крутой поворот. Ликвидация Сената положила конец его государственной службе, но преподавание он продолжил. 26 мая 1918 г. в Петрограде он защитил докторскую диссертацию на тему «Трудовой договор», которая, как уже указывалось, была издана в виде монографии в том же году в Ярославле. Наряду с учебным пособием по промышленному рабочему праву⁵⁸¹, эта была его последняя публикация в России, посвященная трудовому праву проблематике. Официальными оппонентами на защите диссертации выступили известные петроградские профессора М. Я. Пергамент (1866–1932) и А. Э. Нольде.

Новую власть Л. С. Таль не принял, хотя и никакого участия в антибольшевистском движении, вероятно, не принимал. Его взгляды на трудовое право никак нельзя назвать просоветскими, что закрывало ему путь к преподаванию этой дисциплины. В начале 1919 г. он получает назначение на работу заведующим Музеем труда народного комиссариата труда. Вероятно, почти одновременно он был принят на должность профессора в 1-й МГУ. Достоверно установлено, что в 1919 г. он был членом университетской комиссии, созданной для содействия организа-

---

⁵⁸¹ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.

ции университета в Минске⁵⁸². По учебному плану факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ за октябрь 1920 г. профессор Л. С. Таль должен был вести курсы «Рабочее право» и «Частное право коллективов». Под последним имелось в виду, вероятно, коллективно-договорное регулирование трудовых отношений. По достоверным данным, в 1921/22 учебном году ему разрешили читать курс трудового права на факультете общественных наук МГУ, но по идеологическим и организационным причинам (частые командировки) курс так и не был дочитан. Возобновил его чтение уже ученик Л. С. Таля И. С. Войтинский. Таким образом, Таля можно назвать пионером в чтении трудов трудовых дисциплин в советских вузах. Это первенство с ним вправе разделить его бывшие коллеги по лицу Б. В. Чредин и Н. Н. Голубев (Ярославский университет)⁵⁸³, о чем мы еще скажем. Отметим, что академическую карьеру выбрала и приемная дочь ученого Е. Л. Таль, о которой уже упоминалось выше. В 1920-е гг. она стала ординатором-хирургом клиники госпитальной хирургии 2-го МГУ, затем защитила кандидатскую диссертацию. В дальнейшем она работала в больнице С. П. Боткина.

В начале 1920-х гг. Л. С. Таль занимался преимущественно гражданско-правовой проблематикой. В частности, он являлся сторонником структурного обособления хозяйственного права в условиях войны или централизованного управления экономикой. При этом он предупреждал, что «...коллективное хозяйство не может быть построено на отрицании свободы общественного самоопределения»⁵⁸⁴. В этот период Льва Семеновича избирают действительным членом научной секции хозяйственно-трудового права Института советского права. Тогда же он продолжал читать курс гражданского права в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а в 1924 г. становится профессором факультета общественных наук 1-го МГУ. Последняя его прижизненная публикация в России была помещена в сборнике статей правового факультета Киевского института народного хозяйства, посвящен-

---

⁵⁸² См.: Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755–1952. М., 2004. С. 285.

⁵⁸³ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 117, 134, 135, и др.

⁵⁸⁴ Таль Л. С. Понятие и сущность хозяйственного права // Право и жизнь. 1924. Кн. 9. С. 26.

ном памяти его оппонента по магистерской диссертации профессора В. М. Гордона (Киев, 1927). В 1925–1926 гг. Л. С. Таль сотрудничал с германскими юридическими изданиями, помещая в них статьи о развитии советского законодательства. В первой половине 1920-х гг. ему еще разрешали выезжать за рубеж.

Отсутствие интеллектуальной свободы и усилившиеся гонения на инакомыслящих привели к тому, что в 1926 г. он эмигрирует в Германию⁵⁸⁵, а затем перебирается во Францию, где становится профессором Франко-русского института. Среди его преподавателей были и другие ученые, занимавшиеся проблемами правового регулирования труда. Это – В. Б. Ельяшевич, который ввел в российский научный оборот термин «трудовой договор», а также бывший глава юридической службы Министерства труда Временного правительства С. О. Загорский. Л. С. Таль читал в институте курсы трудового права, судебного права, занимался проблемами теории права. При этом он опирался на труды Л. И. Петражицкого и Б. А. Кистяковского (коллега по Демидовскому лицу), с авторами которых он многие годы преподавал в одних вузах и имел равные дружеские отношения. К сожалению, сведения о зарубежном периоде жизни и творчества ученого достаточно фрагментарны и противоречивы. Таль умер во Франции в июне 1933 г. Его коллега и сподвижник В. Б. Ельяшевич откликнулся на его смерть проникновенным некрологом, где отметил, что Л. С. Талья воодушевляли социальные проблемы и он верил в их решение в духе социальной справедливости⁵⁸⁶.

Далее мы рассмотрим научный вклад Л. С. Талья в создание теоретического фундамента российского трудового права. В подавляющей части анализируемые ниже положения были сформулированы ученым в ярославский период его творчества (1912–1917 гг.).

Что касается учения о *предмете и методе трудового права*, то можно сказать следующее. Изначально к предмету фабричного (трудового) законодательства российскими учеными

---

⁵⁸⁵ Первоначально этот поступок не приравнивался к «измене Родине», но в официозной печати Талья уже иронично именовали «берлино-риго-советским профессором» (см.: Революция права. 1928. № 1. С. 149).

⁵⁸⁶ См.: Ельяшевич В. Б. Профессор Л. С. Таль // Последние новости. 1933. 14 июня.

относилось регулирование условий найма и работы, т. е. отношения между рабочими и хозяевами, основанные на договоре личного найма (фабричном, рабочем или трудовом договоре)⁵⁸⁷. Изучение предмета трудового договора в тот период означало и изучение предмета формирующегося трудового права. Если исходить из ст. 1–2 Устава о промышленном труде (УПТ) (изд. 1913 г.), то в качестве предмета выделялся «должный порядок и благоустройство», а также безопасность на фабриках, заводах и горных промыслах. При этом на фабричную инспекцию возлагалось «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения» (п. 5 ст. 34 УПТ). Л. С. Таль в 1916 г. писал: «Промышленное право – совокупность специальных норм, определяющих внутренний строй промышленного предприятия и взаимоотношения между входящими в его состав лицами. В состав промышленного права входят только нормы, определяющие внутренний порядок промышленного предприятия, коему подчиняются лица, отдающие ему свой труд по договору... Частное промышленное право на наших глазах разрастается в самостоятельный отдел новой научной дисциплины, имеющей большую будущность, дисциплины социального или трудового права»⁵⁸⁸. Основными его институтами являлись хозяйская власть, нормативные (тарифные) соглашения и трудовой (рабочий) договор, т. е. в предмет входили общественные отношения, возникающие по поводу использования наемного (несамостоятельного) труда на основе трудового договора.

В науке трудового права первооткрывателем критериев трудового отношения (трудового договора) является Л. С. Таль. К характерным признакам трудового договора, а следовательно, и трудового отношения он относил следующие:

- нанимающийся по трудовому договору обещает предоставление своей рабочей силы в пользу чужого хозяйства;
- от нанявшегося по трудовому договору требуется личное исполнение работы;

---

⁵⁸⁷ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая). СПб., 1887. С. 330.

⁵⁸⁸ Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 1–2.

- из трудового договора вытекает обязанность нанимающегося согласовывать свое поведение с порядком, установленным работодателем (хозяином), в свою очередь, наниматель должен ограждать личность работника от опасностей, сопряженных с фактическим нахождением его в чужой хозяйской сфере;

- нанявшийся имеет право на вознаграждение за свой труд, оно не зависит от того, воспользовался ли работодатель его трудами или нет⁵⁸⁹.

Позднее в теории советского трудового права названные критерии были обобщены и получили наименование «личностного, организационного и имущественного» признаков трудового отношения, которые рассматривались в неразрывном единстве. Эта конструкция доказала свою состоятельность и в теоретическом, и в практическом значениях.

Специфика общественных отношений, составляющих предмет трудового права, во многом определяет и особенности метода их правового регулирования. Для трудовоправовых отношений такой специфической чертой является сочетание частных и публичных начал. Л. С. Таль в этой связи выделял:

- частное промышленное (трудовое) право, предмет которого включает в себя отношения, связанные с хозяйской властью нормативными соглашениями и трудовым (рабочим) договором;

- публичное промышленное (трудовое) право, предмет которого составляют отношения, связанные с применением законов, касающихся условий охраны труда, организацией надзора за промышленностью и др.⁵⁹⁰

Отсюда очевидно, что частно-трудоовые отношения регулируются правовыми средствами, свойственными частному праву, а публично-правовые – публичному праву. Но поскольку такое деление условно делает предмет относительно неоднородным, то и средства воздействия трудового права на общественные отношения также относительно неоднородны. Вышеназванное сочетание публичных и частных начал оказывало определяющее влияние на формирование метода трудового права.

---

⁵⁸⁹ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. Ярославль, 1913. С. 80–90.

⁵⁹⁰ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 1–2; Его же. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 2–3.

Если говорить об *источниках трудового права*, то Л. С. Таль делил их на источники частного и публичного трудового права по кругу регулируемых общественных отношений⁵⁹¹. Первые регулировали общественные отношения, основанные на трудовом договоре, коллективных договорах и соглашениях, а также связанные с работодательской властью. Вторые – отношения по государственному надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, также связанные с организациями работников и работодателей. Лев Семенович анализировал только источники частного трудового права, к которым он относил: законы, «обыкновения», судебную практику, коллективные (тарифные) договоры, формулируемые правообразующей силой социальной автономии. Отдельно в качестве источника права он выделял административную практику, развитую в то время значительно более широко по сравнению с судебной и проводимую через решения нормативного характера фабричной инспекции и Присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Нормотворческие функции последних определялись в Уставе о промышленном труде (изд. 1913 г.) в п. 1 ст. 24. В современной классификации эти акты можно назвать ведомственными. Л. С. Таль особо подчеркивал, что некоторые акты частного характера (в современной терминологии локальные нормативные акты), принимаемые работодателем, нуждались для придания им юридической силы в утверждении фабричной инспекцией. Это были так называемые «односторонние нормативные акты», издаваемые под надзором государственной власти. Л. С. Таль отмечал тенденцию по вытеснению односторонних актов на Западе коллективно-договорным началом и ослаблением авторитарного характера этих актов. Придание им юридической силы напрямую связывалось с моментом их государственной регистрации. Ученый утверждал, что «административные и судебные учреждения, коим приходится судить о допустимости или правомерности фабричных регламентов, отнюдь не лишены права признавать их объективно не целесообразными, т. е. стесняющими или нарушающими интересы рабочих в большей мере, чем это необходимо для целей устанавливаемого порядка»⁵⁹².

---

⁵⁹¹ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 27–40.

⁵⁹² Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 36.

Одной из важных проблем, поднятых Л. С. Талем и связанных с работодательской правосубъектностью, стала власть над человеком в гражданском праве и *природа хозяйской (работодательской) власти* как института частного права⁵⁹³. Хозяйская власть, по мнению Л. С. Талья, возникает после заключения трудового договора и прекращается вместе с его расторжением. Однако сам договор непосредственно не составляет юридического основания для хозяйской власти, какова бы ее природа ни была. Ученый подчеркивал, что рабочий договор является лишь фактическим предположением или условием, при наличии которого данное лицо обязано подчиняться существующему в предприятии порядку и хозяйской власти.

Она формировала частный правопорядок предприятия прежде всего через правила внутреннего распорядка, которым работники должны были подчиняться. При этом хозяйская власть не могла посягать на неотчуждаемые права и свободы работников. Л. С. Таль выделил три направления хозяйской власти:

- дает занятым на предприятии лицам указания и поручения, конкретизирующие их трудовые обязанности. Это право дирекции или диспозитивная власть (аналогичный термин употреблял Ф. Лотмар);

- принимает принудительные или карательные меры для поддержания должного порядка. Это дисциплинарная власть;

- единолично или путем соглашения устанавливает порядок предприятия, насколько оно как дисциплинарное децентрализованное социальное образование обладает способностью к самоопределению. Это нормативная власть⁵⁹⁴.

Л. С. Таль, анализируя правовую природу хозяйской власти, писал, что хозяин предприятия вправе применять принудительные или карательные нормы для поддержания должного порядка на предприятии. При этом он собственными силами и средствами, не обращаясь к помощи государства, поддерживает порядок, необходимый для беспрепятственного функционирования предприятия. Л. С. Таль особо подчеркивал принцип, согласно которому «хозяин может в отведенных ему границах пользоваться для ука-

---

⁵⁹³ См.: Таль Л. С. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103–140.

⁵⁹⁴ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 22–23, 70 и др.

занной цели средствами, которыми он фактически располагает, не прибегая к помощи государства...»⁵⁹⁵. Охрана внутреннего порядка собственными силами работодателя названа Л. С. Талем «видом правомерной самопомощи»⁵⁹⁶, иными словами, самозащиты. Однако власть хозяина осуществляется в отведенных ему законодателем границах. По мнению ученого, «законодатель исходит из предположения о существовании обязательного правопорядка, установленного без его участия, и заботится лишь о том, чтобы он не шел вразрез с интересами государства или общества»⁵⁹⁷.

Известный цивилист А. Г. Гойхбарг высоко оценил вклад Л. С. Таля в развитие учения о власти над человеком в гражданском праве. Он назвал его подход смелым и новаторским, а опубликованные работы – выдающимися. Вместе с тем он отметил некоторые противоречия в концепции Л. С. Таля, который включал в состав хозяйской власти права работодателя как договорной стороны. Одновременно хозяйская власть определялась не как субъективные права, а как правовое положение. А. Г. Гойхбарг вполне резонно предложил определить хозяйскую власть либо как субъективное право, либо как правовое положение⁵⁹⁸.

Л. С. Таль о *трудовом правоотношении и трудовом договоре*. При изучении трудового договора Лев Семенович акцентировал внимание на правовом статусе его сторон, их взаимных правах и обязанностях. При этом он достаточно редко употреблял термин «трудовое правоотношение», но де-факто уже исследовал все его основные элементы. В. Г. Яроцкий, о котором уже упоминалось выше, исследовавший правоотношения между рабочими и хозяевами, применил термин «экономическое правоотношение»⁵⁹⁹. Но в контексте интересующей нас проблемы некоторые немецкие ученые выступали за преобразование отношений власти и подчинения в правоотношение. В аналогичном ключе высказался рус-

⁵⁹⁵ Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 34.

⁵⁹⁶ Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 2. Ярославль, 1918. С. 174.

⁵⁹⁷ Таль Л. С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. М., 1915. С. 36.

⁵⁹⁸ См.: Гойхбарг А. Г. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 142–157.

⁵⁹⁹ Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая). СПб., 1887. С. 82.

ский цивилист, приват-доцент Демидовского юридического лица в 1911–1912 гг. *Альфонс Эрнестович Вормс* (1868–1939), ратовавший за превращение трудового договора из «отношения домашнего с крепостническим характером в чисто обязательственный договор»⁶⁰⁰. А. Э. Вормс был выпускником юридического факультета Московского университета, там же читал курс римского права (1906–1911 гг.). Среди его учеников был Б. В. Чредин. После преподавания в 1911–1912 гг. в Демидовском юридическом лицее Вормс перевелся в Московский коммерческий институт (где его ученицей была Е. Н. Данилова), затем был адвокатом и юрисконсультантом, в 1930-е гг. – профессор МГУ. Арестованный в конце 1936 г., он умер в заключении в марте 1939 г. Специально проблемами трудового права Вормс не занимался, но принимал участие в обсуждении проблем наемного труда как объекта договора. Зарождающиеся трудовые договоры в этой связи виделись ему как чисто обязательственные. По этому поводу Л. С. Таль справедливо отмечал, что даже если общественное отношение урегулировано нормой права, то власть и подчинение не исчезают, а ставятся в правовые рамки⁶⁰¹.

Отметим, что Л. С. Талю принадлежит исключительная роль не только в создании теории трудового договора, но и опосредовано – теории трудового правоотношения. Неслучайно все наиболее известные работы советского периода о трудовом договоре и трудовых правоотношениях в той или иной мере опирались на его труды как через согласие с ним, так и через отрицание, критику его положений. В своем классическом труде Н. Г. Александров десятки раз ссылался на работы Л. С. Талья⁶⁰². В. Н. Скобелкин подчеркивал, что и в настоящее время в литературе определение трудового правоотношения часто «строится... по модели определения трудового договора: условия (обязательства) сторон этого соглашения становятся правами и обязанностями субъектов трудового правоотношения»⁶⁰³.

---

⁶⁰⁰ Вопросы права. 1911. Кн. V. С. 199 и далее.

⁶⁰¹ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 92.

⁶⁰² См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 17, 37, 86, 110, 168, 170, 174 и др.

⁶⁰³ Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М., 1999. С. 77.

При рассмотрении элементов (признаков) трудового правоотношения практически все последующие отечественные исследователи брали за основу выделенные Л. С. Талем три элемента трудового договора, о которых речь шла ранее. Даже само понятие «элемент» использовалось авторами в том смысле, как это делал Л. С. Таль, т. е. как признака, основной характеристики. Таким образом, нерасторжимая связь теорий трудового договора и трудового правоотношения очевидна.

Центральной проблемой науки трудового права на рубеже XIX–XX вв. стала правовая природа трудового договора (рабочего договора, промышленного рабочего договора). Собственно с этой проблемы и началась история науки трудового права. Понятие «трудовой договор» в современном его понимании в научный оборот впервые ввел, дословно переведя с немецкого, цивилист В. Б. Ельяшевич (1907 г.)⁶⁰⁴. Но основная заслуга в исследовании природы трудового договора принадлежит Л. С. Талю. Отметим, что первоначально, анализируя французский проект закона о рабочем договоре 1906 г., он считал наиболее адекватным переводу с французского термины не «трудовой договор» и не «договор о труде», а именно рабочий договор⁶⁰⁵. Проблемы трудового договора, как уже указывалось, стали центральными в научном творчестве Л. С. Таля⁶⁰⁶. Он в своем учении пошел вслед за Ф. Лотмаром, но взял в качестве предмета исследования «трудовой договор в узком смысле». Он также выделял договоры о самостоятельном (предпринимательском) труде и договоры о несамостоятельном (служебном) труде. Последний означал трудовой договор как регулятор трудовых отношений, «вы-

---

⁶⁰⁴ См.: Ельяшевич В. Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 172–179.

⁶⁰⁵ См.: Таль Л. С. Французский проект закона о рабочем договоре // Русская мысль. 1907. Кн. IV. С. 72–98.

⁶⁰⁶ См.: Таль Л. С. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485–1500; Его же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Право. 1913. № 49. С. 2315–2321; Его же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Право. 1908. № 33–34; Его же. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лица. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386–435; Его же. Трудовой договор. Ч. 1–2. Ярославль, 1913–1918 и др.

текающих из подчинения рабочей силы одного человека целям и власти другого человека». Отсюда логически необходимым элементом такого договора становилось «обещание работы (обещание труда)»⁶⁰⁷.

Некоторые современные исследователи при анализе признаков трудового договора, выделенных Л. С. Талем, берут его известное исследование о трудовом договоре 1913 г. Нам представляется, что в окончательном варианте эта концепция оформилась позднее, когда были выделены 4 основных элемента трудового договора:

- длительное предоставление рабочей силы, что нельзя отождествлять с предоставлением имущественных благ;
- рабочий обещает приложить рабочую силу к промышленному предприятию работодателя;
- подчинение рабочего внутреннему порядку и хозяйской власти;
- обещание работодателем вознаграждения, которому присущ алиментарный характер⁶⁰⁸.

Лев Семенович при определении трудового договора отмечал, что «по промышленному рабочему договору одно лицо обязуется за известное вознаграждение приложить своей рабочей силы на определенный или неопределенный срок к промышленному предприятию другого, подчиняясь внутреннему порядку этого предприятия и хозяйской власти»⁶⁰⁹.

Л. С. Таль справедливо подверг критике концепцию организованного сотрудничества. Истоки этой концепции восходят к трудам французского экономиста первой половины XIX в. Ф. Бастиа, сторонника гармонизации интересов труда и капитала. Он считал, что договорные отношения между работником и работодателем могут создать «усовершенствованную ассоциацию». Эти идеи впоследствии развивал Г. Эренберг, отчасти австрийские юристы-трудовики Э. Штейнбах и А. Мешлени, считавшие, что трудовой договор создает «хозяйственную организацию». Последний можно рассматривать с правовой точки зрения как договор товарищества. Таль по этому поводу отметил, что не

---

⁶⁰⁷ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 25–31.

⁶⁰⁸ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 72–75; Его же. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 97.

⁶⁰⁹ Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 72.

всякая организация с точки зрения права составляет товарищество. К тому же товарищеский договор направлен на достижение общей цели, что нельзя сказать о трудовом договоре. Вывод ученого был категоричен: «Классификация трудового договора как товарищества совершенно лишена почвы...»⁶¹⁰.

В науке трудового права становление *понятия работника* связано с теорией трудового договора. А. Н. Быков в 1909 г. одним из первых дал определение фабричного рабочего на противопоставлении с физическими лицами, осуществляющими самостоятельный труд. Он писал: «...Фабричным рабочим признается всякий рабочий на фабрике и для фабрики в пределах фабричного двора, кроме извозчиков, отвозящих и привозящих сырье и продукты, рабочих, занятых исключительно сооружением новых зданий и мастерских, и временных чернорабочих, занятых случайными краткосрочными работами менее семи дней»⁶¹¹. В положительном законодательстве отсутствовало данное понятие, и А. Н. Быков вывел его, опираясь «на целый ряд административных разъяснений». Л. С. Таль обоснованно утверждал, что понятие «фабричный рабочий» нуждается в более четком определении⁶¹². Отталкиваясь от выведенных им признаков трудового договора, Л. С. Таль определил работника как физическое лицо, которое обещает за известное вознаграждение приложить свою рабочую силу на определенный или неопределенный срок к промышленному предприятию другого лица, подчиняться внутреннему порядку этого предприятия и хозяйской власти⁶¹³. Стороны трудового договора названы Л. С. Талем как «работодатель» и «рабочий (физическое лицо)».

Из российских ученых наибольшее внимание проблеме *не-самостоятельного (наемного) труда как объекта трудового договора* также уделял Л. С. Таль. Немец Ф. Лотмар определял предмет трудового договора как всякую деятельность человека, способную удовлетворять чужой потребности, деятельность за которую, по опыту когда-либо и где-либо, платилось вознаграждение. Л. С. Таль определял труд как юридически релевантную

---

⁶¹⁰ Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 69.

⁶¹¹ Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 184.

⁶¹² См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 74.

⁶¹³ Там же. С. 72.

деятельность в чужом интересе, отправляемую обещавшим ее лично или им организуемую⁶¹⁴. Впоследствии он называл предметом трудового договора как обещанные сторонами действия, так и объекты этих действий, т. е. не только рабочую силу, но и работу как ее экономический результат. При этом работа выступала как факультативное условие. Он неоднократно приводил пример, когда за время дежурства фельдшер – наемный работник может не принять ни одного пациента, но за представление рабочей силы он получит заработную плату. Наоборот, принимая больных в течение всего дежурства, т. е. выполняя свою работу, он при почасовой оплате получит то же вознаграждение. Л. С. Таль вывел следующие признаки рабочей силы как предмета рабочего договора: во-первых, имеет строго индивидуальный характер, во-вторых, не может быть предметом физического или юридического господства, в-третьих, имеет отчасти целью обеспечить ее обладателю нормальные условия существования⁶¹⁵.

Л. С. Таль относил рабочую силу к личным благам (в современных терминах – к личным нематериальным благам), которые «не могут быть отчуждаемы, но иногда могут подвергаться добровольным ограничениям посредством возмездного или безвозмездного обещания пользоваться ими определенным образом»⁶¹⁶. Уже во второй половине XIX в. считалось безнравственным смотреть на труд как на прочие товары. В защиту нетоварного характера труда можно привести известное положение Л. С. Таля о том, что вознаграждению за труд присущ алиментарный характер⁶¹⁷. Это означает относительно эквивалентное вознаграждение за труд, т. к. бывают случаи получения вознаграждения (компенсации) без фактической отработки положенного времени (болезнь, простой не по вине работника и др.)

Л. С. Таль при анализе *коллективного договора* во многом опирался на достижения западной, преимущественно немецкой, науки. В России разработка теории коллективных (тарифных) договоров в рассматриваемый период времени представляла для ученых, по его замечанию, преимущественно теоретический ин-

---

⁶¹⁴ См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 32.

⁶¹⁵ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 89–92.

⁶¹⁶ Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 125.

⁶¹⁷ Там же. С. 97.

терес, так как роль коллективных договоров в прошлой жизни России мала, а «для быстрого их развития необходимы два условия: сильные профсоюзы и навык к разрешению коллективных конфликтов»⁶¹⁸.

Между тем коллективный договор как новое правовое явление требовал и от отечественных исследователей теоретического осмысления. В этой связи Лев Семенович предпринял попытку дать ему юридическую оценку. Так, по его мнению, коллективный договор как разновидность гражданско-правовой сделки характеризуется тремя признаками:

- одна или обе стороны договора представляют собой коллектив;
- ими определяются условия будущих индивидуальных рабочих договоров;
- эти условия устанавливаются эвентуально, т. е. на случай заключения рабочих договоров⁶¹⁹.

Таким образом, Л. С. Таль настаивал на договорной природе тарифного (коллективного) договора, полемизируя с известным немецким правоведом Г. Еллинеком. Последний выдвинул теорию «смешанной природы» коллективного договора, в соответствии с которой договор, имея своим источником волю сторон, содержит созданные новые правовые нормы⁶²⁰. Именно эта концепция «смешанной природы» коллективного договора нашла поддержку в советской науке трудового права. Возвращаясь к позиции Л. С. Талья, отметим, что названные им признаки коллективного договора, характеристика сторон договора в последующем получили свое развитие в теории трудового права по вопросу о критериях юридической силы коллективных договоров. Юридическая сила коллективных договоров определялась по его соотношению с индивидуальными трудовыми договорами, по его распространению на работников, не являющихся членами профсоюза. Из «договорной природы» тарифного соглашения Л. С. Талем был сделан весьма важный вывод, не утративший своей актуальности и в настоящее

---

⁶¹⁸ Таль Л. С. Тарифный (коллективный договор) как институт гражданского права. СПб., 1909. С. 4.

⁶¹⁹ Таль Л. С. Тарифный (коллективный договор) как институт гражданского права. С. 16.

⁶²⁰ Там же. С. 13.

время, о возможности предъявления судебного иска об исполнении к нарушителям договора.

Взгляды Л. С. Талья впоследствии претерпели некоторую эволюцию. Первоначально он рассматривал коллективный договор как институт гражданского права, хотя его юридическая сила не могла быть объяснена исходя из гражданско-правового представительства или договора в пользу третьих лиц. В этой связи он обращается к концепции «социального права», у истоков которой стоял О. Гирке, и «социальной автономии»⁶²¹. Последняя, в отличие от частной автономии, являлась правообразующей силой, творящей в пределах общего правопорядка нормы частного права. Л. С. Таль не вполне разделял положение о том, что «соглашение воле» в публичном праве отличается от классического договора и имеет правосозидательный эффект, на чем настаивали Г. Еллинек, А. Бендлинг, М. Д. Загряцков. Аргумент для этого был более чем убедительный – любой договор по своей природе остается договором. Но коллективный договор Л. С. Таль признавал нормативным соглашением, имеющим договорный характер, одной из форм внезаконодательного правотворчества. При этом профсоюзы заключали коллективный договор в интересах других лиц, а не от их имени или за их счет. Более того, распространить их действие на неорганизованных рабочих мог только законодатель, но не суд и не сторона трудового соглашения. Таким образом, Л. С. Таль был противником приравнивания норм коллективного договора к нормам публичного права, против которых бессильна частная воля. Это позволяет констатировать публично-частноправовой характер коллективного договора. Публично-правовую составляющую Л. С. Таль связывал с деятельностью государства, с принятием соответствующего нормативно-правового акта и государственной регистрацией таких договоров, придающих им юридическую силу источников права. Л. С. Таль прямо указывал, что источником права коллективный договор может считаться только в Швейцарии, где ст. 323 Швейцарского Уложения 1913 г. устанавливалась норма, согласно которой трудовые договоры в части, противоречащей коллективным соглашениям, недействительны. Договорный характер коллективного договора не освобождал работодателя

---

⁶²¹ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 37.

от ответственности за нарушения его условий⁶²². Л. С. Таль был готов сравнивать нормы, созданные в рамках социальных автономных образований, только с диспозитивными нормами объективного права⁶²³. На наш взгляд, Л. С. Таль признавал нормативность коллективного договора, но не предполагал придание ему статуса источника права без соответствующего санкционирования государством.

2.3. От цивилистических исследований к осмыслению правового регулирования трудовых отношений (Ю. С. Гамбаров, В. М. Гордон, А. М. Гуляев, И. А. Покровский, В. Б. Ельяшевич, А. А. Симолин, В. И. Синайский и другие)

Ранее мы уже касались взглядов российских цивилистов на правовую природу договора личного найма⁶²⁴, затронем эту проблему и в данной книге. *Константин Петрович Победоносцев (1827–1907)*⁶²⁵ предмет договора личного найма определил как «личный труд, личные работы и услуги: они составляют (вместе со знанием и искусством) имущество рабочего человека, которое отдается в наем, в пользование нанимателя»⁶²⁶. Разновидностью личного найма являлся наем для определенных работ. В целом он рассматривал проблему в рамках действующих на тот момент нормативных правовых актов (ст. 86–156 Устава о промышленности (изд. 1893 г.), ст. 1352–1359 Уложения о наказаниях и др.). Сторонами такого договора найма выступали хозяин и слуга (рабочий). Здесь уже проводится различие

---

⁶²² См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. С. 43–55.

⁶²³ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. С. 60.

⁶²⁴ См. подробнее: Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2001. С. 102–113.

⁶²⁵ Мы не будем здесь касаться биографии этого известного политического деятеля. Отметим, что только в постсоветский период исследователи стали акцентировать внимание еще и на том, что он был видным ученым-юристом (см.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Самые знаменитые юристы России. М., 2003. С. 288–296; Щеглов Ю. Победоносцев: Верно поданный. М., 2004 и др.).

⁶²⁶ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3. Договоры и обязательства. СПб., 1896. С. 393.

между личным наймом под надзором хозяина (прообраз трудового договора) и личным наймом без подчинения (для приобретения изделий, производимых трудом, т. е. договор подряда). К. П. Победоносцев отмечал: «Нельзя закупить личный труд человека, можно только нанять его»⁶²⁷. Он писал, что нормы положительного права ограничивают личную свободу нанимающегося от безусловного подчинения, обозначая тем самым и пределы дисциплинарных полномочий нанимателя⁶²⁸.

Известный русский цивилист и социолог **Юрий Степанович Гамбаров** (1850–1926) был профессором юридического факультета Московского университета (1884–1899). Вместе с М. М. Ковалевским он основал Высшую русскую школу общественных наук в Париже, преподавал в Брюссельском университете. Затем с 1906 г. ученый заведовал кафедрой гражданского права в Петербургском политехническом институте. Юрий Степанович был сторонником социологического подхода к праву, поклонником солидаризма и сторонником сравнительно-исторического метода изучения права. В советской литературе он аттестовался как «представитель буржуазно-социологической школы»⁶²⁹.

Он считал, что социальное право состоит прежде всего в праве государства исправлять крайности индивидуального права. Его вывод очевиден: «Социальное законодательство не имеет иного предмета, как уважение и развитие индивидуального права»⁶³⁰. Ю. С. Гамбаров был последовательным сторонником солидаризма в интерпретации Л. Дюги, вслед за последним он причислял трудовые и социально-обеспечительные отношения к той сфере, в которой правовое регулирование и государственное вмешательство необходимы. Он утверждал, что действия коллективных договоров должны распространяться на так называемых неорганизованных рабочих, представители которых не участвовали в разработке и подписании коллективного договора, при условии, что их договоры не содержат противоправных положений⁶³¹.

---

⁶²⁷ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. С. 395.

⁶²⁸ См.: Там же.

⁶²⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 83.

⁶³⁰ Гамбаров Ю. С. Свобода и ее гарантии: Популярные социально-юридические очерки. Т. 1. СПб., 1910. С. 29.

⁶³¹ См.: Там же. С. 29–30.

Юрий Степанович считал несостоятельными ссылки на «свободу труда» и свободу договорных соглашений как основание невмешательства государства в отношения между работниками и работодателями. Эти ссылки, по мнению ученого, не лучше аргументов некоторых феминистов и феминисток, указывающих на равноправие полов по поводу рабочего законодательства и охраны беременных женщин. Такие сторонники формального равенства выступают против льгот беременным женщинам, ссылаясь на то, что это нарушает равенство между полами. Ю. С. Гамбаров резонно утверждал, что в этом случае идея абстрактного равенства ставится выше интересов человеческой расы. Отсюда очевидный вывод о возможности и необходимости ограничения свободы сторон трудового договора во имя соблюдения прав человека и его свобод⁶³². Он обратил внимание на то, что в средние века вектор эволюции отношений ученичества направляется в сторону от преимущественно патриархальных начал к усилению договорного регулирования. При этом государство чаще всего принимало сторону мастеров и всячески способствовало сохранению цеховой организации. В этой связи показательным можно считать английский Елизаветинский статут 1562 г., обязывающий желающих заниматься каким-либо промыслом пройти обязательное семилетнее ученичество. Примечательно, что этот акт был отменен только в 1814 г.⁶³³

Другой отечественный цивилист *Иосиф Владимирович Гессен* (1865–1943) особо отмечал личную зависимость в договоре личного найма одной стороны (работника) и неравноправие сторон, что должно было быть учтено законодателем. Он полагал обязательным правовое закрепление срочности договора о личном найме. По сути, И. В. Гессен высказал мысль о необходимости особого регулирования договора личного найма в рамках гражданского права⁶³⁴.

Наконец, весьма своеобразную роль в генезисе науки трудового права сыграл **Владимир Михайлович Гордон** (1871–1926). В начале XX в. он заявил о себе как крупнейший в стра-

---

⁶³² См.: Гамбаров Ю. С. Свобода и ее гарантии. С. 25.

⁶³³ См.: Там же. С. 48–49.

⁶³⁴ См.: Гессен И. В. Личный найм по проекту гражданского уложения // Право. 1900. № 9. С. 461–471.

не специалист в области гражданского процесса, видный цивилист. Он родился 25 октября 1871 г. в г. Лохвицы Полтавской губернии в семье дворянина, действительного статского советника. В 1890 г. Владимир Михайлович окончил Кишиневскую гимназию, а 1894 г. завершил обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и был прикомандирован к III Департаменту Правительствующего Сената, а в 1897 г. стал там же регистратором. Одновременно в 1894 г. его оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию, где его научной работой руководил профессор Н. Л. Дювернуа. С 1900 г. он становится приват-доцентом в Петербургском университете, а в 1901 г. избирается в Демидовском юридическом лицее на ту же должность по кафедре гражданского судопроизводства. В 1903 г., после защиты магистерской диссертации, его избирают экстраординарным профессором там же. В 1906 г. он переводится в Харьковский университет, где после защиты докторской диссертации в 1907 г. становится ординарным профессором по кафедре торгового права.

Уже в Харькове он стал статским советником (светским полковником), кавалером ордена Святой Анны второй степени. В 1912 г. он подавал документы на перевод в столичный университет⁶³⁵ и повторно – в 1917 г. С марта по ноябрь 1917 г. он был ординарным профессором кафедры торгового права Петроградского университета, а с мая по ноябрь – сенатором IV Департамента Сената. Революционная смута нарушила планы ученого, и в конце 1917–1918 гг. он работал преподавателем Московского коммерческого института и Московских высших женских курсов. Далее он был профессором Таврического университета в Симферополе (1919–1922 гг.), одновременно юрисконсультom НКЮ Крымской АССР. С 1922 г. до конца своих дней он был связан с Харьковом: декан правового факультета и профессор кафедры торгового права (до 1923 г.), затем заведующий кафедрой проблем современного права Харьковского института народного хозяйства. В советский период он продолжал активную научную и педагогическую деятельность. В 1925 г. он избирается академиком Академии наук Украинской ССР. Умер ученый 3 января 1926 г. Отметим, что В. М. Гордон был вполне лоялен со-

---

⁶³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 352. Л. 111–116.

ветской власти и, вероятно, единственный из крупных дореволюционных ученых получил в советской печати аттестацию как «прогрессивный деятель русской дореволюционной науки гражданского процесса и гражданского права». Отмечалось, что он «с первых лет существования Советского государства принял активное участие в разработке проблем советской науки гражданского права и гражданского процесса»⁶³⁶.

В. М. Гордон является одним из выдающихся русских процессуалистов наряду с Е. В. Васьковским, А. Х. Гольмстеном, К. И. Малышевым, Т. М. Яблочковым (преемником Гордона в Демидовском юридическом лицее, о котором уже упоминалось) и др. В. М. Гордон, можно сказать, стоял у истоков становления науки гражданского процесса в России. Большинство русских цивилистов его времени, подобно многим их немецким коллегам, смотрело на гражданский процесс как на совокупность процессуальных действий, а задача науки ими сводилась к описанию этих действий, уяснению последних, в результате чего внешней оболочкой, внешней стороной явления заслонялась его внутренняя сторона, существо. В своей вступительной лекции «Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства», прочитанной для студентов Демидовского юридического лицея в 1901 г., приват-доцентом В. М. Гордоном подвергаются критике эти упрощенные, ограниченные видением практической стороны дела представления и обосновывается понимание гражданского процесса как правоотношения. Солидаризируясь с немецким процессуалистом О. Бюловым и русским цивилистом А. Х. Гольмстеном (к которому он относился с большим уважением)⁶³⁷, он характеризует это правоотношение как единое, несмотря на трехчленный его состав. «Гражданский процесс, – четко формулирует свою мысль В. М. Гордон, – есть трехстороннее отношение между судом как органом государства, истцом и ответчиком: правоотношение это сложно по составу, но едино по тому предмету, ради которого оно

---

⁶³⁶ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 12. М., 1952. С. 75; Р. Д. 20-летию со дня смерти В. М. Гордона // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 70–72.

⁶³⁷ Гордон В. М. Профессор Адольф Христианович Гольмстен. СПб., 1913.

возникает и развивается»⁶³⁸. Эту идею он развивал и в дальнейшем. Конспект к его лекциям по гражданскому судопроизводству был опубликован во «Временнике Демидовского юридического лица» (1902, кн. 84), а затем отдельным изданием⁶³⁹.

Перу В. М. Гордона принадлежат две капитальные монографии по гражданскому процессу: «Основание иска в составе изменения исковых требований» (Ярославль, 1902, это его магистерская диссертация) и «Иски о признании» (Ярославль, 1906; защищена в качестве докторской диссертации). Его докторская диссертация «Иски о признании», как и ряд предшествующих работ, оказали косвенное влияние на формирование учения о едином, сложном, длящемся трудовом правоотношении. Доказывая возможность существования комплексного правоотношения, он писал: «Гражданский процесс есть трехстороннее отношение между судом как органом государства, истцом и ответчиком: правоотношение это сложное по составу, но единое по тому предмету, ради которого оно возникает и развивается»⁶⁴⁰. Не являясь формально специалистом по трудовому праву, он воспитал уже во время работы в вузах Украины целый ряд известных впоследствии советских ученых-трудовиков. В их числе были П. Д. Каминская, А. Е. Пашерстник, Я. И. Давидович и др. К этому сюжету мы еще вернемся.

Как уже указывалось, Гордон был первым оппонентом на защите магистерской диссертации Л. С. Таля, а его выступление на магистерском диспуте было в развернутом и дополненном виде опубликовано отдельным очерком, посвященным учению о трудовом договоре. В. М. Гордон писал: «С выражением «трудовой договор» уже долгое время связывалось представление об общем понятии трудовой сделки, охватывающей массу определенных видов»⁶⁴¹. Он анализировал работы немецких ученых В. Эндеман-

---

⁶³⁸ Гордон В. М. Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства. Ярославль, 1901. С. 17.

⁶³⁹ Гордон В. М. Система русского гражданского судопроизводства (конспект лекций). Вып. 1. Ярославль, 1902.

⁶⁴⁰ Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 18.

⁶⁴¹ Гордон В. М. К учению о трудовых договорах (Литературное обозрение). СПб., 1914. С. 4 (впервые опубликовано в «Вестнике гражданского права». 1913. № 8. С. 100–127). Эта работа была переиздана уже в

на, Ф. Лотмара, но основное внимание уделил, естественно, разбору монографии (опубликованной диссертации) Л. С. Таля «Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. 1». В. М. Гордон, признавая актуальность проблемы правового регулирования трудовых отношений, отмечал, что «это одна из тех проблем, которые, по своей справедливости, могут быть названы очевидными, требующими внимания и со стороны законодателей, и со стороны деятелей науки»⁶⁴². Он соглашался с тем, что устаревшие взгляды на трудовой договор как на куплю-продажу или товарищество были убедительно опровергнуты Л. С. Талем. В целом позитивно была оценена историко-правовая часть работы, особенно анализ воззрений на наемный труд в римском праве. Гордон выделил главное в новом учении о трудовом договоре: установление власти и подчинения в договорно-трудовых отношениях, а заслугу Л. С. Таля – в постановке проблемы власти над человеком в области гражданского права. В то же время его критика носила довольно конструктивный характер. Он указывал, что в работе Л. С. Таля «не дано точно установленное понятие «трудовой договор» в смысле родовом; определение его в ряду других договоров, фиксирование подходящей терминологии, которая бы устраняла смешение вида с родом, возможность одинакового именованья договоров различного содержания»⁶⁴³. Гордон обратил внимание на отсутствие четкого разграничения понятий «договор о труде» и «трудовой договор». Правомерно указывалось, что определение труда как предмета трудового договора дано через указание на него как юридически релевантную (характерную) деятельность. Между тем это неточно определенное понятие релевантности не характеризует какого-либо вида деятельности. Значительная часть критических замечаний была посвящена учению Таля о нерегулированных договорах, которое, по мнению Гордона, имеет только касательное отношение к учению о трудовом договоре. В целом Гордон оказался достаточно жестким и принципиальным оппонентом Л. С. Таля. Впрочем, как классический цивили-

---

2006 г. См.: Гордон В. М. К учению о трудовых договорах // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. С. 42–66.

⁶⁴² Гордон В. М. К учению о трудовых договорах // Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. С. 7.

⁶⁴³ Там же. С. 29.

лист, Гордон не смог оценить и понять некоторых сформулированных Талем новаторских положений. Однако имена В. М. Гордона и Л. С. Таля вошли в историю науки трудового права в своеобразном конфронтующем единстве. По иронии судьбы последней прижизненной публикацией Л. С. Таля в СССР стала его статья в сборнике, посвященном памяти профессора В. М. Гордона⁶⁴⁴.

Вероятно, самым известным цивилистом, настороженно относящимся к обособлению трудовых договоров, благодаря его научной полемике с Л. С. Талем, можно считать **Алексея Михайловича Гуляева** (1863–1923). Он родился 17 февраля 1863 г. в Киеве, окончил историко-филологическое отделение Киевского университета в 1885 г. В 1887 г. там же экстерном он сдал экзамены на степень кандидата права. С 1894 г. доктор римского права и профессор юридического факультета Киевского университета. Его докторская диссертация была посвящена найму услуг (опубликована в 1893 г.). В 1908–1911 гг. А. М. Гуляев был товарищем оберпрокурора Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената и одновременно профессором гражданского права Училища правоведения. Наконец, в 1911–1916 гг. он являлся директором и профессором Лицея в память цесаревича Николая в Москве, а в 1916–1917 гг. – сенатором. В советский период он продолжил педагогическую деятельность: в 1919–1920 гг. профессор Саратовского государственного университета, а с 1920 г. профессор Киевского государственного университета. В 1923 он был избран членом Академии наук Украинской ССР. Умер ученый 27 ноября 1923 г. в Киеве.

Позиция этого цивилиста была наиболее определенной, хотя со временем и менялась. Сначала он твердо придерживался мнения о необходимости руководствоваться римским правом, выработавшим конструкцию договора найма труда. А. М. Гуляев считал эту конструкцию образцом для современного права, хотя и с определенной корректировкой⁶⁴⁵. Это был даже шаг назад, т. к. в римском праве четко не разграничивался имущественный и личный наём, тогда как в российском гражданском праве договор личного найма на-

---

⁶⁴⁴ См.: Памяти профессора В. М. Гордона: Сб. ст. кафедры «Проблемы современного права» и правового факультета Института народного хозяйства. Киев, 1927.

⁶⁴⁵ См.: Гуляев А. М. Наем услуг. Юрьев, 1893. С. 8 и далее.

ряду с договорами подряда, хранения и поручения регламентировались отдельным разделом «Личные обязательства» Свода гражданских законов. По мнению Л. С. Таля, после выхода книги Ф. Лотмара «Договор о труде по гражданскому праву Германской империи» (1908 г.) становится очевидным, что «договоры о труде составляют особую группу, резко отличающуюся от всех остальных имущественных сделок. Едва ли после книги Ф. Лотмара будет повторяться сближение личного найма с имущественным (позиция А. М. Гуляева) или с товариществом и подрядом с поставкою или изображение договора о труде в виде конгломерата других договоров»⁶⁴⁶. Сам договор личного найма А. М. Гуляев определял как консенсуальный контракт о возмездном пользовании⁶⁴⁷. Одновременно ученый достаточно подробно рассматривал права работодателя и соответствующие им обязанности работника, а затем права работника и соответствующие им права работодателя⁶⁴⁸. При этом вне внимания исследователя оказалась достаточно парадоксальная ситуация, когда услуга отделяется от личности работника (и приравнивается к имуществу) и переходит в чужую хозяйственную сферу, по смыслу, без лица ее предоставляющую (работника).

Впрочем, позиция А. М. Гуляева впоследствии несколько трансформировалась, и он отмечал: «Когда объектом возмездного пользования являются услуги, как таковые, безотносительно к конечному их результату, то такой договор носит название личного найма»⁶⁴⁹. При этом он ссылается и на свою уже упомянутую работу 1893 г., и на исследования Л. С. Талья, который утверждал совершенно иное: «Правовой формой для такого приспособления рабочей силы одного человека к задачам другого и служит трудовой договор»⁶⁵⁰. Последний здесь понимается уже не как разновидность личного найма, а как отдельный вид договора. Таким образом, А. М. Гуляев признает сложность и дискуссионность про-

⁶⁴⁶ Таль Л. С. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 26. С. 1494.

⁶⁴⁷ Гуляев А. М. Наем услуг. С. 53.

⁶⁴⁸ См.: Там же. С. 220–240.

⁶⁴⁹ Гуляев А. М. Русское гражданское право: Обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего Сената и проекта гражданского уложения. СПб., 1913. С. 449.

⁶⁵⁰ Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ярославль, 1913. С. 80–81.

блемы: «Действующий закон не дает нам определения договора личного найма, ни общих положений, а имеет в виду конкретные формы этого договора». В качестве его объекта выступают не только услуги и работы, но и должность⁶⁵¹.

Максим Моисеевич Винавер (1863–1926), видный цивилист и общественный деятель, был сторонником четкой правовой регламентации судебной защиты нарушенных прав наемных работников, в том числе со стороны казенного работодателя. В последнем случае М. М. Винавер настаивал на заключении письменных трудовых договоров, ибо наём работников в казенные учреждения нередко осуществлялся в устной форме. Он выступал за страхование рабочих от профессиональных рисков⁶⁵².

Своеобразную позицию занимал цивилист **Иосиф Алексеевич Покровский** (1868–1920). Он родился 5 сентября 1868 г. в семье сельского священника в Черниговской губернии. В 1890 г. он окончил юридический факультет Киевского университета, после чего был оставлен на кафедре римского права для приготовления к профессорскому званию. После полугодовой научной командировки в Берлин Иосиф Алексеевич назначается приват-доцентом Юрьевского университета, в 1894 г. возвращается в Киевский университет, где защищает магистерскую диссертацию (1898 г.) и становится экстраординарным профессором римского права. В 1902 г. защищает докторскую диссертацию в Петербургском университете, где вскоре возглавляет кафедру римского права, декан юридического факультета (1910–1912 гг.). Иосиф Алексеевич преподавал также в Александровском лицее (1904–1907 гг.) и на Бестужевских высших женских курсах (1907–1913 гг.). В знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо в 1912 г. подал в отставку, с марта 1913 г. профессор Московского коммерческого института. После революции 1917 г. продолжил преподавание в Институте народного хозяйства (бывшем Московском коммерческом институте) и Московском университете. Умер 14 апреля 1920 г. По некоторым данным, причиной смерти стало падение на лестнице, когда он пытался отнести до-

---

⁶⁵¹ См.: Гуляев А. М. Русское гражданское право. С. 449–450.

⁶⁵² См.: Винавер М. М. Из области цивилистики. СПб., 1908. С. 240–252.

мой вязанку дров⁶⁵³. Отметим, что в советский период труды ученого особой критике не подвергались. Ученица И. А. Покровского по Бестужевским высшим женским курсам А. Е. Семенова посвятила его памяти вполне позитивную статью, отметив его глубокий анализ нормативного материала, широкий философский кругозор, мастерство преподавателя и превосходные моральные качества. Однако не обошлось и без обвинений в проповеди идеализма и индивидуализма, в отражении идеологии мелкобуржуазной интеллигенции, в идеологическом прикрытии буржуазных вожделений⁶⁵⁴. Даже на излете сталинизма максимум, что могли предъявить ему официальные идеологи, это то, что он русский буржуазный ученый-юрист, который «в своих трудах ограничивался только пожеланиями отдельных, несущественных реформ»⁶⁵⁵. Хорошо, что его не отнесли к числу «реакционеров».

В действительности это был один из наиболее широко мыслящих русских правоведов, поднимавший наиболее актуальные проблемы юридической науки⁶⁵⁶. Его полемическая и публицистически заостренная работа «Основные проблемы гражданского права» имела большой научный и общественный резонанс и оказалась востребованной и в настоящее время⁶⁵⁷. И. А. Покровский признает принцип договорной свободы как «верховное начало», но вводит понятие «эластичность договорной свободы», что предполагает принципиальную возможность ее законодательного ограничения. При этом ученый отмечал своеобразие норм рабочего законодательства, находящегося на пересечении частного и публичного прав. Весьма важными ему представлялись проблемы взаимоотношений союзов предпринимателей и рабочих союзов, с выходом на коллективные договоры. Он был знаком с тру-

---

⁶⁵³ См.: Маковский А. Л. Выпавшее звено // Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 3–32.

⁶⁵⁴ См.: Семенова А. И. А. Покровский (к 5-летию смерти) // Вестник советской юстиции. 1925. № 12. С. 474–475.

⁶⁵⁵ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 33. М., 1955. С. 491.

⁶⁵⁶ См.: Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. СПб., 1913; Его же. Сила или право? М., 1914; Его же. Право на честь. Маленькая иллюстрация к большому вопросу. Пг., 1916.

⁶⁵⁷ См.: Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 18, 142, 168 (прим.) и др.

дами Ф. Лотмара, Л. С. Таля и других основателей науки трудового права и высоко о них отзывался, в том числе за гуманизм формируемой отрасли. Он отмечал, что задача права – «найти ... средства для защиты экономически слабых», что актуальной задачей договорного права является не только «индивидуализация», но и «солидаризация или социализация», что выводит напрямую к коллективно-договорным отношениям⁶⁵⁸.

В то же время И. А. Покровский явно недооценивал значение публичного права, ассоциируя его с военно-полицейским началом. Отчасти это можно объяснить современной ему действительностью как до, так и после 1917 г.

Следует отметить, что с именами И. А. Покровского и юриста и философа *Павла Ивановича Новгородцева* (1866–1924) связана постановка проблемы о праве человека на существование в российской юридической науке⁶⁵⁹. Последний подчеркивал юридическое значение этого права, но его природу он так и не выявил, ограничившись констатацией его отнесения к правам человека. При этом правовое выражение «права на достойное существование» он видел, во-первых, в энергичном рабочем законодательстве (в том числе в страховании на случай болезни, неспособности к труду, старости, в принципиальном признании права на труд), во-вторых, в широком допущении профессиональных союзов, в-третьих, в обязательном государственном призрении лиц беспомощных и неспособных к труду. Таким образом, обеспечение права на существование, по мнению ученого, есть решение всего социального вопроса.

И. А. Покровский обосновал категорию «право на существование», т. к. «достойное человеческое существование» является слишком растяжимой и оценочной категорией. Его можно связать с понятием прожиточного минимума. Общественная благотворительность признавалась явно недостаточной, ибо «не принцип права царит в ней, а принцип милости и милостыни».

---

⁶⁵⁸ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 241–246, 256 и др. Эта работа переиздана в 1997 г.

⁶⁵⁹ См.: Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: Социально-философские этюды. СПб.; М., 1911. Впервые свои статьи авторы опубликовали соответственно в 1905 и 1906 гг. и затем неоднократно возвращались к этой теме.

И. А. Покровский также полагал, что право на существование должно быть обеспечено обязанностями государства. Он писал, что «право на существование государство должно признавать за каждым... в смысле обеспечения так называемых необходимых условий существования... Видим в нем только минимум того, что государство в настоящий момент должно обеспечить человеку – общепризнанный уровень того, что государство должно взять на себя». По мнению ученого, право на существование имеют две категории лиц, которые сами себя содержать не могут: 1) нетрудоспособные лица (дети, инвалиды, старики, больные); 2) трудоспособные на случай отсутствия работы. В отношении трудоспособных лиц обязанность государства принимает «особую форму: или содержи, или дай работу». Если государство обеспечит работой, его обязанность содержания (социального обеспечения) прекращается⁶⁶⁰. И. А. Покровский также считал, что одной из существенных поправок в учении П. И. Новгородцева является исключение из содержания права на существование прав на труд, на рабочее страхование и иных мер. В точном юридическом смысле он рассматривал право на существование как право требовать от государства обеспечения только необходимых условий существования.

И. А. Покровский своевременно обратил внимание на достаточно странную ситуацию, когда практически все ученые и практики сходятся в том, что государство обязано в силу нравственных побуждений предоставить каждому нуждающемуся минимум средств к существованию, и спорят только о том, как это лучше сделать. При этом также практически единодушно отрицается наличие у работника права на получение такого минимума средств. Помощь нуждающимся бедным выступала лишь средством, а целью системы призрения признавалось обеспечить защиту общества. Почти правилом был моральный предрассудок, согласно которому имеющий субъективное право на помощь от государства бедняк потеряет всякий интерес к работе и превратится в государственного нахлебника. В более мягких выражениях это опасение разделяли отечественные ученые-административисты *А. М. Горовцев* и *И. Т. Тарасов*

---

⁶⁶⁰ Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование... С. 35–39.

(1849–1929)⁶⁶¹. В соответствии с этим у государства есть обязанность «спасать от голодной смерти» (оказывать признание), но у отдельного лица нет права «быть спасенным от голодной смерти» (требовать себе помощи). И. А. Покровский в этой связи провел параллель с юридической защитой животных, мучить которых не разрешается из соображений «общественного блага». Отсюда отношение к государственной обязанности по социальному обеспечению как к государственной благотворительности и определение размеров социальных ассигнований не из действительных нужд, а из состояния финансов. Все это делает возможность смерти отдельного лица от голода не только фактически, но и юридически вполне мыслимой⁶⁶².

Между тем И. А. Покровский не определяет характер этого права на существование, предлагая относить его к сфере частного права. В этой связи вполне обоснованна критика позиции этого цивилиста, который даже не вспомнил о субъективных публичных правах (концепция Г. Еллинека), слишком противопоставлял частное (децентрализованное) и публичное (централизованное) право. Б. А. Кистяковский по этому поводу писал, что односторонний цивилистический взгляд И. А. Покровского способствовал тому, что он не заметил нарастающих процессов децентрализации в публичном праве и все более усиливающееся проникновение публичных норм в частное право. По мнению Б. А. Кистяковского, два названных известных русских ученых поставленную ими проблему в целом не разрешили⁶⁶³.

Вместе с тем заслугой П. И. Новгородцева и И. А. Покровского являются следующие обоснованные ими принципиальные положения. Во-первых, «от государства требуется не только устранение юридических препятствий к устранению свободы, но и доставление материальной возможности для наилучшего проявления свободы». Во-вторых, «пользование свободой может быть парализовано недостатком средств». В этой связи

---

⁶⁶¹ См.: Горюнов А. Трудовая помощь как средство признания бедных. СПб., 1901. С. 42–43; Тарасов И. Т. Краткий очерк административного права. Ярославль, 1888.

⁶⁶² См.: Новгородцев П. И., Покровский И. А. Указ. соч. С. 23–29.

⁶⁶³ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 583–586.

социальное и фабричное законодательство – это забота «об известной части общества, нуждающейся в помощи», работа, восполняющая недостаток средств «в неравном состязании труда с капиталом»⁶⁶⁴. В-третьих, помощь нуждающимся является обязанностью государства, и у первых есть на нее право, опирающееся не на милость и человеколюбие, а на законодательство, которое должно быть принято. Здесь ясно и недвусмысленно выражена основная идея права социального обеспечения. Отметим, что этот труд читающей публикой был встречен в целом благожелательно⁶⁶⁵.

Характерна последняя фраза статьи И. А. Покровского, которая очень часто повторялась в нашей не столь давней истории: «Так дальше жить нельзя!».

Еще один отечественный цивилист **Василий Борисович Ельяшевич** (1875–1959) стал первым в российской науке, кто ввел в научный оборот термин «трудовой договор» в его современном значении⁶⁶⁶. Он родился 4 марта 1875 г. в Новогоргиевске Херсонской губернии. По окончании юридического факультета Московского университета в 1896 г. занимался педагогической деятельностью, в частности с 1899 по 1903 гг. преподавал русский язык и руссиеведение в Берлинском университете. С 1903 г. приват-доцент, с 1910 по 1917 гг. экстраординарный профессор Петербургского политехнического института, магистр гражданского права (1910 г.). Одновременно с 1908 по 1917 гг. преподавал на Бестужевских высших женских курсах, а в 1911–1913 гг. и на юридическом факультете Петербургского университета. В 1913–1917 гг. В. Б. Ельяшевич редактировал журнал «Вестник гражданского права». Февральскую революцию он приветствовал, с февраля по ноябрь 1917 г. состоял членом Совета Министра промышленности и торговли. Октябрьскую революцию не принял, с 1918 г. в эмиграции. Жил в основном во Франции, где

---

⁶⁶⁴ См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права. СПб., 2000. С. 272–274.

⁶⁶⁵ См., например: Беликов А. Рец. на кн.: Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: Социально-философские этюды. СПб.; М., 1911 // Юридическая библиография. 1911. № 1. С. 3–4.

⁶⁶⁶ См.: Ельяшевич В. Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 172–179; № 4. С. 273–278; № 6. С. 425–434.

и умер в 1959 г. Еще в годы работы в Петербургском университете познакомился с Л. С. Талем, а в годы эмиграции они подружились. В. Б. Ельяшевич откликнулся на смерть своего друга проникновенным некрологом, где отметил, что Л. С. Таля воодушевляли социальные проблемы и он верил в их решение в духе социальной справедливости⁶⁶⁷.

В. Б. Ельяшевич дал подробный обзор правового регулирования труда на Западе, проанализировал последние научные работы по данной проблеме Ф. Лотмара, Г. Рюмелина, В. Эндеманна и других. Выводы В. Б. Ельяшевича вполне показательны и некоторые из них даже сейчас не утратили своей актуальности. Во-первых, «личность нанявшегося надо защищать и одними диспозитивными нормами не обойтись. Надо прибегать к принудительным нормам»⁶⁶⁸. Здесь признание единства частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых отношений очевидно. Во-вторых, «нет вопроса в области гражданского правопедения, на котором отчуждение между теорией и практикой ... складывалось бы с такой силой, как на договоре о труде... Трудовой договор становится основой существования все более широких кругов населения, а юристы оперируют критериями, извлеченными из творений римских классиков – учителей права». Действующее законодательство не выходит за рамки найма услуг, что, по его мнению, «убого». Необходимо «единое понятие труда» и его правовая классификация. В-третьих, особое место занимают коллективные соглашения, где «полное несоответствие между важностью темы ... и положением вопроса в теории и практике» и где «спорно решительно все»⁶⁶⁹. Таким образом, В. Б. Ельяшевич вполне признавал правовые предпосылки формирования самостоятельной отрасли – трудового права и выделял особый вид договора – трудовой договор.

Особое место среди цивилистов, затронувших проблемы правового регулирования трудовых отношений, занимает **Александр Александрович Симолин** (1879–1919). Он родился 10 октября 1879 г. в Казани в дворянской семье (он титуло-

---

⁶⁶⁷ См.: Ельяшевич В. Б. Профессор Л. С. Таль // Последние новости. 1933. 14 июня.

⁶⁶⁸ Ельяшевич В. Б. Право. 1907. № 4. С. 277.

⁶⁶⁹ Там же. 1907. № 3. С. 172–174.

вался бароном) со шведскими корнями. После окончания с золотой медалью казанской гимназии в 1898 г. он поступил на юридический факультет Казанского университета, который и окончил с дипломом первой степени в 1902 г. Среди его университетских наставников были видные ученые того времени: историк права Н. П. Загоскин, полицейист В. В. Ивановский, цивилист и теоретик права Г. Ф. Шершеневич и др. Отметим, что профессора финансового права П. А. Никольский и энциклопедии права В. Ф. Залеский были знатоками социального законодательства, уделяли ему в лекциях существенное место. По завершению учебы он был оставлен по кафедре гражданского права и судопроизводства для приготовления к профессорскому званию под руководством Г. Ф. Шершеневича. С 1905 г. он принимается приват-доцентом и начинает читать лекции по торговому праву в Казанском университете. В 1908–1909 гг. молодой ученый находился в научной командировке в Германии и Франции. Наконец, в 1911 г. он защищает магистерскую диссертацию «Договор промыслового ученичества» (одноименная монография издана в 1910 г.), которую, наравне с исследованием А. Ф. Федорова, можно признать лучшей по данной проблеме в дореволюционный период. В том же году он избирается экстраординарным профессором по кафедре гражданского права. В 1916 г. он защищает докторскую диссертацию, а в следующем году избирается ординарным профессором. Его произвели в коллежские советники (светский полковник) и наградили двумя орденами.

А. А. Симолин был активным членом кадетской партии, сторонником законодательного решения рабочего вопроса, который виделся ему частью более широкого «социального вопроса». Февральскую революцию ученый приветствовал, принял активное участие в политической жизни. После октябрьских событий 1917 г. он продолжил работу в университете, но в начале августа 1918 г. был арестован ЧК и случайно избежал расстрела. После захвата города белыми 7 августа он избирается председателем Казанской городской думы, а после захвата города красными эвакуируется в Томск. Там он в 1918–1919 гг. преподавал в местном университете. Одновременно с декабря 1918 г. он назначается сенатором Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, созданного колчаковским правительством. Сенат на-

ходил в Омске, где А. А. Симолин одновременно стал деканом экономического факультета Омского политехнического института. После захвата Омска красными при очередной эвакуации он заразился тифом и умер 23 декабря 1919 г.⁶⁷⁰

Как же говорилось выше, ученого постоянно интересовал «социальный вопрос». В значительной степени откликом на него стала магистерская диссертация ученого, вышедшая и отдельным изданием (объемом 556 страниц)⁶⁷¹. В свою очередь, отзывы на эту работу профессора В. Ф. Матвеева и приват-доцента А. В. Завадского были опубликованы в Казани в 1912 г. Откликнулись на нее Н. Н. Голубев и Н. А. Громов⁶⁷². Эпиграфом к работе послужили строки из письма Ваньки Жукова о его горестной жизни в учениках у сапожника из рассказа А. П. Чехова «Ванька». Сочинение написано преимущественно на базе зарубежной научной литературы с использованием трудов В. Эндеманна, Ф. Лотмара, П. Пика, Б. и С. Вебб и др. Александр Александрович определил ученичество как «отношение, где одно лицо обучает другое лицо чему-либо (науке, искусству, ремеслу и др.)»⁶⁷³. Эти отношения должны быть основаны на договоре, который имеет большое общественное значение. Значительная часть работы посвящена истории промыслового ученичества (гл. 1 исследования)⁶⁷⁴. При этом делается экскурс к истокам ученичества в Древнем Вавилоне и Египте, рассматривается цеховая организация производства, затрагивается ситуация в России преимущественно с времен Петра I. Обилие собранного ученым материала и в настоящее время вызывает уважение. Далее дается анализ договоров ученичества по современному исследователю праву (догматический анализ, данный в

---

⁶⁷⁰ См.: Ем В. С., Комарова Т. Е., Симолин А. В. Сфера свободы // Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 7–47.

⁶⁷¹ Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. Казань, 1910 (на обложке указан 1911).

⁶⁷² См.: Голубев Н. Н. Рец. на кн.: Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. Казань, 1910 // Юридическая библиография. 1911. № 2. С. 60–62; Громов Н. А. Рец. на кн.: Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. Казань, 1910 // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 3. С. 280–281.

⁶⁷³ Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. С. 3.

⁶⁷⁴ Там же. С. 7–232.

гл. 2). Он выделил две тенденции: 1) придание данному договору чисто частноправового характера (в большинстве стран, прежде всего Англии и Франции); 2) сохранение прежнего цехового публично-правового характера (характерно для немецкого и австрийского законодательств). Научное определение ученичества ученый дал через два основных признака: 1) отношение, основанное на договоре; 2) договор двухсторонний, каждая из сторон имеет определенные обязанности⁶⁷⁵. При этом проводилось разграничение между промышленным и торговым ученичеством. Ученый отметил, что практически во всех странах предметом договора является именно обучение, а не его результат. Наличие или отсутствие выпускных испытаний такого вывода не колеблет.

Особый интерес представляет последняя, третья (в тексте ошибочно названная четвертой, с. 478), глава книги, посвященная договору ученичества с точки зрения политики права. Исследователь констатирует то, что правовая регламентация ученичества в России никуда не годится. Он видит три возможных варианта действий:

- ученичество отомрет, что видится крайне маловероятным;
- ученичество будет перенесено в учебные заведения (на курсы), в учебные мастерские. Однако это очень дорого и, на взгляд Симолина, маловероятно;
- надо совершенствовать законодательство об ученическом договоре, что и считается наиболее перспективным.

Предложения ученого на сей счет вполне взвешенные и аргументированные⁶⁷⁶. Так, он считал необходимым не смешивать правовую регламентацию деятельности специальных ремесленных училищ с ученичеством по другим видам деятельности (торговля и др.). Предлагалось ограничить возраст поступления в ученичество, причем дифференцировать его в зависимости от вредности и сложности работы, к которой ученик готовится. Минимальный возраст должен быть общим, желательно выше, чем введенные тогда 12 лет. Требовался и учет состояния здоровья ученика. Достаточно жесткие требования выдвигались и к учителям: соответствие по нравственным качествам и техническим знаниям, минимальный возраст – 21 год. При этом требования к учите-

---

⁶⁷⁵ Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. С. 237.

⁶⁷⁶ Там же. С. 491–496, 505–506 и др.

лям должно устанавливать в централизованном порядке государство, которое при нарушении этих требований может лишать учителя возможности иметь учеников. Нарушение публичных требований (максимальное число учеников на одного учителя, нарушение норм, охраняющих личность ученика, и др.) должно влечь за собой признание ученического договора недействительным. Исследователь утверждал, что ученический договор должен заключаться только в письменной форме, причем одной из сторон должен выступать ученик, однако при этом требуется согласие родителей. Несоблюдение письменной формы должно вести не к признанию договора недействительным, а административной ответственности учителя в виде штрафа. А. А. Симолин ратовал за введение типового договора ученичества, который подлежит регистрации в Комиссии по ученичеству. Вполне разумно и предложение исследователя о введении контроля за исполнением мастерами своих обязанностей путем создания нового государственного органа или передачей его в ведение уже существующего государственного органа.

В целом ученый подготовил оригинальное исследование, показав себя не только высококлассным юристом, но и гуманистом. Однако в структуре работы и выводах есть некоторое очевидное и неизбежное сходство с опубликованной докторской диссертацией А. Ф. Федорова⁶⁷⁷, о которой уже говорилось выше.

К числу цивилистов, живо интересующихся проблемами правового регулирования труда, может быть отнесен **Василий Иванович Синайский** (1876–1949). Он родился 25 июля 1876 г. в селе Лаврово Тамбовской губернии в семье священника. После окончания духовной семинарии (1897 г.) он выбрал светскую карьеру и поступил на медицинский факультет университета в Монпелье (Франция). Из-за недостатка средств после года учебы за границей он вернулся в Россию, однако выбрал уже юридический факультет Юрьевского университета, который окончил в 1903 г. По предложению известного цивилиста, профессора Е. В. Пассека в 1904 г. его оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. Однако вскоре молодой юрист оставил научную деятельность и занялся адвокатской

---

⁶⁷⁷ См.: Федоров А. Ф. О промысловом ученичестве вообще и договорах промыслового обучения в особенности. Одесса, 1892.

практикой. Он быстро вошел в число лучших (и хорошо оплачиваемых) адвокатов, но тяга к науке взяла свое, и в 1906 г. он вернулся в Юрьевский университет. Напомним, что почти одновременно с аналогичной целью в этом университете появился бывший адвокат Л. С. Таль. Вполне возможно, что там произошло их знакомство. В 1907 г. Василий Иванович сдает магистерские экзамены и избирается приват-доцентом Юрьевского университета. В 1908 г. он защищает магистерскую диссертацию по римскому праву, а в следующем году избирается профессором по кафедре гражданского права и судопроизводства (в должности не утвержден). В 1910 г. он избирается экстраординарным профессором Варшавского университета, а в 1911 г. переходит на аналогичную должность в Киевский университет, преподает также в местном Коммерческом институте и на Высших женских курсах. Докторскую диссертацию он защитил в 1913 г. В 1917 г. стал директором Киевского юридического института, преобразованного в 1920 г. в социологический, где читал курс социологии. В 1922 г. по приглашению Литовского университета он переехал в Ригу, где более 20 лет занимал кафедру гражданского права в качестве ординарного профессора. Вел занятия также в Русском институте университетских знаний, Институте практических знаний и Народном университете. Летом 1944 г. ученый переехал в Прагу, а в 1945 г. – в Брюссель, где продолжил заниматься научной работой. Его перу принадлежат около 500 публикаций, значительная часть которых вышла на французском, немецком и латышском языке. Умер он 21 сентября 1949 г. в Брюсселе⁶⁷⁸.

Отметим, что Василий Иванович обладал обостренным чувством нового, а в центр своих исследований всегда ставил человека. В этой связи вполне понятен его интерес к правовому опосредованию труда. Он наиболее тепло из всех известных цивилистов и однозначно положительно встретил первые научные исследования по рабочему вопросу. В частности, он приветствовал выход известной монографии Л. С. Таля о трудовом договоре. Не без патетики В. И. Синайский писал, что трудовой договор является основным вопросом в области современного ему гражд-

---

⁶⁷⁸ См.: Краковский К. П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов-н/Д., 2003. С. 133–135.

данского права, а работа коллеги «говорит сама за себя, за тот живой интерес, который она возбуждает в душе каждого, кому дороги успехи отечественного права и законодательного строительства, кому близки нужды неимущих классов». Далее он писал: «Трудовой договор непосредственно затрагивает личность человека, косвенно – благо государства. Духовное и физическое развитие народа также зависит от правильной организации найма труда в государстве. Естественно поэтому приветствовать появление в русской цивилистической литературе работы, посвященной лучшей организации договора о найме труда»⁶⁷⁹. Василий Иванович поддержал обоснование особого, вполне самостоятельного нового правового типа договора в области найма (трудового договора), отличного от договора личного найма. Он отмечает у автора «умение подойти к новому, животрепещущему вопросу и любовь к цивилистическим проблемам нашего времени». Ученый связал легализацию трудового договора с требованием к гражданскому праву охранять личность работника. Замечателен его вывод: «В этом отношении гражданское право является перед нами также с веткою мира».⁶⁸⁰ При этом не замалчиваются недостатки исследования: не выдержан его план, не всегда правильно учтены исторические данные, отсутствует четкая постановка догматической задачи и др., но все они, по мнению рецензента, покрываются вполне достоинствами книги (правильная постановка проблемы, глубина исследования, активное использование исторического и экономического материала, четкость изложения). Вероятно, это была самая высокая оценка труда Л. С. Таля со стороны крупного цивилиста, который сам специально не исследовал аналогичную проблематику.

В своем учебнике по русскому гражданскому праву (это был последний дореволюционный учебник гражданского права, изданный в России) В. И. Синайский вернулся к ней на концептуальном уровне. Он подчеркнул, со ссылкой на труды Л. С. Таля, неясность даже самого понятия власти над человеком в граждан-

---

⁶⁷⁹ См.: Синайский В. И. Рец. на кн.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование: Общее учение. Ярославль, 1913 // Юридическая библиография. 1913–1914. № 3. С. 112.

⁶⁸⁰ Синайский В. И. Рец. на кн.: Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование: Общее учение. С. 114.

ском праве, отметил тенденцию на признание ответственности за профессиональные риски, «контракты через присоединение»⁶⁸¹ и др. Но наибольший интерес представляет его теоретико-правовой анализ договора личного найма. Он поддержал идею о том, что вознаграждение по таким договорам имеет «во многих случаях значение средств существования человека: оно не лишено, поэтому, алиментарного характера». Ученый констатировал наличие дискуссии о понимании юридической природы договора об услугах. В частности, это касалось выделения особого типа договоров о труде, трудовых договоров как самостоятельной категории в гражданском обороте. Василий Иванович согласился на выделение двух основных типов договоров о труде: договоры в смысле обещания службы (договоры о служебном труде или трудовые договоры в тесном смысле) и договоры как обещание отдельных услуг, не устанавливающие служебных отношений (договоры о самостоятельном или предпринимательском труде). Были подчеркнуты и отличия этих договоров. В трудовых договорах имело место отношение личной зависимости, власти и подчинения, а при договорах о предпринимательских услугах такой зависимости нет. К первому типу договоров исследователь отнес наем рабочих, служащих, прислуги и др., а ко второму типу – подряд, заказ и даже поручение, поскольку оно представляет собой предоставление услуг за вознаграждение. При этом он отметил, что в новых учениях, посвященных договорам о труде, есть много неясного и спорного. Однако им нельзя отказать в одном: «постановке насущной задачи нашего времени – реформировать договоры найма труда в соответствии с современными воззрениями на труд, придав реформе цельность и единство в области гражданского законодательства»⁶⁸².

Ученого не устраивала ситуация, когда современное законодательство не регулирует трудового договора, ни в смысле общего понятия, ни в отдельных его видах и типах. В частности, было верно отмечено, что тарифные или коллективные договоры ставят границу свободы договора отдельных лиц, представляют собой резкое ограничение принципа свободы воли лица. Однако та-

---

⁶⁸¹ См.: Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002 (по изд. 1914–1915). С. 58, 61.

⁶⁸² Синайский В. И. Русское гражданское право. С. 407.

рифные договоры не имели сложившейся юридической структуры и возбуждали у ученого целый ряд сомнений. При этом он ссылался на исследования Л. С. Таля и И. С. Войтинского. Отмечены были и требования закона по ограждению личных благ нанявшегося, его безопасности, чести, нравственности, попечения о нем в случае заболевания. По мнению В. И. Синайского, есть многочисленные нормы, определяющие специфику вознаграждения за труд и его неприкосновенность как алиментов, требующие издания работодателем правил внутреннего распорядка, обязательных и для самого работодателя и др. Интересен вывод ученого, который одобрили бы и первые специалисты по трудовому праву: «Все это и многое другое говорит за то, что договор найма труда не суть только договор о возмездном пользовании чужим благом, т. е. трудом, как всяким другим имуществом, но что в договоре о найме труда выступает на первый план элемент социального долга и попечения о благе нанявшегося. Оставляя простор работодателям преследовать свои личные цели, современное право требует их не забывать личные блага и жизненные интересы нанявшихся лиц»⁶⁸³.

Интересен также анализ действующего законодательства о личном найме, проведенный ученым. Здесь были затронуты права и обязанности нанимателя и нанявшегося, проблемы оплаты труда, в том числе в период забастовки, вопросы о прекращении личного найма, проблемы договора об отдаче в обучение как особого вида договора личного найма⁶⁸⁴.

2.4. Истоков российской науки сравнительного и международного трудового права (Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау)

Отечественную историю нельзя делить на до- и послереволюционную, несмотря на быстроту и глубину происшедших изменений. Но для ученых-трудовиков этот социальный катаклизм стал действительно рубежным. Первую генерацию советских ученых – специалистов в области трудового права составили в основном лица, окончившие университеты до 1917 г., но получившие ученую степень и начавшие преподавательскую деятельность уже

---

⁶⁸³ Синайский В. И. Русское гражданское право. С. 408.

⁶⁸⁴ См.: Там же. С. 408–414.

в советский период. Это прежде всего В. М. Догадов, К. М. Варшавский, И. С. Войтинский, о которых речь пойдет в следующих главах. Их научный интерес к проблемам трудового права проявился еще в начале XX в., а издание первых публикаций пришлось на 10-е гг. прошлого века⁶⁸⁵. В то же время титулованные ученые, занимающиеся вопросами правового регулирования труда на рубеже XIX–XX вв., в советских вузах уже не преподавали. Часть ученых эмигрировала (С. О. Загорский, В. П. Литвинов-Фалинский, В. Б. Ельяшевич и др.), некоторые умерли или погибли в период революционных потрясений (А. Н. Быков, Е. Ф. Дементьев, В. Я. Канель, В. Г. Яроцкий и др.), а о некоторых отсутствуют достоверные сведения.

В этой связи практически уникальное место в истории науки трудового права занимают Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау. Они уже в начале прошлого века стали известными специалистами в области правового регулирования трудовых отношений, защитили магистерские диссертации и заняли профессорские кафедры в вузах. Продолжили они свою преподавательскую деятельность и в советский период. Оговоримся, что собственно курса трудового права они не вели, но периодически читали спецкурсы и отдельные лекции по вопросам правового регулирования труда. Основной научной стезей этих ученых впоследствии стали всеобщая история и экономическая география. Но в силу научного интереса и специфики преподаваемых предметов они всегда уделяли существенное место правовой составляющей рабочего вопроса в стране и за рубежом. Этим ученых с полным основанием можно назвать «связующим звеном» между дореволюционной и советской наукой и высшей школой.

Жизненные пути Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау имеют мало общего. Если первый являлся классическим университетским профессором, жившим в переломное время, то жизнь Г. Г. Швиттау похожа на сюжет приключенческого романа с элементами военной драмы. Но их роднит преданность российской науке и то, что они относятся к числу первых российских ученых-трудовиков, специалистов по международному и зарубежному трудовому праву. Н. Н. Кравченко стал автором первой в России магистерской

---

⁶⁸⁵ См. подробнее: Лушников А. М. Наука трудового права. Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 167–205.

диссертации по международному трудовому праву, а Г. Г. Швитау являлся крупным специалистом по трудовому праву зарубежных стран, прежде всего Англии. К сожалению, общим для них является и то, что их научное творчество незаслуженно забыто.

Николай Николаевич Кравченко (1881–1952) родился 30 октября 1881 г. в Гомеле⁶⁸⁶. Его предки происходили из крестьян Могилевской губернии, причем дед рядовым участвовал в Отечественной войне 1812 г. Его этнические корни в полной мере выражают восточно-славянское единство, хотя в анкетах он указывал, что по национальности русский. Его детство и юность прошли в Белоруссии и на Украине, откуда хорошее знание украинского и белорусского языков. Отец Николая Николаевича окончил физико-математический факультет Киевского университета и около 50 лет преподавал в гимназиях Могилева, Одессы и Минска. Н. Н. Кравченко в 1899 г. окончил Могилевскую гимназию и поступил в Новороссийский университет (г. Одесса), где обучался на юридическом факультете и параллельно на историческом отделении историко-филологического факультета. Среди его учителей были такие видные ученые-юристы, как Е. В. Васьковский и А. Ф. Федоров. Последний из них активно занимался проблемами правового регулирования трудовых отношений. В 1903 г. Кравченко завершил обучение с дипломом первой степени и золотой медалью за дипломное сочинение «Иностранцы в России. Историко-догматическое исследование». Уже здесь он показал себя как специалист по историко-правовой проблематике, достойно завершив обучение на двух факультетах университета. В январе 1904 г. талантливый юноша был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В этот период появляются его первые научные публикации по международному публичному праву⁶⁸⁷. В начале 1907 г. он сдал магистерский экзамен, весной того же года прочитал пробную лекцию и был принят приват-доцентом Новороссийского университета, где читал курс «История политических учений нового време-

---

⁶⁸⁶ См.: Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. Р-2257. Оп. 10. Д. 27 (личное дело Н. Н. Кравченко).

⁶⁸⁷ См.: Кравченко Н. Н. О международных следственных комиссиях. Одесса, 1904; Его же. Договор о третейском разбирательстве между Россией, Швецией и Норвегией. СПб., 1905; Его же. О всемирном почтовом союзе. Киев, 1906 и др.

ни». 1908–1911 гг. он провел в зарубежной научной командировке, преимущественно в Париже и Берлине, а также Берне и Базеле. Ее итогом стал диплом Сорбонны и собранный материал для магистерской диссертации. Отметим, что Николай Николаевич в совершенстве знал французский язык, имел 10 публикаций во французской печати, также владел греческим, немецким и латынью. В октябре 1912 г. он переходит на должность приват-доцента в Томский университет. В этом университете 28 апреля 1913 г. состоялась защита магистерской диссертации Кравченко на тему «Идея международной регламентации труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.» (опубликована в 1913 г. в Томске). Первым оппонентом на защите диссертации (магистерском диспуте) был профессор Н. Я. Новомбергский, а вторым – профессор И. В. Михайловский. Они дали высокую оценку работе, а Совет единодушно и под аплодисменты присвоил Кравченко ученую степень магистра международного права⁶⁸⁸. Весьма критично отзывался о труде коллеги профессор Демидовского юридического лицея Н. Н. Голубев⁶⁸⁹.

Интерес к проблеме международно-правового регулирования труда возник у молодого ученого, вероятно, в зарубежной командировке. Уже в 1910–1912 гг. на французском языке он опубликовал ряд статей по данной тематике, в том числе о взглядах Р. Оуэна, Ж. А. Бланки, о первых попытках международной организации охраны труда. Эти работы наряду с диссертацией принесли ему европейскую известность и благожелательные отзывы профессоров И. А. Ивановского, Н. А. Каблукова, М. М. Хвостова, а также ведущего немецкого специалиста по международному праву Н. Райхесберга и др.

Н. Н. Кравченко обоснованно утверждал, что проблема международного трудового законодательства также была поставлена уже в XIX в. Великому английскому социалисту-утописту Р. Оуэну принадлежит честь первопроходца в защите трудовых прав людей путем международных усилий. В 1818 г. он обратился к

---

⁶⁸⁸ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 21. С. 1359–1363.

⁶⁸⁹ См.: Голубев Н. Н. Рец. на кн.: Кравченко Н. Н. Идея международно-правовой регламентации труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913 // Юридическая библиография. 1912–1913. № 4–5. С. 175–177.

Конгрессу держав Священного Союза с петицией, что «долг просвещенных монархов объединить свои усилия в облегчении участи бедняков», и предложил использовать его опыт создания коммун промышленных рабочих, построенных на принципах всеобщего равенства и справедливости. Российский ученый обоснованно предположил, что Р. Оуэн хотел только ознакомить монархов с плачевным положением рабочих и порекомендовать им путь реформ. Вместе с тем косвенное влияние известного британского социалиста на возникновение международного рабочего законодательства несомненно. По мнению Н. Н. Кравченко, пальма первенства в обосновании идеи международного регулирования труда принадлежит французскому Ж. А. Бланки и датируется концом 30-х гг. XIX в.⁶⁹⁰

В 1841 г. эльзасский фабрикант Д. Легран при обсуждении во Франции законодательства о регулировании работы детей предложил правительству выступить с проектом международного фабричного закона, который позволил бы предотвратить возможный социальный взрыв. Первая попытка обсуждения проблем правового регулирования труда на международном уровне была предпринята Германией и Австрией. Речь идет о встрече летом 1871 г. канцлера О. Бисмарка с министром-президентом Ф. Ф. Бейстом и межгосударственной конференции по рабочему вопросу в ноябре 1872 г. Впрочем, все эти попытки оказались безрезультатными. Эйзенахский съезд общественных и научных деятелей Германии (1872 г.), на котором определилось направление катедер-социализма, уделил особое внимание международно-правовому регулированию труда. Его горячими сторонниками выступили большинство участников съезда, в том числе Г. Шенберг и А. Вагнер, против – меньшинство, среди которого был Л. Брентано, настаивающий на создании эффективного внутреннего национального рабочего законодательства.

В 1876 г. в защиту международно-правового регулирования труда выступил президент Швейцарского национального совета полковник Э. Фрей. Группа депутатов германского рейхстага в 1885 г. также поднимала вопрос о международной охране труда,

---

⁶⁹⁰ См.: Кравченко Н. Н. Идея международно-правовой регламентации труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913. С. 1–15 и далее.

и одновременно подобная тема обсуждалась французским парламентом. Наконец, на Международном социалистическом конгрессе, который состоялся в июне 1889 г. в Париже, уже прямо обсуждался вопрос о международной законодательной охране труда. Этому было вполне логичное основание, так как международная конкуренция требовала и международного регулирования трудовых отношений, международной защиты труда.

В 1881 г. правительство Швейцарии обратилось к правительствам европейских государств с предложением заключить международный договор о регламентации фабричного труда. Но из всех государств заинтересованность проявила только Бельгия. В 1889 г. Швейцария повторно с этой инициативой обратилась к 14 государствам, и 9 ответили согласием принять участие в международной конференции. Еще 4 государства не дали ответа, и только Россия высказалась против. В качестве первоочередных задач конференции была определена международно-правовая регламентация работы в рудниках, воскресного отдыха, детского труда, работы женщин и несовершеннолетних. В мае 1890 г. в Берлине прошла первая конференция по международной охране труда. Ее решения носили рекомендательный характер.

Н. Н. Кравченко констатировал, что нарождается совершенно неизвестное ранее право народов – международное рабочее право⁶⁹¹, а первым шагом в этом направлении он считал франко-итальянскую Конвенцию от 15 апреля 1904 г. Даже сейчас впечатляет массив использованной им научной литературы и нормативного материала на многих иностранных языках. Он проанализировал как классические монографии Г. Адлера, В. Брантса, С. Вегелина, Д. Валентини-Ферсини, П. Пика, Э. Франка, Г. Эверга, так и большое количество архивных материалов и публикаций в периодических изданиях.

В августе 1913 г. Кравченко избирается профессором и начинает читать курс истории политических учений, где важное место уделяет международно-правовому регулированию трудовых отношений. В своих работах он подробно рассмотрел истоки формирования концепции международно-правовой регламентации труда, воззрения таких ее выдающихся представителей, как Р. Оуэн, Ж. А. Банки, А. Вагнер, И. Барон, Л. Валев-

---

⁶⁹¹ Кравченко Н. Н. Указ. соч. С. V.

ски, Э. Фрэй и др. Сам он был последовательным сторонником международно-правовой охраны труда и свои идеи развивал в последующих публикациях⁶⁹². Кроме того, Николай Николаевич был известным специалистом по международному публичному праву и гуманитарному праву⁶⁹³.

Если говорить о политических взглядах ученого, то они были традиционными для русского профессора. В политических партиях он не состоял, но был близок к кадетам, в том числе в части решения рабочего вопроса. В этой связи к февральской революции он отнесся весьма благожелательно и в апреле 1917 г. перешел на работу в Казанский университет. В Казани он неоднократно выступал перед рабочими, разъясняя им их права и призывая к легальным формам борьбы за их реализацию. Октябрьские события того же года Кравченко встретил сдержанно, но оказался вполне лояльным к новой власти. Более того, он был избран на должность декана факультета общественных наук (ФОН) Казанского университета и участвовал в создании этого нового общегуманитарного факультета. Он был одним из разработчиков проекта создания Народного университета, который в силу своей утопичности так и остался на стадии проектирования. Казанский период в карьере ученого продолжался до начала июня 1923 г., когда он был переведен на кафедру международного права Саратовского университета. Одновременно с 1923 г. он занял такую же кафедру по совместительству в Белорусском государственном университете. В феврале того же года Кравченко был переутвержден Научно-политической секцией Государственного ученого совета (ГУС) в ученом звании профессора, а согласно «Положению о распределении научных работников по категориям» от 13 декабря 1921 г. был отнесен к третьей категории – «крупные ученые с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных ра-

---

⁶⁹² См.: Кравченко Н. Н. Гр. Альберт де-Мэн как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих // Право. 1914. № 43. С. 2924–2927; Его же. Памяти Э. Вальяна как одного из сторонников международного рабочего права // Право. 1916. № 2. С. 121–124 и др.

⁶⁹³ См.: Кравченко Н. Н. Институт военнопленных в понимании Германского генерального штаба. Томск, 1915; Его же. Налеты немецких цеппелинов и международное право // Право. 1916. № 5. С. 1598–1602 и др.

бот, могущие руководить подготовкой научных специалистов». В рекомендации к этому переутверждению известный ученый-юрист, профессор В. Э. Грабарь указал, что Кравченко является единственным в России специалистом по международному регулированию труда фабричных рабочих.

В этот период он постепенно отходит от преподавания правовых дисциплин, так как вместо истории политических и правовых учений студентам-юристам начал преподаваться марксизм в различных его вариациях. Естественно, что старорежимному беспартийному профессору предоставить «такой чести» не могли. Впрочем, до конца 1920-х гг. он продолжал вести курс международного права и готовить публикации по данной тематике⁶⁹⁴. При этом существенное место он продолжал уделять международному, а отчасти и зарубежному трудовому праву. Последнюю печатную работу по данной тематике он издал в Минске, где читал спецкурс в местном университете⁶⁹⁵. Примечательно, что в Белорусском государственном университете в 1923–1930 гг. он читал, помимо общей теории государства и права, истории политической мысли, государственного права, международных экономических отношений, еще и курс международного трудового права⁶⁹⁶. Одновременно в 1924–1925 гг. на правовом отделении ФОН 1-го МГУ он вел курс консульского права⁶⁹⁷.

В октябре 1930 г., имея 25 лет «безупречной профессорской работы», Кравченко был отправлен на академическую пенсию. К тому времени он жил преимущественно в Москве, где продолжал активную лекторскую и преподавательскую работу, неоднократно выступал в Московском областном совете профсоюзов, а также в ряде вузов с разовыми лекциями. Фундаментальная гуманитарная подготовка позволяла ему с равным мастерством читать курсы по отечественной и зарубежной истории, по истории культуры, истории тех-

⁶⁹⁴ См.: Кравченко Н. Н. Краткая энциклопедия по международному праву. Саратов, 1923; Его же. Об основных началах консульского института применительно к Советской России. Саратов, 1925 и др.

⁶⁹⁵ См.: Кравченко Н. Н. Пути решения рабочего вопроса и проблема охраны труда в капиталистической Европе. Минск, 1928.

⁶⁹⁶ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 4115.

⁶⁹⁷ См.: Профессора МГУ. 1755–2004: Биографический словарь: В 2 т. Т. 1. С. 652.

ники, по историографии и истории международных отношений. Он вел занятия в Государственном институте кинематографии, в Сталинградском педагогическом институте, а с 1938 г. – в Ивановском педагогическом институте. Примечательно, что с 1933 г. Кравченко выступил одним из пионеров кинофикации учебного процесса, широко используя на лекциях учебные фильмы. Такая активность была связана не только с деятельной натурой профессора, но и с потребностью в деньгах. В Москве они жили вдвоем с женой, работавшей художником во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, а на его попечении находились также престарелая мать, проживающая в Одессе, и теща, проживавшая в Москве. Найти постоянную работу в самой столице для аполитичного ученого было достаточно сложно, и он охотно выезжал на чтение годовых курсов в провинциальные вузы. Наконец, в сентябре 1940 г. по собственной просьбе он переводится в Ярославский педагогический институт, сначала профессором, а с февраля 1941 г. – заведующим кафедрой всеобщей истории. Ему предоставили комнату в общежитии, а единственным условием известного ученого было наличие в комнате дивана. После Ивановского пединститута, где из-за сквозняков и сырости в аудиториях он перенес воспаление легких, условия в Ярославском пединституте оказались вполне приемлемыми. На новом месте работы Николай Николаевич показал себя замечательным лектором и грамотным руководителем. С началом Великой Отечественной войны учебный процесс был осложнен большой группой факторов, а одно время даже стоял вопрос об эвакуации пединститута в тыл в связи с угрозой оккупации. К началу 1942 г. ситуация стабилизировалась, но в июле 1943 г. неожиданно принимается решение о переводе Кравченко в Пензенский педагогический институт «на усиление» кадрового состава. Для уже немолодого заслуженного профессора, имеющего целый «букет» сердечных заболеваний и проживающую в Москве семью, это было сложное решение. Дальнейший ход событий достоверно установить не удалось, но, вероятно, ученый смог остаться в Москве на должности профессора Московского городского педагогического института. Последний известный нам документ из этого вуза датирован 1948 г., а умер профессор в 1952 г.

Н. Н. Кравченко был классическим русским профессором права во всем: в образовании, карьерном пути, знании иностран-

ных языков, мировоззрении, научных работах. Даже внешний вид его был вполне классическим: всегда отутюженный костюм с галстуком, «академическая» борода, открытый взгляд. Он был лоялен как царскому режиму и Временному правительству, так и советской власти. Его талант исследователя и педагога так до конца и не раскрылся в силу чрезвычайных жизненных обстоятельств. Не будь революционных катаклизмов, он вполне мог бы стать высоким руководителем в системе вузов, государственным деятелем или дипломатом. В советский период для беспартийного профессора «потолком» стало руководство факультетом и кафедрой, а высшими наградами – почетные звания «ударника» и «отличника», полученные соответственно в 1933 и 1939 гг. В качестве особого знака доверия новой власти партбюро Ивановского педагогического института включило его в особую комиссию по проведению празднования 60-летия со дня рождения И. В. Сталина. Согласитесь, что это весьма своеобразная благодарность за более чем сорокалетний труд на ниве науки и просвещения.

Относительно научной деятельности ситуация осложнилась тем, что с конца 20-х гг. XX в. о международном и зарубежном трудовом праве в позитивном ключе стало писать просто опасно. По официальной установке такого права просто не существовало, а была «безудержная эксплуатация рабочих в мире капитала» при полном их бесправии. Неслучайно о трудах Кравченко вспомнили только в период «хрущевской оттепели» в 60-е гг. прошлого века. Так, известный отечественный ученый-трудовик С. А. Иванов прямо цитировал публикацию Н. Н. Кравченко 1913 года издания и отметил, что именно этот дореволюционный ученый первым заявил о появлении новой области приложения известных международных норм и о зарождении совершенно неизвестного недавнему прошлому отдела права народов – отдела, получившего уже прочно установившееся в науке название международного рабочего права⁶⁹⁸. Впрочем, такое упоминание научного наследия ученого скорее является исключением, а впоследствии к нему вообще долгие годы не обращались. Как нам представляется, Н. Н. Кравченко достоин занять подобающее ему место в числе первых российских ученых-трудовиков, автора первого в России монографи-

---

⁶⁹⁸ См.: Иванов С. А. Проблемы международного регулирования труда. М., 1964. С. 18, 102.

ческого исследования по международно-правовому регулированию трудовых отношений.

Георгий Георгиевич Швиттау (1875–1950) родился 23 апреля 1875 г. в Санкт-Петербурге в семье служащего⁶⁹⁹. Его семья имела немецкие корни, но во всех документах он указывал, что по национальности русский. О степени обрусения в дворянских кругах судили по следующим признакам. Если имя и отчество оставались немецкими, например Карл Карлович, то их носитель почитался за немца. Если имя было русским при немецком отчестве, например Иван Карлович, то обрусение считалось наполовину. Наличие же русского имени и отчества при немецкой фамилии говорило о полном обрусении. В этом контексте Георгий Георгиевич относился к третьей категории, да к тому же был изрядным англофилом.

После окончания столичной гимназии он поступил на юридический факультет Петербургского университета, который и окончил с дипломом первой степени в 1902 г. Еще в студенческие годы он выбрал экономическую специализацию и получил фундаментальную подготовку как по правоведению, так и экономическим дисциплинам. Среди его учителей были такие знаменитые ученые-юристы, как Д. Д. Grimm, Н. Л. Дювернуа, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, И. А. Покровский, И. Я. Фойницкий. Уже во время учебы Швиттау вполне сочувственно относился к марксизму, чему способствовали его университетские учителя-экономисты А. А. Исаев и М. И. Туган-Барановский, бывшие легальными марксистами, а также В. Г. Яроцкий, относившийся к этому учению достаточно позитивно.

В октябре 1902 г. Георгий Георгиевич был оставлен при Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономии с предоставлением двух письменных работ: «Русское и иностранное законодательство о внебрачных детях» (по гражданскому праву) и «Путь к Северному Приладожью» (по экономической географии). Последняя работа была выполнена по поручению Археологического института в связи с грядущим двухсотлетием северной столицы и была опубликована в журнале «Вестник знания» в 1903 г. Эта была первая

---

⁶⁹⁹ См.: ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 10. Д. 69 (личное дело Г. Г. Швиттау).

опубликованная работа молодого ученого. Уточним, что до 1903 г. в российских вузах не готовили профессиональных экономистов, а их кузницей являлись в основном юридические факультеты университетов. Первоначально Швиттау был прикреплен к кафедре на один год, но этот срок несколько раз пролонгировался до конца 1907 г. С 1905 г. в течение почти двух лет он находился в зарубежной командировке с учебной целью, в основном в Берлине и Лондоне. После сдачи магистерского экзамена в начале 1908 г. Швиттау зачисляется приват-доцентом Петербургского университета по кафедре политической экономии и статистики и начинает читать курс «Экономическая статистика». В то же время с 1908 по 1914 гг. он ежегодно получал заграничные командировки на каникулярное время, преимущественно в Англию.

В центре научных интересов исследователя изначально оказались вопросы экономической и социальной политики, и прежде всего рабочий вопрос. Свои исследования он строил с опорой на учение К. Маркса, но в духе «легального марксизма», основываясь на экономической составляющей данной теории. Хорошее знание английского, немецкого и французского языков, а также итальянского, греческого и латыни позволили ему в подлиннике ознакомиться с трудами ведущих зарубежных юристов и экономистов, а ширина взглядов позволила вести исследования на стыке экономики, права, истории, социологии и статистики. Уже первая его работа по экономической статистике носила комплексный характер⁷⁰⁰. Эта монография объемом более 20 печатных листов была написана на материалах переписи населения основных стран Европы и США. Уже в этой работе прослеживается идея автора о зависимости уровня жизни и места в социальной структуре от уровня образования и профессионального мастерства.

В 1911 г. он опубликовал вторую монографию «Промышленные конфликты. Экономическое исследование в области современной политики труда на Западе», которая годом раньше была защищена в качестве магистерской диссертации по политической экономии. Материалы для этой работы он собирал с 1905 по 1909 гг. преимущественно в период зарубежных командировок. Непосред-

---

⁷⁰⁰ См.: Швиттау Г. Г. Профессии и занятия населения: Опыт критики методологического исследования в области экономической статистики. СПб., 1909.

ственную помощь в сборе материала ему оказали секретари английской федерации тред-юнионов И. Митчелл, а затем В. Эплтон, а также ряд британских музеев и библиотек. Под промышленным конфликтом он понимал «столкновение интересов в области современных отношений труда и капитала»⁷⁰¹. В своем фундаментальном обзоре трудов предшественников Швиттау остановился на публикациях Т. Гоббса, Д. Стюарта, А. Смита, А. Сен-Симона, Д. Рикардо, А. Брея, К. Маркса и др. При этом он отмечал, что мысли Маркса о социальных классах носят отрывочный, случайный и фрагментарный характер. Специальная глава работы была посвящена забастовкам. Он следующим образом обосновал право на забастовку: «С своей формально юридической стороны рабочая забастовка обусловлена наличием принципа свободного найма труда, с одной стороны, и правом соглашений (коалиций) – с другой»⁷⁰². Вслед за другим русским ученым Н. Н. Полянским (о нем еще будет сказано) он разграничивал стачку как массовое соглашение и забастовку как массовое осуществление этого соглашения. Швиттау выделил два основных элемента рабочей забастовки: 1) фактическое, сознательное приостановление работы; 2) выражает собой столкновения противоположных интересов труда и капитала. Он обосновал в этой связи наличие коллективно-договорной промышленной системы, или «конституционной промышленной системы», по терминологии немецкого ученого Х. Фриза. Далее в монографии подробно рассмотрена тактика рабочих союзов при забастовке, отношение к забастовке права и общества, а также дан статистический анализ забастовок. Существенное место уделено рабочему бойкоту, а также организации и политике работодателей. Наконец, отдельно анализируется промышленное посредничество как способ разрешения промышленных (трудовых) конфликтов. В современной терминологии Швиттау рассмотрел коллективные трудовые споры и способы их разрешения. В результате он пришел к следующим выводам: 1) промышленные конфликты являются неизбежным проявлением различий интересов труда и капитала; 2) эти конфликты должны разрешаться в правовых рамках, для чего необходима соответствующая нормативная база; 3) основными способами разрешения

---

⁷⁰¹ Швиттау Г. Г. Промышленные конфликты. Экономическое исследование в области современной политики труда на Западе СПб., 1911. С. 1.

⁷⁰² Там же. С. 65.

таких конфликтов должны быть посреднические (примирительно-посреднические) процедуры с участием государства; 4) забастовку необходимо легализовать, и она должна проводиться в строго правовых рамках; 5) для предотвращения и разрешения промышленных конфликтов важную роль играют коллективные договоры, заключенные в рамках действующего законодательства и обязательные для сторон; 6) социалистическая теория дает ключ к пониманию промышленных конфликтов, но в ней есть две стороны: политическая и профессиональная. Приоритет имеет последняя, связанная с удовлетворением профессиональных интересов работников, достижением компромисса с интересами работодателя.

Во время командировок в Англию в 1910–1914 гг. Георгий Георгиевич задумал и начал готовить материал к написанию трехтомного исследования под общим названием «Система труда» или «Квалифицированный труд». Он задался целью показать, что чем больше рабочие будут повышать свою квалификацию, тем более будут они в состоянии отстаивать свои интересы в противостоянии труда и капитала. Ряд заметок российского ученого в газете английских профсоюзов «Тред-юнион ньюс» обратили на себя внимание лидеров британского профсоюзного движения, и Швиттау был приглашен принять участие в работе специальных комиссий по народному образованию Генеральной конференции тред-юнионов, а также Фабианского общества. Последнее в то время возглавляли известные теоретики и историки рабочего движения супруги Б. и С. Вебб, а входили в него такие представители интеллектуальной элиты, как писатель Г. Уэллс и драматург И. Шоу. Представители этих организаций активно помогали российскому ученому в сборе материала к его исследованию.

Отметим, что «Система труда» писалась на британском материале, на английском языке и должна была быть опубликована в Англии. Швиттау в работе показал, как происходит повышение квалификации работников при совместной деятельности профсоюзов и народных школ. Такая постановка вопроса даже в западных странах в то время выдвигалась еще достаточно редко. В этот период ученый продолжал публиковать научные статьи в России, посвященные преимущественно трудовому праву Англии⁷⁰³. Он собрал

---

⁷⁰³ См.: Швиттау Г. Г. К вопросу о рациональной подготовке общественных работ. СПб., 1912; Его же. Ночной труд подростков в Англии.

уже достаточно обширный материал по избранной теме, когда началась Первая мировая война. Вследствие чего состоялось его возвращение в Россию осенью 1914 г. Впрочем, вывести весь объемный материал не удалось, и в 1915 г. была опубликована только первая часть задуманного труда⁷⁰⁴. Под «политикой труда» понималась совокупность самых разнообразных и разнородных мероприятий, предпринимаемых правительством, обществом, отдельными союзами и даже лицами в области регулирования отношений и состояния наемного труда в промышленности. Таким образом, под это понятие Швиттау подводил не только государственно-правовую регламентацию трудовых отношений, но и то, что сейчас называется деятельностью социальных партнеров. Он писал: «Нами устанавливается идея квалифицированного труда, как основное, исходное начало для рационального и планомерного воздействия со стороны государства и общества на современные наемные отношения труда в целях его поднятия до степени труда высшего качества»⁷⁰⁵. В этой связи достижение квалифицированного труда определялось тремя моментами: 1) рациональной подготовкой к нему; 2) строго систематическим и интенсивным его применением; 3) стремлением к наибольшей его производительности в целях достижения высших ступеней культурного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Швиттау дал следующие характеристики квалифицированного труда как разновидности хозяйственного труда: 1) определенная степень предварительной подготовки его субъекта (промысловая подготовка, ученический договор, «обучение труду» в процессе трудовой деятельности и др.); 2) техническое оборудование труда и определение его интенсивности (рабочее время, заработная плата, нормирование труда и др.); 3) рационализация труда, т. е. соотношение между объектом и субъектом труда, направленное на определение рационального приложения труда как процесса, в том числе посредством заключения трудового и коллективных договоров⁷⁰⁶.

СПб., 1913; Его же. Меры против нужды и бедствий, выдвигаемых событиями войны в Англии. СПб., 1914 и др.

⁷⁰⁴ См.: Швиттау Г. Г. Квалифицированный труд. Ч. 1: Проблемы детского труда. Пг., 1915.

⁷⁰⁵ Там же. С. V.

⁷⁰⁶ См.: Там же. С. 115–117.

Относительно проблем детского труда Швиттау рассмотрел правовую регламентацию «ремесленного» и «приходского» ученичества, которые не представляли собой специального способа подготовки детей к квалифицированному труду, а являлись в первом случае условием вступления в гильдию, а во втором – неудачную попытку призрения детей-поуперов на трудовых началах. Далее анализируется законодательная охрана труда малолетних, минимальный возраст начала ученичества и трудовой деятельности. Вывод автора таков: «Моральное значение труда для детей и подростков находит свое признание в том смысле, что детский труд должен быть исключительно или преимущественно трудом учебно-воспитательным»⁷⁰⁷. Говоря о соотношении школы и промысла, Георгий Георгиевич констатировал, что оно должно быть особым. Наряду с обеспечением детей надлежащей степенью общего и профессионального образования школа должна брать на себя попечение о дальнейшей судьбе подростка, в том числе содействовать при выборе профессии, в посредничестве при приискании занятий, в предупреждении деградации полученной подготовки. Забегая вперед, отметим, что эти идеи были частично реализованы при создании советской трудовой школы.

В 1915 г. в Московском университете он защитил докторскую диссертацию на тему «Квалифицированный труд» и был впоследствии утвержден в качестве доктора политэкономии и статистики. Стоит только сожалеть, что две другие части задуманной работы так и не были написаны, тем более что третья часть должна была быть специально посвящена правовому регулированию трудовых отношений. В 1916 г. Швиттау покидает северную столицу и занимает кафедру ординарного профессора Новороссийского университета и остается в этой должности до 1919 г.

Революционные потрясения в полной мере затронули и город Одессу, а гражданская война окончательно дезорганизовала учебный процесс в университете, да и весь уклад профессорского бытия. В январе 1918 г. в городе была установлена советская власть, но уже в марте того же года туда вошли австрийские и немецкие войска, которые в ноябре 1918 г. были заменены бывшими союзниками императорской России, преимущественно французскими войсками. В апреле 1919 г. советская власть была восстановлена, а в августе того же

---

⁷⁰⁷ Швиттау Г. Г. Квалифицированный труд. Ч. 1. С. 231.

года Одессу заняли войска генерала А. И. Деникина. Только в феврале 1920 г. город был окончательно занят Красной армией. В этот период в судьбе Швиттау происходит крутой поворот, и в 1919 г. его отправляют, если верить материалам личного дела, в научную командировку за границу. Непонятно только, представители какой власти приняли такое решение: большевики, белое Особое совещание, либо командование союзников, либо немецкая администрация. Скорее всего, Швиттау просто эмигрировал в условиях полного хаоса и прямой угрозы жизни для него и его семьи. За границей он жил сначала в Англии, а затем во Франции, Германии, Италии, Канаде и США. Прекрасное владение иностранными языками и европейская известность позволили ему достаточно быстро адаптироваться на чужбине и даже опубликовать ряд научных работ на английском и немецком языках. В конце 1921 г. в судьбе ученого произошел еще один крутой поворот. Он согласился занять должность ученого специалиста при торгпредстве СССР в Берлине, а затем в Лондоне и Гамбурге. Этому есть вполне рациональное объяснение. Несмотря на то что в Европе Швиттау не был «чужим», он являлся русским патриотом, а в России остались его близкие. Кроме того, нэп дал основание бывшему легальному марксисту считать, что советская политика поворачивается в правильное эволюционное русло. Вероятно, сыграло роль и хорошее денежное содержание, выплачиваемое в торгпредстве, тогда как в разоренной войной Европе научная деятельность не позволяла вести достойный образ жизни. В свою очередь советское руководство стало относиться уважительно к «буржуазным специалистам», так как развивающиеся экономические отношения с окружающим миром требовали не только революционного натиска и большевистской решительности, но и умения торговать, профессиональных знаний в области экономики и права. Очевидно, что революционные матросы и большинство профессиональных революционеров этими знаниями не обладали. В этой связи обращение за интеллектуальной помощью к ученому-эмигранту, не участвовавшему в борьбе с советской властью, и вдобавок ко всему марксисту, было вполне логично.

Швиттау честно поставил свои знания и талант на службу внешнеэкономическим интересам Советской России⁷⁰⁸, но в са-

---

⁷⁰⁸ См.: Швиттау Г. Г. Революция и народное хозяйство России (1917–1921). Берлин, 1922; Его же. Русская кооперация на внешнем рынке. Берлин, 1923 и др.

мой России вскоре настали иные времена. Свертывание нэпа и рост недоверия к «буржуазным специалистам» привели к тому, что он был отозван в СССР и с 1929 по 1933 гг. работал в системе Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. С 1934 по 1937 гг. он занимал должность профессора и заведующего кафедрой организации и статистики советской торговли в Иркутском институте советской торговли, где обратился к правовой стороне торговой деятельности⁷⁰⁹. После закрытия института Швиттау назначают профессором кафедры экономической географии Воронежского госуниверситета и одновременно заведующим кафедрой экономической географии Воронежского педагогического института. В этот период он был лишен возможности заниматься проблемами правового регулирования трудовых отношений за рубежом, так как считалось, что трудового права на Западе просто нет, а трудовые отношения там регулируются нормами гражданского права. В ноябре 1939 г. в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) были представлены документы из Воронежского университета на присуждение Швиттау ученой степени доктора экономических наук без защиты. Но это решение не было принято с иезуитским обоснованием в том духе, что Воронежский университет имеет слишком низкий ранг по сравнению с МГУ и другими столичными вузами. При этом напомним, что Швиттау защитил докторскую диссертацию еще в 1915 г. и именно в Московском университете. Лояльные советской власти ученые получали докторские степени без защиты, не имея за душой даже магистерских диссертаций.

При захвате Воронежа фашистами в июле 1942 г. в результате пожара погибли почти все рукописи ученого, а сам он был отправлен сначала в Познань, а затем в Прагу, где находился до мая 1945 г. Возникают вопросы: в качестве кого и каким образом он там оказался? В анкете род занятий за этот период он указал как «безработный». Можно предположить, что Швиттау вряд ли был отправлен в Германию в качестве пленного или бесплатной рабочей силы вследствие его преклонного возраста и профессии. Скорее всего, он был отправлен в качестве фольксдойче (немца, родившегося и выросшего за пределами исторической родины) на землю предков. В

---

⁷⁰⁹ См.: Швиттау Г. Г. Сборник законоположений и распоряжений по вопросам советской торговли. Иркутск, 1936.

этой связи более понятным становится и положение безработного, и нахождение в Праге. После мая 1945 г. Швиттау был репатрирован и восстановлен в прежних должностях в воронежских вузах. При этом он не был репрессирован и, судя по всему, даже не содержался в фильтрационном лагере. Объяснений этому может быть несколько, но самым вероятным выглядит сотрудничество с советскими органами безопасности, причем еще с «торгпредского периода» 1920-х гг. Впрочем, документы на этот счет отсутствуют и что-либо категорично мы утверждать не можем.

Во второй половине 1946 г. Швиттау переходит на работу в Ярославский педагогический институт, где занимает сначала должность профессора, а с 1947 г. – заведующего кафедрой экономической географии. В июне 1948 г. ВАК утверждает его в ученом звании профессора, а в декабре 1949 г. его принимают в число действительных членов Географического общества СССР. Швиттау был ученым огромной эрудиции, по-научному честолюбивый. Он опубликовал около 220 работ, в том числе 11 монографий, а также несколько десятков книг и статей за рубежом, преимущественно в Англии и Германии. Но как специалист по правовому регулированию трудовых отношений в зарубежных странах он не смог полностью самореализоваться, точнее, ему этого не дали. Более того, на протяжении всего советского периода он был вынужден подчеркивать ошибочность своих взглядов на западное трудовое законодательство и каяться в симпатиях к легальному марксизму. Он начал свой творческий путь как один из первых специалистов по зарубежному трудовому праву, но после революции в лекциях и печатных работах касался этой проблемы фрагментарно. Вместе с тем в силу широты постановки проблемы и комплексного подхода его публикации и в настоящее время представляют определенный научный интерес. Умер Г. Г. Швиттау в ноябре 1950 г., оставаясь до последних дней преподавателем Ярославского педагогического института⁷¹⁰.

---

⁷¹⁰ См.: Лушников А. М. У истоков российской науки международно-го и зарубежного трудового прав: жизнь и научное наследие Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 568–581.

2.5. Научное осмысление феномена общественного призрения и социального страхования (Ф. Г. Тернер, Н. Х. Бунге, В. Г. Яроцкий, П. И. Георгиевский, А. М. Нолькен, В. Ф. Дерюжинский, И. Я. Гурлянд, В. А. Гаген, П. И. Астров, Н. Н. Чистяков и др.)

Как уже упоминалось выше, наука права социального обеспечения первоначально стала формироваться в рамках науки трудового права, хотя предметные отличия были очевидны изначально. Более того, если проблематика трудового права более тяготела к цивилистике, то нарождающееся право социального обеспечения изначально тяготело к публичной сфере.

В дореволюционной России развитию благотворительности и социального призрения было посвящено довольно большое число публикаций как отечественных ученых⁷¹¹, так и переводных работ иностранных авторов, о которых уже говорилось выше. Соответствующие разделы имелись во всех учебниках по полицейскому праву⁷¹². В этих исследованиях на основе сравнительного опыта обращалось внимание на необходимость развития обязательно

---

⁷¹¹ См.: Герье В. И. Записки об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и теоретических началах правильной его постановки. СПб., 1897; Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907; Его же. Французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных. СПб., 1906; Его же. Обязательная помощь бедным в Германии. СПб., 1908; Гольденвейзер А. С. Социальные течения и реформы XIX столетия в Англии. Киев, 1891; Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894; Его же. О призрении бедных. СПб., 1897; Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897; Залеский В. Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западно-европейских государств. Казань, 1912; Тигранов Г. Ф. Французский законопроект о призрении стариков, калек и неизлечимых. СПб., 1904 и др.

⁷¹² См.: Бунге Н. Х. Полицейское право. Т. 2: Государственное благоустройство. Киев, 1869; Гаген В. А. Полицейское право. Ростов-н/Д., 1916; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пг., 1917; Моль фон Р. Наука полиции. СПб., 1871 и др.

го публичного призрения, что, по сути, означало государственную социальную помощь⁷¹³.

Дореволюционные российские исследователи истории законодательства о мерах борьбы с бедностью в Западной Европе единодушно отмечали общие закономерности, один и тот же ход исторических событий в области призрения бедных. Сначала складывалось общинное попечение, затем полное и исключительное господство частной, при том единоличной благотворительности, позднее ее ослабление и вполне естественное принятие на себя благотворительных задач церковью, далее по мере усиления и централизации государственной власти принятие в основном репрессивных мер по отношению к нищим. Наконец, все эти отдельные интересы и заботы сливаются в общий интерес – социальный (общественный), которые соединяет под одним знаменем и отдельных лиц, и союзы, и частные сообщества, и государство⁷¹⁴.

Исследования того времени зачастую носили теоретико-прикладной и сравнительно-правовой характер. Ученые решали проблемы определения и разграничения основных понятий: призрение, благотворительность, патронаж; классификации основных видов и способов призрения; пределы государственного вмешательства (регулирувания) призрения бедных; квалификации юридической природы права на призрение. Особое место в исследованиях отводилось типологизации основных систем призрения в странах Западной Европы, и рассматривались вопросы возможной рецепции этого опыта в России. Вместе с тем многие ученые завершали свои исследования конкретными практическими рекомендациями по улучшению системы призрения.

Как уже отмечалось, особую роль в консолидации и распространении (опубликовании) результатов научных, в том числе сравнительно-правовых, исследований в области социального обеспечения сыграли специализированные издания. Речь идет прежде всего о периодическом журнале «Трудовая помощь», который издавался с 1897 по 1918 гг. под покровительством импе-

---

⁷¹³ См.: Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894; Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898 и др.

⁷¹⁴ См.: Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных СПб., 1901. С. 230–231.

ратрицы Александры Федоровны и общей редакцией В. Ф. Дерюжинского. Журнал имел своей задачей теоретическую и особенно практическую разработку вопросов трудовой помощи бедным в различных ее формах, а также другие вопросы общественного призрения и благотворительности в широком смысле. Специальная рубрика журнала была посвящена анализу зарубежного опыта правовой регламентации и организации систем общественного призрения и благотворительности.

Ниже мы остановимся на биографиях и научном наследии отечественных ученых, которые внесли наибольший вклад в становление новой для отечественного правоведения науки.

В соответствии с общемировой тенденцией первыми исследователями проблемы правового регулирования социального страхования и общественного призрения в России стали экономисты. Первенство можно отдать известному ученому и государственно-му деятелю **Федору Густовичу Тернеру** (1828–1906). Он совмещал научную работу с государственной службой, причем первая была органически связана с последней. Почти вся его служебная деятельность прошла в Министерстве финансов, которое он представлял практически во всех комиссиях по рабочему вопросу в 60–80-х гг. XIX в. Вершиной его карьеры стала должность товарища (заместителя) министра финансов при министре А. В. Вышнеградском в 1886–1892 гг. В круг его научных интересов входил широкий спектр социальных проблем, в том числе российское и зарубежное фабричное законодательство и социальное страхование.

Уже в 1861 г. он писал: «Вопрос о рабочем классе может считаться главной социальной задачей XIX века»⁷¹⁵. Ученый правомерно связывал обострение рабочего вопроса с развитием промышленности и появлением нового вида социального риска, ибо для рабочего потеря работы – «потеря всего». Эта идея напрямую выводила ее автора на проблему социального страхования лиц наемного труда, т. к. «нельзя наказывать людей, не по своей воле потерявших работу». Для борьбы с социальными рисками предлагались меры «регламентированной предусмотрительности», которые имели целью «некоторое обеспечение рабочего класса путем законодательным». Этот путь предусматривал обязательные

---

⁷¹⁵ Тернер Г. Ф. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1861. С. 1.

меры, как-то: разные сборы с рабочего населения для целей социального обеспечения (на устройство госпиталей, приютов, запасных капиталов и др.). При этом государство должно было на себя брать полное финансирование только системы образования⁷¹⁶. По сути Ф. Г. Тернер предлагал ввести систему обязательного страхования рабочих за счет средств самих рабочих.

Тернер заложил своеобразную научную традицию, когда при исследовании рабочего вопроса в России анализировалось фабрично-заводское и социальное законодательство стран Запада. Практически во всех работах автора ему уделено существенное место. Он подверг критике цеховую организацию производства, но выступил за ассоциации рабочих «на новых началах». Меры, в которых рабочий класс «сам принимает действительную инициативу», виделись ему в двух направлениях:

1) ассоциации, деятельность которых должна иметь строго экономический характер (потребительские общества, кассы взаимопомощи, ссудно-сберегательные товарищества, артели и др.) Одна из их целей – создание и реализация «солидарности интересов»;

2) сбережения, прежде всего взаимный кредит и вспомоществование. При этом благотворительность не приветствовалась, т. к. она не исцеляла, а только усиливала зло.

Ф. Г. Тернер отмечал, что с начала XIX в. широкое развитие получили рабочие товарищества самопомощи и взаимопомощи. Частично они выполняли потребительские цели, прежде всего обеспечение рабочих жильем и снабжение продуктами. Но начали появляться и страховые кассы (на случай болезни, инвалидности), которые строились на гражданско-правовых началах.⁷¹⁷ Это частнокапиталистическое коммерческое страхование. Оно построено на «лечении язв строя» путем взаимопомощи, но в соответствии с взносами, развивая в каждой личности стремление к самообеспечению, где каждый заботится о себе и откладывает средства на «черный день». Практически все страны начали с системы добровольного социального страхования.

Таким образом, на плечи наемных работников предполагалось переложить всю тяжесть страхования в связи с утратой зара-

---

⁷¹⁶ Тернер Ф. Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. С. 24–25.

⁷¹⁷ См.: Там же. С. 152–179 и др.

ботка и работы на началах обязательного и добровольного страхования. Отметим, что на таких началах строились все существующие в то время страховые системы стран Запада. Но для осуществления этих мер предполагалось «капитальное содействие высших классов». При этом административное вмешательство должно было иметь свои пределы и не должно мешать инициативе самих рабочих. Здесь в очень мягкой форме выражена идея о необходимости легализации рабочих ассоциаций, хотя и с очень ограниченными правами.

В своей научной и практической деятельности Тернер проводил идею о необходимости социальных реформ. Впрочем, они виделись ему крайне умеренными. К тому же служебное положение и многолетняя чиновничья выучка выводили в его научных работах и практической деятельности на первый план государственные интересы. Так, представляя Министерство финансов в комиссии по рабочему вопросу под председательством Валуева в 1875 г., он высказал особое мнение. Оно сводилось к тому, что для детей в возрасте от 12 до 14 лет можно сразу не ограничивать предельную продолжительность рабочего дня 6-ю часами, а установить на четыре года переходный период с 8-часовым рабочим днем. В то же время он считал это крайней уступкой, а ограничение эксплуатации детского труда признавал необходимым. В отношении взрослых рабочих Тернер предлагал сократить обсуждаемый 13-часовой рабочий день 12-часовым. Основным аргументом служило то, что такое сокращение будет иметь экономическую выгоду⁷¹⁸.

Как уже указывалось, Ф. Г. Тернер значительное внимание уделил исследованию зарубежного опыта, а фабричному законодательству Германии он посвятил отдельную книгу⁷¹⁹. Это было одно из первых российских исследований, специально посвященных зарубежному фабричному законодательству. Его теоретические воззрения не расходились с практической деятельностью на посту товарища министра финансов. Во многом благодаря его стараниям в 1887 г. были приняты Общие условия страхования.

---

⁷¹⁸ Особое мнение Ф. Г. Тернера приведено в книге: Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. Работа малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884. С. 378–399.

⁷¹⁹ См.: Тернер Ф. Г. Фабричное законодательство Германии. СПб., 1874.

Данной проблематикой занимался и **Алексей Петрович Кеппен**, инженер, общественный деятель. По образованию он был горный инженер, специалист по драгоценным металлам и железнодорожному строительству. Публиковаться начал с 1863 г. Был участником Постоянной совещательной конторы железозаводчиков. Занимался вопросами социального страхования и ответственности за вред жизни и здоровью работников⁷²⁰, развитием социального законодательства в странах Запада⁷²¹. Его работы информационно насыщены, но носят преимущественно описательный характер с уклоном на определение возможных экономических последствий.

Практически одновременно к проблеме фабричного законодательства и социального страхования обратился выдающийся экономист и государственный деятель **Николай Христианович Бунге** (1823–1895). Он родился в Киеве в дворянской семье немецкого происхождения. В 1845 г. он окончил юридический факультет Киевского университета и был оставлен там на преподавательской работе. С 1859 по 1880 гг. трижды избирался на должность ректора названного университета. С 1850 г. он становится доктором политических наук, с 1852 г. – профессором, в 1890 г. – академиком Петербургской Академии наук. Он также являлся крупным специалистом по полицейскому (административному) и налоговому праву⁷²². Постепенно Бунге перешел с позиции фридредерства к

---

⁷²⁰ См.: Кеппен А. П. Вероятные финансовые последствия законопроекта об ответственности владельцев промышленных предприятий за увечье и смерть рабочих для русской промышленности вообще и горной в особенности. СПб., 1893; Его же. Вспомогательные кассы для горных рабочих (Горнозаводские товарищества). СПб., 1885; Его же. К вопросу об ответственности горнопромышленников и горнозаводчиков за смерть и увечья, причиненные при эксплуатации рудников и заводов. СПб., 1884; Его же. О различных видах неспособности к труду рабочих, занятых в горной промышленности. СПб., 1899; Его же. О страховании рабочих от несчастных случаев. О предупреждении несчастных случаев с рабочими на заводах и рудниках. СПб., 1892;

⁷²¹ См.: Кеппен А. П. Социальное законодательство Франции и Бельгии. СПб., 1900.

⁷²² См.: Бунге Н. Х. Гармонизация хозяйственных отношений. СПб., 1860; Его же. Полицейское право. Т. 1–2. Киев, 1873–1877; Его же. Основы политической экономии. Киев, 1870 и др.

умеренному протекционизму и необходимости вмешательства государства в экономические отношения. Научную работу он также совмещал с практической деятельностью: в 1862–1866 гг. управлял Киевской конторой Госбанка, в 1880–1881 гг. был товарищем министра финансов, а в 1881–1886 гг. – министром финансов и членом Госсовета. Во многом благодаря его настойчивости и аргументированной позиции были приняты первые российские фабричные законы. В 1887–1895 гг. Бунге был председателем Комитета министров.

Интерес к этой личности сегодня значительно возрос. Для нас немаловажно и то, что он долгие годы был на высших государственных должностях, где его административно-правовые воззрения отчасти нашли практическое применение. В значительной части это коснулось государственного регулирования трудовых и социально-обеспечительных отношений. Его взгляды на социальный вопрос были основаны на следующих посылах. Во-первых, при наличии непрочных уз между работниками и работодателями необходимо установить правопорядок, доставляющий работникам более прочное общественное положение. Во-вторых, государство может и должно контролировать трудовые отношения через соответствующий орган, которым стала впоследствии фабричная инспекция. Характерно, что Н. Х. Бунге сразу же отверг французский вариант, где надзор осуществляли комиссии, составленные из самих владельцев предприятий. По его мнению, в них могли входить только независимые служащие. Все проблемы могли решаться только соединением усилий государства, работодателей и работников. В-третьих, компенсации рабочим за увечья не могут выплачиваться на гражданско-правовой основе с обязательным доказыванием вины предпринимателя. Это должно осуществляться путем страхования трудящихся, по меньшей мере, с участием государства. В-четвертых, он не отрицал свободы договора в рамках закона, но, вслед за А. Смитом, обратной стороной этого видел право рабочих на забастовку и на свободу объединений в профсоюзы. Центр тяжести всего рабочего вопроса виделся ему в повышении благосостояния рабочих, в том числе через их участие в прибылях и привлечении рабочих к управлению предприятием. Надо отметить, что Н. Х. Бунге выступал против попечительства в отношении рабочих, как и против административного произвола

и открытого давления на работодателей даже во имя достижения благих целей. Как ученый-административист, он считал, что все трудовые споры должны решаться только в рамках закона, где третьей стороной может и должно стать государство в лице уполномоченных органов, прежде всего фабричной инспекции и судов⁷²³.

Его интерес к фабричному законодательству носил вполне прикладной характер. В этом законодательстве он видел один из инструментов достижения внутренней стабильности и экономического процветания. Из всех государственных чиновников Российской империи своего времени это был, вероятно, самый компетентный специалист в сфере правового регулирования труда.

Н. Х. Бунге был сторонником полицейского права в широком смысле. В содержание полицейского права он традиционно включал постановления, относящиеся к благосостоянию (законы благоустройства), и постановления, касающиеся безопасности (законы благочиния). При этом благоустройство рассматривалось как прикладная часть политэкономии и включало меры, касающиеся различных сторон хозяйственной жизни (промышленности, торговли, кредитных учреждений и др.), в том числе упрочения благосостояния фабричных рабочих (фабричное законодательство).

Благочиние признавалось частью государственного права, которое относится к сохранению порядка и безопасности как общества, так и отдельных лиц. Законы благочиния включают уставы о народном продовольствии, о народном образовании, об общественном призвании и благотворительности, врачебные, о предупреждении и пресечении преступлений, о цензуре и содержании под стражей. Законы благочиния и составляют предмет полицейского права в узком смысле⁷²⁴.

В сфере действия полицейского права оказывались общественное презрение и благотворительность (с зачатками социального обеспечения), а также фабричное законодательство (или публичное трудовое право). Очевидно, что выделение последнего

---

⁷²³ См. о нем: Степанов В. Л. Рабочий вопрос в социально-экономических воззрениях Н. Х. Бунге // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1987. № 3. С. 17–26; Его же. Николай Христианович Бунге // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 183–220.

⁷²⁴ См.: Бунге Н. Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 2–5; 259–267; 153–260.

было в то время вполне обоснованно. В этой части исследования русских административистов отличались достаточной полнотой и точностью.

Н. Х. Бунге к мерам, относящимся к упрочению благосостояния рабочих, причислял меры, установленные законами о соблюдении осторожности на фабриках и вознаграждении рабочих за увечья; о кассах пенсий, пособий, взаимной помощи работников, учебных учреждениях и проч. В этой части ученый видел задачу в установлении юридических норм, которые должны облегчить возникновение и деятельность товариществ рабочих. Эти товарищества рассматривались им как средство, которое служит цели достижения рабочим сословием нравственной и хозяйственной самостоятельности, ограждению каждого члена от случайных бедствий. По мнению ученого, все товарищества рабочих могут быть подразделены на два вида. Первые – потребительские общества и общества вспомоществования – учреждаются для обеспечения дешевого удовлетворения потребностей товаров, дешевого жилья, для облегчения пользования кредитами. Особая роль отводилась товариществам вспомоществования, которые осуществляют выплату пособий в случае болезни, смерти, пенсий и др. Второй вид товариществ рабочих – производственные (производительные), – в которых рабочие являются не только исполнителями работ, но и по преимуществу пайщиками.

Применительно к народному образованию Н. Х. Бунге считал, что государство не может ни оставить просвещение на произвол судьбы, ни монополизировать его в своих руках. Участие государства необходимо в устройстве и содержании учебных заведений за государственный счет, в заведывании ими, в надзоре за школами, устроенными на средства земства, общин, личных союзов и частных лиц. Но как бы ни обширна была деятельность государства, потребность в образовании так велика, что успешное достижение целей немислимо без привлечения земств, общины, частных предпринимателей к устройству и содержанию учебных заведений, которые не могут быть основаны в достаточном количестве государством. Для ученого очевидна необходимость совместной деятельности государства, местного самоуправления, частных лиц и их союзов в деле народного образования. Порядок деятельности всех этих учебных заведений, их внутреннее устрой-

ство, административный надзор устанавливаются законодательством настолько, насколько этого требуют задачи образования.

Меры по противодействию нищете он связывал с частной и общественной благотворительностью, признавая термин «благотворительность» общим для всех случаев призрения⁷²⁵. При этом он отвергал юридическое право нуждающихся на вспомоществование. К органам благотворительности он относил совместную деятельность частных лиц и органов общественной благотворительности – личных союзов, в том числе церкви, общины, области и государства. Частная и церковная благотворительность носят нравственный и религиозный характер. Благотворительность государства связана распоряжениями и законодательными мерами. Но расширение пределов государственной благотворительности, по мнению Н. Х. Бунге, приведет к узаконению права нищеты, к установлению принудительных налогов, падающих на одни классы населения в пользу других. Государство дополняет частную и общинную благотворительность и устанавливает правила для всех благотворительных учреждений, обяывает их отчетностью, подчиняет надзору и пр. Все виды благотворительных учреждений Н. Х. Бунге разделил на три вида в зависимости от их предназначения: во-первых, для призрения детей (воспитательные дома, приюты, школы для бедных), во-вторых, для оказания помощи бедным, способным к работе (агентства для доставления работы, работные дома, земледельческие колонии), в-третьих, для призрения неспособных к работе (богадельни и др.) Таким образом, Н. Х. Бунге не признавал права на общественное призрение, трудовую помощь в качестве юридически обеспеченного, субъективного права. Неслучайно все виды социальной помощи нуждающимся он подвел под общую категорию благотворительности (милости). Эта помощь независимо от вида носит характер милости, в том числе и со стороны государства.

Н. Х. Бунге имел немало единомышленников среди видных российских экономистов, которые считали необходимым принятие относительно обширного фабричного законодательства. Так, известный ученый и одесский городской голова *Н. А. Новосельский* (1818–1898) признавал актуальность рабочего вопроса в России и предлагал его разрешить на «практической почве». По его мнению,

---

⁷²⁵ См.: Бунге Н. Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 231–254.

фабричные законы должны были взять под свое покровительство материальные интересы рабочих. Неразрешенность рабочего вопроса угрожала «перспективой социальной революции»⁷²⁶.

Среди сторонников социального страхования особое место занимает **Василий Гаврилович Яроцкий** (1855–1917)⁷²⁷. Он родился 20 декабря 1855 г. в Петербурге. В 1874 г. поступил в Горный институт, но оставил его на третьем курсе. В 1876 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1880 г. со степенью кандидата права. Со студенческих лет он был умеренным социалистом, сторонником активного участия государства в регулировании отношений между фабрикантами и рабочими и оставался таковым до последних дней. Кстати, в Горном институте на одном курсе с ним учился первый русский марксист Г. В. Плеханов (1865–1918). Стены института они покинули также почти одновременно в 1876 г. Но если Плеханов решил сделать мир более справедливым через его радикальное политическое переустройство, то Яроцкий хотел сделать то же самое через правовые и экономические реформы.

В 1880–1881 гг. Василий Гаврилович проходил зарубежную стажировку в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Бельгии, Швейцарии и Англии. Там он специально изучал правовую регламентацию отношений между работниками и работодателями, структуру и организацию государственных органов, надзирающих за соблюдением фабричного законодательства. Впоследствии он неоднократно бывал в зарубежных командировках и заслуженно пользовался репутацией знатока европейского законодательства. Специализировался на проблемах политэкономии и налогового права.

В 1883 г. он выдержал испытание на магистра политической экономии и в том же году определился на службу в Департамент торговли и промышленности Министерства финансов, но почти сразу перевелся преподавателем политэкономии и финансового права Александровского лицея. В 1885 г. по совместитель-

---

⁷²⁶ См.: Новосельский Н. А. Социальный вопрос в России. СПб., 1881. С. 81–102.

⁷²⁷ См.: Лушников А. М. Становление концепции социального страхования: учение В. Г. Яроцкого // Правовое регулирование социальной защиты населения: проблемы истории, теории и практики. Омск, 2003. С. 9–14.

ству (с 1891 г. в штате) он стал преподавателем финансового права Военно-юридической академии, с которой будет связан более 20 лет. В 1888 г. после защиты магистерской диссертации в Московском университете Яроцкий был утвержден магистром политэкономии и начал читать лекции в Петербургском университете в звании приват-доцента. Именно здесь в 1907 г. он начал читать для студентов частный необязательный курс под названием «Курс социальной политики в области рабочего вопроса»⁷²⁸. Это был не очень далекий прообраз трудового права.

Но основная его преподавательская деятельность была связана с Александровским лицеем, где с 1897 г. он был ординарным, а с 1908 г. – заслуженным профессором, исполнял обязанности секретаря Совета лицея. Действительный статский советник (светский генерал-майор) с 1894 г. В 1896 г. он защищает докторскую диссертацию по политической экономии и статистике в Московском университете. Его магистерская и докторская диссертации, посвященные правовому регулированию рабочего вопроса и социальному страхованию, были изданы в виде книг. С 1903 г. Яроцкий по совместительству заведовал Коммерческими курсами при Обществе для распространения коммерческих знаний. В 1910 г. согласно прошению он увольняется от службы в лицее, но продолжает преподавать и остается членом его Совета. Февральскую революцию он приветствовал и в апреле 1917 г. был назначен сенатором II Департамента Правительствующего Сената. Из числа гражданских профессоров он имел едва ли не наибольшее число государственных наград, в том числе шесть орденов и медаль. Но большинство из них были получены преимущественно за преподавательскую деятельность в Военно-юридической академии. Это, на первый взгляд, не сочетается с социалистическими убеждениями Яроцкого. Более того, некоторые лекции уважаемого профессора не были разрешены к публичному чтению из-за их расхождения с официальными установками. Но в действительности здесь нет никакого противоречия. Военно-юридическая академия была создана в 1867 г. по инициативе либерального военного министра Д. А. Милютинина и была одним из лучших юридических вузов страны. На преподавательскую работу в эту академию привлекалась ведущая российская профессура, а степень интеллектуальной свободы преподава-

---

⁷²⁸ Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 55.

телей была относительно большой. Отметим, что вместе с Яроцким в Военно-юридической академии преподавали в то время такие видные ученые, как В. М. Гессен, Н. М. Коркунов, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Д. Сергеевский и др.

В. Г. Яроцкий был разносторонний, энциклопедически образованный ученый, свободно владевший основными европейскими языками. Даже в настоящее время поражает его детальный анализ западной литературы, посвященной социальной проблематике. В этой части его работы можно сравнить только с работами Л. С. Таля. Ему принадлежит первое в России исследование, где всесторонне рассматривается наемный труд как предмет хозяйственного оборота. При этом В. Г. Яроцкий аргументированно доказывает, что труд не может быть признан товаром и принципиально отличается от любых других объектов гражданских отношений. Даже в настоящее время его аргументация может быть признана совершенно обоснованной. В числе его трудов есть публикации, посвященные проблемам правового регулирования трудовых и социально-обеспечительных отношений, политэкономии, налоговому, бюджетному и государственному праву, статистике и социологии, в том числе учению Г. Спенсера и др. По интересующей нас проблеме наибольшую важность представляет цикл работ общим объемом около 1700 страниц⁷²⁹.

Достойна уважения его практическая деятельность. В. Г. Яроцкий представлял собой редкий тип русского интеллигента, который не боялся сотрудничать с властными структурами с целью претворения в жизнь своих теоретических разработок. Он неоднократно входил в государственные комиссии, занимавшие

---

⁷²⁹ Яроцкий В. Г. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. СПб., 1887; Его же. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая). Ответственность предпринимателя как основание законодательного регулирования отношений хозяев и рабочих. СПб., 1887 (магистерская диссертация); Его же. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С. 1–50; Его же. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Т. 1–2. СПб., 1895 (докторская диссертация); Его же. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими // Труды Высочайше разрешенного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. III. Вып. V. СПб., 1897. С. 271–314.

ся подготовкой проектов социального законодательства в качестве эксперта. По своим взглядам В. Г. Яроцкий был западником, но вполне умеренным и патриотичным. Его нельзя назвать ученым-трудовиком в узком смысле этого слова. Гораздо больше его интересовали проблемы социального законодательства, прежде всего социального страхования. Его коллега, профессор М. Рейснер обоснованно назвал его одним из лучших знатоков социального страхования, искренним, хотя и беспартийным социалистом⁷³⁰.

В. Г. Яроцкий умер 28 июня 1917 г.⁷³¹ Отметим, что в 1917–1920 г. смерть настигла многих российских ученых, в том числе трудови́ков. Некоторые из них были расстреляны как заложники или представители «враждебных буржуазных элементов». Вероятно, часть ученых просто умерла от голода и холода, лишившись работы, службы, или, будучи мобилизованными на тяжелую физическую работу, пали жертвами эпидемий.

В. Г. Яроцкий первым в российской науке провел комплексное исследование правового регулирования трудовых отношений и социального страхования. Проблему социального страхования он рассматривал в широком контексте через еще более масштабную проблему, а именно отношения работников и работодателей и определение особенностей труда как объекта хозяйственного оборота. Даже в то время было очевидно, что труд принципиально отличается от иных объектов гражданского оборота, и в этой связи страхование имущества по своей правовой природе принципиально отличается от страхования социальных рисков наемного работника. Сформулированные в этой части выводы оказались вполне в русле современных научных дискуссий. В. Г. Яроцкий сформулировал три основные проблемы, касающиеся участия государства в регулировании отношений работников и работодателей:

- 1) необходимость государственного вмешательства;
- 2) фактическая возможность или осуществимость такого вмешательства;
- 3) право государства на такое вмешательство⁷³².

---

⁷³⁰ РГИА. Ф. 740. Оп. 31. Д. 473. Л. 1.

⁷³¹ Биографические данные приведены по формулярному списку (РГИА. Ф. 740. Оп. 31. Д. 473. Л. 23–30).

⁷³² См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... С. II–III.

Вывод автора был следующим. Государственное вмешательство «вызывается необходимостью как сознательного принятия на себя этой задачи государственной властью, так и развитием правосознания самих заинтересованных лиц»⁷³³. Наиболее совершенной формой государственного вмешательства признавалось «обязательное страхование рабочих предпринимателями в специально образуемых для этой цели учреждениях»⁷³⁴. Большое значение при этом придавалось перераспределению средств через налогообложение предпринимателей. В. Г. Яроцкий первым из российских ученых обосновал концепцию о возложении бремени страховых выплат по возмещению вреда жизни и здоровью работников, полученных на производстве, на работодателей. Свою позицию он обосновал следующим образом: «Общество, путем частной и общественной благотворительности, на деле доплачивает предпринимателям стоимость важнейшего из потребляемого им товара – работы, каковой факт и является основанием необходимости возложения на предпринимателя ответственности в этом отношении, т. к. иначе нельзя считать, что они вполне осуществляют свою хозяйственную функцию»⁷³⁵. Эта мера виделась ему переходной к социальному страхованию.

Весьма убедительно в исследованиях В. Г. Яроцкого определены особенности труда как объекта хозяйственного оборота. Только решив эту проблему, он считал возможным начинать разработку проблем социального страхования работников. В противном случае оказывалась неясной ситуация с самим объектом страхования и в конечном счете с характером правоотношений. При этом ученый опирался прежде всего на труды английских экономистов В. Торнтона, Ф. Гаррисона, А. Кэрнса, немецких исследователей Л. Брентано и Е. Энгеля.

В. Г. Яроцкий однозначно приветствовал появление первых российских фабричных законов в 80-х гг. XIX в. и полностью отрицал «патриархальность» в отношениях рабочих и хозяев предприятий. Он выступил сторонником жесткого определения периодичности выплаты зарплаты, ее строго денежной формы, уравнива-

---

⁷³³ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... . С. VIII.

⁷³⁴ Там же. С. IX.

⁷³⁵ См.: Там же. С. 439–440.

ния прав работников и работодателей на одностороннее расторжение договора личного найма, запрета уголовного преследования за нарушение условий этого договора. Яроцкий значительно раньше Л. С. Таля поставил вопрос об известном господстве над личностью работника в трудовых отношениях, о неотделимости труда от личности его носителя. Он констатировал «непригодность общих юридических законоположений» для обеспечения отношений по договору личного найма, т. е., по сути, поставил вопрос о необходимости специального законодательства, совмещающего частные и публичные начала. Он считал, что «нравственная обязанность государства» заключается во вмешательстве «в борьбу интересов фабрикантов и рабочих с целью ее урегулирования»⁷³⁶.

Ученый само понятие фабричного законодательства конструировал исходя из его договорной природы. Он определял его как «совокупность законодательных норм, регулирующих условия найма и работы»⁷³⁷. Этот российский ученый одним из первых поставил проблему о наличии господства над личностью в договорных отношениях, опосредующих несамостоятельный труд. Это, по его мнению, требовало вмешательства государства в сторону более четкой регламентации широкого круга вопросов, начиная от периодичности выплаты заработной платы, продолжительности рабочего дня, определения специфики труда женщин и детей и др.⁷³⁸

Одним из первых в России В. Г. Яроцкий в качестве задачи фабричного законодательства специально выделил защиту интересов рабочих⁷³⁹. Он считал, что право на прекращение договора личного найма должно быть уравновешенным, тогда как оно было в пользу работодателя. Фабрикант мог расторгнуть договор в одностороннем порядке, а рабочий мог этого требовать только по решению суда. К тому же обязательная сила договора личного найма обеспечивалась возможностью уголовного преследования

---

⁷³⁶ Яроцкий В. Г. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих. С. 49.

⁷³⁷ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... С. 330.

⁷³⁸ См.: Яроцкий В. Г. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих. С. 12–16, 26 и др.

⁷³⁹ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... С. 326–327.

работника за одностороннее самовольное прекращение договора. По мнению Яроцкого, это было нецелесообразным⁷⁴⁰.

Само понятие социального риска В. Г. Яроцкий связывал с развитием капиталистических отношений и появлением крупного машинного производства. Это, с одной стороны, привело к возникновению целого класса – наемных работников, для которых использование труда являлось единственным источником их существования. С другой стороны, экономический прогресс и массовое использование машин приводили к повышенному травматизму на производстве. Возросший уровень гуманизма не позволял просто оставить без помощи лиц, утративших способность к труду или заработок. Различные формы благотворительности и призрения бедных, в том числе через государственные органы, показали свою неэффективность. В этой связи самым ходом экономического и социального развития был поставлен вопрос о необходимости законодательного обеспечения, как тогда выражались, «жертв машинного производства».

В рамках гражданского права постепенно выработалось понятие «профессионального риска», присущего тому или иному производству. Нанимая работника, работодатель уже только этим подвергал его определенному виду профессионального риска. Отсюда вытекает обоснование необходимости законодательного закрепления ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. В. Г. Яроцкий выразил эту идею через указание на взаимодействие социального обеспечения рабочих и специальной ответственности предпринимателей⁷⁴¹. Это позволило сделать вывод о том, что риск несчастного случая на работе есть естественный и неизбежный фактор, характеризующий определенную профессиональную деятельность. Социальное страхование, по его мнению, основывается на соединении людей в различные группы, которое имеет в своей основе известную долю самопожертвования членов – одного в пользу остальных и обратно⁷⁴². Хотя названные ученые писали о социальном страховании, однако этот

---

⁷⁴⁰ См.: Яроцкий В. Г. Правила фабричного найма рабочих и надзор за отношениями хозяев и рабочих. С. 22–26.

⁷⁴¹ См.: Яроцкий В. Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Т. 1–2. СПб., 1895. С. III–IV.

⁷⁴² См.: Яроцкий В. Г. Там же. С. 197.

тезис можно распространить и на иные виды социальной помощи за счет средств бюджетной системы.

В число страховых случаев В. Г. Яроцкий однозначно включались утрата трудоспособности вследствие болезни, трудового увечья, профессионального заболевания и старости. Наконец, предприниматель должен был покрывать «мертвые» издержки по воспроизведению стоимости труда, в число которых входило и содержание семей лиц, лишившихся кормильца⁷⁴³. Здесь мы можем говорить о страховании на случай потери кормильца. Страхование, по его мнению, должно было носить обязательный характер, и состояние в трудовых отношениях должно было определять положение работника как застрахованного лица. В качестве страховщика должен был выступать государственный орган, заинтересованный не столько в получении прибыли, сколько в своевременной выплате установленных сумм застрахованным лицам.

В этой части несколько слов следует сказать о понятии «правового состояния – быть застрахованным». Другой российский ученый А. Ю. Вегнер присоединился и поддержал позицию немецкого профессора Г. Розена. Последний пришел к заключению о том, что рабочее страхование не является договором, так как рабочий, поступая на завод, *eo ipso* подлeжит правилам страхования. Это не двухстороннее правоотношение, а не более как два односторонних обязательства, возникающих *ipso jure* на основании одного и того же юридического факта. Этим фактом создается известное «правовое состояние» лица, последствием которого является для такого лица право требовать вспомоществования при наступлении известных случайностей⁷⁴⁴.

Вернемся к научному наследию В. Г. Яроцкого. Он вполне разделял точку зрения видного немецкого экономиста А. Вагнера о том, что содержать инвалидов труда должны работодатели, получавшие от их труда выгоду. Вслед за немецким ученым было сформулировано следующее положение: «В конце концов, весь вопрос сводится к тому: кто должен нести бремя по обеспечению инвалидов труда? Должно ли это делать все население по-

---

⁷⁴³ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... С. 327 и далее.

⁷⁴⁴ См.: Вегнер А. Ю. Пенсии престарелым или страхование на случай старости? Харьков, 1907. С. 20.

средством общин (коммун), или это должно лежать на обязанности предпринимателей, которые извлекают наибольшую выгоду из труда рабочих? Я нахожу, что гораздо правильнее, чтобы платил за рабочих тот, кто приобретает выгоду от их труда. Современное законодательство о призрении бедных сваливает это бремя на плечи тех, кто по справедливости нести его вовсе не должен, и это есть самая вопиющая несправедливость!»⁷⁴⁵.

В. Г. Яроцкий не просто защищал идею социального страхования, но именно государственного страхования социальных рисков. Он отмечал, что во Франции уже с 1850 г. существовали особые кассы для страхования на случай старости, а с 1868 г. также и кассы для страхования от несчастных случаев на производстве. В Англии с 1864 г. существовало государственное (добровольное) страхование жизни⁷⁴⁶. Но наиболее высоко российский ученый оценивал немецкое законодательство, начиная с Закона 7 июня 1871 г., а затем и страховые законы 80-х гг. XIX в. Он даже предполагал, что через социальное страхование можно во многом решить обострившийся уже тогда «рабочий вопрос».

Концепцию государственного социального страхования на рубеже XIX–XX вв. поддержали многие видные российские ученые и политические деятели, в том числе *Александр Соломонович Гольденвейзер* (1855–1915), *Петр Андреевич Никольский* (1858–1921), И. Х. Озеров, А. А. Пресс⁷⁴⁷. Но В. Г. Яроцкий оказался первым из них как по времени постановки проблемы, так и по глубине и комплексности ее разработки.

В своих работах он постоянно проводил мысль о необходимости внесения правового начала в отношения между работниками

---

⁷⁴⁵ Цит. по: Яроцкий В. Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. СПб., 1895. Т. 2. С. 602.

⁷⁴⁶ См.: Яроцкий В. Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. С. 264, 430 и др.

⁷⁴⁷ См.: Гольденвейзер А. С. Социальное законодательство Германской империи. Страхование рабочих: больничное, от несчастных случаев, на случай потери способности к труду и старости. Киев, 1890; Никольский П. А. Основные вопросы страхования. Казань, 1895; Озеров И. Х. Страхование трудящихся в Германии. М., 1906; Пресс А. А. Страхование рабочих в России. СПб., 1900 и др.

и работодателями⁷⁴⁸. Он справедливо считал, что работники являются экономически более слабой стороной и нуждаются в правовой защите. Особую роль В. Г. Яроцкий отводил государству, прежде всего как законодателю, но также и как организатору эффективного взаимодействия между трудом и капиталом. Государство, по его мнению, должно было осуществлять меры по охране труда работников и их защите от произвола хозяев. Он предлагал некоторые меры, связанные с системой налогообложения, позволявшие перераспределять прибыль и часть ее направлять на социальное страхование работников. На наш взгляд, вклад Яроцкого в развитие отечественной науки трудового права и права социального обеспечения недооценен. Его заслуги в этой части, по меньшей мере, сопоставимы с заслугами Л. С. Таля.

Научным оппонентом, если не сказать более, В. Г. Яроцкого стал еще один столичный профессор – **Павел Иванович Георгиевский** (1857–1938). Он родился в Петербургской губернии, в Царской славянке, что под Павловском. В 1875 г. окончил с золотой медалью 3-ю Петербургскую гимназию. После завершения обучения на юридическом факультете Петербургского университета в 1879 г. был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре политической экономии. В 1880–1882 гг. стажировался за границей (Берлин (ученик А. Вагнера), Галле, Париж). Магистр политэкономии (1882 г.), с 1883 г. начал преподавать статистику, с 1885 г. приват-доцент кафедры политической экономии и статистики. В 1887 г. защитил докторскую диссертацию, а с 1888 г. экстраординарный (с 1890 г. – ординарный) профессор. Одновременно был директором Центрального статистического комитета МВД, профессором Института путей сообщения. Член Особой комиссии под председательством К. К. Грота, которая была создана для пересмотра законодательства о призрении бедных⁷⁴⁹. Для нее ученый разработал законопроект организации общественного призрения в городах и проект Устава Обще-

---

⁷⁴⁸ См.: Яроцкий В. Г. Экономическая ответственность предпринимателей... С. 317 и др.

⁷⁴⁹ См. подробнее: Карл Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815–30 октября 1897): Материалы для биографии и характеристики. К 100-летию со дня рождения. Т. 1–2. Пг., 1915.

ства по устройству сельских колоний⁷⁵⁰. Автор еще целого ряда статей, посвященных общественному призрению («Эльберфельдская система общественного призрения» и др.).

П. И. Георгиевский проследил эволюцию благотворительности и иных мер борьбы с бедностью с древнейших времен. При этом очевидна большая эрудиция автора, его свободное владение историческим материалом, знание западной литературы. Ученый отмечал, что уже с XVII в. из недр общины исторически развились благотворительность частных лиц и свободных союзов, с одной стороны, и общественных органов – с другой. Он поставил вопрос о взаимоотношениях названных органов и разграничении сфер их деятельности. По его мнению, частная благотворительность должна осуществляться в тех областях призрения, где особенно важна индивидуализация помощи. Главным достоинством частной благотворительности является ее способность вникать «в детали и частные условия каждого отдельного случая». Частная благотворительность свободна в определении оснований и размеров оказания помощи нуждающимся. В то же время общественное призрение необходимо там, где проявления нужды требуют применения на практике начал принуждения и общих правил предоставления помощи. Только государству и его органам принадлежит право ограничения личной и имущественной свободы. Общественное призрение – это деятельность органов по принятию общих мер, подведение многих случаев под общие правила. Общественное призрение имеет задачу – никого не допустить умереть от лишений, которые могут быть устранены своевременно оказанной помощью. П. И. Георгиевский приходит к выводу, что государство должно осуществлять надзор за деятельностью органов частной благотворительности. Но, кроме этой функции, государство должно сотрудничать на основании свободного соглашения с органами частной благотворительности в решении общих задач борьбы с бедностью⁷⁵¹.

После революции 1917 г. П. И. Георгиевский оказался на Юге страны, в 1920 г. из Новороссийска с остатками армии Врангеля

---

⁷⁵⁰ См.: Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894. С. 97–118.

⁷⁵¹ См.: Там же. С. 76–86.

эвакуировался в Константинополь, затем перебрался в Прагу, где преподавал на Русском юридическом факультете. Умер в 1938 г. в Праге.

Известный научный резонанс имела его полемика с В. Г. Яроцким, возникшая по поводу опубликованной магистерской диссертации последнего. П. И. Георгиевский обвинил своего коллегу по университету в неуважении к научным авторитетам, отсутствии логики изложения и едва ли не в элементарной научной безграмотности. Достаточно сказать, что целью издания его брошюры стал показ научной несостоятельности Яроцкого⁷⁵². При этом по сути проблемы Георгиевский не возражал. Яроцкий ответил немедленно и достаточно жестко⁷⁵³. Очевидно, что вышеназванному автору не удалось избежать некоторых ошибок, но ни о какой несостоятельности речи идти не могло, и научная общественность оказалась преимущественно на стороне Яроцкого. При этом ученых нельзя назвать научными оппонентами, а научная квалификация обоих не вызывает сомнения. Вероятно, такая пикировка была связана с тем, кто из них займет кафедру политической экономии Петербургского университета. Георгиевский первым нанес удар и не прогадал, хотя человеческой симпатии к нему это вряд ли прибавляет.

Еще один профессор Петербургского университета **Александр Михайлович Горовцев** посвятил специальное исследование трудовой помощи. Он писал, что термин «трудовая помощь» по своему происхождению является молодым и в западноевропейской литературе рассматривается в качестве благотворительной меры, противоположной понятию «милостыня». В России это понятие приобрело более широкое значение. Несомненно, что трудовая помощь как мера призрения охватывает только трудоспособных лиц. А. Горовцев рассмотрел трудовую помощь как средство призрения бедных, исходя из трех основных функций. Во-первых, трудовая помощь является мерой предупредительной. В этой части наш автор солидарен в высказывании Д. Рикардо, «что ни одна система бла-

---

⁷⁵² См.: Георгиевский П. И. «Экономическая ответственность...» г. Яроцкого. СПб., 1888. С. 5

⁷⁵³ См.: Яроцкий В. Г. Ответ г. Георгиевскому с объяснением его научно-критических приемов. СПб., 1888 (оттиск из: «Экономический журнал». 1888. Кн. 4).

готовительности не заслуживает никакого внимания, если ее конечной целью не является стремление доставить нуждающемуся возможность обходиться без нее..., так помочь нуждающемуся, чтобы он мог обходиться без посторонней помощи». При этом он утверждал, что «только ввиду возможности полного отсутствия или значительных несовершенств частной благотворительности можно и приходится признавать за государством нравственную обязанность организовывать общественное призрение»⁷⁵⁴. Во-вторых, трудовая помощь является мерой благотворительной. И, наконец, в-третьих, репрессивной мерой. В отношении последней характеристики А. Горовцев поясняет, что едва ли такой принудительный труд можно назвать трудовой помощью, правильнее было бы назвать его трудовым наказанием. Именно с этих позиций он провел сравнительно-правовое исследование истории и современного состояния организации трудовой помощи в России и других странах (Англии, Франции, Германии, Бельгии, Америке и др.). Результатом научных изысканий стали теоретические и практические выводы. А. Горовцев разделил лиц, охватываемых трудовой помощью, на три класса. Каждой категории призреваемых предоставляются конкретные виды трудовой помощи. К первой группе относятся трудоспособные лица, желающие работать, но не могущие ее найти. Таким беднякам нужна или временная поддержка (например, немецкие станции питания и призрения, указания по приисканию работы), либо более долговременная помощь в учреждениях трудовой помощи с совершенно свободным и добровольным характером, почти без всякого режима. Вторая группа призреваемых в состоянии, как пишет А. Горовцев, «возвратиться к труду, но густая тина нищеты все глубже их затягивает и приближает к уровню профессионального нищенства». Для этих призреваемых нужны учреждения трудовой помощи преимущественно с воспитательным характером, с известным режимом. Подобными учреждениями являлись немецкие рабочие колонии, в России – «евангелический» дом трудолюбия и др. Третья группа призреваемых – это профессиональные нищие, не желающие трудиться и совершающие преступления. Для них нужны исправительные учреждения с принудительным трудом. К таковым относятся, например, рабочие дома. Во

---

⁷⁵⁴ Цит. по: Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. С. 27, 43.

всех этих трех учреждениях различного типа присутствуют все три элемента борьбы с бедностью – материальная поддержка, воспитание и исправление. В каждом из них они только своеобразно комбинируются. А. Горовцев, подводя итог исследованию, отмечает, что подобное жесткое подразделение нуждающихся в зависимости от их отношения к труду не только не утопия, но и вполне осуществимый факт, что доказывают примеры таких государств, как Бельгия и Голландия. В России этот принцип еще не нашел должного применения, более того, нередко в домах трудолюбия призывают не только трудоспособных, но и нетрудоспособных лиц⁷⁵⁵.

К числу специалистов-практиков по проблеме социального страхования может быть причислен **Адольф Максимович Нолькен** (1860–1919). Он родился 30 июля 1860 г. и происходил из семьи прибалтийских немцев, титуловался бароном. После окончания юридического факультета Петербургского университета (1882 г.) он работал в Министерстве юстиции, в 1893–1901 гг. – в Варшавской судебной палате. Затем А. М. Нолькен снова вернулся в Министерство юстиции, а в 1905–1910 гг. являлся председателем Департамента Петербургской судебной палаты. Вершиной его карьеры стала должность сенатора в 1910–1917 гг. Революционные события он не принял, с 1917 г. оказался в отставке, а в 1919 г. покончил жизнь самоубийством.

Это был очень грамотный юрист-практик, который занимался толкованием законов и в этой части его сенаторской специализацией оказались законы о социальном страховании. По сути его исследования представляли собой развернутые комментарии и практические руководства по их применению⁷⁵⁶. Их практическая ценность несомненна, тем более что автор рассматривает страховые законы достаточно объективно.

А. М. Нолькен анализировал страховые законы, принятые с 1903 г. Он обоснованно отмечал новизну юридических принци-

---

⁷⁵⁵ См.: Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. С. 428–437.

⁷⁵⁶ Нолькен А. М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных: Практическое руководство. СПб., 1911; Его же. Закон о страховании рабочих: Практический комментарий. СПб., 1913; Его же. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни: Практическое руководство. СПб., 1914.

пов, установленных Законом 2 июня 1903 г. Но он же подчеркивал, что «...практическое применение этих новых принципов весьма существенно осложняется несовершенством, и при том, главным образом, в редакционном отношении, Закона 2 июня 1903 г.»⁷⁵⁷. Это несовершенство налагалось на его главный недостаток – отсутствие страховых организаций работодателей и слабый предварительный учет возможных рисков. В законе назывались два вида страхования: 1) страхование в добровольных частных страховых обществах; 2) страхование в обществах взаимного страхования. Анализировал он и законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях казенных управлений.

Ученый рассмотрел процесс расширения круга лиц, охваченных обязательным социальным страхованием. Он отмечал, что постепенно обязательное страхование профессиональных рисков получило широкое распространение в отношении отдельных категорий наемных работников на казенных предприятиях: в артиллерийских заведениях военного ведомства (1904 г.), государственной и сенатской типографиях (1905 г.), предприятиях морского ведомства (1906 г.), торговых портах (1906 г.) и др. Однако при этом данный вид страхования касался достаточно ограниченного круга лиц⁷⁵⁸.

Ученый констатировал, что действительно первым законом о страховании от несчастных случаев на работе стал Закон 23 июня 1912 г. Одновременно принимается Положение о страховании рабочих от несчастных случаев и Закон об учреждении Совета по делам страхования рабочих. Этот закон индивидуальную ответственность работодателей заменял коллективной ответственностью через страховые товарищества. Центр тяжести был перенесен на выплату пенсий, а выдача единовременных вознаграждений взамен пенсии была существенно ограничена. Коллективная ответственность создавала почву для введения профилактики травматизма, которая ранее традиционно игнорировалась. Был несколько увеличен круг застрахованных и расширено понятие «страхового случая». Страхованию подлежали, помимо охваченных Законом 1903 г., работники трамвайного транспорта, судоходства и частных железных дорог. Страхование осуществлялось по

---

⁷⁵⁷ Нолькен А. М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных. С. 111.

⁷⁵⁸ См.: Нолькен А. М. Закон о страховании рабочих. С. 33–35.

территориальному признаку, т. е. страна делилась на страховые округа, в каждом из которых учреждалось одно страховое товарищество. Однако, в целом оценивая Закон 1912 г., А. М. Нолькен отмечал, что этот закон «за немногими отступлениями, воспроизводит материальные и процессуальные положения Закона 2 июня 1903 г.»⁷⁵⁹. Отмечались и недостатки данного закона.

А. М. Нолькен констатировал, что страхование на случай болезни в России впервые было легализовано Законом 23 июня 1912 г. Одновременно было учреждено Присутствие по делам о страховании рабочих⁷⁶⁰. Круг застрахованных включал в себя фабрично-заводских, горных и горнозаводских рабочих, а также работников трамвайных предприятий, внутреннего судоходства и частных железных дорог. Постановлением Правительства в 1913 г. оно было распространено на предприятия Ленского золотопромышленного товарищества в Иркутской губернии. Однако вне системы страхования остались широкие слои наемных работников. Кроме того, не подлежали страхованию работники, работающие на предприятиях с числом менее 20 занятых, если на нем имелся двигатель, и менее 30, если двигателя не было.

Отмечалось, что органами страхования, по германскому образцу, выступили больничные кассы. Они учреждались исключительно при конкретных предприятиях, как и фабричные кассы, о которых речь шла ранее. Это касалось предприятий с численностью рабочих не менее 200, а для более мелких разрешалось открывать общие кассы на несколько предприятий. Теоретически можно было создать и общегородские кассы, но властями это не приветствовалось, и подобные случаи имели единичный характер. Каждая касса имела свой устав, утверждаемый владельцем предприятия. Предварительно он представлялся для получения мнения рабочих, которое имело рекомендательный характер. Уставы утверждались Присутствием по делам о страховании рабочих. Руководящим органом касс были общие собрания и правления. Их средства формировались из взносов самих застрахованных и работодателей в пропорции 3 : 2.

---

⁷⁵⁹ Нолькен А. М. Закон о страховании рабочих. С. III.

⁷⁶⁰ См.: Нолькен А. М. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни.

В. М. Нолькен отмечал, что Закон 1912 г. впервые ввел принцип обязательности страхования. В него были вовлечены достаточно широкие слои работников, которые через больничные кассы удовлетворяли свои социальные потребности. Добавим, что Закон 1912 г. стал исходным пунктом для дальнейших реформ в сфере социального страхования. При всех своих недостатках он представлял собой крупное прогрессивное общественное явление, что признавалось и Адольфом Максимовичем.

Видным специалистом, подводившим теоретические основы под право социального обеспечения, был **Владимир Федорович Дерюжинский** (1861–1920). Это был один из ведущих российских специалистов в области полицейского права. Он родился 27 марта 1861 г. в Смоленске. После окончания Смоленской гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, где завершил обучение в 1883 г. Оставлен на кафедре полицейского права, в 1883–1884 гг. в научной командировке в Париже и Гейдельберге. С 1886 г., после сдачи магистерских экзаменов, приват-доцент в том же университете, преподавал полицейское право. С 1891 г. экстраординарный профессор Юрьевского университета, в 1895 г. приглашен в Александровский лицей в Петербурге. Магистерскую диссертацию по полицейскому праву Дерюжинский защитил в 1896 г. в Харьковском университете. С 1902 г. ординарный профессор Санкт-Петербургского университета, с оставлением в должности и в Александровском лицее. Доктор наук (1901 г.), затем заслуженный профессор, заведующий кафедрой полицейского права университета. Являлся редактором «Журнала Министерства юстиции» (с 1895 г.). На эту должность его пригласил тогдашний министр юстиции В. Н. Муравьев (1850–1908), который некоторое время протектировал молодому профессору. Кроме того, Дерюжинский возглавлял журнал «Трудовая помощь» в 1897–1917 гг. Он был крупным специалистом в области «полицейского благосостояния» и социального призрения, принимал участие в подготовке проектов социальных законов, в работе профильных государственных комиссий. После революции 1917 г. первоначально остался в России, но являлся активным противником большевистского режима. Некоторое время он жил на Юге России, сотрудничал с белым движением. Он считал, что Временное правительство не смогло справиться с анархией и разрухой и на этой волне вожаки большевизма смогли овла-

деть сочувствием масс. Идеалом ученого была парламентская монархия с прямым признанием народного суверенитета, с демократическим правлением⁷⁶¹. Крушение белого движения на Юге страны означало крах его политических проектов и жизненных планов. Умер он 21 декабря 1920 г. от тифа, когда отправился к сыну, проживающему в США.

В. Ф. Дерюжинский был сторонником узкого определения полицейского права. В структуре предмета «полицейское право» он выделил следующие институты: полиция безопасности и право передвижения; полиция союзов и собраний, полиция печати; чрезвычайные меры полиции безопасности; санитарная и медицинская полиция, полиция нравов; народное образование; общественное призрение и благотворительность и фабричное законодательство⁷⁶². Таким образом, содержание полицейского права он сводил к государственному регулированию (управлению), «на долю которого выпадает оказание населению всевозможного содействия к развитию его культурных интересов и удовлетворению многосложных потребностей его материального и духовного существования», а равно охране «общественного порядка и спокойствия как важных условий общежития»⁷⁶³. Специально стоит отметить данное ученым вполне адекватное определение фабричного законодательства как совокупности норм, «ближайшим образом регулирующих взаимные отношения предпринимателей и рабочих и ограждающих интересы последних от неблагоприятного влияния современных условий крупного производства»⁷⁶⁴.

Особый интерес представляют работы В. Ф. Дерюжинского об общественном призрении, в области которого он был признанным специалистом. Краткий обзор его эволюции был дан уже в учебнике по полицейскому праву⁷⁶⁵. По его мнению, в начале XX в. в развитых странах сложилось два типа организации призрения бедных по критерию его обязательности. Во-первых, оно могло носить

---

⁷⁶¹ См.: Дерюжинский В. Ф. О гражданском долге и демократии. Ростов-н/Д., 1919. С. 4–23.

⁷⁶² См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пг., 1917 (это последнее из 4-х изданий этого учебника).

⁷⁶³ Там же. С. 2, 16.

⁷⁶⁴ Там же. С. 478–479.

⁷⁶⁵ Там же. С. 396–477.

обязательный характер, что было свойственно Германии, Англии, США, Скандинавским странам. Во-вторых, оно могло строиться на факультативном принципе, как во Франции, Италии и Бельгии. Но и в последнем случае явно прослеживалась тенденция к его обязательности. Например, во Франции с 1843 г. представлялась общественная даровая медицинская помощь нуждающимся больным. В большинстве государств средства на призрение бедных отчислялись из государственных или местных бюджетов⁷⁶⁶.

В специальном исследовании «Заметки об общественном призрении» он дал развернутый исторический очерк развития призрения в России, отмечая «много общего с западноевропейскими народами». Ученый выступил поборником государственной системы обязательного призрения. При этом он отмечал, что право бедняка на помощь не вызывает особых разногласий, что далеко нельзя сказать о способах оказания такой помощи. Для современников В. Ф. Дерюжинского главным предметом спора был вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в это дело и регулировать его, или же оно должно быть всецело предоставлено заботам частной инициативы и благотворительности. Одни признают государственную систему обязательного призрения «весьма пагубной», парализующей энергию труда и стремление к самостоятельности, развивая непредусмотрительность в людях. В этой связи заботы о бедных должны быть предоставлены исключительно свободной деятельности частных лиц и церкви. Другие, в том числе и В. Ф. Дерюжинский, считали иначе. В обоснование необходимости организации системы государственного призрения он приводит два основных аргумента. Во-первых, он утверждал, что недостатки системы обязательного призрения большей частью не присущи ей как таковой. Эти недостатки свидетельствуют не против самого принципа обязательного призрения, а лишь против известных способов его применения. Он обоснованно полагал, что эти недостатки могут быть устранены лучшей организацией дела общественного призрения. Во-вторых, по мнению В. Ф. Дерюжинского, указание на частную и церковную благотворительность как на единственно рациональную систему вспомоществования бедным находится в явном противоречии с убедительными данными прошлой истории призрения, которые свидетельствуют именно о

---

⁷⁶⁶ См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. С. 402.

недостаточности и неудовлетворительности исключительного господства системы частной благотворительности.

Он писал: «... нет сомнения, что в дальнейшем развитие общественного призрения в России должно быть вверено органам самоуправления, земству и городским общественным учреждениям»⁷⁶⁷. Рассматривая результаты деятельности московской организации городских участковых попечительств о бедных, В. Ф. Дерюжинский отмечал, что именно такая организация обеспечивает адресность постоянной и временной помощи нуждающимся усилиями различных учреждений (общественных, государственных, сословных). В основу деятельности названных попечительств был положен принцип индивидуализации дела общественного призрения, вызывающий необходимость тщательного обследования каждого просителя. Кроме того, попечительства о бедных не ограничивались содержанием богаделен и приютов для стариков и детей, они также открывали швейные мастерские, в которых бедные, но способные к труду женщины могли получать заработок, а также посреднические конторы для указания места и занятий прислуги и рабочим (службы трудоустройства)⁷⁶⁸. Таким образом, общественное призрение охватывало и иные формы помощи нуждающимся. Как отмечал В. Ф. Дерюжинский, в такой организации учреждений попечительства о бедных прослеживается «много общих черт с немецкой эльберфельдской системой»⁷⁶⁹. Не менее важен вывод В. Ф. Дерюжинского о том, что организация призрения бедных должна строиться на объединении деятельности всех благотворительных учреждений – сословных, общественных и частных и постоянном взаимодействии между ними и городским управлением, но без нарушения самостоятельности этих учреждений.

В. Ф. Дерюжинский исследовал постановку призрения за рубежом, в том числе в Англии и Франции⁷⁷⁰.

---

⁷⁶⁷ Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 87.

⁷⁶⁸ Дерюжинский В. Ф. Попечение о домах трудолюбия. СПб., 1895.

⁷⁶⁹ Там же. С. 101.

⁷⁷⁰ См.: Дерюжинский В. Ф. Призрение бедных в Англии. СПб., 1906; Его же. Призрение прокаженных во Франции. СПб., 1889.

Достаточно неожиданно к проблемам социального призрения обратился **Владислав Францевич Залеский** (1861–1922)⁷⁷¹. Он родился в семье приват-доцента Казанского университета 30 января 1861 г. В 1885 г. он окончил физико-математический факультет Казанского университета, после самостоятельной подготовки в имени выдержал в 1889 г. испытание за курс юридического факультета с дипломом первой степени. В 1892 г. сдал магистерские экзамены и затем был принят приват-доцентом кафедры политэкономии. С 1894 г. магистр и с 1899 г. доктор политэкономии. С 1895 г. преподавал курс энциклопедии права и истории философии права. С 1900 г. экстраординарный, с 1901 г. ординарный профессор. В этой должности ученый оставался до 1918 г. Февральскую революцию он встретил сдержанно, а октябрьские события 1917 г. вызвали его острое неприятие. В сентябре 1918 г. уехал в Томск, где до декабря 1919 г. был профессором политэкономии и статистики в местном университете. Его политическая активность имела ярко выраженный националистический характер. В декабре 1905 г. он выступил одним из учредителей казанского «Царско-народного русского общества», был его председателем, в 1906–1907 гг. издавал газету «Черносотенец». Это был эрудированный ученый, хороший оратор, однако склонный к «скоморошью публичным выходкам». Он умер в Томске 15 февраля 1922 г.

В интересующем нас контексте он подготовил исследование о законодательном регулировании призрения бедных на Западе⁷⁷². Наиболее подробно он остановился на законодательстве Англии, Германии и Франции, в меньшей степени – Австрии, Италии, Дании, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Голландии и Бельгии. Это достаточно сжатый обзор и сравнительно-правовое описание различных систем социального призрения с выявлением присущих им признаков и руководящих начал. Англия определена как классическая страна налога для бедных и закрытого призрения с рабочим домом, Франция – страна частной благотворительности и открытого призрения, Германия – как страна, где преимущество отдается открытому призрению, но есть и закрытое призрение, име-

---

⁷⁷¹ См.: Казанский университет. 1804–2004: Биобиблиографический словарь. Казань, 2002. Т. 1. С. 197.

⁷⁷² См.: Залеский В. Ф. Система призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западно-европейских стран. Казань, 1912.

ется хорошо организованное общественное призрение и частная благотворительность. Отмечается успешность в этом плане Германии, с которой может конкурировать только Дания. Преимущества германской модели призрения бедных ученый видел в том, что она направлена не только на поддержание физического существования несчастных, но и на помощь призреваемому выбраться из нищеты и сделаться полезным членом общества. Достигается это эффективной трудовой помощью и индивидуализацией призрения. В. Ф. Залеский выделял германское законодательство как пример высокой государственной мудрости и здоровой национальной политики. Достаточно большой фрагмент книги посвящен призрению детей. Этот сюжет он рассмотрел впоследствии отдельно в достаточно объемном исследовании⁷⁷³.

Правом социального обеспечения занимался еще один известный административист и видный политический деятель **Илья Яковлевич Гурлянд** (1868 – после 1921). Он родился в 1868 г. в г. Бердичеве (Киевской губернии) в семье раввина Полтавской губернии. После окончания гимназии с золотой медалью он поступил в Демидовский юридический лицей (г. Ярославль), который окончил в 1890 г. со степенью кандидата права, и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Его учителем был выдающийся ученый, государствовед и полицеист А. Е. Назимов (1851–1902). С 1894 г. И. Я. Гурлянд приват-доцент кафедры полицейского права Демидовского юридического лицея. Разносторонняя подготовка и большая работоспособность позволили ему одновременно преподавать торговое и административное право, активно участвовать в деятельности Ярославского юридического общества. Кроме того, он подготовил около 10 достаточно крупных публикаций по истории права. Ученый был близко знаком с А. П. Чеховым. Наконец, Гурлянд проявил себя как талантливый литератор, поэт, автор большого числа рассказов, очерков, репортажей и рецензий⁷⁷⁴. Часть своих работ он подписывал псевдонимом Арсений Гуров. Многообразие его интересов и сегодня вызывает уваже-

---

⁷⁷³ См.: Залеский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1917.

⁷⁷⁴ См.: Гурлянд И. Я. Карьера: Повесть. М., 1896; Его же. На кресте: Повесть в стихах. Париж, 1921 и др.

ние. Так, его признают одним из наиболее видных ярославских историков-краеведов конца XIX в.

Это не мешало его основной научной деятельности, и в 1900 г. он защищает магистерскую, а в 1902 г. – докторскую диссертации по полицейскому праву, после чего избирается экстраординарным (1900 г.) и ординарным профессором (1902 г.) Демидовского юридического лицея. При этом в традиционном профессорском «фрондерстве» он замечен не был и в 1902 г. назначается членом профессорского дисциплинарного суда по наложению взысканий на студентов за нарушение своих обязанностей.

В 1896–1902 гг. он входил в ближайшее окружение Ярославского губернатора Б. В. Штюрмера. Талантливый и честолюбивый ученый был замечен и в 1904 г. по рекомендации Б. В. Штюрмера переведен в центральный аппарат МВД с назначением членом Совета Министра внутренних дел и чином действительного статского советника (светский генерал-майор, с 1909 г.). С 1907 г. он становится руководителем правительственного официозного издания «Россия» и одним из ближайших советников П. А. Столыпина. Говоря современным языком, он стал спичрайтером (составителем речей) сначала главы МВД, а затем и председателя правительства П. А. Столыпина. Многие из ярких речей этого последнего действительно крупного реформатора царского периода были подготовлены именно Гурляндом. После переезда в столицу в великосветских кругах о нем сложилось мнение как об умном и скромном, но чрезвычайно хитром деятеле, звезда которого поднимается. Ему приписывалось авторство политических статей в печати под псевдонимом Васильев, а также подготовка проекта закона о выборах⁷⁷⁵.

В 1915 г. он становится директором-распорядителем Бюро печати, а с 1916 г. – главой всей информационной службы России, т. е. фактически министром информации. В 1916 г. входит в правительство своего патрона Б. В. Штюрмера, руководил Петроградским телеграфным агентством. Революционные события февраля 1917 г. он не принял и оказался в числе эмигрантов пер-

---

⁷⁷⁵ См.: Богданович А. В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 416–417, 464.

вой волны. Его дальнейшая судьба нам достоверно неизвестна, но на начало 20-х гг. XX в. он находился в Париже⁷⁷⁶.

В интересующем нас контексте отметим, что Гурлянд может быть отнесен к числу первых ученых, обратившихся к проблеме права социального обеспечения в рамках формирующейся отрасли трудового права. Он разрабатывал популярную некогда концепцию патронажа в сфере трудового права, которая в итоге совпала с традиционным российским попечительством⁷⁷⁷. И. Я. Гурлянд был ее горячим сторонником и проводником. Провозглашенная им цель была вполне благая: «определить идею законного покровительства, т. е. такого, которое может быть юридически сконструировано». Казалось бы, здесь прямой выход на право социального обеспечения, ибо главная идея патроната – «защита слабого со стороны сильных»⁷⁷⁸. Он выделял самопожертвования (взаимопомощь), жертвования (благотворительность) и покровительство, т. е. присоединение слабого к себе через попечительство и патронат. В итоге между последними так и не удалось провести правового различия, кроме как по источникам (для попечения – договор, для патроната – закон) и качеству слабости, вызывающей о защите. Если при попечении покрывается слабость физическая и экономическая, то при патронате – только юридическая, параметры которой установлены в самом законе. В итоге патронату было дано следующее определение: «... это идея такой защиты, которая в виде той или иной общности интересов оказывается юридически слабым со стороны юридически сильных с целью дать первым возможность приспособиться к процессу приспособления к жизни, устанавливается самим законом и, наконец, определяется совокупностью прав и обязанностей с каждой стороны...», реализует основную цель полицейского права – установление условий для

---

⁷⁷⁶ См.: Егоров С. А. Доктор полицейского права И. Я. Гурлянд // Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000. № 4. С. 44–54; Чукарев А. Г., Егоров С. А. Профессор И. Я. Гурлянд: история взлета и падения // Ярославская старина. 1997. Вып. 4. С. 33–41.

⁷⁷⁷ См. подробнее: Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 91–98 и др.

⁷⁷⁸ См.: Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. С. IX.

всестороннего развития индивида.»⁷⁷⁹. Такое определение позволяет, с одной стороны, выйти на проблемы государственного страхования рабочих с участием государства, систему государственных пособий, мероприятия государства по борьбе с безработицей. Но, с другой стороны, это позволяет обосновать мелочную опеку рабочих и подробную регламентацию их отношений с работодателями, т. е. на то же пресловутое государственное попечительство.

Специалист по полицейскому праву, политической экономии и финансовому праву **Александр Андреевич Раевский** (1869 – после 1922) изучал правовую природу общественных работ. Он родился 12 августа 1869 г. в г. Павловск, Воронежской губернии в семье священника. После окончания Воронежской классической гимназии он поступает на юридический факультет Московского университета. Обучение завершил в 1893 г. и был оставлен при кафедре полицейского права для подготовки к профессорскому званию. После сдачи магистерского экзамена в Московском университете А. А. Раевский избирается приват-доцентом и в 1897–1898 гг. допускается к чтению спецкурса. Для подготовки магистерской диссертации в 1898–1900 гг. командирован в университеты Берлина, Парижа, Вены, Страсбурга, Женевы и Дижона. Принимал участие в известных «социалистических семинариях» Г. Шмоллера в Берлинском университете. По возвращении (1900 г.) он избран исполняющим дела экстраординарного профессора Томского университета, в 1902–1903 гг. – опять в зарубежной командировке, работал преимущественно в парижских библиотеках. В 1903 г. в Московском университете А. А. Раевский защитил магистерскую диссертацию по полицейскому праву на тему «Законы о печати Наполеона III».

Известно, что с 1904 г. он стал экстраординарным профессором Харьковского университета⁷⁸⁰, а после революции 1917 г. – Крымского университета. В последнем он, кроме прочего, вел курс трудового права.

По его мнению, общественные работы отличались от иных видов общественного призрения тем, что их организатором выступала только публичная власть и они имели общественно-

---

⁷⁷⁹ Гурлянд И. Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. С. 13.

⁷⁸⁰ См.: Харьковский университет. Юридический факультет за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1905. С. 264–265.

полезный характер. Кроме того, они носили чрезвычайный и временный характер на период народных бедствий (безработица, голод и др.), когда нуждаемость была массовой⁷⁸¹. Целью таких работ является дать заработок безработным и избавить их от необходимости обращаться к благотворительности. Аналогичной позиции придерживались и другие отечественные исследователи данной проблемы⁷⁸².

Еще меньше мы знаем про **Григория Фадеевича Тигранова**. Он был по образованию горный инженер, специалист по драгоценным металлам. Занимался также вопросами врачебной помощи⁷⁸³ и организации взаимопомощи рабочих⁷⁸⁴, изучал иностранное законодательство о социальном призрении⁷⁸⁵. В целом он придерживался официальной позиции о важности взаимопомощи рабочих путем «правомерной предусмотрительности», то есть создания касс взаимопомощи. Впрочем, не отрицалась возможность внесения в эти кассы средств работодателей и государства. В целом его работы носят информационно-описательный характер.

Достойным учеником И. Я. Гурлянда и В. Ф. Дерюжинского был Владимир Александрович Гаген (1874 – 1930). Он родился 12 декабря 1874 г. в семье статского советника. По окончании Костромской гимназии поступил в Демидовский юридический лицей в 1894 г., который и окончил в 1897 г. со степенью кандидата

---

⁷⁸¹ См.: Раевский А. А. *Общественные работы, их понятие, современное положение и возможная роль в будущем*. Харьков. 1913. С. 26–27.

⁷⁸² См.: Верт О. *Общественная работа как трудовая помощь нуждающимся*. СПб., 1898; Гаген В. А. *Земство и общественные работы*. СПб., 1905 и др.

⁷⁸³ См.: Тигранов и Гусятников. *Врачебная помощь рабочим на горных заводах и промыслах*. СПб., 1907.

⁷⁸⁴ См.: Тигранов Г. Ф. *Кассы горнорабочих: Очерк организации и деятельности*. СПб., 1896; Его же. *Кассы взаимопомощи рабочих частных горных заводов и промыслов в Царстве Польском: Очерк организации и деятельности этих касс с их основания до настоящего времени*. СПб., 1900; Его же. *Кассы для рабочих на фабриках, заводах и промышленных предприятиях в России*. Нижний Новгород, 1896; Его же. *Предстоящие преобразования касс взаимопомощи рабочих частных горных заводов, копей и рудников в Западной горной области*. СПб., 1903;

⁷⁸⁵ Тигранов Г. Ф. *Французский законопроект о призрении стариков, калек и неизлечимых*. СПб., 1904.

права. Его лицейскими учителями были И. Я. Гурлянд, А. Н. Ладыженский, В. Г. Щеглов. Еще со студенческой скамьи он специализировался на проблемах административного права. Именно как административист он подходил к проблемам социального законодательства, в том числе зарубежного. Этому способствовало то, что он свободно владел немецким, английским и французским языками. По решению Совета лицея молодой ученый был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре полицейского права и командирован для научных занятий в Петербургский университет. Его университетским научным наставником стал, как уже указывалось, В. Ф. Дерюжинский. В 1904 г. Гаген выдержал экзамен на степень магистра полицейского права на юридическом факультете Петербургского университета. В 1908 г. он защищает магистерскую диссертацию «Право бедного на призрение. Т. I. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии», которая в 1907 г. была издана отдельной книгой. После этого Гаген избирается приват-доцентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Ему был поручен факультативный спецкурс «Обязательное призрение как отрасль управления». Это дает нам основание считать ученого одним из пионеров преподавания права социального обеспечения в российских вузах. В 1911 г. Владимир Александрович направляется делегатом на Международный конгресс по патронату над лицами, выпущенными из тюрем, и беспризорными детьми в бельгийском Антверпене⁷⁸⁶. В 1913 г. в Харьковском университете Гаген защищает докторскую диссертацию по полицейскому праву «Западноевропейский бедняк» (издана в виде книги в 1912 г.). За это исследование он удостоился специальной премии императрицы Александры Федоровны. Примечательно, что его магистерская и докторская диссертации были двумя частями одного большого исследования, что в то время было не редкостью. Если в магистерской диссертации он рассмотрел историю и современное ему состояние законодательства о призрении бедных в Германии, Франции и Англии, то докторская диссертация посвящалась определению круга лиц, подлежащих призрению со стороны органов публич-

---

⁷⁸⁶ См.: Гаген В. А. Пятый международный конгресс патронатов в г. Антверпене. Варшава, 1913.

ной власти. В последнем случае активно использовалась судебная и административная практика, а круг стран был расширен за счет Бельгии, Италии, Австрии и ряда других.

Отметим, что борьба с бедностью стала для ученого не только областью научного интереса, но и сферой общественного служения. В. А. Гаген принял активное участие в работе по оказанию помощи населению, пострадавшему от голода 1900 г., за что удостоился благодарности императора. Он работал в одном из отделений Собственной его императорского величества канцелярии, ведавшей приютами для бедных, а также в Комитете попечительства и трудовой помощи, состоящем под покровительством императрицы Александры Федоровны. За труды по устройству отдела трудовой помощи на Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1909 г. он был награжден орденом Святой Анны.

В 1910 г. (по другим данным – в 1914 г.)⁷⁸⁷ он переходит в Варшавский университет на кафедру полицейского права экстраординарным профессором, а в 1914 г. избирается там же ординарным профессором. В период до начала Первой мировой войны он принимал участие в ряде международных конференций и конгрессов по социальной проблематике, в частности, он был участником Первого международного конгресса в Брюсселе, посвященного охране детства⁷⁸⁸. Вместе с университетом в годы Первой мировой войны (1915 г.) он эвакуировался в Ростов-на-Дону, где продолжил педагогическую и научную деятельность⁷⁸⁹. С 1921 г. он стал профессором факультета общественных наук (ФОН) Донского университета. На правовом отделении он читал курсы административного права и административной юстиции. Кроме того, ученый преподавал рабочее (трудовое) право, социальное обеспечение и страхование. Гаген стал не только одним

---

⁷⁸⁷ См.: Краковский К. П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов-н/Д., 2003. С. 159–162. По официальной информации, кафедру полицейского права Варшавского университета он занял в 1910 г. (см.: Юридическая библиография. 1910. № 2. С. 97).

⁷⁸⁸ См.: Гаген В. А. Первый международный конгресс по охране детства в Брюсселе в 1913 г. (краткий отчет о заграничной командировке). Варшава, 1913.

⁷⁸⁹ См.: Гаген В. А. Административная юстиция. Ростов-н/Д., 1916; Его же. Учебник административного права. Ростов-н/Д., 1916 и др.

из первых преподавателей трудового права в советских вузах, но и одним из первых кто совмещал его с преподаванием права социального обеспечения. После закрытия ФОН в 1924 г. он оказался безработным и был вынужден распродавать остатки своего имущества на рынке. Даже после устройства на работу в Севкавплан его очень тяготил отрыв от академической среды, вузовских занятий. В 1927 г. Владимир Александрович обращался с просьбой дать ему возможность работать в каком-либо вузе как высококвалифицированному специалисту по дефицитной в то время специальности «административное право». Обращение осталось без ответа. Такое поведение новых властей станет более понятным, если учесть, что российские специалисты по полицейскому праву считались едва ли не пособниками «царских сатрапов». Некоторые из не обремененных образованием советских руководителей, вероятно, считали, что полицейское право закрепляет права полиции. Между тем это, по сути, примерный аналог современного административного права. При этом Владимир Александрович занимался преимущественно проблемами «полиции благосостояния», которая явилась прообразом права социального обеспечения. Взгляды ученого на данные проблемы отличали гуманизм и сострадание при реалистичности подходов. Он последовательно и неуклонно доказывал необходимость государственного вмешательства в борьбу с бедностью и перевод социального обеспечения в публично-правовую сферу. Но по горькой иронии судьбы Гаген умер в бедности в 1930 г. в Ростове-на-Дону. Научное наследие этого ученого оказалось востребованным только в последние годы⁷⁹⁰.

В своих трудах В. А. Гаген непосредственно рассматривал проблемы трудового права и права социального обеспечения. В традициях дореволюционной юриспруденции он уделял значительное внимание социальному законодательству и науке стран Запада, тем более что российское законодательство в этой части было в зачаточном состоянии, а число отечественных научных трудов было невелико. В частности, он анализировал Французский закон 14 июля

---

⁷⁹⁰ Краковский К. П. Указ. соч.; Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 139–140 и др.

1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных, Германский закон 6 июня 1870 г. об обязательной помощи бедным, а также законодательство других западноевропейских стран об обязательном призрении престарелых и бедных⁷⁹¹. Заслуживает внимания его сравнительный анализ призрения бедных и социальной политики (т. е. права бедного на призрение и права на социальное обеспечение).

Он разграничил частную благотворительность и публичное или законное призрение, последнее связано с деятельностью публичных корпораций (государства, провинций, уездов, общин), которым вменена законом публичная обязанность оказания помощи нуждающимся. При этом публичное призрение подразделялось на два вида – факультативное (добровольное) и обязательное (облигаторное). Характерными признаками факультативного публичного призрения являются следующие: 1) государственные органы ведают делом призрения; 2) добывание средств на призрение предоставляется усмотрению граждан (за счет частной благотворительности); 3) государственные органы, собрав справки о просителе, имеют полную свободу дать ему необходимую помощь (помощь по усмотрению государственного органа); 4) размер этой помощи зависит от наличия средств, имеющихся в распоряжении государственного органа. Принудительное (обязательное) публичное призрение строится на иной основе. В этом случае государство обеспечивает средства для оказания помощи всем нуждающимся лицам, подходящим под признаки, установленные соответствующими законодательными актами. Источником оказания призрения служат, как правило, средства, поступающие из общих налоговых сумм или за счет особого налога в пользу бедных⁷⁹². Это и было так называемое «административное призрение», позво-

⁷⁹¹ См.: Гаген В. А. Западно-европейский бедняк. Варшава, 1912; Его же. Обязательное призрение трудоспособных бедных в Западной Европе. М., 1910; Его же. Обязательная помощь бедным в Германии (Имперский закон 6 июня 1870 г.) СПб., 1908; Его же. Обязательное призрение престарелых в Англии и Франции. СПб., 1910; Его же. Французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных. СПб., 1906.

⁷⁹² См.: Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907. С. 2.

лявшее приблизиться к понятию «право на призрение». При этом публичное призрение бедных имело следующие характеристики. Во-первых, право на него возникало тогда, когда экономическое положение человека настолько пошатнулось, что он сам не может добыть себе средств. Во-вторых, эти средства не могут быть доставлены на законных основаниях ни от родных и близких, ни от частной благотворительности. В-третьих, лица, получавшие такое призрение, обычно лишались избирательного права.

При наличии принудительного (обязательного) публичного призрения можно говорить о «настоящем» праве бедного на призрение. В системе данного вида призрения это право является, по сути, субъективным публичным правом (по Г. Еллинеку). При обязательном призрении нуждающийся имеет право требовать от публичной корпорации исполнения обязанности по оказанию помощи при наличии оснований, предусмотренных законодательством. Это право-требования обеспечивается исковой защитой. Нуждающийся путем подачи жалобы в суд или государственный орган имеет возможность принудить к действительному осуществлению по отношению к нему установленной законом обязанности призрения. В. А. Гаген, опираясь на сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства о призрении бедных, констатировал, что «опыт культурных государств доказал всю желательность существования обязательного призрения бедных ... и российскому законодателю предстоит огромная работа по рациональной организации обязательного призрения бедных по образцу западноевропейских государств»⁷⁹³. По мнению ученого, с социальной точки зрения вопрос о бедности выходит далеко за рамки простой юридической проблемы, являясь болезнью социального тела. Эта болезнь тем опаснее, чем больше бедность распространяется.

В. А. Гаген выделил основные элементы законодательства об обязательном призрении бедных: 1) лиц, которым должно быть оказано призрение; 2) административные единицы, которые должны призывать нуждающегося; 3) институт места призрения, как правило, место жительства; 4) административную юстицию в области обязательного призрения и 5) организацию добывания средств на обязательное призрение бедных⁷⁹⁴. С экономической точки зрения

---

⁷⁹³ Гаген В. А. Право бедного на призрение. С. 19, 25.

⁷⁹⁴ См.: Там же. С. 24.

он всех нуждающихся разделил на три группы: 1) нетрудоспособные; 2) безработные; 3) безхозяйственные, не имеющие расходного хозяйства (в современной терминологии антипод самозанятым гражданам). По отношению к этим группам в законодательстве, как считал ученый, специальные мероприятия государства должны быть дифференцированы. Для первого случая – это предоставление призрения (открытого и закрытого), во втором случае – посредничество по приисканию работы и в доставлении заработка, а в третьем – образование хозяйства.

В. А. Гагеном также применялся термин «социальная политика», имея в виду, по сути, право социального обеспечения с его превентивной составляющей. Социальная политика (социальная защита) характеризовалась ученым следующим образом. Во-первых, ее целью было стремление поднять экономическое положение не отдельных лиц, а целых классов. Во-вторых, она должна была предупреждать впадение людей в бедность, требующую вмешательства публичного призрения. В-третьих, ее предоставление не должно сопрягаться с лишением каких-либо прав. Сам В. А. Гаген признавал различие права на публичное призрение и права на социальную защиту «слишком расплывчатым», но методологические основы разграничения были намечены⁷⁹⁵.

Он активно сотрудничал с периодическим журналом «Трудовая помощь», который издавался с 1897 по 1918 гг. под покровительством императрицы Александры Федоровны и общей редакцией В. Ф. Дерюжинского⁷⁹⁶. Под патронатом Попечительства о трудовой помощи, которое также находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны, ученый осуществлял переводы зарубежной литературы по проблемам социальной защиты нуждающихся⁷⁹⁷.

⁷⁹⁵ Гаген В. А. Право бедного на призрение. С. 1–5.

⁷⁹⁶ См.: Гаген В. А. Обязательное призрение престарелых в Англии // Трудовая помощь. 1910. № 7. С. 99–116; № 8. С. 255–271; Его же. Обязательное призрение престарелых во Франции // Там же. 1910. № 9. С. 309–330 и др.

⁷⁹⁷ См.: Конрад К. Посредничество в приискании работы в Германии; пер. А. Браудо и В. Гагена. СПб., 1913; Лекко М. Трудовая помощь во Франции; пер. А. И. Браудо и В. А. Гагена. СПб., 1905; Мюнстерберг Э. Призрение бедных. Руководство к практической деятельности в области попечения бедных; пер. А. И. Браудо и В. А. Гагена. СПб., 1900.

Особое место в исследованиях В. А. Гагена занимали вопросы занятости и проблемы безработицы. Конец XIX в. ознаменовался усиленной научной разработкой вопроса о трудовой помощи нуждающимся. Ученый ратовал за широкий подход в решении этого вопроса. Он считал, что трудовая помощь должна не только охватывать терапию (лечение) бедности, но и предупреждать ее (профилактика бедности). Последняя выражается в создании государством, заинтересованными сторонами (рабочими и работодателями) многочисленных бюро приискания работы, которые обозначались термином «указания труда». Таким образом, посредничество в приискании работы рассматривалось как одна из форм трудовой помощи⁷⁹⁸. В ключе классических исследований ученый обращался прежде всего к анализу зарубежного законодательства об организации посредничества на рабочем рынке, мерам борьбы с безработицей на примере Германии, Австрии, Франции, Англии, Норвегии, Швейцарии, Румынии и др.⁷⁹⁹

Затем предметом исследований ученого стали проблемы организации помощи нуждающимся в России. Сравнительно-правовой подход позволял ученому дать оценку положения (состояния) этого вопроса в России, обосновать конкретные рекомендации по правовой регламентации различных видов трудового посредничества и социального призрения. Так, им был дан развернутый анализ организации посредничества на рынке труда в России на примере русских «бирж труда» (учреждений указания труда), не преследующих коммерческие цели. К таковым относились учреждения, в роли организаторов которых выступали земства, городское самоуправление, посреднические конторы при русских домах трудолюбия. Изучая причины неудачной деятельности посреднической конторы при Одесском доме трудолюбия, В. А. Га-

⁷⁹⁸ См.: Гаген В. А. К вопросу об организации указания труда в России (Из журнала «Трудовая помощь» 1901. Октябрь – ноябрь). СПб., 1902; Его же. Частные лица в роли посредников на рабочем рынке (Из журнала «Трудовая помощь». 1900. Март). СПб., 1900; Его же. Земство и общественные работы. СПб., 1905; Его же. Новая организация помощи бедным и борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге. СПб., 1906 и др.

⁷⁹⁹ См.: Гаген В. А. Безработица в Германии и меры борьбы с нею (Социально-политический этюд). СПб., 1904; Как устраиваются городские общественные работы (опыт германских городов); пер. с нем. Предисловие В. А. Гагена. СПб., 1906 и др.

ген предложил Проект примерных правил для посреднических контор при русских домах трудолюбия. Особое внимание ученый уделил вопросам посредничества частных контор на рабочем рынке. Он обосновывал необходимость создания института (по примеру Румынии) особых правительственных инспекторов для надзора за деятельностью таких частных посреднических контор. Он также писал о том, что Россия ощущает постоянную нужду... в развитии форм посредничества в приискании труда как организованного (в виде особых контор), так и неорганизованного (биржи труда, частные посредники, публикации в газетах и журналах).

Русскими административистами, и В. А. Гаген здесь не исключение, обосновывалась необходимость государственного участия в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений. На наш взгляд, не утратили своего значения и аргументы, с помощью которых он обосновывает необходимость легализации права на призрение как субъективного публичного права. Он писал, что «стройная система юридических отношений», возникающих по поводу призрения между бедняком и публичной корпорацией, появляется не сразу, а лишь тогда, когда полицейское государство уступило место правовому. Характерной чертой полицейского государства было господство частного права в публичных отношениях, возникающих между государством и гражданином. Российский государствовед, профессор Юрьевского университета *Л. А. Шалланд* (1868–1919) по этому поводу отмечал, что «вся государственная жизнь, весь публичный строй был лишь отражением частных отношений»⁸⁰⁰. При этом полицейское государство имело гражданское, уголовное и процессуальное право, но публичного права не имело. В нем просто не было необходимости, ибо без государственных ограничителей, в том числе в отношении самих органов государственной власти, господство гражданского права означает господство сильного. В правовом государстве разделение властей, верховенство закона стали основой правового положения человека как субъекта публичных прав и обязанностей. Гражданин по отношению к власти становится субъектом прав и обязанностей, корреспондирующих обязанностям и правам власти. Государство, создавшее субъективные публичные права, в то же время должно

---

⁸⁰⁰ Шалланд Л. А. Юридическая природа территориального верховенства (историко-догматическое исследование). Т. 1. СПб., 1903. С. 7.

обеспечить и их охрану от нарушений со стороны административной власти. Такими средствами в правовом государстве, по мнению Владимира Александровича, являются административный и парламентский контроль, а также судебная защита, в том числе особые административные суды.

В. А. Гаген отмечал: «Господство гражданского права и гражданского процесса в правовой жизни современного государства нужно понимать... лишь как возможность применять к этим отношениям гражданское право, регулирующее в новом государстве отношения лишь частных лиц между собой и возможность обращаться, в целях противодействия государству, к судам, призванным решать гражданские споры»⁸⁰¹. Гражданское право стало терять свой универсальный характер по мере сужения сферы отношений, в которых государство выступает с приказом и принудительной властью.

Как уже отмечалось выше, субъективное публичное право на признание включает не только право-требования, обращенное к публичной корпорации, но и право на защиту. В контексте взаимодействия публичного и частного права В. А. Гаген рассматривал проблемы административной юстиции. Он утверждал, что «административные законы определяют то, что администрация может требовать от частных лиц, а последние от администрации. Всякая норма публичного права, изданная в интересах частных лиц, создает публичное субъективное право этих частных лиц»⁸⁰². Споры с администрацией ученый подразделял на две категории: спорные административные дела, которые разрешаются обычными или административными судами и просто административные дела, которые должны решаться самой администрацией. При этом если дело судебно-административное, то жалобщик может обратиться одновременно к двум органам (суду и администрации), а если чисто административное, то у него остается лишь один путь обращения – к высшей власти⁸⁰³. Ученым был обобщен опыт организации административной юстиции в странах Западной Европы, а равно состояние и перспективы организации административной юстиции в России. Он рассмотрел деятельность российских учреждений, кото-

---

⁸⁰¹ Гаген В. А. Право бедного на признание. Т. 1. С. 9.

⁸⁰² Гаген В. А. Административная юстиция. Ростов-н/Д., 1916. С. 4.

⁸⁰³ Там же. С. 6.

рые имеют отношение к административной юстиции. Присутствия по делам страхования рабочих, по мнению В. А. Гагена, в большей степени напоминали административные суды. Эти присутствия появились после издания Законов 1912 г. об обеспечении рабочих врачебной помощью и о страховании рабочих от несчастных случаев на производстве. Их компетенция охватывала и распорядительную, и судебно-административную деятельность. Последняя состояла в рассмотрении жалоб на действия членов фабричной инспекции, дел о привлечении должностных лиц больничных касс к судебной ответственности. Как отмечает ученый, эти административные суды отличают от других присутствий некоторые выгодные стороны. Так, в состав этих присутствий впервые введены представители от рабочих. Само производство дел построено на началах привлечения заинтересованного лица к присутствию и активному участию на суде⁸⁰⁴. Иная оценка прозвучала в отношении Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, состоявшего в ведении Министерства торговли и промышленности. По своему составу оно «мало походит на административный суд в связи с преобладанием бюрократического элемента». Не соответствует деятельности присутствия «как административного суда и порядок производства дел, где значение сторон сведено почти к нулю, им не дано никаких судопроизводственных гарантий – ни устности, ни гласности, ни состязательного начала, одним словом, нет ни одного элемента административного процесса»⁸⁰⁵.

Павел Иванович Астров (1866–1919?) родился в Москве в семье врача⁸⁰⁶. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. Впоследствии перевелся в Демидовский юридический лицей в Ярославле, который и окончил в 1890 г. Государственную службу П. И. Астров начинал в суде, затем служил в прокуратуре в Твери, следователем в Подольске. В дальнейшем – член Московского окружного суда по гражданским делам, мировой судья. Одновременно несколько лет преподавал гражданский процесс на Высших женских курсах Полторацкой. Он являлся ярким представителем прогрессивной части судейского

---

⁸⁰⁴ Гаген В. А. Административная юстиция. С. 84 и далее.

⁸⁰⁵ Там же. С. 98–99.

⁸⁰⁶ См.: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 279–289.

корпуса предреволюционной России, активно участвовал в общественной жизни, симпатизировал партии кадетов. Специалист в области гражданского права и процесса. Павел Иванович приветствовал февральскую революцию и не принял радикальных преобразований новой власти после октября 1917 г. Предположительно расстрелян за антисоветскую деятельность по делу Московского центра⁸⁰⁷ в 1919 г. Его родной брат Н. И. Астров (1868–1934), один из лидеров партии кадетов, в 1917 г. был московским городским головой, председателем Всероссийского союза городов, затем участником антисоветского движения на Юге России.

Руководствуясь сугубо гуманистическими соображениями, П. И. Астров в конце XIX в. начал заниматься вопросами правового регулирования трудовых отношений и социальной защиты. Последовательный сторонник запрета труда малолетних и ограничения применения труда несовершеннолетних, возложения издержек, связанных с утратой здоровья работниками, на работодателей⁸⁰⁸. Развивал идеи о необходимости усиления государственного регулирования охраны труда, был сторонником принятия специального трудового законодательства⁸⁰⁹. Его работы написаны в полемическом ключе, прямо рассчитаны на формирование общественного мнения.

---

⁸⁰⁷ Дело это до сих пор крайне запутанное, а последние публикации мало что проясняют (см.: Пайпс Р. Московский центр. Политический фронт в гражданской войне в России // Российская история. 2009. № 2. С. 51–66).

⁸⁰⁸ См.: Астров П. И. Дети подмошков (К вопросу о регламентации детского труда в области зрелищ и увеселений). СПб., 1899; Его же. Как следует писать законопроекты. По поводу доклада Комиссии Государственной Думы по рабочему вопросу об обеспечении рабочих на случай болезни. М., 1911; Его же. Лечение рабочих и русское национальное сознание. Еще о законопроекте комиссии Государственной Думы об обеспечении рабочих на случай болезни. М., 1911; Его же. Русская фабричная медицина. Критика законопроекта комиссии Государственной Думы по рабочему вопросу. М., 1911 и др.

⁸⁰⁹ См.: Астров П. И. Право на труд и право на здоровье. М., 1910; Его же. Профессиональные болезни и гражданское право. Б.м., б.г.; Его же. Юридические предпосылки рабочего права. II. Кондиции. М., 1911; Его же. Юридические предпосылки рабочего права. III. Государственное страхование и гражданское право. М., 1911 и др.

П. И. Астров не разделял наемный труд и личность работника, объявляя их высшей ценностью: «Вырождение рабочих есть не только порча человеческих машин, но это есть гибель людей ... Человек больше, чем машина». В этой связи он предлагал содержание фабричной медицины переложить преимущественно на работодателей, ибо «здоровье рабочих есть первичная издержка производства, которую производство и должно покрывать»⁸¹⁰. Он справедливо полагал, что здоровье не может быть предметом договора, заработок является только эквивалентом труда, а не трудоспособности. Правовое регулирование трудовых отношений П. И. Астров считал необходимым, но его обоснование рабочего права было весьма своеобразным. Например, он относил здоровье к имущественным благам, на основании чего ответственность за его порчу должна носить характер ответственности за причинение имущественного вреда. Основание этого он видел в действующем гражданском законодательстве: возмещение убытков, понесенных одним в интересах другого без законного основания. П. И. Астров считал, что обязанность возместить ущерб, причиненный профессиональным расстройством здоровья, лежит на нанимателе, который получает выгоду. Утрата рабочими трудоспособности вследствие профессиональных заболеваний представляет собой, как пишет автор, издержки, которые несут рабочие в интересах предприятия. Он считал, что существующая гражданская, т. е. имущественная, ответственность предприятий за утрату рабочими трудоспособности вследствие профессиональных болезней «...может создать такой постоянно действующий корректив, который постоянно будет на страже здоровья работающих»⁸¹¹. Анализируя действующее российское гражданское законодательство, П. И. Астров обосновывал возможность решения проблемы защиты работников от профессиональных рисков имеющимися гражданско-правовыми средствами. При этом он писал о том, что в силу действующего гражданского законодательства недействительны со-

---

⁸¹⁰ Астров П. И. Русская фабричная медицина. С. 6–7; Его же. Юридические предпосылки рабочего права. П. М., 1911. С. 5–8 и др.

⁸¹¹ Астров П. И. Профессиональные болезни и гражданское право. Б. м., б. г. С. 174.

глашения предпринимателей с рабочими об отказе от вознаграждения (возмещения) в случае утраты трудоспособности⁸¹².

Право работника на вознаграждение выводилось им, в том числе по основанию незаконного обогащения. Это вытекало из провозглашенной им задачи современного рабочего права: «... открыто и властно поднять ценность человеческой жизни и здоровья на рынке и тем самым прекратить позорную, но для отдельных предприятий часто невольную, спекуляцию на жизни и здоровье»⁸¹³. И формулировка цели, и определение способов ее достижения не могут быть признаны удачными. Впрочем, в условиях отсутствия развитого трудового законодательства это было почти неизбежно. Так, П. И. Астров предлагал законодательно переложить ответственность за утрату рабочими трудоспособности вследствие профессиональных болезней на нанимателя. Но это должна быть некая неконкретная ответственность всех бывших работодателей, если рабочий менял несколько мест работы. Однако ученый первоначально не ставил напрямую вопрос об обязательном страховании профессиональных рисков. Он делал вывод, который не совсем согласуется даже с предшествующими положениями его же работ: «... рабочее право не вносит, таким образом, в жизнь нового юридического начала»⁸¹⁴.

Однако его взгляд на перспективы социального страхования и рабочего права был позитивным. Несмотря на то что он оценивал право на вознаграждение в случае утраты трудоспособности как гражданское право, тем не менее считал необходимым в будущем отказаться от индивидуальной ответственности предпринимателей за ущерб, причиненный здоровью работников, и заместить его коллективной ответственностью предпринимателей. Под коллективной ответственностью предпринимателей он подразумевал организацию государственного страхования рабочих. Это страхование должно было быть, во-первых, принудительным, т. к. только государство властно сообщает страхованию обязательность. Во-вторых, оно должно полностью падать на предпринимателей. Именно тогда, по его мнению, право рабочего на вознаграждение

---

⁸¹² См.: Астров П. И. Право на труд и право на здоровье. М., 1910. С. 4–6.

⁸¹³ Астров П. И. Юридические предпосылки рабочего права. II. С. 8.

⁸¹⁴ Там же. С. 13.

за профессиональные болезни не встретит затруднений в своем осуществлении ни в случае банкротства отдельных предпринимателей, ни в случае работы в нескольких предприятиях в течение трудовой деятельности. Легализация государственного страхования рабочих является задачей рабочего права. Но пока, как пишет П. И. Астров, в России такой организации страхования рабочих не существует, необходимо защитить это право силой общих гражданских законов⁸¹⁵. Таким образом, проблема правового регулирования государственного страхования рабочих должна в будущем решаться в рамках рабочего (трудового) права.

Он отмечал попытки стимулировать благотворительность посредством гражданского законодательства. В этом контексте особенно интересны положения Закона 1882 г. об освобождении от наследственной пошлины имущества, завещанного в пользу благотворительных, ученых и учебных учреждений, а равно монастырей и церквей. П. И. Астров констатировал, что в данном случае надобности благотворительности и просвещения ставятся выше фискального интереса⁸¹⁶. Он считал, что необходимо четко разграничить понятия призрения и благотворительности: «благотворят люди, а учреждения призревают». В этой связи благотворительная деятельность по существу своему свободна, а всякое учреждение связано уставом. Иными словами, где устав, там призрение, а благотворительность относится к человеку⁸¹⁷. По форме получения помощи традиционно им выделялось открытое призрение (помощь на дому) и закрытое (помощь в заведении).

Существенно меньше нам известно об ученике А. Ф. Федорова **Иване Ивановиче Чистякове**, специалисте по полицейскому праву. Это был выпускник Новороссийского университета, который затем стал приват-доцентом и экстраординарным профессором по кафедре финансового права там же. В 1907 г. в Московском университете он читал курс «Рабочий класс в его прошлом и

---

⁸¹⁵ Астров П. И. Юридические предпосылки рабочего права. С. 14; Его же. Юридические предпосылки рабочего права. III. С. 14.

⁸¹⁶ См.: Астров П. И. Налог на наследство и общественное призрение (Из материалов по истории применения закона 15 июня 1882 года о наследственной пошлине). М., 1910. С. 20–21.

⁸¹⁷ Астров П. И. Налог на наследство и общественное призрение. С. 14.

настоящем». Впоследствии он был профессором по кафедре политэкономии Петербургского университета⁸¹⁸. Магистерская диссертация молодого ученого была посвящена социальной проблематике⁸¹⁹. Затем И. И. Чистяков обратился к проблемам врачебной помощи фабрично-заводским рабочим⁸²⁰. В 1912 г. он защитил в Московском университете докторскую диссертацию по полицейскому праву на тему «Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми мерами их обеспечения» (опубликована в виде книги в том же 1912 г.). Чистяков пошел тем же путем, что В. Г. Яроцкий и А. Ф. Федоров, подвергнув комплексному рассмотрению правовую сторону отношений работников и работодателей в контексте социального страхования.

Ученый смог собрать практически весь возможный исторический материал, отражающий обсуждение проблем страхования рабочих в объединениях промышленников, на съездах врачей, в правительственных комиссиях и др. Однако Иван Иванович подготовил не просто теоретическую работу сводного характера. Им была предпринята попытка дать научное обоснование и истолкование фактам из области страхования в России, причем преимущественно на материале периода с 1880-х гг. до 1907 г. Кроме этого, рассмотрению подверглись общие вопросы о социальной ответственности предпринимателей и об улучшении личной жизни рабочих вообще. Он выделил два исторических типа (модели) социального страхования. Во-первых, это германский тип, где внесение вкладов и управление страховыми средствами осуществляют работники и работодатели при участии государства. Во-вторых, это англо-романский тип, имеющий добровольное начало и преимущественное участие работников в формировании

---

⁸¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 352. Л. 175, 181. Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 56.

⁸¹⁹ См.: Чистяков И. И. Образование народа во Франции. Эпоха третьей республики. М., 1904. Эту тему он изучал и в дальнейшем (см.: Чистяков И. И. Об образовании народных масс во Франции в эпоху третьей республики. М., 1910).

⁸²⁰ См.: Чистяков И. И. К вопросу о нормальном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909; Его же. Рец. на кн.: Дементьев Е. М. Фабричная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г. СПб., 1909 // Юридическая библиография. 1909. № 3. С. 116 и др.

страховых фондов⁸²¹. Отметим, что такое деление уже тогда было несколько устаревшим, т. к. германская «обязательность» все более проникала в системы социального страхования других стран. Благодаря германскому опыту в Англии в 1911 г., а затем и в ряде других государств были приняты одновременно законы, регулирующие почти все виды обязательного социального страхования.

И. И. Чистяков отмечал, что изначально выделилось два относительно самостоятельных научных направления. Первым из них являлось изучение проблем социальной помощи (благотворительности, призрения бедных, трудовой помощи, трудоустройства (указания труда) и др.) Второе направление нашло выражение через исследование социально-страховой проблематики. Это позволило И. И. Чистякову выделить две основные организационно-правовые формы социального обеспечения: социальную помощь за счет средств бюджета и социальное страхование рабочих (обязательное и добровольное)⁸²². При этом, как уже указывалось выше, произошло своеобразное разделение труда. Вопросы государственного призрения, социальной помощи бедным занимались в основном ученые – специалисты по административному (полицейскому) праву, а вопросами социального страхования – ученые – специалисты по гражданскому праву, а равно экономисты.

Ученый был противником механического перенесения иностранного опыта в Россию. Он утверждал: «При приложении к российской действительности выработанных практикой Запада общих положений о страховании рабочих приходится констатировать..., что это страхование не может реализовываться в России. Прежде всего, в силу экономических причин – большинство пролетариата сохраняет связь с землей или, точнее, с деревней»⁸²³. Между тем он не исключал появления в будущем в России народного (социального) страхования, отмечая, что «распространение страхования не только на рабочих, но и на пролетаризирующие средние классы (мелкие ремесленники, кустари, торговцы)

---

⁸²¹ См.: Чистяков И. И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми мерами их обеспечения. М., 1912. С. 6.

⁸²² См.: Чистяков И. И. Страхование рабочих в России... С. 5–6, 13–14.

⁸²³ Там же. С. 21–22.

видоизменяет страхование рабочих в народное (социальное) страхование». По мнению И. И. Чистякова, все-таки может появиться и страхование рабочих, но при условии значительного увеличения пролетарских масс и политической воли правительства «овладеть движением пролетариата». В этом случае страхование рабочих выставляется как социальная реформа.

К числу административистов, начавших рассмотрение проблем социального страхования, может быть отнесен *Иван Иванович Евтихийев* (1887–1962). Это был один из лучших советских специалистов по административному праву, заведующий кафедрой административного и финансового права МГУ. Но для нас примечательно начало его научной деятельности, когда из-под его пера вышли интересующие нас работы⁸²⁴. Молодой ученый резонно утверждал, что Закон от 23 июня 1912 г. о страховании на случай болезни практически не затронул фабричную медицину, но открыл путь для медицины кассовой, построенной на страховых принципах. А этот путь был невозможен без реализации самоуправления больничных касс. Они должны были наделяться частью функций, которые были присущи предпринимателю в силу законодательства о фабричной медицине, в частности актом 1866 г. В целом верно была показана сложная взаимосвязь страховой медицины и общественного самоуправления. Добавим, что уже после революции 1917 г. И. И. Евтихийев оказался в числе первых преподавателей рабочего (трудового) права в Саратовском университете. Это нашло отражение и в его публикациях⁸²⁵.

---

⁸²⁴ См.: Евтихийев И. И. Начало самоуправления и закон об обеспечении рабочих на случай болезни. М., 1916; Его же. Начало самоуправления и закон об обеспечении рабочих на случай болезни // Вопросы административного права: Сб. Кн. 1. М., 1916. С. 60–76.

⁸²⁵ См.: Евтихийев И. И. Система Тейлора. Саратов, 1921.

Глава 3. Становление научных школ советского трудового права и права социального обеспечения, их основатели и ученики

Жизнеописания великих людей всегда служили могущественным стимулом высоких стремлений – на них смотрели всегда как на арсенал, где собрано оружие, которым были выиграны великие битвы.

С. Льюис (1885–1951), американский писатель

3.1. К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и влияние их учений на развитие науки трудового права и права социального обеспечения (М. Г. Луцц, В. Я. Канель, А. М. Коллонтай, Н. Н. Полянский, А. Г. Гойхбарг, В. Г. Яроцкий (А. Чекин), А. А. Карелин и др.)

Как уже указывалось, марксистская идеология оказала существенное влияние на процесс возникновения и развития отрасли и науки права социального обеспечения. Было бы явным преувеличением, как это делалось в советский период, связывать формирование данной науки только с марксизмом-ленинизмом. Другой крайностью были бы полное отрицание или односторонне негативная оценка влияния данной идеологии на изучение социально-обеспечительной проблематики. Это касается даже пропаганды социального законодательства. Отметим, что на базе отдела страхования газеты «Правда» был создан журнал «Вопросы страхования», который издавался в Петербурге еженедельно с октября 1913 г. В июле 1914 г. он был закрыт властями, но в феврале 1915 г. издание возобновилось. Журнал вы-

ходил ежемесячно до марта 1918 г., и всего вышло 80 номеров. Тираж журнала составлял от 6 до 15 тыс. экземпляров. В его редколлегию входил один из видных большевистских теоретиков А. Н. Винокуров, а направление редакционной работы во многом определял В. И. Ленин. На страницах журнала активно обсуждались Страховые законы 1912 г., отстаивалась идея развития страхового движения, расширения сети больничных касс и другие проблемы. С этим изданием связана так называемая «страховая кампания», развернутая большевиками в ходе выборов 1912–1914 гг. в страховые организации на основании Закона от 23 июня. Таким образом, большевики хотели завоевать и в итоге завоевали большинство в рабочей группе Всероссийского страхового совета, но побочным продуктом этой кампании стало повышение интереса к социально-страховому законодательству. На наш взгляд, в настоящее время необходим определенный, по возможности «деидеологизированный», взгляд на научные проблемы трудового права.

Данный параграф несколько выбивается из общего сюжетного ряда повествования: в нем сочетаются персоналии из разных стран, страт и даже эпох. Однако их объединяет приверженность единой идеологии, которая оказывала зачастую решающее влияние на их творчество. Как мы уже указывали выше, марксизм в его различных интерпретациях (ленинской, сталинской и др.) оказал существенное влияние на развитие всех общественных наук, но на советском трудовом праве и праве социального обеспечения это сказалось особенно существенно. Это позволило нам поместить данный сюжет в раздел, посвященный уже преимущественно советскому периоду.

Карл Маркс (1818–1883) и его последователи доказывали принципиальную невозможность законодательного решения рабочего вопроса при капитализме и крайне ограниченную возможность рабочего законодательства улучшить положение наемных работников. В то же время основной труд К. Маркса «Капитал»⁸²⁶ оказал определенное влияние на возникновение трудового права вообще и принципиальное влияние на доктрину советского трудового права в частности. Можно выделить в этом ключе пять

---

⁸²⁶ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Т. 23. С. 5–900.

основных марксистских положений⁸²⁷. *Первое*. К. Маркс провел одно из первых исследований ключевого для трудового права понятия – трудового отношения. При этом основной упор делался на его эксплуататорский характер в классовом обществе. *Второе*. Им был осуществлен анализ таких понятий, как: рабочее время, заработная плата, дисциплина труда. *Третье*. Он выявил и проанализировал основные движущие силы развития законодательства о труде, определив его как следствие классовой борьбы. К. Маркс обоснованно отмечал, что это законодательство было вызвано к жизни конкуренцией между капиталистами и оно, по сути, является необходимым продуктом крупной промышленности. Ограничение эксплуатации рабочих связывалось с потребностью буржуазных государств в здоровых солдатах для ведения империалистических войн. *Четвертое*. К. Марксом был собран богатый материал по истории регулирования трудовых отношений. При всей своей критичности он отмечал важность фабричного законодательства как средства «физической и интеллектуальной защиты» рабочего класса, высоко оценивал деятельность английских фабричных инспекторов. Но вывод К. Маркса сводился к тому, что даже реформы при капитализме не могут принципиально изменить положение рабочих. *Пятое*. В «Капитале» содержится немало мыслей о желаемом трудовом праве при социализме, в том числе о всеобщности труда, о необходимости сокращения рабочего времени, об усилении охраны труда и др.

К. Маркс рассматривал некоторые частные проблемы правового регулирования отношений работников и работодателей, в том числе проблемы заработной платы, забастовок и локаутов, рабочего представительства и участия работников в управлении произ-

---

⁸²⁷ См. подробнее: Барабашев О. Основоположники марксизма о детском труде. Л., 1925; Гинцбург Л. Я. Проблемы трудового права в «Капитале» Маркса // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 12–21; Догадов В. М. Классики марксизма о законодательной охране труда при капитализме // Ученые записки ЛГУ. Сер. «Юридические науки». 1948. Вып. 1; Кацнельсон С. Основные проблемы капиталистического трудового права в «Капитале» // Советское государство. 1933. № 3. С. 72–80; Москаленко Г. К. «Манифест коммунистической партии» и вопросы советского трудового права // Профессиональные союзы. 1948. № 3. С. 30; Семёнова А. Учение К. Маркса о рабочем законодательстве // Вопросы труда. 1933. № 5. С. 25–32 и др.

водством⁸²⁸. В частности, он настаивал на строгом нормировании труда: «Труд, для того, чтобы служить мерой, должен быть определен по длительности и интенсивности»⁸²⁹. Воззрения Маркса на рабочий вопрос подвергались неоднократной критике уже его современниками. Это касалось прежде всего позиции ученого по абсолютизации классовой борьбы, акцента на непримиримости интересов рабочих и капиталистов, переноса центра внимания на политическую составляющую разрешения рабочего вопроса. Наиболее последовательными его оппонентами выступали Ф. А. Ланге и Л. Brentано⁸³⁰. Дискуссию с последним, в свою очередь, анализировал Ф. Энгельс⁸³¹. Умеренно критическую позицию занимали и некоторые отечественные исследователи⁸³².

Надо отметить, что марксистская теория адекватно отражала правовые и экономические реалии того времени, т. е. эпохи промышленного капитализма. Но К. Маркс ошибся в своем предвидении перспектив развития капитализма, условно говоря, приняв крик «младенца», коим тогда являлся капитализм, за предсмертный «храп» старика. После создания социальной теории Дж. М. Кейнса и проведения «нового курса» Ф. Д. Рузвельта капитализм стал существенно меняться, и в настоящее время он имеет крайне мало общего с той его моделью, современником и исследователем которой являлся К. Маркс. Вместе с тем концеп-

---

⁸²⁸ См.: Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 428–459; Его же. Рабочий парламент // Там же. Т. 10. С. 124–128; Его же. Заработная плата, цена и прибыль // Там же. Т. 16. С. 101–155; Его же. Локаут строительных рабочих в Женеве // Там же. Т. 16. С. 452–454 и др.

⁸²⁹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

⁸³⁰ См.: Brentано Л. Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда. СПб., 1895. С. 30 и далее; Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. СПб., 1895. С. 148–184.

⁸³¹ См.: Энгельс Ф. Brentано contra Маркс. По поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 97–139.

⁸³² См.: Загорский С. О. Карл Маркс, классики и кризис исторической школы в Германии. М., 1909; Миклашевский А. Н. Анализ понятия заработной платы. СПб., 1891 и др.

ция К. Маркса оказала существенное влияние не только на советскую⁸³³, но и на российскую дореволюционную концепцию трудового права.

Друг, единомышленник и соавтор К. Маркса **Фридрих Энгельс** (1820–1895) также занимался теорией рабочего вопроса. Он хорошо владел практическим материалом, чему способствовал его переезд в 1842 г. в Манчестер, где работал в конторе фабрики управляющим. Его публикации имели прикладной характер, затрагивали историко-правовую сторону рабочего вопроса⁸³⁴. Он приветствовал первые акты английского фабричного законодательства, в том числе акты, ограничивающие рабочий день женщин и детей, ратовал за активизацию профсоюзной борьбы в защиту прав работников, обосновывал необходимость повышения заработной платы и ограничения рабочего дня взрослых рабочих⁸³⁵. Как и К. Маркс, Ф. Энгельс крайне критично относился к существующему в его время фабричному законодательству и видел разрешение рабочего вопроса не в его реформировании, а в социальной революции. Он выступал также за международное объединение рабочих в борьбе за свои права, поддерживал идею международной охраны труда.

Ранее мы уже отмечали, что большинство дореволюционных русских исследователей, занимавшихся проблемами трудовых отношений, были социалистами той или иной ориентации – от народников до умеренных социал-демократов, сторонников экономизма и легальных марксистов. Вполне естественно, что с особой остротой вопрос взаимоотношения труда и капитала был по-

---

⁸³³ См.: Ешкин М. П. К. Маркс о договорной форме и авторитарной сущности капиталистических трудовых отношений и современность: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975; К. Маркс, Ф. Энгельс о профсоюзах. М., 1983; Лазовский А. Карл Маркс и профсоюзы. М., 1934 и др.

⁸³⁴ См.: Войтинский И., Кацнельсон С. Энгельс об английском десятичасовом биле // Советское государство. 1933. № 3. С. 110–116.

⁸³⁵ См.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 231–517; Его же. Английский билль о десятичасовом рабочем дне // Там же. Т. 7. С. 245–256; Его же. Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 125–146; Его же. Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день // Там же. Т. 19. С. 255–258; Его же. Тред-юнионы // Там же. Т. 19. С. 262–268 и др.

ставлен *Николаем Гавриловичем Чернышевским* (1828–1889) и *В. В. Берви-Флеровским* (1829–1918)⁸³⁶. Оба эти автора подвергались политическому преследованию. Весь пафос работ Н. Г. Чернышевского был направлен против существующего строя, в чем он вполне солидаризовался с К. Марксом. В. В. Берви-Флеровский также критиковал капитализм и выступил за интересы единого рабочего класса, коим ему виделись рабочие и крестьяне. Законодательного решения рабочего вопроса они не видели. Один из идеологов либерального народничества, экономист и социолог *В. П. Воронцов* (1847–1918) также считал, что капитализм является злом и лишает наемных работников самостоятельности⁸³⁷.

Первый русский теоретик марксизма **Георгий Валентинович Плеханов** (1856–1918) уделял рабочему вопросу большое внимание. Интерес к его личности характерен для первого десятилетия советской власти, периода хрущевской «оттепели» и для периода перестройки⁸³⁸. Его произведения различной степени выборочности достаточно давно не переиздавались⁸³⁹. Однако основными сюжетами исследований о Г. В. Плеханове было то, каким «хорошим» марксистом он был до 1903 г. (до раскола социал-демократов

⁸³⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. 1–3. М., 1948–1949. Наибольший интерес для нас представляют следующие его работы: «Экономическая деятельность и законодательство» (1859 г.), «Капитал и труд» (1859 г.), «Примечание к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля» (1860 г.), где он сформулировал свою «теорию трудящихся»; Берви-Флеровский В. В. (Флеровский Н.) Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. Эта книга была запрещена для публичных библиотек, а ее второе издание 1872 г. было уничтожено цензурой по постановлению Комитета Министров.

⁸³⁷ См.: Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

⁸³⁸ См.: Иовчук И. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1977; Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957; Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 233–280; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973 и др.

⁸³⁹ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 1–24. М.; Л., 1923–1927; Его же. Избранные философские произведения. Т. 1–5. М., 1956–1958; Его же. Русский рабочий в революционном движении: Статьи 1885–1903 гг. Л., 1989 и др.

на большевиков и меньшевиков) и с какого момента он перестал быть марксистом (с 1903 г. или с началом Первой мировой войны). В нашу задачу входит краткое изложение программы действий первого русского марксиста по рабочему вопросу, тем более что она отличалась от аналогичной ленинской. Это расхождение действительно усиливалось с начала XX в., но к сути марксизма это имеет касательное отношение. Последовательным марксистом Георгий Валентинович остался до конца своих дней. Отметим, что он окончил Воронежскую военную гимназию, 4 месяца учился в Константиновском артиллерийском училище и около полутора лет в Горном институте (где его сокурсником некоторое время был В. Г. Яроцкий) в Петербурге. Юриспруденцией он никогда не занимался, но благодаря самообразованию был одним из наиболее эрудированных политических деятелей своего времени.

Во-первых, Георгий Валентинович считал, что экономическое и политическое освобождение рабочих представляет две взаимосвязанные между собой задачи. При этом в части законодательного регулирования трудовых отношений он предлагал ориентироваться на Западные страны, прежде всего Швейцарию, Германию, Великобританию (ограничение максимальной продолжительности рабочего дня, повышенная охрана труда малолетних и женщин, участие работников в управлении предприятием и др.). Он был сторонником международных организаций рабочих, принятия международного трудового законодательства. Во-вторых, он считал забастовку важным, но не единственным, а подчас и вспомогательным средством для улучшения положения работников. Резонно полагалось, что законодательная инициатива и представительство в законотворческих органах могут дать более весомый результат. В-третьих, профсоюзы виделись ему центральным звеном коллективных действий работников, а их легализация – важнейшей задачей. В-четвертых, вооруженная борьба, по мнению Г. В. Плеханова, может и не понадобиться, если осуществлять эффективное давление на правительство со стороны всех прогрессивных сил. Уже после декабрьских событий 1905 г. он прямо заявил, что «не нужно было браться за оружие», а главное внимание социал-демократия должна сосредоточить на профсоюзном движении. Можно вспомнить и его кредо, сформулированное еще в начале политической карьеры: «Добродетель надо

не проповедовать, а готовить разумным устройством общественных отношений»⁸⁴⁰.

Таким образом, главным отличием позиции Г. В. Плеханова являлось то, что он именно профсоюзам через мирные формы социального давления отводил главную роль в улучшении положения работников. При этом оно должно было осуществляться через введение и совершенствование трудового и социально-обеспечительного законодательства. Именно в процессе профсоюзной и парламентской деятельности, политической борьбы из числа рабочих должны были выделиться лидеры, возглавившие будущую социальную демократическую республику. Очевидно, что эта программа была менее радикальной и более реалистической. Если его считать одним из идеологов меньшевизма, то становится понятным, почему большинство исследователей рабочего вопроса левой ориентации начинали свою политическую карьеру как меньшевики (И. С. Войтинский, В. С. Войтинский, А. Г. Гойхбарг и др.).

Легальные марксисты М. И. Туган-Барановский и П. Б. Струве (1870–1944) в какой-то степени продолжили традицию критики капитализма, но в более конструктивном ключе. **Михаил Иванович Туган-Барановский** (1865–1919) был известным экономистом, историком, политическим деятелем. Он окончил юридический факультет Харьковского университета в 1888 г., в 1895–1899 гг. был приват-доцентом Петербургского университета. Туган-Барановский являлся сторонником «легального марксизма», затем симпатизировал кадетам. С 1913 г. стал профессором Петербургского Политехнического института. После 1917 г. он участвовал в антибольшевистском движении на Украине.

М. И. Туган-Барановский определял труд в духе К. Маркса только как одну из разновидностей товара. Он писал: «В формальном отношении договор о найме рабочего не отличается принципиально от всякого другого договора найма, а является таким же меновым актом, как купля-продажа любого товара»⁸⁴¹. Очевидно,

---

⁸⁴⁰ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 514.

⁸⁴¹ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. СПб., 1912. С. 357.

что даже для того времени это было явно упрощенное утверждение. Классификация труда М. И. Туган-Барановского, восходящая к марксистской, на «низший» (преимущественно мускульный и не требующий особой предварительной подготовки) и «высший» (преимущественно умственный, требующий длительной специальной подготовки) также слишком неконкретна. В этой части вполне уместно критическое отношение к данным положениям со стороны Л. С. Таля⁸⁴².

Туган-Барановский приветствовал появление фабричного законодательства в России и положительно оценивал активную роль государства в регулировании отношений между предпринимателями и рабочими. В своем труде «Русская фабрика в прошлом и настоящем», анализируя схему эволюции «русской фабрики» от купеческой фабрики петровских времен до капиталистической, основанной на наемном труде, он значительное внимание уделял взаимоотношениям предпринимателей и рабочих. Отметим, что это была его докторская диссертация, защищенная 19 декабря 1898 г. в Московском университете и опубликованная в том же году. Оппонентами на защите были ведущие российские экономисты профессора А. И. Чупров и Н. А. Каблуков, которые высоко отозвались об исследовании, хотя и отметили его некоторые недостатки⁸⁴³.

По мнению Михаила Ивановича, новейшее фабричное законодательство и демократизация российского общества должны привести к социальному сотрудничеству предпринимателей и рабочих⁸⁴⁴. Во многом за идеи «сотрудничества труда и капитала» Туган-Барановского в советский период отнесли к немарксистским ученым, «затушевывающим классовую борьбу рабочих с эксплуататорами». Но с позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что положение о необходимости вмешательства государства в противостояние труда и капитала с целью ослабления их антагонизма получило историко-

---

⁸⁴² См.: Таль Л. С. Пути и цели реформы законодательства о найме труда. М., 1912. С. 9–10, 15.

⁸⁴³ См.: Докторский диспут // Право. 1899. № 1. С. 42–44.

⁸⁴⁴ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. СПб., 1898; Его же. Основы политической экономии. Пг., 1915.

экономическое обоснование. Более того, было подтверждено предположение об усложнении роли государства, которое не только непосредственно вмешивается в отношения работодателей и работников, но и налаживает конструктивное их взаимодействие. М. И. Туган-Барановский доказывал существование в России рабочего вопроса во вполне европейском понимании, но с национальными особенностями. Свое учение он строил, опираясь на идею верховной ценности человеческой личности⁸⁴⁵. Как и все русские интеллигенты-социалисты, он симпатизировал немецкой системе социального страхования, охраны труда и выступил редактором специального сборника, посвященного этому вопросу⁸⁴⁶. Сам Туган-Барановский в этом сборнике опубликовал очерк, посвященный законодательной охране труда в России, который начал с анализа первого фабричного закона, принятого 24 мая 1835 г. При этом он использовал труды В. П. Литвинова-Фалинского, И. И. Янжула, А. Ф. Федорова, А. И. Кобеляцкого⁸⁴⁷. Туган-Барановский подготовил обзор, посвященный государственному посредничеству в трудовых спорах. Им разделялись индивидуальные трудовые споры, разрешаемые в суде и коллективные трудовые споры. Последние должны были разрешаться или предотвращаться «методом коллективного договора», через правительственное посредничество и иные примирительно-посреднические процедуры⁸⁴⁸.

К тому же М. И. Туган-Барановский был одним из редких авторов, который в работе «Основы политической экономии» обратился не только к экономическому содержанию, но и элементам правовой регламентации заработной платы. Он утверждал, что заработная плата зависит от отношения социального господства и зависимости, от силы рабочих организаций. Из этого делался вывод, что размер заработной платы определяется не столь-

---

⁸⁴⁵ См.: Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский // Источники. Вып. 2. М., 1990. С. 268–294 (по изданию 1923 г.).

⁸⁴⁶ Законодательная охрана труда / Под ред. М. И. Туган-Барановского. СПб., 1901.

⁸⁴⁷ Там же. С. 252–272.

⁸⁴⁸ См.: Туган-Барановский М. И. Государственное посредничество в спорах предпринимателей с рабочими и заработная плата, обеспечивающая существование. СПб., 1900. С. 3–12.

ко игрой рыночных сил и соотношением спроса и предложения, сколько через деятельность государства. Известный экономист пытался обосновать это положение, что прямо выводило его на проблемы правового регулирования заработной платы и нормирование труда⁸⁴⁹.

Почти на аналогичных позициях стоял **Сергей Николаевич Прокопович** (1871–1955), экономист и публицист, политический и государственный деятель. Он окончил Брюссельский университет в 1899 г. Доктор философии Бернского университета (1913 г.). Участник социал-демократического движения, один из идеологов «экономизма». Занимался вопросами истории и теории рабочего движения, рабочего законодательства⁸⁵⁰. Однако большинство из этих работ носят пропагандистский и даже агитационный характер, написаны «на злобу дня». При этом ему нельзя отказать в знании зарубежного и отечественного законодательства и основных научных течений. Сергей Николаевич являлся сторонником широкой программы реформ, в том числе через правовое регулирование отношений рабочих и предпринимателей, государственное посредничество при разрешении трудовых споров, расширение практики заключения коллективных договоров. С 1905 г. член ЦК кадетов, но вскоре вышел из него. В мае 1917 г. был председателем Третьейского суда по трудовому конфликту рабочих Орехово-Зуевского уезда с предпринимателями. С июля 1917 г. был министром торговли и промышленности (в его подчинении находилась фабричная инспекция), с сентября по октябрь – министром продовольствия Временного правительства. В этот период он был сторонником расширения коллективно-договорной практики и распространения норм коллективных договоров на всех работников предприятий. Одновременно противник участия работников в прямом управлении

---

⁸⁴⁹ См.: Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. СПб., 1913. С. 95–96 и др.

⁸⁵⁰ См.: Прокопович С. Н. Бюджет петербургских рабочих. СПб., 1909; Его же. Длина рабочего дня по русскому законодательству. Ростов-н/Д., 1905; Его же. К рабочему вопросу в России. М., 1905; Его же. Рабочее движение на Западе: Опыт критического исследования. Т. 1. Германия, Бельгия. СПб., 1899; Его же. Что дает рабочему страхование на случай болезни. М., 1913 и др.

предприятиями и введения рабочего контроля⁸⁵¹. Участник антибольшевистского движения. С 1922 г. находился в эмиграции.

Особый интерес представляет оценка теоретического наследия **Владимира Ильича Ленина** (1870–1924) в контексте развития науки трудового права. Разброс мнений по данному вопросу особенно велик и находится в диапазоне от оценки В. И. Ленина едва ли не как первого советского ученого-трудовика до полного умолчания. Нам представляется, что это – крайности, связанные с давлением официальной идеологии или личной политической позицией авторов. Характерно, что в 20-е гг. XX в. подчеркивалось внимание В. И. Ленина к трудовому законодательству, его отрицательное отношение как к левому экстремизму в виде «военно-коммунистического забега вперед», так и «буржуазным пережиткам». Вполне можно согласиться с тем, что В. И. Ленин проявил выдержку и понимание проблемы там, где многие его товарищи по партии ударились в крайности. Это касается его позитивной роли в принятии КЗоТ 1922 г., его постоянных призывов учитывать иностранный опыт, внимания к подбору руководящих кадров Народного комиссариата труда (НКТ)⁸⁵². Большинство его современников писали о В. И. Ленине именно как о государственном деятеле, а не как об ученом. Действительно, роль О. Бисмарка и Ф. Д. Рузвельта в принятии прогрессивного социального законодательства также достаточно велика, но ни одному исследователю в этой связи не пришло в голову назвать их специалистами по данной проблеме. Д. Лукач, один из наиболее творчески мыслящих марксистов, резонно писал, что «в строгом смысле слова Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, а глубоким мыслителем практики, страстным поборником претворения теории в практику»⁸⁵³.

---

⁸⁵¹ Прокопович С. Н. Народное хозяйство в дни революции. М., 1918.

⁸⁵² См.: Стопани А. М. В. И. Ульянов-Ленин и Народный комиссариат труда // Вопросы труда. 1924. № 2. С. 3–7; Шмидт В. В. Владимир Ильич и вопросы труда // Там же. С. 8–9; Шляпников А. Г. В. И. Ленин и Наркомтруда (по личным воспоминаниям) // Вопросы труда. 1924. № 3. С. 3–5 и др.

⁸⁵³ Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990. С. 32.

Начиная с 30-х гг. XX в., когда возвеличивание В. И. Ленина стало «подставкой» для утверждения личной власти И. В. Сталина, ситуация принципиально изменилась. Была создана целая трудовая «лениниана», а число публикаций, особенно в юбилейные годы, стали исчисляться десятками⁸⁵⁴. При этом многие исследователи «под ленинскую тематику» вполне плодотворно развивали свои научные концепции, а многообразие ленинского наследия позволяло найти нужную цитату практически на все случаи жизни. В то же время В. И. Ленин в определенной степени повлиял на развитие науки советского трудового права, прежде всего через критическое осмысление дореволюционного трудового законодательства. Но в целом он показал себя как последовательный марксист, применяющий основные положения этого учения к современной ему ситуации.

Определенная новизна ленинского подхода к изучению проблем правового регулирования трудовых отношений нам видится в следующем.

Во-первых, это тщательный, но беспристрастный анализ основных актов российского дореволюционного трудового законодательства⁸⁵⁵. Особое место в этом ряду занимает его исследо-

---

⁸⁵⁴ См.: Александров Н. Г. Ленин о социалистической организации труда // Советское государство и право. 1950. № 4. С. 56–57; Бару М. И. Вопросы трудового права в произведениях В. И. Ленина // Проблемы социалистической законности: Сб. Харьков. Вып. 6. С. 47–54; Горшенин К. П. В. И. Ленин о трудовом праве. М., 1970; Евреинов Н. Ленин о профсоюзах // Вопросы профдвижения. 1933. № 12. С. 3–13; Зайкин А. Д., Муцинов Г. В. В. И. Ленин о принципах материальной заинтересованности // Вестник МГУ. Сер. XII. Право. 1970. № 2. С. 96–102; Ленин о труде и праве / Под ред. А. С. Пашкова. Л., 1970; Пашков А. С. В. И. Ленин о правовой организации труда при социализме // Правоведение. 1970. № 2. С. 85–92; Толкунова В. Н. В. И. Ленин о правовом регулировании труда рабочих и служащих // Ученые записки ВЮЗИ. 1962. Вып. XIII. С. 3–40 и др.

⁸⁵⁵ См.: Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15–60; Его же. Проект нового закона о стачках // Там же. Т. 6. С. 399–408; Его же. Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев // Там же. Т. 7. С. 326–334. Изданий цитат из его трудов типа: «В. И. Ленин о профсоюзах» (М., 1980) или «В. И. Ленин о трудовом законодательстве» (М., 1959), в советский период выходили десятки («о труде», «о трудовой

вание «Новый фабричный закон», подготовленное в 1897 г. и опубликованное в 1899 г. По мнению С. С. Алексеева, «в этой работе мы находим те теоретические положения обобщающего характера, которые дают нить для понимания социально-политической и юридической природы общих дозволений и общих запретов»⁸⁵⁶. В. И. Ленин обоснованно утверждал, что фабричный закон 2 июня 1897 г. представляет слишком много нечетко определенных прав администрации, не устанавливает для нее никаких точных и общеобязательных правил, что создает предпосылки для произвола⁸⁵⁷. Многие ленинские суждения о дореволюционном законодательстве были вполне обоснованными. Так, он утверждал, что «... Присуждать рабочие союзы к возмещению господам капиталистам убытков, причиненных стачкой, значит на самом деле уничтожать свободу стачек»⁸⁵⁸.

При этом В. И. Ленин видел разрешение противоречий между трудом и капиталом во вполне марксовом духе – через победу труда и ликвидацию эксплуатации человека человеком. Практические мероприятия для осуществления этого, кроме идеологического обеспечения, не прорабатывались и представлялись достаточно идеалистическими (освобождение труда, всеобщая трудовая повинность, равенство прав трудящихся и ограничение в правах эксплуататоров, подавление сопротивления последних и др.). Так, все дело инспектирования труда он предлагал передать выборным лицам от рабочих. Отсутствие законодательной составляющей строительства новых трудовых отношений было наиболее слабой стороной ленинской программы преобразований. Уже упомянутый Д. Лукач очень точно отметил: «Большевизм базируется на метафизическом допущении, что из плохого может произойти хорошее, что возможно, как об этом говорит в «Преступлении и наказании» Разумихин, провраться до истины»⁸⁵⁹.

дисциплине», «о производительности труда» и др.). Иногда эти «о» давались совместно с изречениями К. Маркса, реже и Ф. Энгельса.

⁸⁵⁶ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 9–10.

⁸⁵⁷ См.: Ленин В. И. Новый фабричный закон // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 263–314.

⁸⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 26.

⁸⁵⁹ Лукач Д. Указ. соч. С. 12.

Отметим, что глава советского правительства руководствовался, вероятно, самыми гуманными побуждениями, но его отношение к жизни и здоровью рабочих было несколько двусмысленным. Неслучайно он не считал отношение к здоровью личным делом каждого и даже называл его «казенным имуществом»⁸⁶⁰. Отсюда один шаг до передачи права государству распоряжаться этим «казенным имуществом».

Но в целом ленинские работы можно признать важным источником при изучении истории трудового права России.

Во-вторых, В. И. Ленин комплексно подходил к решению рабочего вопроса, не ограничиваясь его формально-юридической стороной. Он изучал статистику стачечного движения⁸⁶¹, анализировал настроения рабочих, обращался к материалам социологических и промышленно-статистических исследований. Определенный интерес представляет ленинский подход к изучению трудового законодательства через анализ комплекса разнородных источников⁸⁶². В. И. Ленин стал одним из первых политиков, которые не только следили за исследованиями в сфере трудовых отношений, но и использовали их в идейной борьбе и при формировании политического курса. Ленинские идеи оказали большое влияние на формирование советского законодательства о профсоюзах. Это касается партийного руководства профсоюзами, представления о профсоюзах как «школе коммунизма», культивирования их производственных задач и стимулирования рабочего энтузиазма, трудовых починов и др.⁸⁶³ Утверждения о возрастании их производственных и управленческих функций были положены в осно-

---

⁸⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 173.

⁸⁶¹ См.: Ленин В. И. О статистике стачек в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 377–406.

⁸⁶² См.: Казанцев Б. Н. Источники и приемы анализа и критики В. И. Лениным царского фабричного законодательства // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 142–149; Шевчук В. Д. Марксизм-ленинизм о сущности фабричного законодательства // Вестник МГУ. Сер. XII. Право. 1974. № 2. С. 46–52 и др.

⁸⁶³ См.: Ленин В. И. О задачах профсоюзов // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 403–406; Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 264–304; Его же. Проект тезиса о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // Там же. Т. 44. С. 341–354 и др.

ву дальнейших исследований правового положения профсоюзов советскими учеными-трудовиками. Уже в 1918–1922 гг. профсоюзы представляли собой скорее директивно-хозяйственные органы с широкими полномочиями и почти утратили признаки общественной организации.

В-третьих, в отличие от большинства радикально настроенных большевистских идеологов, В. И. Ленин предлагал учитывать опыт зарубежных стран, хотя узкоклассовый подход изначально делал такую возможность достаточно ограниченной.

В. И. Ленин допускал «резкие формы диктаторства» для наведения трудовой дисциплины и требовал «беспрекословного подчинения единой воле для успеха в процессе работы, организованной по типу крупной машинной индустрии». Он прямо указывал: «Что касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода тоже может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара»⁸⁶⁴. 14 ноября 1919 г. Ленин подписал Декрет СНК РСФСР «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах», который предусматривал в качестве наказания за дисциплинарные проступки не только выговор и перемещение на низшую должность, но также посылку на тяжелые общественно необходимые работы, а при неоднократном нарушении трудовой дисциплины – увольнение. За преступления в области труда судили общие суды⁸⁶⁵.

На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) партия большевиков приняла программу, которая вошла в историю под названием «ленинская страховая рабочая программа». В. И. Ленин писал о государственном страховании, построенном на следующих принципах: 1) оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности или в случае потери заработка благодаря безработице; 2) страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейств; 3) все застра-

---

⁸⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 213.

⁸⁶⁵ СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.

хованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, причем все расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; 4) всеми видами страхования должны ведать единые страховые организации, построенные по территориальному типу и на началах полного самоуправления застрахованных⁸⁶⁶. Эта программа была достаточно утопичной в применении к социально-политическим реалиям России. Она в советский период не была, да и не могла быть выполнена. Подчеркнем, что даже по официальным советским данным, черновик этой программы подготовил врач большевик *Николай Александрович Семашко* (1874–1949), впоследствии известный ученый, государственный деятель и народный комиссар здравоохранения РСФСР в 1918–1930 гг. В. И. Ленин эту программу отредактировал и обнародовал. Впрочем, ничего принципиально нового в ней не было, а все ее пункты горячо обсуждались на страницах печати и в большевистских партийных организациях.

Иосифа Виссарионовича Сталина (1879–1953) к специалистам по трудовому праву нельзя отнести даже условно, хотя этому вопросу посвящены десятки публикаций в 30 – начале 50-х гг. XX в. Впрочем, традиционно его взгляды не отделялись от ленинских⁸⁶⁷. К тому же его отношение к праву было абсолютно утилитарным и базировалось исключительно на целесообразности. При этом диапазон его высказываний от «кадры решают все» и «рабочий – хозяин советской страны» не имеет ни-

---

⁸⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 146.

⁸⁶⁷ См., например: Венедиктов А. В., Догадов В. М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31–50; Догадов В. М. Активная роль советского трудового права в свете учения И. В. Сталина о базе и надстройке // ЛЮИ. Ученые записки. Вып. 5. Л., 1951. С. 24–43; Евстафьев Г. Ленин и Сталин о социалистическом соревновании и воспитании коммунистической дисциплины труда // Большевик. 1952. № 2. С. 19–32; Ляпин А. Ленин и Сталин о социалистической организации труда // Московский пропагандист. 1952. № 2. С. 21–29; Осипов А. В. И. Ленин и И. В. Сталин о воспитании социалистической дисциплины труда // Профессиональные союзы. 1952. № 3. С. 16–21; Ленин и Сталин о трудовом праве. М., 1941 и др. Хорошей иллюстрацией к сталинскому пониманию рабочего вопроса служат его рассуждения о диктатуре пролетариата (см.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1935. С. 24–33).

какого отношения ни к праву, ни к правоприменению. Самым цитируемым высказыванием И. В. Сталина в трудовом праве стали его слова о том, что в глазах советских людей труд превратился «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»⁸⁶⁸. Напомним, что при сталинизме у нас было самое антирабочее в советский период истории страны законодательство, профсоюзы стали частью государственной машины, коллективно-договорная практика была свернута, дисциплинарная ответственность была заменена уголовной, а КЗоТ 1922 г. с 1938 по 1952 гг. не переиздавался, а затем был выпущен, по сути, под грифом «для служебного пользования». О забастовках даже думать было страшно, а попытки их организации заканчивались политическими репрессиями. Вот вам и весь «сталинизм в рабочем вопросе».

Равнодушное, если не сказать хуже, отношение к праву, в том числе к трудовому, было свойственно практически для всех революционных вождей. Неслучайно их публикации по данной проблеме практически не содержат никакой правовой составляющей. Речь даже не идет о конкретике, а хотя бы об общем видении контуров трудового права. Все дружно писали об освобождении от «оков капитализма» и передаче фабрик в руки рабочих (или государства), строительстве социализма, чем, собственно, и ограничивалась позитивная программа⁸⁶⁹.

Одним из первых ученых-марксистов к анализу правовой стороны рабочего вопроса обратился **Владимир Владимирович Святловский** (1869–1927). Он родился 16 января 1869 г. в Петербурге, в юности участвовал в революционном движении. В 1892 г. эмигрировал, учился в Мюнхенском университете, с 1897 г. доктор политической экономии. В 1898 г. вернулся в Петербург, участвовал в социал-демократическом движении, сто-

---

⁸⁶⁸ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1935. С. 393. По мнению вождя, для капиталистов главное – иметь ренту, жить на проценты. Для советского же человека главное – «быть героем труда, возможность быть героем ударничества...» (с. 394).

⁸⁶⁹ См., например: Мартов Л. Рабочий класс в России и его требования. М., 1917; Троцкий Л. Д. Роль и задачи профессиональных союзов. М., 1920 и др.

ронник «экономизма», позднее примыкал к меньшевикам. В 1902–1924 гг. преподавал в Санкт-Петербургском университете, а также в Психоневрологическом институте и Военно-морской академии, профессор. Одним из первых в стране начал читать курс истории социализма. С ноября 1905 г. член Центрального бюро Петербургских профсоюзов, редактор его журнала «Профессиональный союз», впоследствии отошел от революционной деятельности. Исследовал проблемы профессионального движения и рабочий вопрос. В начале XX в. признавался одним из самых крупных российских специалистов по истории и теории профсоюзного движения. Хорошо знал основные европейские языки, был знаком с западным социальным законодательством⁸⁷⁰. Первоначально выступал за мирное участие профсоюзов в социально-политической борьбе за улучшение положения рабочего класса⁸⁷¹, был сторонником государственного страхования рабочих и усиления государственной охраны труда. Впоследствии занимал более радикальную позицию, хотя большевиками и оценивался как «соглашатель» с буржуазией. В советский период занимался преимущественно историей профсоюзного движения⁸⁷², в последние годы жизни был лишен права преподавания в университете. Умер ученый 22 ноября 1927 г.

Самым известным ученым-марксистом, занимавшимся проблемами правового регулирования труда, до 1917 г. был **Михаил Григорьевич Лунц** (1872–1907), публицист, профсоюзный и политический деятель. Он родился 9 марта 1872 г. в г. Ковно (современный Каунас, Литва). Окончил юридический факультет Московского университета в 1896 г., обучался в Гейдельбергском университете (Германия). В 1898 г. вернулся в Россию, занимался публицистикой, готовил статьи по вопросам фабричного зако-

⁸⁷⁰ Святловский В. В. Государственное страхование рабочих в Германии: Историко-статистический очерк. М., 1895; Его же. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. Вып. 1–2. СПб., 1906; Его же. Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах. Франция, Бельгия, Англия, Австралия, Германия, Россия. СПб., 1907 и др.

⁸⁷¹ См.: Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907.

⁸⁷² См.: Святловский В. В. История профессионального движения в России. От возникновения рабочего класса до конца 1917 года. Л., 1924.

нодательства, страхования рабочих. Сблизился с марксистами, руководил занятиями по политической экономии в рабочем кружке. С 1904 г. большевик, член редколлегии газеты «Правда» и один из основателей и товарищ (заместитель) председателя Музея содействия труду в Москве. С ноября 1905 г. являлся членом редакции социал-демократической газеты «Борьба». В 1906 г. избран секретарем Центрального бюро профсоюзов в Москве. В 1907 г. организовал издание и стал редактором журнала «Профессионал». Один из организаторов 1-й Областной конференции профсоюзов по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района (февраль 1907 г., Москва).

В начале 1905 г. задумал большое исследование о положении рабочего класса в России, но не успел его завершить. В своих работах резко выступал против «классового мира» и отрицал идею компромисса работников с работодателями и правительством. Последовательно критиковал так называемый «полицейский социализм»⁸⁷³. Большинство его работ были связаны с изучением истории российского фабричного законодательства и фабричной инспекции. Его критика современного законодательства была не всегда взвешенной. Вместе с тем он правильно отметил возрастающую роль профсоюзов в борьбе за улучшение положения работников, бесперспективность государственной политики попечительства над рабочими. Часть публикаций написал под псевдонимами М. Григорьевский и М. Григорьев, а также М. Г. Умер 31 марта 1907 г. в Москве.

На тираж его посмертного сборника статей «Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России» (М., 1909) по распоряжению властей был наложен арест, однако значительная часть этого тиража успела разойтись. В названном сборнике был дан глубокий анализ фабричного законодательства. Он был построен на сопоставлении прав и интересов работника и работодателя в рамках договора найма, применения санкций, наказаний к сторонам этого договора. Констатировалось неравноправное положение работника в договоре найма. М. Г. Лунц дискутировал с И. Х. Озеровым и В. П. Литвиновым-Фалинским, упрекая их за приверженность идее классового мира

---

⁸⁷³ См.: Лунц М. Г. Полицейский социализм в России (Зубатовщина). СПб., 1906.

и переоценку желания фабрикантов идти на компромисс с рабочими. В этом случае в качестве аргументов он привлекал работы западных ученых социалистического направления (А. Менгер, Г. Шульце-Геверниц и др.) и материалы западного законодательства. По его мнению, дальнейшее развитие фабричных законов могло происходить только под давлением рабочих, вследствие чего делался вывод о необходимости давления на законодателя «снизу». Лунц резонно отмечал неразрывную связь общего политического курса и развитие фабричного законодательства, нестабильность, а зачастую временный характер российских нормативных правовых актов о труде⁸⁷⁴.

Он констатировал, что на рубеже XIX–XX вв. в большинстве развитых стран максимальный рабочий день был законодательно определен и составлял в среднем 10 часов. С учетом сверхурочных работ средняя продолжительность рабочего дня составляла в то время в Германии и Франции 10,5 час., Италии и Австро-Венгрии – 10 час., США – 9,5 час., Австралии и Новой Зеландии – 8 час. Для сравнения: в России эта цифра составляла 12 час⁸⁷⁵.

М. Г. Лунц дал сравнительный анализ прав и обязанностей работника и работодателя в рамках договора личного найма. Он особо отметил неравноправие сторон в части ответственности за нарушение условий трудового договора⁸⁷⁶. Так, по Закону 1886 г. работодатель мог расторгнуть договор личного найма вследствие дерзости, дурного поведения работника и по другим достаточно оценочным и нечетким основаниям. Рабочий, в свою очередь, мог только требовать расторжения трудового договора по суду вследствие побоев со стороны администрации, при разрушительном действии работы на его здоровье или при задержке заработной платы. Незаконное увольнение работника рассматривалось как гражданско-правовое нарушение и давало право рабочему искать в судебном

⁸⁷⁴ См.: Лунц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: Сб. ст. М., 1909; Его же. Фабрикант и рабочий. Две жизни. М., 1905; Его же. Фабричное законодательство в России // Образование. 1906. Кн. 3, 4; Библиографический сборник № 1. Обзор литературы по рабочему вопросу. Вып. 1. Профессиональное движение / Под ред. М. Г. Лунца. М., 1907.

⁸⁷⁵ См.: Лунц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения. М., 1909. С. 115.

⁸⁷⁶ См.: Там же. С. 26 и др.

порядке вознаграждения за убытки. Рабочий, в свою очередь, за самовольный отказ от работы вплоть до начала XX в. мог подвергнуться аресту до 1 месяца.

Также с марксистских позиций подходил к решению рабочего вопроса **Вениамин Яковлевич Канель** (1873–1918), врач, общественный деятель. Он получил медицинское образование, защитил докторскую диссертацию по медицине в 1901 г. в Юрьевском университете. Канель был активным участником общественного движения врачей, в том числе Пироговских съездов. Он принимал участие в социал-демократическом движении, впоследствии стал большевиком. В круг его научных интересов входили вопросы фабричной медицины, страхования рабочих, правового регулирования отношений работников и работодателя⁸⁷⁷. Из числа большевиков это был наиболее объективный, однако далеко не беспристрастный исследователь. В его работах абсолютно преобладает критика современного ему положения рабочих в царской России. В большинстве своем эта критика была вполне обоснованной. Особое внимание он обращал на несоответствие конструкции договора личного найма опосредуемым им общественным отношениям. Он справедливо полагал, что патриархальные отношения между трудом и капиталом остались в прошлом, а гармония интересов предпринимателей и рабочих отсутствует. Выводом из этого стало предложение о необходимости специального правового регулирования отношений между трудом и капиталом. Канель обосновывал необходимость особого рабочего договора, который бы учитывал личностный момент в трудовых отношениях. Для него была очевидна неприменимость к рабочему договору цивилистических конструкций, аналогичных задатку. Этот способ обеспечения исполнения обязательств по рабочему договору заключался в том, что работник, досрочно расторгнувший срочный трудовой договор, лишался заработка даже за фактически отработанное

---

⁸⁷⁷ См.: Канель В. Я. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Ч. 1. М., 1907; Его же. Очерки по рабочему вопросу (Расторжение договора) // Русская мысль. 1906. № 1. С. 49–73; Его же. Роль врача по закону 2 июня 1903 г. СПб., 1904; Его же. Судорабочие и судовладельцы. М., 1906; Его же. Фабричная медицина и бюрократия. М., 1906 и др.

время⁸⁷⁸. По сути, это был вид дисциплинарного штрафа. Он полагал, что заработная плата должна выплачиваться в полном объеме, поскольку является единственным источником существования для рабочих. По сути, Канель, как и Л. С. Таль, писал об алиментарном характере вознаграждения за наемный труд.

В отличие от более радикальных товарищей по партии, он был сторонником профсоюзной борьбы за улучшение положения рабочих и не видел в этом препятствия для последующей революции. Он считал, что рост рабочих организаций влечет за собой обострение классовой борьбы и придает ей более планомерный характер⁸⁷⁹. Его исследования, несмотря на абсолютное преобладание критики существующей социальной системы, были наиболее академичными, и он в этой части был одним из немногих большевиков, кто окончательно не принес науку в жертву политике.

Значительное внимание в его работах было уделено вопросам охраны труда и рабочей гигиены. В. Я. Канель так писал о 80-х гг. XIX в.: «Рабочий был всецело представлен произволу хозяев, т. к. в основу договора положен был принцип добровольного соглашения, – принцип, выгодный только для сильной стороны, т. е. для предпринимателей»⁸⁸⁰. Через ограничения этого принципа он видел путь улучшения правового положения рабочих.

Канель выделил следующие основные черты российской фабричной медицины. Во-первых, это противоречивость законодательства. В результате даже на 1906 г. больницы были открыты только при меньшинстве фабричных заведений. Во-вторых, значительная часть оказываемых медицинских услуг носила фиктивный характер. Чаще всего врач посещал фабрику один раз в месяц, необходимых лекарств систематически не хватало и т. д. В итоге многие фабриканты не лечили своих рабочих, и последние поневоле обращались в земские и городские больницы. В-третьих, фабричная медицина была преимущественно фельдшерского характера. Так, в 662 московских фабриках числилось всего 179 врачей, причем 120 состояли при одной фабрике, 27 – при двух, 16 – при

---

⁸⁷⁸ См.: Канель В. Я. Очерки по рабочему вопросу. С. 49–73; Его же. Судорабочие и судовладельцы. М., С. 40 и др.

⁸⁷⁹ См.: Канель В. Я. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Ч. 1. М., 1907. С. 223.

⁸⁸⁰ Там же. С. 31.

трех, а 1 – при 10 фабриках. При этом те же 662 фабрики обслуживали 227 фельдшеров⁸⁸¹.

Особый интерес представляет его оценка возможности осуществления государственного страхования трудящихся в России. Характеризуя германское законодательство о страховании рабочих, он отмечал, что «при всех своих огромных достоинствах оно представляет и крупные недостатки, которые вытекают из буржуазной организации дела, из предоставления слишком крупной роли предпринимателям». В. Я. Канель обосновал основные положения своего законопроекта по социальному страхованию: 1) страхование должно распространяться на всех наемных работников без всякого изъятия и лиц служебного труда; 2) единственной и наиболее совершенной формой обеспечения трудящихся является обязательное государственное страхование; 3) обязанность делать взносы в кассы страхования должна пасть исключительно на предпринимателей; 4) заведовать делами касс должны сами трудящиеся, без всякого участия предпринимателей; 5) получение вознаграждения трудящимся в случаях увечья, болезни, старости, нетрудоспособности – право трудящегося, которое ни в коем случае нельзя отрицать; 6) размер этого возмещения должен быть полным – в сумме фактического заработка трудящегося, или при частичной утрате трудоспособности – в сумме утраченного им⁸⁸². Бросается в глаза сходство этих положений с «ленинской страховой рабочей программой».

Проблемами фабричного законодательства занималась одна из наиболее ярких личностей в большевистской партии, впоследствии первая женщина-нарком государственного призрения (1917–1918 гг.) и первая женщина-посол. Ее называли «валькирией революции»⁸⁸³. Это была **Александра Михайловна Коллонтай** (1872–1952). Она была автором одного из первых исследований наравне с Х. Ренваллом⁸⁸⁴, посвященных фабричному зако-

---

⁸⁸¹ См.: Канель В. Я. Фабричная медицина и бюрократия. М., 1906. С. 25–28, 35.

⁸⁸² См.: Канель В. Я. Государственное страхование торговых служащих и лиц частного служебного труда. М., 1906. С. 94–95.

⁸⁸³ См.: Ваксберг А. И. Валькирия революции. М., 1998.

⁸⁸⁴ См.: Ренвалл Х. Свобода составления договоров и параграф о забастовках в Уставе комитета о промышленности. Хельсинки, 1901.

нодательству Финляндии, которая являлась в то время автономной частью Российской империи. А. М. Коллонтай отмечала «половинчатый и полумерный» характер финского фабричного законодательства. При этом указывалось, что первые законодательные акты были приняты еще в то время, когда Финляндия была Шведской провинцией (запрет принимать в ученики мальчиков до 14 лет в 1720 г., понижение этого возраста соответственно до 12 и 10 лет в 1739 и 1770 г.). Первые законодательные акты в российский период существования Финляндии были приняты в 1863 г. и 1868 г. Примечательно, что финские законы принимались раньше и были прогрессивнее общеимперских. Так, в 1879 г. в Финляндии запрещалось привлекать к работе лиц до 12 лет, рабочий день детям до 15 лет ограничивался 8 часами, а ночной труд для этой категории лиц запрещался⁸⁸⁵. Коллонтай писала о деятельности финской фабричной (промысловой) инспекции. Она предложила перечень конкретных мероприятий по реформе фабричного законодательства, которые включали в себя: установление восьмичасового рабочего дня; ограничение ночного труда только теми случаями, когда он неизбежен; введение обязательного непрерывного еженедельного отдыха не менее 36 часов подряд; предоставление женщинам декретного отпуска с сохранением заработной платы; запрет детского труда до 16 лет; увеличение численности фабричных инспекторов и привлечение к контролю за соблюдением фабричного законодательства рабочих организаций; распространение фабричного законодательства на все категории наемных работников; установление более строгих взысканий, налагаемых на фабрикантов за нарушение фабричного законодательства⁸⁸⁶. Эти законодательные предложения были достаточно умеренными и реалистичными. Ее перу принадлежит обзорная работа по состоянию рабочего вопроса в Европе⁸⁸⁷.

Однако основной темой исследований А. М. Коллонтай стала защита трудовых прав женщин, их правовая и социальная эмансипация. Так, она достаточно подробно рассмотрела общие нача-

---

⁸⁸⁵ См.: Коллонтай А. М. Фабричное законодательство Финляндии // Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905. № 2. С. 1–12.

⁸⁸⁶ См.: Там же. № 4. С. 26–42.

⁸⁸⁷ См.: Коллонтай А. М. По рабочей Европе. СПб., 1912.

ла института страхования материнства, причины, его порождающие, виды законодательной охраны материнства, типы и формы его страхования. При этом она дала описание положения данного института в ряде западноевропейских стран, а также в России (по Закону 1912 г., к которому она отнеслась достаточно критично) и Австралии. Исследователем был отмечен небольшой временной отрезок легализации охраны материнства. Первый опыт был осуществлен в Швейцарии, где в 1878 г. установлен обязательный восьминедельный отдых для рожениц-работниц. Начало государственному страхованию материнства положил Германский закон 1883 г., которым роды были приравнены к явлениям патологического характера, которые вызывают временную нетрудоспособность. В связи с этим страхование родов и болезни здесь было слито в единое целое. Александра Михайловна настаивала на расширение законодательной защиты прав женщин и страхования материнства, резонно полагая, что это касается в первую очередь женщин-работниц⁸⁸⁸.

После революции Коллонтай продолжила рассмотрение вопроса трудового законодательства в контексте проблемы женской эмансипации. Она последовательно отстаивала равенство трудовых прав мужчин и женщин⁸⁸⁹.

Соломон Абрамович Дридзо (псевдоним **А. Лозовский**) достиг в советской иерархии высот еще больших, нежели А. М. Коллонтай, некоторое время был ее руководителем, но судьба его сложилась трагически. Он родился 16 марта 1878 г. в с. Даниловка Екатеринославской губернии, в семье бедного еврейского учителя (меламеда)⁸⁹⁰. С 11 лет начал работать, в 1899 г. поступил на военную службу вольноопределяющимся, в 1901 г. экстерном сдал экзамены

---

⁸⁸⁸ Коллонтай А. М. Общество и материнство. 1. Государственное страхование материнства. Пг., 1916. С. 7–44; Ее же. На новом пути // Летописец. 1917. № 5–6. С. 279–285 и др.

⁸⁸⁹ См.: Коллонтай А. М. Из истории движения работниц в России. Харьков, 1920; Ее же. Как борются работницы за свои права. Ташкент, 1920; Ее же. Проституция и меры борьбы с ней. М., 1921; Ее же. Труд женщин и эволюция хозяйства. От военного коммунизма до наших дней. Л., 1928 и др.

⁸⁹⁰ См.: Лозовский А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989 (по изд. 1925–1926). С. 513–515.

на аттестат зрелости. После увольнения со службы с 1901 г. участвовал в социал-демократическом движении, в 1903 г. примкнул к большевикам, неоднократно арестовывался. С мая 1908 г. в ссылке, в августе того же года совершил побег и эмигрировал. В Париже был секретарем Бюро труда для русских эмигрантов, два года состоял генеральным секретарем профсоюза шапочников Франции, затем являлся директором автомобильного гаража. В Париже закончил школу шоферов, вступил во Французскую социалистическую партию. В июне 1917 г. он вернулся в Россию и был избран на руководящую профсоюзную работу. К октябрьскому перевороту 1917 г. отнесся враждебно, в начале 1918 г. исключен из РКП(б) (восстановлен в 1919 г.), продолжил работу в профсоюзах. Один из инициаторов создания Профсоюзного интернационала (Профинтерна) в 1920 г., Генеральный секретарь Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) в 1921–1937 гг. Неоднократно выступал с основными докладами по вопросам профессионального движения. С 1927 г. он стал кандидатом в члены, а с 1939 г. – членом ЦК ВКП(б). Одновременно он избирается членом президиума Коммунистической академии СССР и профессором 1-го МГУ, лектором советских школ, членом ВЦИК СССР. В 1937–1939 г. А. Лозовский являлся директором Гослитиздата, в 1939–1946 гг. – заместителем наркома (затем министра) иностранных дел СССР, одновременно заместителем начальника, затем начальником Совинформбюро (1941–1948 гг.). Впоследствии заведовал кафедрой международных отношений Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). В январе 1949 г. ученый исключается из партии и арестовывается по делу «Еврейского антифашистского комитета». В июле 1952 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР⁸⁹¹. Посмертно реабилитирован.

Это был автор многочисленных работ по проблемам профсоюзного и рабочего движения. При этом большинство из них носили ярко выраженный пропагандистский и даже агитационный характер. Однако первоначально он был сторонником рабочего контроля за производством вплоть до непосредственного рабочего самоуправления⁸⁹². Его первые работы по зарубежному профсо-

---

⁸⁹¹ См.: «Еврейский антифашистский комитет» // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 322–327.

⁸⁹² См.: Лозовский А. Рабочий контроль. Пг., 1918; Его же. Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920 и др.

юзному движению были достаточно критичными, но с элементами объективного подхода⁸⁹³. После того как он возглавил Профинтерн (1921 г.), его работы приобрели публицистический характер⁸⁹⁴. Откликнулся он и на задачи «текущего момента». Так, А. Лозовский сравнивал поглощение НКТ профсоюзами СССР и «унификацию» профсоюзов Германии. Он доказывал противоположность этих процессов⁸⁹⁵, но реально выходило одно и то же – огодударствление профсоюзов.

Но первым из числа последовательных марксистов исследователем проблем теории правового регулирования трудовых отношений в тесном смысле слова стал **Николай Николаевич Полянский** (1878–1961). Он родился 6 апреля 1878 г. в станице Усть-Медведицкой на Дону в семье интеллигентов. Его отец был присяжным поверенным, а мать – учительницей музыки. После получения среднего образования в 1-й Московской мужской гимназии (1896 г.) он поступает на юридический факультет Московского университета и оканчивает его в 1900 г. с дипломом первой степени⁸⁹⁶. Среди его университетских учителей было немало поклонников экономического учения К. Маркса, в том числе Н. А. Каблуков, лично знакомый с немецким теоретиком, а также И. Х. Озеров (о нем уже говорилось) и И. Т. Тарасов. В 1901 г. Полянский был оставлен на кафедре уголовного права Московского университета для подготовки к профессорскому званию на два года, а позднее этот срок был продлен еще на два года. После сдачи магистерского экзамена в октябре 1904 г. он назначается приват-доцентом по кафедре уголовного права Московского университета, а с начала 1905 г. командировается на два года за границу, в основном во Францию и Германию. В мае того же года

---

⁸⁹³ См.: Лозовский А. Тред-юнионизм и нейтраллизм. Типы рабочего движения в Англии и Германии. Тверь, 1920.

⁸⁹⁴ См.: Лозовский А. Рабочая Франция. Пг., 1922; Его же. Основные моменты в развитии международного профдвижения. М., 1924; Его же. Мирное профдвижение до и после войны. М., 1925 и др.

⁸⁹⁵ См.: Лозовский А. Профсоюзы СССР и Германии (поглощение НКТ профсоюзами СССР и «унификация» профсоюзов в Германии). М., 1933. С. 5–10 и др.

⁸⁹⁶ Филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории (Филиал ГАЯО-ЦДНИ). Ф. 7867. Оп. 2. Д. 3209 (личное дело Н. Н. Полянского).

он принимается присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Еще со студенческой скамьи Полянский являлся сторонником экономического учения К. Маркса и во многом из-за этого избрал основным направлением исследования правовую регламентацию стачек и забастовок, а также вопросы коалиционной свободы. Итогом его пятилетних изысканий стала магистерская диссертация, представленная к защите в 1907 г. и тогда же опубликованная в виде книги⁸⁹⁷. Эта диссертация Н. Н. Полянского была отвергнута советом. После некоторой доработки в 1909 г. Полянский представил новую магистерскую диссертацию в Ученый совет Московского университета, успешно защитил ее и в начале 1910 г. был утвержден в ученой степени магистра.

В середине 1910 г. Полянский командировается на 2 года за границу для продолжения научных исследований. В феврале 1911 г. он складывает с себя обязанности приват-доцента Московского университета в числе около 130 преподавателей, покинувших его стены в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. Впрочем, полностью от преподавания Полянский не отошел. С 1910 г. он был профессором, затем деканом юридического факультета Высших женских юридических и историко-филологических курсов им. Полторацкой, в 1909–1918 гг. преподавал в Народном университете им. Шанявского, а в 1914–1916 гг. – на женских педагогических курсах в Москве. В 1912–1913 гг. он работал участковым мировым судьей, а в сентябре 1913 г. избирается профессором по кафедре права Московского сельскохозяйственного института. В этой должности он не был утвержден министром земледелия А. В. Кривошеиным.

В 1916 г. Полянский приглашается на кафедру уголовного права и процесса Демидовского юридического лицея, преподавание в котором продолжилось до его закрытия и возобновилось в Ярославском университете в 1918–1921 гг. В начале 1919 г. вместе с семьей он переезжает в Ярославль и избирается председателем деканата (деканом) факультета общественных наук (ФОН), а также и деканом юридического отделения ФОН. Февральскую революцию он встретил с энтузиазмом, видя в ней торжество права, путь к подлинному наро-

---

⁸⁹⁷ Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.

довластью, коалиционной свободе и политической демократии⁸⁹⁸. Октябрьские события 1917 г. первоначально также были восприняты им позитивно, подвигли маститого юриста на исследования в области социалистической теории⁸⁹⁹. Однако достаточно быстро он убедился, что революция – не торжество права, а пир политической целесообразности, зачастую принимающий облик полного бесправия.

Ученый продолжал принимать активное участие в общественной жизни, выступил одним из главных организаторов просветительской работы на селе. Он безвозмездно выступал с лекциями в крестьянских кооперативах и сельских клубах. При этом он не только доступно излагал сложные правовые вопросы, но и оказывал крестьянам практическую юридическую помощь. Николай Николаевич возглавлял культурно-просветительный отдел Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооперативов, занимался подготовкой и изданием популярной сельскохозяйственной литературы, организацией лекций⁹⁰⁰. Свою работу «Просветительные экспедиции в Ярославской губернии» он послал А. Ф. Кони, на что тот отозвался благодарственным письмом: «Глубокоуважаемый Николай Николаевич! Меня сердечно обрадовали и присылка Вами «Просветительной экспедиции в Ярославской губ.», и полученное вскоре письмо от 10 сентября... Глубоко сочувствую Вашей просветительской работе... и жалею, что годы и силы уже не дают мне возможности поработать на этом поприще, хотя бы в гораздо меньшем объеме и, конечно, с меньшим очень завидным успехом, каков Ваш, красноречиво говорящий цифрами. Рад и тому, что Вы можете соединять эту практическую деятельность с профессурой»⁹⁰¹.

В сентябре 1919 г. Полянский одновременно начинает вести занятия в 1-м МГУ и оставляет руководящую работу в ЯрГУ, а в 1920 г. переезжает обратно в Москву. В конце 1921 г. из-за чрезвычайной загруженности он полностью прекратил преподавательскую работу в Ярославле, сосредоточился на работе в Московском университете. Однако уже в 1925 г. он был отправлен профессором в Среднеазиатский госуниверситет в Ташкент, а в 1928 г. – в

---

⁸⁹⁸ Полянский Н. Н. Революция – торжество права. М., 1917.

⁸⁹⁹ Полянский Н. Н. Народнический социализм. М., 1918.

⁹⁰⁰ См.: Полянский Н. Н. Идея и идеал кооперации. Общее образование и кооперативная работа. Ярославль, 1920.

⁹⁰¹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 307.

Азербайджанский госуниверситет в Баку. Кончилось это, по сути, почетной отставкой в 1930 г. и назначением ученым консультантом в библиографический отдел Публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. «Чистки» конца 1920 – начала 1930-х гг. привели к изгнанию из вузов и научно-исследовательских учреждений сотен известных ученых-юристов, а в 1931 г. юридические факультеты университетов преобразуются в узко профильные юридические институты. «Чистки» новых советских преподавателей начались в этих институтах уже с 1932 г. Следствием этого стало то, что подавляющая часть новой юридической «красной профессуры» могла, в лучшем случае, комментировать текущее законодательство и перетолковывать цитаты классиков марксизма-ленинизма в духе «линии партии». В этих условиях в 1933 г. Полянский приглашается научным сотрудником Института уголовной политики при Прокуратуре СССР (затем Всесоюзный институт юридических наук при НКЮ СССР). В этот институт почти одновременно были приглашены многие корифеи юриспруденции дореволюционной школы, которые ранее оказались не у дел. Это М. М. Агарков, Д. М. Генкин, В. Н. Дурденевский и др. Таким образом, Н. Н. Полянский снова оказался востребованным. В 1936 г. ему присваивается ученая степень доктора государственного и правовых наук, а в 1938 г. он переходит в Институт права АН СССР, где заведует сектором судебного права. В 1943 г. Полянский возобновляет преподавательскую работу на вновь открытом юридическом факультете МГУ, а в 1943 и 1944 гг. награждается двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1946 г. он становится заслуженным деятелем науки РСФСР и удостоивается пышного официального празднования 70-летнего юбилея⁹⁰². Его перу принадлежит более 300 публикаций. Умер Н. Н. Полянский 3 апреля 1961 г.

Как уже упоминалось, еще со студенческой скамьи Полянский являлся сторонником экономического учения К. Маркса и во многом из-за этого избрал основным направлением исследования правовую регламентацию стачек и забастовок, а также вопросы коалиционной свободы. Отметим, что организация незаконных стачек в России дореволюционного периода оставалась уголовно наказуемым деянием. Несогласие с такой постановкой во-

---

⁹⁰² См.: Николай Николаевич Полянский. К семидесятилетию со дня рождения (1878–1948): Библиографический указатель трудов. М., 1948.

проса стало для Полянского первым импульсом для обращения к данной теме. Он был хорошо знаком с работами ведущих специалистов по правовому регулированию трудовых отношений, в том числе Ф. Лотмара, П. Пика, Л. С. Таля⁹⁰³ (о нем скажем ниже). С 1905 г. он начал публиковать целый цикл статей, посвященных свободе промышленных коалиций, праву на забастовку и коллективным договорам⁹⁰⁴. Ученый не только выступал решительным сторонником легализации права на забастовку и отмены уголовной ответственности за нее, но и связывал этот вопрос с политикой. Он прямо говорил о том, что «Промышленная демократия совместима лишь с политической демократией»⁹⁰⁵. Эту идею он развивал и в дальнейшем. Полянский четко разграничивал понятия стачки и забастовки. По его мнению, стачка (коалиция) – это соглашение рабочих или предпринимателей, имеющее целью изменить условия труда или, наоборот, воспрепятствовать их изменению. Последствием стачки может быть забастовка, но может и не быть⁹⁰⁶. При этом забастовка без коалиции невозможна.

Итогом его пятилетних изысканий стала магистерская диссертация, представленная к защите в 1907 г. и тогда же опубликованная в виде книги⁹⁰⁷. Ученый утверждал, что из всех свобод одной из самых важных для рабочего класса является свобода коалиций. Эту проблему он рассматривал в трех аспектах: историческом, социологическом и догматическом. В своих работах он анализировал не только теорию коалиций, но и положительное законодательство о рабочих коалициях, преимущественно Франции, Англии, Германии и России. При этом существенное место было уделено истории вопроса. Свою точку зрения исследователь сформулировал в двух основных положениях: 1) уголовное законода-

---

⁹⁰³ Полянский Н. Н. Русское уголовное законодательство о стачках и другие статьи по уголовному праву. М., 1912. С. 1–130.

⁹⁰⁴ См.: Полянский Н. Н. Забастовки в государственных и общественных предприятиях // Право. 1905. № 42. С. 3454–3461; Его же. Ограничение свободы коалиции в Англии // Право. 1906. № 24. С. 2107–2116; № 25. С. 2218–2225.

⁹⁰⁵ Полянский Н. Н. Проблемы свободы коалиции во Франции // Право. 1905. № 47. С. 3782–3787.

⁹⁰⁶ См.: Полянский Н. Н. Свобода стачек. История завоевания коалиционной свободы во Франции. М., 1906. С. 5.

⁹⁰⁷ Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.

тельство не должно содержать в себе никаких специальных ограничений свободы коалиций; 2) уголовное законодательство должно взять свободу коалиций под свою охрану. Примечательно, что Полянский рассматривал право коалиций как «право групп». Оно представляет собой, по его мнению, не сумму прав, принадлежащих отдельным лицам, а самостоятельное право, осуществляемое группами лиц, связанных между собой общностью экономического положения. Он, по сути, обосновал выделение коллективных трудовых прав, связав их в правом на коалицию, правом на забастовку и правом на заключение коллективного договора. Эта диссертация Н. Н. Полянского была отвергнута советом, хотя вызвала как положительные, так и отрицательные отзывы⁹⁰⁸. Главные замечания сводились к тому, что автор увлекся исторической и описательной частью, а для установления природы рабочего договора обратился не к положительному праву, а к учению К. Маркса, откуда взял сравнение трудового договора с договором купли-продажи. Достаточно критично в своих отзывах на диссертацию откликнулись преподаватели Демидовского юридического лица Р. М. Орженцкий и В. Н. Ширяев, о чем будет сказано ниже.

После некоторой доработки в 1909 г. Полянский представил новую магистерскую диссертацию в Ученый совет Московского университета, успешно защитил ее и в начале 1910 г. был утвержден в ученой степени магистра. В эту диссертацию были включены четыре главы из предыдущего исследования, но в переработанном и дополненном виде. Новыми являлись только введение и пятая глава, посвященная догматическому анализу русского законодательства о стачках. По-прежнему большая часть работы посвящалась истории уголовного законодательства о коалициях, но диссертация приобрела характер историко-догматического исследования. Полянский указывал, что термин «коалиция» употребляется в самых разнообразных смыслах (военно-дипломатическом, парламентском, юридическом), но он остановил свое внимание исключительно на промышленных коалициях, и главным образом коалициях рабочих. Автор подчеркивал, что коалиция заключает в себе известную опасность для общественных интересов и стеснение индивидуальных сво-

---

⁹⁰⁸ См.: Право. 1907. № 28. С. 1964; Критическое обозрение. 1908. Вып. V. С. 76 и др.

бод и на этой почве может возникнуть два вида деяний, имеющих уголовно-правовой характер. С одной стороны, некоторые приемы коалиционной деятельности могут быть объявлены преступными, с другой стороны, может быть объявлено преступным принуждение к участию в коалициях. В российском праве был добавлен еще и третий коалиционный деликт – повреждение имущества участниками коалиции. Он определял коалицию как основанное на соглашении соединение лиц для достижения одной и той же цели, а промышленную коалицию – как соединение известного числа рабочих или известного числа предпринимателей для защиты их общих интересов. Субъектами коалиции выступали рабочие (служащие) и работодатели, а профсоюзы представляли собой разновидность коалиции⁹⁰⁹. Вместе с тем, в отличие от профсоюзов, коалиции являются в большинстве случаев кратковременным соединением, созданным с определенной целью оказать влияние на условия труда. Основное внимание было обращено на такую форму коалиционной деятельности, как забастовка. В исторической части работы Полянский четко показал различие борьбы за коалиционную свободу рабочих во Франции, Германии и Англии. Во Франции стремление рабочих к коалиционной свободе часто сливалось с широким стремлением к свободе вообще. Следствием этого стало широкое распространение прямых столкновений с силами правительства и бои на баррикадах. В Англии борьба за коалиционную свободу велась преимущественно профессиональными организациями, замыкавшимися в узкую сферу профессиональных интересов и чуждающимся политической деятельности. В Германии борьба за свободу коалиции началась значительно позднее других стран и велась, главным образом, парламентским путем. Говоря об истории законодательства о коалициях в России, автор заметил, что законы против стачек появились у нас раньше, чем произошла первая стачка. Первым законом, предусматривающим наказуемость стачек, явилось Уложение о наказаниях 1845 г. (ст. 1792), тогда как первое применение его в судебном порядке имело место только в 1870 г.

---

⁹⁰⁹ См.: Полянский Н. Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М., 1909. С. 1–17.

Существенный интерес представляет пятая глава диссертации, посвященная догматическому анализу российского законодательства о стачках. Она включала в себя четыре части: наказуемые забастовки; подстрекательство и возбуждение к забастовке; повреждение имущества участниками забастовки; принуждение к забастовке. Примечательно, что, давая толкование «рабочего» как возможного субъекта забастовки, он делал это в широком смысле «служащего вообще», т. е. любого наемного работника. Полянский отрицал наказуемость не только законных забастовок, преследующих законную цель «принудить предпринимателя к возвышению заработной платы до истечения срока найма или к изменению других условий найма до истечения срока», но и забастовок, преследующих всякую иную цель, забастовок оборонительных и др.

Рассматриваемая публикация Н. Н. Полянского вызвала немало сочувственных отзывов, в том числе бывшего директора Демидовского юридического лица М. П. Чубинского и приват-доцента П. И. Люблинского⁹¹⁰. В целом позитивную, но неоднозначную рецензию написал В. Н. Ширяев (о нем ниже). Довольно жесткую критику диссертации дал коллега Полянского по Московскому университету С. В. Познышев (1870–1942), один из лучших теоретиков уголовного права своего времени, но человек достаточно консервативных взглядов. Он отмечал, что историческая часть работы написана хорошо, оставляет благоприятное впечатление и читается с интересом. Догматическая часть работы была подвергнута жесткой критике, в том числе за слишком широкое определение коалиции, за отсутствие дефиниции понятия «коалиционный деликт» и исследования его признаков, за расплывчатость категорий «коалиционная свобода», за увлечение комментариями действующего законодательства⁹¹¹. В этом было рациональное зерно, но в целом это был излишне критический подход к новаторскому исследованию на стыке уголовного и нарождающегося трудового права. Некоторые упреки, например, в том, что Полянский не разделяет рабочих и служащих как субъектов права на забастовку вытекают из незнания Познышевым сути проблемы и учения о трудовом договоре.

---

⁹¹⁰ См.: Критическое обозрение. 1909. Вып. VI; Право. 1910. № 4.

⁹¹¹ См.: Познышев С. В. Разбор сочинения Н. Н. Полянского // Ученые записки лица в Память Цесаревича Николая. 1910. Вып. 4. С. 1–17.

Между тем дискуссия ученых была достаточно корректной и не носила характера политических нападок⁹¹².

Исследование Н. Н. Полянским природы рабочего (трудового) договора носило новаторский характер. В частности, он проводил разграничение между рабочим договором и договором товарищества по двум критериям – правовому и экономическому. По правовому критерию различие заключалось в следующем: 1) работодатель платит рабочему за труд, в то время как в договоре товарищества такой признак отсутствует; 2) различны цели у сторон рабочего договора и договора товарищества; и их раздельное имущество; 3) эти договоры имеют различную правовую регламентацию. Экономический критерий разграничения Полянскому виделся в том, что рабочий и предприниматель имеют противоположные экономические интересы. Он дискутировал с известными учеными Ж. Сорелем и А. Менгером и пришел к выводу в духе работ К Маркса: рабочий договор стоит ближе всего к договору купли-продажи и рабочая сила – товар, имеющий рыночную цену, является фактором производства. Утверждение немецкого ученого Ф. Лотмара о неотделимости рабочей силы от человека, в связи с чем ее нельзя продать как имущество, Полянскому было знакомо, но его не убеждало. Вывод российского ученого заключался в том, что интересы рабочих и работодателей противоположны, причем последние являются экономически более сильной стороной. Из этого следует, что рабочим должно быть предоставлено право на коалицию и коллективную борьбу за свои права⁹¹³. Н. Н. Полянский обосновывал право рабочих на коалицию и проведение стачек и с точки зрения экономической целесообразности⁹¹⁴.

Публикации ученого, подготовленные в ярославский период его деятельности, затрагивали проблемы трудового права фраг-

---

⁹¹² См.: Полянский Н. Н. Ответ проф. Познышеву // Вестник права и нотариата. 1910. № 9.

⁹¹³ См.: Полянский Н. Н. Право коалиций и природа рабочего договора // Право. 1906. № 49. С. 3837–3845.

⁹¹⁴ См.: Полянский Н. Н. Право стачек // Сборник прогрессивного слова. СПб., 1910. С. 1–41; Его же. По поводу проекта отмены наказаний за самовольный отказ от работы // Вестник нотариата. 1910. № 51.

ментарно⁹¹⁵. Традиционно получалось так, что Николай Николаевич всегда в чем-то отличался от основной массы ученых: по вероисповеданию он был евангелист-лютеранин, по убеждениям – умеренный марксист, а его научный интерес к проблемам правового регулирования труда всегда вызывал вопросы у его коллег-криминалистов. В советский период он сохранил свою индивидуальность и не был похож на классических советских юристов. В 1920-е гг. он опубликовал ряд статей о выдающихся юристах И. А. Покровском и А. Ф. Кони, с которыми был знаком лично, а с последним состоял в переписке. Но писать о праве на забастовку и некую коалицию вне официальных профсоюзов стало сначала не актуальным, а затем просто опасным. Впрочем, по отдельным проблемам трудового права ученый высказывался в официальной печати⁹¹⁶.

Как нам кажется, Н. Н. Полянского можно отнести к числу первых российских ученых-трудоуководов, условно говоря, широкого профиля. Он не только имел свыше 20 публикаций по трудовому праву, но и затронул в своих работах целый спектр актуальных и ныне проблем, таких как: правовая регламентация коллективных действий работников (стачки, забастовки) и право коалиции; коллективные договоры, правовая природа трудового договора. Но осознание его вклада в развитие науки трудового права происходит только сейчас.

Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962) родился в 1883 г. в Подольской губернии. В 1910 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета и был оставлен там же на кафедре гражданского права для приготовления к профессорскому званию. Магистр гражданского права (1914 г.). В студенческие годы занимался в научном кружке Л. С. Таля, позитивно отнесся к зарождающейся конструкции трудовых договоров.

Одновременно с 1910 г. был помощником присяжного поверенного, а с 1914 г. – присяжным поверенным округа Петербургской судебной палаты. Преподавал в качестве приват-доцента в

---

⁹¹⁵ См.: Полянский Н. Н. Революция – торжество права. М., 1917; Его же. Народнический социализм. М., 1918; Его же. Идея и идеал кооперации. Общее образование и кооперативная работа. Ярославль, 1920 и др.

⁹¹⁶ Полянский Н. Н. Дисциплинарная ответственность служащих трестов // Вопросы труда. 1924. № 11.

Петербургском (Петроградском) университете (1914–1918 гг.) и на Бестужевских высших женских курсах (1914–1917 гг., среди его учениц была З. Р. Теттенборн). В тот период молодой ученый был едва ли не самым публикуемым в России ученым-юристом, а число изданных им работ к концу 1917 г. составило, по неполным данным, около 30. Александр Григорьевич высоко оценил вклад Л. С. Таля в развитие учения о власти над человеком в гражданском праве, назвал его подход смелым и новаторским, а опубликованные работы – выдающимися. Вместе с тем он отметил некоторые противоречия в концепции Л. С. Таля, который включал в состав хозяйской власти права работодателя как договорной стороны. Одновременно хозяйская власть определялась не как субъективное право, а как правовое положение. А. Г. Гойхбарг вполне резонно предложил определить хозяйскую власть либо как субъективное право, либо как правовое положение⁹¹⁷. В дореволюционный период он анализировал проблемы социального страхования. При рассмотрении норм одного из законопроектов, регулирующего договоры страхования, он писал, что они «должны быть переработаны в духе пропитания их гораздо большей дозой принудительности, в духе приближения их к новейшим иностранным законам о страховом договоре»⁹¹⁸. В качестве аргументов А. Г. Гойхбарг отмечал, что отказаться от принудительных норм в области страхового права не представляется возможным в тех случаях, когда эти нормы преследуют цели справедливой защиты интересов той стороны в договоре, которая является по своему положению экономически слабейшей. По мнению А. Г. Гойхбарга, современное право отказалось от строгого формализма (свободы) воли сторон в сделках, где требуется оградить слабейшую сторону. Примеры этому находятся в области договоров найма фабричных рабочих и в области договорного социального страхования.

Он никогда не скрывал своих радикально левых взглядов, вследствие чего пользовался значительной популярностью у традиционно фрондирующего студенчества. С 1904 по 1917 гг. он

---

⁹¹⁷ См.: Гойхбарг А. Г. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 142–157.

⁹¹⁸ Гойхбарг А. Г. Источники договорного страхового права. СПб., 1914. С. 36.

был меньшевиком, соредактором газеты «Новая жизнь». В 1917 г. одним из немногих известных юристов он примкнул к РКП (б), формально вступив в нее в 1919 г. Далее его карьера развивалась стремительно: в 1918–1921 гг. заведующий отделом кодификации и законодательных предложений, член Коллегии Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР и редактор журнала «Пролетарская революция и право». В этом качестве он имел отношение к подготовке первых советских кодексов, в том числе КЗоТ РСФСР 1918 г. Одним из первых его избрали действительным членом Социалистической академии общественных наук. Однако при этом он не утратил связи со своими бывшими учителями. Так, он способствовал освобождению из-под ареста профессора А. И. Каминки, которого перевезли из Петрограда в Москву и которому реально грозил расстрел как активному кадету⁹¹⁹.

Далее революционного интеллигента большевистское руководство решило проверить в деле, и в 1919–1920 гг. он становится членом Сибирского ревкома, редактором издания «Советская Сибирь», областным комиссаром юстиции. Именно А. Г. Гойхбарг выступал обвинителем на процессе колчаковских министров в Омске. Проверка была признана успешной, и в 1921–1923 гг. он является председателем Малого Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР. Напомним, что данный орган представлял собой постоянную комиссию СНК РСФСР (Большого СНК, т. е. правительства во главе с В. И. Лениным), которая была призвана освободить последний от решения мелких вопросов. Деятельность Малого СНК концентрировалась главным образом на финансовых и экономических вопросах, предварительной подготовке материалов для заседаний Большого СНК. В декабре 1918 г. при малом СНК был создан особый секретариат из 4 сотрудников. Для устранения дублирования в работе СНК РСФСР 24 января 1922 г. принял «Наказ о разграничении деятельности Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Оборона и Малого Совета Народных Комиссаров»⁹²⁰. Так А. Г. Гойхбарг попал в высшую советскую номенклатуру, и его роль в технической организации деятельности советского правительства была доста-

---

⁹¹⁹ См.: Гессен И. В. В двух веках // Литература русского зарубежья. Антология. Т. 4. М., 1998. С. 261.

⁹²⁰ СУ РСФСР. 1922. № 12. Ст. 17.

точно существенной. При этом он продолжал руководить кодификационной работой, в том числе являлся основным докладчиком при принятии КЗоТ РСФСР 1922 г. В том же году он получил ученую степень профессора.

Он искренне принял советскую власть и много сделал для ее укрепления. Впрочем, это не помешало ему сохранить известную независимость взглядов и продолжать придерживаться объявленно-го «вредительским» учения солидаризма Л. Дюги. А. Г. Гойхбарг в 1922–1925 гг. возглавлял кафедру гражданского права, был председателем президиума (деканом) правового отделения (1924–1925 гг.) 1-го МГУ. Одновременно с 1923 по 1937 гг. А. Г. Гойхбарг был директором Института советского права РАНИОН, являлся оппонентом Л. Я. Гинцбурга (о нем далее) по проблемам хозяйственного права. Однако в 1937 г. он был снят с должности директора, но продолжил преподавательскую и научную работу. В 1944 г. ему без защиты была присуждена ученая степень доктора юридических наук. При этом число доносов на Гойхбарга исчислялось десятками, на что имелись «веские» основания. Например, он публично выступил против печально известного сталинского Указа от 8 июля 1944 г., спиканного, по его словам, с гитлеровского закона «О немецкой матери». Этот указ унижал женщину и стал фактически вне закона детей, рожденных от родителей, не состоящих в зарегистрированном браке. Он также осмелился критиковать самого министра иностранных дел, бывшего прокурора СССР А. Я. Вышинского за незнание международного права, как и его заместителя, а впоследствии преемника А. А. Громыко. В 1948 г. Гойхбарга изгнали из института, но по непонятным причинам не арестовали⁹²¹. По другим данным, его все-таки арестовали и репрессировали в 1948 г., а реабилитирован он был в 1956 г.⁹²² В действительности, вероятно, он подвергался краткосрочному аресту, но осужден или даже выслан из Москвы не был. Впрочем, его лишили права заниматься преподавательской и научной деятельностью. Все это время он был готов к худшему и даже не хочется представлять, что он пережил за эту многолетнюю «пытку страхом». Умер ученый в Москве в 1962 г.

---

⁹²¹ См.: Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 325–326.

⁹²² См.: Шиловост О. Ю. Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в. М., 2005. С. 44 и далее.

Для нас он интересен прежде всего тем, что подготовил самые первые публикации, где анализировались первые акты советского трудового законодательства (статьи в журналах «Пролетарская революция и право» и «Вестник жизни») ⁹²³. Он с революционным запалом выступил за «разрушение прежних правовых титулов – частной собственности и договора». Эта цель достигается с помощью «социального законодательства советской республики». Социальное законодательство, по мнению А. Г. Гойхбарга, регулирует социалистическую организацию во всех отраслях народного хозяйства, ставящих целью не производство для барыша, а производство для потреблений, производства духовных благ, производство для всестороннего удовлетворению потребностей трудящихся масс. В этой связи к социальному законодательству он относил первые декреты советской власти о рабочем контроле (1917 г.), об отмене наследования (1918 г.), о государственной монополии и национализации банков (1918 г.), которые нанесли «решительный удар по институту частной собственности». К социальному законодательству был отнесен и КЗоТ РСФСР 1918 г., который «уничтожил трудовой договор как средство эксплуатации» ⁹²⁴. А. Г. Гойхбарг трактовал социальное право как право планомерно-целесообразной хозяйственной деятельности. При этом социальное право понималось скорее как комплекс общественных функций отдельных лиц и органов, возложенных на них советским государством ⁹²⁵. Однако, по его мнению, «... с окончательным упрочением коллективизма исчезнет не только гражданское право, но и право вообще», т. к. «пролетариат пробил брешь в стройной системе гражданского права» и оно будет заменено «планомерной организацией» ⁹²⁶. Сведение права к комплексу социальных функций отдельных лиц проповедовалось им и в дальнейшем. По сути, это вело к отрицанию права и замене его непосредственным госу-

---

⁹²³ Гойхбарг А. Г. Кодекс законов о труде // Пролетарская революция и право. 1918. № 8–10. С. 3–8 и др. Его статьи в этом журнале были изданы отдельной книгой (см.: Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право. М., 1919).

⁹²⁴ См.: Гойхбарг А. Г. Социальное законодательство Советской республики (введение). М., 1919. С. 41, 50, 60 и др.

⁹²⁵ См.: Гойхбарг А. Г. Пролетарская революция и право. М., 1920; Его же. Исполняйте законы Советской республики! Тула, 1919.

⁹²⁶ Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право. М., 1919. С. 6, 36, 37.

дарственным и судебским усмотрением⁹²⁷. Впоследствии он дошел до того, что открыл еще один «опиум для народа», кроме религии. А. Г. Гойхбарг писал: «...право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»⁹²⁸.

Этот последователь социологического учения Л. Дюги⁹²⁹ весьма противоречиво высказывал свои взгляды на советское трудовое законодательство. Он был сторонником установления рабочего контроля над производством с целью недопущения капиталистической эксплуатации. Он исходил из того, что пролетарская власть сохранила еще труд, если не по найму, то, во всяком случае, за вознаграждение, но положение работника коренным образом изменилось. Именно он одним из первых обосновал достаточно странную с позиции традиционной теории права позицию, что в советском трудовом законодательстве обязательная трудовая повинность для всех трудоспособных сочетается с правом на труд⁹³⁰. А. Г. Гойхбаргу принадлежит крылатая фраза о том, что при военном коммунизме все обязательственные правоотношения исчерпываются одним только наймом пастуха в деревне⁹³¹. Очевидно, что все остальные правоотношения в сфере применения труда становились государственно-распределительными.

Одновременно он утверждал, что при социализме как индивидуальный трудовой договор, так и коллективный договор перестают быть договорами, а условия труда должны устанавливаться централизованно, исходя из руководящей идеи солидарности. При этом роль права всячески принижалась, хотя не отрицалось значение руководящих указаний советской власти. Гойхбарг одним из первых на теоретическом уровне поддержал идею распределения рабочей силы, которое должно было заменить трудовой договор и договорные отношения в трудовом праве⁹³². При этом он достаточно высоко оценивал значение коллектив-

⁹²⁷ Гойхбарг А. Г. *Хозяйственное право РСФСР*. М., 1923. С. 53.

⁹²⁸ Гойхбарг А. Г. *Основы частного имущественного права*. М., 1924. С. 8.

⁹²⁹ См.: Гойхбарг А. Г. Предисловие // Дюги Л. *Общее преобразование гражданского права со времен кодекса Наполеона*. М., 1920.

⁹³⁰ Гойхбарг А. Г. *Пролетариат и право*. С. 74.

⁹³¹ Гойхбарг А. Г. *Хозяйственное право РСФСР*. С. 5.

⁹³² См.: Гойхбарг А. Г. *Социальное законодательство Советской республики*. С. 8, 11–13, 46–47 и др.

ных договоров, но придавал ему публичный характер, по сути означающий отказ от его договорной природы: «Пролетарская власть на местах сделала в России сначала обязательным коллективный договор вместо индивидуальных соглашений между столь неравными «сторонами» как предприниматель и рабочий, затем при невозможности достигнуть соглашения с предпринимателями коллективный договор (переставший быть договором) становится обязательным по утверждению его органами пролетарской власти»⁹³³.

Менее радикальным специалистом по рабочему вопросу был **Василий Яковлевич Яроцкий** (1887–1938). Он родился 14 марта 1887 г. в Черкассах Киевской губернии в семье преподавателя истории местной гимназии. В 1905 г. он примкнул к партии эсеров, вел политическую работу в г. Кременец и Полтава, неоднократно арестовывался за революционную агитацию. В 1907 г. В. Я. Яроцкий был предан военно-окружному суду за участие в убийстве генерал-майора Полковникова, приговорен к году заключения в крепости, после кассации бежал за границу. Полтора года жил в Париже, посещал Сорбонну, затем перебрался в Лондон, жил там до 1917 г. В этот период он работал в библиотеке Британского музея, посещал Лондонскую высшую школу экономики. В 1917 г. написал диссертацию «История русско-английских торговых сношений», читал лекции по экономике России. С 1908 г. публиковал статьи в периодических изданиях, с 1910 г. взял литературный псевдоним «А. Чекин», возможно, для того, чтоб его не путали с широко известным профессором Василием Гавриловичем Яроцким (о нем говорилось выше). Длительное проживание в Англии не прошло для В. Я. Яроцкого бесследно. Он стал крупнейшим специалистом по истории британского тред-юнионизма, автором исследований о жизненном пути видных деятелей тамошнего рабочего движения⁹³⁴. Если бы

---

⁹³³ Гойхбарг А. Г. Социальное законодательство Советской республики. С. 49.

⁹³⁴ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Джеймс Рамзай Макдональд. М.; Л., 1929; Его же. Очерки современного тред-юнионизма. М., 1920 (2-е изд. 1923; 3-е изд. 1924); Его же. Современная рабочая Англия. М., 1925; Его же. Силуэты рабочей Англии. М., 1926; Его же. Тимоти Джонс. История одного английского рабочего: Очерк. М., 1927 и др.

не превалирование в его оценках узкоклассового подхода, то его можно было бы даже считать англофилом.

Накануне октябрьского переворота 1917 г. вернулся в Россию, при этом события 25 октября встретил враждебно, однако с 1919 г. начал принимать участие в деятельности советских профсоюзов. В июле 1920 г. вступил в РКП (б) и начал преподавать в 1-м МГУ и Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Василий Яковлевич редактировал ряд изданий по линии ВЦСПС, принимал участие в организации Международного совета профессиональных союзов в качестве заведующего секретариатом и редактора. В дальнейшем он был одним из секретарей со стороны советской делегации на англо-советских переговорах 1924 г., принимал участие как член советской делегации на конгрессе английских тред-юнионов в Гулле и Скарборо, на заседаниях англо-русской совещательной комиссии⁹³⁵. С конца 1920-х гг. начал подвергаться преследованиям как выходец из партии эсеров. В 1930 г. переводится из МГУ на работу профессором в Среднеазиатский государственный университет (г. Ташкент), в 1933–1936 гг. ректор этого университета. Подвергался политическим репрессиям, казнен в 1938 г., реабилитирован посмертно.

В 1920-х гг. он становится одним из ведущих специалистов по зарубежному и российскому профсоюзному движению⁹³⁶. В кругу его научных интересов оказалось также правовое регулирование трудовых отношений и история рабочего движения⁹³⁷. Он считал, что профсоюзам принадлежит важное место в борьбе за улучшение

---

⁹³⁵ См.: Яроцкий В. Я. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989 (по изд. 1925–1926). С. 787–788.

⁹³⁶ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Беседы о профсоюзном движении. М., 1926; Его же. История, теория и практика профессионального движения: В 2 ч. М., 1924; Его же. Происхождение и развитие профдвижения в России. М.; Л., 1926; Его же. Учение о профсоюзном движении. М.; Л., 1926 и др.

⁹³⁷ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Вехи рабочего движения (от зари капитализма до Октябрьской революции). М., 1925; Его же. История рабочего движения. Вып. 1–2. М., 1928; Его же. Классовая борьба в эпоху промышленного капитализма. М., 1930; Его же. Краткий очерк рабочего движения. Херсон, 1923; Его же. Семичасовой рабочий день // Революция права. 1928. № 1. С. 15–22; Его же. Рец. на кн.: Теттенборн З. Р. Со-

ние трудового законодательства и облегчение участи трудящихся при капитализме. Однако первоначально он отводил им важную роль и в период социализма, в том числе в области контроля за деятельностью администрации. Этого нельзя сказать еще об одном видном большевистском теоретике профсоюзного движения В. М. Шулятикове (1872–1912). Для него профсоюзы могли быть даже помехой в классовой борьбе, т. к. он с сожалением отмечал, что в России нарождается тип рабочего-профессионалиста, считающего экономическую борьбу синонимом классовой борьбы. Отстаивание профсоюзами профессиональных и экономических интересов рабочего класса казалось ему просто опасным, т. к. наносило ущерб главной цели – свержению существующего политического строя⁹³⁸. В 1920-х гг. проблемы истории профсоюзного и рабочего движения привлекали внимание большого числа авторов, но односторонность и тенденциозность многих из них была очевидна⁹³⁹. В. Я. Яроцкий среди этих авторов первоначально был относительно объективным, но к концу 1920-х гг. начал писать вполне в духе «генеральной линии партии».

Без ложной скромности исследователь заявил, что ему принадлежит первый опыт систематизации марксистского учения о профсоюзах, уточнив, что публикация германца З. Нестринке «Профсоюзное движение» (1920 г. и Вводная часть к нему (издана в 1923 г.)) дают только социал-демократическую версию этого учения⁹⁴⁰. Василий Яковлевич рассмотрел сущность, истоки, первые проявления профсоюзного движения, период их борьбы за существование, период активизации их деятельности («бури и натиска»), типы профсоюзного движения и др. Им был представ-

---

ветское законодательство о труде. М., 1920 // Книга и революция. 1920. № 6. С. 34–35 и др.

⁹³⁸ См.: Шулятиков В. М. Профессиональное движение и капиталистическая буржуазия. М., 1907; Его же. Тред-юнионистская опасность. М., 1907.

⁹³⁹ См.: Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1–3. Киев; М., 1924–1926; Татаров И. Л. Классовая борьба вокруг законов о труде и образовании рабочей молодежи во второй половине XIX века. М.; Л., 1928 и др.

⁹⁴⁰ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) История, теория и практика профессионального движения. Ч. 1: Сущность профессионального движения. М., 1924. С. 3–4.

лен содержательный обзор различных подходов к сущности и понятию профсоюзов. Дефиницию самого В. Я. Яроцкого удачной признать нельзя. Он определял профсоюз как «длительно действующее объединение наибольшего при данном уровне классового сознания пролетариата числа рабочих на почве наибольшей, на данной стадии развития классового самосознания, общности классовых интересов»⁹⁴¹. Исследователь признавал редакционное несовершенство такого определения, но в действительности его главным пороком было отсутствие на указание цели деятельности профсоюзов. В этой части куда более удачным выглядит определение, данное британцами Б. Вебб и С. Вебб (о них говорилось в первой главе данной книги) еще в 1894 г.: «Профессиональный союз является длительно действующей ассоциацией работников, работающих по найму, созданной в целях сохранения и улучшения условий их найма». В 1920 г. они конкретизировали цель их деятельности: «сохранение и улучшение условий их жизни». В. Я. Яроцкий приветствовал такое дополнение, но не считал нужным включать цели деятельности в дефиницию из-за их изменчивости и разнообразия, зато не смог обойтись без идеологических «наворотов». При этом он констатировал, что профсоюзам предшествовали группировки подмастерьев, но не считал их непосредственными связанными «узлами родства» в силу различного характера организации и деятельности⁹⁴². Уже в этой работе проявляются такие перекосы, как цитатничество (явный перегруз цитатами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, до Сталина пока еще дело не дошло), узкоклассовый подход и излишняя идеологизация в ущерб объективности. В итоге автор пришел к отнюдь не новому определению профсоюзов как «школы коммунизма». Аналогичным был и подход к типам профсоюзного движения в их историческом развитии⁹⁴³.

Отметился он исследованиями и по проблеме социального страхования. В частности, социальный риск он сводил к необеспеченности населения в условиях капиталистической организации

---

⁹⁴¹ Яроцкий В. Я. (Чекин А.) История, теория и практика профессионального движения. Ч. 1. С. 4.

⁹⁴² Там же. Ч. 1. С. 42.

⁹⁴³ Там же. Ч. 2: Типы движения в их историческом развитии. М., 1925. С. 5–40.

производства⁹⁴⁴. Достаточно традиционно он выделял пять видов социальных рисков: 1) безработицы, 2) болезни, 3) инвалидности, который стоит близко к риску болезни, 4) материнства, который определяется риском необеспеченности матери, 5) несчастного случая⁹⁴⁵. Далее В. Я. Яроцкий констатировал бесспорную зависимость социального риска от рода занятий, но утверждал, что в действительности социальный риск только один – риск необеспеченности, а все вышеназванные являются только его видами. Однако вывод, к которому он пришел, сильно отличался от традиционного, изложенного А. Вагнером, В. Г. Яроцким и др. Василий Яковлевич считал, что за социальные риски должен отвечать не предприниматель, а все народное хозяйство, т. к. это коллективная ответственность за индивидуальное благополучие⁹⁴⁶. Добровольное страхование он вообще не считал социальным, а только разновидностью группового соглашения о круговой поруке. В. Я. Яроцкий выделял следующие формы социального страхования: 1) попечение о бедных как исторически первую форму; 2) факкультативное страхование и индивидуальные сбережения на черный день. Он отмечал в этой части важную роль обществ взаимопомощи, функции которых в Англии частично взяли на себя профсоюзы. Этот процесс он связывал с деятельностью В. Ньютона и В. Аллена, создавших в 1851 г. «Амальгамированное общество механиков». Этому сюжету позднее было посвящено специальное исследование⁹⁴⁷; 3) подлинным социальным страхованием признается только страхование социальных рисков, организуемых государством за счет общественных доходов. Однако при капитализме даже обязательное страхование только приближается к социальному страхованию.

В. Я. Яроцкий подчеркивал, что социальное обеспечение не предполагает взноса, а все выплаты при наступлении страхового случая осуществляются за счет народного хозяйства. В противном случае это будет социальным страхованием, и даже частич-

---

⁹⁴⁴ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Социальное страхование (введение в теорию). М., 1924. С. 4–5.

⁹⁴⁵ Там же. С. 5–10.

⁹⁴⁶ Там же. С. 10–13.

⁹⁴⁷ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Вильям Ньютон и Вильям Аллен, строители тред-юнионизма. М., 1924.

ное участие самих застрахованных означает отход от социального обеспечения. Он выделял десять видов социального страхования⁹⁴⁸, в чем шел строго в русле аналогичной классификации Н. А. Вигдорчика (о нем далее). В целом учение В. Я. Яроцкого о социальном страховании оказалось фрагментарным и упрощенным, вторичным в отношении теории Н. А. Вигдорчика и сильно уступающим по уровню проработки последнему. В социалистическом социальном страховании он видел переходную форму к государственному социальному обеспечению.

Несколько особняком стоят некоторые исследователи рабочего вопроса, позиция которых резко рознится с официальным советским марксизмом. Одним из таковых был **Аполлон Андреевич Карелин** (1863–1926). Он являлся одним из идеологов либертаризма, проповедовал освобождение как личности, так и коллектива от различных видов социального угнетения и эксплуатации. В своей мировоззренческой эволюции он прошел путь от общедемократических идей и радикального марксизма к мистическому анархизму. При царском режиме он неоднократно оказывался в ссылке, в советский период стал членом ВЦИК, но при этом остался тайным лидером анархо-мистического движения. Он родился 23 января 1863 г. в Петербурге. После завершения гимназии оказался высланным в Сибирь, но смог экстерном окончить юридический факультет Казанского университета со степенью кандидата права. Еще до получения диплома в 1887 г. он опубликовал статью «Отхожие и кабальные рабочие» в журнале «Юридический вестник». Затем он стал помощником присяжного поверенного, защищал интересы рабочих в суде. А. А. Карелин вступил в партию эсеров, а в 1905–1906 гг. был профессором Русской высшей школы социальных наук в Париже, которой руководили М. М. Ковалевский и Ю. С. Гамбаров. В 1911 г. сблизился с анархистами, вел политическую работу в основном в Париже. Летом 1917 г. он вернулся в Россию, став лидером «умеренного» крыла Петроградской федерации анархистских групп. Весной 1918 г. выступил одним из организаторов и секретарей Всероссийской федерации анархистов и анархо-коммунистов, относился лояльно к советской власти (т. н. «советский анархизм»). Впоследствии

---

⁹⁴⁸ См.: Яроцкий В. Я. (Чекин А.) Социальное страхование (введение в теорию). С. 22–24.

А. А. Карелин стал лидером анархо-мистического движения, автором изотерических сочинений. Умер он 20 марта 1926 г.⁹⁴⁹

Решение рабочего вопроса А. А. Карелину виделось частью решения более общей проблемы освобождения всего народа от социального угнетения. Этому была посвящена его вышеназванная статья «Отхожие и кабальные рабочие». Далее он подготовил своеобразный «трудоправовые катехизисы». Это были короткие рассказы, в художественной форме раскрывающие определенную проблему. Так в художественной форме он писал о задержке и невыплате в полном объеме заработной платы, о нарушениях техники безопасности, переработках рабочего времени и др.⁹⁵⁰ При этом он самым внимательным образом относился к публикуемым отчетам фабричных инспекторов, материалам статистических исследований.

Исследователь определял фабричные законы как ряд законоположений, имеющих целью улучшить положение фабричных, мануфактурных и ремесленных наемных рабочих⁹⁵¹. При этом поддерживалась известная формула распорядка дня рабочего: 8 часов работа, 8 часов отдых, 8 часов сон. Однако единые требования, по его мнению, не исключали дифференциации. Так, предлагалось уменьшать продолжительность рабочего дня при вредных и опасных условиях труда. А. А. Карелин на одно из первых мест вывел законодательное закрепление требований по охране труда: к освещению, спецодежде (маски, защитные костюмы, очки и др.). Он прямо утверждал, что именно фабричные законы должны регулировать условия личного найма⁹⁵². Вывод автора был обоснован: «Фабричное законодательство имеет громадное культурное значение ... Мы полагаем, что оно поднимет "норму благосостояния" рабочего класса». Вполне актуально звучит и его предложение о том, что «...надо знакомить рабочих с фабричными законами путем обязательного печатания последних в расчетных книжках»⁹⁵³.

---

⁹⁴⁹ См.: Сапон В. П. Русский либертариум А. А. Карелин // Отечественная история. 2008. № 2. С. 160–169.

⁹⁵⁰ См., например: Карелин А. А. Рассказы. 1. Русалка. 2. Отдых рабочих. Тифлис, 1891. С. 15–29 и др.

⁹⁵¹ См.: Карелин А. А. Фабричные законы: Очерк. СПб., 1893. С. 1.

⁹⁵² См.: Там же. С. 17.

⁹⁵³ Там же. С. 93.

В заключение ограничимся краткой ремаркой. После 1917 г. марксизм стал идеологической основой развития советской юридической науки. Его догматизация и упрощение самым пагубным образом сказались на развитии трудового права. Но это связано не столько с самим марксизмом, сколько с его предвзятым и однобоким толкованием. В настоящее время марксизм остается в инструментарии науки трудового права, но не как «единственно верное учение», а как один из научно обоснованных методологических подходов.

Вместе с тем именно Октябрьская социалистическая революция открыла первую страницу советской истории трудового права. Это было пролетарское (революционное) право, которое носило классовый характер. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс определяли право как возведенную в закон волю господствующего класса. Пролетарское право периода первых лет советской власти и военного коммунизма в соответствии с марксистско-ленинским учением рассматривалось как средство осуществления диктатуры пролетариата⁹⁵⁴. Это право оценивалось категориями не законности и правопорядка, а «революционного классового правосознания», «революционной целесообразности»⁹⁵⁵. Так, М. А. Рейснер, стоявший на позиции теории классового права, писал, что в первые годы Советской власти трудовая повинность и трудовое землепользование являлись воплощением социалистического равенства, дополненного распределением продуктов питания и потребления пропорционально трудовой ценности каждого гражданина в стране Советов.⁹⁵⁶ Даже такой известный цивилист, как А. Г. Гойхбарг (о нем говорилось выше), стал глашатаем рискованных правовых экспериментов с целью предоставления пролетариату безвозмездно всех возможных социальных благ⁹⁵⁷. Это надо учитывать при рассмотрении дальнейшего развития отечественного трудового права.

---

⁹⁵⁴ См.: Курский Д. И. На путях развития советского права. М., 1927.

⁹⁵⁵ См.: Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 227.

⁹⁵⁶ См.: Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М., 1925. С. 217.

⁹⁵⁷ См.: Гойхбарг А. Г. Социальное законодательство Советской республики. М., 1919. С. 59–60 и др.

3.2. Я. А. Канторович, В. М. Догадов, К. М. Варшавский и ленинградская школа трудового права

Петербург (Петроград, Ленинград) был не только городом трех революций, но и общепризнанным центром отечественной юридической науки. Напомним, что в местном университете начинал свою преподавательскую деятельность Л. С. Таль, здесь учились И. С. Войтинский, В. М. Догадов, К. М. Варшавский, стоявшие у истоков науки трудового права. В силу столичного (до 1918 г.) статуса города здесь разворачивалась научная и государственная деятельность многих видных политиков и высших чиновников, внесших большой вклад в становление новой науки (Р. А. Дистерло, В. П. Литвинов-Фалинский, А. Н. Быков и др.). Ниже хотелось бы сказать о деятельности и биографии отдельных ученых, заложивших основу уже советской ленинградской школы трудового права.

Яков Абрамович Канторович (1859–1925) окончил юридический факультет Петербургского университета (1884 г.), после чего работал помощником присяжного поверенного. Затем активно занимался предпринимательством, создал свое издательство, где публиковалась преимущественно юридическая литература. В сферу его научных интересов входила сначала историко-правовая, а затем в основном гражданско-правовая проблематика. Он был автором более 10 комментариев к различным институтам гражданского законодательства и руководящей правоприменительной практики Правительствующего Сената, с 1907 г. адвокат. В начале XX в. появились его первые работы, посвященные анализу законодательства о личном найме⁹⁵⁸. Я. А. Канторович был признанным специалистом в сфере цивилистики, знатоком западного законодательства. Его отличали либеральные убеждения. После 1917 г. его интерес к социальному законодательству только усилился, хотя на некоторое время он иммигрировал в Германию, но затем вернулся в Россию. Более того, он сотрудничал с юридической службой петроградских профсоюзов, где пользовался большим авторитетом.

---

⁹⁵⁸ См.: Канторович Я. А. Законы о личном найме с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб., 1900 (2-е изд. 1908).

В сферу его научных интересов входили коллективные договоры и советское законодательство о профсоюзах⁹⁵⁹. Он отстаивал самостоятельную роль последних как инструмента защиты коллективных интересов работников. Вероятно, он каким-то образом был связан с внутривнутрипартийной «ленинградской оппозицией» во главе с Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым. Последний из них некоторое время возглавлял советское профсоюзное движение и контактировал с лидерами ленинградских профсоюзов. Во второй половине 20-х гг. XX в. труды Я. А. Канторовича подвергаются идеологическим нападкам за «буржуазные пережитки» и недооценку классового начала советского трудового права. Я. А. Канторович умер от сердечного приступа в 1925 г.

Выше уже упоминалось о том, что в сфере его научных интересов особое место занимала теория коллективных договоров. Он отмечал: «...Самое понятие "коллективный договор" еще до сих пор не вполне отчетливо усвоено, не получило ни достаточно-теоретического обоснования, ни достаточно полного осуществления и применения на практике»⁹⁶⁰. При этом констатировалось, что уже в первой четверти XX в. на Западе появилась довольно обширная литература, посвященная коллективным договорам, главным образом догматической стороне проблемы. Вопросы о коллективных договорах были предметом обсуждения на целом ряде съездов юристов Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии⁹⁶¹.

Данный феномен он рассматривал в историко-правовом, сравнительном и догматическом аспектах. Его краткий анализ западной литературы отличался достаточной полнотой. Я. А. Канторович отмечал, что в Англии в 1896 г. принимается Акт о промышленных соглашениях. Примирительно-посреднические процедуры здесь по-прежнему имели добровольный характер, но отличались достаточной эффективностью. Всего к 1910 г. в Англии было 282 примирительных палаты, которые за 1901–1910 гг. рассмотрели 7,5 тыс. конфликтов, и только в 104 случаях примирительному

---

⁹⁵⁹ См.: Канторович Я. А. Коллективный договор. Л., 1924; Его же. Коллективный договор как юридический институт // Право и жизнь. 1923. Кн. 2. С. 13–29; Кн. 3. С. 8–22; Кн. 4. С. 29–45; Его же. Профессиональные союзы. Л.; М., 1925.

⁹⁶⁰ Канторович Я. А. Коллективный договор. Л., 1924. С. 3.

⁹⁶¹ См.: Там же. С. 13.

соглашению предшествовала стачка. По закону 1919 г. в Англии создаются промышленные суды, назначаемые министром труда из представителей сторон и нейтральных членов. В 1901 г. в Германии принимается закон о промысловых судах, осуществлявших как судебные, так и примирительные функции⁹⁶².

Он дал определение коллективного (тарифного) договора как «соглашения между профессиональным рабочим союзом (или группой рабочих данного предприятия) и отдельным работодателем или союзом работодателей относительно содержания личных (трудовых) договоров, которые имеют быть в будущем заключены между этими работодателями и отдельными членами этого профессионального союза или иной группы рабочих»⁹⁶³. Здесь явно выражено отрицательное отношение к профсоюзной монополии на заключение коллективных договоров. К числу признаков коллективных договоров он причислял, во-первых, то, что на стороне рабочих должен быть коллектив, во-вторых, что этот договор должен иметь своим предметом определение условий труда. При этом Канторович подчеркивал как социальное, так и юридическое значение коллективного договора. Он подходил к изучению проблем трудового права с общецивилизационных позиций, отмечая наличие рабочего законодательства, различного по объему и содержанию во всех странах. В качестве общемировой тенденции Канторович констатировал, что государственная власть капиталистических стран обнаруживала попытки принудительными мерами проникнуть в область частноправовых отношений, что ранее считалось недопустимым нарушением принципа свободы конкуренции⁹⁶⁴. Он ввел новое в советской науке понятие «коалиционное право», которое по смыслу было близко к корпоративному и профсоюзному праву. В своих теоретических конструкциях он активно опирался не только на труды зарубежных ученых (Ф. Лотмара, Г. Зульцера, Ф. Шульца, А. Циммермана и др.), зарубежное законодательство, но и на работы Л. С. Таля, И. С. Войтинского. Детальному анализу были подвергнуты ст. 168–174 КЗоТ РСФСР 1922 г., регулирующие коллективно-договорные отношения, рассмотрен проект Закона о коллективном договоре, подготовленный

---

⁹⁶² См.: Канторович Я. А. Коллективный договор. С. 71.

⁹⁶³ Там же. С. 17.

⁹⁶⁴ Там же. С. 32.

специальной комиссией Министерства труда Временного правительства.

Показателен вывод Я. А. Канторовича о том, что коллективный договор в России построен на тех же основаниях, что и в буржуазных странах⁹⁶⁵. Он определил три основных отличия коллективного договора в СССР и буржуазных странах. Во-первых, в СССР защита интересов трудящихся занимает доминирующее место, а охрана труда носит публично-правовой характер. Во-вторых, наиболее крупным представителем капитала в СССР является государство, что делает формы борьбы труда и капитала иными, не конфронтационными. В-третьих, в СССР принципиально иное положение профсоюзов, которые участвуют в организации и регулировании народного хозяйства и имеют монополию на представительство в коллективно-договорных отношениях⁹⁶⁶. Общий вывод Я. А. Канторовича, сделанный в духе социологического учения Л. Дюги, можно признать актуальным на сегодняшний день: «Замеченная ныне во всех странах тенденция к законодательной нормировке коллективных соглашений знаменует собой стремление – стихийную классовую борьбу между трудом и капиталом дополнить организованным действием правовых норм и превратить коллективное соглашение из чисто социального явления, направляемого случайным соотношением борющихся сил и имеющих свою санкцию стачку и локауты, в правовой институт, санкционированный государственной властью и обеспечивающий завоевания рабочего класса»⁹⁶⁷.

Как верно отмечал Яков Абрамович, «общие начала обязательственного права, рассчитанные на товарно-имущественный оборот, не могут иметь применение к трудовому договору без некоторых изменений и отступлений, так как мы имеем дело не с имуществом, а с личностью человека, которая стоит вне гражданского оборота и должна быть защищена в своих неотъемлемых правах»⁹⁶⁸.

В практическом ключе Канторович сформулировал советские принципы коллективно-договорного регулирования трудовых от-

---

⁹⁶⁵ См.: Канторович Я. А. Коллективный договор. С. 176.

⁹⁶⁶ Там же. С. 176–178.

⁹⁶⁷ Там же. С. 190.

⁹⁶⁸ Там же. С. 184.

ношений с учетом того, что коллективный договор имел в СССР публично-правовое значение. К названным принципам он относил:

- от имени рабочих выступают только советские профсоюзы;
- условия коллективных договоров распространяются на всех лиц предприятия (кроме лиц администрации предприятия) и независимо от членства в профсоюзах;
- неотменяемость условий коллективного договора индивидуальным договором, т. е. запрет ухудшения положения работника по сравнению с условиями коллективного договора;
- не предоставлять преимущества именно члену этого отраслевого профсоюза, исходя из равенства трудовых прав;
- освобождение профсоюзов от имущественной ответственности⁹⁶⁹.

При этом подлинным основателем именно ленинградской школы трудового права можно считать **Василия Михайловича Догадова** (1886–1962). Он родился 21 мая 1886 г. в Пермской губернии⁹⁷⁰. Его отец был выходцем из крестьян, но «выбился в люди» и стал земским врачом. Он дал сыну хорошее образование: сначала Василий окончил Екатеринбургскую гимназию с золотой медалью, а затем в 1911 г. – юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени. Наибольшее влияние в студенческие годы на него оказали преподаватели И. А. Покровский, А. И. Каминка, А. Э. Нольде. Занимался он и в научном кружке приват-доцента Л. С. Таля, что способствовало его интересу к проблемам правового регулирования трудовых отношений. Первая его публикация вышла еще в 1911 г. Сразу после окончания университета его оставляют там для подготовки к профессорскому званию. Из-за начавшейся войны и сопряженными с ней сложностями этот процесс продлился до 1917 г. В 1917–1918 гг. он сдал магистерские экзамены. Одновременно с 1915 по 1919 г. он преподавал законоведение, политическую экономию и социологию в Коммерческом училище, с 1917 г. – в Народном университете им. Лутугина (лектор по общей теории права), а с 1912 г. его допустили к проведению отдельных занятий в Петербургском университете. В научной работе Догадова трудо-

---

⁹⁶⁹ См.: Канторович Я. А. Коллективный договор. С. 179.

⁹⁷⁰ Биографические данные подготовлены по материалам личного дела В. М. Догадова (архив кадровой службы СПбГУ).

правовая проблематика занимала существенное место. Уже в первых своих публикациях он подробно анализировал концепцию трудового договора Л. С. Таля и современное зарубежное законодательство по данной проблеме⁹⁷¹. Догадов хорошо знал немецкий язык, свободно читал по-французски. Этот интерес к зарубежному трудовому праву он сохранил на всю жизнь, являясь, наравне с А. Е. Пашерстником, крупнейшим советским специалистом по этой проблеме⁹⁷². По своим политическим воззрениям он был близок к позициям правых социалистов.

Его отношение к революционным событиям 1917 г. было сложным, но скорее позитивным. С 1917 по 1919 гг. он вел в Петроградском университете курс гражданского процесса (с 1918 г. приват-доцент). Затем с 1919 по 1922 гг. он исполнял обязанности профессора социально-экономического факультета (кафедра гражданского права) Иваново-Вознесенского политехнического института, где вел занятия по рабочему (трудовому) и гражданскому праву⁹⁷³. Он оказался одним из первых преподавателей трудового права в вузах советской России. При этом он оставался авторитетным специалистом в сфере гражданского права и гражданского процесса. После закрытия в 1922 г. социально-экономического факультета в Иваново-Вознесенске он возвращается в Петроградский университет и продолжает преподавать трудовое и гражданское право.

Догадов представлял собой яркий пример русского интеллигента из разночинцев, аристократизм которого базировался не на родовитости или богатстве, а на интеллекте и общей высокой культуре. Уже в начале педагогической карьеры он зарекомендовал себя замечательным преподавателем. Отметим, что до 1925 г. ведущим преподавателем трудово-правовых дисциплин и заведующим цикла труда в университете был К. М. Варшавский, о котором речь пойдет далее. По манере чтения лекций они были в чем-то похожи, но

---

⁹⁷¹ См.: Догадов В. М. Новые течения в вопросе о трудовых договорах // Право. 1915. № 5. С. 281–289; № 7. С. 436–443.

⁹⁷² См.: Догадов В. М. Коллективные договоры в буржуазных государствах и СССР. Л., 1926; Его же. Антирабочее законодательство в капиталистических странах. Л., 1950 и др.

⁹⁷³ См.: Савенко Г. В. Василий Михайлович Догадов: неизвестные страницы биографии и документы 1909–1922 гг. // Правоведение. 2004. № 6. С. 200–2005.

были и некоторые различия. Догадов был чужд внешним эффектам, читал лекции ровно и спокойно. Но при этом он всегда рассматривал правовые проблемы в широком историческом контексте, обращал внимание на международный опыт, подбирал яркие и показательные примеры. Уже тогда в его официальных характеристиках встречается выражение «блестящий педагог».

Василий Михайлович, вероятно искренне, принял новую политическую систему. Он стал одним из первых советских ученых-трудовиков в лучшем значении этого слова. В 1924 г. он назначается профессором, а в 1927 г. утверждается в звании профессора ЛГУ, с 1930 г. возглавляет кафедру трудового права образованного на базе юрфака ЛГУ Ленинградского юридического института (ЛЮИ). В этой должности он остается до 1954 г. Официальный статус Догадова был закреплен вступлением в 1932 г. в ВКП(б). Карьерный рост не сказался на его человеческих качествах, и он оказался одним из немногих видных ученых, которые во второй половине 1930-х гг. в публикациях не критиковали своих коллег за различные «уклоны». Более того, его отношения с другими учеными были всегда подчеркнута корректными и нам не удалось найти ни одного отрицательного отзыва уважаемого профессора даже о его не самых лучших членах кафедры. Наоборот, самого Догадова обвиняли в том, что он «идет по линии буржуазной оценки правового регулирования труда»⁹⁷⁴. А. Е. Пашерстник упрекал Догадова в том, что он недооценивает значение базиса в формировании надстройки, т. е. не выводит свои теоретические построения непосредственно из типа экономики⁹⁷⁵. Но Догадов, как говорится, полностью ушел в науку и преподавание, не отвечал на выпады и доносы и честно делал свое дело. По меньшей мере однажды, в 1940 г., над ним реально нависла угроза ареста.

Догадов стал первым советским ученым, защитившим докторскую диссертацию по трудовому праву на тему «Очерки из истории правового регулирования наемного труда в капиталистическом обществе» (М., 1944). Он был одним из первых разработчиков догматики советского трудового права, а его «Очер-

---

⁹⁷⁴ Гришин З. З. Советское трудовое право. М., 1936. С. 9.

⁹⁷⁵ См.: Пашерстник А. Е. К вопросу о роли советского трудового права в коммунистическом строительстве // Советское государство и право. 1953. № 4. С. 67.

ки трудового права» (М., 1927) некоторые исследователи считают первым учебником советского трудового права⁹⁷⁶. В этой работе он анализирует трудовые отношения, признает объектом этого отношения даже при социализме несамостоятельный труд, относит коллективный договор к важнейшим источникам трудового права. При этом активно используются работы Ф. Лотмара, названного им основателем науки трудового права, и Л. С. Таля⁹⁷⁷. Существенное место в этих очерках уделено анализу буржуазного трудового права, которое, по его мнению, призвано «охранять труд лиц, вынужденных работать в чужих для них предприятиях»⁹⁷⁸. Это было последнее советское комплексное исследование по трудовому праву до конца 1950-х гг., где специальный раздел был посвящен международной охране труда⁹⁷⁹. Конечно, Догадов не был оппозиционером или открыто инакомыслящим. Он никому «не бросал вызов», но его «Очерки» после запрета книг И. С. Войтинского и К. М. Варшавского на долгие годы стали действительно единственным пособием по трудовому праву, где идеология не вытесняет правовой материал. Уже в 1940-е гг. он выступал за расширение круга оснований, дающих право работнику уволиться по собственному желанию⁹⁸⁰, соблюдение принципа добровольности привлечения к труду. В этом контексте он считал, что привлечение к трудовой повинности не является особым типом юридических фактов при возникновении трудового правоотношения. По этой проблеме он оппонировал Н. Г. Александрову⁹⁸¹. Возражая последнему, В. М. Догадов утверждал, что привлечение к трудовой повинности не создает особого вида трудовых правоотношений и не на-

---

⁹⁷⁶ См.: Смолярчук В. И. Источники советского трудового права. М., 1978. С. 144 (прим).

⁹⁷⁷ См.: Догадов В. М. Очерки трудового права. М., 1927. С. 5, 49, 52 и др.

⁹⁷⁸ Там же. С. 10.

⁹⁷⁹ Там же. С. 134–141.

⁹⁸⁰ См.: Догадов В. М. Советское трудовое право в борьбе за выполнение плана послевоенной сталинской пятилетки // Вопросы трудового права. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 7.

⁹⁸¹ См.: Догадов В. М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых правоотношений // Там же. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 63.

рушает принцип добровольности привлечения к труду, хотя и является отступлением от него. По его мнению, трудовая повинность только особое основание возникновения трудовых правоотношений⁹⁸². В этой связи ученый вполне обоснованно относил плановое государственное распределение молодых специалистов и молодых рабочих после окончания профессиональных учебных заведений к категории трудовой повинности⁹⁸³. Ему впоследствии возражал М. П. Карпушин, отмечая, что согласие направляемых на работу презюмируется⁹⁸⁴. Права ленинградского ученого в этом споре очевидна.

Василий Михайлович держался относительно обособленно от московских ученых-трудовиков, хотя с некоторыми из них, например с Н. Г. Александровым, у него были ровные и дружественные отношения. Он также принимал участие в работе первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) в числе 11 ученых-трудовиков и выступил там с докладом. Участвовал он и в научной сессии ВИЮН в 1946 г. Но в первом случае его доклад не был опубликован, а во втором случае о тезисах его выступления, как и о тезисах А. Е. Пашерстника, просто забыли. Это стало «мягкой» формой критики за увлечение буржуазным трудовым законодательством.

В. М. Догадову принадлежит основная заслуга в разработке советской теории профсоюзного движения. Он выделял следующие важнейшие правовые функции, выполняемые профсоюзами в тот период времени:

- 1) представительство интересов трудящихся по найму;
- 2) участие в организации и регулировании народного хозяйства;
- 3) участие в административной деятельности нехозяйственных государственных органов.

---

⁹⁸² См.: Догадов В. М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых правоотношений. С. 58–74; Левинант Ф. М., Догадов В. М. Трудовое право // 40 лет советского права: Сб. Л., 1957. С. 325–326.

⁹⁸³ См.: Догадов В. М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых отношений. С. 67–71.

⁹⁸⁴ См.: Карпушин М. П. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958. С. 119.

При этом он отмечал, что профсоюз, выступая в роли представителя трудящихся, действует не на основании доверенности, выданной ему отдельными наемными работниками. Он не нуждается для выступления от имени трудящихся ни в каких особых полномочиях с их стороны. По действующему законодательству наши профсоюзы являются представителями не только своих членов, но и всех лиц, занятых по найму в данной отрасли. Отсюда известная двойственность в положении профсоюзных органов, с одной стороны, они – представители всех трудящихся по найму, с другой – профсоюзный орган, обладающий известными правами и несущий известные обязанности в отношении членов союза, а также в отношении ниже- и вышестоящих профсоюзных органов. В первом случае речь идет о внешних профсоюзных отношениях, которые регулируются нормами трудового (выступления профсоюзов как представителей трудящихся по найму) и хозяйственного (участие профсоюзов в строительстве народного хозяйства) права. Во втором случае имеются в виду внутренние профессиональные отношения, которые регулируются нормами внутрисоюзного профессионального права. Эти нормы весьма условно с большими оговорками могут быть названы правовыми⁹⁸⁵. В. М. Догадов писал об особом правовом положении профсоюзов, обосновав концепцию единой категории прав-обязанностей профсоюзов. Он утверждал, что профсоюзы реализуют принадлежащие им права, являющиеся одновременно их обязанностями, выдвинул идею «профсоюзного права», регулирующего внутрикорпоративные отношения⁹⁸⁶.

Отметим, что западные ученые иначе трактовали термин «профсоюзное право», который широко применялся многими исследователями, включая Г. Зинцгеймера, В. Каскеля и др. Под профсоюзным

---

⁹⁸⁵ См.: Догадов В. М. Правовое положение профессиональных союзов в СССР: Очерки профсоюзного права. М.; Л., 1928. С. 5–31; Его же. Опыт характеристики правового положения профессиональных союзов в СССР // Известия ЛГУ. 1928. Т. 1 С. 152–171; Его же. Правовое положение профессиональных союзов в СССР // Вопросы труда. 1925. № 9. С. 66–81; Правовое положение профсоюзов в СССР / Под ред. Ф. М. Левиант, А. С. Пашкова. Л., 1962. С. 5–29 и др.

⁹⁸⁶ См.: Догадов В. М. Правовое положение профессиональных союзов в СССР. С. 26 и др.

правом понималось прежде всего право, регулирующее отношения между профсоюзами и иными субъектами⁹⁸⁷.

Ученый отметил своеобразие обязанности воздерживаться от забастовки при соблюдении работодателем условий коллективного договора. Она была известна российской коллективно-договорной практике 20-х гг. XX в. Анализируя практику применения КЗоТ 1922 г. в отношении коллективных договоров, он писал, что у нас обязанность профсоюзов воздержаться от стачек по коллективному договору существует только в отношении частновладельческих предприятий, на государственных не практикуется⁹⁸⁸.

Как представитель «города трех революций», Догадов писал юбилейные статьи, в том числе о вкладе В. И. Ленина, И. В. Сталина в развитие науки трудового права, но они не менялись в своем содержании в течение десятилетий и были скорее обременительной необходимостью⁹⁸⁹. В годы Великой Отечественной войны Догадов разделил все тяготы со ставшим ему родным городом. В числе его государственных наград была медаль «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также орден Трудового Красного Знамени, врученный ему в 1944 г.

---

⁹⁸⁷ См.: Слессер Г. Право, действующее по отношению к профессиональным союзам. Лондон, 1921.

⁹⁸⁸ См.: Догадов В. М. Правовое положение профессиональных союзов в СССР. С. 44.

⁹⁸⁹ См.: Венедиктов А. В., Догадов В. М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31–50; Догадов В. М. Вопросы труда и трудового права в работах товарища Сталина // Советская юстиция. 1939. № 21–22. С. 24–33; Его же. Задачи советского трудового права в свете решений XVIII съезда ВКП(б) // Советская юстиция. 1939. № 19–20. С. 10–16; Его же. Классики марксизма-ленинизма о законодательной охране труда при капитализме // Ученые записки ЛГУ. № 106. Сер. юрид. наук. 1948. Вып. 1. С. 226–251; Его же. Активная роль советского трудового права в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке // Ученые записки ЛЮИ. Вып. 5. 1951. С. 24–43; Его же. Вопросы труда и трудового права в трудах товарища Сталина // Ученые записки ЛГУ. № 129. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 52–65; Его же. Учение В. И. Ленина о роли социалистического права в организации труда // В. И. Ленин о государстве и праве. Л., 1961. С. 120–137 и др.

После восстановления юридического факультета ЛГУ он стал там профессором по совместительству, а после его слияния в 1954 г. с ЛЮИ возглавил кафедру трудового права ЛГУ и оставался в этой должности до 1961 г. В этот период Догадов был общепризнанным патриархом советской науки, кавалером орденов Ленина и «Знак почета», заслуженным деятелем науки РСФСР. Многие годы его связывала тесная дружба с заведующим кафедрой гражданского права и многолетним деканом юрфака ЛГУ академиком А. В. Венедиктовым. В 1961 г. по состоянию здоровья он оставляет заведование кафедрой, но остается в должности профессора. Догадов являлся автором около 70 научных публикаций, в том числе 9 монографий. Заведование кафедрой он передал своему ученику А. С. Пашкову.

Ряд обоснованных В. М. Догадовым теоретических положений имеют несомненную научную ценность. Так, в отношении института трудового договора он сформулировал принципы определенности трудовой функции и устойчивости трудовых отношений⁹⁹⁰. Им было дано достаточно формализованное определение трудового правоотношения: «Трудовое правоотношение выступает как волевое отношение, как совокупность взаимных прав и обязанностей субъектов данного отношения, как осуществление работником конституционного права на труд и выполнение им конституционной обязанности трудиться»⁹⁹¹. Одним из первых он утверждал, что работодателем может выступать и организация, не обладающая правами юридического лица⁹⁹². Он поставил проблему случаев, когда трудовой договор нельзя отличить от договора подряда. Ученый считал, что это некий третий (промежуточный) тип договора, который должен подвергнуться регламентации в положительном праве⁹⁹³. В настоящее время эта проблема вновь стала актуальной.

Отметим, что существенное место в трудах известного ученого уделялось истории российского и советского трудового пра-

---

⁹⁹⁰ См.: Догадов В. М. Советское трудовое право в борьбе за народно-хозяйственный план // Ученые записки ЛГУ. Вып. 4. Л., 1953. С. 93 и др.

⁹⁹¹ Догадов В. М. Государственные организации как субъекты социалистического трудового правоотношения // Правоведение. 1957. № 1. С. 77.

⁹⁹² См.: Там же. С. 80.

⁹⁹³ См.: Догадов В. М. Очерки трудового права. М., 1927. С. 54.

ва. Его докторская диссертация имела историко-правовой характер. Этой проблеме посвящались и монографические исследования⁹⁹⁴, и отдельные статьи⁹⁹⁵. Некоторые его предположения на этот счет и сейчас находятся в центре научных дискуссий. Например, В. М. Догадов сомневался в наличии прямой связи между договором найма труда в Древнем Риме и возникновением буржуазного трудового договора, которые имели различную правовую природу⁹⁹⁶. Нам такие сомнения кажутся, по меньшей мере, обоснованными. У нас нет достаточных оснований ни для признания, ни для опровержения того, что римские ученые разграничивали личный и имущественный найм и насколько близко они подошли к такому разграничению. В этой связи у нас вызывает сомнение утверждение некоторых авторов об отнесении трудового договора, как и других частноправовых сделок, к порождению древнеримской правовой мысли⁹⁹⁷. Несомненно, что все частноправовые сделки имеют корни в римском праве, но корней трудового договора это касается в минимально возможной степени.

Ученый в своих работах затрагивал и проблемы права социального обеспечения. Он отмечал, что риск потери работы носит массовый общественный характер, т. е. социальный, поскольку во многом определяется социальными условиями жизни и не зависит или мало зависит от каждого человека⁹⁹⁸.

Он дал анализ законам о социальном страховании Германии, Англии, Франции, США (до Второй мировой войны), отмечая, что, с одной стороны, эти законы были «уступкой, вырванной у буржуазии рабочим классом в результате рабочего движения, с другой – средством усиления эксплуатации рабочего класса, т. к.

---

⁹⁹⁴ См.: Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме (До второй мировой войны): Очерки. М., 1959.

⁹⁹⁵ См., например: Догадов В. М. Очерки из истории правового регулирования наемного труда в капиталистическом обществе // Ученые записки ЛЮИ. Вып. 4. 1947. С. 48–74; Его же. Этапы развития советского трудового права за сорок лет // Социалистический труд. 1957. № 10. С. 61–72.

⁹⁹⁶ См.: Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме. М., 1959. С. 51 (прим.).

⁹⁹⁷ См.: Аكوпова Е. М. Трудовой договор: становление и развитие. Историко-правовой аспект. Ростов-н/Д., 2001. С. 5.

⁹⁹⁸ См.: Догадов В. М. Социальное страхование. Л., 1926.

из заработка рабочих в страховые фонды удерживалось больше, чем выдавалось пособий и пенсий»⁹⁹⁹. В дальнейшем названная оценка стала общепризнанной при обзорах законов о социальном обеспечении в капиталистических странах. При этом отмечалось большое влияние на ход борьбы за социальное страхование в капиталистических странах успехов рабочего класса России, достигнутые ими в результате Октябрьской революции, а также давалась развернутая критика теории и практики лидеров социал-демократических партий и реформистских профсоюзов в области социального законодательства в капиталистических странах.

Исследователь констатировал, что многие страны достаточно долго ограничивались законами об обязательной ответственности работодателей за несчастные случаи с работниками. Так, в Англии Закон 1880 г. расширял ответственность работодателя на случаи плохого качества материала, неосторожности персонала и др. Этот же закон установил срок исковой давности всего в 6 месяцев, а также требование о предупреждении хозяина о недостатках на производстве, которые могли привести к несчастному случаю. Если работодатель доказывал в суде, что работник знал о таких недостатках, но не сообщил о них, то он мог быть освобожден от материальной ответственности. Эта архаичная оговорка была отменена только в 1897 г. Английский закон 1906 г. в полном объеме ввел презумпцию вины работодателя, который освобождался от ответственности только при доказывании виновности самого пострадавшего, посторонних предприятию лиц и др. Вина работодателя за несчастные случаи с работниками презюмировалась и французским Законом 1898 г., но обязанность страхования от несчастных случаев так и оставалась факультативной, за исключением обязательного страхования судорабочих. Аналогичные законы были приняты в Швейцарии (1881 г.), Дании (1898 г.), Швеции (1903 г.) и др. Впрочем, в большинстве этих стран законы о страховании от несчастных случаев на производстве были приняты, но несколько позднее. В. М. Догадов отмечал, что это означало признание принципа профессионального риска, при наступле-

---

⁹⁹⁹ Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме (до Второй мировой войны). М., 1959. С. 181.

нии которого работодатель обязан возместить ущерб работнику независимо от своей вины¹⁰⁰⁰.

При этом его отношение к некоторым достаточно традиционным мерам социальной политики было резко отрицательным. В отношении общественных работ он писал: «Привлечение к труду безработных, вынужденных работать за нищенскую заработную плату, давало дешевую рабочую силу организаторам общественных работ и владельцам частных предприятий и хозяйств, в том числе крупным земельным собственникам, поскольку значительное число безработных было направлено на работу в деревню»¹⁰⁰¹.

Константин Маркович Варшавский (1893–1981) относится к числу немногих ученых XX в., которые оставили видный след в нескольких отраслях знания. Это прежде всего трудовое право, а также гражданское право, экономика и организация труда. Но эта универсальность, первоначально бывшая следствием широты научных интересов, впоследствии имела отчасти вынужденный характер. Рискнем предположить, что трудовое право было для него «первой любовью» в науке, где результаты исследований не только сделали его известным широкой общественности, но и повлекли за собой первые гонения властей. На этой части научного наследия ученого и будет сосредоточено наше внимание.

До конца 1920-х гг. К. М. Варшавский находился в центре научных дискуссий вокруг проблем формирующейся отрасли и науки трудового права. В 1930-е гг. он такой возможности был лишен, а в дальнейшем смог проявить себя только в качестве специалиста в других областях. Редкое упоминание его трудово-правовых изысканий в советский период носило, как правило, критический характер. Только в самом конце XX в. его творческое наследие снова оказалось востребовано учеными-трудовиками и выяснилось, что многие из сформулированных им положений оказались весьма современными и востребованными. Между тем данные о жизненном пути ученого крайне фрагментарны и отрывочны. В архиве отдела кадров (ОК) Петербургского государственного университета, где К. М. Варшавский учился и много лет работал, удалось выявить только одну учетную карточку. Она содер-

---

¹⁰⁰⁰ См.: Догадов В. М. Правовое регулирование труда при капитализме (до Второй мировой войны). С. 172–174.

¹⁰⁰¹ Там же. С. 186–187.

жит краткие сведения о его биографических данных и о периоде работы в ЛГУ в 1944–1946 гг.

Несколько более подробные сведения содержатся в личном деле ученого, которое находится в архиве ОК Российской национальной библиотеки в Петербурге¹⁰⁰². Отдельные сведения были почерпнуты из материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива РФ (ГА РФ). Некоторые вопросы жизни и творческого наследия Константина Марковича были затронуты в предшествующих публикациях авторов¹⁰⁰³.

К. М. Варшавский родился 17 марта 1893 г. в Царском Селе под Петербургом. Его отец был юристом, кандидатом права, а мать, урожденная Н. Г. Фейнберг, – дочерью купца второй гильдии. После смерти отца в 1897 г. материальное положение семьи значительно ухудшилось и Варшавский, будучи гимназистом и студентом, с 1907 и по 1914 гг. давал частные уроки. В 1910 г., после окончания гимназии при Училище св. Анны в Петербурге, он поступает на юридический факультет Петербургского университета, который оканчивает в 1914 г. Большое влияние на его профессиональное становление оказали университетские профессора: теоретик права и социолог Л. И. Петражицкий, цивилист И. А. Покровский, полицейст В. Ф. Дерюжинский. На втором курсе он посещал кружок Л. С. Таля, с чем, вероятно, связан его ранний интерес к трудовым отношениям. Студент К. М. Варшавский неоднократно выступал с докладами в кружке по философии права, в котором он являлся казначеем. Примечательно, что секретарем кружка был его сокурсник, студент Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), ставший впоследствии известным социологом русского зарубежья, профессором Гарварда. Нам трудно судить о том, находились в дружеских отношениях К. М. Варшавский и П. А. Сорокин или нет, но то, что они были знакомы, явля-

---

¹⁰⁰² См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3. СПб., 2003. С. 116–120.

¹⁰⁰³ См.: Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 200–205; Лушников А. М., Лушникова М. В. Жизнь и научное наследие К. М. Варшавского // Правоведение. 2008. № 1. С. 227–236; Их же. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 443–445 и др.

ется очевидным. П. А. Сорокин в своих мемуарах, изданных почти через полвека после этих событий в США, о К. М. Варшавском не упоминает, что вполне объяснимо как количеством прошедших лет, так и политическими мотивами. П. А. Сорокина в то время аттестовали как «клеветника на советскую власть», и он, вероятно, стремился не упоминать о тех, кому это могло в СССР навредить. Впрочем, мемуары П. А. Сорокина дают некоторое представление о том, какая атмосфера царила на юридическом факультете Петербургского университета в 1910–1914 гг.¹⁰⁰⁴

После окончания университета решался вопрос о его оставлении для подготовки к профессорскому званию, но по ряду причин личного характера этого не случилось. В этот период определился научный интерес Варшавского к проблемам экономики труда и политэкономии. Он получил фундаментальную подготовку по правовым и экономическим дисциплинам, хорошо знал английский, французский и немецкий языки. Около 7 недель пришлось на научную поездку за границу, по Австрии, Италии, Швейцарии, Германии.

В 1914–1915 гг. он служил юристом у известного в то время присяжного поверенного Г. Б. Слиозберга. Это была не только яркая «звезда» российской адвокатуры, но и достаточно самобытная, хотя и неоднозначная личность. Г. Б. Слиозберг получил известность и как выразительный судебный оратор, и как ученый, литератор, мемуарист. После иммиграции он не затерялся среди юристов и писателей русского зарубежья. Очевидно, что этот присяжный поверенный оказал определенное влияние на своего сотрудника. В 1915–1917 гг. К. М. Варшавский уже помощник начальника коммерческого отдела и заведующий канцелярией Правления акционерного общества «Перун» в Петрограде. В этот период он был умеренным социалистом, сторонником политических реформ, без восторга относился к участию России в Первой мировой войне, в связи с чем уклонился от призыва в армию. Молодой юрист проявлял высокую научную и общественную активность, а в 1915 г. вышли две его первые научные публикации, посвященные цивилистической про-

---

¹⁰⁰⁴ См.: Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992 (по американскому изд. 1963 г.). С. 55–64.

блематике¹⁰⁰⁵. Февральскую революцию 1917 г. Константин Маркович приветствовал, с июня по октябрь служил в Министерстве труда помощником секретаря министра, столоначальником и начальником II отделения Отдела законодательных предложений. Одновременно общественно активный юноша был оставлен для подготовки к профессорскому званию в столичном университете. Он участвовал в разработке или экспертной оценке большинства социальных законопроектов того периода, представлял их в Особом комитете Министерства труда¹⁰⁰⁶. Он не разделял радикальную позицию профсоюзов и представителей левых партий, но половинчатость и непоследовательность позиции Временного правительства возмущала и его. По официальным данным, К. М. Варшавский был снят с работы за саботаж. Скорее всего, он не видел перспективы работы в прежней должности при новом режиме.

Октябрьскую революцию Варшавский встретил, по меньшей мере, настороженно. С начала 1918 г. он являлся секретарем редакции журнала «Международная политика и мировое хозяйство» в Петрограде. Далее его жизнь развивалась почти по сценарию романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Под угрозой голодной смерти он вместе с женой, урожденной М. М. Пумпянской, выехал из столицы в Сибирь, где стал счетоводом детской колонии Всероссийского союза городов в Екатеринбургской губернии, а с лета 1919 г. – секретарем промышленного отдела Томской земской управы. С июля по декабрь 1919 г. по мобилизации находился в Армии А. В. Колчака, сначала в качестве переводчика британской военной миссии в Сибири, а затем при американской миссии на Олонекской железной дороге. При эвакуации американского контингента отказался от предложения эмигрировать и остался в России. После прихода Красной армии до апреля 1920 г. Варшавский заведовал кооперативным отделом Томского Совета народного хозяйства. Наконец, после долгих злключения он возвращается в Петроград и до конца 1922 г. продолжает подготовку к профессор-

---

¹⁰⁰⁵ См.: Варшавский К. М. Оставление заклада в руках закладчика // Вестник гражданского права. 1915. № 2; Швейцарское гражданское уложение 10 декабря 1907 года. Пг., 1915 (автор перевода и вступления).

¹⁰⁰⁶ РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

скому званию при университете. Ученое звание доцента присвоено ему в 1925 г.

С 1924 по 1931 гг. он являлся доцентом факультета общественных наук ЛГУ и одновременно до 1930 г. доцентом Ленинградского политехнического института, по совместительству в 1923–1926 гг. работал в органах Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) в должностях от старшего экономиста до заместителя заведующего планового отдела Северо-Западного промышленного бюро. Еще с 1922 г. он читал в университете курс рабочего законодательства, спецкурс «Рынки и биржи труда», затем курсы трудового и хозяйственного права. До 1925 г. в ЛГУ он заведовал циклом труда, который в этом же году был упразднен. С университетом он сотрудничал до самой реорганизации юридического факультета в юридический институт в 1931 г. В этот период он начал активно заниматься проблемами гражданского права¹⁰⁰⁷. Характерно, что впоследствии О. С. Иоффе отнес К. М. Варшавского к числу видных советских цивилистов – специалистов в сфере обязательственного права и уделил его цивилистическим изысканиям существенное место в своем классическом исследовании¹⁰⁰⁸.

После реформирования Ленинградского политехнического института с 1930 по 1934 гг. он является профессором Планового и Машиностроительного институтов, а также ряда других вузов Ленинграда. Начиная с 1930-х гг., основной научной сферой его деятельности стала экономика труда. С начала 1934 до конца 1936 гг. Варшавский работал старшим научным сотрудником, заместителем заведующего отделом экономики труда, руководителем сводных тем в Институте организации и охраны труда ВЦСПС, но преподавать с 1934 гг. ему, по сути, запретили. В 1936 г. он был представлен по совокупности работ к присвоению ученой степени доктора экономических наук. Но с середины 1937 до середины 1938 гг. он официально нигде не работал, что для страны с всеобщей занятостью и уголовной ответствен-

---

¹⁰⁰⁷ См., например: Варшавский К. М. Купля-продажа в рассрочку. М., 1930; Его же. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929; Его же. Подряд и поставка в Союзе ССР. М., 1925 и др.

¹⁰⁰⁸ См.: Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. (Часть II). Л., 1978. С. 80–94, 156–157.

ностью за тунеядство более чем странно. Из института его уволили, но данных о его аресте и нахождении под следствием нет. Его докторская диссертация по политической экономии так и не была представлена к защите. В 1938–1941 гг. Варшавский работал заместителем заведующего экономическим отделом Проектного бюро «Гипрометиздата».

С началом Великой Отечественной войны, которая совпала и с семейной трагедией – смертью матери, он вступил в народное ополчение. До конца 1943 г. (после исполнения ему 50 лет) в звании лейтенанта он возглавлял финансовую службу полка, а затем финансовую службу госпиталя, служил на Ленинградском и Волховском фронтах. Войну Константин Маркович прошел достойно, честно исполнил свой долг перед Родиной, был награжден медалями. После демобилизации он возвращается в Ленинград и назначается заместителем директора областного Лектория, в 1944–1946 гг. по совместительству исполняет обязанности доцента ЛГУ, где успевает защитить кандидатскую диссертацию по экономике на тему «Развитие профиля рабочего в современном капиталистическом обществе» (1944 г.) и получить ученое звание доцента конкретной экономики (1946 г.). В сентябре 1946 г. его увольняют из ЛГУ формально по сокращению штата, а реально за «идеологические ошибки». При обсуждении его лекций были выявлены недопустимые в то время утверждения. Так, Варшавский настаивал, что и при капитализме есть индикативное планирование, а положение рабочих на Западе не такое тягостное, как это общепринято утверждать. Также он не был склонен излишне выпячивать классовую сущность буржуазного законодательства. Еще в начале 1945 г. он по совместительству стал главным библиотекарем Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). В 1945 г. им была представлена к защите докторская диссертация «Разделение и совмещение труда в СССР», в которой он отстаивал идею о расширении профиля советского рабочего. Однако работа не была одобрена, так как узкий профиль, по господствующим тогда воззрениям, способствовал повышению производительности труда.

После увольнения из ЛГУ он переходит на работу главным библиотекарем отдела каталогизации названной библиотеки. Но уже в сентябре 1949 г. он арестовывается, а 16 декабря 1950 г. по-

лучает 10 лет лагерей по печально известной ст. 58 УК РСФСР, в том числе за «вредительство на научно-педагогическом фронте». Аресту предшествовала разгромная статья в газете «Ленинградский университет»¹⁰⁰⁹. Если ориентироваться на доступные нам документы, то основанием для обвинения послужили только идейные убеждения ученого. Ему вспомнили «ошибочную позицию» по проблемам трудового права, почему-то, начиная с работ 1924 г., обвинили в «превознесении капиталистической экономики». В вину вменялось и допущение ряда «прямых политических ошибок», среди них выделялось отсутствие в каталоге экономической литературы ГПБ «Краткого курса истории ВКП (б)» и расположение в одном разделе произведений К. Маркса и его идейных оппонентов. Судя по всему, Варшавский вообще не считал И. В. Сталина экономистом, а лучшим способом изучения марксизма считал его сравнение с другими идейными направлениями. Насторожило следователей и то, что Варшавский держался подчеркнуто особняком, не примыкал ни к каким группировкам как в трудовой, так и в научной деятельности. В итоге ученый пострадал за свои вполне умеренные самостоятельные убеждения, здравый смысл и нежелание «петь хором». Варшавский оправдывал свою позицию «необразованностью» и тем, что в студенческие годы его учили объективности. Но следователи ему не поверили, резонно полагая, что его «ошибки» – следствие внутренних убеждений. Вероятно, этому европейски образованному интеллектуалу и знатоку зарубежной научной литературы претили не только сами обвинения, но и их безграмотное изложение. Не осталась без внимания следователей его работа до Октябрьской революции, сотрудничество с Временным правительством, служба в колчаковской армии.

В местах лишения свободы (срок он отбывал в Тайшете Иркутской области, в Озерлаге) и под арестом он находился в общей сложности более пяти лет. Он был освобожден из мест лишения свободы только в феврале 1955 г. (дело в отношении его прекращено 27 декабря 1954 г.), после чего вернулся в Ленинград и восстановился в прежней должности главного библиотекаря ГПБ. Одна-

---

¹⁰⁰⁹ См.: Решительно бороться с космополитизмом и буржуазным объективизмом в экономической науке // Ленинградский университет. 1949. 13 апр.

ко лагерное прошлое наложило тяжелый отпечаток на всю жизнь ученого, даже на внешний вид. После освобождения он постоянно носил короткую стрижку, а на его лице застыло выражение напряженности. Так выглядят люди, которых часто било в спину. Что ж, это соответствует истине. Примечательно, что реабилитирован К. М. Варшавский был только посмертно в 1991 г.

Заключение не сломало его дух, хотя и отрицательно сказалось на здоровье. Если на 1955 г. у него было 69 публикаций, то в конце 1958 г. – уже 90. Все знавшие его по работе в ГПБ единодушно отмечают его широкую образованность, интеллигентность и такт в отношениях с людьми. Энтузиазм в работе с годами не уменьшался, как и интенсивность опубликования научных работ. Этому способствовало и то, что его во всем поддерживали жена и трое дочерей. Кстати, одна из них впоследствии стала главным архитектором Ленинграда. Коллегой по работе в библиотеке некоторое время была и его вторая жена Н. П. Панаева.

До февраля 1970 г. он остается главным библиотекарем Публичной библиотеки, а до 1978 г. временно продолжает работать там же в качестве старшего научного сотрудника. Варшавский всю жизнь оставался беспартийным интеллигентом, преданным науке. Его талант как ученого-трудовика в силу политических причин оказался невостребованным, но он смог реализовать себя как экономист и специалист библиотечного дела. Умер ученый 22 июня 1981 г., похоронен на Еврейском кладбище в Ленинграде.

О научном наследии К. М. Варшавского. Одним из первых он начал разрабатывать догматику советского трудового права¹⁰¹⁰. Кроме того, К. М. Варшавский стал автором одного из первых учебников по советскому трудовому праву¹⁰¹¹. Ученый обосновал положение о трудовом праве как замкнутой системе, которая взаимодействует с другими отраслями права, причем не только гражданским, но и административным, финансовым и др. Он выступил сторонником субсидиарного применения норм гражданского законодательства в регулировании трудовых отношений, в том числе привлечения к материальной ответственности работников на основе норм ГК РСФСР. Следствием этого стало его утверждение о возможно-

---

¹⁰¹⁰ См.: Варшавский К. М. Трудовой договор по кодексу законов о труде. Пг. 1923; Его же. Практический словарь по трудовому праву. М., 1927.

¹⁰¹¹ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. Л., 1924.

сти возмещения причиненного работником имуществу работодателя вреда в размере более одной трети месячной тарифной ставки, как это предполагалось ст. 83 КЗоТ 1922 г. К. М. Варшавский не находил оправдания столь ограниченному размеру ответственности, что могло породить, по его мнению, безответственность трудящихся. При этом он опирался на учение Л. И. Петражицкого, в частности, на устрашающее воздействие самой возможности полной материальной ответственности. По его мнению, последняя была в интересах народного хозяйства и суд был вправе устанавливать ее. Конечно, ученый не призывал прямо нарушать закон, но ссылаясь на возможность судебного усмотрения с опорой на субсидиарное применение норм ГК РСФСР. Более того, ответственность в сумме до одной трети тарифной ставки он допускал относить к штрафу, а возмещение вреда по договорным обязательствам должно быть независимо от него по нормам гражданского права¹⁰¹².

К. М. Варшавского можно назвать представителем старой цивилистической школы в трудовом праве. Он допускал общецивилизационный подход к проблемам трудового права, считал несамостоятельный труд феноменом, присущим не только капиталистической, но и социалистической формации. Он одним из первых дал определение предмета трудового права, акцентируя внимание на регулировании человеческого труда, но не всякого, а именно наемного¹⁰¹³. Исходя из анализа КЗоТ РСФСР 1922 г., он отмечал его компромиссный характер, который «при столкновении интересов нанимателя и трудящихся старается найти некоторую равнодействующую, а не становится исключительно на защиту трудящихся, стремится к средней линии»¹⁰¹⁴. Это резко диссонировало с набирающим силу классовым подходом. К. М. Варшавский поддержал идею своего учителя Л. С. Таля¹⁰¹⁵ о том, что в трудовом праве сочетаются частные и пу-

¹⁰¹² См.: Варшавский К. М. Исковая давность при трудовом споре // Вопросы труда. 1928. № 7–8. С. 103–110; № 9. С. 61–67; Его же. О вознаграждении за вред по ст. 413 ГК // Вопросы труда. 1927. № 5. С. 69–85; № 6. С. 47–53; № 7. С. 55–69; Его же. Сроки подачи заявлений о рассмотрении трудовых конфликтов // Вопросы труда. 1929. № 10. С. 59–66; № 11. С. 68–77; Его же. Ответственность нанимающихся за причиненный вред // Вопросы труда. 1927. № 2. С. 68–71; № 3. С. 46–56.

¹⁰¹³ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 9–10.

¹⁰¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁰¹⁵ См.: Таль Л. С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 1–2.

бличные начала, в связи с чем можно относительно обособить частное трудовое право и публичное трудовое право¹⁰¹⁶. В период начала отрицания значимости частного права это было достаточно смело. Варшавский считал, что нанимателем (работодателем) могли быть только правоспособные и дееспособные контрагенты, в том числе физические и юридические лица, а также как отдельные лица, так и группы лиц. Предполагалось, что все эти лица в полном объеме обладают гражданской правосубъектностью. В то же время ученый допускал, что группа лиц даже без образования юридического лица может выступить в качестве работодателя¹⁰¹⁷. Большинство советских цивилистов (А. В. Венедиктов, Б. Б. Черепяхин и др.) не поддерживали эту точку зрения, ставя знак равенства между трудово-правовой и гражданско-правовой правосубъектностью работодателя. Между тем позицию К. М. Варшавского отчасти поддержал В. М. Догадов, считавший, что работодателем может выступать и организация, не обладающая правами юридического лица¹⁰¹⁸.

Константин Маркович хорошо знал западную научную литературу и западное социальное законодательство, рассматривал советское трудовое право в сравнительном ключе и в контексте мировых тенденций. Он считал советское трудовое законодательство ответом на кризис правового регулирования трудовых отношений, возникший на Западе в начале XX в. и обострившийся после Первой мировой войны. Он писал, что связанное исторически с фабрично-заводским законодательством советское трудовое право по большей части не устанавливает каких-либо совершенно новых по своему содержанию норм, а распространяет, до известной степени механически, нормы охраны труда фабрично-заводских рабочих на всех прочих нанимающихся¹⁰¹⁹. Здесь однозначно выражена мысль о преемственности дореволюционного фабричного и советского трудового законодательства.

---

¹⁰¹⁶ См.: Варшавский К. М. Трудовой договор по кодексу законов о труде. Пг., 1923. С. 34.

¹⁰¹⁷ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 61–77.

¹⁰¹⁸ См.: Догадов В. М. Государственные организации как субъекты социалистического трудового правоотношения // Правоведение. 1957. № 1. С. 80.

¹⁰¹⁹ См. Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 18–20.

К числу источников трудового права Варшавский относил КЗоТ РСФСР, постановления Совета народных комиссаров, Совета труда и обороны и ВЦИК РСФСР, ведомственные постановления (Народного комиссариата труда, Народного комиссариата социального обеспечения и ВЦСПС). Коллективный договор он прямо не причислял к источникам, хотя подчеркивал их обязательный для сторон характер¹⁰²⁰.

Следует отметить вклад К. М. Варшавского в разработку учения о трудовом договоре. Опираясь на КЗоТ 1922 г., он выделил три существенных признака трудового договора: 1) наличие соглашения сторон; 2) обязанность одной стороны предоставить свою рабочую силу другой; 3) обязанность этой другой стороны уплатить вознаграждение. В отношении первого признака трудового договора он констатировал, что наличие обязанности нанимателя и нанимающегося заключить трудовой договор не меняет его характера как соглашения. Так, по советскому законодательству для нанимающегося обязательным являлось заключение таких договоров со студентами-практикантами, в отдельных случаях – с квартирниками (надомниками), подростками по так называемой «брони подростков». Обязательным для работника такой договор становился в случае избрания на освобожденную профсоюзную работу или ответственную работу. Примечательно, что аналогичная принудительность трудового договора предусматривалась и в германском праве для работодателя, к которому были направлены на работу инвалиды Первой мировой войны, а иногда требовалось соблюдение нормы приема на работу участников прошедшей войны. В отношении второго признака трудового договора К. М. Варшавский отмечал, что рабочую силу следует отграничить от результатов ее применения, но на практике это сделать достаточно сложно. Особенно, по его мнению, это касалось предметов агентского договора и договоров подряда, которые по предмету были сходны с трудовым договором. В этой связи он соглашался с Л. С. Талем, подчеркивающим служебный характер наемного труда, т. е. несамостоятельность труда. Что касается третьего признака трудового договора, то К. М. Варшавский называл обязанность нанимателя выплатить вознаграждение не в соответствии с коммерческим успехом предприятия, а в соответствии с затрачен-

---

¹⁰²⁰ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 25–35.

ным трудом (рабочей силой). Но при этом он подчеркивал несущественность формы выплаты заработной платы (денежная, натуральная, предоставление услуг), периодичности выплаты, в пределах, установленных КЗоТ¹⁰²¹.

К. М. Варшавский выделял значение принципа стабильности (устойчивости) трудового договора. По КЗоТ 1922 г., как писал ученый, трудящийся имеет право расторгнуть договор во всякое время, а наниматель оказывается связанным основаниями прекращения трудового договора, предусмотренными законом. Внутреннее основание этого принципа, по его мнению, заключается в том, что, пока трудящийся не гарантирован от произвольного расторжения договора, он никогда не будет равноправен нанимателю¹⁰²².

К. М. Варшавский одним из первых определил условия действительности трудового договора. При этом он проводил параллели с условиями недействительности сделок в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. По его мнению, к условиям действительности трудового договора относились: 1) правоспособность и дееспособность контрагентов; 2) соблюдение установленной формы договора; 3) непротивозаконность условий данного договора¹⁰²³. Правоспособность и дееспособность нанимателя ученый связывал с гражданской право- и дееспособностью предприятий, физических лиц-нанимателей. В отношении трудящихся автор высказал сомнение по поводу возможности признания трудового договора недействительным в целом в случаях его заключения с лицом, не достигшим 14 лет, или с женщинами, принятыми на работы, где их труд запрещен законом. В отношении формы трудового договора, как отмечал К. М. Варшавский, КЗоТ 1922 г. никаких особых правил не содержал, что позволяет считать допустимой как устную, так и письменную форму. В тех случаях, когда закон предписывает обязательную письменную форму (например, с учениками), ее нарушение, по мнению ученого, не может служить основанием признания трудового договора недействительным, поскольку это отразилось бы в первую очередь на положении трудящегося. Трудовой договор сохраняет силу, но его содержание может быть доказано свидетельскими показаниями.

---

¹⁰²¹ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 38–44.

¹⁰²² См.: Там же. С. 148.

¹⁰²³ См.: Там же. С. 61 и далее.

К. М. Варшавский называл четыре грани, в пределах которых индивидуальное соглашение сторон трудового договора должно осуществляться, чтобы не утратить своей действительности. Во-первых, условия трудового договора не должны ухудшать положения трудящегося по сравнению с условиями, установленными законами о труде. При этом автор подчеркивал, вопрос о том, является ли то или иное условие «ухудшающим положение трудящегося», может быть сравнительно легко разрешен, поскольку в большинстве случаев закон устанавливает известный минимум прав трудящихся. Сложнее дело обстоит в тех случаях, когда данный вопрос вообще не затронут в Кодексе. Например, спрашивает К. М. Варшавский, допустимо ли соглашение, в силу которого нанимающийся обязуется после прекращения договора не поступать на службу в конкурирующее предприятие? С одной стороны, это условие, взятое само по себе, ухудшает положение трудящегося, с другой стороны, нельзя не учесть и того, что в виде компенсации за это условие нанимающийся может выговорить себе большее вознаграждение. Проблема, поднятая К. М. Варшавским в 20-е гг. прошлого столетия, не утратила своей актуальности в настоящее время. Аналогичные вопросы встают и сегодня при применении ТК РФ. Он видел решение этой проблемы в индивидуальном подходе к каждому такому случаю, это решение должно зависеть «от социально-хозяйственного назначения данного условия и той компенсации, которую нанимающийся получает»¹⁰²⁴. Второе ограничение свободы соглашения сторон заключалось, по мнению ученого, в том, что трудовой договор не может заключать в себе условия, ухудшающие положение трудящегося по сравнению с условиями коллективного договора. Третье ограничение автономии сторон связывалось с недопустимостью таких условий, которые ухудшают положение сторон по сравнению с правилами внутреннего распорядка. И, наконец, последнее ограничение, которое предусматривалось КЗоТ 1922 г., – недействительны условия, клонящие к ограничению политических и общегражданских прав трудящихся.

Рассматривая недействительность условий трудового договора, ухудшающего положение трудящегося, К. М. Варшавский обоснованно писал, что в интересах защиты трудящихся гораз-

---

¹⁰²⁴ Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 73.

до целесообразнее считать недействительными только отдельные условия договора, а не договор в целом. В этом случае они заменяются соответственной нормой закона, коллективного договора или правил внутреннего трудового распорядка, в случае их недостаточности – обычными в данной отрасли труда условиями. В отличие от гражданского права, как писал ученый, здесь нет места «оспоримости» договора, законодатель считает такие условия ничтожными независимо от желания трудящегося и его обращения за защитой. Возможно, исходя из такого понимания, наш современный законодатель в ТК РФ отказался от института «недействительности условий трудового договора», заменив его на институт «неприменения условий трудового договора, снижающих или ограничивающих уровень прав и гарантий работника» (ст. 9).

Особое внимание ученый уделил правовым гарантиям выплаты заработной платы. Он писал о привилегированном характере вознаграждения за труд, который означал, во-первых, недопустимость необоснованных удержаний из вознаграждения за труд, во-вторых, право трудящегося на преимущественное удовлетворение денежных требований по выплате заработной платы¹⁰²⁵. Как справедливо отмечал К. М. Варшавский, минимум заработной платы представляет собой именно крайний предел, ниже которого никто не вправе платить, даже если нанимающийся и соглашается на более низкую оплату. Более того, по его мнению, если в трудовом договоре не указан размер заработной платы, то нет оснований для применения минимума заработной платы. В этих случаях суды должны исходить из средней зарплаты, существующей в данной местности для данной профессии. Положение это признавалось уже в буржуазном праве, начиная с Прусского Уложения 1796 г., и с тем большим основанием должно признаваться и у нас¹⁰²⁶. Что касается выплаты заработной платы в натуральной форме, разрешенной ст. 66 КЗоТ 1922 г., то он подчеркивал, что такое положение открывало дорогу многим злоупотреблениям¹⁰²⁷.

---

¹⁰²⁵ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 118 и др.

¹⁰²⁶ См.: Там же. С. 97–98.

¹⁰²⁷ См.: Там же. С. 116–117.

К. М. Варшавский отмечал, что законодательные гарантии порядка выплаты заработной платы (места, времени и периодичности выплаты) являются результатом заимствования из западноевропейских законодательств. Правило о выплате заработной платы в рабочее время имело своей целью предотвратить использование для производства выплаты времени, установленного для отдыха и приема пищи. Правило о выплате заработной платы в месте работы преследовало цель не только предотвратить потерю времени, сопряженную с передвижением в другое место, но еще и оградить рабочего от выплаты вознаграждения в такой обстановке, которая вводит его в соблазн истратить эти деньги непроизводительным способом, например, в пивных, трактирах или мелочных лавках. Между тем КЗоТ 1922 г., устанавливая сроки выплаты заработной платы, не обеспечил их соблюдение особыми мерами. Из УПТ было заимствовано положение о праве трудящегося расторгнуть договор в случае неполучения в срок установленного вознаграждения (ст. 48). Ученый, комментируя Кодекс, вполне резонно вопрошал: «Но разве это нужно трудящемуся? Нужно заставить нанимателя платить трудовое вознаграждение, а не предоставлять ему возможности во все лишиться заработка. Здесь мы имеем несомненный пробел в трудовом законодательстве»¹⁰²⁸. Он полагал, что этот пробел восполним применением гражданского законодательства к трудовым отношениям. Он писал, что трудящийся в этом случае не лишен возможности в общем порядке взыскать с нанимателя причиненные убытки по ГК в размере 6% годовых с суммы долга (ст. 110 ГК). Более того, большинство коллективных договоров, восполняя закон, предусматривали пени за просрочку во много раз превышающий установленный ГК процент.

Требования трудящихся по найму на преимущественное удовлетворение распространялось и в отношениях перед привилегированными требованиями казны (ст. 266 ГПК РСФСР 1922 г.). Как утверждал К. М. Варшавский, ГК РСФСР 1922 г. (ст. 101) пошел дальше, чем ГПК: он предоставил трудящимся право преимущественного удовлетворения и перед залогодержателями. В то время такое ограничение прав залогодержателя представляло новшество, неизвестное ни одному из западноевропейских законодательств.

---

¹⁰²⁸ Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 113.

Право преимущественного удовлетворения по КЗоТ 1922 г. предоставлялось трудящемуся не только в отношении требований заработной платы, но и в отношении всех иных выплат, вытекающих из трудового и коллективных договоров¹⁰²⁹.

Еще раз следует подчеркнуть, что К. М. Варшавский был автором, по сути, первого советского учебника трудового права «Трудовое право СССР» (1924 г.). Структура данного учебника охватывала основные институты общей и особенной частей отрасли. В общей части рассматривались предмет и метод трудового права, эволюция трудового отношения и трудового права, источники трудового права. В особенной части анализировались институты трудового договора, коллективного договора, правил внутреннего трудового распорядка, времени работы, заработной платы, условий труда, ответственности нанимателей за нарушение трудового законодательства, профессиональные союзы, инспекции труда, разрешения трудовых конфликтов, биржи труда. Изложение материала было построено на сравнительном анализе норм КЗоТ РСФСР 1922 г. с зарубежным трудовым законодательством, а также с нормами КЗоТ РСФСР 1918 г. При этом активно использовались цивилистические конструкции и по каждому вопросу у автора было свое видение теоретических основ анализируемых проблем. В итоге мы имеем дело не с традиционным учебником, где основное место уделяется анализу действующего законодательства, а скорее с комплексным исследованием, где анализ истории проблемы сочетается с ее теоретическим осмыслением и последующим выходом на действующее законодательство и практику его применения.

Надо отдать должное научной смелости К. М. Варшавского, который отстаивал свою позицию на страницах печати даже в начале 1930-х гг. При этом некоторые крайности в его позиции очевидны. Однако отход от шаблонов и самостоятельность мышления в то время не поощрялись. В 1946 г. выходит его последняя публикация по трудовому праву¹⁰³⁰. Его новые научные ра-

---

¹⁰²⁹ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. С. 121–122.

¹⁰³⁰ См.: Варшавский К. М. Разделение и совмещение труда // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 7. С. 34–35.

боты были связаны почти исключительно с проблемами библиотечного дела и организации труда научных работников¹⁰³¹.

В заключение необходимо вспомнить еще об одном представителе петербургской школы. Это *Антон Филиппович Вальтер* (1865–1936). Он родился в 1865 г. в Петербурге, окончил юридический факультет местного университета (1887 г.), ученик Н. Л. Дювернуа. С 1892 по 1918 гг. он был приват-доцентом в том же университете, преподавал также на Бестужевских высших женских курсах. Одновременно в 1915–1917 г. был сенатором, с 1917 г. в отставке. В 1918–1924 гг. ученый был профессором Петроградского государственного университета. По некоторым данным, среди преподаваемых им дисциплин было трудовое право. Автор учебника «Трудовое право» (Л., 1924)¹⁰³². Впоследствии А. Ф. Вальтер работал юрисконсультom в советских организациях, затем пенсионер. В 1934 г. передал в дар ЛГУ свою библиотеку. Умер ученый в 1936 г. в Ленинграде.

3.3. Путешествие из Петербурга в Москву: И. С. Войтинский и московская школа трудового права (С. Л. Рабинович-Захарин, С. И. Каплун и др.)

Московская школа трудового права, наряду с ярославской и петербургской, является одной из самых авторитетных и старейших в стране. Становление и развитие московской школы самым тесным образом связано с историей еще Императорского Московского университета. Особое место среди пионеров трудовopавовых исследований занимают преподаватели именно этого университета, о которых речь пойдет ниже. Напомним, что к их числу принадлежали и профессора *И. И. Янжул, И. Х. Озеров, А. Н. Миклашевский, Н. Н. Полянский*, о которых уже было сказано выше.

---

¹⁰³¹ См., например: Варшавский К. М. Методика и организация научного труда в библиотеке. Л., 1966; Его же. Организация труда научных работников. М., 1975 и др.

¹⁰³² См.: Шиловост О. Ю. Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в. М., 2005. С. 26. Нам данную книгу А. Ф. Вальтера обнаружить в библиотеках пока не удалось.

Насколько нам известно, первый университетский курс, затрагивающий проблемы правового регулирования труда, начал читаться в Московском университете в 1906/07 учебном году. Он назывался «Рабочий вопрос»¹⁰³³, а читал его приват-доцент **Алексей Алексеевич Боровой** (1875–1935). Он окончил юридический факультет Московского университета в 1898 г., после чего был оставлен там для ведения практических занятий. В 1901 г. он сдал магистерский экзамен, а в следующем году был утвержден приват-доцентом университета. А. А. Боровой был активным приверженцем анархизма, заключался в тюрьму за пропаганду своих идей. В 1910 г. он защитил докторскую диссертацию, но в следующем году покинул стены университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. В мае 1917 г. он был восстановлен в звании приват-доцента университета, где читал курс «Новейшей тенденции капитализма и рабочий вопрос» на юридическом факультете. В 1919–1923 гг. он был профессором факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ. Его взгляды на трудовое право были достаточно своеобразны. Он выступал за максимальную свободу труда, не отрицая возможность коллективно-договорного установления его условий. Регулирующую роль государства он предлагал свести до минимума, а в идеале исключить¹⁰³⁴.

После октябрьской революции 1917 г. на юридическом факультете, затем на юридическом отделении факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ предпринималась попытка читать курсы, связанные с правовым регулированием труда. Так, в октябре 1920 г. в планах ФОН числились занятия по предмету «Законодательство о труде», который должен был вести один из ведущих отечественных цивилистов профессор *Д. М. Генкин* (о нем ниже). Согласно вышеупомянутому плану ФОН профессор Л. С. Таль должен был вести курсы «Рабочее право» и «Частное право коллективов». Под последним имелось в виду, вероятно, коллективно-договорное регулирование трудовых отношений. Отметим, что, по достоверным источникам, именно Л. С. Таль в 1921–1922 гг. провел несколько занятий по рабоче-

---

¹⁰³³ См.: Юридическая библиография. 1907. № 2 С. 57–58.

¹⁰³⁴ См.: Боровой А. А. Анархизм. М., 1918; Его же. Личность и общество в анархическом мировоззрении. Пг.; М., 1920.

му праву. В этой связи его можно считать отцом-основателем не только российского трудового права, но и школы трудового права МГУ. Почти одновременно с Л. С. Талем в МГУ начала читать курс «Социальное обеспечение» *З. Р. Теттенборн* (о ней ниже).

Остается открытым вопрос **о дате создания кафедры трудового права МГУ**. У нас нет достоверных данных о том, была ли в составе ФОН кафедра рабочего права. Скорее всего, трудовые дисциплины преподавались в рамках кафедры хозяйственного права. Можно считать установленным, что на апрель 1931 г. в составе факультета советского права МГУ среди других 26 кафедр была кафедра трудового права во главе с И. С. Войтинским¹⁰³⁵. Есть официальное решение научно-политической секции Государственного ученого совета (ГУС) от 11 октября 1927 г. о включении в число кафедр 1-го МГУ и ЛГУ кафедры трудового права¹⁰³⁶. Таким образом, 11 октября можно считать своеобразным «днем рождения» кафедры. Но реально она была создана раньше, так как С. Л. Рабинович-Захарин, о котором речь пойдет ниже, уже в марте 1927 г. был принят сверхштатным доцентом по кафедре трудового права МГУ. Следовательно, на этот момент кафедра уже существовала. Можно предположить, что кафедра трудового права была создана в 1925 г., так как с этого года в юридических вузах начал читаться курс трудового права. В любом случае кафедре с момента создания возглавлял И. С. Войтинский, а членами кафедры являлись С. Л. Рабинович-Захарин и И. И. Троицкий, о которых речь пойдет ниже.

Самуил Львович Рабинович-Захарин (1888–1951) окончил накануне Первой мировой войны юридический факультет Киевского университета¹⁰³⁷. В 1915–1917 гг. он работал во Всероссийском земском союзе, а в 1918–1919 гг. – в уездном продовольственном комитете г. Ельца, являясь также членом коллегии правозащитников этого города. В 1919–1921 гг. он служил в Управлении снабжения Красной армии. В 1921–1922 гг. Самуил Львович служил в комиссии по рабочему снабжению при Народном комиссариате труда РСФСР и одновременно с 1922 г. был консуль-

---

¹⁰³⁵ См.: Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755–1952. М., 2004. С. 347.

¹⁰³⁶ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.

¹⁰³⁷ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34. Л/с. Д. 58. Л. 1947.

тантом этого наркомата. В 1921–1926 гг. он работает также в центральной фондовой комиссии, а затем членом Московской губернской коллегии защитников. По совместительству в 1923–1929 гг. он был сначала ассистентом, затем доцентом, а с 1930 г. перешел на кафедру трудового права МГУ штатным ассистентом. В дальнейшем он преподавал в Московском юридическом институте, а в 1947 г. представил к защите кандидатскую диссертацию «Единство и дифференциация советского трудового права». Его исследования по *проблеме дифференциации в трудовом праве* не утратили своего значения и сейчас¹⁰³⁸.

С. Л. Рабинович-Захарин констатировал, что ее порождает разнообразие производственных условий. В качестве критериев дифференциации он определял виды трудовых отношений (труд рабочих и служащих, членов производственно-кооперативных организаций), особенности в организации труда (например, работа вне предприятия), характер производства (в частности, на транспорте, предприятиях связи и др.). Он предложил следующую дефиницию: «Под дифференциацией в широком смысле можно понимать всякие различия и градации в нормах, зависящих от тех или иных условий»¹⁰³⁹.

Его можно назвать и одним из первых *советских трудово-правовых компаративистов*. С. Л. Рабинович-Захарин подчеркивал, что по германскому законодательству и в российской до-революционной науке тарифный и коллективный договор были синонимичны. Он отмечал также сходство советского и германского коллективных договоров как по форме, так и по содержанию. После принятия КЗоТ 1922 г. тарифным договором считалась разновидность коллективного договора, устанавливающая только тарифы заработной платы¹⁰⁴⁰. При этом С. Л. Рабинович-Захарин выделял и ряд принципиальных отличий. В Германии

---

¹⁰³⁸ См.: Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права // Вопросы советского гражданского и трудового права. Ч. 1. М., 1952.

¹⁰³⁹ См.: Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права. С. 95, 101.

¹⁰⁴⁰ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Русский коллективный и германский тарифный договор // Гюк А. Тарифный (коллективный) договор по германскому праву. М., 1924. С. 3–4.

стороной коллективного договора выступали любые представители работников, а в СССР – только профсоюзы. Условия коллективного договора по германскому праву распространялись только на лиц, участвовавших в подписании коллективного договора, у нас – на всех работающих. Принцип неотменяемости условий коллективного договора, т. е. невозможности ухудшения условий индивидуального трудового договора по сравнению с коллективным, был закреплен и в германском, и в советском праве. Но у нас такое отступление не допускалось в принципе, а в Германии было возможно в случаях, предусмотренных коллективным договором. Только в советском праве устанавливалась уголовная ответственность за нарушение условий коллективного договора, а профсоюзы освобождались от любой имущественной ответственности¹⁰⁴¹.

Самуил Львович предпринял попытку вывести определение *заработной платы*, с указанием на критерии ее начисления как вознаграждения, которое работник получает непосредственно от нанимателя и которое исчисляется в соответствии с количеством затрачиваемой рабочей силы. Тем самым подчеркивался важнейший признак заработной платы как оплаты затраченного труда (а не готового продукта). Это составляет суть заработной платы как вознаграждения за труд работников. По его мнению, в заработную плату подлежат включению как основная, повременная, сдельная оплата, так и всякие дополнительные виды вознаграждения (премии, процентные отчисления и т. д.); как вознаграждение за работу в нормальное время и в нормальных условиях, так и доплаты за сверхурочную, праздничную, ночную, вредную работу; как за фактически выполненную работу, так и за пропущенное время в тех случаях, когда закон или договор обязывает нанимателя к сохранению вознаграждения¹⁰⁴². Названный ученый внес существенный вклад

---

¹⁰⁴¹ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Коллективный (тарифный) договор по германскому и советскому праву // Вопросы труда. 1924. № 9. С. 93–103; Его же. Русский коллективный и германский тарифный договор (вступительная статья) // Гюк А. Коллективный договор. М., 1924. С. 3–21 и др.

¹⁰⁴² См.: Рабинович-Захарин С. Л. Заработная плата по советскому праву. М., 1927. С. 8–9.

в развитие советского учения о заработной плате. Он проанализировал зарубежное законодательство о заработной плате и выделил этапы его развития, рассмотрел историю российского и советского законодательства, включая КЗоТ 1922 г.; определил соотношение законодательного и договорного регулирования заработной платы, дал характеристику правового нормирования заработной платы отдельных категорий работников и оснований ее дифференциации¹⁰⁴³.

С. Л. Рабинович-Захарин писал о законодательном и договорном регулировании заработной платы. В первом случае источником правового регулирования, по его мнению, служат законодательные нормы, устанавливающие обязательный государственный минимум заработной платы, общеобязательные коэффициенты оплаты сверхурочной работы, законодательные ограничения удержаний из заработной платы и т. д. Во втором – нормы, закрепленные в коллективных договорах, тарифных соглашениях, правилах внутреннего трудового распорядка. При этом С. Л. Рабинович-Захарин особо подчеркивал необходимость договорного регулирования заработной платы, отмечая, что «бесконечное многообразие профессий..., условий применения труда, множественность способов и систем заработной платы... изменчивость хозяйственных конъюктур – все это делает невозможной исчерпывающую и централизованную государственную регламентацию тарифов заработной платы, за немногим исключением (например, в отношении служащих государственных учреждений)»¹⁰⁴⁴.

С. Л. Рабинович-Захарин так писал о правовом значении тарифа: «Тариф в применении к заработной плате означает систему норм вознаграждения (ставок, расценок, премиальных и т. п.), построенную на принципе единообразия в оплате равноценной по качеству рабочей силы... Когда рабочая сила начинает оцениваться по заранее установленным нормам, общим для всех

---

¹⁰⁴³ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Вознаграждение работников государственных учреждений и предприятий. М., 1925; Его же. Оплата труда по советскому законодательству. М., 1927 и др.

¹⁰⁴⁴ Рабинович-Захарин С. Л. Заработная плата по советскому праву. С. 10–11.

работников, выполняющих однородную работу, мы имеем дело с тарифом заработной платы»¹⁰⁴⁵.

В 1927 г. ученый высказал сомнения в целесообразности централизованного порядка установления минимальной оплаты труда в СССР для всех нанимателей и всех работающих по найму. Он писал, что при такой чрезвычайной централизации государственного минимума оплаты труда со временем встанет вопрос о дифференциации минимума по различным категориям труда. Совершенно очевидно, что при обширности территории СССР трудно установить из центра норму минимума, которая действительно отвечала бы особенностям каждого района в каждый данный период¹⁰⁴⁶. Это положение звучит актуально и сегодня.

Еще в 20-е гг. XX в. писал о том, что не является заработной платой пособие из кассы социального страхования, компенсационные выплаты (командировочные, суточные, компенсация за неиспользованный отпуск и т. п.)¹⁰⁴⁷.

С. Л. Рабинович-Захарин отмечал, что с точки зрения правового регулирования существенно то, что выплата систематически выплачиваемых премий обязательна для нанимателя, поскольку нормы, факторы, круг премируемых установлены договором. Выдача единовременных (наградных) премий производится по усмотрению нанимателя¹⁰⁴⁸. Таким образом, правовая классификация премий проводилась по единственному, но важнейшему юридическому признаку – наличию или отсутствию у работника права на получение премии. Впоследствии данный подход развивал С. С. Каринский.

Еще в 1920-е гг. С. Л. Рабинович-Захарин высказал точку зрения, что при переводе на другое предприятие «налицо не что иное, как прекращение прежнего договора и замена его другим договором с новым содержанием»¹⁰⁴⁹. Эту позицию впоследствии поддержал Н. Г. Александров, который писал, что при переводе на работу на другое предприятие, по сути дела, прекращается одно пра-

---

¹⁰⁴⁵ Рабинович-Захарин С. Л. Заработная плата по советскому праву. С. 11, 53.

¹⁰⁴⁶ См.: Там же. С. 55.

¹⁰⁴⁷ См.: Там же. С. 9.

¹⁰⁴⁸ См.: Там же. С. 75.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 85.

воотношение и возникает другое, хотя и обусловленное в своем возникновении первым правоотношением¹⁰⁵⁰.

Говоря о *дисциплине труда*, ученый отмечал узость нормативного материала на этот счет. Соответственно правила внутреннего распорядка рассматривались как форма регламентации дисциплины труда. Предприятие признавалось обособленным социальным явлением, нуждающимся в правовой регламентации. Она осуществлялась прежде всего на коллективно-договорном и локальном уровнях. Самуил Львович отмечал, что ст. 50–55 КЗоТ РСФСР 1922 г., посвященные внутреннему трудовому распорядку, устарели, а нормирование трудовой дисциплины осуществляется преимущественно на уровне подзаконных актов, в том числе принятием НКТ СССР общих Типовых правил внутреннего распорядка, обязательных для всех организаций¹⁰⁵¹.

В своих работах он затрагивал и другие проблемы трудового права¹⁰⁵².

Иван Иванович Троицкий (1899 – после 1938)¹⁰⁵³ окончил ФОН МГУ в 1925 г. и был направлен в аспирантуру Института советского права, где работал под руководством И. С. Войтинского. По приглашению последнего он стал в 1928 г. сначала сверхштатным, а с 1930 г. штатным ассистентом кафедры трудового права МГУ. Одновременно он работал в юридической консультации при трудовой инспекции. Дальнейшая судьба И. И. Троицкого нам неизвестна, а последняя доступная публикация исследователя датируется 1938 г. Можно только предположить, что наш герой после 1931 г. продолжил преподавание в МЮИ, а его одновременное исчезновение вместе с И. С. Войтинским наводит на мысль о возможном аресте вместе с учителем весной 1938 г.

И. И. Троицкого можно охарактеризовать как типичного советского трудовика периода раннего сталинизма. Он выступал против самого понятия «трудовой договор», отрицал необходимость учета дореволюционных научных работ и зарубежно-

---

¹⁰⁵⁰См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 275.

¹⁰⁵¹ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Внутренний распорядок и дисциплина в предприятиях и учреждениях. М.; Л., 1931. С. 13–18.

¹⁰⁵² См.: Рабинович-Захарин С. Л. Коллективный договор. М., 1925 и др.

¹⁰⁵³ Архив МГУ Ф. 1. Оп. 34. Л/с. Д. 72. Л. 2398.

го опыта, ратовал за предание коллективному договору строго публичного характера, критиковал «буржуазных извратителей трудового права» и уже начинал выискивать «вредительские тенденции на фронте науки»¹⁰⁵⁴.

В настоящее время практически забыто имя еще одного представителя московской школы трудового права, коим являлся **Сергей Ильич Каплун** (1897–1943). Он родился 27 апреля 1897 г. в Старокопонино. В 1917 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Член РКП (б) с 1917 г. В 1918–1927 гг. С. И. Каплун находился на руководящей работе в Наркомате труда РСФСР и СССР. Автор первых советских правил и норм по санитарной охране труда. Он организовал вместе с В. А. Левицким в 1925 г. Государственный институт охраны труда, который возглавлял в 1927–1932 гг. Этот институт стал центром научных исследований по данной проблеме. С. И. Каплун – основатель (1923 г.) и главный редактор журнала «Гигиена труда».

Ученый первым в СССР организовал научную и практическую деятельность в области санитарной охраны труда, под его руководством были созданы правила и постановления, регулирующие порядок предоставления компенсации за работу во вредных и опасных условиях труда. Он руководил разработкой проекта разделов КЗоТ РСФСР 1922 г., касающихся охраны труда, созданием специализированных органов санитарной, технической и правовой инспекции труда. С. И. Каплун был первым промышленно-

---

¹⁰⁵⁴ См.: Троицкий И. И. Трудовой договор и «личный наем» // Право и жизнь. 1926. № 6–7. С. 35–39; Троицкий И. И. и др. Правовые вопросы коллективного договора. М., 1929; Троицкий И. И. Трудовое право – советское право // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 97–122; Его же. КЗоТ реконструктивного периода // Вопросы труда. 1931. № 5. С. 63–67; Его же. 15-летие трудового законодательства и 10-летие КЗоТ // Вопросы труда. 1932. № 11–12; Его же. ВЦСПС и правовое регулирование условий труда // Советская юстиция. 1936. № 27; Его же. Имущественная ответственность работника // Советская юстиция. 1937. № 24; Его же. Трудовые конфликты и порядок их рассмотрения // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 28–29; Его же. Судебная защита – в связи с формулировкой причин увольнения // Советская юстиция. 1938. № 2–3 и др.

санитарным инспектором Наркомздрава СССР, автором целого ряда исследований по теории и практике охраны труда¹⁰⁵⁵.

Общий подход к охране труда в его понимании сохранил двоякий характер. С одной стороны, она охватывала при широком толковании всю «совокупность требований организованного пролетариата в его жесткой экономической борьбе с капитализмом» (зарплата, рабочий день и др.). Узкое толкование включало в себя «биологическую охрану труда, т. е. охрану работающего человеческого организма от вредностей и опасностей, которые выдвигает перед ним его профессиональный труд» (санитарно-техническая охрана труда, запрет или ограничение применения детского и женского труда, особенности охраны труда отдельных групп трудящихся, структура и деятельность органов по охране труда). Иначе говоря, «охрана труда – не защита экономических интересов трудящихся, а физиологическая охрана организма рабочего от вредных побочных явлений, которые сопровождают трудовой процесс»¹⁰⁵⁶.

Ученый неоднократно бывал в зарубежных научных командировках, специалист по охране труда и гигиене труда с европейским именем. Иностранный опыт исследовался им достаточно продуктивно, хотя иногда и излишне критично¹⁰⁵⁷. Так, в обзоре, посвященном мировому законодательству по охране детского труда, сравнение было осуществлено по следующим разделам: рабочее время; допуск к работе и запрещение таковой; ученичество; контроль за проведением постановлений в жизнь и др.¹⁰⁵⁸

---

¹⁰⁵⁵ См.: Каплун С. И. Десятилетие охраны труда // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 77–87; Его же. Задачи охраны труда // Рабочий мир. 1918. № 12; Его же. Основы общей гигиены труда: В 2 ч. М., 1925–1926; Его же. Охрана труда в СССР. М., 1925; Его же. Охрана труда в Союзе ССР в цифрах. М., 1928; Его же. Охрана труда и ее органы. Вып. 1. М., 1919; Его же. Профессиональная смертность по последним данным. М.; Пг., 1921; Его же. Санитарная статистика труда. М.; Л., 1924; Его же. Теория и практика охраны труда: В 2 ч. М., 1926–1927 и др.

¹⁰⁵⁶ Каплун С. И. Теория и практика охраны труда. Ч. 1. М., 1926. С. 25.

¹⁰⁵⁷ См.: Мировое законодательство по охране детского труда / Под ред. С. И. Каплуна. М., 1924; Каплун С. И. Вопросы гигиены и охраны труда в Германии и Франции (по личным впечатлениям). М., 1925 и др.

¹⁰⁵⁸ Мировое законодательство об охране детского труда / Под ред. С. И. Каплуна. М., 1924. С. 9–40 и др.

При этом он занимал достаточно жесткие идеологические позиции. Например, в рецензии на исследование видного административиста *Павла Исаевича Люблинского* (1882–1938) «Законодательная охрана труда женщин и подростков» он прямо обвинил его автора в том, что тот «чужд марксизму», является приверженцем т. н. «социальной политики» и оторвался от классовой борьбы¹⁰⁵⁹. С таким ярлыком этот ученый не пережил сталинских чисток. Между тем П. И. Люблинский дал всего лишь относительно объективный обзор западного законодательства об охране труда женщин и подростков.

Одновременно Сергей Ильич с 1924 г. профессор, заведующий первой в СССР кафедрой гигиены труда 2-го Московского медицинского института, с 1926 г. заведующий кафедрой гигиены труда 1-го Московского медицинского института, создатель крупной школы гигиенистов. В 1943 г. он добровольно ушел на фронт, погиб 22 октября 1943 г. Награжден государственными наградами, в том числе орденом Красной Звезды. По некоторым данным, был сотрудником ГРУ Генштаба РККА. В справочных изданиях его имя упоминается только до 1953 г.¹⁰⁶⁰

Отметим, что в 1920-х гг. на других кафедрах МГУ преподавали ученые, ставшие известными благодаря своим исследованиям по трудовому праву. Это касается *Л. Я. Гинцбурга*, *И. А. Трахтенберга* и *П. Д. Каминской*, о которых речь пойдет ниже.

Среди выпускников МГУ было немало ученых, которые активно занимались проблемами трудового права. В дореволюционный период это были *М. Г. Луиц* и *А. Н. Винокуров*, а в 1920-е гг. – *Е. И. Астрахан* и *С. С. Каринский*, с которыми мы уже встречались или встретимся на страницах этой книги.

Однако непосредственным основателем именно московской школы трудового права можно считать первого заведующего кафедрой трудового права МГУ **Иосифа Савельевича Войтинского** (1884–1943)¹⁰⁶¹. Он родился в Санкт-Петербурге 6 октября

---

¹⁰⁵⁹ Вопросы труда. 1924. № 5–6. С. 208–210.

¹⁰⁶⁰ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 20. М., 1953. С. 75.

¹⁰⁶¹ Биографические данные И. С. Войтинского подготовлены на основании следующих источников: личное дело из архива Института государства и права РАН, материалы Государственного архива РФ (ГАРФ). Значительная часть документов предоставлена сыном И. С. Войтинского

1884 г. в семье преподавателя математики реального училища, который впоследствии стал профессором Лесного института. Его родители относились к числу либерально мыслящих разночинцев второй половины XIX в. В большой семье Войтинских, помимо Иосифа, было еще два сына – Николай и Владимир, а также сестра Надежда.

Иосиф Савельевич получил хорошее гимназическое образование в столице и осенью 1903 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Летом 1904 г. он подготовил свой первый научный очерк о правовой природе коллективного (тарифного) договора, который в переработанном виде был опубликован только в 1910 г. И. С. Войтинский рано увлекся политикой и в 1905–1907 гг. состоял в партии большевиков. В этот период он занимался пропагандистской деятельностью среди рабочих, за что трижды арестовывался полицией. Первый раз это произошло во время ареста депутатов Петербургского Совета рабочих. Он провел в «Крестах» два месяца и на один год был отдан под особый надзор полиции. По заданию большевиков он выступил организатором Петербургского Союза приказчиков.

Впрочем, это не сказалось на его обучении на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, который он окончил в 1909 г. В 1907 г. он вышел из партии большевиков и сосредоточился на учебе. В университете он работал в научных кружках у ведущих преподавателей, в том числе у Л. И. Петражицкого, И. А. Покровского, М. Я. Пергамент, А. И. Каминки. Как ученый-трудовик он сформировался под влиянием Л. С. Таля, который руководил его работой по изучению правового регулирования трудовых отношений. Первая его научная публикация по этой проблеме вышла еще

Валентином Иосифовичем Войтинским. Используются также материалы мемуарной литературы и периодической печати. Биография и анализ научного наследия И. С. Войтинского также были частично приведены в следующих изданиях: Лушников А. М. Наука трудового права России: Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 107–127; Его же. Иосиф Савельевич Войтинский: жизненный путь и научное наследие // Правоведение. 2003. № 5. С. 221–237; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 433–437. В настоящем издании биографические данные И. С. Войтинского существенно дополнены и уточнены.

в студенческие годы (1908 г.)¹⁰⁶². Уже в то время его интересовали не столько проблемы трудового договора, сколько коллективные договоры и трудовые споры. На разговорном уровне он владел немецким и французским языками, читал по-английски, а при помощи словаря и по-итальянски. Еще в гимназические и студенческие годы провел около полугода за границей, получив хорошую языковую практику и познакомившись с иностранной научной литературой. Это способствовало тому, что он стал крупнейшим советским специалистом по зарубежному трудовому праву. Неизменной осталась и область его научных интересов: коллективные договоры и коллективные трудовые споры.

По окончании университета он был оставлен для подготовки к профессорскому званию при профессоре И. А. Покровском. В 1908–1910 гг. он работал в семинаре по гражданскому праву у М. Я. Пергаменты, который оказал на него большое влияние. Но после года обучения И. С. Войтинский отказался от академической карьеры и с 1910 по май 1912 г. числился помощником присяжного поверенного в столице. В 1910–1911 гг. он выступил защитником в ряде политических процессов. Научную работу полностью он не прекращал, сохранив интерес к проблемам правового регулирования труда. Затем в его жизни происходит крутой поворот. Он переходит на административно-хозяйственную работу в Управление Нижне-Тагильского и Луньевского округов сначала секретарем, а потом юрисконсультom, продолжая числиться по адвокатуре. Как вспоминал сам И. С. Войтинский, он участвовал в управлении Демидовских металлургических предприятий, занимаясь преимущественно экономической и правовой работой по налоговым вопросам, проблемам железнодорожного хозяйства и горного права. Можно предположить, что начинающего столичного адвоката привлекли большие деньги и простор для карьерного роста в Нижнем Тагиле. Там он проработал с мая 1912 по январь 1916 г. Позднее он всячески подчеркивал, что в прибылях окружающих предприятий не участвовал. В этой связи в советский период его едва не записали в «эксплуататоры».

Первая мировая война затронула и его судьбу. На фронт он попал как представитель Санитарного комитета Всероссийского со-

---

¹⁰⁶²См.: Войтинский И. С. Новые течения в гражданском законодательстве о найме труда // Вопросы обществоведения. 1908. Т. 1. С. 5–71.

юза городов. Весь 1916 г. он проработал в Пскове заместителем заведующего районным отделом названного комитета на Северном фронте. На фотографии, датированной августом 1916 г., он запечатлен в форме армейского поручика, но в советский период о своем офицерском прошлом он никогда не упоминал. В марте 1917 г. переводится в Москву в Главный комитет Земгора (Объединенный комитет Земского и Городского союзов, созданный в 1915 г.), где работал в юридическом отделе и ведал вопросами санитарного снабжения. С мая 1917 г. И. С. Войтинский становится заведующим отделением Отдела законодательных предложений Министерства труда Временного правительства, принимает участие в подготовке основных проектов нормативных актов о труде. В этот же период он публикует целый ряд научно-популярных очерков, в которых пропагандирует изменения в трудовом законодательстве, анализирует социальную политику Временного правительства. Затем он некоторое время состоял в распоряжении Центрального комитета по делам о военнопленных. Если Февральскую революцию И. С. Войтинский приветствовал, то Октябрьскую первоначально не принял. В феврале 1918 г. он перебирается в Армавир и там работает инспектором отдела ЦК по делам о военнопленных вплоть до сентября того же года. По сути, это была структура Кубанского краевого правительства, открыто выступившего против большевиков. Почти в течение целого года, до сентября 1919 г., он исполняет обязанности сначала инструктора, а с сентября до конца 1919 г. – заведующего отделом социального страхования Кубанского Совета профсоюзов в Екатеринодаре. Здесь он пытался на практике применить свои теоретические знания в сфере правового регулирования труда и даже переиздал свои отдельные работы.

В ноябре 1918 г. он вступил в партию меньшевиков и оставался в ее рядах до апреля 1920 г. Определенное влияние на этот поступок оказал его младший брат Владимир, один из лидеров российского меньшевизма и комиссар Северного фронта периода Временного правительства, активный противник большевизма, а впоследствии политический эмигрант¹⁰⁶³. В Екатеринодаре ему пришлось пережить все тяготы гражданской войны, в том числе в конце 1919 – начале 1920 гг. он переболел в тяжелой форме сыпным тифом. С начала 1920 г. И. С. Войтинский становится заме-

---

¹⁰⁶³ См.: Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.

стителем заведующего промышленностью Кубанского Союза потребительских обществ.

С завершением разгрома Вооруженных сил Юга России Красной армией к маю 1920 г. в очередной раз резко меняется и его жизненный путь. На этот раз он принимает советскую власть и активно сотрудничает с ней. В это время начинается его педагогическая карьера, когда с июня 1920 по июнь 1921 гг. он является преподавателем по кафедре организации труда экономического факультета Кубанского политехнического института в г. Екатеринодаре. Он вел курс «Теория и практика организации труда», который включал в себя основы трудового права. В декабре 1920 г. он повторно вступает в партию большевиков без прохождения кандидатского стажа. Забегая вперед скажем, что меньшевистского прошлого ему так и не простили. Уже в начале 1922 г. он переводится кандидатом в члены РКП(б) и его кандидатство продлилось до 1925 г., когда его опять приняли в члены партии. При этом в первое полугодие 1921 г. он успел побывать представителем РКП (б) в Бюро профсоюзной пропаганды, а затем и лектором областной профсоюзной школы.

Трехлетний кубанский период жизни И. С. Войтинского завершился в середине 1921 г. переводом в Москву как перспективного преподавателя, профсоюзного лектора и молодого коммуниста. В период нэпа отношение к выходцам из других партий и к буржуазным специалистам несколько смягчилось. Своей кипучей деятельностью И. С. Войтинский быстро завоевал в столице определенный авторитет. Отметим, что в этой части биографии Иосифа Савельевича есть много пересечений с аналогичными сюжетами биографии писателя М. А. Булгакова, автора «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты». У обоих было счастливое детство в многодетной семье, обоим в Гражданскую войну судьба закинула в лагерь антибольшевистских сил, которым они симпатизировали. Даже в Москве они появились почти одновременно – в 1921 г. Примечательно, что М. А. Булгаков начинал работу в газете «Рабочий» и профсоюзном отделе газеты «Гудок». Известность к ним также пришла почти одновременно – в 1925 г., а не прикрытая травля их таланта началась в 1930 г. Безусловно, они были Мастерами, каждый в своем жанре, да и своих Маргарит встретили практически в один год. Конечно, между ними было и немало различий, важнейшим из которых стало то,

что Войтинский, в отличие от Булгакова, принял новый строй, пытался ему искренне служить. Беда в том, что новый строй в лице политических вождей, коллег и критиков не принял таланта и неординарности ни бывшего выпускника юридического факультета Петербургского университета, ни бывшего выпускника медицинского факультета Киевского университета.

Осенью 1921 г. Войтинский начинает преподавать в 1-м МГУ и Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, становится научным сотрудником Института труда при ВЦСПС, а затем и заведующим опытной станции при этом институте. Еще в июле того же года по постановлению ЦК РКП(б) он направляется в Институт советского права (ИСП), где почти сразу становится заместителем заведующего, а затем заведующим хозяйственно-трудовой секцией, членом редколлегии журнала «Советское право». В хозяйственно-трудовой секции ИСП в то время были собраны видные отечественные ученые: А. Г. Гойхбарг (заведующий секцией), Д. М. Генкин, А. Э. Вормс, Д. В. Кузовков, И. Г. Наумов, Д. С. Розенблюм, Я. Н. Бранденбургский, Г. М. Марков, В. И. Вегер, З. Р. Теттенборн. Отметим, что все вышеназванные ученые, особенно Д. М. Генкин и З. Р. Теттенборн, также занимались проблемами трудового права, а А. Э. Вормс, профессор старой школы, был учителем советского ученого-трудовика профессора Е. Н. Даниловой, будущего члена ИСП¹⁰⁶⁴.

С 1924 г. он работал в секции общей теории права и государства Коммунистической академии, редактировал отдел трудового права в Энциклопедии государства и права (1925–1927 гг.). Начинает готовить учебник по советскому трудовому праву, изданный в 1925 г. Его энергия в тот период не знала предела. Помимо вышеназванной работы в двух университетах и двух научно-исследовательских институтах, он в 1922–1923 гг. был специалистом по трудовому праву Отдела экономики труда ВСНХ, в 1925–1929 гг. преподавал на Центральных курсах социального страхования и на Высших юридических курсах Народного комиссариата юстиции. При этом он постоянно публикуется в периодических изданиях, готовит справочную литературу¹⁰⁶⁵.

---

¹⁰⁶⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 48. Л. 184 (обр.); Оп. 1. Д. 47. Л. 337.

¹⁰⁶⁵ См.: Войтинский И. С. Общественная организация труда и право // Советское право. 1922. № 3; Его же. Понятие трудового права // Вопрос-

Почти одновременно с приездом в Москву начинается карьерный рост И. С. Войтинского. С начала 1923 г. он является лектором, а затем членом подсекции вузов научно-политической секции Главного ученого совета (ГУС) Народного комиссариата просвещения РСФСР. В ноябре 1924 г. он утверждается в звании профессора факультета общественных наук МГУ. В июне 1926 г. Иосиф Савельевич становится членом Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), созданной в 1924 г. ГУС являлся государственным органом, занимавшимся проблемами высшей школы. Он давал заключения о назначении на педагогические должности в вузы, участвовал в подготовке и рецензировании учебных программ и учебников и т. п. В частности, по заключению И. С. Войтинского в октябре 1923 г. был положительно решен вопрос о назначении известного цивилиста Б. Б. Черепихина профессором Саратовского университета¹⁰⁶⁶. Эта административная работа позволяла подбирать кадровый состав кафедры трудового права МГУ, где он уже тогда был ведущим профессором. Во второй половине 1920-х гг. на эту кафедру были приняты его аспиранты И. И. Троицкий и С. Л. Рабинович-Захарин, составившие позднее ядро творческого коллектива. При этом И. С. Войтинский продолжал активно разрабатывать теорию трудового права, анализировать зарубежное трудовое законодательство и обобщать практику применения советского трудового законодательства. Им были исследованы основные проблемы общей части трудового права, а его научный авторитет в 1920-е гг. был общепризнанным.

В конце 20-х гг. XX в., по мере ужесточения внутривластного курса, осложнялось и положение И. С. Войтинского. Одновременно у него начинаются перебои со здоровьем, несколько снижается работоспособность. Его «грехов» перед большевистским режимом вполне хватило бы на несколько человек: выход из партии большевиков после Первой русской революции, членство в меньшевистской партии, сотрудничество с антисоветским Кубанским краевым правительством, родной брат-эмигрант и открытый противник советской власти. В середине 1927 г. его освобождают от обязанностей члена Президиума РАНИОН, формально по

сы труда. 1923. № 7–8; Его же. Трудовое право. М., 1927 и др.

¹⁰⁶⁶ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 21. Л. 88, 129.

его просьбе¹⁰⁶⁷. Но эта «просьба» была продиктована идеологическим давлением и сложными отношениями с коллегами. В 1929 г. в результате идеологических нападок он был вынужден выйти и из состава ГУСа. В 1930 г. ИСП ликвидируется, а И. С. Войтинский переводится в штат Института советского строительства и права при Коммунистической академии. После того как юридический факультет МГУ был преобразован в Московский юридический институт (МЮИ) в 1931 г. он возглавил в нем кафедру трудового права и оставался в этой должности до самого ареста. Окончательно из научно-исследовательских структур он ушел в 1935 г., ссылаясь на ухудшение состояния здоровья. С 1930 г. Иосиф Савельевич принимал участие в работе учреждений Наркомата внешней торговли в порядке отдельных консультаций по вопросам хозяйственных споров с иностранными контрагентами. В этот же период он был консультантом Управления трудового законодательства НКТ СССР. В 1933–1935 гг. Войтинский состоял профессором Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС. В марте 1934 г. Квалификационной комиссией при Наркомате юстиции ему было присвоено звание профессора по кафедре трудового права. В декабре 1935 г. ему без защиты диссертации Президиумом Коммунистической академии при ЦИК Союза ССР присуждается ученая степень кандидата юридических наук.

Большинство его публикаций в 1930-е гг., особенно их второй половины, содержали преимущественно не теоретические наработки, а попытки отбиться от идеологических нападок многочисленных оппонентов¹⁰⁶⁸. Даже студенты МЮИ настраивались против своего ведущего профессора. В результате его здоровье было подорвано, а моральный дух надломлен. Между тем И. С. Войтинский, по его собственному признанию имел обширные исследовательские планы и все необходимые предпосылки для их осуществления. Еще в конце 1920-х гг. он переключился преимущественно на

---

¹⁰⁶⁷ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 30. Л. 86.

¹⁰⁶⁸ См.: Войтинский И. С. Организация труда и трудовое право на новом этапе // Советское трудовое право на новом этапе: Сб. М.; Л., 1931. С. 36–64; Его же. Революционный марксизм и борьба против социалфашистских установок в трудовом праве // Советское государство. 1933. № 3. С. 81–95; Его же. Трудовое право социалистического общества // Советская юстиция. 1937. № 21. С. 20–29 и др.

общие проблемы теории и методологии трудового права. Большое влияние на него оказал теоретик советского права Е. Б. Пашуканис, но сам Войтинский оставался при этом достаточно оригинальным исследователем. Он готовил фундаментальный теоретический трехтомный курс, который должен был охватывать все основные проблемы трудового права. Он успел опубликовать только его первую часть, которая вышла в качестве самостоятельной монографии «Трудовое право. Ч. 1. Диктатура буржуазии и трудовое право». (М., 1934). Вторая часть должна была называться «Диктатура пролетариата и трудовое право». Иосиф Савельевич подготовил более чем две трети рукописи данной книги, которая была посвящена, по сути, общей части советского трудового права. Завершающей должна была быть третья часть, которую он планировал назвать «Особенная часть советского трудового права». Она опиралась на материал второй части и мыслилась как «учебный текст в тесном смысле слова» и должна была носить, по замыслу автора, главным образом конкретно-описательный характер. К сожалению, ни вторая, ни третья части так и не увидели свет, а рукописи бесследно исчезли. Занимался он и методической работой¹⁰⁶⁹, неоднократно критиковал фашистскую модель трудового права¹⁰⁷⁰.

Учениками И. С. Войтинского в МГУ и МЮИ были такие впоследствии известные ученые-трудовики, как Н. Г. Александров, Г. К. Москаленко, К. П. Горшенин, С. С. Каринский и др.

6 марта 1938 г. он был арестован органами НКВД по надуманному обвинению вместе с целым рядом других выдающихся советских ученых-юристов. Этот месяц 1938 г. получил горькое наименование «месяца юристов» и стоил отечественной науке огромных интеллектуальных потерь. Отметим, что в этот период был также арестован целый ряд видных ученых-трудовиков: Л. Я. Гинцбург, М. Ю. Жемчужникова, И. А. Кравель, В. В. Шмидт и др., о чем мы уже писали выше. В заключении И. С. Войтинский, вероятно, подвергался допросам «с пристрастием». К тому же за полгода до ареста у него родился сын, и угроза ареста семьи в таких случаях дей-

---

¹⁰⁶⁹ См.: Войтинский И. С. Программа по трудовому праву. М., 1934.

¹⁰⁷⁰ См.: Войтинский И. С. Фашистские профсоюзы и принудительный арбитраж в Италии // Советское право. 1927. № 4. С. 54–88; Войтинский И., Кацнельсон С. Кодекс крепостного труда в фашистской Германии // Советское государство. 1934. № 3. С. 58–68 и др.

ствовала практически безотказно. Кроме того, Иосиф Савельевич был уже не молодым человеком с подорванным здоровьем и расшатанными многолетней травлей нервами. В результате он подписал все предъявленные ему обвинения. Еще до суда с ним случился обширный инсульт, и он практически утратил дар речи. В итоге Военный трибунал Московского военного округа проявил «невиданный гуманизм» и вынес приговор о принудительном медицинском лечении в закрытых медицинских учреждениях. До начала Великой Отечественной войны он находился в Москве, а затем был эвакуирован в закрытую психиатрическую лечебницу г. Казани. В письмах домой он писал, что единственным лечением для него иногда становится «усиленное питание», а в остальные периоды – диета голодом. Единственным человеком, который оказывал ему поддержку и помощь, была жена Евгения Давыдовна Войтинская. Находясь в эвакуации с маленьким ребенком, она находила возможность регулярно направлять в Казань мужу денежные переводы, которые и позволяли ему выживать. По официальным данным, 24 января 1943 г. Иосиф Савельевич умер в результате общего атеросклероза сосудов. Есть основания считать, что он просто умер от голода и, по сути, отсутствия лечения. Только 29 февраля 1956 г. благодаря постоянным запросам вдовы Е. Д. Войтинской он был реабилитирован, а уголовное дело в отношении его прекращено за отсутствием состава преступления.

Необходимо сказать несколько слов о семье И. С. Войтинского. Его отец, вслед за своими сыновьями, в преклонных годах вступил в партию меньшевиков и даже стал членом Совета г. Териоки, где находилась его дача. Но после захвата города белыми в 1918 г. он подвергся преследованиям и вскоре умер. Относительно успешно сложилась судьба старшего брата Иосифа Савельевича – Николая. Он стал известным инженером, доктором технических наук, профессором. В годы первых пятилеток он тесно сотрудничал с С. Орджоникидзе и даже получил от него ценный подарок – автомобиль. Впрочем, он всю жизнь не афишировал сведений о младших братьях. Умер Николай в 1954 г. Наибольшую известность получил младший брат *Владимир Савельевич Войтинский* (1885–1960), который, как уже указывалось, был одним из лидеров меньшевиков, затем стал политическим эмигрантом. В США он стал известным специалистом по социальному законодательству и советником пре-

зидента Ф. Д. Рузвельта, в том числе по проблемам социальной составляющей «Нового курса». Отметим, что проблемами трудового права он занимался еще в юности под влиянием старшего брата¹⁰⁷¹. Под руководством В. С. Войтинского как представителя Правительства США проводилась реформа социальной сферы Японии после ее поражения во Второй мировой войне.

Сестра Надежда еще до революции была достаточно известным художником и иллюстрировала, в том числе, сборники стихов Николая Гумилева. После революции она стала детским писателем, переводила немецкую и английскую литературу, в том числе популярные романы А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. Работала она также преподавателем иностранных языков в вузах. В 1937 г. она была арестована, но признательных показаний не дала, и в период, когда Л. Берия сменил на посту главы НКВД Н. Ежова, ее выпустили из заключения.

И. С. Войтинский был человеком большого темперамента, увлекающимся. Замечательный рассказчик и внимательный слушатель, эрудит и любитель искусства, он нравился женщинам и платил им взаимностью. Первый раз он женился, вероятно, еще в досоветский период. Об этом мы знаем крайне мало, но уже после переезда в Москву он женился на А. Я. Шапиро-Войтинской, светской красавице и любительницы театра. Его последняя жена Евгения Давыдовна Войтинская стала и последней, поздней любовью ученого. Супруга была намного моложе своего избранника, но она смогла создать домашний уют и душевную атмосферу, которых так не хватало в последние годы жизни нашего героя. Если воспользоваться сюжетом М. А. Булгакова, Мастер обрел свою Маргариту. Но даже булгаковский Мастер не заслужил света, а заслужил только покой. Однако И. С. Войтинский не получил и покоя. Евгения Давыдовна была последней ниточкой, которая связывала ученого с надеждой на лучшее до последнего дня его жизни.

Он имел двух сыновей. Его старший внебрачный сын Владимир взял фамилию матери, а затем и сменил отчество, став Владимиром Осиповичем Богомолец (Богомоловым) (1926–2003). Он известен как автор рассказов о Великой Отечественной войне, в том

---

¹⁰⁷¹ См.: Войтинский В. С. Безработица и локауты. СПб., 1914; Его же. Заработная плата. СПб., 1910; Его же. Правосудие для бесправных // Право. 1915. № 22. С. 3303–3311 и др.

числе рассказа «Иван», по которому А. Тарковский снял фильм «Иваново детство». Большинство читателей знакомы с остросюжетным романом о советской военной контрразведке «В августе сорок четвертого» (другое название «Момент истины»), по которому был снят одноименный фильм. Надо сказать, что И. С. Войтинский принимал некоторое участие в воспитании своего сына, он был вхож в его новую семью. Второй сын ученого Валентин Иосифович Войтинский родился в июле 1937 г., впоследствии он окончил МГУ и аспирантуру данного университета, стал кандидатом физико-математических наук, доцентом. Он долгие годы работал в НИИ системы Академии наук СССР, ныне является преподавателем вузов. Научное наследие И. С. Войтинского включает более 100 публикаций. Далее мы рассмотрим основные направления его научных исследований.

О назначении трудового права. В советский период в начале 20-х гг. XX в. аксиомой считалось утверждение о том, что главным назначением трудового права является охрана труда граждан¹⁰⁷². Наиболее последовательно эту позицию сформулировал И. С. Войтинский: «Советское трудовое право дает трудящимся максимум экономически возможных правовых гарантий, которые односторонне определяются советской властью как органом пролетарской диктатуры... Иначе говоря, максимум возможных общих гарантий становится общеобязательным для нанимателя минимумом гарантий»¹⁰⁷³. Аналогичную точку зрения поддерживали и другие советские ученые-трудовики того периода¹⁰⁷⁴. Несколько иную позицию занимали К. М. Варшавский и П. Д. Каминская. Первый из них, опираясь на анализ КЗоТ 1922 г., отмечал его компромиссный характер. Он утверждал, что КЗоТ «при столкновении интересов нанимателя и трудящегося старается найти некую равнодействующую, а не становится исключительно на защиту трудящихся, стремится к средней линии»¹⁰⁷⁵. П. Д. Каминская, ссылаясь на труды немецких ученых Г. Зинцгеймера и Р. Зейделя, определяла

---

¹⁰⁷² См.: Теттенборн З. Р. Советское законодательство о труде. М., 1920. С. 102.

¹⁰⁷³ Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 67–68.

¹⁰⁷⁴ См.: Семенова А. Е. Очерки трудового права. Харьков, 1925. С. 8–11.

¹⁰⁷⁵ Варшавский К. М. Трудовое право СССР. Л., 1924. С. 22.

трудовое законодательство капиталистических стран как компромисс интересов труда и капитала¹⁰⁷⁶. Такая позиция резко расходилась с уже укреплявшейся тогда официальной советской идеологией классовой борьбы в странах Запада. И. С. Войтинский первым в советской науке трудового права определил двуединое назначение отрасли и прямо заявил о «социально-хозяйственном назначении трудового права»¹⁰⁷⁷. Отметим, что даже вполне прогрессивная редакция журнала «Вопросы труда» во главе с А. М. Стопани заявила о неприемлемости данного термина¹⁰⁷⁸.

О предмете трудового права. Первое в советской науке определение предмета трудового права дал К. М. Варшавский, акцентировавший внимание на правовом регулировании исключительно наемного труда и ставивший знак равенства между трудовым договором и договором личного найма¹⁰⁷⁹. Более развернутое и емкое по содержанию определение сформулировал И. С. Войтинский: «Предметом трудового права является правовая организация несамостоятельного труда или иначе говоря, правовое регулирование трудового отношения»¹⁰⁸⁰. Он отмечал, что понятие трудового права значительно шире, чем понятие рабочего права. Последнее и означает правовую организацию наемного труда. Несамостоятельный труд противопоставлялся им труду самостоятельному (предпринимательскому), при котором работник был собственником средств производства и организовывал свой труд. Далее И. С. Войтинский писал: «Если история рабочего права есть история правовой организации наемного труда, то история трудового права охватывает также правовую организацию рабского и крепостного труда»¹⁰⁸¹. Таким образом, И. С. Войтинский понимал несамостоятельный труд достаточно широко, включая в него не только наемный труд лично свободных людей, но и труд рабов, а также феодально зависимых крестьян. Он констатировал несамостоятельный характер труда и при социализме, однако при иной социальной при-

---

¹⁰⁷⁶ См.: Каминская П. Д. Очерки трудового права. М., 1927. С. 5.

¹⁰⁷⁷ См.: Войтинский И. С. Трудовой договор по Кодексу законов о труде // Вопросы труда. 1923. № 9. С. 32.

¹⁰⁷⁸ См.: Там же. С. 32 (прим).

¹⁰⁷⁹ См.: Варшавский К. М. Трудовое право СССР. Л., 1924. С. 9–10.

¹⁰⁸⁰ Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 11–12.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 12.

роде этой несамостоятельности. Если при капитализме работнику противостоит собственник средств производства, то при социализме – государственно-организованный рабочий класс, т. е. в конечном итоге социалистическое государство как собственник средств производства. Это, естественно, меняет характер труда, делая его социалистическим, но во всех случаях он остается несамостоятельным. И. С. Войтинский, как и его учитель Л. С. Таль, особо подчеркивал, что объектами современного им трудового права был именно наемный несамостоятельный труд, когда работник не являлся собственником средств производства, не организовывал свой труд и самостоятельно не распоряжался его результатами. Кроме того, работник подчинялся работодательской власти и именно в силу всего вышеназванного, был несамостоятельным.

В советской науке трудового права 20-х гг. XX в. концепция несамостоятельного труда была ведущей и ее, наряду с И. С. Войтинским, разделяли В. М. Догадов, А. Е. Семенова, А. Ф. Лях и др. В начале 1930-х гг. под влиянием идеологического диктата в русле «общенародной собственности» на средства производства в своих работах И. С. Войтинский признал несостоятельность данной концепции и, по сути, заявил о самостоятельном характере труда при социализме¹⁰⁸². Л. Я. Гинцбург, арестованный в этот период, так написал об этом: «После 1937 г. эти мысли И. С. Войтинского уже никто не оспаривал»¹⁰⁸³.

О соотношении трудового права и права социального обеспечения. Отметим, что еще в начале XX в. некоторые ученые уже разделяли трудовое (фабричное) право в узком смысле и проблемы социального обеспечения. Так, Л. С. Таль занимался только первым из них. В первые годы советской власти эти предметы разделились даже структурно. Например, в начале 20-х гг. XX в. на правовом отделении факультета общественных наук МГУ читались отдельные курсы «Трудовое право» (И. С. Войтинский) и «Социальное страхование» (З. Р. Теттенборн)¹⁰⁸⁴. Со-

---

¹⁰⁸² См.: Войтинский И. С. Против извращений в теоретической работе по советскому трудовому праву // Проблемы социалистического права. 1937. № 1. С. 65–67.

¹⁰⁸³ Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 174.

¹⁰⁸⁴ См.: Академическая хроника // Право и жизнь. 1922. № 3. С. 88.

ветскую концепцию соотношения трудового права и права социального обеспечения сформулировал И. С. Войтинский: «Специальной отраслью трудового права является социальное страхование и социальное обеспечение»¹⁰⁸⁵. В первом учебнике по трудовому праву этого автора даже отсутствовал раздел по социальному страхованию¹⁰⁸⁶, но затем и в учебной, и в научной литературе, в том числе в работах И. С. Войтинского, проблемы трудового права и права социального обеспечения стали рассматриваться, как правило, совместно.

О принципах трудового права. Российскими учеными уже в начале XX в. были выделены следующие особенности, имеющие прямое отношение к характеру правового регулирования трудовых отношений. Во-первых, это – равенство сторон трудового договора, но при подчинении работников хозяйской (работодательской) власти и правилам внутреннего трудового распорядка¹⁰⁸⁷. Во-вторых, совмещение индивидуально-договорного, коллективно-договорного и законодательного регулирования трудовых отношений¹⁰⁸⁸. В-третьих, договорный характер возникновения трудовых отношений при возможности их одностороннего изменения или прекращения в установленном законом порядке¹⁰⁸⁹. И, в-четвертых, сочетание третейского, арбитражного и судебного разрешения трудовых споров, возможность самозащиты прав рабочих посредством забастовки¹⁰⁹⁰.

Относительно самостоятельное осмысление феномена отраслевых принципов не могло быть осуществлено без институционализации самого трудового права, происшедшей уже в советский период. Первенство в этом плане, как и при создании всей догмати-

---

¹⁰⁸⁵ Войтинский И. С. Понятие трудового права // Вопросы труда. 1923. № 7–8. С. 51.

¹⁰⁸⁶ Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925.

¹⁰⁸⁷ См.: Войтинский И. С. Новые течения в гражданском законодательстве о найме труда // Вопросы обществоведения. 1908. Т. 1. С. 5–11 и др.

¹⁰⁸⁸ См.: Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (тарифный договор). М., 1917. С. 6–14 и др.

¹⁰⁸⁹ См.: Войтинский И. С. Стачка и трудовой договор по русскому праву. СПб., 1911. С. 30–37 и др.

¹⁰⁹⁰ См.: Войтинский И. С. Примирительные камеры в России. М., 1917. С. 5–18; Исаев А. А. Забастовка. СПб., 1906. С. 19–20 и др.

ки советского трудового права, принадлежало И. С. Войтинскому. Именно он изложил принципы советского трудового права, именуемые также основными чертами советского трудового права¹⁰⁹¹. Его приоритет в этом качестве был общепризнанным¹⁰⁹². И. С. Войтинский выделил четыре основных признака (принципа) советского трудового права.

1. Единство советского трудового права в отличие от буржуазного дробного права отдельных производств и профессий. Это предполагало равенство прав и обязанностей всех работников, распространение норм трудового права на всех лиц, заключивших трудовой договор. Это не исключало дифференциацию по половому, географическому, возрастному и другим признакам.

2. Устойчивость трудовых отношений, которая выражалась в том, что работодатель по своей инициативе мог расторгнуть трудовой договор только по строго установленным в законодательстве основаниям. Трудовой договор, по общему правилу, заключался на неопределенный срок, а его срочный характер также требовал законного основания. Гипертрофированная трактовка этого принципа привела к тому, что в конце 30-х гг. XX в. за самовольный уход с работы была введена уголовная ответственность, а борьба с «летунами» (лицами, часто меняющими место работы) стала не последней задачей советского трудового права. Сам И. С. Войтинский таких крайностей не предвидел.

3. Закономерность условий трудового договора, что предполагало толкование всех спорных положений в пользу работника, т. е. приоритет интересов работника. Это относилось к случаям, когда договоры заключались как гражданско-правовые, но по своему содержанию являлись трудовыми. К таким договорам должно было применяться трудовое законодательство¹⁰⁹³.

4. Определенность условий найма. Этот принцип означал, что условия найма не должны ухудшать положение работника по сравнению с условиями, предусмотренными трудовым законодатель-

---

¹⁰⁹¹ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 62–120.

¹⁰⁹² См.: Хлебников Д. Н. К догматике советского трудового права // Вопросы труда. 1925. № 11. С. 71–82.

¹⁰⁹³ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. М.; Л., 1925. С. 127.

ством. Если какое-либо из условий трудового договора не определено, то оно должно определяться исходя из норм действующего законодательства. Так, если не определено условие об оплате труда, то оплата производится не из минимального, а из среднего заработка, и не только за проделанную работу, но и за будущую. Здесь еще раз подчеркнут приоритет интересов работников и толкование спорных положений в их пользу¹⁰⁹⁴.

И. С. Войтинским был намечен перспективный подход к принципам трудового права, которые не сводились к основным правам и обязанностям сторон трудового договора. Как нам представляется, необходимо разграничивать принципы и нормы права. Принципы первичны по содержанию, но вторичны по форме относительно правовых норм. Первичность определяется тем, что нормы принимаются на основе принципов и должны им соответствовать. Вторичность означает, что принципы должны прямо закрепляться в нормах права (нормы-принципы) или выводиться из содержания норм. Здесь нельзя усмотреть «порочного круга», т. к. механизм их взаимодействия на уровне отрасли «запускался» общеправовыми и межотраслевыми принципами, закрепленными в нормативном акте большей юридической силы, начиная с Конституции.

Впоследствии И. С. Войтинский скорректировал свою позицию, впервые высказав суждение об основных трудовых правах и обязанностях граждан как принципах советского трудового права. Одновременно он поставил знак равенства между основными правами и обязанностями граждан и принципами социалистической организации труда¹⁰⁹⁵. Эту концепцию в дальнейшем наиболее активно развивал Н. Г. Александров¹⁰⁹⁶. В завершенном виде

---

¹⁰⁹⁴ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. С. 67–69.

¹⁰⁹⁵ См.: Войтинский И. С. Против извращений в теоретической работе по советскому трудовому праву // Проблемы социалистического права: Сб. 1. М., 1937. С. 82. (Это утверждение было сформулировано в связи с принятием Конституции СССР 1936 г.).

¹⁰⁹⁶ См.: Александров Н. Г. Принципы советского трудового права – принципы подлинной свободы труда. М., 1949. С. 10–11; Советское трудовое право / Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1949. С. 31–33; Александров Н. Г., Пашерстник А. Е. Советское трудовое право. М., 1952. С. 38–39; Александров Н. Г. Социалистический принцип всеобщности труда // Социалистический труд. 1961. № 11. С. 53–61; Его же. Социали-

эту концепцию наиболее подробно изложил и исследовал действительно Н. Г. Александров, но впервые эту проблему поставил И. С. Войтинский, на приоритет которого справедливо указывал О. В. Смирнов¹⁰⁹⁷.

Об источниках трудового права. И. С. Войтинский понимал источники права достаточно широко. Он относил к ним как законодательство в широком смысле, так и акты внезаконодательного характера. К последним причислялись коллективные соглашения о труде и нормативные постановления примирительных камер и расчетно-конфликтных комиссий. В условиях формирующегося трудового законодательства это было вполне обосновано. Вступление в силу коллективных договоров было связано с их регистрацией в Народном комиссариате труда (НКТ СССР). Прямое правотворчество профсоюзов в годы гражданской войны И. С. Войтинский считал следствием их огосударствления¹⁰⁹⁸.

В этой связи утверждение ряда современных авторов о том, что начиная с 1917 г. право понималось только как система норм, издаваемых органами государственной власти и управления, явно преувеличено¹⁰⁹⁹. Такое положение было свойственно правовой практике в годы гражданской войны и окончательно возобладало только в конце 20-х гг. XX в. Как уже указывалось, И. С. Войтинский выделял в качестве источников права не только нормативные правовые акты, но и нормативные решения органов «трудовой юстиции», а также коллективные договоры и соглашения.

О трудовом договоре и трудовом правоотношении. КЗоТ 1922 г. дал легальное определение трудового договора как «соглашение двух и более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) представляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) за вознаграждение» (ч. 1 ст. 27). Опираясь на это опреде-

---

стические принципы Основ законодательства СССР и Союзных республик о труде. М., 1970. С. 6–22 и др.

¹⁰⁹⁷ См.: Смирнов О. В. Основные принципы советского трудового права. М., 1977. С. 47.

¹⁰⁹⁸ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. С. 28–29.

¹⁰⁹⁹ См.: Курс российского трудового права: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 1996. С. 537. (Автор главы – А. В. Гребенщиков.)

ление, И. С. Войтинский обосновал следующие признаки трудового договора: 1) несамостоятельный характер труда, представляемого в распоряжении нанимателя; 2) представление рабочей силы, а не выполнение определенной работы; 3) оплата за труд не менее установленного минимума; 4) определенность трудовой функции с обеспечением соответствующих условий труда; 5) условия договора не могут ухудшать положение работника по сравнению с нормами КЗоТ, коллективного договора и правил внутреннего трудового распорядка; 6) определенность и закономерность (законность) условий трудового договора¹¹⁰⁰. К середине 20-х гг. XX в. практически общепризнанным стало утверждение, что «...общие начала обязательственного права, рассчитанные на товарно-имущественный оборот, не могут иметь применение к трудовому договору без некоторых изменений и отступлений, т. к. мы имеем дело не с имуществом, а с личностью человека, которая стоит вне гражданского оборота и должна быть защищена в своих неотъемлемых правах»¹¹⁰¹.

Постепенно акцент в отечественных исследованиях стал смещаться в сторону общественных отношений, регулируемых нормами трудового права. Уже в 1925 г. И. С. Войтинский отмечал: «Трудовое отношение является центральным понятием в области трудового права»¹¹⁰². Он первым ввел в теорию советского трудового права понятие «трудовое правоотношение», доказав его нетождественность понятию «трудовой договор». О важности трудовых правоотношений писал В. М. Догадов¹¹⁰³. Эти авторы разделяли трудовой договор как основание возникновения трудового правоотношения и собственно трудовое правоотношение, акцентируя внимание на последнем.

Российские ученые, начиная с Л. С. Таля, связывали возникновение трудовых отношений с наемным трудом, имманентно присущим капиталистическому способу производства. И. С. Войтинский констатировал существование трудовых правоотноше-

---

¹¹⁰⁰ См.: Войтинский И. С. Трудовой договор по Кодексу законов о труде // Вопросы труда. 1923. № 9. С. 27–44; Его же. Сфера действия Кодекса законов о труде // Вопросы труда. 1923. № 12. С. 11–23 и др.

¹¹⁰¹ Канторович Я. А. Коллективный договор. Л., 1924. С. 184.

¹¹⁰² Войтинский И. С. Трудовое право СССР. С. 14.

¹¹⁰³ См.: Догадов В. М. Очерки трудового права. Л., 1927. С. 5.

ний уже при рабовладельческом строе. С оговорками этой позиции придерживался и Н. Г. Александров¹¹⁰⁴.

О коллективном договоре. Войтинский писал о решении проблемы недействительности условий индивидуальных рабочих договоров, если они ухудшают положение работника по сравнению с условиями коллективного договора; о необходимости признания юридической силы за соглашениями между рабочими и предпринимателями о передаче третейскому суду споров по поводу тарифных договоров. Это была одна из первых тем, разрабатываемых ученым¹¹⁰⁵. И. С. Войтинский констатировал, что коллективный договор устанавливает минимум прав, гарантированный рабочему. При этом сущности коллективного договора не противоречит предоставление рабочим больше того, что им установлено коллективным договором. Иными словами, предприниматель вправе улучшать положение работника по сравнению с условиями коллективного договора, но не вправе их в этом сравнении ухудшать. Особо И. С. Войтинский подчеркивал, что в качестве условия эффективной коллективно-договорной практики необходимо развитие профессиональных организаций рабочих, а также профессиональных организаций предпринимателей¹¹⁰⁶. Последнее положение о профессиональных организациях предпринимателей (работодателей) как социальных партнерах приобрело сегодня в России особое звучание и значимость. И. С. Войтинский предлагал в законодательном порядке определить, что в тарифном договоре профессиональные союзы предпринимателей могут участвовать независимо от их легализации, а от имени сторон коллективного договора его вправе заключать как постоянные, так и временные организации рабочих и предпринимателей¹¹⁰⁷. В той или иной мере отражение этих положений мы находим в современных российских законах о профсоюзах, коллективных договорах и соглашениях.

---

¹¹⁰⁴ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 14–20.

¹¹⁰⁵ См.: Войтинский И. С. Основные вопросы юридического учения о тарифном рабочем договоре // Вопросы обществоведения. 1910. Т. 2. С. 44–73.

¹¹⁰⁶ См.: Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (Тарифный договор). М., 1917. С. 14–16.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 16.

Не осталась без внимания в трудах И. С. Войтинского проблема классификации коллективных договоров в зависимости от сферы их действия на фирменные, местные, национальные в пределах той или иной отрасли. Если Л. С. Таль концентрировал свое внимание на договорной природе коллективного соглашения, то И. С. Войтинский больше склонялся к французской концепции придания коллективному соглашению обязательного (нормативного) характера для его сторон.

После Февральской революции 1917 г. проблема коллективного договора из области теории переместилась в область практики. Только летом 1917 г. в одном Петрограде было заключено около 20 коллективных договоров. Специальная комиссия Министерства труда Временного правительства, в работе которой принимал участие И. С. Войтинский, подготовила законопроект о коллективном договоре. Он предполагал правовую регламентацию процедуры его подготовки и подписания, обязательный характер его условий для сторон. Но в нем были и явные «передержки». Например, к коллективным договорам приравнивались даже договоры подряда и поставки, заключенные между казенными учреждениями или органами местного самоуправления, в которых определялись, в том числе, условия труда¹¹⁰⁸. Ни до, ни после этого мировая практика не знала подобных попыток.

И. С. Войтинский внес наибольший вклад в теоретическую разработку советского учения о коллективном договоре. Многие обоснованные или подтвержденные им положения актуальны и на сегодняшний день. Наиболее важными из них являются следующие.

1. Коллективный договор устанавливает трудовые нормы, но при этом происходит расчленение субъекта коллективного договора на коллектив (группу или профсоюз) и индивида (отдельного рабочего). Коллективный договор создает определенную форму договорных отношений, но его юридические последствия падают не на то лицо (групповое или юридическое), которое является контрагентом договора, а на отдельных лиц, круг которых не определен и которые вовсе не вступают в юридические отношения с работодателем именно по этому договору. Вслед за Л. С. Талем он выступал против приравнивания коллективного договора к особо-

---

¹¹⁰⁸ См.: Канторович Я. А. Указ. соч. С. 174–175.

му виду рабочего договора из-за различий в субъектном составе, не считал его предварительным соглашением о заключении в будущем рабочего договора, который мог быть и не заключен. Он не квалифицировал коллективный договор как мировую сделку, т. к. не создавалось новых условий, не видел здесь мандата или доверенности, т. к. профсоюз был самостоятельным субъектом, отрицал наличие договора в пользу третьих лиц, т. к. права работников вытекали именно из индивидуального, а не коллективного договора. Таким образом, И. С. Войтинский допускал в качестве субъектов коллективно-договорных отношений и союз и членов союза работников, потому что это вытекало из намерений и воли договаривающихся сторон. И. С. Войтинский развил и углубил учение Л. С. Таля о публично-правовом представительстве при заключении коллективного договора. Он отстаивал идею «делегированного нормотворчества», возникновение юридической силы названных актов связывалось с уведомительной регистрацией в органах НКТ. По мнению И. С. Войтинского, такая регистрация не только имела информационный характер, но нужна была для контроля за его содержанием и исполнением. Это положение представляется нам вполне плодотворным, применимым, соответствующим идее социального партнерства и социальной автономии в сочетании с публично-правовой природой коллективного договора.

2. Коллективный договор не заключает в себе определенных самостоятельных обязательств, а является лишь предварительным соглашением, определяющим содержание тех договоров, которые могут быть в будущем заключены с отдельным работником. При этом коллективный договор без последующего заключения индивидуального договора остается только протоколом без фактического применения. Коллективный договор устанавливает минимальные права работников, и отступление от его условий в пользу работников допускается. Ухудшение условий труда в индивидуальном трудовом договоре по сравнению с коллективным договором может быть оспорено в суде, а ухудшение условий самого коллективного договора по сравнению с действующим трудовым законодательством не допускается. Принципиальную важность имело утверждение И. С. Войтинского о том, что работодателю нецелесообразно навязывать заключение коллективного договора в его согласованной части, ибо это будет совсем другой договор. По этой проблеме

он дискутировал с Е. Н. Даниловой, которая доказывала обязательность для работодателя исполнения согласованных условий коллективного договора, но в отношении преимущественно организаций частного сектора¹¹⁰⁹. Уже здесь правовая сторона проблемы начинает подменяться политической целесообразностью.

3. Коллективный договор ставит будущие индивидуальные договоры вне воли сторон, т. е. уничтожает принцип договорной свободы. Это не согласуется с общими нормами гражданского права, где договорная свобода может быть ограничена только велением закона. При этом санкции за неисполнение условий коллективного договора не могут быть выведены из его юридической природы, основываются не на общих положениях права, а на фактическом положении вещей в виде угрозы стачек и локаутов. В СССР исполнение условий коллективного договора стало обязательно посредством веления публичной власти, а за неисполнение его условий представителем работодателя была предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

И. С. Войтинский считал: условия коллективного договора, которые включались в индивидуальный договор, в случае их неисполнения работодателем порождали споры о праве и разрешались в процессе индивидуального трудового спора (спора о праве). Условия коллективного договора, касающиеся экономической и процедурной стороны, порождали споры об интересе и разрешались в процессе коллективного трудового спора (спора об интересе).

И. С. Войтинский подчеркивал, что незарегистрированный коллективный договор имеет силу только одностороннего обещания, т. к. регистрация придает ему статус источника права. В этой связи его позиция выглядит более обоснованной, чем А. Ф. Ляха и ряда других ученых, которые в тот период отстаивали двусторонний характер любого коллективного договора¹¹¹⁰.

Мировая практика знала в то время три вида коллективных договоров: фирменные, заключаемые между одним предпринимателем и его рабочими (это собственно коллективный договор в современной терминологии); местные (локальные), заключа-

---

¹¹⁰⁹ См.: Вопросы труда. 1923. № 1. С. 13.

¹¹¹⁰ См.: Войтинский И. С. Трудовое право СССР. С. 116–187; Его же. Основные вопросы коллективного договора по Кодексу законов о труде // Вопросы труда. 1923. № 5–6. С. 30–39 и др.

емые рабочими организациями одной отрасли в одной местности с соответствующими объединениями предпринимателей; генеральные (национальные), заключаемые между рабочими организациями отдельной отрасли промышленности в целом по стране. Фирменные договоры являлись первой ступенью в развитии коллективно-договорной практики. Местные (локальные) коллективные договоры получили наибольшее распространение в Германии, Австрии, Франции и Бельгии. Генеральные (национальные) олицетворяли высшую ступень развития коллективно-договорной практики и получили распространение прежде всего в Англии и США. Изучение зарубежного опыта позволило И. С. Войтинскому сделать следующий вывод: «На смену либеральной доктрине свободы договора личного найма и применения к договору о труде общих начал обязательственного права приходит тенденция новейшей социальной политики, признающей необходимость сочетания в области отношений трудового договора норм публичного и частного права... В области частноправовой нормировки коллективных и индивидуальных договоров... обнаруживаются публично-правовые элементы: неотъемлемость коллективного договора последующими индивидуальными договорами, нормативные функции коллективного договора, распространяющегося на неопределенный круг лиц, и другие признаки, являющиеся отступлением от общедоговорных гражданско-правовых принципов»¹¹¹¹.

О трудовых спорах. Коллективные трудовые споры как социальное явление и институт трудового права были генетически связаны с коллективным договором. Как указывал И. С. Войтинский, коллективный договор рождается как результат соглашения (примирительное разбирательство) и проводится в жизнь методом соглашения и арбитража (примирительное и третейское разбирательство)¹¹¹². Коллективные трудовые споры относятся к числу экономических споров (неисковых или споров об интересе). Они касаются условий ведения коллективных переговоров, порядка разработки проекта, подписания и внесения изменений

---

¹¹¹¹ Войтинский И. С. Трудовое право СССР. С. 84–85, 187.

¹¹¹² См.: Войтинский И. С. Основные вопросы соглашения и арбитража. Примирительное и третейское разбирательство в капиталистических странах. М., 1926. С. 24.

в коллективный договор и др. Индивидуальные трудовые споры, как правило, являются спорами о праве и касаются применения уже установленных условий труда.

В дореволюционной России отсутствовала нормативная база для примирительно-третейского разбирательства, в связи с чем стачки стали одной из основных форм разрешения трудовых споров. Неслучайно отечественные ученые в начале XX в. достаточно редко обращались к изучению примирительно-посреднической практики¹¹¹³ в противовес большому объему как российской, так и переводной литературы, посвященной забастовкам¹¹¹⁴. Неоднозначно трактовались правовые последствия стачки. Французская «теория расторжения», принятая практикой французского кассационного суда и обоснованная ученым-трудо­виком М. Капитаном, основывалась на том, что сам факт участия в стачке служит основанием расторжения договора найма на неопределенный срок, причем по инициативе работника. Первые российские ученые-трудо­вики, И. С. Войтинский были сторонниками «теории приостановления», воспринятой и дореволюционной судебной практикой. И. С. Войтинский сформулировал два вывода. Во-первых, стачечник может быть уволен работодателем только по истечении двух недель неявки на работу, т. к. прекращение трудового договора по инициативе работника возможно не ранее двух недель после предупреждения об этом другой стороны. К тому же целью стачки является не расторжение договора, а достижение лучших условий труда. Во-вторых, рабочий, не участвующий в стачке, вообще не может быть уволен по причине стачки. Более того, за это время ему должна быть выплачена заработная пла-

---

¹¹¹³ См.: Миклашевский А. Н. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. Юрьев, 1907; Полянский Н. Н. Право забастовок и обязательный арбитраж // Право. 1906. № 5. С. 404–412 и др.

¹¹¹⁴ См.: Адлер В. Массовая стачка. СПб., 1906; Громан В. В. Материалы к вопросу о мерах по борьбе с забастовками. М., 1914; Кулишер И. М. Рабочие союзы, стачки и германский проект наказуемости стачек // Вестник права. 1899. № 10; Миклашевский А. Н. Стачки и социальный вопрос. СПб., 1905; Скаржинский Л. Б. Забастовки и рабочие сотоварищества. СПб., 1905; Янжул И. И. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб., 1906 и др.

та, исходя из общих положений о праве рабочего на заработную плату при случайной невозможности производства работ¹¹¹⁵.

Ситуация в России круто изменилась после Февральской революции 1917 г. Уже 10 марта 1917 г. состоялось соглашение между Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов об учреждении, с одной стороны, заводских (местных) примирительных камер, устав которых был принят 22 апреля, и, с другой стороны, одной Центральной примирительной камерой для всех профсоюзов Петрограда, устав которой принимается 31 марта 1917 г.¹¹¹⁶ Они формировались на паритетных началах рабочими и предпринимателями. Решение заводских камер могло быть обжаловано в Центральную камеру, решение которой было обязательно для спорящих сторон. И. С. Войтинский считал это временным явлением, а в будущем предлагал создать примирительные камеры при рабочих и предпринимательских союзах определенных профессий. Решение таких камер должно было опираться на авторитет этих союзов¹¹¹⁷. Временное правительство подготовило законопроект о примирительных учреждениях, согласно которому примирительно-посреднические процедуры объявлялись добровольными и обращение в них осуществлялось соглашением сторон. Законопроект по своему содержанию был близок к однородным законам Германии и Франции¹¹¹⁸. В августе 1917 г. Временное правительство утвердило Положение о примирительных камерах и третейских судах, создаваемых для разрешения трудовых споров. Примирительные камеры формировались на паритетных началах из представителей от рабочих и предпринимателей. Они учреждались по территориальному принципу или в отраслях промышленности. Если примирительная камера не могла

---

¹¹¹⁵ См.: Войтинский И. С. Стачка и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911. С. 7–8, 37, 65.

¹¹¹⁶ См.: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 209–210; Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С. 289–291.

¹¹¹⁷ Войтинский И. С. Примирительные камеры в России. М., 1917. С. 5–12.

¹¹¹⁸ Там же. С. 17 и далее.

разрешить спор, то дело передавалось в третейский суд, создаваемый также на паритетных началах.

Проект закона Временного правительства о стачках отличался большим радикализмом. Он легализовал политические стачки, исключал имущественную ответственность их организаторов и участников. Даже за сообщение данных об участии работника в забастовке другому предпринимателю предусматривалась ответственность в виде ареста до 3-х месяцев. Такая же мера ответственности была установлена за препятствование забастовкам¹¹¹⁹. Этот проект предоставлял российским рабочим право на забастовку в большем объеме, чем это было закреплено в законодательстве других европейских стран¹¹²⁰.

Оценку первым актам, регулирующим разрешение трудовых споров и подготовленного Временным правительством законопроекта о примирительных учреждениях, дал И. С. Войтинский. Характеризуя проект закона, он отмечал, что последний основан на принципе добровольного арбитража. Однако в России в условиях хозяйственной разрухи, вызванной мировой войной, по его мнению, разрешение конфликтов рабочих и предпринимателей должно осуществляться посредством учреждения государством обязательных третейских судов. И вообще, в исключительных условиях мировой войны не обойтись без усиления государственного регулирования условий труда¹¹²¹. Эти выводы И. С. Войтинского о соотношении методов централизованного правового регулирования и социально-партнерского регулирования трудовых отношений в зависимости от социально-экономических условий развития страны также заслуживают внимания и в настоящее время.

Революционные события поставили на повестку дня изучение проблемы трудовых споров. Наиболее существенный вклад в исследование этой проблемы, как уже указывалось, внес И. С. Войтинский, который начал свои исследования по вопро-

---

¹¹¹⁹ Проект Временного правительства Закона о стачках рабочих // Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 208–209.

¹¹²⁰ См.: Киселев И. Я. Трудовое право России: Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 79.

¹¹²¹ См.: Войтинский И. С. Примирительные камеры в России. М., 1917. С. 30–32.

сам примирительно-третейского разбирательства трудовых споров еще до 1917 г. и продолжил в советское время. Ему принадлежат первые в России сравнительно-правовые исследования по этой проблеме¹¹²².

Уже в своих ранних работах И. С. Войтинский обосновывал обязательность для сторон порядка разрешения трудовых споров, если он установлен самими сторонами. При этом наличие третейского суда не препятствовало тому, чтобы в коллективном договоре были предусмотрены какие-либо другие учреждения для рассмотрения трудовых споров. Он предлагал признать юридическую силу за соглашением сторон о передаче третейскому суду споров, могущих возникнуть по поводу тарифного договора¹¹²³. При добровольном арбитраже его решения должны быть обязательны для сторон только в том случае, если они это сами предусмотрели.

Он писал о том, что «примирительное и третейское разбирательство между рабочими и предпринимателями имеет своим предметом не только конфликты, но и вообще регулирование условий труда, пример тому деятельность комиссий по заработной плате в Австрии, промысловых бюро в Англии»¹¹²⁴.

И. С. Войтинским была дана классификация трудовых споров: споры, охраняемые правом, и споры, не охраняемые правом. По современной терминологии речь идет о спорах по поводу применения законодательства (спор о праве) и спорах по поводу установления новых условий труда (спор об интересе). Был сделан важнейший вывод о том, что предметом примирительно-третейского разбирательства может быть всякий трудовой спор, в то время как судебному рассмотрению должны подлежать только споры, охраняемые правом. В основе примирительно-третейского разбирательства, по теории И. С. Войтинского, лежат два основных принципа: принцип соглашения и принцип арбитража. На принципе соглашения строится примирительное разбиратель-

---

¹¹²² См.: Войтинский И. С. Промышленные споры и государственный третейский суд. М., 1917; Его же. Примирительное и третейское разбирательство. Трудовые споры и регулирование труда на Западе. М., 1923.

¹¹²³ См.: Войтинский И. С. Коллективные соглашения об условиях труда (Тарифный договор). М., 1917. С. 14–16.

¹¹²⁴ Войтинский И. С. Основные вопросы соглашения и арбитража. М., 1926. С. 24–29.

ство. Оно проявляется в двух организационных формах: непосредственное соглашение сторон и паритетные комиссии. Принцип арбитража лежит в основе третейского разбирательства. В отличие от принципа соглашения он равняется не на соотношение сил спорящих сторон, а полагается на ту или иную третью силу, представленную в лице третейского судьи. При этом выделялись две формы трудового арбитража: добровольный и принудительный. И. С. Войтинский разделил все виды примирительно-арбитражных процедур на три вида: 1) без участия государственной власти, 2) государственное посредничество, т. е. содействие организации примирительно-третейского разбирательства при сохранении его добровольности, 3) государственное принуждение. Последнее могло выражаться: в обязательности передачи спора на разрешение примирительно-третейских учреждений; в обязательности участвовать в нем под угрозой штрафа за уклонение; в принудительной силе примирительных постановлений и третейских решений, например через запрет локаута под угрозой уголовного преследования или гражданско-правовой ответственности, а также через признание стачки незаконной; в воздержании сторон от изменения условий труда, проведения забастовок и локаутов во время примирительно-третейского разбирательства. И. С. Войтинский выделил три стадии примирительно-посреднического разбирательства: обращение к разбирательству, расследование предмета спора, вынесение примирительного постановления или третейского решения. Он утверждал, что трудовые споры об интересе могут разбирать и трудовые суды, но целесообразнее их рассматривать в примирительных камерах¹¹²⁵.

Как видим, перед нами целостная теоретическая концепция разбирательства трудовых споров, которая во многом отражала закономерности развития социально-трудовых отношений, поэтому в значительной своей части сохранила значение по сей день и в теории, и в практике трудового права.

И. С. Войтинский законность средств забастовки связывал с легализацией способов (форм) ее проведения. Забастовка ведет не к прекращению трудовых отношений, а к коллективному их приостановлению. И. С. Войтинский, анализируя Устав промышлен-

---

¹¹²⁵ Войтинский И. С. Основные вопросы соглашения и арбитража. С. 10–18, 44–61 и далее.

ности, утверждал, что в России, в отличие от других европейских стран, в законодательстве нашла отражение не «теория расторжения трудового договора» в результате забастовки, а «теория его приостановления на период забастовки». Более того, автор заявлял, что работникам, не желающим участвовать в забастовке, но лишенным возможности работы в результате забастовки, в том числе и по причине локаута со стороны работодателя, следует гарантировать заработную плату за время непроизводства работ¹¹²⁶.

3.4. Прерванный полет: ярославская школа трудового права (Н. Н. Голубев, А. В. Горбунов, Б. В. Чредин, А. В. Венедиктов, А. М. Стопани и др.)

Как уже неоднократно упоминалось выше, конец XIX–XX вв. можно с полным основанием назвать «золотым веком» российской юридической науки. В ряду российских ученых-правоведов названного периода особое место занимают представители ярославской юридической школы. Это касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки¹¹²⁷. Но особое место среди них занимают ученые-специалисты в сфере трудового права. А. Н. Козырин вполне обоснованно отмечал: «Не будет преувеличением сказать, что в стенах Демидовского юридического лицея зародилась наука трудового права»¹¹²⁸.

Целью данного раздела является отражение жизненного и научного пути наиболее известных ученых-специалистов в сфере трудового права, творивших в стенах Демидовского юридического лицея. Будет затронута и деятельность ученых на правовом отделении факультета общественных наук (ФОН) Ярославского государственного университета (ЯрГУ) уже советского периода. Некоторые из ученых, о чьих жизни и творчестве говорится в этой главе, не являются учеными-трудовиками в

¹¹²⁶ См.: Войтинский И. С. Стачка и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911. С. 6–10, 40–42.

¹¹²⁷ См.: Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009.

¹¹²⁸ Козырин А. Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: очерки теории и политики. М., 2004. С. 13.

тесном смысле этого слова. Но их научная деятельность оказала влияние на возникновение и развитие отечественной науки трудового права. О некоторых из представителей ярославской школы трудового права мы уже писали в других разделах данной книги (Л. С. Таль, И. Я. Гурлянд, Н. Н. Полянский и др.).

Наше повествование стоит начать с *Николая Львовича Дювернуа* (1836–1906), первого профессора римского права лица в 1870–1874 гг. Этот выдающийся ученый-цивилист до сих пор недооценен в отечественной юридической науке. Между тем в дореволюционный период его научный авторитет был непререкаем¹¹²⁹. В нашу задачу не входит анализ его цивилистических работ. Николай Львович интересен нам как основатель ярославской школы гражданского права, заложивший основы ее фирменного стиля. Именно интерес к истории права, к социальной составляющей цивилистики позволил его ученикам и последователям выйти на проблемы правового регулирования наемного труда.

Развитие договорных отношений, связанных с наемным трудом, он не отождествлял с римским правом, которое допускало низведение человека до категории вещей. Он подчеркивал большое значение в период феодализма союзов (корпораций), которые определяли специфику трудовых отношений конкретных лиц. Отсюда повышенный интерес законодательства и юриспруденции к правам союза и ослабление интереса к правам отдельных лиц, в том числе связанных с использованием своего труда¹¹³⁰. Следовательно, само формирование относительно массовых трудовых отношений и зачатков трудового законодательства переносилось им на период капиталистического развития, когда на первый план вышли права отдельной личности, а не корпорации. Н. Л. Дювернуа подготовил целую плеяду юристов, живо интересующихся правовым опосредованием трудовых отношений. Одним из его любимых учеников был В. М. Гордон, о котором речь пойдет далее.

Преемником Н. Л. Дювернуа на кафедре гражданского права Демидовского юридического лица был *Александр Алексан-*

---

¹¹²⁹ См.: Гамбаров Ю. С. Николай Львович Дювернуа // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 5–14; Нольде А. Э. Н. Л. Дювернуа // Там же. 1917. № 1. С. 5–12 и др.

¹¹³⁰ См.: Дювернуа Н. Л. Чтение по гражданскому праву. СПб., 1902. С. 268–272 и далее.

дрович Борзенко (1848–1915). В 1874 г. он был принят приват-доцентом Демидовского юридического лица, где преподавал около двадцати лет. Для нас его личность примечательна в двух аспектах. Во-первых, он рассматривал проблемы трудового права в широком контексте общественных отношений. Он писал: «Назначение права – служить нравственной свободе человека, а не раболепствовать перед хозяйственной расчетливостью»¹¹³¹. Проблемы ограничения права собственности он связывал с правами личности и общественными интересами. Особенно, по его мнению, это касалось промышленных предприятий, функционирование которых основывалось на использовании наемного труда¹¹³². Во-вторых, А. А. Борзенко был крупным меценатом, собирателем редкостей, имеющих научное и общественное значение. Можно сказать, что А. А. Борзенко поддержал и развил гуманистические традиции ярославской школы цивилистики, заложенные Н. Л. Дювернуа.

Историк права *Иван Иванович Дитятин* (1847–1892) в 1875 г. занимает кафедру истории русского права Демидовского юридического лица, где остается до 1878 г. Ярославский период был одним из самых плодотворных в жизни ученого. Основным его вкладом в развитие юридической науки явилось доказательство существования в Древней Руси городов-государств с развитым самоуправлением, а также исследование управления городов России. При этом он уделял определенное внимание правовому опосредованию социально-экономических отношений при цеховом производстве. Это прямо вывело его на проблемы генезиса трудового права.

Он утверждал, что огромное влияние на формирующиеся трудовые отношения оказала цеховая организация производства. Если со времен Константина Великого в Риме цеха были «местом заключения, в которых ремесленники приковывались к определенному ремеслу, как куриалы к их куриям», то в средние века было все наоборот. Здесь они вышли «не из подчинения и зави-

---

¹¹³¹ Цит. по: Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995. С. 151.

¹¹³² См.: Борзенко А. А. Личность, общественность, собственность: Очерки права. Ярославль, 1881; Его же. Промышленная собственность. Одесса, 1894.

симости промышленного класса, а из его свободы»¹¹³³. Появление цехов как промышленно-экономических и политических корпоративных организаций произошло в конце XI – начале XII в. Но до XIV в. почти нет упоминаний о ремесленниках-работниках (будущих подмастерьях), а преобладают мастера и их ученики. Это объясняется тем, что промышленные предприятия имели свои корни в семейном, а точнее, расширенном семейно-патриархальном союзе. В дальнейшем идет расслоение на класс ремесленников (хозяев-работодателей) и подмастерьев (наемных работников). В противовес цехам постепенно образуются рабочие союзы (общины подмастерьев), оформившиеся в конце XIV в. и получившие в дальнейшем широкое распространение. В этот же период встречаются единичные случаи заключения тарифных (коллективных) договоров между мастерами и подмастерьями, которые регулировали условия труда. Борьба между мастерами и подмастерьями, характерная для всего периода средневековья, была связана в значительной части с условиями труда. Мастера отстаивали патриархальный строй отношений, а подмастерья стремились к усилению договорного элемента при определении условий труда.

Постепенно все более активным участником отношений работодателей и работников становится государство. Уже в применении к XIV в. можно констатировать существенное усиление в этой части публично-правовых начал. В 1562 г. в Англии принимается закон, обязывающий желающих заниматься каким-либо промыслом пройти семилетнее ученичество. Этим же законом устанавливалось число занятых для каждого промысла учеников и подмастерьев, а также продолжительность рабочего дня, ограничение срока рабочего договора, а местным мировым судьям прямо поручалось определять ежегодно размер заработной платы и разрешать все возникшие в этой области споры. Только в XVIII в. ситуация радикально изменилась. В XVI–XVIII вв. полицейское государство наложило свою тяжелую руку одновременно и на цеховую автономию, и на союзы подмастерьев. Стремление последних к коллективной защите своих интересов рассматривалось как явление, недопустимое с точки зрения государственных порядков. Мастера, таким образом, приобрели мощного союзника в лице

---

¹¹³³ См.: Дитятин И. И. Очерк истории цехов в Западной Европе. Ярославль, б. г. С. 9.

государства. Именно в это время в Англии, Франции, Нидерландах и ряде других стран развернулась настоящая борьба карательных органов с «бродягами» (неработающими свободными гражданами низших сословий), целью которой являлось принуждение к труду. Вмешательство государства во внутреннюю жизнь предприятий признавалось необходимым и широко практиковалось, но имело чисто внешний, принудительный характер. Им не регулировалось, а сковывалось проявление социальных сил и правотворческая инициатива заинтересованных общественных групп. Рабочие механически подчинялись хозяевам, власть которых как бы заимствовала свой авторитет от государства. В свою очередь, работодатели сковывались в своей деятельности всесторонним и бдительным административным надзором.

Начиная с XVII в. государство резко ослабило, а потом совершенно уничтожило корпоративную замкнутость ремесленников и тем самым лишило цеховую организацию значительной доли ее практического значения. С XVIII в. цехи могут создаваться уже только с разрешения верховной власти. Корпоративная монополизация в сфере ремесла уже явно тормозила развитие производства и ухудшала качество товара. Трудовое право в этот период имело строго централизованный или публичный характер и составляло только отрасль административного (полицейского права)¹¹³⁴. Исследования И. И. Дитятина позволяют сделать вывод о том, что правовая регламентация трудовых отношений формировалась на стыке публичного и частного прав¹¹³⁵.

Экономист и специалист по финансовому праву *Андрей Алексеевич Исаев* (1851–1924) в 1879 г. избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, а затем и экстраординарным профессором по кафедре политической экономии (до перехода 1889 г. в Петербургский университет). Широка мышления и достаточно левые взгляды способствовали тому, что Исаев обратился к проблемам забастовок, рассматривая в единстве их экономическую и правовую составляющие.

---

¹¹³⁴ См. Дитятин И. И. Указ. соч. С. 10–49.

¹¹³⁵ См. подробнее: Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 10–25.

Он признавал законным неограниченное право рабочих на участие в забастовке. Последнюю он считал крайностью, но необходимым инструментом для разрешения кризисных ситуаций. При этом А. А. Исаев отмечал важность третейских судов и палат посредников. Он констатировал, что необходимость стачек проистекает, в том числе, из-за невозможности примирения сторон. Даже в Англии с 1894 по 1901 гг. палата посредников смогла примирить только 327 стачек, т. е. 5,3 % из имевших место, а подчинились ее решению 10,5% рабочих-забастовщиков¹¹³⁶. В этой связи особую важность приобретало недопущение стачек посредством разрешения конфликтов на предварительных этапах. Но в случае начала стачки она должна быть обдуманной, с реальными требованиями. Участие в ее организации профсоюзов было желательно, т. к. они придавали ей осмысленность и могли создать забастовочный фонд. А. А. Исаев не удержался от смешения экономических споров с политическими проблемами, признав право на политическую забастовку¹¹³⁷. Примечательно, что его последняя работа была посвящена вопросам, тесно связанным с трудово-правовой проблематикой¹¹³⁸.

Валериан Николаевич Ширяев (1872–1937), выпускник (1885 г.) и преподаватель (1904–1924 гг.) Демидовского юридического лица (с 1918 г. – Ярославского госуниверситета), его последний директор, а затем первый ректор университета, являлся видным отечественным криминалистом. Его сложно отнести к ученым-трудоуводам, но он активно занимался проблемами дисциплинарной ответственности служащих, а также должностными преступлениями. В этой связи его работы в некоторой части пересекались с трудово-правовой проблематикой.

Примечательно, что даже в отношении тюремного труда он был противником ночных работ, работ в воскресные и праздничные дни, сверхсменных и сверхурочных работ. Он приветствовал отмену ссылки и возражал против того, чтобы труд был дополнительным наказанием для лиц, содержащихся в местах лишения свобо-

---

¹¹³⁶ См.: Исаев А. А. Забастовка. СПб., 1906. С. 4, 14–20.

¹¹³⁷ См.: Там же. С. 34.

¹¹³⁸ См.: Исаев А. А. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917–1924 гг.). М., 1924.

ды¹¹³⁹. В. Н. Ширяев живо откликнулся на публикации Н. Н. Полянского, посвященные стачкам и забастовкам в контексте уголовного законодательства. Его рецензии можно считать изложением взглядов ярославского ученого на данную проблему. В отношении книги Н. Н. Полянского (будущего профессора лицея, о котором было сказано выше) «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб., 1907) он отмечал довольно существенный перечень недоработок. По мнению Ширяева, автору следовало бы обосновать само право на коалицию, выяснить его правовую сущность и установить границы этого права. Он резонно предполагал, что необходимы доказательства важности этого права не только для одного рабочего класса, как это сделал Полянский, но и для всего общества. Кроме того, отмечалась важность выявления возможных нарушений и злоупотреблений правом свободы коалиций. Ширяев подчеркнул, что полных и удовлетворительных ответов на эти вопросы в рецензируемой книге не имеется. Он высказал сомнение в том, что широкая свобода забастовок не должна быть ничем ограничена, а обязательный арбитраж может убить право на забастовку. В. Н. Ширяев не без иронии задается вопросом: если право на коалицию должно быть поставлено под особую уголовно-правовую охрану, то как должен относиться законодатель к случаям нарушения этого права со стороны самих рабочих, отколовшихся от коалиции и перешедших на сторону предпринимателя, тем самым причинивших вред рабочему классу?¹¹⁴⁰

В рецензии на переработанную книгу Н. Н. Полянского «Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона» (М., 1909) В. Н. Ширяев обратил внимание на многие ее позитивные стороны. Он отметил, что в связи с добавлением главы, посвященной догматическому анализу русского законодательства о коалициях, весь труд в полном объеме приобрел характер историко-догматического исследования. Особенно позитивно была оценена историко-правовая часть исследования, составляющая большую часть работы. В рецензии дается анализ предложенных автором дефиниций «рабочего», «коалиционного деликта» и их видов, трактовки Н. Н. Полянским от-

---

¹¹³⁹ См.: Ширяев В. Н. Постановка вопроса о тюремном труде на Первом съезде тюремных деятелей // Право. 1902. № 16. С. 821–827.

¹¹⁴⁰ См.: Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16–19.

дельных статей Уложения о наказаниях. Отмечено, что в работе имеются промахи методологического характера, в том числе отсутствие освещения в должной мере вопросов особенной части уголовного права и применения к ним начал общей части и более общих начал особенной части, относящихся к той же категории преступных деяний. При этом Ширяев призывает встать на точку зрения, согласно которой работу следует оценивать не по тому, что в нее было бы желательно добавить, а по тому, что в ней действительно дано автором. В этой связи он признает, что работа Полянского является трудом, заключающим разработку обширного материала и представляющим значительный интерес как для теоретиков, так и для практиков. При этом работа не свободна от спорных и даже неправильных положений, на которые Ширяев специально обращает внимание¹¹⁴¹.

В силу специфики своих работ по уголовному праву В. Н. Ширяев обращался к таким категориям, как: «служебные (трудовые) обязанности», «дисциплинарный проступок» и его отличие от должностного преступления¹¹⁴². Долгие годы преподавания на кафедре истории русского права способствовали тому, что он стал компетентным специалистом как по истории права, так и по общим проблемам истории¹¹⁴³. Уже после прекращения деятельности в ЯрГУ, в Минске, где ученый трудился в Белорусском государственном университете, он снова обратился к проблемам дисциплинарной ответственности служащих¹¹⁴⁴, что шло в рамках формирующейся отрасли трудового права.

---

¹¹⁴¹ См.: Ширяев В. Рец. на кн.: Полянский Н. Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона. 1909 // Юридическая библиография. 1910. № 5. С. 194–197.

¹¹⁴² См.: Ширяев В. Н. Уголовная ответственность врачей. СПб., 1904; Его же. Об юридической природе должностных преступлений (доктрина должностных преступлений) // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 3. С. 1–51; Его же. Участие частных лиц в должностных преступлениях // Там же. 1915. № 3. С. 28–48; Его же. Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.

¹¹⁴³ См.: Ширяев В. Н. Историческое изучение права. Ярославль, 1905.

¹¹⁴⁴ См.: Его же. Дисциплинарная ответственность служащих. М., 1926.

Труды лицейского профессора в 1906–1918 гг. *Романа Михайловича Орженцкого* (1863–1923) позволяют более всесторонне рассматривать вопросы, связанные с правовым регулированием труда. Он занимался, в частности, изучением связи экономических циклов и изменения конъюнктуры рынка с ростом безработицы и динамикой забастовок. Он выступал за направленность бюджета, которую в современных терминах можно назвать «социальной», что связывалось с увеличением ассигнований на поддержку неимущих слоев населения, социальными пособиями и др. В некоторых публикациях он непосредственно касался рабочего вопроса. Так, в рецензии на исследование Н. Н. Полянского (будущего коллеги по Демидовскому юридическому лицей) «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб., 1907) он опровергал мнение автора рецензируемого труда, будто свобода коалиций делает излишней законодательную охрану интересов рабочих. Для ярославского ученого было очевидно, что коллективные способы борьбы рабочих за свои права должны сочетаться с наличием развитого трудового законодательства, защищающего рабочих от неконтролируемой эксплуатации. Между тем Н. Н. Полянский утверждал обратное, а именно то, что предоставление рабочим широкой коалиционной свободы гораздо ценнее и желательнее для них, чем вся отеческая забота о них законодателя. Р. М. Орженцкий обоснованно отметил, что Н. Н. Полянский не придает особого значения отрицательным сторонам забастовки, хотя они довольно существенны, в том числе для самих рабочих. По мнению Орженцкого, забастовку нельзя признать единственным средством борьбы за интересы рабочих, причем это средство является нелегким и для самих забастовщиков. В рецензии обращалось внимание и на то, что Н. Н. Полянский провел свое правовое исследование в некотором отрыве от экономической составляющей затронутых проблем, в частности, рассмотрел не все теории заработной платы, не учитывал экономических последствий забастовок¹¹⁴⁵.

Так постепенно вызревали идейные основы нового научного направления, однако подлинная история не только ярославской школы трудового права, но и российского трудового права вообще

---

¹¹⁴⁵ См.: Орженцкий Р. Рец. на кн.: Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон // Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16–18.

началась с творчества *Льва Семеновича Таля* (1867–1933). Его научному наследию был посвящен отдельный раздел в главе 1 данного издания. Как мы уже упоминали, Л. С. Таль был не единственным представителем ярославской юридической школы, в той или иной мере затронувшим проблемы правового опосредования наемного труда. *Богдан Александрович Кистяковский* (1868–1920) читал в лицее в 1911–1916 гг. сначала курс философии права, а затем и истории философии права в качестве приват-доцента, позднее профессора по кафедре энциклопедии права. Одновременно в 1912–1914 гг. он был соредактором «Юридических записок» лицея. Из лицейских специалистов по теории (энциклопедии) права именно он вплотную подошел к рассмотрению вопросов, связанных с правовым регулированием труда. Это неслучайно, т. к. тесная связь теоретических исследований с проблемами отраслевых юридических дисциплин была в традициях ярославской юридической школы.

Что касается интересующего нас трудовправового аспекта творчества ученого, то можно сказать следующее. Он приветствовал то, что русский философ В. С. Соловьев перенес проблему социальной поддержки неимущих слоев населения из сферы морали в сферу права. По мнению Б. А. Кистяковского, он сделал это последовательнее и убедительнее, чем даже его сторонники – профессиональные юристы. Само государство виделось русскому философу В. С. Соловьеву как «собираательно-организованная жалость», в связи с чем должна была решаться проблема обеспечения каждому материальных средств к достойному существованию и развитию не в силу жалости, а «в силу самой природы правовой организации»¹¹⁴⁶. Б. А. Кистяковский констатировал, что в начале XX в. сложилось три определения права по содержанию правовых норм: нормы, устанавливающие и ограничивающие свободу (школа естественного права и немецкие философы-идеалисты), нормы, разграничивающие интересы (Р. Иеринг), и, наконец, нормы, создающие компромисс между различными требованиями (А. Меркель). Последнее определение встречало его существенную поддержку и ин-

---

¹¹⁴⁶ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 586–588.

терес¹¹⁴⁷. Это создавало теоретические предпосылки для формирования социального партнерства.

Б. А. Кистяковский может быть отнесен по философским воззрениям, с некоторыми оговорками, к числу неокантианцев. Он отмечал неоспоримую заслугу немецкого ученого Г. Еллинека, который разграничивал «социальный» и «правовой» подходы к государству. Г. Еллинек определял государство как целое единство индивидов, наделенное качествами юридического субъекта, обладающее волей и являющееся носителем права. Он поддерживал идею о самоограничении государства изданными им же правовыми нормами. Наиболее интересно предложенное им деление субъективных прав на частные субъективные и публичные субъективные права. Последние включали в себя право на положительные услуги со стороны государства. Этим подводилась правовая основа под социально-обеспечительные функции государства¹¹⁴⁸.

В этой части он был научным оппонентом еще одного теоретика права, лицейского профессора *Алексея Андреевича Рождественского* (1869 – после 1923), преподававшего в ярославском вузе с 1914 по 1923 гг. Еще в магистерской диссертации он высказался достаточно критически по отношению к научному наследию Г. Еллинека, в частности, к учению о субъективных публичных правах¹¹⁴⁹.

Б. А. Кистяковский подчеркивал, что постановка проблемы о праве человека на достойное существование в российской юридической науке связана с именами П. И. Новгородцева и известного цивилиста И. А. Покровского¹¹⁵⁰. П. И. Новгородцев подчеркивал юридическое значение этого права, но его природу он так и не выявил, ограничившись констатацией его отнесения к правам человека. И. А. Покровский обосновал категорию «право на существование»,

¹¹⁴⁷ См.: Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 131.

¹¹⁴⁸ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 580.

¹¹⁴⁹ См.: Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. М., 1913.

¹¹⁵⁰ См.: Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: Социально-философские этюды. СПб.; М., 1911. Впервые свои статьи авторы опубликовали соответственно в 1905 и 1906 гг. и затем неоднократно возвращались к этой теме.

т. к. «достойное человеческое существование» является слишком растяжимой и оценочной категорией. Его можно связать с понятием прожиточного минимума. Общественная благотворительность признавалась явно недостаточной, ибо «не принцип права царит в ней, а принцип милости и милостыни». Но И. А. Покровский также не определяет характер этого права, предлагая относить его к сфере частного права. В этой связи вполне обоснованна критика позиции этого цивилиста, который даже не вспомнил о публичных субъективных правах (концепция Г. Еллинека), слишком противопоставлял частное (децентрализованное) и публичное (централизованное) право. В итоге два вышеназванных известных русских ученых поставленную ими проблему, по мнению Кистяковского, в целом не разрешили¹¹⁵¹. Этому сюжета мы уже касались при анализе научного наследия И. А. Покровского.

Б. А. Кистяковский видел продвижение к реализации принципа солидарности и возрастание социальных функций государства в следующем: страхование различного рода (по болезни, от несчастных случаев на производстве, по инвалидности, по старости) при усиливающейся роли государства. При этом страхование должно носить публично-правовой характер. На очереди оказывалось страхование от безработицы и законодательное признание субъективного публичного права на труд. Достойное человеческое существование он предлагал считать критерием для разграничения индивидуального и общего интереса, субъективного и объективного права¹¹⁵².

Своеобразным переходным звеном между трудо-правовыми исследованиями лицейского периода и становлением советской науки трудового права в рамках ярославской юридической школы стало научное творчество Николая Николаевича Голубева (1875–1950). Он родился 31 августа 1875 г. в г. Вязники Владимирской губернии. После окончания в 1894 г. Владимирской гимназии он поступает на юридический факультет Московского университета, который оканчивает в 1896 г. с дипломом первой степени¹¹⁵³. В числе его учителей были такие неординарные лич-

---

¹¹⁵¹ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. С. 583–586.

¹¹⁵² См.: Там же. С. 591–592.

¹¹⁵³ Филиал ГА ЯО ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 917 (личное дело Н. Н. Голубева).

ности, как юристы и философы П. И. Новгородцев и С. Н. Трубецкой, историк П. Г. Виноградов, экономист А. И. Чупров. В декабре 1896 г. подающего надежды выпускника оставляют для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. В 1901–1903 гг. он находился в научной командировке за границей, где слушал лекции по международному, государственному и административному праву в Школе права в Париже, а также в университетах Берлина, Гейдельберга, Женевы, Берна, Цюриха. После сдачи магистерского экзамена в 1903 г. Голубев защитил диссертацию на степень магистра международного права «Международные третейские суды», а в 1904 г. стал приват-доцентом Московского университета. В ноябре того же года он избирается приват-доцентом Демидовского юридического лица, в котором преподавал до 1918 г., а затем продолжил преподавание в Ярославском государственном университете до его закрытия в 1924 г. Сначала он был доцентом кафедры административного права, с 1907 г. – экстраординарным профессором, а с 1910 г. – ординарным профессором по кафедре государственного и административного права. В 1909 г. в Новороссийском университете им была защищена диссертация на степень доктора международного права «Международные административные комиссии XIX века. Очерки теории и практики» (издана в Ярославле в 1908 г.).

Голубев длительное время был членом правления лица, заведовал его хозяйственной частью. С 1912 по 1917 гг. он руководил технической частью журнала «Юридическая библиография», был членом редколлегии «Юридических записок», а 1918 по 1924 гг. – членом редакционной комиссии «Сборника Ярославского государственного университета».

Его перу принадлежат три фундаментальные монографии, более 20 статей в журналах и энциклопедиях, а также более 100 рецензий и обзоров отечественной и зарубежной литературы. Прекрасное знание французского, а также английского и немецкого языков позволяли ему регулярно знакомить читателей журнала «Юридическая библиография» с новыми зарубежными изданиями, прежде всего по административному и государственному праву.

По интересующей нас проблеме отметим следующее. Н. Н. Голубев подготовил около 20 рецензий и обзоров на пер-

вые публикации по трудовправовой проблематике¹¹⁵⁴. Его можно считать основателем нового научного жанра «исследования трудового права в рецензиях». Так, в рецензии на книгу Д. Митчелля «Рабочие союзы в Америке» он подчеркивал, что книга проникнута верой в возможность мирного разрешения конфликтов между интересами рабочего класса и интересами предпринимателей. Водворение социального мира, по мнению Митчелля, достижимо путем компромиссов и взаимных уступок. Профсоюзы рабочих могут достичь необходимых улучшений в положении пролетариата посредством борьбы на экономической почве с союзами капиталистов. Н. Н. Голубев отмечал, что оптимизм Митчелля вполне понятен, т. к. его базисом являются факты американского экономического быта¹¹⁵⁵.

В рецензии на книгу А. А. Раевского «Трудовая помощь как задача государственного управления» (Харьков, 1910) Н. Н. Го-

---

¹¹⁵⁴ См.: Голубев Н. Н. Рец. на кн.: Иванов С. Рабочие союзы и другие формы рабочего движения // Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37; Его же. Рец. на кн.: Чистяков И. И. К вопросу о нормальном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909 // Там же. 1909. № 2. С. 71–72; Его же. Рец. на кн.: Симолин А. А. Договор промыслового ученичества. Казань, 1911 // Там же. 1911. № 2. С. 60–62; Его же. Рец. на кн.: Репенак А. В. К введению страхования рабочих в России. М., 1911 // Там же. 1911. № 4. С. 170–171; Его же. Рец. на кн.: Войтинский И. С. Стачки и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911 // Там же. 1911. № 5. С. 202; Его же. Рец. на кн.: Гаген В. А. Западно-европейский бедняк. Варшава, 1912 // Там же. 1912–1913. № 1–2. С. 34; Его же. Рец. на кн.: Залесский В. Ф. Призрение бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств. Казань, 1912 // Там же. 1912–1913. № 1–2. С. 32–34; Его же. Рец. на кн.: Быков А. Н. Страхование рабочих как фактор промышленности и русских страховых законов. СПб., 1913 // Там же. 1912–1913. № 3. С. 101–102; Его же. Рец. на кн.: Кравченко Н. Н. Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913 // Там же. 1912–1913. № 4–5. С. 175–177; Его же. Рец. на кн.: Беликов Б. Д. Женщина в промышленной инспекции Запада: К вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь, 1914 // Там же. 1914. № 5. С. 299; Его же. Рец. на кн.: Геркнер Г. Рабочий вопрос. Вып. 1. Социальная реформа. М.; Пг., 1917 // Там же. 1917. № 3–5. С. 104–105 и др.

¹¹⁵⁵ См.: Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37.

лубев выделил пять путей организации государственной властью трудовой помощи: 1) указание труда; 2) организация общественных работ; 3) организация рабочих и земледельческих колоний; 4) создание продовольственных станций для странствующих рабочих; 5) функционирование домов трудолюбия, мастерских и других мелких учреждений трудовой помощи¹¹⁵⁶. Откликнулся он и на публикацию И. С. Войтинского «Стачка и рабочий договор по русскому праву» (СПб., 1911). Голубев подчеркнул, что эта работа заключает в себе разработку двух важнейших как в практическом, так и теоретическом отношении вопросов фабрично-заводского права: о прекращении рабочего договора из-за стачки и о заработной плате за время забастовки для не участвовавших в ней рабочих. Рецензент отметил, что Войтинский строит свои выводы как на анализе отечественного права, так и западноевропейского права, в которое он совершал обширные экскурсии. Очевидна солидарность ярославского ученого со сделанными в работе выводами о том, что стачка влечет только временное приостановление исполнения договора, а стачечник не может быть уволен работодателем до истечения двух недель неявки на работу. Рабочие, не участвующие в стачке, не могут быть уволены по причине стачки, а равно не могут быть лишены и оплаты за забастовочное время, в которое они не имели возможности работать¹¹⁵⁷. Также Николай Николаевич отметил позитивное значение труда А. А. Симолина о договоре промыслового ученичества, отметив при этом спорность некоторых выводов и неполноту представленной литературы по теме¹¹⁵⁸. Более критическую позицию он занял в отношении первого в российской науке исследования Н. Н. Кравченко о международно-правовом регулировании труда. Возникновение международного трудового права он связывал не с идейной борьбой, а с возникновением объективных предпосылок и обострением рабочего вопроса¹¹⁵⁹.

Преданность науке и работоспособность Николая Николаевича были удивительными. Он так и не создал семьи, а весь распорядок жизни подчинил своему научному творчеству. В Ярос-

---

¹¹⁵⁶ См.: Юридическая библиография. 1911. № 4. С. 170.

¹¹⁵⁷ См.: Там же. № 5. С. 202.

¹¹⁵⁸ См.: Там же. 1911. № 2. С. 62.

¹¹⁵⁹ См.: Там же. 1912–1913. № 4–5. С. 177.

лавском государственном университете он бессменно возглавлял кафедру публичного (затем административного) права, но карьерного роста не добивался, предпочитая педагогическую и исследовательскую работу. Он мало занимался общественной деятельностью, никогда не состоял в политических партиях, сторонился светских мероприятий. Впрочем, при советской власти он публиковался крайне редко¹¹⁶⁰. Помимо курса международного права, в советский период он читал большое количество спецкурсов: «Социальное право», «Распределение рабочей силы», «Трудовая повинность в социалистическом обществе», «Социальное законодательство о труде и социальное обеспечение»¹¹⁶¹. Но он рассматривал преимущественно административную сторону проблемы и деятельность государственных органов. Публикацию его лекций нам обнаружить не удалось. Можно считать, что Н. Н. Голубев был одним из пионеров в преподавании курса публичного трудового права в советской высшей школе. Примечательно, что уже в первых своих публикациях по международному праву он обращал внимание на международные конгрессы и конференции, связанные с охраной труда¹¹⁶².

Перед приостановлением деятельности Ярославского госуниверситета в 1924 г. его руководство ходатайствовало о назначении Голубеву пожизненной пенсии в размере полного оклада содержания штатного профессора с 25-летней преподавательской деятельностью. Профессор Н. Н. Голубев остался после 1924 г. в Ярославле, но данных о его преподавательской деятельности в последующий период у нас нет. Умер он в 1950 г. в Ярославле, где прожил без малого полвека, из которых 20 лет преподавал в лицее и университете.

В советский период правовым дисциплинам, связанным с регулированием трудовых отношений, уделялось повышенное внимание. В начале 1919 г. в университете была создана кафедра рабочего права и социальной политики, где читались кур-

---

¹¹⁶⁰ См., например: Голубев Н. Н. Новые задачи современной науки международного права // Право и жизнь. 1922. № 3. С. 36–44.

¹¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35, 47, 88–91.

¹¹⁶² См.: Голубев Н. Н. Международные конгрессы и конференции: Очерки теории и практики. Ярославль, 1905; Его же. Заметки о некоторых вопросах международного права. Б. м., б. г. и др.

сы рабочего права и учение об основных экономических правах. На кафедре истории рабочего движения преподавался предмет «Формы рабочего движения в связи с историей труда и рабочего класса»¹¹⁶³. Еще в 1918 г. на кафедре промышленного права уже читались отдельные вопросы, касающиеся рабочего права. В 1921 г. среди преподаваемых в ЯрГУ общественных наук значились: «Социальное право» (Н. Н. Голубев), «Организация труда в капиталистическом обществе», «Правовая организация производства и труда в РСФСР» (оба курса закреплены за Б. В. Чрединым), «Распределение рабочей силы», «Трудовая повинность в социалистическом обществе», «Социальное законодательство о труде и социальном обеспечении». Три данные дисциплины первоначально читал Н. Н. Голубев, затем **Александр Владимирович Горбунов** (1867 – после 1926), ставший первым профессором кафедры рабочего права и социальной политики Ярославского государственного университета. Он родился 26 июля 1867 г. в селе Нижний Шкафт Городищенского уезда Пензенской области. По происхождению дворянин. Отец его был адвокатом, мать – дочь врача. А.В. Горбунов получил гимназическое образование в Московской пятой гимназии, которую окончил в 1885 г. Затем поступил на юридический факультет Московского университета. Обучался он на один курс старше Л. С. Таля, так что учителя у него были практически те же: видные цивилисты Н. И. Боголепов, Ю. С. Гамбаров, Н. О. Нерсесов, экономисты А. И. Чупров и И. И. Янжул, историк П. Г. Виноградов. Он еще застал на университетской кафедре М. М. Ковалевского. Примечательно, что биографии Л. С. Талья и А. В. Горбунова в первые постуниверситетские годы практически совпадают. Были ли знакомы два будущих известных исследователя в студенческие годы, нам достоверно не известно.

После окончания университета в 1889 г. он был принят на службу в Московский окружной суд на должность судебного следователя. В 1893 г. Александр Владимирович оставил службу и решил заняться научной деятельностью. С этой целью уезжает в Германию, где занимается в Страсбургском и Берлинском университетах у юристов Лабанда, Отто Майера, Преусса и Ястрова, а

---

¹¹⁶³ См.: Сборник Ярославского госуниверситета. Вып. 1. 1918–1919 гг. Ярославль, 1920. С. 351–357.

также у экономистов Кнаппа, Зеринга. Вернувшись в Россию, вероятно, в 1895 г., в следующем году он сдал магистерский экзамен по административному праву, политической экономии и статистике и был зачислен приват-доцентом в Московский университет. В том же году был приглашен на кафедру административного права Варшавского университета, приват-доцент. Примечательно, что за время работы в Варшаве ему не была предоставлена ни одна зарубежная научная командировка, а все документы «заворачивались» Министерством народного просвещения без объяснения причин¹¹⁶⁴. Вероятно, уже тогда он попал в число «неблагонадежных» за свои левые политические взгляды. Его первая крупная статья «Учение Лоренца фон Штейна об управлении» появилась в «Журнале Министерства юстиции» в 1898 г. В том же году он принял участие в подготовке хрестоматии «Развитие государства в Западной Европе», вышедшей под редакцией его университетского преподавателя М. М. Ковалевского. Статьи А. В. Горбунова публиковались на страницах либерального издания «Право»¹¹⁶⁵.

В 1905 г. он возвращается из Варшавы в Московский университет на должность приват-доцента. В 1906 г. Александр Владимирович защищает диссертацию в Московском университете, получает степень магистра административного права. В том же году его исследование публикуется в виде монографии¹¹⁶⁶. Ученый читал в университете курс административного права, рабочего права. Подчеркнем, что курс рабочего права еще в дореволюционный период он начал читать одним из первых в стране. Среди его научных работ есть посвященные социальному вопросу¹¹⁶⁷. Его перу принадлежит ряд статей по государственному, административному и рабочему праву в «Народной энциклопедии» (изд. Сытина. (Том XI и XIII). М., 1911 г.).

¹¹⁶⁴ См.: Краковский К. П. Нить времени: В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Ростов-н/Д., 2005. С. 87, 106, 131, 210.

¹¹⁶⁵ См.: Горбунов А. В. Полицейский надзор и новое уложение // Право. 1903. № 44, 45; Его же. Обеспечение законности управления // Там же. 1904. № 7; Его же. Обязательные постановления и законность // Там же. 1907. № 38.

¹¹⁶⁶ См.: Горбунов А. В. Методические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. М, 1906.

¹¹⁶⁷ См.: Горбунов А. В. Борьба с нищенством и бродяжничеством. СПб., 1909 (2-е изд., М., 1911).

В 1911 г. вместе с другими преподавателями Московского университета вышел в отставку в знак протеста против политики тогдашнего министра народного просвещения Л. А. Кассо. В 1913 г. он получил приглашение занять кафедру государственного права в Томском университете. По некоторым данным, он вел преподавательскую работу также в Петрограде. Ученый последовательно выступал за расширение гражданских свобод¹¹⁶⁸. С 1917 по 1920 гг. был деканом и профессором Саратовского государственного университета.

Наконец, в 1919 г. он избирается профессором Ярославского госуниверситета, в 1920 г. возглавляет кафедру рабочего права и социальной политики, оставался в этой должности до упразднения правового отделения факультета общественных наук (ФОН). Однако курсы «Рабочее право и социальная политика» и «История рабочего движения» в 1919–1920 гг. им так и не были прочитаны, а в следующий учебный год он уже провел занятия по предметам «Рабочий вопрос» (История и формы рабочего движения и политика труда) и «Рабочее право». Печатных работ исследователя по данной проблематике установить не удалось. Однако не вызывает сомнения то, что в процессе преподавания профессор использовал труды своего предшественника Л. С. Таля. В октябре 1922 г. А. В. Горбунов был принят на должность профессора кафедры административного права факультета общественных наук Белорусского государственного университета (БГУ). Работал в БГУ до момента ликвидации факультета (1924 г.), затем числился профессором факультета хозяйства и права на 1925/26 учебный год¹¹⁶⁹. Впоследствии он уехал в Москву. Женат ученый не был, сведений о его детях нет. В политических партиях А. В. Горбунов не состоял, хотя еще с дореволюционного периода симпатизировал демократическому движению. Он был членом Московского юридического общества, Научного общества при БГУ. Ученый свободно владел немецким, французским языками, читал на английском, польском и латинском языках. Последняя известная

---

¹¹⁶⁸ Горбунов А. В. Основы гражданской свободы в Англии. М., 1914.

¹¹⁶⁹ См.: Максимова Л. П. Юридический факультет Белорусского государственного университета: История и современность. Минск, 1998. С. 13.

нам публикация А. В. Горбунова датируется 1922 г.¹¹⁷⁰ Его дальнейшая судьба нам не известна.

Таким образом, первыми трудовые дисциплины начали преподавать профессора Н. Н. Голубев, о котором говорилось выше, а также А. В. Горбунов и Б. В. Чредин. К этому процессу был причастен А. В. Венедиктов, впоследствии выдающийся советский цивилист. О них в дальнейшем и пойдет речь.

Борис Васильевич Чредин (1885 – после 1928) с ноября 1919 и до закрытия в октябре 1923 г. возглавлял ФОН ЯрГУ, а также занимал еще целый ряд руководящих должностей. Он родился в Москве 10 июля 1885 г. в семье присяжного поверенного Округа Московской судебной палаты¹¹⁷¹. После завершения обучения в 1903 г. в 1-й Московской мужской гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1908 г. с дипломом первой степени. Его учителями были известные ученые-цивилисты А. Э. Вормс (ставший и его предшественником на кафедре римского права в Демидовском юридическом лицее) и В. М. Хвостов. Затем Чредин был помощником присяжного поверенного, а в 1910 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. В 1910–1913 гг. преподавал законоведение в ряде мужских гимназий Москвы. В 1913 г. в Варшавском университете он сдал экзамен на звание магистра римского права и с того же года стал исполняющим обязанности доцента Варшавского университета по кафедре римского права. Это был эрудированный ученый, знаток истории права.

В ноябре 1914 г. его избирают приват-доцентом кафедры гражданского процесса Демидовского юридического лицея с сохранением прежнего звания в Варшавском университете. Это было связано с Первой мировой войной, превратившей Варшаву сначала в прифронтовой город, а затем оккупированный немцами в авгу-

---

¹¹⁷⁰ См.: Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенический журнал. 1922. Вып. 1. При подготовке очерка о А. В. Горбунове были использованы материалы Национального архива Республики Беларусь, предоставленные в наше распоряжение доцентом БГУ К. Л. Томашевским.

¹¹⁷¹ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 4652 (личное дело Б. В. Чредина).

сте 1915 г. Чредин отличался независимостью суждений, открыто выступал за проведение глубоких социально-экономических реформ. В декабре 1914 г. по инициативе лицейского попечителя А. Тихомирова его должны были отстранить от преподавания, но в условиях войны и нарастания кадровых проблем он сохранил должность¹¹⁷². В лицее он преподавал гражданский процесс и гражданское право (наследственное и семейное русское право), а также институции римского права. Впрочем, весной 1915 г. он временно вернулся в Варшаву, где продолжил преподавание в местном университете и Высшей женской гимназии. Это было связано с тем, что фронт неуклонно приближался к столице тогда еще Царства Польского в составе России и многие преподаватели перевелись в другие вузы. Это был поступок порядочного человека, но вести ему пришлось сразу четыре дисциплины. Вместе с университетом летом 1915 г. он эвакуируется в Ростов-на-Дону, где продолжает проведение занятий по гражданскому праву и ведет студенческий цивилистический кружок. В начале 1917 г. Борис Васильевич избирается на должность профессора.

Февральскую революцию Чредин приветствовал, а к установлению советской власти отнесся с пониманием, хотя разгоревшаяся на Дону гражданская война повлияла на его дальнейшие жизненные планы. Сначала он переезжает в Москву, где начинает преподавать в 1-м МГУ, а в ноябре 1918 г. Совет Демидовского юридического лица, вскоре преобразованного в университет, избирает его профессором по кафедре истории римского права. Так он стал одним из первых профессоров Ярославского государственного университета и в начале 1919 г. вместе с женой Лидией Николаевной переехал на жительство в Ярославль. Затем он служил на кафедре истории права и государства, но читал лекции и по дисциплинам других кафедр, в том числе: история институтов частного права, учение о суде, техника правовых норм, учение об основных экономических правах, спецкурсы по судебному праву и гражданскому процессу. Он одним из первых в стране стал читать спецкурсы «Организация труда в капиталистическом обществе» и «Правовая организация производства и труда в РСФСР».

Почти сразу же после избрания он занял руководящие должности. С декабря 1918 по июль 1919 гг. он секретарь юридического от-

---

¹¹⁷² РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 977. Л. 74–81.

деления факультета общественных наук (ФОН), с июля 1919 по ноябрь 1920 гг. – декан экономического отделения ФОН, параллельно с октября 1919 по июнь 1920 гг. – председатель Совета рабочего факультета (рабфака), одновременно с сентября 1919 (после отставки Н. Н. Полянского) до февраля 1920 гг. – исполняющий обязанности декана ФОН, а с февраля 1920 и до слияния ФОН с Педагогическим институтом им. Н. А. Некрасова и образования на их базе педагогического факультета в середине 1922 гг. – его декан. Наконец, с сентября 1920 до октября 1923 гг. Б. В. Чредин – председатель деканата (декан) правового отделения ФОН (т. е. до его закрытия). Чредина можно назвать настоящим патриотом Ярославского государственного университета, который боролся до конца за его сохранение, принимал активное участие в руководстве вуза вместе с В. Н. Ширяевым, Н. Н. Полянским и В. Н. Мышцыным. Такая загруженность административной работой оставляла мало времени на научные исследования, но его научные публикации по-прежнему отличались глубиной эрудицией и широтой охвата проблемы¹¹⁷³.

После закрытия университета в 1924 г. Б. В. Чредин вернулся в Москву, где начал преподавать в Московском промышленно-экономическом институте. Затем он также перебрался в Белорусский госуниверситет (с марта 1925 г. профессор по кафедре истории институтов частного права), где и на 1928 г. числился преподавателем и одновременно заведующим Ярославским промышленно-экономическим техникумом. Вероятно, и его притягивал к себе Ярославль, с которым он был связан немногим менее 10 лет и куда он неоднократно на срок до полугода приезжал в командировки¹¹⁷⁴. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Он выступил сторонником государственного вмешательства в отношения труда и капитала, за дальнейшее развитие фабричного законодательства и законодательное закрепление права на труд. Его небольшое по объему исследование о модной в то время концепции «народного трудового государства» стало одной из луч-

---

¹¹⁷³ См.: Чредин Б. В. Политические воззрения Горация // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920. С. 61–87.

¹¹⁷⁴ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. № 8977. Последние архивные сведения о ярославском ученом датируются в белорусском архиве 1927 г.

ших в досоветский период работ о праве на труд и праве на существование¹¹⁷⁵. Ученый выделил важное значение коллективных договоров как регуляторов общественных отношений, констатировал, что экономические права дают личности правомочия требовать от государства оказания в ее пользу услуг положительного содержания. Основные экономические права он разделил на три составляющие: право на труд, право на полный продукт труда и право на существование¹¹⁷⁶. Основная часть книги посвящена изучению юридической природы этих прав. Он проанализировал случаи легального закрепления права на труд, начиная с французских конституций 1791 и 1793 гг. Далее он сравнил определения права на труд, данные А. Менгером и Р. Зингером. Борис Васильевич отметил, что право на труд сводится к правомочию требовать простой неквалифицированной работы, и оно есть право вспомогательное, субсидиарное, принадлежащее только работоспособному гражданину данного государства и только на период до появления вакансий. Оно возникает только тогда, когда работник не по своей вине не может найти работы. Реализация этого права предполагает наличие свободного рынка и частной собственности на землю и капитал. Если же право на труд трактовать как право на профессиональный, квалифицированный труд, то Б. В. Чредин резонно связал возможность его реализации только с государственным социализмом, с уничтожением частной собственности и сосредоточением собственности на землю, орудия и средства производства в руках государства и с легализацией обязанности трудиться. В последнем случае право на труд приобретает публично-правовой характер и выражается, по мнению ученого, либо в праве на допущение к труду, если кто-либо препятствует работнику в осуществлении его обязанности трудиться, либо в праве на несменяемость в порученной ему государством должности без достаточных, опять же установленных государством оснований. Если минимальная зарплата при этом будет определяться не условиями рынка, а жизненными потребностями рабочего, то праву на труд придаются не свойственные ему черты права на существование и оно теряет ясные юридические границы. Вывод

---

¹¹⁷⁵ См.: Чредин Б. В. Народное трудовое государство и основы экономического права. М., 1918. В печать оно было сдано в июле 1917 г.

¹¹⁷⁶ См.: Там же. С. 12, 29 и др.

ученого очевиден: право на труд должно дополнять уже существующие имущественное право. Его реализация возможна только в условиях рыночной конкуренции, частной собственности, но при активной роли государства, обеспечивающего право безработного получить неквалифицированную работу с оплатой, определяемой его экономическими возможностями¹¹⁷⁷.

Право на полный продукт труда ученый начал анализировать с определений, данных ему А. Менгером. На первый взгляд, оно означает полную социальную справедливость, однако не свободно от возражений. Более того, раздача всего продукта труда в отдельные руки остановит все культурное развитие человечества, т. к. у государства просто не окажется на него средств (на развитие образования, помощь нуждающимся и др.). Вывод ученого однозначен: «Ни полного продукта труда, ни его эквивалента гражданин не получит и не должен получать, если только правильно понять задачи государства... Частная собственность на землю и капитал должна быть упразднена во имя частной собственности на произведенный продукт – такова внутренняя пружина защиты права на полный продукт труда»¹¹⁷⁸. Далее он отмечал необходимость «естественного неравенства»: «Восхождение по лестнице различного достоинства труда личных дарований и заслуг должно сопровождаться и увеличением вознаграждения. Чем проще и легче труд, тем меньше плата, чем сложнее, труднее и ответственнее труд, тем выше вознаграждение; тем больше, наконец, вознаграждение, чем выше духовная ценность личности»¹¹⁷⁹.

При анализе права на существование Борис Васильевич отталкивался от его определения, данного А. Менгером, а также И. А. Покровским и П. А. Новгородцевым (о них говорилось выше). При этом Б. В. Чредин верно подметил главное противоречие этого права. С одной стороны, угроза размножения тунеядцев при наличии субъективного права на получение содержания от государства. При этом невозможно допустить гибель гражданина, даже если он очутился в бедственном положении по своей вине. С другой стороны, «каждый должен иметь воз-

---

¹¹⁷⁷ Чредин Б. В. Народное трудовое государство и основы экономического права. С. 29–36.

¹¹⁷⁸ Там же. С. 38–39.

¹¹⁷⁹ Там же. С. 45.

можность жить своим трудом», а государство должно создавать условия, чтобы вознаграждение за труд позволяло существовать. Следовательно, никто не имеет права притязать на помощь государства, пока не докажет, что им сделано все возможное, чтобы пропитать себя, но этого не удалось достичь. Следовательно, право на существование обусловлено обязанностью трудиться. В качестве понятия, обладающего всеобщностью применения, ученый предложил «человеческое существование», право на которое имеют все граждане независимо от их трудоспособности и наличия работы. Напомним, что И. А. Покровский признавал право на существование (содержание от государства) за нетрудоспособными или безработными, причем трудоспособные могли притязать на предоставление им работы. Отсюда его формула, обращенная к государству: «или содержи, или дай работу». Однако Б. В. Чредин с его идеей «человеческого существования» вывел другую формулу: «существование – это право, труд – это обязанность», причем юридически эти право и обязанность не связаны между собой. Однако такое право является естественным и принадлежит всем гражданам, в силу того, что они суть человеческие личности. Ученый считал «чудовищной» доведенную до логического конца идею трудового государства, которое интересуют только трудоспособные лица, а все нетрудоспособные (по любой причине) для него безразличны. Б. В. Чредин главной целью государства считал содействие насаждению и развитию культуры, устранение причин, влекущих народ к одичанию. Поскольку естественное условие культуры – труд, а одна из причин падения культуры – нищета, то надо стимулировать первое и бороться со вторым. Между конструкциями «права на достойное человеческое существование» (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев) и «права на существование» (И. А. Новгородцев) он избрал компромисс и свел это право к обеспечению необходимых, насущных потребностей, признаваемых в данном обществе в определенный период (общепризнанного уровня). Обеспечение достойного человеческого существования необходимо, но это дело перспективы. При этом Б. В. Чредин был осторожен в прогнозах и показал себя противником рискованных социальных экспериментов во имя «всеобщего счастья». Он писал: «Свобода, заключенная в каменную ограду на месте грабе-

жа и насилий, идол вместо божества – таков предмет поклонения разнузданной черни. Не с ее действиями свободолюбивому народу брать пример. Народ этот чтит свою свободу повсюду, гонит от себя прочь призывы к бесчинству и, не покладая рук, трудится над укреплением мощи государства – этого верного залога всеобщей свободы и благоденствия»¹¹⁸⁰. Хорошее напоминание за три месяца до октября 1917 г.

В начале 1920-х гг. он читал цикл курсов, касающихся правового регулирования трудовых отношений. Особый интерес представляли читаемые Чрединым курсы: «Организация труда в капиталистическом обществе» и «Правовая организация производства и труда в РСФСР». Программа первого из названных курсов по большей части совпадает с программой курса трудового права. Она охватывала такие вопросы, как трудовой договор, внутренний распорядок предприятия, институт хозяйской власти, правовое значение рабочих объединений, коллективные договоры, их юридическая сила и соотношение с индивидуальным договором, трудовые споры, правовое значение и последствия стачек, способы разрешения коллективных трудовых споров (примирительные камеры, примирительно-третейские учреждения, примирительные суды)¹¹⁸¹. При рассмотрении правовой организации производства и труда в РСФСР Чредин особое внимание обращал на правовое положение рабочих и служащих, фабричное самоуправление, охрану труда. Лекции Чредина пользовались успехом, но их публикацию нам обнаружить не удалось.

Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) долгое время оставался единственным специалистом по гражданскому праву, избранным в действительные члены Академии наук СССР, а затем и Российской академии наук. Но во время годовичного пребывания в качестве заведующего кафедрой промышленного права Ярославского госуниверситета он разработал одну из первых программ по рабочему праву для студентов-юристов, а в число рекомендованной литературы включил труды одного из своих учителей – Л. С. Таля. Между тем в некоторых биографи-

---

¹¹⁸⁰ Чредин Б. В. Народное трудовое государство и основы экономического права. С. 79.

¹¹⁸¹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35, 47, 88–91.

ческих очерках о нем даже не упоминается о периоде преподавания в Ярославле¹¹⁸².

А. В. Венедиктов родился 30 июня 1887 г. в Уфе. В 1910 г. он окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института, а в 1912 г. – юридический факультет Петербургского университета¹¹⁸³. В числе его учителей были видные цивилисты И. А. Покровский, В. Б. Ельяшевич, А. И. Каминка, М. Я. Пергамент. Занятия по торговому праву и спецкурс по договорам о труде вел у него Л. С. Таль. В мае 1912 г. молодого ученого оставляют на кафедре торгового права Петербургского политехнического института для подготовки к профессорскому званию, где он работал под руководством А. Г. Гусакова и В. Б. Ельяшевича. В 1912–1914 гг. он находился в учебной командировке в Германии, преимущественно в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. В последнем он два семестра занимался под руководством профессоров Венгера и Хеллмана. Затем он вернулся в Россию и до 1916 г. вел научную работу в политехническом институте. В 1916–1917 гг. он преподавал курс гражданского права на Высших коммерческих курсах, одновременно служил в Министерстве торговли и промышленности, а осенью 1917 г. стал юрисконсультom Главного экономического комитета и чиновником для особых поручений V класса. Октябрьская революция прервала его государственную службу.

В ноябре 1918 г. Совет Ярославского госуниверситета единогласно избирает Венедиктова профессором кафедры промышленного права. Как уже указывалось, он разработал первую программу по рабочему праву. Вероятно, творчество Л. С. Таля оказало на него определенное влияние. Впоследствии он многие годы дружил с известным ученым-трудовиком В. М. Догадовым и постоянно интересовался проблемами правового и экономического регулирования труда¹¹⁸⁴. Его учение о юридическом лице

¹¹⁸² См., например: Иванов А. А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А. В. Венедиктова // Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 7–55.

¹¹⁸³ Филиал ГАЯО-ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 574 (личное дело А. В. Венедиктова).

¹¹⁸⁴ См.: Венедиктов А. В., Догадов В. М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31–50.

связывало это понятие с коллективом, что было достаточно прогрессивным и адекватным для идеологии и практики советского периода. А. В. Венедиктов исходил из того, что носителем правосубъектности государственного юридического лица является коллектив рабочих и служащих предприятия, а также всенародный коллектив, организованный в социалистическое государство¹¹⁸⁵. Он признавал коллектив работников государственного юридического лица подлинным носителем правомочий государственного органа по отношению к имуществу, находящемуся в его оперативном управлении. По его мнению, возглавляемый директором коллектив работников и являлся государственным юридическим лицом¹¹⁸⁶. В целом аналогичной позиции придерживался и Б. Б. Черепяхин, сделавший однозначный вывод о том, что права юридического лица принадлежат ему самому, а не лицам, составляющим его людской субстрат¹¹⁸⁷. Весьма своеобразную точку зрения высказал Ю. К. Толстой (ученик А. В. Венедиктова), полагавший, что правомочиями по владению и пользованию имуществом наделяется не коллектив рабочих и служащих как таковой, а каждый из рабочих и служащих как сторона трудового договора¹¹⁸⁸. В учении о юридических лицах, наряду с теорией коллектива (А. В. Венедиктов), теорией государства (С. И. Аскназий), теорией директора (Ю. К. Толстой), выделяется также теория социальной реальности, которую обосновал Н. Г. Александров именно в применении к трудовому правоотношению¹¹⁸⁹. Но и те цивилисты, которые акцентировали внимание на людском субстрате, как, например, О. С. Иоффе¹¹⁹⁰, связыва-

---

¹¹⁸⁵ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.: Л., 1948.

¹¹⁸⁶ См.: Венедиктов А. В. О государственных юридических лицах // Вестник ЛГУ. 1955. № 3. С. 85–92.

¹¹⁸⁷ См.: Черепяхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. 1958. № 2. С. 43–50.

¹¹⁸⁸ См.: Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестник ЛГУ. 1955. № 3. С. 117 и далее.

¹¹⁸⁹ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 202.

¹¹⁹⁰ См.: Иоффе О. С. Гражданское право // Избранные труды. М., 2000. С. 293–329.

ли работодательскую правосубъектность со статусом юридического лица.

Е. Б. Хохлов по этому поводу отмечал, что теория коллектива не свободна от внутренних противоречий, но весьма удобна в практическом применении относительно советского периода¹¹⁹¹. Можно предположить, что А. В. Венедиктов выводил свою теорию исходя, в том числе, из своих знаний в области трудового права.

В сентябре 1919 г. Венедиктов покидает Ярославль и продолжает вести занятия в Петроградском политехническом институте. С 1929 г. он становится также профессором ЛГУ, в 1939–1942 гг. заведует кафедрой в Плановом институте. Наконец, при воссоздании юридического факультета ЛГУ в 1944 г. он становится первым его деканом (до 1949 г.) и заведующим кафедрой гражданского права (до 1954 г.). В 1958 г. его избирают действительным академиком АН СССР. Еще раз подчеркнем, что этот замечательный ученый внес свой вклад в развитие ярославской школы трудового права. Умер он 9 августа 1959 г.

Александра Митрофановича Стопани (1871–1932) можно назвать ярким представителем практиков советского трудового права. Он родился 9 ноября 1871 г. в Иркутской губернии в семье военного врача. После окончания гимназии он поступает на юридический факультет Казанского университета, где пошел по пути уже отчисленного годом раньше В. И. Ленина. Стопани вступил в нелегальный студенческий кружок и увлекся марксизмом. Вследствие этого и за пропуск занятий он был отчислен из университета и перевелся в Демидовский юридический лицей. Впрочем, в связи с большой занятостью политической работой он так и не смог завершить юридического образования. Но он получил определенный объем знаний по теории права, политэкономии и статистике, вынес некоторое уважение к формальному праву и законодательству, чем позднее существенно отличался от своих однопартийцев – большевиков. В 1895 г. А. М. Стопани организовал в Ярославле первый марксистский кружок, был делегатом Второго съезда РСДРП, где проявил себя «твердым» искровцем и поддержал позицию В. И. Ленина. В 1903–1904 гг. он участвовал в создании Северного комитета, в 1905–1907 г. был секретарем Костромско-

---

¹¹⁹¹ См.: Курс российского трудового права: В 3 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 1996. С. 384–385.

го комитета РСДРП, делегатом V съезда партии. Его официальная деятельность была связана с земской статистикой.

С 1908 г. Стопани непосредственно начал заниматься проблемами правового регулирования труда, работая в Союзе нефтепромышленных рабочих г. Баку. Особое внимание он уделял вопросам заработной платы, рабочего времени и времени отдыха, предотвращению несчастных случаев с рабочими нефтяной промышленности. Его работы были основаны на анализе большого статистического и нормативного материала, имели некоторые социологические аспекты. Преимущественно эти работы носили острокритический характер, а позитивная часть сводилась в основном к предложениям политического характера, связанным с изменением общественного строя¹¹⁹². Впоследствии он принял участие в революционных событиях 1917 г. в Петрограде. В советский период его практическая деятельность была в большей части прямо связана с проблемами труда и его правового опосредования.

В 1918 г. Стопани назначается комиссаром труда и промышленности в Терский народный совет (Северный Кавказ), а затем членом Коллегии Народного комиссариата труда (НКТ) РСФСР. В 1920 г. он снова член Северо-Кавказского ревкома, уполномоченный НКТ и ВЦСПС на Кавказе. В 1921–1922 гг. он является членом Революционного военного совета (РВС) Кавказской трудовой армии. В годы гражданской войны Стопани занимался преимущественно вопросами мобилизации трудовых ресурсов и организацией производства. С 1922 г. он продолжил работу в НКТ и одновременно стал членом Верховного Суда РСФСР. Наконец, на 1924–1929 гг. пришелся пик его юридической карьеры, когда Стопани стал прокурором РСФСР по трудовым делам. Отметим, что в этот же период действовали сессии народных судов по трудовым делам, что в целом обеспечивало относительно эффективный контроль за соблюдением трудового законодательства и оперативное разрешение трудовых споров. Но это касалось преимущественно частных предприятий. При этом Стопани наладил по-

---

¹¹⁹² Стопани А. М. Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих в связи с условиями работы на промыслах. Баку, 1910; Его же. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку, 1916; Стопани А. М., Карташев Н. Н. Несчастные случаи с рабочими в нефтяной промышленности (1907–1910 гг.). Баку, 1913 и др.

стоянные контакты своего ведомства с профсоюзами, инспекция-ми труда, руководством наркоматов и предприятий. Большое внимание уделялось не только карательным, но и превентивным мерам, направленным на предотвращение трудовых споров и нарушений трудового законодательства. Практическую деятельность он совмещал с активной публикаторской и научной работой. Были переизданы в переработанном виде его основные дореволюционные исследования¹¹⁹³. В дальнейшем он публиковал преимущественно работы, имеющие характер комментария действующего трудового законодательства и рекомендаций по его применению¹¹⁹⁴. А. М. Стопани неоднократно выступал в качестве редактора и автора предисловия к сборникам трудового законодательства и комментариям судебной практики по гражданским и трудовым делам¹¹⁹⁵. Многие годы он являлся главным редактором журнала «Вопросы труда», который стал подлинной трибуной советских ученых-трудовиков, центром обсуждения актуальных трудовых правовых проблем. На его страницах публиковались статьи всех ведущих отечественных специалистов по проблемам труда, а дискуссии не только не пресекались, но и приветствовались. В этом журнале печатались обширные обзоры литературы, в том числе зарубежной. В целом журнал можно сравнить с лучшими дореволюционными периодическими изданиями.

А. М. Стопани всегда был последовательным большевиком, но уважительно относился к чужому мнению и искренне считал, что интересы рабочих не могут приноситься в жертву экономической и политической целесообразности. В этой части он все дальше с конца 1920-х гг. начал расходиться с «генеральной ли-

---

¹¹⁹³ См.: Стопани А. М. Бакинский нефтепромышленный рабочий, его заработная плата и рабочий день. Л.; М., 1924; Его же. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. М., 1925.

¹¹⁹⁴ Стопани А. М. Работа конфликтных органов НКТ в центре и на местах. М., 1922; Его же. Год работы прокурора по трудовым делам при Верховном Суде. М., 1925; Его же. Пути к укреплению трудовой дисциплины. М., 1929 и др.

¹¹⁹⁵ Законодательство о труде в зарубежных странах (со сравнительными данными по СССР) / Под ред. А. М. Стопани. М.; Л., 1925–1927 гг.; Практика Верховного Суда РСФСР по гражданским и трудовым делам / Под ред. А. М. Стопани. М., 1926; Трудовые конфликты: Практическое руководство / Под ред. А. М. Стопани. М., 1925, 1926 и др.

нией» партии. Прокуратура по трудовым делам была ликвидирована вместе с закрытием трудовых сессий народных судов. Оставшись не у дел, Стопани с 1929 г. занимался в основном делами большевиков-ветеранов. По некоторым данным, он был репрессирован и расстрелян 23 октября 1932 г., впоследствии реабилитирован и перезахоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены. Как нам кажется, семена гуманизма и уважения к праву, посеянные преподавателями Демидовского юридического лица в душе Стопани, дали свои всходы.

3.5. От цивилистики к советскому трудовому праву

*(Д. М. Генкин, Е. И. Астрахан,
Е. Н. Данилова, Л. Я. Гинцбург, М. И. Бару)*

Выше уже неоднократно говорилось о том, что в числе первых ученых-трудоиков было немало цивилистов, начиная с Л. С. Таля. Об этом мы уже писали и в первой части книги. В этом параграфе речь пойдет об ученых, получивших гимназическое и высшее образование преимущественно в досоветский период и избравших первоначально своей специализацией гражданское право. Их исследования по трудовому праву были подготовлены уже в советский период. Трех первых из названных ученых объединяет то, что они учились или преподавали в Московском коммерческом институте (впоследствии Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (МИНХ)). Д. М. Генкин многие годы заведовал там кафедрой, а Е. И. Астрахан и Е. Н. Данилова были его студентами. Отметим, что в этом вузе еще до революции преподавалось промышленное право, где важное место уделялось рабочему праву. Этот курс с 1914 по 1917 гг. в институте читал Л. С. Таль. Кроме того, там была кафедра предупреждения несчастных случаев на фабриках и заводах, на которой до 1915 г. преподавал фабричный инспектор Л. Н. Игнатов. Гражданское и римское право накануне революции в данном вузе преподавали А. И. Покровский и А. Э. Вормс, о которых уже упоминалось выше. Некоторое время здесь вел занятия В. М. Гордон. С этим же институтом связана деятельность таких видных специалистов в социальном вопро-

се, как философы и теоретики права Н. Н. Алексеев, П. Н. Новгородцев. И. А. Ильин, преподававший в институте до 1920 г., вспоминал: «Просеминарий в Коммерческом институте давал мне удовлетворение. Огромная аудитория... Большая посещаемость (1200 человек нормально, 900 в конце семестра) ... Живая свободная импровизация, доводящая сущность права и правопереживания во всех элементах до образной ясности, до очевидности на всю жизнь»¹¹⁹⁶. Несколько особняком стоит бывший профессор МГУ Л. Я. Гинцбург, однако его увлечение трудовым правом с преподаванием в МГУ уже никак не связано. При этом и он в 1932–1934 гг. профессорствовал в МИНХ.

Дмитрий Михайлович Генкин (1884–1966) родился 19 сентября 1884 г. в г. Калуге в семье земского врача¹¹⁹⁷. После окончания 5-й мужской гимназии в Москве в 1902 г. поступил на медицинский факультет Московского университета (исключен с третьего курса в 1904 г. за участие в забастовке). Его старшая сестра Ольга, большевичка, была убита черносотенцами в 1905 г., ей поставлен памятник в Иванове. Сам Дмитрий Михайлович был членом РСДРП (меньшевик) в 1904–1907 гг., вышел из нее добровольно. Участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, был на нелегальном положении. В 1905 г. поступил на юридический факультет Московского университета, выезжал на обучение в Гейдельбергский университет. Оканчивает в 1909 г. Московский университет экстерном с отличием (дипломное сочинение «Коллективный договор»). Его интерес к социальной проблематике нашел отражение уже в его первых публикациях¹¹⁹⁸.

После этого был оставлен при кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию. В этом же году начинается его преподавательская деятельность на кафедре торгового и коммерческого права Московского коммерческого ин-

---

¹¹⁹⁶ Цит. по: Томсинов В. А. Иван Александрович Ильин (1883–1954): биографический очерк // Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2003. С. 15.

¹¹⁹⁷ Биография подготовлена по материалам личного дела Д. М. Генкина, которое хранится в архиве отдела кадров НИИЗ и СП.

¹¹⁹⁸ См.: Генкин Д. М. Коллективное страхование рабочих предпринимателем // Право. 1909. № 19 и др.

ститута (впоследствии Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (МИНХ)). Утверждается сверхштатным доцентом в 1912 г., а с 1915 г. – штатным доцентом и заведующим той же кафедры. Его вероятным конкурентом на должность заведующего был профессор Л. С. Таль. В 1912 г. Дмитрий Михайлович защищает магистерскую диссертацию в Казанском университете. В 1912–1914 гг. Генкин находился в зарубежной научной командировке в Лейпциге, итогом которой стало опубликованное сочинение «Относительная недействительность сделок».

В 1918 г. он утверждается профессором и заведующим кафедрой гражданского права МИНХ (оставался в той должности до 1950 г., одновременно в 1917–1924 гг. заведующий рабочим факультетом при институте, в 1920–1923 гг. ректор МИНХ). В 1918–1919 гг. преподавал в Университете им. Шанявского, в 1922–1930 гг. вел занятия в Московском промышленно-экономическом институте, в 1938–1943 гг. – в Московском плановом институте, в 1940–1941 гг. – в Военно-юридической академии и ряде других вузов (в т. ч. Всесоюзной академии внешней торговли, где также заведовал кафедрой с 1945 г.). В 1921–1936 гг. заведовал правовым отделом Всероссийского совета промысловой кооперации. В 1923 г. получает ученое звание профессора, а в 1936 г. без защиты диссертации утверждается кандидатом государственно-правовых наук. Награжден орденом «Знак почета» (1944 г.), двумя медалями, заслуженный деятель науки РСФСР (1945 г.).

В 1938–1941 гг. Дмитрий Михайлович возглавлял сектор гражданского права Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН). В эвакуации в 1941–1942 гг. он был избран членом Верховного Суда Башкирской АССР, после возвращения из нее, в 1942–1943 гг. – заместителем начальника отдела экономических и юридических вузов Всесоюзного комитета по высшей школе. С 1944 г. вновь возглавил сектор гражданского права ВИЮН, а в 1952–1953 гг. занимал должность заведующего сектором гражданского права и процесса. Освобожден от должности формально по его просьбе, но продолжал сотрудничать с ВИЮН. Отметим, что ученый в 1953 г. был обвинен в идеализме и субъективизме вместе с Н. Г. Александровым, А. В. Ве-

недиктовым, С. Н. Братусем¹¹⁹⁹. Возможно, его уход с руководящей должности был вызван начавшейся травлей. В период «хрущевской оттепели» эти обвинения больше не повторялись, но к руководящей работе Д. М. Генкин уже не вернулся.

Дмитрий Михайлович подготовил около 200 научных публикаций. Занимался он преимущественно проблемами гражданского права, а также общей теории права. Генкин был крупнейшим специалистом по внешнеторговому арбитражу, председателем Внешнеторговой арбитражной комиссии. Он хорошо знал основные европейские языки (немецкий, французский, английский), обладал широкой эрудицией. Наш герой представлял собой классический тип ученого, закрепившийся в массовом общественном сознании: увлеченный своими идеями, «в изрядно помятом костюме и сбившемся на бок галстук». При этом он оставался неизменно доброжелательным и внимательным интеллигентом старой школы. Д. М. Генкин был хорошим семьянином, отцом шестерых детей.

Одновременно Дмитрий Михайлович активно занимался проблемами трудового права, был автором и соавтором ряда учебников по данной дисциплине¹²⁰⁰. В 1918–1919 гг. в качестве профессора 1-го МГУ он должен был вести курс «Трудовое право» (данных о его прочтении нет). В октябре 1920 г. в планах ФОН МГУ числились занятия по предмету «Законодательство о труде», который должен был вести Д. М. Генкин. В 1919–1924 гг. он являлся консультантом при Правовом отделе ВЦСПС, принимал участие в разработке КЗоТ РСФСР 1922 г. Более того, в 1939–1941 гг. он являлся председателем комиссии по кодификации союзного трудового законодательства, одним из разработчиков проекта КЗоТ СССР (так и не был принят). Генкин постоянно выступал оппонентом на защите диссертаций по трудовому праву (последний раз на защите докторской диссертации С. С. Каринского в 1965 г.). Он подготовил первую в советский период докторскую диссерта-

---

¹¹⁹⁹ См.: Чхиквадзе В. М. За коренное улучшение научной работы в области советской юриспруденции // Социалистическая законность. 1953. № 2. С. 21–27.

¹²⁰⁰ См.: Генкин Д. М. Трудовое право. М., 1931; Советское трудовое право / Под ред. Н. Г. Александрова, Д. М. Генкина. М., 1946 и др.

цию по проблемам правового регулирования труда¹²⁰¹. Умер ученый 24 января 1966 г.

Особенно примечательна его научная дискуссия с М. М. Агарковым (1890–1944), с которым по жизни они были друзьями, о соотношении предметов правового регулирования трудового и гражданского права в рамках общей дискуссии о системе советского права 1938–1941 гг.¹²⁰² В ходе названной дискуссии были высказаны два противоположных мнения. Известный цивилист М. М. Агарков предложил разделить предмет трудового права между гражданским и административным правом. К первому должны были отойти имущественные отношения, складывающиеся в сфере применения труда на государственных предприятиях, в колхозах и промысловой кооперации. К административному праву предлагалось отнести дисциплинарную власть администрации, дисциплинарную ответственность работников и другие организационные отношения. Вывод М. М. Агаркова был однозначен: «Советское социалистическое трудовое право есть часть социалистического гражданского права»¹²⁰³. Такая позиция имела под собой основание, т. к. администрация предприятия в условиях огосударствления экономики действительно была низшим звеном государственной администрации. Но такая позиция нарушала принцип единства предмета, разделяя организационные и имущественные элементы трудового отношения, которые составляли неразрывное целое¹²⁰⁴. Между тем М. М. Агарков считал трудовые отношения имущественными, что не нашло поддержки даже

---

¹²⁰¹ См.: Генкин Д. М. Правовое регулирование труда в промысловой кооперации: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1939.

¹²⁰² Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 52–72; Генкин Д. М. Предмет и система советского трудового права // Советское государство и право. 1940. № 2. С. 55–71.

¹²⁰³ Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права. С. 56.

¹²⁰⁴ В советской науке такую позицию наиболее последовательно отстаивал Н. Г. Александров (см.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 148–150.) В свое время на это неоднократно указывал Л. С. Таль (См.: Таль Л. С. Трудовой договор. Ч. 1. Ярославль, 1913. С. 80–91 и др.)

у многих специалистов по гражданскому праву¹²⁰⁵. Специалисты по административному праву не поддержали идею о включении в предмет их отрасли организационных отношений, возникающих в процессе применения труда рабочих и служащих на предприятиях и в организациях¹²⁰⁶. Ученые-трудовики подвергли концепцию М. М. Агаркова обоснованной и аргументированной критике¹²⁰⁷.

С другой стороны, Д. М. Генкин предложил отнести отношения, вытекающие из договора подряда (заказа), поручения, авторское и изобретательское право, связанные с использованием труда, к предмету трудового права, ссылаясь на то, что труд при социализме имеет единую природу¹²⁰⁸. Эта позиция также была вполне обоснована, т. к. все рабочие и служащие, кроме полумифических «некооперированных кустарей», состояли в трудовых отношениях. К тому же эта «широкая концепция» восходила еще к трудам Ф. Лотмара, а ныне получила отражение в понятии «экспансия трудового права». А. Е. Пашерстник обоснованно отмечал, что и Д. М. Генкин, и М. М. Агарков были едины во мнении, что трудовые правоотношения включают в себя отношения по авторскому договору, по изобретательству и по договору индивидуального заказа. Различие их позиций заключалось в том, что Д. М. Генкин относил их к предмету трудового права, а М. М. Агарков – гражданского¹²⁰⁹.

Примирительную и компромиссную позицию занял видный теоретик советского права М. А. Аржанов, который писал: «Отношения, связанные с применением человеческого труда, регулируются не только трудовым правом, но и колхозным правом, административным правом, авторским и изобретательским правом... Даже в трудовых колониях имеются своеобразные «отношения по

---

¹²⁰⁵ См.: Братусь С. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 36–52.

¹²⁰⁶ См.: Петров Г. Предмет советского административного права // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 38.

¹²⁰⁷ См.: Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955. С. 57–62 и др.

¹²⁰⁸ См.: Генкин Д. М. Предмет и система советского трудового права // Советское государство и право. 1940. № 2. С. 60–65.

¹²⁰⁹ См.: Пашерстник А. Е. К вопросу о понятии вознаграждения за труд рабочих и служащих // Вопросы труда. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 227 и др.

труду». Стало быть, не труд вообще составляет предмет регулирования трудового права, а определенный круг общественных отношений, связанных с применением определенного вида труда»¹²¹⁰.

Позиция Д. М. Генкина также не встретила понимания у большинства ученых-трудовиков, однако его можно назвать видным отечественным ученым-трудовиком, обосновавшим «широкую» концепцию предмета трудового права.

Единственным учеником Д. М. Генкина, оставившим яркий след в истории советской науки трудового права и права социального обеспечения, был **Евгений Иванович (Исаакович) Астрахан** (1897–1975). Он родился 13 июня 1897 г. в семье фабричного врача. Его отец был одним из самых известных и уважаемых фабричных врачей России, автором научных работ по медицине и социальному страхованию. В этой связи Евгений Иванович с детства был знаком с «рабочим вопросом» и его остротой. Авторитет его отца и большое уважение среди рабочих впоследствии в какой-то мере скрашивали «непролетарское» происхождение сына. По политическим взглядам Е. И. Астрахан до 1917 г. был близок к левому крылу кадетской партии, хотя формально в ней не состоял. Он получил хорошее гимназическое образование, но его молодость пришлось на период революции и гражданской войны.

В 1915 г. он поступил в Московский коммерческий институт (МКИ), но только в 1923 г. окончил экономический факультет (по специальности «право») Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (бывший МКИ) (обучался в 1915–1917 и 1921–1923 гг.), а затем сдал экзамены на правовое отделение 1-го МГУ (обучался в 1919–1923 гг.). Его учителем был Д. М. Генкин, а среди сокурсников некоторое время числился С. С. Кравчук, ставший впоследствии видным специалистом по советскому государственному праву. Е. И. Астрахан также слушал лекции Л. С. Таля и И. А. Покровского. Уже в то время он проявил себя глубоким и инициативным исследователем, отличающимся исключительной человеческой и научной порядочностью. В лице Астрахана мы имеем тот уникальный случай, когда беспартийный интеллигент, никогда не выразивший восторгов по поводу совет-

---

¹²¹⁰ Аржанов М. А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 15.

ской власти, оказался этой властью востребован. Его трудовая деятельность началась в структурах ВСНХ (заведующий отделением, затем старший ревизор в 1919–1921 гг.), а продолжилась в 1921–1933 гг. в должности старшего инспектора, консультанта и старшего консультанта Народного комиссариата труда РСФСР (с 1923 г. – СССР). Одновременно он вел и преподавательскую работу в вузах Москвы. Его первые научные исследования имели сугубо прикладной характер¹²¹¹. С 1933 по 1941 гг. он работал консультантом в ВЦСПС. При этом во всех анкетах и даже в личных беседах он не скрывал того, что до революции испытывал симпатии к партии кадетов, хотя его лояльность к новому режиму также не ставилась под сомнение.

В 1941 г. он приглашается старшим научным сотрудником в ВИЮН (впоследствии ВНИИСЗ), с которым была связана вся его последующая жизнь до самой кончины 6 сентября 1975 г. Его переход на работу в ВИЮН оброс легендами и сейчас трудно отличить правду от некоторых преувеличений, но общую канву установить можно. В 1941 г. по инициативе заместителя директора института Б. С. Ошеровича и заведующего сектором трудового права Н. Г. Александрова он приглашается научным сотрудником в ВИЮН. В анкете Астрахан опять указал, что до революции стоял на платформе кадетской партии. Н. Г. Александров просил его это упоминание исключить из анкеты. Мотивация для этого была более чем весомой, ибо еще с 1918 г. кадеты официально были объявлены «партией врагов народа». Что это значило в 1941 г., знали все. Но Астрахан заявил, что не будет давать ложных сведений о себе. Этот, на первый взгляд, романтический идеализм и был лучшим проявлением его человеческих качеств. Александров обратился к директору ВИЮН И. Т. Голякову (1881–1961), который был также и Председателем Верховного суда СССР. Голяков, будучи человеком малообразованным, с большим уважением относился к настоящим ученым, к числу которых относился Астрахан. В этой связи он разрешил Александрову взять Астрахана в сектор трудового права, анкету убрать в сейф, а в случае проверки «потерять от этого сейфа ключ». В итоге Александров так и сделал, а институт приобрел прекрасного специалиста.

---

¹²¹¹ См.: Астрахан Е. И. Права рабочих и служащих, призываемых в Красную армию. М., 1925.

В 1941 г. он был в народном ополчении, отчислен по болезни. После эвакуации ВИЮН в г. Чкалов (ныне г. Оренбург) Астрахан представлял в своем лице весь бывший сектор трудового права института. Одновременно, после возвращения в Москву, в 1943–1946 гг., он трудился в Управлении по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при СНК РСФСР¹²¹². Его специализацией являлось трудовое право, а также входившее в него право социального обеспечения, преимущественно социальное страхование. Его научная работа была связана с потребностями практики. В 1942 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Пенсионное обеспечение инвалидов войны и семей военнослужащих, погибших на войне». В 1950 г. Управлением учебных заведений Минюста СССР ему было поручено подготовить методическое письмо по советскому трудовому праву для учащихся юридических школ¹²¹³. В то время такая практика была достаточно распространенной. Например, в 1941 г. подобное письмо готовил Г. К. Москаленко¹²¹⁴. Е. И. Астрахан довольно подробно разобрал типичные недостатки в процессе преподавания, хотя не назвал ни одного имени «идеологических» отступников или заблуждающихся. Этим его письмо выгодно отличалось от более резкого и категоричного, хотя в целом и объективного письма Москаленко. В 1949 г. Астрахан совместно с Н. Г. Александровым подготовили специальное пособие для судей по проблемам применения трудового законодательства¹²¹⁵.

В 1965 г. без защиты Астрахану была присвоена ученая степень доктора юридических наук. В этот период он вместе с другими учеными сектора трудового права активно занимался проблемами систематизации советского трудового законодательства, его юридической техники¹²¹⁶. Постоянным соавтором и

---

¹²¹² Астрахан Е. И. Государственное обеспечение семей военнослужащих и инвалидов войны // Советское право в период Великой Отечественной войны. М., 1948.

¹²¹³ См.: Астрахан Е. И. Методическое письмо по советскому трудовому праву для учащихся юридических школ. М., 1950.

¹²¹⁴ См.: Москаленко Г. К. Методическое письмо о преподавании курса трудового права в юридических школах. М., 1941.

¹²¹⁵ См.: Александров Н. Г., Астрахан Е. И. Трудовое право. М., 1949.

¹²¹⁶ См.: Астрахан Е. И. Вопросы законодательной техники (по материалам законодательства о труде и социальном обеспечении) // Ученые записки ВНИСЗ. 1969. Вып. 16. С. 3–24.

другом Астрахана был С. С. Каринский¹²¹⁷. Первым из отечественных ученых он начал разрабатывать проблему комплексных нормативных актов, содержащих нормы трудового права¹²¹⁸. При этом Астрахан продолжал публиковать комментарии к действующему трудовому законодательству и анализировать практику его применения¹²¹⁹.

Он был автором 80 научных работ, принимал участие в подготовке Основ законодательства Союза ССР о труде и КЗоТ РСФСР 1971 г. С 1974 г. являлся старшим научным сотрудником-консультантом ВНИИСЗ. Астрахана можно назвать совестью науки советского трудового права. Он был исключительно демократичным, скромным и доброжелательным человеком. Его такт и порядочность некоторым казались даже излишними. Не было случая, чтобы он кому-либо отказал в помощи или совете. Преданность Е. И. Астрахана науке не знала предела, он так и не создал своей семьи и жил в семье родной сестры. Коллега по институту Г. Н. Полянская так писала о нем: «... Добросовестнейший из добросовестнейших, ответственнейший из ответственнейших, всеми любимый и уважаемый Евгений Иванович Астрахан»¹²²⁰. Умер ученый 6 сентября 1975 г.

Е. И. Астрахан разграничивал *два понятия трудового законодательства*: трудовое законодательство в собственном смысле и трудовое законодательство в широком смысле. Первое включало в себя совокупность актов, относящихся к регулированию

---

¹²¹⁷ См.: Астрахан Е. И., Каринский С. С., Ставцева А. И. Роль советского трудового права в плановом обеспечении народного хозяйства кадрами. М., 1955; Каринский С. С., Астрахан Е. И. Теоретические вопросы систематизации советского трудового законодательства // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства. М., 1961. С. 49–55.

¹²¹⁸ См.: Астрахан Е. И. Нормы трудового права в нормативных актах других отраслей советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. 1971. Вып. 23. С. 36–60.

¹²¹⁹ См.: Астрахан Е. И. Перевод на другую работу. М., 1977; Астрахан Е. И., Никитинский В. И., Ставцева А. И. Трудовое право. М., 1967 и др.

¹²²⁰ Полянская Г. Н. Традиции ВИЮНа // Прянишников Е. А. Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения. М., 2000. С. 97.

трудовых отношений, а второе – не только акты трудового законодательства, но и правовые нормы о труде, содержащиеся в других отраслях законодательства¹²²¹. Последние также относятся к источникам трудового права.

Е. И. Астрахан считал, что *при переводах работника в другое предприятие* трудовое правоотношение не прекращается, изменяется только один из его субъектов. Трудовое правоотношение работника, по его мнению, включает в себя не только правоотношение с конкретным предприятием, но и в какой-то мере с системой (например, совнархоза)¹²²². При тотальном господстве государственной собственности перевод из одного предприятия в другое в пределах одной системы обычно оформлялся приказом вышестоящей организации. Перевод в предприятие другой отраслевой или территориальной системы производился по согласованию между руководителями предприятий¹²²³. Точка зрения Е. И. Астрахана, основанная на сложившейся и получившей легальное закрепление практике переводов, была подвергнута критике. Так, К. Абжанов отмечал, что целая система как совокупность предприятий, не может выступать стороной трудового правоотношения. Контрагентом трудящегося всегда является конкретное социалистическое предприятие, обладающее правами юридического лица¹²²⁴.

В советской науке трудового права Е. И. Астрахан обосновал один из самых полных *перечней критериев классификации переводов*. Он проводил эту классификацию по следующим основаниям: 1) по народнохозяйственной роли переводов; 2) по причинам, их вызывающим; 3) по целям, которые они преследуют; 4) по соотношению между прежней работой, с которой работник переводится, и новой; 5) по источнику инициативы перевода; 6) по сроку¹²²⁵. К. Абжанов, соглашаясь в целом с предложенной класси-

¹²²¹ См.: Астрахан Е. И. Нормы трудового права в нормативных актах других отраслей советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 23. М., 1971. С. 36–60.

¹²²² См.: Астрахан Е. И., Каринский С. С., Ставцева А. И. Указ. соч. С. 162.

¹²²³ СП СССР. 1957. № 6. Ст. 70.

¹²²⁴ Абжанов К. Трудовой договор по советскому праву. М., 1964. С. 90.

¹²²⁵ См.: Астрахан Е. И., Каринский С. С., Ставцева А. И. Указ. соч. С. 149 и далее.

фикацией, дополнил перечень критериев классификации переводов таким основанием, как обязательность предложения о переводе для сторон трудового договора¹²²⁶. Перечисленные критерии довольно полно характеризуют каждый вид переводов на другую работу, но их можно унифицировать.

В науке советского трудового права М. И. Бару принадлежит заслуга в обосновании признаков оценочных понятий. К таковым он причислял следующие: 1) эти понятия не конкретизированы законодателем или иным компетентным органом; 2) уточняются в процессе правоприменения; 3) дают правоприменителю возможность свободного усмотрения, свободной оценки факторов¹²²⁷. Е. И. Астрахан дополнил третий признак значимой характеристикой о том, что правоприменитель в ходе самостоятельной оценки фактов обязан соблюдать те общие критерии или признаки, которые предусмотрены в данном оценочном понятии¹²²⁸. Тем самым устанавливаются пределы усмотрения правоприменителей при использовании оценочных категорий.

Е. И. Астрахан был первым ученым, который обратился к истории советского пенсионного законодательства¹²²⁹. Это позволило ему рассмотреть эволюцию советской пенсионной системы, начиная от первых двух исторически сложившихся ее форм (по инвалидности и по случаю потери кормильца) до разветвленной системы социального обеспечения. Он отмечал, что в конце 1920-х гг. вводится социальное страхование по старости трудящихся отдельных отраслей промышленности (в начале для рабочих предприятий текстильной промышленности с 1928 г.). Если с 1917 по 1927 гг. старость («старческая дряхлость») признавалась как одна из причин инвалидности, дававшей право на пенсионное обеспечение, то с 1928 г. старость становится самостоятельным основанием пенсионного обеспечения. Как отмечалось, пен-

---

¹²²⁶ См.: Абжанов К. Указ. соч. С. 84.

¹²²⁷ См.: Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 104.

¹²²⁸ См.: Астрахан Е. И. Оценочные понятия в советском законодательстве о труде и социальном обеспечении // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 30. М., 1974. С. 39.

¹²²⁹ См.: Астрахан Е. И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. М., 1971.

сионное обеспечение по старости стало осуществляться «вне зависимости от состояния трудоспособности (но при наличии определенного трудового стажа)»¹²³⁰.

Он внес существенный вклад в развитие теории пенсионного обеспечения. Им обоснованы принципы советского пенсионного обеспечения рабочих и служащих: распространение государственного пенсионного обеспечения на всех рабочих и служащих; выплата пенсий исключительно за счет государства; полнота и распространенность видов пенсионного обеспечения; доступность условий, определяющих право на пенсию; высокий уровень пенсионного обеспечения; отражение в пенсионном обеспечении распределения по труду; всесторонняя и повышенная охрана права на пенсию, участие профсоюзов в осуществлении пенсионного обеспечения. Кроме того, в перечень принципов пенсионного обеспечения Е. И. Астрахан включил и принципы установления более высоких норм пенсий для нижеоплачиваемых, чем для выше оплачиваемых работников и дифференциации размеров пенсий в зависимости от семейного положения пенсионеров¹²³¹. Эти принципы были ничем иным, как отражением социалистического принципа равенства, или, в современной интерпретации, «принципа социалистической уравниловки».

Большое внимание Астрахан уделял исследованию вопросов пенсионного правоотношения, в том числе проблеме классификации юридических фактов в области пенсионного обеспечения¹²³². Юридические факты, порождающие пенсионное правоотношение, он делил на две группы: факты, которые непосредственно порождают пенсионное правоотношение (возраст, стаж и др.), и факты, сопутствующие их осуществлению (письменное волеизъявление гражданина и акт компетентного органа)¹²³³.

¹²³⁰ См.: Астрахан Е. И. Развитие законодательства о пенсиях рабочих и служащим. С. 88.

¹²³¹ См.: Астрахан Е. И. Принципы пенсионного обеспечения рабочих и служащих в СССР. М., 1961.

¹²³² См.: Астрахан Е. А. Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву // Ученые записки ВИЮН. Вып. 14. 1962; Его же. Трудовое увечье и иждивенство. М., 1967.

¹²³³ Астрахан Е. А. Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву. С. 165.

Е. И. Астрахан впервые высказал идею о семье как коллективном субъекте пенсионных правоотношений по случаю потери кормильца¹²³⁴, и впоследствии она была поддержана целым рядом ученых (В. С. Андреев, А. Д. Зайкин и др.). Однако имелись и противники данного положения. Так, Я. М. Фогель писал о не конструктивности существования такого коллективного субъекта, т. к. «признание каждого из членов семьи отдельным субъектом пенсионного правоотношения, возникающего по случаю потери кормильца, создало бы в перспективе возможность более полного и дифференцированного учета потребностей члена семьи и семьи как целого»¹²³⁵.

В качестве основной характеристики метода он называл социально-алиментарный характер распределения социальных благ и услуг¹²³⁶.

Елизавета Николаевна Данилова (1890? – после 1953) являлась одним из пионеров советской науки трудового права. Про нее нам известно достаточно немного. В начале 1910-х гг. она училась в Народном университете им. Шанявского¹²³⁷ (данные о завершении учебы отсутствуют, но поступила на обучение она не ранее 1909 г.). В 1913 г. она окончила Московский коммерческий институт¹²³⁸. Ее учителем был известный цивилист А. Э. Вормс. Начинаящий ученый активно публиковалась накануне и в период революционных событий¹²³⁹. Ее ждала акаде-

---

¹²³⁴ См.: Астрахан Е. А. Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву. С. 153.

¹²³⁵ Фогель Я. М. Право на пенсию и его гарантии. М., 1972. С. 135.

¹²³⁶ См.: Астрахан Е. И. Принципы пенсионного обеспечения. М., 1961. С. 52.

¹²³⁷ См.: Данилова Е. Н. Ответственность должника за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913 (оттиск из «Трудов слушателей Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского»).

¹²³⁸ См.: Данилова Е. Н. Реформа русского гражданского процесса (Доклад на заседании Общества окончивших Московский коммерческий институт 23 ноября 1913 г.). М., 1914 (оттиск).

¹²³⁹ Данилова Е. Н. Юридическая природа операции «специальный текущий счет». М., 1914 (оттиск); Ее же. Договор запродажи и его нормировка в действующем русском праве и проекте обязательственного права // Памяти А. В. Завадского: Сб. ст. Казань, 1917; Ее же. Судебная

мическая карьера, подготовка к профессорскому званию в Московском коммерческом институте под руководством А. Э. Вормса, но свои коррективы внес октябрь 1917 г. Первоначально Данилова работала в хозяйственных органах, а в 1920-е – начале 1930-х гг. возглавляла юридическое бюро Народного комиссариата труда (НКТ) РСФСР и СССР (с 1923 г.), была автором целого ряда научных работ и комментариев к трудовому законодательству¹²⁴⁰. Отметим, что заместитель Е. Н. Даниловой по юридическому бюро НКТ Арсений Федорович Лях был также достаточно известным специалистом по трудовому праву¹²⁴¹. Еще в 1920-е гг. Елизавете Николаевне было присвоено ученое звание профессора. Она также преподавала в ряде вузов, в частности до 1952 г. в ВЮЗИ. Последнее упоминание о ней мы нашли в связи с выступлением первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Б. К. Бегичева в МГУ осенью 1953 г.¹²⁴²

практика по торговым делам // Вестник права. 1917. № 13–15, С. 22–23; Ее же. Рец. на кн.: Пособие для практического усвоения гражданского права / Под ред. В. М. Гордона. Харьков, 1917 // Юридическая библиография. 1917. № 3–5. С. 72–73 и др.

¹²⁴⁰ См.: Данилова Е. Н. Законодательство о труде в новых экономических условиях // Вопросы труда. 1923. № 1. С. 10–16; Ее же. Значение кодификации трудового законодательства // Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 109–116; Ее же. Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. 1923. № 1. С. 124–132; Ее же. Обеспечение увечных в порядке социального страхования и по гражданскому кодексу. Законодательство СССР и союзных республик и судебная практика. М., 1927; Ее же. Регулирование времени отдыха и отпусков в современных условиях // Вопросы труда. 1924. № 1. С. 11–24; Ее же. Советское законодательство о труде за 1921 год // Советское право. 1922. № 2. С. 102–115; Ее же. Советские законы о труде. М., 1926; Данилова Е. Н. и др. Увольнение рабочих и служащих по действующему законодательству о труде. М., 1930 и др.

¹²⁴¹ См.: Лях А. Ф. Гражданский кодекс и трудовые отношения // Вопросы труда. 1923. № 12. С. 36–47; Его же. К вопросу о характере советского трудового права // Вопросы труда. 1924. № 9; Его же. Рабочее время и время отдыха. М., 1928; Его же. Развитие советского трудового законодательства за 10 лет // Вопросы труда. 1927. № 10; Его же. Трудовой договор. М., 1927 и др.

¹²⁴² См.: Советское государство и право. 1954. № 1. С. 140.

С ее именем связано начало неофициальной систематизации советского трудового законодательства. Первый относительно полный сборник трудового законодательства был подготовлен в 1923 г.¹²⁴³ В целом этот комментарий был неполным и произвольным, что отмечалось Е. Н. Даниловой¹²⁴⁴. Ошибки были учтены. Новый многотомный систематизированный сборник действующего законодательства о труде, подготовленный Е. Н. Даниловой¹²⁴⁵, можно назвать лучшим за вторую четверть XX в. При этом она достаточно откровенно указывала на то, что КЗоТ 1918 г. был построен на всеобщей трудовой повинности и принципе уравнительности. Нормы кодекса, по мнению ученой, были направлены на обеспечение принудительности и уравнительности¹²⁴⁶.

Как новому «красному профессору» ей поручили выступить редактором советского издания и автором предисловия к исследованию германского ученого-трудовика В. Каскеля (о нем говорилось в первой главе). В своем предисловии она предупреждала о том, что при чтении данной книги не следует забывать «чисто буржуазных воззрений автора и соответственно относиться к его выводам»¹²⁴⁷. Отмечалось, что основанием к переводу книги названного автора послужило именно то обстоятельство, что хотя она и лишена должного политического освещения, но является типом приемлемого учебника-справочника, в котором можно найти в сжатой форме ответ на любой вопрос по германскому трудовому законодательству. Однако сама Елизавета Николаевна хорошо знала немецкий язык, активно использовала труды ино-

---

¹²⁴³ См.: Действующее законодательство о труде (Комментированный свод действующих законоположений в связи с Кодексом о труде 1922 года) / Сост. Е. А. Колотухин, А. М. Килинский. М., 1923.

¹²⁴⁴ См.: Вопросы труда. 1923. № 3. С. 22–24.

¹²⁴⁵ См.: Действующее законодательство о труде / Сост. Е. Н. Данилова: В 5 т. М.; Л.; 1925–1926. Это было второе, наиболее полное издание. Первое издание в 4-х выпусках вышло в 1922–1924 гг. См. также: Кодекс законов о труде... (Практический комментарий) / Сост. Е. Н. Данилова. М., 1923; Кодекс законов о труде с постатейными разъяснениями / Под ред. Е. Н. Даниловой и А. М. Стопани. М., 1929.

¹²⁴⁶ См.: Данилова Е. Н. Советские законы о труде. М., 1926. С. 18–19.

¹²⁴⁷ Данилова Е. Н. Предисловие // Каскель В. Новое трудовое право. М., 1925. С. 5.

странных ученых и материалы законодательства государств Запа- да в своих первых исследованиях.

И по должности, и по призванию в 1920-е гг. она принимала участие практически во всех научных дискуссиях по трудово- правовой проблематике. Так, Е. Н. Данилова предлагала разграничить *сферы действия союзного трудового законодательства и законо- дательства союзных республик* следующим образом. КЗоТ СССР должен устанавливать минимум трудовых прав и гарантий и при- меняться в полном объеме к основным кадрам, т. е. тем трудящим- ся, для которых работа по найму является основным источником средств к существованию. В отношении иных работников, для ко- торых наемный труд не является постоянным и основным источ- ником (сельскохозяйственные работники, работники кустарной промышленности и др.), пределы применения КЗоТ СССР долж- ны устанавливаться законодательством союзных республик¹²⁴⁸.

Однако она была достаточно жестким проводником поли- тики *централизации и унификации трудового права*, перенесе- ния его нормирования преимущественно на законодательный уровень. Например, она подчеркивала, что теория и практика 1920-х гг. исходили из того, что лишь некоторые, очень немногие вопросы регулирования рабочего времени могут быть предме- том соглашения и получать в коллективных и трудовых догово- рах решение иное, нежели то, которое предусмотрено законом; но и эти отдельные отступления допустимы только в той мере, в какой их возможность прямо предусмотрена в соответствующем нормативном акте¹²⁴⁹.

Она отмечала, что сменная работа непосредственно связана с проблемой работы в ночное время. Ночной труд требует приме- нения материально-правовых мер, направленных на компенсацию неудобств такой сменной работы. Одним из способов ослабления отрицательных последствий ночной работы является сокращение

---

¹²⁴⁸ См.: Данилова Е. Н. Советские законы о труде. С. 42–45; Ее же. К проекту Кодекса основных законов о труде СССР // Советское право. 1925. № 3. С. 11–12.

¹²⁴⁹ См.: Данилова Е. Н. Пределы общесоюзного законодательства о труде // Вопросы труда. 1924. № 10. Ее же. Необходимо ли унифициро- вать трудовое законодательство Союза ССР и союзных республик? // Со- ветское право. 1928. № 2. С. 24–49.

ее продолжительности. Подчеркивалось, что советское трудовое законодательство начиная с 1918 г. уменьшало меру труда работников в ночное время. КЗоТ 1918 г. устанавливал предельную норму рабочего времени ночью в семь часов. КЗоТ 1922 г. содержал четкую формулировку о сокращении рабочего времени на 1 час, для лиц как с нормальным рабочим днем, так и сокращенным. Таким образом, уменьшалась мера труда работников при работе ночью. Практика применения Кодекса, как отмечала Е. Н. Данилова, свидетельствовала о том, что законодатель предусмотрел сокращение работы в ночное время для лиц не только с нормальным, но и сокращенным рабочим днем¹²⁵⁰. Начиная с 1930-х гг. публикации ученого нам не встречались, а обстоятельства ее дальнейшей жизни достоверно неизвестны.

Леонид Яковлевич Гинцбург (1901–1976) родился в апреле 1901 г. в г. Красноярске в семье медиков¹²⁵¹. Его отец был врачом, а мать – фельдшером. После окончания в 1918 г. Красноярской губернской гимназии он поступил на юридический факультет (с 1920 г. факультет общественных наук) Томского университета, который окончил в 1921 г. В это время в Томске преподавали многие известные русские юристы, а в условиях периодической смены власти идейная цензура еще не была установлена. Достаточно вспомнить, что тогда в сибирском вузе занятия вели цивилисты А. А. Симолин и В. Я. Рязановский, теоретик права В. Ф. Залеский и историк *М. М. Хвостов* и др. Последний из них, в прошлом профессор Казанского университета был крупным специалистом по истории рабочего вопроса¹²⁵².

---

¹²⁵⁰ См.: Данилова Е. Нормирование рабочего времени после издания Кодекса законов о труде 1922 года // Вопросы труда. 1924. № 2. С. 18–27 и др.

¹²⁵¹ Отметим, что биографические данные о нем в печати фрагментарны и неточны. Так, в биографическом словаре профессоров МГУ ему посвящено несколько строчек, при этом он назван «Гинцбургом», а предполагаемой датой его смерти указан 1954 г. (см.: Профессора МГУ. 1755–2004. Биографический словарь: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 305). В данном случае его биографические данные мы почерпнули из личного дела ученого, хранящегося в архиве кадровой службы ИГП РАН.

¹²⁵² См.: Хвостов М. М. История рабочего движения в Западной Европе в Новое Время. Казань, 1917; Его же. Развитие форм промышленности в древнем мире. Казань, 1915 и др.

В результате Гинцбург получил широкую гуманитарную и юридическую подготовку, а его сочинение (дипломная работа) было посвящено философии права И. Канта. Уже тогда он в совершенстве знал французский язык, владел немецким и латынью. Масштаб его дарования проявился в студенческие годы, и сразу после окончания университета он направляется в аспирантуру МГУ.

По окончании аспирантуры в 1923 г. Гинцбург становится ассистентом кафедры гражданского права Саратовского университета, в 1925 г. получает ученое звание доцента и в 1929–1930 гг. преподает в МГУ. Его научным руководителем стал видный советский теоретик права Е. Б. Пашуканис.

В 1930–1931 гг. Гинцбург был профессором на факультете советского права МГУ, который выделился затем в Московский юридический институт, а затем заведовал там кафедрой хозяйственного права. С 1925 г. он активно занимался исследовательской работой, сотрудничал с секцией теории права и государства Института советского права, активно публиковался. В 1929 г. Гинцбург выступил с обоснованием новой научной дисциплины – хозяйственно-административного права. В нашу задачу не входит разбор его цивилистических воззрений¹²⁵³, но совершенно очевидно, что хозяйственные планово-организованные отношения между государственными предприятиями при социалистическом строе трудно отнести к предмету гражданского права без существенных оговорок и корректировок. На наш взгляд, в концепции Гинцбурга было рациональное зерно, а его исследования по хозяйственному праву отличались продуктивностью¹²⁵⁴.

---

¹²⁵³ См.: Гинцбург Л. Я. О хозяйственном кодексе СССР. М., 1933; Его же. О хозрасчете. М., 1931; Вопросы советского хозяйственного права / Под ред. Л. Я. Гинцбурга: Сб. 1. М., 1933; Курс советского хозяйственного права / Под ред. Л. Я. Гинцбурга и др. Л., 1935. Т. 1–2 и др. После освобождения из заключения к данной проблематике он уже не возвращался, кроме исключительных случаев (см., например: Гинцбург Л. Я. К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 84–94).

¹²⁵⁴ О содержании дискуссии о хозяйственном праве см.: Мартемьянов В. С. Юридическая трагедия // *Argumentum ad iudicium*. ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА: Труды. Т. 1. М., 2006. С. 2–11.

В 1929–1930 гг. он был младшим, а в 1930–1934 гг. – старшим научным сотрудником и заведующим сектором хозяйственного права Института советского права Коммунистической академии. Одновременно с 1932 г. он назначается профессором и заведующим кафедрой хозяйственного права Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и остается в этой должности до конца 1934 г. На тот период у него было 70 научных работ, в том числе 22 книги и 48 статей. В это время выходит первая публикация Гинцбурга, посвященная проблемам трудового права¹²⁵⁵. В 1935 г. по совокупности трудов он утверждается в ученой степени доктора государственных (юридических) наук. Профессорское звание ему было присвоено еще в 1931 г., когда Леониду Яковлевичу было всего 30 лет. В то время это был беспрецедентный случай, свидетельствующий о его признании и авторитете в научном мире. Еще в 1930 г. он вступает кандидатом в члены ВКП(б), но его кандидатство затянулось до самого ареста. Примечательно, что во всех его характеристиках указывалось, что он является «выдержанным марксистом» и превосходит по научному уровню «дореволюционных буржуазных ученых». Действительно, он был в то время и остался в дальнейшем последователем учения К. Маркса, но относился к нему не догматически, а творчески. Да и на фоне дореволюционных российских юристов он явно не затерялся бы.

В 30-х гг. XX в. Гинцбург был одним из самых публикуемых за рубежом советских юристов. Число его работ, вышедших на Западе, особенно во Франции, приблизилось к 20. Это во многом повлияло и на его дальнейшую карьеру. По инициативе Е. Б. Пашуканиса в декабре 1934 г. он назначается юрисконсультom и заведующим управлением отдела Торгпредства СССР во Франции. На этой работе его прекрасное знание французского языка и европейская известность очень пригодились. С зарубежными коллегами он во всех отношениях вел диалог на равных. Ученый собрал в Торгпредстве богатую научную библиотеку, создал обширную справочную систему, активно отстаивал экономические интересы СССР во Франции. В Париже Гинцбург работал до апреля 1937 г., когда вместе с 5 другими советскими работниками был неожидан-

---

¹²⁵⁵ См.: Гинцбург Л. Я. Больные вопросы организации набора рабочей силы // Вопросы труда. 1932. № 7. С. 3–22.

но отозван в Москву. Слухи о начале «большого террора» и политических процессов над инакомыслящими доходили и до Парижа. Советские дипломаты «старой школы» повсеместно отзывались, и подавляющая часть из них, в лучшем случае, приговаривались судом не к расстрелу, а к лишению свободы. Гинцбург, как и его коллеги, это знал. Двое из 6 работников отказались вернуться в СССР и стали политическими эмигрантами. Гинцбург, вероятно, понимал как рискует, но не чувствовал за собой вины и своевременно вернулся в Москву.

Одновременно в январе 1937 г. арестовывается его учитель, бывший заместитель наркома юстиции Е. Б. Пашуканис, которого расстреляли в сентябре того же года. По установившейся мрачной «традиции» правоохранительным органам надо было раскрыть «заговор» вокруг казненного, и на эту роль идеально подходил ученик и друг опального патриарха советской юридической науки. К тому же, два дяди Гинцбурга еще до 1917 г. эмигрировали в США, а научная дисциплина хозяйственного права была объявлена «вредительской». Это предредило его дальнейшую судьбу. По возвращении в СССР его первоначально не арестовали, а в мае 1937 г. даже назначили профессором и заведующим кафедрой гражданского права Правовой академии Наркомата юстиции СССР. Такая «странная игра» судьбами людей накануне ареста была обычной практикой НКВД. Впрочем, эта игра надолго не затянулась. В сентябре 1937 г. по доносу он арестовывается и в 1938 г. осуждается военной коллегией Верховного Суда СССР к 20 годам лишения свободы по ст. 58 УК РСФСР как «враг народа». В спешке его даже забыли исключить из кандидатов в члены ВКП(б), и он формально числился в этом качестве до 1940 г. Автора доноса осужденный знал. И в то время и сейчас по этому поводу называются разные имена, но сам Леонид Яковлевич понимал, что донос только повод для ареста, хотя от этого и не было легче. Никаких реальных обвинений выдвинуто не было, и вся обвинительная часть приговора ограничилась «связью с врагом народа Пашуканисом» и разработкой «вредительской научной дисциплины» хозяйственного права.

Срок наказания он отбывал в Норильских лагерях (Нориль-ЛАГ), причем на общих основаниях привлекался к тяжелым физическим работам. В условиях заключения даже его сибирское здо-

ровье не выдержало и он, вероятно, вскоре бы погиб. При непосильном труде за полярным кругом средняя продолжительность жизни заключенных обычно не превышала полутора лет. Резкий перелом в его судьбе произошел благодаря личному вмешательству директора Норильского горно-металлургического комбината НКВД СССР, впоследствии генерал-лейтенанта и дважды Героя Советского Союза А. П. Завенягина (1901–1956). Последний был назначен на должность директора в марте 1938 г. и по совместительству возглавлял НорильЛАГ, заключенные которого построили не только сам комбинат, но и город Норильск. По его приказу известного ученого-юриста перевели на работу в юридический отдел Норильского комбината. Таким образом, с сентября 1940 г. по сентябрь 1950 г. Гинцбург был старшим юрисконсультom и начальником управления претензий юридического отдела комбината, оставаясь заключенным. Завенягин руководствовался при этом не гуманистическими побуждениями, а «голым» прагматизмом: вольнонаемных юристов не хватало, а заключенные работали за довольно скудное трехразовое питание. К тому же имевший широкую известность Гинцбург без особого труда выигрывал хозяйственные споры в государственном арбитраже и судах. В настоящее время уже широко известно о так называемых «шарашках». Это были своеобразные научно-исследовательские учреждения в местах лишения свободы, где заключенные ученые и специалисты создавали лучшие образцы оружия и военной техники. Через эти «шарашки» прошли многие советские конструкторы, начиная с С. П. Королева и А. Н. Туполева.

Гинцбург оказался в своеобразной «юридической шарашке», где отработал 10 лет. При этом о нем не забывали и в Москве. В 1947 г. в Министерство высшего образования СССР была представлена производственная характеристика, выдержанная в самых лестных тонах. Примечательно, что с 1946 г. Гинцбург начал заниматься преимущественно проблемами трудового права. На этот выбор повлияло его близкое знакомство со сверхэксплуатацией труда заключенных, антисанитарными условиями их работы. Уже в Норильске с работниками комбината он начал проводить занятия по Основам советского законодательства о труде, постоянно консультировал кадровую службу и профсоюзные орга-

ны. В конце 1950 г. его переводят юриконсультom треста Красноярсклес и трассы Енисейскстрой.

Оставаясь заключенным, в 1951 г. он принимается в профсоюз работников лесной промышленности. Только в ноябре 1954 г. ему разрешают вернуться в Москву. Одновременно его восстанавливают в кандидатах, а в 1956 г. принимают в члены КПСС. В августе 1954 г. он был полностью реабилитирован. Наконец, в декабре 1954 г. его принимают на работу в Институт государства и права АН СССР и в начале следующего года утверждают в должности старшего научного сотрудника сектора трудового права. С этим институтом была связана вся его дальнейшая научная работа. Леонид Яковлевич стремился побыстрее компенсировать отнятую у него возможность заниматься научной деятельностью. Уже в 1961 г. число его научных публикаций превысило 100, причем все новые работы были главным образом по трудовому праву. Для некоторых бывших его коллег такой поворот в научном творчестве был достаточно неожиданным, но он был подготовлен предшествующим отрезком его жизни. Напомним, что проблемами трудового права Леонид Яковлевич начал активно заниматься еще в 1946 г. будучи заключенным.

Заключение в лагерях не сломало и не ожесточило его. Этому способствовала его семья – жена В. А. Фляренская и двое детей. Младшей дочери на момент ареста Гинцбурга не было и 10 лет, а после освобождения отца – уже 27 лет. Благодаря семье он сохранил налаженный быт и душевное равновесие. Это разительно отличало его дальнейшую судьбу от судьбы других заключенных. Например, писатели В. Шаламов и Э. Генри были буквально «выбиты» из жизни многолетним лагерным заключением, остались без семьи, с убогим, почти лагерным бытом после освобождения. Даже коллега и оппонент Гинцбурга А. Г. Гойхбарг (о нем говорилось выше), которого периодически вызывали на допросы, изгнали с работы и заклеили в печати, но так, по счастью, и не осудили, начал жить «походным порядком», в ожидании указания «явиться с вещами». Вся мебель в его комнате составлял матрац на полу и примитивная железная посуда.

Практически все знавшие Гинцбурга (от технических работников и до руководства института) вспоминают о нем как об исключительно интеллигентном, спокойном и доброжелательном

человеке, хотя и дальнейшая его судьба складывалась не просто. Клеймо «репрессированного» не было смыто даже фактом полной реабилитации. Это осложняло его карьерный рост и делало «невъездным» за рубеж. До 1972 г. он так и остался старшим научным сотрудником, а за границу выехал только один раз, да и то в туристическую поездку в социалистическую Польшу.

Гинцбурга нельзя отнести к числу «кабинетных» ученых, а масштаб его практической деятельности вызывает уважение. Он являлся одним из главных экспертов при разработке Основ трудового законодательства Союза ССР 1970 г. и КЗоТ РСФСР 1971 г. В 1975 г. он становится заслуженным деятелем науки РСФСР. Число его опубликованных работ составило около 280, причем около двух третей из них приходится на трудовую проблематику. Гинцбург всегда откликался на просьбы о помощи и поддержке со стороны молодых ученых, читал лекции в трудовых коллективах, был постоянным участником научных форумов. С 1972 г. он переходит на должность старшего научного сотрудника – консультанта ИПИ АН СССР, до последних дней продолжает плодотворно разрабатывать теоретические проблемы трудового права. Некоторые из его работ были опубликованы уже после смерти автора, которая наступила в конце 1976 г.

Его перу принадлежали работы, посвященные широкому спектру проблем трудового права. Это прежде всего институты рабочего времени и времени отдыха¹²⁵⁶, правовое регулирование труда в районах Крайнего Севера¹²⁵⁷, вопросы трудового стажа и правовых аспектов улучшения условий труда рабочих и служащих¹²⁵⁸. Все его работы характеризуются высоким уровнем теоретического осмысления проблемы, широтой охвата всего доступ-

---

¹²⁵⁶ См.: Гинцбург Л. Я. Отпуск рабочих и служащих. М., 1961; Его же. Отпуск рабочих и служащих в СССР. М., 1973; Его же. Трудовые отпуска рабочих и служащих. М., 1957; Его же. Регулирование рабочего времени в СССР. М., 1966; Его же. Некоторые вопросы права на отдых рабочих и служащих // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 67–77 и др.

¹²⁵⁷ См.: Гинцбург Л. Я., Смирнова Н. М. Льготы работающим на Крайнем Севере. М., 1975.

¹²⁵⁸ См.: Гинцбург Л. Я. Трудовой стаж рабочих и служащих. М., 1958; Его же. Улучшение условий труда рабочих и служащих. Правовые вопросы. М., 1963 и др.

ного нормативного и фактического материала. По своей структуре они напоминают исследования дореволюционных российских ученых, которые шли от истории вопроса к догматике, зарубежному опыту и только затем – к анализу действующего законодательства.

Отметим, что он был одним из лучших советских специалистов по французскому социальному законодательству, а также по трудовому праву и праву социального обеспечения Франции. В частности, он отметил, что Франция стала одной из первых стран Запада, в университетах которой с 1954 г. изучение трудового права стало обязательным для студентов-юристов. Отчасти вследствие этого был подготовлен ряд фундаментальных учебников по трудовому праву. Первым из них в 1956 г. был опубликован учебник Ж. Риверо и Ж. Саватье. В этом учебнике впервые во французской учебной литературе отсутствовал раздел, посвященный социальному страхованию. Содержание этого учебника высоко оценил Л. Я. Гинцбург, хотя и не удержался от традиционной критики за попытки его авторов «уничтожить марксизм»¹²⁵⁹. Эта и последующие его публикации по данной тематике готовились на основании первоисточников и отличались высоким теоретическим уровнем¹²⁶⁰.

Хорошее знание гражданского права, владение иностранными языками, всесторонняя гуманитарная подготовка способствовали обращению Леонида Яковлевича к *проблемам теории трудового права*. Будучи известным цивилистом, он как никто другой мог определить и обосновать соотношение отраслей трудового и гражданского права, разграничить предмет и сферу действия норм трудового права¹²⁶¹. Не формальные (к очередным револю-

---

¹²⁵⁹ См. рецензию Л. Я. Гинцбурга на данный учебник: Советское государство и право. 1958. № 6. С. 163–165.

¹²⁶⁰ См.: Гинцбург Л. Я. Новый французский закон о «классовом сотрудничестве» // Трудовое право в свете решений XXI съезда КПСС: Сб. М., 1960. С. 247–259 и др.

¹²⁶¹ См.: Гинцбург Л. Я. Некоторые спорные вопросы теории советского трудового права // Советское государство и право. 1965. № 1; Его же. Трудовое законодательство: права, обязанности, сфера действия // Советское государство и право. 1971. № 11; Его же. Соотношение советского трудового и гражданского права // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 62–68 и др.

ционными юбилеями), а глубокие теоретические исследования принадлежали ученому по научному наследию К. Маркса и его вкладу в изучение проблем трудового права¹²⁶². Венцом его творчества и в какой-то степени научным завещанием стала его монография «Социалистическое трудовое правоотношение». Эту работу он готовил более 10 лет, и ее публикация была осуществлена уже посмертно во многом благодаря стараниям научного редактора Р. З. Лившица и сотрудника по сектору трудового права ИПП АН Ю. П. Орловского. Данное исследование можно считать одним из высших достижений советской науки трудового права. Некоторые идеологические штампы оказались неизбежными, но даже сейчас эта книга поражает эрудицией автора, высоким уровнем владения историко-правовым и теоретическим материалом, выверенной логикой и ясностью стиля. Можно смело утверждать, что эта монография не утратила своей актуальности в настоящее время и может быть отнесена к своеобразному «золотому фонду» советской юридической науки.

Гинцбург на концептуальном уровне рассмотрел развитие правового регулирования труда, выделил основные его этапы¹²⁶³. При ярко выраженном формационном подходе и опоре на марксистско-ленинскую методологию он смог в максимально возможной для того времени мере сохранить объективность и идеологическую беспристрастность. За точку отсчета он взял концепцию Н. Г. Александрова, который выделил 4 признака «трудового правоотношения вообще». Во-первых, это – неединичный характер труда правосубъектного лица (работника), во-вторых, рабочее время, как содержание обязанности работника, в-третьих, длящийся характер правоотношения, и, в-четвертых, авторитарный характер, выражающийся в дисциплине труда¹²⁶⁴. Л. Я. Гинцбург предлагал первый признак дополнить характеристикой правового положения работника через понятия «свобода и равенство». Второй и третьи признаки Л. Я. Гинцбург вообще не счи-

---

¹²⁶² См.: Гинцбург Л. Я. Проблемы трудового права в «Капитале» Маркса // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 12–21.

¹²⁶³ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 5–13.

¹²⁶⁴ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 122–129.

тал самостоятельными, а имплицитно входящими в понятие «кооперированный труд». Вместе с тем он предлагал выделить, помимо кооперированного характера труда свободного и равного в правах работника, еще два признака, а именно: в основном имущественный характер трудового правоотношения при наличии в нем также неимущественных элементов и обязательное закрепление трудового правоотношения в порядке специфического нормативного урегулирования¹²⁶⁵. Л. Я. Гинцбург предложил следующее определение: «Социалистическое трудовое правоотношение есть обязательственное отношение между свободным и равноправным работником, активным участником социалистического строительства, с одной стороны, и социалистическим предприятием (учреждением, общественной организацией) как звеном социалистического хозяйства или государственного аппарата – с другой; в силу этого отношения работник, реализуя закрепленное за ним Конституцией право на труд, включается в социалистическую кооперацию труда путем вступления в производственный коллектив предприятия, на предприятии работник обязуется выполнять согласованную сторонами трудовую функцию, подчиняясь действующему внутреннему трудовому распорядку; предприятие же обязуется: а) оплачивать труд работника соразмерно его количеству и качеству, б) обеспечивать здоровые и безопасные условия труда, в) организовывать процесс труда на социалистических основаниях, т. е. проводя мероприятия по повышению производительности труда, привлекая работника в составе коллектива предприятия к управлению производством и способствуя улучшению материальных и культурных условий его жизни»¹²⁶⁶. Если убрать неизбежную идеологическую составляющую, продиктованную реалиями того времени, то это определение можно признать этапным в становлении учения о трудовом правоотношении. В нем не только нашли полное отражение необходимые признаки трудового правоотношения (личный, авторитарный, имущественный), но и акцентирован его обязательственный характер, т. е. сущностное правовое содержание взамен идеологизированного «организованного сотрудничества» сторон трудового правоотношения.

---

¹²⁶⁵ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 33–35, 56–85.

¹²⁶⁶ Там же. С. 137.

Гинцбург выступил последовательным сторонником широкой концепции предмета трудового права, аргументированно обосновал свою позицию¹²⁶⁷. Он убедительно отстаивал концепцию единого трудового правоотношения, ратовал за включение отношений по материальной ответственности сторон в структуру трудового правоотношения. В период «развернутого строительства коммунизма», с возвращением в трудовое законодательство договорных начал, ученый придерживался позиции, что без трудового договора трудовое правоотношение невозможно, и первый в подавляющем числе случаев является единственным основанием возникновения трудового правоотношения¹²⁶⁸. КЗоТ 1971 г. называл в качестве основания возникновения прав и обязанностей сторон трудовой договор. Другие юридические факты возникновения трудового правоотношения, входящие в сложный фактический состав наряду с трудовым договором, устанавливались иными нормативными актами о труде (избрание по конкурсу, назначение на должность и др.). Между тем и после принятия КЗоТ 1971 г. в литературе были попытки обоснования так называемых «усеченных» трудовых отношений, возникающих во внедоговорном порядке. Л. Я. Гинцбург писал о трудовом правоотношении граждан, осужденных к исправительным работам без лишения свободы, направленных по постановлению суда в лечебно-трудовой профилакторий и др., «где налицо все элементы трудового правоотношения, за исключением двух: свободы вступления в трудовое правоотношение и свободы его прекращения»¹²⁶⁹.

Леонид Яковлевич поддерживал концепцию единой трудовой правосубъектности работника. Иной позиции придерживался Б. К. Бегичев в своей работе, специально посвященной исследованию трудовой правоспособности работника¹²⁷⁰, отстаивая возможность обособления трудовой дееспособности. Такое обособление, по его мнению, имеет место при реализации группы прав, использование которых не требует обязательного личного участия ра-

---

¹²⁶⁷ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 160–171.

¹²⁶⁸ См.: Там же. С. 63.

¹²⁶⁹ Там же. С. 69.

¹²⁷⁰ Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972.

ботника, и которые могут осуществляться через представителя. К ним относятся, в частности, право на получение заработной платы, гарантийных и компенсационных выплат, право на возмещение ущерба жизни и здоровью рабочих и служащих и др.¹²⁷¹. Как отмечал Л. Я. Гинцбург, приведенные выше примеры взяты из гражданского права и процесса, а не трудового права, «можно получить причитающуюся заработную плату через представителя (по доверенности) или через представителя предъявить иск в суде о взыскании заработной платы. Однако это совершенно иное по своей природе отношение, чем возникновение самого права на заработную плату, которое приобретается только личным трудом»¹²⁷². Таким образом, единство трудовой правоспособности и дееспособности продиктовано личным (личностным) характером (критерием) трудового правоотношения. Нельзя обладать трудовой правосубъектностью и не иметь возможности лично реализовать принадлежащие лицу права и возложенные на него обязанности.

Впервые в теории советского трудового права Л. Я. Гинцбург обосновал положение о том, что производные отношения в своем субъектном составе имеют лишь одного из участников трудового отношения: либо работника, либо работодателя. Другим участником выступает третья организация в лице профсоюзного органа, органа по трудоустройству, органа контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства и др.¹²⁷³ Эта позиция плодотворна, но с учетом современных правовых реалий необходимо добавить, что участником таких отношений может быть не только работник, но и представители работников, а также не только работодатель, но и его представители.

Он поддержал позицию Н. Г. Александрова и его последователей, включавших отношения по ответственности сторон трудового отношения в собственно трудовое отношение. Этому он дал довольно развернутую аргументацию¹²⁷⁴.

---

¹²⁷¹ Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан. С. 72–73.

¹²⁷² Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 200.

¹²⁷³ См.: Там же С. 159–160.

¹²⁷⁴ См.: Там же. С. 152–156.

Л. Я. Гинцбург рассматривал дифференциацию на основе обобщающего субъектного критерия статуса работника – гражданского состояния. В это понятие были включены следующие его составные элементы, имеющие юридическое значение: гражданство, пол, возраст, состояние здоровья, связи семейного характера, образование, местожительство, трудовой стаж, занятость, судимость¹²⁷⁵.

Л. Я. Гинцбург отмечал, что эта обязанность трудиться по советскому праву не носила характера трудовой повинности, исключения составляли периоды гражданской и Великой Отечественной войны, «когда все силы народа нужно было объединить в единый кулак для отражения вражеского нашествия»¹²⁷⁶.

Наряду с известными учеными-цивиристами (С. Н. Братусь, Ю. К. Толстой)¹²⁷⁷, Л. Я. Гинцбург рассматривал право на труд как элемент трудовой правоспособности граждан. Он писал о неприемлемости конструкции «права на труд – субъективное право». Равное для всех конституционное право на труд «не может включать возможность правопритязания к конкретному предприятию. Отказ организации в приеме на работу есть реализация права этой организации на подбор необходимых ей кадров»¹²⁷⁸.

Организационный признак трудового правоотношения Л. Я. Гинцбург достаточно удачно назвал авторитарным¹²⁷⁹. Это подчеркивает относительную самостоятельность работодателя в выборе мер дисциплинарного воздействия. Вслед за Л. С. Талем, Л. Я. Гинцбург хозяйскую власть (не используя этого термина) сопрягал с авторитарным признаком социалистического трудового правоотношения. Он писал, что авторитарность власти руководителя процесса труда проявляется в трех формах: директивной, нормативной и дисциплинарной власти¹²⁸⁰.

---

¹²⁷⁵ См.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 208–219.

¹²⁷⁶ Там же. С. 191, 192.

¹²⁷⁷ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 47; Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 71.

¹²⁷⁸ Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 195.

¹²⁷⁹ См.: Там же. С. 89–90.

¹²⁸⁰ См.: Там же. С. 99–103.

Рассматривая *правовое регулирование рабочего времени* в СССР, он дал не только глубокий анализ нормативных актов, но и оценку юристами-современниками этих нормативных актов. В отношении российского дореволюционного законодательства о рабочем времени он обратился к трудам М. И. Туган-Барановского, В. П. Литвинова-Фалинского, М. Г. Лунца. При анализе советского законодательства им активно использовались оценочные суждения И. С. Войтинского, Е. Н. Даниловой, В. В. Шмидта, А. Ф. Ляха¹²⁸¹. Обращаясь к методам правового регулирования рабочего времени, Гинцбург уделил внимание не только трудам классиков социалистической мысли (К. Маркс, Б. и С. Вебб, Х. Коке), но анализу действующего на Западе законодательства о рабочем времени и актам МОТ. При всей критичности настроения автора в отношении западного законодательства исследование проведено исключительно корректно и Гинцбург всегда оставался в рамках научной дискуссии, не вторгаясь в сферу идеологии¹²⁸².

Он определил рабочее время при социализме как выраженную в единицах времени меру труда, обязательную к выполнению гражданами социалистического государства в силу конституционной всеобщей обязанности трудиться. При этом он подчеркивал, что определение меры труда только через продолжительность рабочего времени имеет свои плюсы и минусы. Положительная сторона заключается в универсальности и демократичности этого способа. Отрицательная – в том, что оно имеет в виду только экстенсивную величину рабочего времени¹²⁸³. В этой связи в определении рабочего времени Гинцбург ввел понятие «меры труда». Он выделил два вида рабочего времени: нормальное и сокращенное. При этом впервые в советской науке трудового права им был поставлен *вопрос о разграничении нормального рабочего времени как объективной нормы и фактически отработанного рабочего времени*.

В литературе по советскому трудовому праву вопрос о составе фактически отработанного времени был поставлен Л. Я. Гинцбургом впервые. В структуре фактически отработанного времени

---

¹²⁸¹ См.: Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. М., 1966. С. 70–106.

¹²⁸² См.: Там же. С. 96–105 и далее.

¹²⁸³ См. Там же. С. 111–115.

он выделял две группы периодов. В первой группе центральное место занимает время фактической работы, затем включались регламентированные оплачиваемые перерывы, время в пути, включаемое в рабочее время, и т. п. Компенсируется это время, по мнению Л. Я. Гинцбурга, заработной платой в различных ее формах. Во вторую группу включается время жизненных положений, приравненных к выполнению трудовых обязанностей. Эти периоды не составляют работы ни в прямом, ни в переносном смысле слова, но в силу их общественного значения или в интересах охраны здоровья и жизненного уровня работника приравнены законом к выполнению трудовых обязанностей (перерывы матерям на кормление ребенка, простои и др.) и подлежат оплате. По своей природе, как отмечал Л. Я. Гинцбург, это гарантийные суммы, связанные с сохранением среднего заработка или тарифной ставки¹²⁸⁴. В фактически отработанное время включаются также и периоды работы сверх установленной продолжительности рабочего времени в случаях, предусмотренных законодательством.

Между тем фактически отработанное время может быть меньше нормального времени, установленного законом или в локальном, индивидуально-договорном порядке. Соответственно возникает вопрос об отработке потерянного времени в натуре. В отечественном трудовом законодательстве этот вопрос решался неоднозначно. КЗоТ 1922 г. прямо запрещал производство сверхурочных работ для возмещения времени, потерянного вследствие опоздания на работу (ст.107). Судебная практика того времени широко истолковала эту статью, распространив ее действие на случаи преждевременного ухода с работы, простои по вине работника, непроизводительные затраты времени на производство брака по вине рабочего. Во всех этих случаях на нарушителя могло быть наложено только дисциплинарное взыскание, но запрещалось обязывать работника отработать в натуре потерянное время. Такая позиция обосновывалась в трудах Л. Я. Гинцбурга¹²⁸⁵, однако признавалась далеко не всеми учеными-трудовиками.

Он исследовал проблемы графика сменности. «Сущность графика, – писал Л. Я. Гинцбург, – нормативная. Это не акт од-

---

¹²⁸⁴ См.: Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. С. 192–193.

¹²⁸⁵ См.: Там же. С. 178.

нократного значения, исчерпывающийся разовым исполнением, а общее правило, которое действует в течение определенного, иногда длительного срока, адресовано ко многим, не именованным персонально лицам»¹²⁸⁶. Таким образом, подчеркивался нормативный характер графика сменности. Поскольку этот график оформлялся приказом руководителя организации, постольку, как считал Л. Я. Гинцбург, он представляет собой властное указание администратора, обязательное для членов коллектива. В последней части с позицией Л. Я. Гинцбурга не соглашались многие ученые. Так, О. В. Смирнов писал, что такая трактовка графика сменности как авторитарного нормативного акта умаляет роль профсоюзов в его разработке. Договорную природу графика не может поколебать то обстоятельство, что он доводится до сведения работников распоряжением руководителя. Форма распространения в данном случае не меняет юридической сущности графика как локального нормативного соглашения между администрацией и профсоюзным комитетом¹²⁸⁷. Таким образом, графики сменности рассматривались в качестве локального нормативного акта, принимаемого администрацией по согласованию с соответствующим профсоюзным органом с соблюдением установленной продолжительности рабочей недели.

В литературе по трудовому праву 1960–1970-х гг. развернулась дискуссия по определению юридической природы сверхурочных работ. Л. Я. Гинцбург считал, что сверхурочные работы являются одним из видов работ сверх нормального рабочего времени. Наряду со сверхурочной работой он выделял «переработки по графику сменности», часы педагогической работы учителей сверх установленной нормы учебной нагрузки, работа медицинских работников по внутреннему совместительству¹²⁸⁸.

Л. Я. Гинцбург называл исключительность и чрезвычайность подлинно специфическими признаком сверхурочных работ¹²⁸⁹.

---

¹²⁸⁶ Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. С. 251.

¹²⁸⁷ См.: Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968. С. 125.

¹²⁸⁸ См.: Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. С. 272–273.

¹²⁸⁹ См.: Там же. С. 283–284.

Этот признак действительно являлся таковым по КЗоТам 1918, 1922 и 1971 гг. Однако следует отметить «двойные стандарты» при характеристике этого признака во время обсуждения в МОТ в 1960 г. проекта специального соглашения о рабочем времени. Представители СССР, столкнувшись с попытками представителей ряда капиталистических стран провести идею о нецелесообразности в ряде случаев рассматривать часы работы сверх установленной продолжительности рабочего времени как сверхурочные, категорически возражали. Они заявляли, что независимо от причины, вызвавшей необходимость их выполнения, такие работы следует учитывать в качестве сверхурочных¹²⁹⁰. В целом исследование ученого можно назвать удачным сплавом теоретической и практической проработки проблем правового регулирования рабочего времени.

Он был сторонником расширения коллективно-договорного регулирования рабочего времени: «Из духа и существа реформ следует, что ряд вопросов рабочего времени отныне может и должен регулироваться в коллективных договорах... Например: перечень категорий работников, которые не могут привлекаться к сверхурочным работам (в дополнение к перечню, установленному законами), перечень профессий и должностей, для которых по соображениям охраны труда вводятся микропаузы, включаемые в рабочее время, о максимальной продолжительности рабочих смен и многие другие. ... Здесь нужен перелом»¹²⁹¹. Эти предложения по соотношению централизованного и локального регулирования рабочего времени отражали будущее трудового права, тенденции его развития, опережая свое время. Они могли быть реализованы только после внесения соответствующих изменений в ст. 5 КЗоТ 1971 г. в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1988 г.¹²⁹² Согласно названной редакции администрации предприятия, организации, учреждения совместно с советом трудового коллектива и соответствующим выборным

---

¹²⁹⁰ См.: Иванов С. А. Рабочий день и рабочая неделя в капиталистических странах // Информационный сборник. 1960. № 5. С. 28–29; Окунь М. В. Рабочий день в условиях современного капитализма. М., 1957 и др.

¹²⁹¹ Гинцбург Л. Я. Хозяйственная реформа и вопросы регулирования рабочего времени // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1967. Вып. 10. С. 92.

¹²⁹² ВВС РСФСР. 1988. № 6. Ст. 168.

органом было предоставлено право за счет собственных средств устанавливать дополнительные льготы по сравнению с законодательством.

Л. Я. Гинцбург был одним из самых крупных отечественных специалистов по правовому регулированию времени отдыха. Особо стоит выделить его исследования об отпусках¹²⁹³. Отмечалось, что советское законодательство изначально отличалось значительно более подробной регламентацией времени отдыха. Уже Постановление СНК РСФСР от 14 июня 1918 г. «Об отпусках» определило продолжительность ежегодного отпуска в 2 недели¹²⁹⁴. Л. Я. Гинцбург считал, что этот акт определил принципы предоставления отпусков рабочим и служащим. К таковым он относил: ежегодность; сохранение заработной платы и выдачу ее вперед в виде отпускных; распространение на всех работающих; зависимость от трудового стажа. Этим ежегодные оплачиваемые отпуска отличались от других отпусков, например по болезни¹²⁹⁵. Рассматриваемое Постановление было в основной части воспроизведено в КЗоТ 1918 г. (ст. 106–112).

Он выделял три категории отпусков: трудовые; по временной нетрудоспособности; по учебе. Общими для них признаками он считал то, что они предоставляются лицам, работающим по трудовому договору, и на их период приостанавливается исполнение трудовых обязанностей, но не прекращаются трудовые отношения. Отличались названные отпуска прежде всего по основаниям предоставления и целевому назначению. Особо выделялся творческий отпуск для написания учебника или диссертации, называемый Л. Я. Гинцбургом, «мнимым отпуском». Такой термин обосновывался тем, что этот отпуск не предполагал полного освобождения работника от исполнения трудовых обязанностей. Л. Я. Гинцбург называл следующие признаки трудового отпуска: 1) это время отдыха; 2) предоставляется рабочим и служащим; 3) как правило, один раз в год, 4) после определенного пе-

---

¹²⁹³ См.: Гинцбург Л. Я. Отпуск рабочих и служащих. М., 1961; Его же. Трудовые отпуска рабочих и служащих. М., 1957; Его же. Отпуска рабочих и служащих в СССР. М., 1973 и др.

¹²⁹⁴ См.: СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 527.

¹²⁹⁵ См.: Гинцбург Л. Я. Отпуск рабочих и служащих. С. 17.

риода работы, 5) с сохранением должности и заработной платы, б) на срок, установленный законом¹²⁹⁶.

Л. Я. Гинцбург писал, что отпуска рабочих и служащих на Западе в начале 60-х гг. XX в. способствовали физическому и культурному процветанию рабочих масс; расширению кругозора рабочих за рамками профессий; пониманию рабочими того, что их труд – часть более общего целого, включая всю нацию. При этом он подчеркивал, что увеличение продолжительности отпуска не снимает классовых противоречий¹²⁹⁷.

К числу специалистов по гражданскому праву, активно занимавшихся проблемами правового регулирования труда, можно отнести **Михаила Иосифовича Бару**. Начнем с того, что и кандидатскую, и докторскую диссертации¹²⁹⁸ он защитил по гражданскому праву. При этом он был уже выпускником школы и вуза советского времени, много лет преподавал в Харьковском юридическом институте (ХЮИ). Он параллельно занимался проблемами и трудового и гражданского права. Например, он одним из первых выступил против отождествления злоупотребления правом и правонарушения¹²⁹⁹. Этот вывод имел межотраслевое значение, как и рассмотрение проблемы о субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым отношениям¹³⁰⁰. В силу этого его биография не похожа на жизненный путь ученых, о которых говорилось выше в данном параграфе. Однако о самой биографии М. И. Бару нам известно крайне мало: с 1950-х гг. он преподавал в ХЮИ, докторскую диссертацию защитил в 1958 г. в ВИЮН, публиковался до конца 80-х гг. XX в. Нам доступны более 40 работ ученого, в том числе 2 монографии, 5 учебников и учебных пособий, посвященных проблемам трудового права. Это был один из самых нестандартно мыслящих специалистов в области трудового права, внесший значительный вклад в развитие отраслевой теории.

¹²⁹⁶ См.: Гинцбург Л. Я. Отпуск рабочих и служащих. С. 30–35.

¹²⁹⁷ См.: Там же. С. 12.

¹²⁹⁸ См.: Бару М. И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1958.

¹²⁹⁹ См.: Бару М. И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117–118.

¹³⁰⁰ См.: Бару М. И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14. С. 17–18.

М. И. Бару в начале 60-х гг. XX в. стал одним из первых исследователей *неимущественной стороны трудового правоотношения*. Он обосновал единство сосуществования в трудовом правоотношении имущественной и неимущественной сторон. В первом случае, по его мнению, участнику правоотношения обеспечивается материальный интерес, не только в оплате по труду, но и обеспечении безопасных и здоровых условий труда. Во втором случае речь идет о моральном интересе. Неимущественная сторона трудового правоотношения выражается в моральной оценке труда работника. Из этой посылки М. И. Бару выводит неимущественное субъективное право работника на трудовую честь. Оно включает в себя право притязать на моральную оценку труда и право требовать устранения всяких нарушений и ущемлений трудовой чести работника. Своеобразным проявлением и продолжением этого права, по мнению М. И. Бару, рассматривается право на поощрение и право на выдвижение «по служебной лестнице»¹³⁰¹. Это учение и в дальнейшем развивали ученые-трудовики. Так, Р. З. Лившиц относил право на трудовую честь к основным трудовым правам, неимущественному элементу трудовых отношений, который пронизывает большую часть институтов трудового права. При этом в содержание этого права также включались правомочия на действия по оценке трудовой чести. К таковым относились, с одной стороны, конкретные действия, которыми высоко оценивается трудовая честь в виде поощрений работника, продвижения по работе, предоставлении льгот, с другой – конкретные действия, которыми принижается трудовая честь (привлечение к дисциплинарной и материальной ответственности, увольнение за нарушение трудовой дисциплины и др.)¹³⁰².

Как уже указывалось выше, в науке советского трудового права М. И. Бару принадлежит заслуга в обосновании признаков

---

¹³⁰¹ См.: Бару М. И. Охрана трудовой чести по советскому законодательству. М., 1966. С. 15–19; Его же. Охрана трудовой чести // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 24–28; Его же. Имущественные и неимущественные элементы в трудовом правоотношении // Правоведение. 1965. № 3 и др.

¹³⁰² См.: Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. М., 1982. С. 112–113.

оценочных понятий. К таковым он причислял следующие: 1) не конкретизированы законодателем или иным компетентным органом; 2) уточняются в процессе правоприменения; 3) дают правоприменителю возможность свободного усмотрения, свободной оценки факторов¹³⁰³.

Он также исследовал проблемы унификации и дифференциации как двух сторон единого процесса совершенствования трудового законодательства. Михаил Иосифович предложил помимо норм-изъятий и норм-дополнений еще и нормы-альтернативы как средства осуществления дифференциации¹³⁰⁴. В своих работах он затронул и другие трудовые сюжеты¹³⁰⁵. В частности, в аспекте материальной ответственности ученый одним из первых поставил вопрос о регрессных обязательствах в трудовом праве¹³⁰⁶. Михаил Иосифович рассмотрел спорные проблемы, связанные с коллективными договорами¹³⁰⁷.

---

¹³⁰³ См.: Бару М. И. *Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право*. 1970. № 7. С. 104.

¹³⁰⁴ См.: Бару М. И. *Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право*. 1971. № 10. С. 48.

¹³⁰⁵ См.: Бару М. И. *Правовые и иные социальные нормы, регулирующие трудовые отношения: лекция*. Харьков, 1965; Его же. *Трудовые правоотношения и профессиональная подготовка // Советское государство и право*. 1965. № 9; Его же. *Понятие, классификация и охрана материальных стимулов к труду // Проблемы социалистической законности*. Харьков, 1980. Вып. 5. С. 22–29; Его же. *Материальные санкции в трудовом праве // Советское государство и право*. 1981. № 7. С. 33–37; Его же. *Производственная бригада // Проблемы социалистической законности*. Харьков, 1985. Вып. 16. С. 49–55; Его же. *Человеческий фактор и некоторые проблемы трудового права // Проблемы социалистической законности*. Харьков, 1988. Вып. 21. С. 44–53 др.

¹³⁰⁶ См.: Бару М. И. *Регрессные обязательства в трудовом праве*. М., 1962.

¹³⁰⁷ См.: Бару М. И. *Коллективный договор*. Харьков, 1973.

**3.6. Бестужевки: вклад воспитанниц
Бестужевских высших женских курсов
в развитие отечественной науки трудового
права (А. Е. Семенова, З. Р. Теттенборн,
П. Д. Каминская)**

Санкт-Петербургские высшие женские курсы, называемые по имени их первого директора К. Н. Бестужева-Рюмина Бестужевскими, были уникальным учебным заведением, своеобразным женским университетом, основанным в 1878 г. В 1906 г. при них создается юридическое отделение (факультет), диплом об окончании которого с 1910 г. приравнивался к диплому об окончании университета¹³⁰⁸.

Среди курсисток интерес к проблемам трудового права был неизменным и обостренным. Это было связано с целым рядом факторов. Само положение учащихся юридического отделения было достаточно неопределенным. С одной стороны, женщинам в России разрешили получать высшее юридическое образование с 1905 г., обучаясь в качестве вольнослушательниц на юридических факультетах университетов. С 1906 г. юридические отделения были открыты в целом ряде высших женских курсов (в Петербурге, Москве, Одессе, Харькове, Киеве и др.). Впервые юридический факультет Московского университета 3 женщины (Бубнова, Гиршман, Подгурская) окончили в 1908 г. Часть россиянок получали высшее юридическое образование за границей. С другой стороны, путь для занятий профессиональной деятельностью в качестве юристов для них был практически закрыт. Женщин не брали в адвокатуру, не говоря уже о судебных органах и прокуратуре, юристами на государственную службу. Между тем их охотно приглашали на бесплатную общественную работу в качестве консультантов или на низшие должности в частные компании. Своеобразным символом этой ситуации стала история с Е. А. Флейшиц (1888–1968), окончившей с отличием Сорбонну в 1907 г. и

¹³⁰⁸ См. об истории Бестужевских курсов: Вахромеева О. Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. СПб., 2003; Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сб. ст. / Под ред. С. Н. Валка и др. Л., 1973; Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) М., 1980 и др.

сдавшей экстерном экзамен за курс юридического факультета Петербургского университета в 1909 г. После этого ее приняли помощником присяжного поверенного, но первая же ее попытка выступить на заседании суда закончилась скандалом, когда товарищ прокурора Ненарокомов покинул процесс, сославшись на то, что женщина не может выступать защитником. Сенат в своем определении в ноябре 1909 г. признал обоснованным запрет выступать женщинам защитниками в суде до законодательного решения данного вопроса. Данный запрет был снят только в 1917 г. В праве на получение высшего юридического образования и подготовку к научной деятельности мужчины и женщины были уравнены только в конце 1911 г. Это открыло дорогу Е. А. Флейшиц для подготовки к профессорскому званию при Бестужевских курсах. Впоследствии она стала известным цивилистом, первой женщиной, ставшей доктором юридических наук в советский период. Справедливости ради отметим, что в Италии и Бельгии ситуация была такой же, как в России: юридическое образование женщины получать могли, а работать по специальности им не разрешалось. Путь к юридической практике для женщин был открыт в США, Канаде, Швеции, Мексике, Франции, Финляндии (в то время части Российской империи) и ряде других стран¹³⁰⁹. В Германии и Австрии женщины в то время не имели права даже на получение высшего юридического образования, но россиянкам от этого не было легче. Отметим, что юридическое и идеологическое обоснование равноправия женщин в сфере образования и труда осуществили в значительной степени российские ученые-правоведы, среди которых, например, только профессор Демидовского юридического лица, а затем Московского университета И. Т. Исаев посвятил этой проблеме около десятка публикаций¹³¹⁰.

В итоге определенная бесперспективность в применении полученных знаний и даже дискриминация по половому признаку

---

¹³⁰⁹ См.: Полянская Г. Н. Начало жизненного пути // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 5–33; Флейшиц Е. А. Права женщин-юристов // Вестник права и нотариата. 1913. № 47. С. 3259–3260.

¹³¹⁰ См.: Исаев И. Т. Об образовании женщины. Ярославль, 1885; Его же. Образование женщины // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 36. Ярославль, 1885 С. 265–280; Его же. Образование женщины и женский труд. М., 1902 и др.

поддерживали у курсисток изначальную оппозиционность к политическому режиму, а одной из форм ее проявления в российской научной и учебной среде был повышенный интерес к рабочему вопросу и его правовому опосредованию¹³¹¹. Следует при этом отметить высокий уровень теоретических знаний, который получали выпускницы юридического отделения курсов. Среди преподавателей данного отделения был практически весь цвет столичной профессуры: теоретики права Л. И. Петражицкий, В. Н. Сперанский, Ф. В. Тарановский, историки права М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, В. В. Сокольский, государствовед Н. И. Лазаревский, статистик А. А. Кауфман, цивилисты Д. Д. Grimm, И. А. Покровский, А. И. Каминка, М. Я. Пергамент, криминалисты А. А. Жижиленко, И. Я. Фойницкий, М. П. Чубинский, процессуалисты П. И. Люблинский, В. М. Нечаев, В. Д. Плетнев, И. М. Тютрюмов; международники Б. Э. Нольде, А. А. Пиленко; финансист М. И. Фридман, специалист по церковному праву В. Н. Бенешевич и др. В 1911 г. девять выпускниц курсов без проблем сдали государственные экзамены и получили диплом об окончании юридического факультета Петербургского университета. Многие курсистки в качестве вольнослушательниц посещали в университете отдельные лекции и целые курсы. Неслучайно в советское время из числа воспитанниц курсов 54 стали докторами наук и 125 – кандидатами наук. Примерно одна пятая из них – выпускницы юридического факультета Бестужевских курсов.

Интерес к рабочему вопросу и трудовому праву стимулировался развитием политической ситуации внутри страны и социальным составом курсисток. Народническое движение, а затем и деятельность первых политических партий находили горячий отклик у образованных и впечатлительных девушек. Раздуваемые оппозиционной печатью сообщения о политических репрессиях и казнях оказывали на слушательниц огромное эмоциональное воздействие и вызывали внутренний протест. Неслучайно среди курсисток было немало участниц народнического и народовольческого движений, затем сочувствующих эсерам и социал-демократам, причем как меньшевикам, так и большевикам. В 1906 г. две кур-

---

¹³¹¹ См.: Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М., 2006. С. 103–107, 192–195 и др.

систки были расстреляны по приговору военного трибунала. В 1916 г. на курсах действовал большевистский кружок.

Кроме того, первоначально почти исключительно дворянский состав учащихся в начале XX в. сменился преимущественно разночинским. Курсистки в большинстве своем были выходцами из «среднего класса», происходили из семей купцов, интеллигентов, средних чиновников. Чувство вины за страдания «низших сословий» проявлялось у них достаточно остро, вследствие чего бестужевки были склонны идеализировать рабочее движение, а некий идеальный «народ» ассоциировался у них преимущественно с рабочими. Показателен в этом плане случай, произошедший с профессором истории русского права В. И. Сергеевичем. На первой же лекции в 1906 г. он заявил, что не приветствует массовых волнений (тогда еще продолжалась революция 1905–1907 гг.), а курсисток призвал сосредоточиться на учебе. После этого в аудитории поднялся такой шум и свист, что уважаемый ученый вынужден был покинуть лекцию и на курсы больше не вернулся.

Среди преподавателей юридического отделения курсов многие живо интересовались рабочим вопросом, а данная тематика затрагивалась в ходе изучения целого ряда дисциплин. Начнем с того, что в 1910–1912 гг. на курсах преподавал Л. С. Таль, который ныне признается отцом-основателем российской науки трудового права, также гражданское право в 1906–1916 гг. вел В. Б. Ельяшевич, друг и единомышленник Л. С. Таля, автор целого ряда статей о трудовом договоре. Финансовое право в 1907–1912 гг. читал И. Х. Озеров (1869–1942). Это был горячий сторонник правового решения рабочего вопроса через социальное страхование и развитие трудового законодательства, один из авторов концепции социального мира, из которой выросла идея социального партнерства в сфере труда. Экономист марксистского направления М. И. Туган-Барановский (1865–1919) преподавал на курсах в 1906–1916 гг., активно обсуждая в руководимом им кружке содержание «Капитала» К. Маркса, положение рабочего класса в России и политику в области заработной платы. Экономист П. Б. Струве (1870–1944) вел спецкурс «Историческое введение в социальную политику». В то время он также опирался на экономическое учение К. Маркса. Профессор римского права И. А. Покровский (1868–1920) был одним из авторов концепции права на существование и защитной

функции права в отношении экономически слабых слоев населения, в том числе рабочих. Эти идеи находили живой отклик у слушательниц. Профессор полицейского права В. М. Гессен (1868–1920) ставил на семинарах такие вопросы, как охрана труда женщин и детей, свобода деятельности профсоюзов и др. Специальный курс академика М. М. Ковалевского (1851–1916) по истории демократических доктрин в определенной степени был посвящен солидаризму и гармонизации отношений работников и работодателей. Специалист по семейному праву Ф. А. Вальтер проповедовал активное участие женщин в общественных, в том числе трудовых, отношениях. Цивилист А. Г. Гойхбарг (1883–1962), который вел занятия на курсах по гражданскому и семейному праву, большое внимание уделял трудовым отношениям, а в советский период написал ряд брошюр по трудовправовой проблематике. Лекции по всемирной истории в 1911–1916 гг. будущим юристам читал Е. В. Тарле, специалист по истории Великой французской революции и поклонник французского законодательства. Все это создавало уникальную интеллектуальную атмосферу и будило интерес слушательниц к социальной проблематике.

Наконец, практическая деятельность части курсисток и многих выпускниц курсов была связана именно с рабочим вопросом. Их охотно приглашали в районные юридические консультации, для ведения просветительских занятий в рабочих кружках, причем эта работа чаще всего не оплачивалась. Их труд в качестве низшего юридического состава частных компаний предполагал тесный контакт с рядовыми работниками, в том числе по вопросам приема на работу и увольнения с работы. К тому же с 1911 г. выпускниц курсов стали оставлять при разных кафедрах для подготовки к профессорскому званию. Среди них были А. Е. Семенова и З. Р. Теттенборн, о которых речь пойдет в дальнейшем. Таким образом, многие воспитанницы курсов имели не только обширные знания, связанные с правовым регулированием трудовых отношений, но и практический опыт работы, а также научную подготовку при кафедрах Бестужевских курсов. Почти сразу после революционных событий 1917 г. десятки воспитанниц курсов начали работать в революционных трибуналах, прокуратуре, судах, юридических отделах народных комиссариатов, преподавать в вузах. Далее мы остановимся на характеристике жизненного пути и

научного наследия трех воспитанниц Бестужевских курсов, оставивших свой след в истории науки советского трудового права и права социального обеспечения¹³¹².

Анна Евсеевна Семенова (Вайнштейн) (1887–1950) в 1906 г. поступила и в 1910 г. окончила юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. Это был первый выпуск юристов на курсах. Об атмосфере, царившей среди воспитанниц, и о постановке учебного процесса адекватно свидетельствуют воспоминания ее сокурсницы, впоследствии профессора уголовного права С. М. Хлытчиевой¹³¹³. Большим авторитетом у курсисток пользовались лекции Д. Д. Гримма, Л. И. Петражицкого и И. А. Покровского¹³¹⁴. Поэтому совсем не случайно А. Е. Семенова увлеклась цивилистикой, усиленно занимаясь на семинарах М. Я. Пергамента и В. Б. Ельяшевича. Ее доклад на семинаре В. Б. Ельяшевича «О фактуре и утвердительном письме» был признан одним из лучших. После окончания курсов она экстерном сдала экзамены за юридический факультет университета, но в плане трудоустройства это не помогло. Выше мы уже говорили об истории с Е. А. Флейшиц, о запрете женщинам заниматься юридической практикой. В итоге Семенова первоначально работала бесплатно в юридической консультации, вела занятия для рабочих в обществе народного образования. В 1911 г. ее оставляют при курсах для подготовки к профессорскому званию, а в 1913–1918 гг. она является ассистенткой международного права. Отметим, что международное частное право в то время преподавал профессор А. А. Пиленко (1873–1920), а международное публичное право – профессор Б. Э. Нольде (1876–1948). Семенова оставалась на кафедре до закрытия курсов. Радикализм юности в сочетании с последствиями перенесенных унижений и традиционной интеллигентской оппозиционностью наложили отпечаток на ее научные

¹³¹² См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. Воспитанницы Бестужевских курсов и развитие отечественной науки трудового права (А. Е. Семенова, З. Р. Теттенборн, П. Д. Каминская) // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. С. 546–560.

¹³¹³ См.: Хлытчиева С. М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Л., 1973. С. 262–269.

¹³¹⁴ См.: Семенова А. И. А. Покровский (к 5-летию со дня смерти) // Вестник советской юстиции. 1925. № 12.

работы, строившиеся на отрицании прошлых достижений, как бы «с чистого листа». Возможно, в стенах курсов она пересекалась с курсисткой, а затем коллегой З. Р. Теттенборн и учащейся младших курсов П. Д. Каминской, но данных об этом у нас нет. Вообще, сведения о дальнейшей жизни Семеновой крайне отрывочны¹³¹⁵, а архивных данных нам обнаружить не удалось.

Достоверно известно, что А. Е. Семенова перебирается на Украину, где становится членом Верховного Суда УССР, вступила в члены РКП(б). В 1923 г. одновременно она избирается доцентом юридического факультета Харьковского института народного хозяйства, где была коллегой В. М. Гордона и П. Д. Каминской. В этот период она публикует целый ряд статей по гражданскому и трудовому праву и «Вестнике советской юстиции». Ее перу принадлежат два практических комментария КЗоТ 1922 г., а также ряд комментариев к гражданскому законодательству. В дальнейшем Семенова стала профессором, периодически издавала работы по гражданскому праву¹³¹⁶.

В 1923 г. она пишет один из первых комментариев к КЗоТ 1922 г. Этот кодекс она называла «памятником пролетарской революции и пролетарского самоутверждения»¹³¹⁷. При этом она сопоставляла значение гражданского и трудового законодательств в пролетарском государстве, отмечая: «Если Гражданский кодекс есть своего рода программа-максимум той свободы, которую находит возможным предоставить рабоче-крестьянская власть частному экономическому обороту, то КЗоТ – есть программа-минимум, т. е. тот минимум нормальных условий труда и правовых гарантий трудовых отношений, которые та же рабоче-крестьянская власть обеспечивает пролетариату»¹³¹⁸. Она настаивала на самостоятельности трудового законодательства, писала о том, что хотя действующее трудовое законодательство и построено на трудо-

---

¹³¹⁵ См.: Вахромеева О. Б. Указ. соч. С. 183, 233; Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Л., 1973. С. 159–160.

¹³¹⁶ См.: Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928 и др.

¹³¹⁷ Семенова А. Е. Очерки советского трудового права. Харьков, 1923. С. 58.

¹³¹⁸ Семенова А. Е. Очерки советского трудового права. С. 5.

вом договоре, но правовое регулирование этого договора не входит составной частью в гражданское право. С классовых позиций А. Е. Семенова давала обоснование идеи самостоятельности трудового права, причисляла эту отрасль к публичным отраслям права. По ее мнению, трудовой договор советского права и трудовые отношения насковзь пропитаны публично-правовыми элементами, элемент же частноправовой сведен до минимума. Причиной тому служит классовая природа Советской Республики, в которой класс – носитель наемного труда – есть в то же время класс, осуществляющий свою политическую и социальную диктатуру, и интересы наемного труда в целом совпадают с интересами государства¹³¹⁹. Эта оценка перспектив развития советского трудового права была подтверждена временем. Комментируя КЗоТ, А. Е. Семенова подчеркивала господство в области трудовых отношений принципа принудительного нормирования, что соответствовало публичной природе советского трудового права. В отношении правового регулирования трудового договора она справедливо подмечала, что, в сущности, о добровольном соглашении можно говорить лишь в отношении самого факта заключения договора. Что же касается его содержания, то оно определяется не соглашением сторон, а законом, субсидиарными источниками, за которыми законодатель признает принудительную силу, – коллективным договором и правилами внутреннего трудового распорядка. Аналогичная оценка звучала и в отношении коллективного договора. А. Е. Семенова писала о том, что, несмотря на то что КЗоТ, в противоположность прежнему советскому законодательству, не знает принудительного заключения коллективного договора, коллективный договор по-прежнему принудительно определяет содержание индивидуальных трудовых договоров.

Рассматриваемый комментарий к КЗоТ в 1925 г. выдержал второе переиздание¹³²⁰. Его уже можно назвать научно-практическим комментарием, основанным на сочетании теории и практики. Если в первом издании были намечены, словами А. Е. Семеновой, основные правовые проблемы, связанные с применением кодекса, то во втором издании автор уже обращается к теоретическим работам, пу-

---

¹³¹⁹ Там же. С. 6

¹³²⁰ См.: Семенова А. Е. Очерки советского трудового права. 2-е изд. Харьков, 1925.

бликациям, которые были изданы за предшествующие два года по указанным вопросам И. С. Войтинским, Е. Н. Даниловой, Я. А. Канторовичем и др. Так, она вступает в дискуссию с К. М. Варшавским, не соглашаясь с его позицией в отношении применения солидарной ответственности посредника и действительного нанимателя в трудовых отношениях. А. Е. Семенова полагает, что такая ответственность вряд ли даст трудящимся дополнительную гарантию, а лишь может послужить источником волокиты¹³²¹. Не соглашается она с П. Д. Каминской в отношении характеристики пределов действия коллективного договора по КЗоТ. Кстати, работу П. Д. Каминской «Советское трудовое право» (Харьков, 1925) она назвала первым и полным систематическим комментарием КЗоТ. Если в первом своем комментарии к КЗоТ А. Е. Семенова жестко противопоставляла трудовое право гражданскому праву, то во втором издании она не исключала возможности применения к трудовым отношениям положений гражданского права. Но при этом призывала относиться к этой тенденции с большой осторожностью и критерием применимости той или иной нормы гражданского законодательства к трудовым отношениям должно служить то, насколько такое применение совместимо с общим характером трудовых отношений и с основными началами (принципами) трудового права. К началу 1930-х гг. она вошла в число видных советских ученых-трудовиков¹³²².

В 1930-е гг. А. Е. Семенова попадает в опалу, увольняется с работы и исключается из партии. В 1933 г. «придворный» специалист по трудовому праву З. З. Гришин обвинил ее в том, что она мало критикует К. М. Варшавского, который уже был назначен мишенью для «антибуржуазной» критики. Кроме того, Семеновой вменялось «буржуазное» утверждение о наличии найма рабочей силы при социализме¹³²³. Эти же обвинения в более жесткой форме были повто-

---

¹³²¹ Семенова А. Е. Очерки советского трудового права. С. 24.

¹³²² См.: Семенова А. Е. Советское законодательство о труде. М., 1927; Ее же. Новое законодательство о трудовых конфликтах // Вестник советской юстиции. 1928. № 21. С. 618–622; Ее же. Современные проблемы трудового права // Советское государство и революция права. 1930. № 8–9. С. 92–99; Ее же. Учение К. Маркса о рабочем законодательстве // Вопросы труда. 1933. № 5. С. 25–32 и др.

¹³²³ Гришин З. З. К вопросу об экономических и правовых категориях в КЗоТ // Вопросы труда. 1933. № 8. С. 76–77.

рены в 1936 г.¹³²⁴, но они были беспочвенными, т. к. ее подход к трудовому праву был далек от концепции К. М. Варшавского, о трудах которого она отзывалась неизменно критически, а говоря о найме труда, она только констатировала правовую реальность после принятия КЗоТ РСФСР 1922 г., но относилась к ней отрицательно. Примечательно, что печатный донос З. З. Гришина трагически повлиял на судьбу всех наших героинь. Подлинная фамилия *Зиновия Зиновьевича Гришина* нам неизвестна, но ФИО он взял в честь Григория Евсеевича Зиновьева (1883–1936), многолетнего лидера ленинградских коммунистов, переставив его наоборот. «Творчество» этого справедливо забытого ныне деятеля было преимущественно посвящено малограмотной критике ученых-трудоиков¹³²⁵. Она коснулась прежде всего таких корифеев, как К. М. Варшавский, И. С. Войтинский, В. М. Догадов, И. А. Трахтенберг, Я. А. Канторович и др. Из иностранцев особенно сильно досталось французскому социалисту Л. Дюги, человеку глубоко демократических убеждений, идеологу солидаризма, который умер в 1928 г. Его Гришин обозвал «фашистским идеологом в праве». Впрочем, после расстрела Г. Е. Зиновьева был арестован и З. З. Гришин, канувший бесследно либо в подвалах Лубянки, либо на бескрайних просторах ГУЛАГа. Но А. Е. Семеновой, получившей клеймо «буржуазного деятеля», вряд ли от этого было легче. Ее научные публикации в дальнейшем отсутствуют, а путь к преподаванию был закрыт. Свою жизнь она закончила продавцом аптечного киоска. Печально...

Зинаида Ричардовна Теттенборн (1893 – после 1930)¹³²⁶ родилась в 1893 г. в Выборге (в то время на территории Финляндии,

---

¹³²⁴ Гришин З. З. Советское трудовое право. М., 1936. С. 68 и др.

¹³²⁵ См.: Гришин З. З. Борьба с извращениями генеральной линии партии в вопросах труда и трудового права // Вопросы профдвижения. 1933. № 8. С. 12–23; № 9. С. 26–36; Его же. Новый порядок комплектования органов Наркомтруда // Вопросы труда. 1929. № 9. С. 43–45; Его же. О недостатках и оппортунистических извращениях в трудовом законодательстве // Советское трудовое право на новом этапе: Сб. М.; Л., 1931. С. 65–76; Его же. Социалистическая организация и дисциплина труда и вопросы советского трудового права. М., 1934; Его же. Шесть условий т. Сталина – основа социалистической организации и дисциплины труда // Советское государство. 1932. № 9–10. С. 123–144; 1933. № 1–2. С. 67–77 и др.

¹³²⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34. Л/с. Д. 71. Л. 2362.

являвшейся частью Российской империи) в семье преподавателя немецкого языка Р. А. Теттенборна, автора известного в дореволюционный период гимназического курса по этому предмету. В 1912 г. она поступила и в 1916 г. окончила юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петрограде. В годы учебы ее наибольший интерес вызывала цивилистика, а научным наставником стал приват-доцент А. Г. Гойхбарг, преподававший курс семейного права. В дальнейшем он сыграл в ее судьбе значительную роль. Человек большой эрудиции и глубоких знаний, в политической сфере он был радикален до экстремизма и отрицания общественного значения права. В этом плане ученица была похожа на учителя, хотя с меньшим уровнем знаний, но и меньшим экстремизмом. От учителя она переняла также интерес к семейному праву и творчеству Л. Дюги¹³²⁷.

По окончании курса как одна из лучших учениц Теттенборн была оставлена для научной работы при кафедре римского права, где непререкаемыми авторитетами многие годы были профессора Д. Д. Grimm (1864–1941) и М. Я. Пергамент. После их ухода с курсов в конце 1916 г. неизбежным было кадровое обновление и перед вчерашней выпускницей отрывались прекрасные академические перспективы. Но наступил 1917 г., и все круто изменилось. Вслед за своим учителем А. Г. Гойхбаргом, с которым у нее сложились дружеские отношения, она переходит в Наркомат юстиции РСФСР и участвует в подготовке первых советских кодексов, в том числе КЗоТ.

В 1919 г. она вступила в члены РКП (б). Одной из первых в стране Теттенборн начала читать лекции по дисциплине «Социальное страхование» в 1-м МГУ. С 1920 по 1924 гг. она преподавала на факультете общественных наук (ФОН) 1-го МГУ, одновременно работая в Народном комиссариате труда РСФСР, читала лекции на курсах для инспекторов труда, которые были созвучны «революционным агитационным плакатам»¹³²⁸. Она постоянно

---

¹³²⁷ См.: Теттенборн З. Р. Родительское право // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 20–29; Ее же. Рец. на кн.: Дюги Л. Общее преобразование гражданского права со времен кодекса Наполеона. М., 1919 // Пролетарская революция и право. 1921. № 1. С. 123–124 и др.

¹³²⁸ См.: Теттенборн З. Законы о труде. М., 1920; Ее же. Советское законодательство о труде. М., 1920. См. также: Яроцкий В. Рец. на кн.: Тет-

подчеркивала, что социально-страховое законодательство в капиталистических странах – это результат классовой борьбы, вынужденная уступка со стороны буржуазии¹³²⁹, а сложившиеся в период нэпа в советской России три основных формы организации социального обеспечения: социальное страхование рабочих и служащих, общественная взаимопомощь (крестьян, ремесленников и др.), а также государственное обеспечение содержат в себе в большей или меньшей степени элементы будущего коммунистического обеспечения¹³³⁰.

В конце 1927 г. Теттенборн утверждается сверхштатным доцентом кафедры хозяйственного права МГУ, но в ноябре 1929 г. окончательно увольняется с факультета. Она успела побывать одновременно научным сотрудником Института советского права, заместителем главного редактора журнала «Книга и пролетарская революция». Затем, с учетом ее скандинавских корней и знания иностранных языков, ее направляют на работу в дипломатическое представительство в Норвегию. В это время на Родине ее уже критиковали за комплементарное восприятие установок буржуазных деятелей по социальному страхованию, за недооценку классовой борьбы¹³³¹. Повода для этого явно не было, т. к. ее отношение к буржуазным теориям было строго отрицательным, а классовая борьба воспринималась ею в духе марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации.

Об этом свидетельствует и выдержавшая три издания книга З. Р. Теттенборн «Советское социальное страхование» (1925; 1926; 1927 гг.). Правовые основы социального страхования излагались в доступной, несколько упрощенной форме с ориентацией на широкий круг читателей с невысоким, а зачастую начальным образованием. Автор рассматривала институт социального страхования как

тенборн З. Р. Советское законодательство о труде. М., 1920 // Книга и революция. 1920. № 6. С. 34–35.

¹³²⁹ См.: Теттенборн З. Страхование рабочих как результат классовой борьбы. М., 1923.

¹³³⁰ См.: Теттенборн З. Наша цель и наш путь // Вопросы социального обеспечения. 1922. № 2 (8). С. 5.

¹³³¹ См.: Гришин З. З. К вопросу об экономических и правовых категориях в КЗоТ. С. 76; Гришин З. З. Советское трудовое право. С. 236 и др.

часть трудового права¹³³². Ее исследования в этой части по содержанию и глубине разительно отличались от академических работ дореволюционных авторов по социальному страхованию В. Г. Яроцкого, В. А. Гагена и др. Во-первых, отсутствовал анализ, обзор научной специальной литературы предшественников. Уже чувствовалось приближение «сталинских» 1930-х гг., и обращение к «буржуазным» теориям было опасным во всех отношениях. Во-вторых, опыт социального страхования других стран рассматривался в критическом ключе классового подхода. Как следствие, автор ограничилась довольно упрощенными классификациями форм обеспечения в буржуазных государствах: призрение-наказание, ответственность предпринимателей за несчастья с рабочими и рабочая взаимопомощь¹³³³. Она писала о том, что вся идеология буржуазного строя пропитана индивидуализмом, а мероприятия по борьбе с бедностью строятся на следующих принципах: 1) истратить как можно меньше средств; 2) переложить все расходы или главную их часть на беднейшие классы; 3) до минимума сократить круг призреваемых; 4) сделать для нуждающихся в помощи обращение к ней наиболее неприятным и унижительным.

З. Р. Теттенборн проводила отграничение социального страхования от других форм обеспечения. Однако следует отметить, что в этом случае она не отождествляла социальное страхование и социальное обеспечение, подчеркивая, что в отличие от социального страхования государственное социальное обеспечение осуществляется в общебюджетном порядке и охватывает всех нуждающихся¹³³⁴. На основе марксистско-ленинского учения о двух фазах коммунизма она проследила развитие форм социального обеспечения и социального страхования в первые годы советской власти. До изменения курса экономической политики (НЭП) обеспечение нетрудоспособных, безработных, учащихся и других лиц, не обязанных трудовой повинностью, проводилось в порядке «пенсionирования и субсидionирования из государственных средств без

---

¹³³² См.: Теттенборн З. Р. Советское социальное страхование. М.; Л., 1926.

¹³³³ См. Теттенборн З. Р. Обеспечение в капиталистическом строе // Вопросы социального обеспечения. 1921. № 2. С. 21.

¹³³⁴ Теттенборн З. Р. Советское социальное страхование. С. 11–22, 39–40.

взносов на социальное обеспечение». Иными словами, речь шла о государственном социальном обеспечении. По мнению З. Р. Теттенборн, «эта форма социального обеспечения коммунистичнее, чем социальное страхование». Однако в условиях новой экономической политики, пока старый экономический строй окончательно не изжит, эти остатки старого строя, как пишет названный автор, отражаются на пролетарском законодательстве об обеспечении. Соответственно вновь следует обратиться к социальному страхованию. Возвращение к такому виду обеспечения, как «социальное страхование не является шагом назад, возвращением к буржуазным формам социального обеспечения, разрывом с принципом пролетарского права». Социальное обеспечение и социальное страхование, словами З. Р. Теттенборн, «являются лишь различными выражениями классовой идеологии пролетариата»¹³³⁵. В ключе Ленинской страховой программы она определяла и основные черты (принципы) советского социального страхования. В качестве таковых она называла следующие: 1) широкий круг застрахованных – все работающие по найму; 2) распространение страхования на большинство видов социального риска; 3) единство страхового аппарата и близость его к застрахованным; 4) размеры обеспечения, имеющие целью в условиях советского строя наилучшее обеспечение в случае утраты заработной платы¹³³⁶.

Отметим, что основные научные публикации З. Р. Теттенборн, посвященные вопросам социального страхования, приходились на период с начала 20-х до начала 30-х гг. прошлого века¹³³⁷.

В начале 1930-х гг. З. Р. Теттенборн переводят на работу в дипломатическое представительство во Францию и ее следы теряются. О дальнейшей ее судьбе молчат архивы, а отрывочные сведения в литературе прерываются¹³³⁸. Научные авторские публикации в СССР начиная с 1929 г. отсутствуют. Отметим, что рабо-

¹³³⁵ См.: Теттенборн З. Р. Социальное обеспечение и социальное страхование // Вопросы социального обеспечения. 1921. № 5–6. С. 13–17.

¹³³⁶ Теттенборн З. Р. Советское социальное страхование. С. 131–136.

¹³³⁷ См.: Теттенборн З. Р. Пенсионное обеспечение инвалидов труда и членов семей застрахованных. М., 1927; Ее же. Социально-страховое законодательство РСФСР. М., 1928; Ее же. Страхование на случай безработицы, болезни и материнства. М., 1928 и др.

¹³³⁸ См.: Вахромеева О. Б. Указ. соч. С. 172; Федосова Э. П. Указ. соч. С. 122.

тавший в том же дипломатическом представительстве во Франции известный ученый Л. Я. Гинцбург в 1937 г. был отозван в Москву и осужден на 20 лет лишения свободы. В целом репрессии 1937–1938 гг. в той или иной мере коснулись практически всех советских представителей за рубежом. Избежала ли этой судьбы Зинаида Ричардовна, осталась ли за границей или сгинула в лагерях? Кто знает...

Полина (Перль-Эстер) Давидовна Каминская (1894 – после 1959)¹³³⁹ родилась в г. Кобеляки Полтавской губернии в купеческой семье. После окончания женской гимназии в 1915 г. она поступила на юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петрограде. За первые два года обучения были прослушаны лекции по римскому праву Д. Д. Гримма и М. Я. Пергамента, по энциклопедии и философии права Ф. В. Тарановского, В. Н. Сперанского и Л. И. Петражицкого, курс политэкономии М. И. Туган-Барановского и др. Как и другие курсистки, она хорошо владела немецким, английским и французским языками. Из-за революционных катаклизмов в 1917 г. Каминская перевелась на юридический факультет Харьковского университета, который окончила в 1919 г. После этого она была оставлена на кафедре гражданского права для подготовки к научной работе. Ее учителем являлся известный российский цивилист В. М. Гордон. Напомним, что он был первым оппонентом на защите магистерской диссертации Л. С. Таля в 1913 г. Трудоправовая наука должна быть ему благодарна хотя бы за то, что под его руководством осваивали азы цивилистики и трудового права такие известные впоследствии ученые, как П. Д. Каминская, А. Е. Пашерстник, Я. И. Давидович (о них ниже). Вероятно, благодаря влиянию учителя, человека широких взглядов, но лояльного советской власти, научное наследие П. Д. Каминской, особенно ее ранние работы, так разительно отличаются от публикаций ее предшественниц по обучению на Бестужевских курсах.

В 1920–1925 гг. Каминская преподавала гражданское право в Харьковском университете, переименованном затем в Институт народного хозяйства, и одновременно была консультантом, научным сотрудником Народного комиссариата юстиции УССР, при-

---

¹³³⁹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34. Л. Д. 3591. По некоторым данным, она родилась в 1897 г.

нимала участие в подготовке первых республиканских кодексов, в том числе КЗоТ.

Основная часть ее преподавательской деятельности была связана с МГУ, куда она перешла в 1925 г. на должность доцента факультета общественных наук (ФОН) и оставалась в таком качестве до его закрытия в 1931 г. В 1926 г. она утверждается в ученом звании доцента кафедры торгово-промышленного права, а затем работает на кафедре гражданского права. Одновременно в 1925–1929 гг. она была консультантом, затем старшим консультантом Народного комиссариата труда РСФСР и СССР, а также научным сотрудником Института права РАНИОН.

Этот период был одним из плодотворных на «ниве» науки трудового права. Ее первая крупная публикация по трудовому праву в 1927 г. была написана на основе трудов и под влиянием теорий Л. С. Таля, а также немецких ученых В. Каскеля, Г. Зинцгеймера, Р. Зейделя, Г. Еллинека, Х. Ниппердея, Ф. Лотмара, французского ученого Л. Дюги, чьи идеи она довольно подробно анализирует, работая с первоисточниками¹³⁴⁰. Она признавала очевидный факт, что законодательство капиталистических стран представляет собой компромисс между трудом и капиталом. При этом нельзя не отметить сравнительно-правовой характер исследования зарубежного законодательства. В целом ее подход к проблеме правового регулирования труда можно назвать общецивилизационным. Она связывала трудовые отношения именно с наемным трудом и признавала его как предмет трудовых отношений и при социализме. Свою научную позицию выстраивала на основе анализа теории несамостоятельного, зависимого труда. В свою очередь понятие несамостоятельного труда связывала с определением особенностей, относящихся к личности нанявшегося. Опираясь на положения, изложенные К. Марксом в «Капитале», П. Д. Каминская определяла природу трудового договора, исходя из социально-экономического положения лица, предоставляющего в распоряжение нанимателя свою рабочую силу, что вытекает из положения нанявшегося лица как лица, лишенного средств производства¹³⁴¹. Анализируя КЗоТ 1922 г., она также рассматривала трудовой договор по советскому законодательству на основе положений о на-

---

¹³⁴⁰ См.: Каминская П. Д. Очерки трудового права. М., 1927.

¹³⁴¹ Каминская П. Д. Очерки трудового права. С. 108.

емном труде. Но при этом писала, что источником прав и обязанностей для сторон трудового договора является не только сам трудовой договор, но и целый ряд других источников. К ним относятся действующее законодательство о труде, коллективный договор и правила внутреннего распорядка предприятия. Таким образом, в содержании трудового договора выделялись условия, непосредственно оговоренные соглашением сторон, и условия, вытекающие из иных правообразующих источников.

Характерной чертой исследований П. Д. Каминской был также исторический подход, т. е. рассмотрение правовых явлений в их развитии от истоков до настоящего времени. Так, она поддерживала оценку Л. С. Таля в отношении дореволюционного российского фабричного законодательства как полицейского. Она писала, что этот облик проглядывает в том, что «устанавливая известную опеку над рабочим против явного произвола работодателя, фабричное законодательство не предусматривало самого существенного для нанявшегося права для действительного обеспечения своих интересов – самоорганизации для защиты своих профессиональных интересов»¹³⁴². Развитие советского трудового законодательства делилось ученой на этапы, включая анализ законопроектов.

Особое место в исследовании занимает анализ социально-политического и правового значения коллективного договора. По мнению П. Д. Каминской, коллективный договор даже при капитализме означает признание за рабочим классом права создавать правопорядок непосредственно на производстве, по ее выражению, «в цитадели капитализма»¹³⁴³. Она отмечала, что коллективный договор в капиталистических странах не получил окончательного оформления, в нем сочетаются черты как обязательственных отношений, так и нормативного источника права. Следующей стадией развития коллективного договора, по мнению П. Д. Каминской, должна стать стадия утраты коллективным договором черт обязательственного права и признания за всеми его условиями значения нормативных правил.

На теоретической базе она проводит анализ этапов развития законодательства о коллективных договорах в СССР. В пер-

---

¹³⁴² Там же. С. 22–23.

¹³⁴³ См.: Каминская П. Д. Очерки трудового права. С. 5, 66 и др.

вые годы советской власти Полина Давидовна отмечает принудительный характер коллективно-договорной практики и отсутствие условий для коллективного договора в условиях военного коммунизма. С переходом к нэп П. Д. Каминская считала вполне оправданным отказ от декретирования обязательности заключения коллективных договоров. При этом она ссылается на аналогичную позицию по этому вопросу И. С. Войтинского, однако не соглашается с позицией названного ученого в отношении оценки ст. 15 КЗоТ 1922 г. И. С. Войтинский полагал, что формулировка кодекса о том, что коллективный договор определяет содержание будущих трудовых договоров, теоретически и идеологически несостоятельна.

Анализируя положения проекта Кодекса основных законов о труде, П. Д. Каминская вступила в полемику с Е. И. Даниловой¹³⁴⁴. Последняя считала, что в случаях, когда представляемый для регистрации коллективный договор содержит незаконные пункты, то регистрирующему органу можно было бы предоставить право по его усмотрению или возвращать договор для переработки, или регистрировать в части, не ухудшающей положение трудящихся. П. Д. Каминская настаивала на том, что в этом случае неприемлемы принципы гражданского права, в силу которых «недействительные части сделок не затрагивают прочих ее частей, поскольку можно предположить, что сделка была бы совершена без включения недействительной ее части» (ст. 37 ГК). Во-первых, коллективный договор в части, сохранившей силу, может совершенно не соответствовать первоначальному намерению стороны и по существу уже будет новым договором. Во-вторых, коллективный договор не создает трудового отношения, а определяет только условия труда и найма для лиц, могущих в будущем заключить трудовые договоры.

Следует отметить, что изложение проблем теории и практики трудового права П. Д. Каминская всегда вела в ключе корректной научной дискуссии, с теоретическими доводами и комментариями действующего законодательства и практики его применения судебными органами.

П. Д. Каминская анализировала правовые аспекты защиты труда женщин и несовершеннолетних, всячески подчеркивая не-

---

¹³⁴⁴ См.: Там же. С. 94–96.

обходимость усиленной правовой охраны именно этой категории работников. Она справедливо подчеркивала, что женский вопрос, т. е. вопрос об экономическом, политическом и семейном положении женщины, сводится в основном к вопросу о женском труде. От степени участия женщины в народно-хозяйственной жизни зависит ее положение в обществе и семье. В этой части представляет интерес проведенный П. Д. Каминской сравнительно-правовой анализ охраны труда женщин в СССР, Англии, Германии, Франции¹³⁴⁵. В отношении труда несовершеннолетних П. Д. Каминская заявляла о необходимости соединения обучения ремеслу с общим образованием и развитием умственных способностей этих лиц. Не только охрана труда несовершеннолетних (ограничение возраста приема на работу, бронь при приеме на работу, список запрещенных профессий и работ), но и правовое регулирование ученичества рассматривались в единстве. П. Д. Каминская выделяла три формы ученичества по действующему законодательству: 1) фабрично-заводское в школах фабзавуза и бригадах; 2) индивидуальное под руководством отдельных рабочих; 3) кустарно-ремесленное ученичество¹³⁴⁶.

Существенное место в ее исследовательской деятельности отводилось научному комментированию советского трудового законодательства. Она подготовила как специальный обзор действующего законодательства с постатейным комментарием¹³⁴⁷, так и участвовала в большом авторском коллективе, подготовившем наиболее обширный советский комментарий КЗоТ¹³⁴⁸.

Естественно, что она в своих работах подчеркивала отличия советского и западного трудового права. Впрочем, это не мешало оппонентам обвинить ее в излишней «буржуазности» и недооценке различий советского и буржуазного трудового законодательств. С начала 1930-х гг. после обвинений в «буржуаз-

¹³⁴⁵ См.: Каминская П. Д. Женский труд. М., 1925; Ее же. Работница в промышленности. М.; Л., 1926.

¹³⁴⁶ См.: Каминская П. Д. Труд несовершеннолетних и ученичество. М., 1925.

¹³⁴⁷ См.: Каминская П. Д. Советское трудовое право: Обзор действующего законодательства с постатейными комментариями к КЗоТ. М., 1928 (2-е изд. Первое вышло в Харькове в 1925 г.).

¹³⁴⁸ См.: Кодекс законов о труде с постатейными разъяснениями / Под ред. Е. Н. Даниловой и А. М. Стопани. М., 1929.

ности» Каминская занималась преимущественно проблемами гражданского права. Вышеназванный З. З. Гришин критиковал ее с особым ожесточением, доходя до площадной брани. На нее были навешаны ярлыки «апологета капитализма», «буржуазного юриста на советской почве», сторонницы «враждебных марксистскому установок о коллективном договоре», а оценка ею роли коллективного договора на Западе названа «буржуазной дребеденью о коллективном договоре»¹³⁴⁹. С точки зрения догматического сталиниста эта критика имела под собой определенные основания, т. к. в своих ранних работах она позволяла себе объективную оценку сильных и слабых сторон трудового права стран Запада, обращалась в позитивном ключе к работам зарубежных и дореволюционных российских ученых.

С 1931 г. П. Д. Каминская стала доцентом Московского института советского права (части бывшего юридического факультета МГУ), а затем профессором ряда московских вузов (Института экономики строительства, Московского планового института и др.). В 1936 г. без защиты ей присваивается ученая степень кандидата юридических наук. С 1934 по 1941 гг. она с перерывами преподавала в Московском инженерно-экономическом институте, а в 1939–1941 гг. была еще и старшим научным сотрудником Института права АН СССР. В эвакуации она преподавала в Бирском педагогическом институте в Башкирии. После возвращения из эвакуации в 1943 г. она возобновила преподавательскую деятельность в столичном финансово-экономическом институте, а в 1948–1954 гг. являлась доцентом кафедры гражданского права Московского юридического института (МЮИ). В 1940-х гг. она вернулась к проблемам трудового права и защитила докторскую диссертацию на тему «Понятие трудового договора в советском праве» (М., 1947). Защита состоялась в мае 1948 г., но ВАК первоначально ее не утвердила. Утверждение произошло после повторного рассмотрения в июле 1950 г.

Отметим, что П. Д. Каминская в этот период активно разрабатывала проблемы теории трудового договора. Она отмечала неудовлетворительность распространенного в науке опреде-

---

¹³⁴⁹ См.: Гришин З. З. К вопросу об экономических и правовых категориях в КЗоТ. С. 73; Его же. Советское трудовое право. С. 19, 67, 114–117 и др.

ления трудового договора как соглашения о работе в качестве рабочего и служащего¹³⁵⁰. Она настаивала на том, что трудовой договор является основанием возникновения трудового отношения и выступает как юридический факт, служащий одновременно для установления лично-правового положения работника. П. Д. Каминская дала следующее определение трудового договора: «Договор организованного сотрудничества, по которому рабочий (служащий) обязуется выполнять определенную работу в предприятии (учреждении, хозяйстве), а предприятие ... обязуется организовать труд и выплачивать вознаграждение по заранее установленным нормам, по количеству и качеству труда»¹³⁵¹. В плане конструктивного подхода к проблеме трудового договора ее работа существенно отличается от защищенных по аналогичной проблематике кандидатских диссертаций¹³⁵².

Наконец, в 1954 г. она возвращается на юридический факультет МГУ, в состав которого вошел МЮИ, где в следующем году избирается профессором кафедры гражданского права. В 1959 г. по состоянию здоровья она уходит на пенсию. О Каминской можно сказать, что большую часть преподавательской и научной карьеры она была «своей среди чужих, чужой среди своих». Так, на 1950 г. она опубликовала 4 книги, 19 статей и 3 брошюры. Все они, кроме двух статей, были по трудовому праву. По этой дисциплине была и ее докторская диссертация. Между тем преподавала она преимущественно дисциплины гражданско-правового цикла, имея по этой проблематике единичные публикации¹³⁵³. Две ее крупные монографии, сданные в печать («Основания ответственности по договорным обязательствам в советском праве» (1949 г.) и «Гражданско-правовой договор в период

---

¹³⁵⁰ См.: Советское трудовое право / Под ред. Н. Г. Александрова, Д. М. Генкина. М., 1946. С. 162.

¹³⁵¹ Каминская П. Д. Понятие трудового договора в советском праве // Вопросы труда. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 118–119.

¹³⁵² См.: Белов А. С. Трудовое соглашение и трудовой договор: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1951; Краснопольский А. С. Трудовой договор как одно из оснований установления трудовых отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1948.

¹³⁵³ См.: Каминская П. Д. Договор бытового подряда // Советская юстиция. 1938. № 8; Ее же. Основание ответственности по договорному обязательству // Вопросы гражданского права: Сб. М., 1957.

перехода от социализма к коммунизму» (1950 г.)), так и не были изданы. Более того, с 1938 по 1948 гг. у нее не было вообще не одной публикации. Занятие трудовым правом не в соответствии с «линией партии» тогда было просто опасно для жизни, что подтвердила судьба И. С. Войтинского, К. М. Варшавского и др. Насколько нам известно, репрессии ее непосредственно не коснулись. Впрочем, в начале 1953 г. над ней нависла угроза ареста в связи с тем, что ее брат, доктор медицины и профессор Московского института психиатрии С. Д. Каминский проходил по так называемому делу «врачей-убийц» и был, вероятно, арестован. Если бы не смерть И. В. Сталина и прекращение этого фальсифицированного дела, то ее судьба могла бы повторить судьбу многих репрессированных советских ученых.

Возможно, ее уход в более аполитичную цивилистику был осознанным, но там ее авторитет был невысок в сравнении с ее коллегами по кафедре, такими как Л. А. Лунц, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский и др. Отметим, что в 1942–1951 г. на кафедре гражданского права МГУ преподавала и уже известная нам Е. А. Флейшиц. К тому же над Полиной Давидовной тяготело купеческо-бестужевское прошлое, она не вступала в партию, была аполитичной, а характеристика «не была, не состояла, не участвовала» была как раз для нее. Личная жизнь для нее была важнее, чем это в то время требовалось: Каминская поздно вышла замуж, но была счастлива в браке, а ее муж Н. Л. Зильберштейн, юрист государственного музыкального издательства, был и ее единомышленником. С трудом и небольшим перевесом голосов избравшись на должность профессора гражданского права в 1955 г., она, вероятно, не захотела рисковать в следующий раз и уволилась в связи с выходом на пенсию и ссылкой на состояние здоровья. Ее потенциал как ученого-трудовика в полном объеме так и не был реализован. А жаль...

3.7. Истоки советской теории права социального страхования

(Н. А. Вигдорчик, А. Н. Винокуров, В. Н. Дурденевский)

Формирование учебной дисциплины и науки права и социального обеспечения, их обособление от учебной дисциплины и науки трудового права в советский период связываются с именем В. С. Андреева и периодом конца 60 – начала 70-х гг. XX в. Это не совсем так, хотя заслуга названного ученого в данном процессе несомненна, о чем будет сказано отдельно. Данная дисциплина и наука начали формироваться в России еще на рубеже XIX–XX вв., хотя этот процесс шел неровно и не был завершен. Об этом мы уже писали в Главе 2 нашего исследования. Отметим, что и сам термин «социальное обеспечение» появился уже в начале XX в. Ниже мы остановимся на научном наследии тех ученых, которые внесли существенный вклад в разработку советского учения о социальном обеспечении, преимущественно о социальном страховании. В силу ряда причин это было возможно только до конца 20-х гг. XX в.

Николай Абрамович Вигдорчик (1874–1954) получил медицинское образование, стал впоследствии доктором медицины, профессором. Он являлся участником социал-демократического движения, первоначально примыкал к меньшевикам, затем большевик. Первая его публикация вышла в 1896 г. Активно участвовал в общественных организациях врачей (в т. ч. Общества русских врачей памяти Н. И. Пирогова), в Пироговских съездах русских врачей (о них ниже). Одним из первых в России стал применять термин «социальное страхование». Его публикации по данной проблематике стали выходить еще в досоветский период¹³⁵⁴.

---

¹³⁵⁴ См.: Вигдорчик Н. А. Государственное обеспечение трудящихся (Итоги и перспективы социального страхования). Пг., 1917; Его же. Детская смертность среди питерских рабочих. М., 1914; Его же. Жертвы «мирного» труда (О несчастных случаях при фабричной работе). Пг., 1915; Его же. Обеспечение рабочих на случай болезни. М., 1909; Его же. Опасность промышленного труда. СПб., 1913; Его же. Правительственный законопроект по страхованию болезней. СПб., 1909; Его же. Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб., 1912; Его же. Страхование на случай безработицы. Пг., 1917; Его же. Страхование на случай болезни в России.

Уже тогда он обращал внимание на британское и германское социальное законодательство, возможность его рецепции. Предотвращение производственного травматизма виделось ему через весь спектр социально-обеспечительного и трудового законодательства: от социального страхования до нормирования рабочего времени и времени отдыха. Его труды были замечены научной общественностью¹³⁵⁵.

После революции – на научной и педагогической работе, организатор и директор Ленинградского института по изучению профессиональных заболеваний (1924–1931 гг.), затем заведующий клиническим сектором и старший консультант института, также заведовал кафедрой Института усовершенствования врачей в Ленинграде. Отметим, что почти одновременно в 1923 г. в Москве по инициативе В. А. Обуха (1870–1934) создается Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний, в работе которого делался основной упор на диспансеризацию.

Его научное наследие обширно и многообразно, включает в себя около 200 публикаций. В 1920-е гг. Николай Абрамович являлся ведущим советским теоретиком по вопросам социального страхования¹³⁵⁶. Он также был специалистом в области профессиональной патологии, гигиены и психологии труда¹³⁵⁷, по врачебно-трудовой экспертизе¹³⁵⁸. Заслуженный деятель науки РСФСР (1946 г.). В конце 1920-х – начале 1950-х гг. он подвергался идео-

---

СПб., 1914; Его же. Что должен знать каждый участник больничной кассы. СПб., 1913 и др.

¹³⁵⁵ См.: Голубев Н. Н. Рец. на кн.: Вигдорчик Н. А. Опасность промышленного труда. Основные выводы из статистики промышленного травматизма. СПб., 1913 // Юридическая библиография. 1912–1913. № 4–6. С. 191.

¹³⁵⁶ См.: Вигдорчик Н. А. Библиография по социальному страхованию и обеспечению на русском языке. М., 1922; Его же. Теория и практика социального страхования. Вып. 1–8. Пг.; М., 1919–1926; Его же. Трудовое увечье. М., 1930 и др.

¹³⁵⁷ См.: История советской психологии труда: Тексты (20–30-е годы XX века). М., 1983. С. 213–222, 350.

¹³⁵⁸ См.: Вигдорчик Н. А. Лекции по профессиональным болезням. М.; Л., 1940; Его же. Медицинское противопоказание к приему на работу. Л., 1929; Его же. Методика врачебно-трудовой экспертизы. Л., 1948; Его же. Нормальный труд. М., 1925 и др.

логической травле за «буржуазный уклон», «низкопоклонство перед Западом» и меньшевистское прошлое, но данных о репрессиях против него у нас нет. Умер ученый в Ленинграде в 1954 г.

Н. А. Вигдорчик был наиболее ярким представителем первой генерации советских ученых-специалистов в области права социального обеспечения. Он занимался проблемами социального страхования с позиций теории и практики. Однако итогом исследования этого института был вывод ученого о «неизбежной кончине» социального страхования, превращения его в государственное обеспечение трудящихся. В 1917 г. он писал: «Чем шире распространяется социализм..., тем все резче и резче выясняется, что будущее социального страхования лежит именно в дальнейшем ослаблении страхового начала и постепенном превращении его в чисто государственный институт, в одну из нормальных отраслей государственной деятельности»¹³⁵⁹. Но поскольку это дело будущего, средством достижения этой цели должен быть «совершенный институт социального страхования», который и получает теоретическое обоснование в трудах Н. А. Вигдорчика.

В первую очередь ученый дал определение понятию «социальное страхование», раскрыв каждый из составляющих его терминов. Страхование определялось как форма, при которой риск известного несчастья учитывается заранее и заранее же распространяется между всеми участниками организации материальная тяжесть, связанная с этим риском. При этом страхование как особый вид организованной взаимопомощи характеризуется, по крайней мере, двумя признаками: возможность математического учета риска и коллективная ответственность за индивидуальный риск. Термин же «социальное» применительно к страхованию означает цель этого страхования – борьба с необеспеченностью трудящихся в случае потери заработка. Н. А. Вигдорчик дал четкие классификации видов социального страхования. По видам социальных рисков: 1) при отсутствии спроса на труд – страхование на случай безработицы; 2) при потере работоспособности – страхование на случай болезни, несчастного случая, инвалидности, старости, материнства и смерти. По характеру организации страхования он выделяет страхование: а) добровольное; б) обязательное; в) факультативно-обязательное;

---

¹³⁵⁹ Вигдорчик Н. А. Государственное обеспечение трудящихся (Итоги и перспективы социального страхования). Пг., 1917. С. 6.

г) пенсионное (без взносов самих застрахованных). По внутренней структуре страхование может быть государственным, муниципальным, взаимным и коммерческим, а по кругу его действия – местным (частным), всеобщим и международным¹³⁶⁰.

Н. А. Вигдорчик рассматривал социальное страхование как историческое явление, проследив его развитие в различных странах. При этом он выявил общий закон эволюционного развития этого института. Он писал, что «в отношении видов социального риска социальное страхование стремится охватить все виды социального риска, дав обеспечение во всех случаях потери заработка. В отношении характера организации страхования эволюция идет от добровольного страхования к обязательному, а от него к пенсионному (без взносов застрахованных). Социальное страхование развивается в направлении огосударствления этого института. Наконец, по степени распространения социальное страхование идет от частного и местного к всеобщему, охватывающему всю территорию страны и всех граждан, а по отдельным видам страхования дополняется международными соглашениями»¹³⁶¹.

Ученый выделил три основных этапа развития социального страхования до начала XX в: 1) период добровольного социального страхования; 2) период факультативно-обязательного и частного-обязательного социального страхования; 3) период обязательного социального страхования¹³⁶². Аналогичную периодизацию предлагал и *Б. А. Любимов*, дополняя ее четвертым периодом: обеспечение без взноса нанимателей и страхуемых¹³⁶³. В целом с этим можно согласиться.

Николаем Абрамовичем были отмечены основные тенденции развития социального страхования в начале XIX в. на примере Германии¹³⁶⁴. Это, во-первых, постепенное расширение круга страхуемых. Последними в их число обычно включались сель-

¹³⁶⁰ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1. Пг.; М., 1919. С. 20–25.

¹³⁶¹ Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. С. 55–56.

¹³⁶² См.: Там же. С. 29–44.

¹³⁶³ См.: Любимов Б. А. Очерки по истории социального страхования в России и СССР. М., 1930. С. 9.

¹³⁶⁴ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1. Пг.; М., 1919. С. 44–48.

скохозяйственные рабочие, домашняя прислуга и рабочие домашней промышленности. Во-вторых, расширение функций социального страхования. Это касается увеличения страхуемых случаев, роста выдаваемых при их наступлении пособий и увеличения срока их выплаты. Страхование стало распространяться на членов семей застрахованных. При этом страховые учреждения приобретали собственные больницы, приюты, санатории и др. Участие государства в страховании становится все более активным, особенно в страховании инвалидности, старости, вдовства и сиротства. Качественно важное значение имело введение государственного обеспечения по старости в начале XX в. в Дании, Англии, Австралии и Новой Зеландии. В-третьих, продолжалась демократизация института социального страхования. Голос застрахованных постепенно приобретал все больший вес в управлении делами страховых организаций. Данная тенденция в той или иной мере проявилась практически во всех государствах.

Страхование на случай болезни в России впервые было легализовано Законом 23 июня 1912 г. Одновременно было учреждено Присутствие по делам о страховании рабочих¹³⁶⁵. Николай Абрамович традиционно подчеркивал половинчатость, нерешительность и узость Закона 1912 г. о страховании на случай болезни¹³⁶⁶. Это выражалось, по его мнению, во-первых, в узости круга застрахованных (четверть наемных работников), во-вторых, недостаточно развитом самоуправлении больничных касс с большим числом контролирующих инстанций, в-третьих, узости функций этих касс, вне которых осталось оказание медицинской помощи и профилактика заболеваемости, в-четвертых, в возложении материальной тяжести страхования преимущественно на рабочих. Более того, первые 13 недель из средств касс должны были вознаграждаться и увечные рабочие, что было шагом назад по сравнению с достраховым законодательством, т. к. ранее эти расходы полностью возлагались на работодателя.

По его мнению, Закон 23 июня 1912 г. о страховании на случай болезни практически не затронул фабричную медицину, но

---

¹³⁶⁵ См.: Нолькен А. М. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни: Практическое руководство. СПб., 1914.

¹³⁶⁶ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 3. Пг., 1922. С. 111–112.

открыл пути для ее превращения в медицину кассовую, т. е. построенную на страховых принципах. Н. А. Вигдорчик выделил два пути для этого процесса. Во-первых, закон предоставил больничным кассам право брать в свои руки лечение рабочих, если по этому поводу состоится особое соглашение с предпринимателем. Это соглашение должно было предусматривать переход к кассам целиком или частично тех обязательств в организации фабричной медицины, которые были возложены законом на самого предпринимателя. При этом расходы по-прежнему должен был нести последний. Следовательно, фабричная медицина могла превратиться в кассовую только по доброй воле работодателя. Во-вторых, Закон 1912 г. предоставлял больничным кассам право, причем без всякого согласия работодателя, тратить часть своих средств на помощь членам семей застрахованных, в том числе на оказание им медицинской помощи. Соответственно кассы могли создавать свои медицинские организации, но только исключительно для членов семей застрахованных лиц. Страховые организации пытались использовать и первый и второй пути¹³⁶⁷.

С 1913 г. кассовая медицина становится фактом общественной жизни. Первенство принадлежит больничной кассе при тульских меднопрокатном и патронном заводах. Здесь в середине 1913 г. принимается решение не выдавать денежные пособия членам семей участников, а вместо этого организовывать для них бесплатное лечение, по крайней мере, амбулаторно, вслед за чем была создана амбулаторная лечебница. До лета 1917 г. по всей стране было создано 10 подобных лечебных учреждений. Н. А. Вигдорчик утверждал, что данные лечебницы представляли собой «совершенно самобытное достижение русской кассовой медицины»¹³⁶⁸. Отмечалось, что многие больничные кассы пошли по пути организации медицинского обслуживания членов семей аналогичному со странами Запада. Это было заключение соглашений с небольшим количеством частнопрактикующих врачей и оплатой их труда по «чекам» или «талонам». В некоторых кассах просто оплачивались услуги врачей без всякого соглашения, но с предоставлением соответствующего документа. Такая практика продолжалась до исчерпания выделяе-

---

¹³⁶⁷ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 4. М.; Пг., 1923. С. 116–117.

¹³⁶⁸ Там же. С. 122.

мых средств и возобновлялась только с началом нового операционного года. Ни одна из касс не имела своего стационарного лечебного учреждения, хотя некоторые из них заключали договоры с земскими, городскими и даже частными лечебницами.

Н. А. Вигдорчик дал достаточно объективную оценку социальным реформам Временного правительства: «Подводя последний итог страховой реформе Временного Правительства, мы скажем, что во всякое другое время это была бы крупная и смелая реформа; но октябрьский переворот, сместивший русскую жизнь в совершенно новое русло, отнял у этой реформы почву под ногами и свел к минимуму ее историческое значение»¹³⁶⁹.

Гораздо более критично он отнесся к первым социально-обеспечительным мероприятиям советской власти. По мнению Н. А. Вигдорчика, «это было колоссальное количество беспрерывно длящихся нарушений»¹³⁷⁰. Его вывод звучит как приговор: «Несмотря на все блага полного социального обеспечения, население чувствовало себя гораздо менее обеспеченным, чем когда-либо раньше, и возможность потери работоспособности была для всякого человека теперь неизмеримо страшнее, чем в прежнее время»¹³⁷¹.

Мы уже отмечали прикладной характер исследования ученого. Н. А. Вигдорчик предпринял попытку обоснования идеального (совершенного) института страхования как инструмента достижения цели государственного обеспечения (без взносов застрахованных). Н. А. Вигдорчик считал, что социальное страхование должно быть всеобщим, распространено на всех граждан, имеющих доход не выше определенного, фиксированного в законе максимума, независимо от того, является источником дохода продажа рабочей силы или продажа продуктов труда (имеется в виду самостоятельный производитель, не использующий наемный труд, или использующий его в ничтожных размерах). На это его современник *Л. В. Забелин* замечает, что Вигдорчик «затушевывает классовый элемент в социальном обеспечении», расширяя круг обеспечиваемых за счет самостоятельных производителей, которые эксплуатируют чужой труд.

---

¹³⁶⁹ Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 4. С. 129.

¹³⁷⁰ Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 3. Пг., 1922. С. 147.

¹³⁷¹ Там же. С. 150.

Н. А. Вигдорчик определил три основных финансовых источника фондов социального страхования – взносы работодателей, муниципалитетов и государства. При этом он вполне резонно пояснял, что возложение на муниципалитеты расходов на страхование безработицы, медицинской помощи объясняется тем, что попечение безработных, больных в той или иной форме составляет обязанность органов местного самоуправления (биржи труда, земские больницы и т. д.). Исключением является социальное страхование профессиональных рисков, которое должно осуществляться исключительно за счет средств работодателей. Между тем Л. В. Забелин возражал, заявляя, что государство и муниципалитеты – это «кошелек народный» и наполняется рабочим классом, поэтому социальное страхование должно осуществляться во всех случаях за счет предпринимателей.

Вигдорчик считал, что в основу организационного управления институтом социального страхования должны быть положены принципы демократизма и самоуправления застрахованных, однако это не исключает участия в составе страховых учреждений представителей других заинтересованных сторон – предпринимателей, муниципалитетов и государственной власти. Л. В. Забелин, не соглашаясь с участием предпринимателей в составе органов социального страхования, назвал позицию Н. А. Вигдорчика абсолютно неприемлемым решением с точки зрения классовой борьбы¹³⁷². Более того, Л. В. Забелин в конечном итоге беспелляционно заявил, что все виды социальных опасностей как угрозы имущественному положению трудящихся исчезнут, «следовательно, и сам вопрос о социальном обеспечении в отношении социалистического строя является излишним»¹³⁷³.

Следует отметить, что многие положения «совершенного института социального страхования» были возрождены в ходе социальных реформ в России 90-х гг. прошлого века. Это и принципы социального партнерства в управлении фондами социального страхования и финансирования фондов, широкий круг застрахованных (в том числе и самозанятое население). Часть положений этого «совершенного института» ждут своего часа. Так, оста-

---

¹³⁷² См.: Забелин Л. В. Теория социального обеспечения. М., 1924. С. 180–196.

¹³⁷³ Там же. С. 157.

ется актуальной задача реализации обоснованного Вигдорчиком принципа единства организации социального страхования. Он совершенно справедливо полагал, что дробление социального страхования на отдельные отрасли не имеет никакого оправдания, а существующее дробление является пережитком, сложившимся исторически в силу возникновения различных видов социального страхования не одновременно, а в довольно обширном временном диапазоне. В частности, отмечалось, что такое дробление социального страхования на отдельные ветви значительно повышает организационные расходы на содержание особого штата служащих каждого фонда страхования. Это – во-первых, а во-вторых, на практике очень часто объекты отдельных видов страхования не могут быть разграничены, например, достаточно трудно провести грань между болезнью и инвалидностью при страховании¹³⁷⁴.

Н. А. Вигдорчик, предсказывая перерождение социального страхования в государственное социальное обеспечение, рассчитывал на определенный временной интервал переходного периода, в течение которого будет реализован на практике «совершенный институт социального страхования».

Он отмечал, что социальное страхование обнимает трудящиеся массы, для которых заработная плата – единственный источник средств к существованию¹³⁷⁵. Социальными рисками признаются опасности, возникающие по причинам общественного (массового) характера. Таким образом, первый и основной признак социального риска – это его объективный, общественный (массовый) характер.

Признаками социального риска являются возможность и необходимость его учета и измерения при определении объема и дифференциации страховых взносов между участниками. Риск «известного несчастья учитывается заранее, и заранее же распределяется между всеми участниками организации связанная с этим риском материальная тяжесть»¹³⁷⁶. Право социального обеспечения гарантирует специальный механизм защиты членов об-

---

¹³⁷⁴ См.: Вигдорчик Н. А. Государственное обеспечение трудящихся. Пг., 1917. С. 36–38.

¹³⁷⁵ См.: Вигдорчик Н. А. Социальное страхование в общедоступном изложении. М., 1927. С. 10–16.

¹³⁷⁶ Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1. Пг.; М., 1919. С. 12.

щества от социальных рисков. Это то, что ученый называл «организованной взаимопомощью людей»¹³⁷⁷.

Александр Николаевич Винокуров (1869–1944). Окончил медицинский факультет Московского университета в 1894 г. Со студенческих лет он участвовал в марксистских кружках, впоследствии большевик, подвергался репрессиям царского правительства. Некоторое время он занимался частной врачебной практикой. В 1905 г. в Екатеринославе А. Н. Винокуров участвовал в организации фабрично-заводской больницы, участник Всероссийских съездов фабричных врачей в память Н. И. Пирогова (Пироговских съездов), где выступал с критикой медицинского обслуживания рабочих, российских страховых законов, пропагандировал опыт создания фабрично-заводских больниц. Участвовал в «страховой компании» 1912–1914 гг., освещал вопросы охраны труда и санитарного состояния предприятий на страницах газеты «Правда», журналов «Просвещение» и «Вопросы страхования». Один из авторов Устава больничных касс Путиловского завода. После октября 1917 г. Александр Николаевич назначается членом коллегии Народного комиссариата труда (НКТ) РСФСР по отделу страхования и председателем Совета врачебных коллегий, который формировал структуры будущего Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) РСФСР. Одновременно избирается первым председателем большевистской Петроградской городской думы. В 1918–1921 гг. нарком призрения (при нем преобразован в наркомат социального обеспечения) РСФСР, затем работал в комиссии по борьбе с голодом. Печататься начал еще в досоветский период, впоследствии один из видных теоретиков и практиков советского социального обеспечения¹³⁷⁸. В 1924–1938 гг. А. Н. Винокуров являлся Председателем Верховного Суда СССР, затем начальником отдела санитарного просвещения НКЗ СССР¹³⁷⁹.

¹³⁷⁷ См.: Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1С. 29.

¹³⁷⁸ См.: Винокуров А. Н. Новый закон о полном социальном обеспечении трудящихся. М., б. г.; Его же. Общая больничная касса и врачебная помощь. СПб., 1913; Его же. Социальное обеспечение (от капитализма к социализму) М., 1921; Его же. Труд и здоровье рабочих. Пг., 1916; Его же. Социальное обеспечение в Советской России. М., 1919 и др.

¹³⁷⁹ Винокуров А. Н. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989 (по

Нарком социального обеспечения РСФСР А. Н. Винокуров был не столько ученым, сколько государственным и политическим деятелем. Это существенно отличало его труды от исследований вышеназванного Н. А. Вигдорчика. А. Н. Винокуров наметил иной, не эволюционный, путь, а путь революционных преобразований социального обеспечения. При этом он руководствовался идеологической доктриной большевизма и о научной проработке реформ в данном случае говорить не приходится. Он писал, что прежде всего следует отказаться от старого названия «страхование», т. к. это понятие буржуазное, и заменить его правильным термином «социальное обеспечение». По его мнению, новое социалистическое понимание обеспечения предполагает изменения круга лиц имеющих право на обеспечение. Если по буржуазному страхованию, кто делал взносы и за кого делали взносы, тот и получает страховое возмещение, то Социалистическое государство встает на иную точку зрения и обеспечивает тех, кто нетрудоспособен и лишен источников существования. Он ратовал за огосударствление дела социального обеспечения и за движение по направлению к коммунистическому социальному обеспечению по потребностям¹³⁸⁰.

А. Н. Винокуров считал, что необходима дифференциация крестьянства в целях социального обеспечения. В отношении беднейшего крестьянства в будущем необходим их перевод на государственное обеспечение наравне с рабочими и служащими. Крестьяне-середняки получают помощь от крестьянских комитетов взаимопомощи на основании самообложения. Но такая форма социального обеспечения не является добровольной и носит обязательный характер¹³⁸¹.

Таким образом, в период нэпа при активном участии А. Н. Винокурова сложились три основные формы социального обеспечения: 1) социальное страхование лиц наемного труда; 2) государственно-обязательная взаимопомощь крестьянства; 3) государственное обеспечение в учреждениях социального обеспечения, учебно-профессиональных и производственных

изд. 1925–1926). С. 385–387.

¹³⁸⁰ См.: Винокуров А. Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму). М., 1921. С. 7–8; 16.

¹³⁸¹ См.: Винокуров А. Социальное обеспечение крестьян // Бюллетень Наркомата социального обеспечения. 1921. № 1. С. 10–12.

мастерских. Этот период характеризуется восстановлением обязательного социального страхования наемных работников.

Несколько слов следует сказать об *Обществе русских врачей памяти Н. И. Пирогова и проводимых им Пироговских съездах*, которые стали своеобразным инкубатором будущих отечественных специалистов в сфере права социального обеспечения. Пироговское общество возникло в 1883 г. и вскоре стало идеологическим и организационно-методическим центром общественной, прежде всего страховой, медицины. Комиссии общества по санитарной статистике и распространению гигиенических знаний вплотную соприкасались с рабочим вопросом. Общество созвало 16 съездов (1-й состоялся в 1885, последний – в 1918 г.). Число участников съезда доходило до 2500, а число докладов – до 500. Эта была своеобразная площадка, где обсуждались насущные проблемы общественной медицины¹³⁸². С начала XX в. одними из основных дискутируемых тем стали фабричная медицина, социальное страхование, профессиональная гигиена, профилактика и предотвращение профессионального травматизма и др. В этих съездах принимали участие практически все русские врачи, причастные в той или иной степени к рабочему вопросу. С большинством из них мы уже встречались на страницах этой книги: Н. А. Винокуров, Е. М. Дементьев, В. Я. Канель, А. В. Погожев¹³⁸³, Н. А. Семашко, Ф. Ф. Эрисман и др. Практически все серьезные исследования по проблемам социального страхования в дореволюционный период опирались на материалы трудов Пироговских съездов (исследования А. Г. Гойхбарга, И. И. Чистякова и др.). Отметим, что данные съезды прекратились со зыв с 1918 г., а само Общество русских врачей памяти Н. И. Пирогова перестало существовать к 1925 г.

Всеволод Николаевич Дурденевский (1889–1963) родился в Москве, в 1911 г. окончил юридический факультет Московского университета. Оставлен там же для подготовки к профессорскому званию, магистр права и приват-доцент Московского университета. Он являлся специалистом по административному и международному праву, преподавал в Пермском, Минском, Иркут-

---

¹³⁸² См.: Н. И. Пирогов и его наследие: Пироговские съезды. СПб., 1911.

¹³⁸³ См.: Погожев А. В. Фабричный быт Германии и России. СПб., 1882 и др.

ском и Свердловском государственных университетах. Ученое звание профессора ему присвоено в 1925 г., доктор юридических наук (1946 г.). В. Н. Дурденевский – крупнейший советский специалист по международному праву, с 1944 по 1961 гг. – эксперт-консультант Договорно-правового отдела МИД СССР. Он участвовал во многих международных конференциях, член Советской ассоциации международного права. Ученый являлся автором более 160 научных работ, в т. ч. 19 книг, заслуженный деятель науки РСФСР, чрезвычайный и полномочный посланник 2-го класса. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Его опыт ученого-административиста органично наложилась на повышенный интерес к социальному законодательству. Революция 1917 г., образование классового государства, последующее огосударствление всех сфер социальной жизни (образование, здравоохранение, социальное обеспечение и др.) нашли отражение в концепциях социального права как части административного права. В. Н. Дурденевский в конце 20-х гг. прошлого столетия предпринял попытку обоснования социального права как права социальной культуры¹³⁸⁴. В содержание этой отрасли он включал нормы, регулирующие государственную деятельность в области политики и организации народного образования, здравоохранения и социального обеспечения. Эту отрасль он рассматривал в качестве подвида административного права. Социальное назначение права социальной культуры определялось как регулирование отношений государственного аппарата, граждан и их организаций в круге деятельности по развитию и охране человека и его культурных достижений. На первое место выдвигалась публичная служба народного просвещения как наиболее важная и обуславливающая развитие здравоохранения и социального обеспечения.

Таким образом, он разграничивал социальное обеспечение и социальное страхование как две формы публичных служб. При этом социальное страхование, по его мнению, являлось формой преходящей, тогда как служба социального обеспечения будет сохраняться очень долго в социалистическом обществе. Его перу принадлежат емкие и точные определения этих форм. Под социальным обеспечением понималась деятельность публичной ад-

---

¹³⁸⁴ См.: Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры. М.; Л., 1929.

министрации, имеющая своей целью устранить ряд социальных опасностей, угрожающих жизни и определенному уровню существования широких кругов граждан, путем предоставления этим гражданам денежной или натуральной помощи. Социальное страхование рассматривалось как система ослабления риска, вытекающего из структуры данного общества, путем разложения этого риска на участников общественных процессов производства¹³⁸⁵. При этом В. Н. Дурденевский предрекал превращение социального страхования в социальное обеспечение, когда социальное страхование целиком перейдет в руки государства и станет социальным обеспечением. В период, современником которого был ученый, он относил социальное страхование к области трудового права, а социальное обеспечение – к административному праву.

Значительное место он уделил истории социального законодательства в России и на Западе. Констатировалось, что в России пенсии организовано начали вводиться в конце XVIII в. для военных и гражданских чиновников. По мнению В. Н. Дурденевского, эта практика была заимствована из Франции¹³⁸⁶. В фокусе внимания исследователя оказался французский Закон 1893 г. о бесплатной медицинской помощи, который обеспечивал ее оказание бедным гражданам за счет средств общин, департаментов, в отдельных случаях и государства. За счет этих же средств оплачивались услуги так называемых «врачей для бедных», а также стоимость лекарств при амбулаторном лечении. Французский Закон 1905 г. предполагал оказание бесплатной медицинской помощи лицам старше 70 лет и неизлечимым больным. В. Н. Дурденевский, современник этих законов, достаточно высоко оценил их общественную значимость¹³⁸⁷. Он подчеркивал, что специфика такой помощи заключалась в ее объекте, в качестве которого выступали бедные. Последними признавались не просто малоимущие, а те, кто не мог обеспечить себе элементарного физического существования. Соответственно, такая бедность нуждалась в проверке, а список получателей медицинских услуг – в формальном утверждении. Отсюда констатировались две характерные черты общественно-благотворительной медицины. Во-первых, это публичный благотворительный характер,

---

¹³⁸⁵ См.: Дурденевский В. Н. Указ. соч. С. 110.

¹³⁸⁶ См.: Там же. С. 101.

¹³⁸⁷ См.: Там же. С. 119–120.

ограниченность контингента получателей таких услуг в силу специфики объекта защиты и недостаточности материальных средств. Во-вторых, унижительность предоставления таких услуг, т. к. до начала XX в. они были сопряжены с лишением бедных избирательного и части гражданских прав, не говоря уже о систематических проверках нуждаемости. В данном случае уместно вести речь о социальной помощи или социальных услугах за счет средств соответствующего бюджета.

При явной лояльности советской власти В. Н. Дурденевский достаточно критично относился к некоторым ее мероприятиям. Так, после образования СССР в 1922 г. социальное обеспечение осталось в ведении союзных республик, а общесоюзного органа управления создано не было. Социальным обеспечением сначала ведали наркоматы республик, а с 1923 г. – Наркомат труда СССР. В 1926–1927 гг. в некоторых Закавказских республиках наркоматы социального обеспечения были слиты с республиканскими комиссариатами внутренних дел и комиссариатами труда. Аналогичный процесс произошел и в ряде автономных республик РСФСР. В. Н. Дурденевский оценивал эти процессы неоднозначно¹³⁸⁸ и даже скорее настороженно, вопреки официальным разъяснениям об оптимизации структуры управления.

Но уже намечались контуры постепенного замещения социального страхования государственным социальным обеспечением, тем более что в Тезисах ЦК РКП (б) о социальном страховании от 4 сентября 1922 г. оно определялось как временное отступление и с ростом промышленного производства «все эти недочеты» должны быть устранены. В конце 20-х гг. XX в. В. Н. Дурденевский писал о социальном страховании при социализме как форме переходящей, о чем говорилось выше. При этом он отмечал, что в «последнее время рабочие стали выходить из круга страхователей, так дело обстоит у нас и на том же положении настаивает передовая теория Запада». По его словам, это показывает, что «социальное страхование начинает приближаться к обеспечению... и с переходом в руки государства станет социальным обеспечением»¹³⁸⁹.

---

¹³⁸⁸ См.: Дурденевский В. Н. Указ. соч. С. 296.

¹³⁸⁹ Там же. С. 110.

Лушникова Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (ЯрГУ). Является специалистом по трудовому праву и праву социального обеспечения, автором свыше двухсот пятидесяти научных и учебно-методических публикаций, в числе которых 7 монографий (глав, разделов монографий):

Государство, работодатели и работники: история, теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: ЯрГУ, 1997. 224 с.; Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория и практика (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: ЯрГУ, 2001. 416 с. (в соавт.); Очерки трудового права. СПб.: Юридцентр пресс, 2006. 940 с.; Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М.: Проспект, 2006. 288 с. (в соавт.); Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 834 с., а также 25 учебников и учебных пособий: Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2003. 448 с.; Т. 2. М.: Проспект, 2004. 608 с. (в соавт.); Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в

соавт.); Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавт.); Курс трудового права: Учебник: В 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 879 с.; Т. 2. 1151 с. (в соавт.), Курс права социального обеспечения: Учебник. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с. (в соавт.) и др.

В сфере ее научных интересов находятся также проблемы финансового права, по которым издан ряд книг: Налоговое право. Часть общая. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 74 с.; Правовой механизм налогового планирования. Ярославль: ЯрГУ, 1999. 103 с.; Правовые основы налоговой системы: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 2000. 216 с.; Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 86 с.; Налоги юридических лиц. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 76 с. и др.

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Специалист в области теории и истории трудового права, автор свыше двухсот тридцати научных и учебно-методических публикаций, в числе которых 9 монографий (глав,

разделов монографий): Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль: ЯрГУ, 2001. 150 с.; Наука трудового права России: историко-правовой очерк в лицах и событиях. М.: Проспект, 2003. 304 с.; Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория и практика (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: ЯрГУ, 2001. 416 с. (в соавт.); Очерки трудового права. СПб.: Юридцентр пресс, 2006. 940 с.; Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М.: Проспект, 2006. 288 с. (в соавт.); Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 834 с.; а также 30 учебников

и учебных пособий: Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2003. 448 с.; Т. 2. М.: Проспект, 2004. 608 с. (в соавт.); Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавт.); Социальное партнерство в сфере труда. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавт.); Трудовое право России и зарубежных стран: Учебник. М.: Эксмо. 608 с. (в соавт.); Курс трудового права: Учебник: В 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 879 с.; Т. 2. 1151 с. (в соавт.); Курс права социального обеспечения: Учебник. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с. (в соавт.); Теория государства и права: Учебный курс. М.: Эксмо, 2009. 272 с. и др.

В сфере его научных интересов находятся общие проблемы истории науки и образования, а также военной истории России. Автором по этой проблеме издан цикл книг: Советский Союз в период Второй мировой войны Ярославль, 1993 (в соавт.); Армия, государство и общество. Ярославль, 1996; Советская военная школа в 1921–1941 гг.: социально-политические аспекты развития. Ярославль, 1997; Государственная политика России в области образования в 1861–1917 гг. Ярославль, 1999; Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.). Ярославль, 2000 и др. Является академиком Академии военно-исторических наук.

Содержание

Вместо введения: краткий очерк развития российской науки трудового права и права социального обеспечения	11
Глава 1. Все познается в сравнении: развитие науки трудового права и права социального обеспечения в странах Запада (вторая половина XIX–XX вв.)	57
1.1. Наука трудового права стран Запада в лицах (Ф. Лотмар, Г. Зинцгеймер, О. Кан-Фройнд, В. Каскель, А. Ф. Никиш, Б. Вебб, С. Вебб, К. Уэддерберн, Ж. Лион-Кан и др.)	57
1.2. Влияние западного законодательства и науки на развитие отечественной науки трудового права и права социального обеспечения	130
Глава 2. Предыстория и предтечи российской школы трудового права и права социального обеспечения	158
2.1. Первые шаги в отечественных трудовправовых исследованиях: фабричные инспектора, государственные и общественные деятели (И. И. Янжул, Е. М. Дементьев, А. Н. Быков, В. П. Литвинов-Фалинский, И. Х. Озеров, А. Ф. Федоров, Р. А. Дистерло, А. Н. Миклашевский, С. О. Загорский и др.)	158
2.2. Л. С. Таль – основатель российской школы трудового права	212
2.3. От цивилистических исследований к осмыслению правового регулирования трудовых отношений (Ю. С. Гамбаров, В. М. Гордон, А. М. Гуляев, И. А. Покровский, В. Б. Ельяшевич, А. А. Симолин, В. И. Синайский и другие)	237
2.4. У истоков российской науки сравнительного и международного трудового права (Н. Н. Кравченко и Г. Г. Швиттау)	260

2.5. Научное осмысление феномена общественного призрения и социального страхования (Ф. Г. Тернер, Н. Х. Бунге, В. Г. Яроцкий, П. И. Георгиевский, А. М. Нолькен, В. Ф. Дерюжинский, И. Я. Гурлянд, В. А. Гаген, П. И. Астров, Н. Н. Чистяков, и др.)	279
Глава 3. Становление научных школ советского трудового права и права социального обеспечения, их основатели и ученики	332
3.1. К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и влияние их учений на развитие науки трудового права и права социального обеспечения (М. Г. Лунц, В. Я. Канель, А. М. Коллонтай, Н. Н. Полянский, А. Г. Гойхбарг, В. Г. Яроцкий (А. Чекин), А. А. Карелин и др.).....	332
3.2. Я. А. Канторович, В. М. Догадов, К. М. Варшавский и ленинградская школа трудового права	382
3.3. Путешествие из Петербурга в Москву: И. С. Войтинский и московская школа трудового права (С. Л. Рабинович-Захарин, С. И. Каплун и др.)	413
3.4. Прерванный полет: ярославская школа трудового права (Н. Н. Голубев, А. В. Горбунов, Б. В. Чредин, А. В. Венедиктов, А. М. Стопани и др.)	451
3.5. От цивилистики к советскому трудовому праву (Д. М. Генкин, Е. И. Астрахан, Е. Н. Данилова, Л. Я. Гинцбург, М. И. Бару)	483
3.6. Бестужевки: вклад воспитанниц Бестужевских высших женских курсов в развитие отечественной науки трудового права (А. Е. Семенова, З. Р. Теттенборн, П. Д. Каминская)	520
3.7. Истоки советской теории права социального страхования (Н. А. Вигдорчик, А. Н. Винокуров, В. Н. Дурденевский)	542

Научное издание

**Российская школа трудового права
и права социального обеспечения:
портреты на фоне времени**
(сравнительно-правовое исследование)

Монография

Редактор, корректор М. В. Никулина
Верстка И. Н. Ивановой

Подписано в печать 07.04.10. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 35,25. Уч.-изд. л. 30,59.
Тираж 500 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском
отделе Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.
<http://www.uniyar.ac.ru>

Отпечатано

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
150049, Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.

